

NIION 2003-0059
MOSURED 77/27-003

ISSN 2073-0454 (Print)
ISSN 2782-5698 (Online)

ВЕСТНИК

Московского университета МВД России

Рекомендован Перечнем ВАК при Министерстве науки
и высшего образования Российской Федерации

20
ЛЕТ
ИЗДАНИЮ

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ)

6
2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С. А. Боголюбов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

С. С. Жевлакович,
кандидат социологических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы РФ

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

И. А. Калинин,
кандидат педагогических наук

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Л. Кубышко,
заместитель Министра внутренних дел РФ,
кандидат педагогических наук

С. С. Маляев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Румянцев,
доктор юридических наук

Д. Субошич,
кандидат юридических наук, профессор
(Республика Сербия)

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

Ю. А. Цыпкин,
доктор экономических наук, профессор

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S. A. Bogolyubov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. S. Zhevlakovich,
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

V. L. Kubyshko,
Deputy Minister of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Pedagogical Sciences

S. S. Mailyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Rumyantsev,
Doctor of Legal Sciences

D. Subošić,
PhD, Professor
(Republic of Serbia)

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu. A. Tsyarkin,
Doctor of Economic Sciences, Professor

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government of
Russia in the Field of Science and Technology,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С. В. Алексеев,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
заслуженный юрист РФ

Ю. М. Антонян,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,

доктор юридических наук, профессор

А. Р. Белкин,

доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН

Е. В. Богданов,

доктор юридических наук, профессор

С. А. Боголюбов,

доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

Г. А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

А. А. Власов,

доктор юридических наук, профессор

Т. М. Гандилов,

доктор юридических наук профессор,
заслуженный юрист России

М. М. Дикажев,

доктор юридических наук, доцент

В. В. Долинская,

доктор юридических наук, профессор

А. В. Ендольцева,

доктор юридических наук, профессор

Л. Г. Ефимова,

доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ

С. М. Зырянов,

доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванцов,

доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,

доктор юридических наук, профессор

Н. Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Р. А. Каламкьян,

доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,

доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

И. Б. Кардашова,

доктор юридических наук, профессор

LEGAL SCIENCES

S. V. Alekseev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia,
Honored Lawyer of Russia

Yu. M. Antonyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. R. Belkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS

E. V. Bogdanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

G. A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

T. M. Gandilov,

Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Lawyer of Russia

M. M. Dikazhev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

V. V. Dolinskaya,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Endoltseva,

Doctor of Legal Sciences, Professor

L. G. Efimova,

Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Prosecutor of Russia

S. M. Zyryanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Ilyina,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N. G. Kadnikov,

Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation

R. A. Kalamkaryan,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher education of Russia

I. B. Kardashova,

Doctor of Legal Sciences, Professor

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного Суда РФ (в отставке)

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. М. Никитюк,
кандидат юридических наук

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Ш. М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А. М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

A. I. Klimentko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Judge of Supreme Court of Russia (resigned)

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Levushkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher school of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. M. Nikityuk,
Candidate of Legal Sciences

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Е. Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей
школы России

Л. А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. П. Шергин,
доктор юридических наук,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

E. N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker
of Higher School of Russia

L. A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

А. Ф. Дятлова,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ECONOMIC SCIENCES

T. A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. F. Dyatlova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyuhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor
Honored Worker of Science of Russia

В. Б. Мانتусов,
доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
профессор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки РФ

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Professor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia, Honored Scientist of Russia

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Агапов,
доктор психологических наук, профессор

И. В. Грошев,
доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Енгальчев,
доктор психологических наук, профессор

А. Г. Караяни,
доктор психологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
лауреат Государственной премии РФ
им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова

В. М. Крук,
доктор психологических наук, профессор

Л. Н. Костина,
доктор психологических наук, профессор

И. Б. Лебедев,
доктор психологических наук, профессор

Л. В. Ситников,
доктор психологических наук, профессор

А. Н. Сухов,
доктор психологических наук, профессор

С. Н. Федотов,
доктор психологических наук, профессор

В. Л. Цветков,
доктор психологических наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V. S. Agapov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. V. Groshev,
Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

V. F. Engalychev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. G. Karayani,
Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Laureate of the State Prize of Russia
named after Marshal of the Soviet Union G. K. Zhukov

V. M. Kruk,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. N. Kostina,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

I. B. Lebedev,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

L. V. Sitnikov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

A. N. Suhov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

S. N. Fedotov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

V. L. Tsvetkov,
Doctor of Psychological Sciences, Professor

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

В. А. Волох,
доктор политических наук, профессор
почетный работник ФМС России

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. A. Volokh,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honorary Employee of the FMS of Russia

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства
РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ

Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 499 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. А. Вяхирева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка:
А. П. Яковлев

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации
№ 77-14723

Индекс по каталогу Агентство
«Урал-Пресс Округ» — 84629

Подписано в печать 15.12.2023 г.
Цена договорная

Адрес редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
<https://vk.com/mosumvd.official>

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 6 • 2023

КАЛИНИЧЕНКО И. А., ЗИБОРОВ О. В., ГАСАНОВ К. К.,
АРТАМОНОВ Ю. А., САВИЦКИЙ В. Ю. Содержание
воспитательного процесса в контексте реализации образовательных
программ высшего образования. Часть 4. Социокультурное
пространство образовательного процесса Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя. Внутренний контур.....12

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки
Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Частноправовые (цивилистические) науки
Уголовно-правовые науки
Международно-правовые науки

АНТОНЯН Е. А., КЛЕЩИН Е. Н. Современное состояние,
детерминанты и проблемы предупреждения преступлений,
посягающих на биоресурсы 20

БАКАНОВ К. С., ИСАЕВ М. М. Одновременное применение
к перевозчику нескольких мер ответственности за нарушение
требований по обеспечению безопасности дорожного движения.....26

БАТЮКОВА В. Е. Современная уголовно-правовая политика
в сфере налоговых преступлений 32

БЕЖЕНЦЕВ А. А. Государственно-служебные отношения
в сфере обеспечения внутренней безопасности: основные черты.....35

БЕЛОУСОВА И. В. Некоторые вопросы формирования
процессуального статуса лица, в отношении которого ведется
производство о применении принудительных мер медицинского
характера 40

БОУЛ Д. В. Публичные договоры как способ регулирования
правоотношений в сфере расчетов (на примере Системы быстрых
платежей) 44

БУРМИСТРОВА А. А. Провокация преступления
в законодательстве Российской Федерации 48

ВОЛКОВ Д. Ю., КРЕМЛЕВ М. В., ВАСЮКОВ В. Ф. Принцип
однократного ввода информации в процессе администрирования
и организации деятельности эксперта.....53

ВОЛЫНСКАЯ О. В., ТУТЫНИН И. Б. Наследие научной школы
кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя в создании модели систем познания, эффективной
практики и воспитания в рамках преподаваемых дисциплин 57

ГАДЖИАЛИЕВА Н. Ш. К вопросу об отмене заочного решения
по заявлению ответчика 62

ГАФУРОВ Р. Х. Об оперативно-розыскной деятельности
подразделений собственной безопасности органов внутренних
дел Российской Федерации 66

ГОГИТИДЗЕ Д. А. Принцип уважения в праве через призму
правосознания общества 71

ГРЯЗНОВА Т. Е. Методологические проблемы российской
юридической науки конца XIX – начала XX вв. 75

ДАВИДОВ Д. С. Идеологический элемент
механизма правового регулирования 81

ДУБРОВИН С. В., ГЛУШКОВ А. И., КАЗАНЦЕВ С. Я.,
ДУБРОВИН И. С. Основы теории криминалистической
валиднофикации 85

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.
Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная.
Тираж 1500 экз.
(1-й завод — 300).

Заказ № 59

**Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

ЗАРИНА А. М. Проблемы эффективности действия региональных законов в Российской Федерации: практический аспект	91
ЗОЛОТУХИН Н. А. Актуальные проблемы получения доказательств на этапе окончания предварительного следствия	94
ЗУБАЧ А. В., БЛОХИНОВА Е. А. Совершенствование правового регулирования предупреждения домашнего насилия как фактора формирования агрессивного поведения подростков	98
ИВАНОВ Д. А., МОСКОВЦЕВА К. А., СКАЧКО А. В. Понятие и значение процессуального контроля в досудебном уголовном судопроизводстве	102
ИВАНЦОВ С. В., БОРИСОВ С. В. Актуальные вопросы уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа	109
КАЙНОВ В. И. Ответственность государственных служащих за совершение правонарушений коррупционного характера	116
КАЛАМКАРЯН Р. А., МИГАЧЁВА Е. В. Добросовестное соблюдение международных договорных обязательств как юридическое составляющее современного международного миропорядка	126
КАЛИНИН В. Н. Изменения конституционной регламентации судебной власти в Российской Федерации	131
КАРДАШЕВСКАЯ М. В. Развитие методов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов рук с учетом современных достижений науки и техники	139
КОВШЕВАЦКИЙ В. И., МАРКИНА Э. В. Особенности привлечения к административной ответственности должностных лиц	142
КОННОВ В. А. Проблемы функционирования межгосударственных органов по правам человека в условиях геополитических изменений	145
КОНСТАНТИНОВ А. В., МИХАЙЛЕНКО Н. В., ВИХЛЯЕВ А. А. Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике беспризорности, безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних	150
КУЗЬМИН Н. А., ИВАНЮШИН Д. В. К вопросу о способах совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий	154
КУЛИКОВ А. В., ЖЕЛЕЗНЯК И. Ю. Неконтролируемые финансовые потоки, связанные с незаконным оборотом наркотиков, как способ сокрытия преступной деятельности	159
КУРБАТОВА О. В., САКУЛИНА Л. Л., ЗВЕЗДКИНА А. С. Возбуждение дела по административно-деликтному законодательству Российской Федерации и государств – участников СНГ: структура стадии	164
КУТУЕВ Э. К., ЧАБУКИАНИ О. А. Правоприменение сотрудниками уголовно-исполнительной системы возложенных судом запретов и ограничений в отношении подозреваемых и обвиняемых: вопросы теории и практики	170
МАЛАХОВ В. П. Системность как свойство права	176
МЕЛЬНИКОВА С. В. О применении института планирования в системе мер противодействия незаконной миграции	181
МИХАЙЛОВА Н. В., ЯЦКОВА А. П. Дворянский конституционализм в контексте развития российской государственности в XVIII в.	186
МОЛЧАНОВА Т. В. Статистико-географические особенности преступлений в сфере экономической деятельности	190
НЕСТЕРОВ Е. А. Инструменты развития правосознания работников транспорта: традиции и современность	196
ПОПУГАЕВ Ю. И., СТРУКОВ В. А. О концепции совершенствования административной деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений	201
РЕПЬЕВ А. Г. Правосознание субъектов со специальным правовым статусом	205

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

СААКОВА С. А. Заключение специалиста-почерковеда в уголовном судопроизводстве: правовая природа и тенденции дальнейшего развития.....	210
САМОЙЛОВА А. К. Генезис частноправового регулирования правоотношений, возникающих с использованием площадок-агрегаторов информации	218
САУДАХАНОВ М. В. Конституционный принцип социальной солидарности в аспекте консолидации российского общества и государства.....	225
СИМОНЕНКО А. В. Совершенствование предупредительной практики в системе противодействия наркопреступности и наркотизации населения	229
СТОЛБОВА Н. А. Способ совершения преступлений как основной элемент криминалистической характеристики незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.....	234
ФЕДОРОВА И. В., КАЛИНИНА С. В., САМОХВАЛОВ В. В. Особенности административной деятельности полиции в сфере обеспечения информационной безопасности	238
ЧЕРВОНЮК В. И. Электоральные споры: порядок разрешения (страноведческий и сравнительно-правовой анализ)	243
ЧИРКАЕВ С. А. Роль юридического приоритета в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и реализации национальных интересов	249
ЧУЛАХОВ В. Н. Виртуальная реальность в изучении криминалистики	254
ШИШКОВ А. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих	258

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Региональная и отраслевая экономика
Финансы*

КОЛЕСНИКОВА Е. Н. Бухгалтерский учет электронных денежных средств и цифровых валют: нормативно-правовые аспекты	263
КОСОВ М. Е. Региональная финансовая интеграция в современных условиях.....	268
ПЕТРОВСКИЙ М. В. Трансформация угроз экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях	275
СТАРОВЕРОВА О. В. Современные тенденции в бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политике Российской Федерации.....	281
ЭРИАШВИЛИ Н. Д., ЕЛИЗАРОВА В. В. Инфляция и современная Россия	287

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая психология, психология личности, история психологии

ЖЕВЛАКОВИЧ С. С. Единство и борьба противоположностей? Из практики реализации государственно-общественного принципа управления системой образования	292
КОВАЛЬЧУК И. А., СОКОЛОВ Д. В., ФЕДОТОВ С. Н. Специфика психологического сопровождения сотрудников УИС, состоящих в группе повышенного внимания.....	300
КОСТИНА Е. В. Динамика ценностей, жизненных планов и способов самопомощи в ценностно-мотивационной сфере личности обучающихся образовательных организаций МВД России	308
МИРОНЕНКОВА О. В. Возможности применения интерактивных методов обучения в процессе дополнительной профессиональной подготовки сотрудников Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей	318
СУХОВ А. Н. Еще раз о социальной модернизации	323

FOUNDER:

Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific Editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation
in the field of a science and technics,
Winner of the Award of the
Government of Russia in the field
of Education, Doctor of Economic
Sciences, Candidate of Legal
Sciences, Candidate of Historical
Sciences, Professor, Honorary
Worker of Education of Russia*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. A. Vyakhireva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout:
A. P. Yakovlev

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications of the Russian
Federation.

The certificate of registration
№77-14723

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» — 84629

It is sent for the press 15.12.2023
Contractual price

Editorial Staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 628-57-16
vestnik.mosu.mvd@mail.ru
https://vk.com/mosumvd.official

BULLETIN

OF THE MOSCOW UNIVERSITY

OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

OF RUSSIA

Contents № 6 • 2023

**KALINICHENKO I. A., ZIBOROV O. V., GASANOV K. K.,
ARTAMONOV YU. A., SAVITSKY V. YU.** The content of the educational
process in the context of the implementation of educational programs of higher
education. Part 4. Sociocultural space of the educational process of the Moscow
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot'. Internal contour 12

JURISPRUDENCE

Theoretical and historical legal sciences
Public law (state law) sciences
Private law (civilistic) sciences
Criminal law sciences
International law sciences

ANTONYAN E. A., KLESHCHINA E. N. The current state,
determinants and problems of preventing crimes encroaching
on biological resources 20
BAKANOV K. S., ISAEV M. M. Simultaneous application to a carrier
of several measures of liability for violation of road safety requirements 26
BATYUKOVA V. E. Modern criminal law policy in the field of tax crimes ... 32
BEZHENTSEV A. A. State-service relations in the sphere
of ensuring internal security: main features 35
BELOUSOVA I. V. Some issues of formation of the procedural status
of a person in respect of whom proceedings on the application
of compulsory measures of medical nature are being conducted 40
BOUL D. V. Public contracts as a way to regulate legal relations in
the sector of settlements (based on the example of the Fast payment system) 44
BURMISTROVA A. A. Provocation of crime in the legislation
of the Russian Federation 48
VOLKOV D. YU., KREMLEV M. V., VASYUKOV V. F.
The principle of one-time input of information in the process
of administering and organizing the activities of an expert 53
VOLYNSKAYA O. V., TUTYNIN I. B. The legacy of the scientific
school of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'
in creating a model of cognition systems, effective practice
and education within the framework of the disciplines taught 57
GADZHIALIEVA N. SH. On the issue of canceling
the default decision on the application of the defendant 62
GAFUROV R. KH. On operational and investigative activities
of the internal security units of the internal affairs bodies
of the Russian Federation 66
GOGITIDZE D. A. The principle of respect in law through
the prism of legal consciousness of society 71
GRYAZNOVA T. E. Methodological problems
of the Russian legal science of the late XIX – early XX centuries 75
DAVIDOV D. S. Ideological element of the mechanism of legal regulation 81
DUBROVIN S. V., GLUSHKOV A. I., KAZANTSEV S. YA.,
DUBROVIN I. S. Basics of the forensic validation theory 85

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials of the Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia the reference to the journal is obligatory.

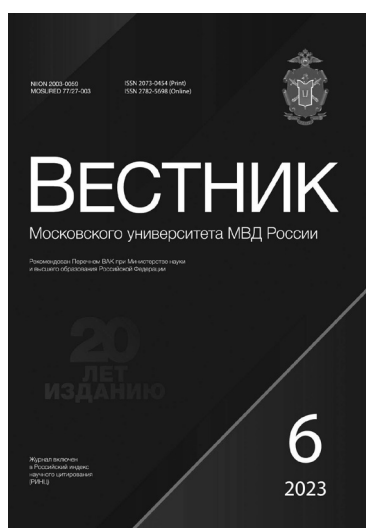
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

**Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch—300)**

Order № 59

**Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after
V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12**

ZARINA A. M. Problems of the effectiveness of regional laws in the Russian Federation: a practical aspect	91
ZOLOTUKHIN N. A. Actual problems of obtaining evidence at the stage of completion of the preliminary investigation.....	94
ZUBACH A. V., BLOKHINOVA E. A. Improvement of legal regulation of prevention of domestic violence as a factor in the formation of aggressive behavior of adolescents	98
IVANOV D. A., MOSKOVTSOVA K. A., SKACHKO A. V. The concept and meaning of procedural control in pre-trial criminal proceedings	102
IVANTSOV S. V., BORISOV S. V. Topical issues of criminal liability for encroachment on the life of a law enforcement officer	109
KAIYNOV V. I. Liability of civil servants for corruption offenses.....	116
KALAMKARYAN R. A., MIGACHEVA E. V. Good faith compliance with international treaty obligations as a legal component of the modern international world order	126
KALININ V. N. Changes in the constitutional regulation of the judiciary in the Russian Federation	131
KARDASHEVSKAYA M. V. Development of methods and means of detecting, fixing, removing and examining handprints, taking into account modern achievements of science and technology.....	139
KOVSEVATSKY V. I., MARKINA E. V. Features of bringing officials to administrative responsibility.....	142
KONNOV V. A. Problems of functioning of interstate human rights bodies in the context of geopolitical changes	145
KONSTANTINOV A. V., MIKHAYLENKO N. V., VIKHLYAEV A. A. Provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to internal affairs bodies in the prevention of homelessness, neglect and delinquency among minors.....	150
KUZMIN N. A., IVANYUSHIN D. V. On the issue of methods of committing thefts using information and telecommunication technologies	154
KULIKOV A. V., ZHELEZNYAK I. YU. Uncontrolled financial flows related to drug trafficking as a way to conceal criminal activity.....	159
KURBATOVA O. V., SAKULINA L. L., ZVEZDKINA A. S. Initiation of proceedings under the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS Member States: the structure of the stage.....	164
KUTUEV E. K., CHABUKIANI O. A. Enforcement by employees of the penal enforcement system of prohibitions and restrictions imposed by the court against suspects and accused: questions of theory and practice	170
MALAKHOV V. P. Consistency as a property of law.....	176
MELNIKOVA S. V. On the application of the Institute of planning in the system of measures to combat illegal migration.....	181
MIKHAILOVA N. V., YATSKOVA A. P. Noble constitutionalism in the context of the development of Russian statehood in XVIII	186
MOLCHANOVA T. V. Statistical and geographical features of crimes in the sphere of economic activity	190
NESTEROV E. A. Tools for the development of legal consciousness of transport workers: traditions and modernity	196
POPUGAEV YU. I., STRUKOV V. A. About the concept of improving the administrative activities of the district police commissioner for the prevention of offenses in the field of family and household relations	201
REPEV A. G. Legal knowledge of subjects with special legal status.....	205

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences should be published.

Zip Code at the List of the Agency "Ural-Press Okrug" 84629, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

SAAKOVA S. A. Conclusion of a handwriting specialist in criminal proceedings: legal nature and trends of further development	210
SAMOYLOVA A. K. Genesis of private legal regulation of legal relations arising from the use of information aggregation sites	218
SAUDAKHANOV M. V. The constitutional principle of social solidarity in the aspect of consolidation of Russian society and the state	225
SIMONENKO A. V. Improving preventive practices in the system of countering drug crime and drug addiction of the population	229
STOLBOVA N. A. The method of committing crimes as the main element of the criminalistic characteristics of illegal arms trafficking using information and telecommunication networks including the Internet	234
FEDOROVA I. V., KALININA S. V., SAMOKHVALOV V. V. Features of administrative activities of the police in the field of information security	238
CHERVONYUK V. I. Electoral disputes: the procedure for resolution (regional and comparative legal analysis)	243
CHIRKAEV S. A. The role of legal priority in ensuring the national security of the Russian Federation and the realization of national interests	249
CHULAKHOV V. N. Virtual reality in the study of criminology	254
SHISHKOV A. A. Exemption from criminal liability and punishment of military personnel	258

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economics

Finance

KOLESNIKOVA E. N. Accounting of electronic money and digital currencies: regulatory aspects.....	263
KOSOV M. E. Regional financial integration in modern conditions.....	268
PETROVSKY M. V. Transformation of threats to the economic security of the Russian Federation in modern conditions.....	275
STAROVEROVA O. V. Current trends in the budget, tax and customs tariff policy of the Russian Federation.....	281
ERIASHVILI N. D., ELIZAROVA V. V. Inflation and modern Russia.....	287

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

General psychology, personality psychology, history of psychology

ZHEVLAKOVICH S. S. Unity and struggle of opposites? From the practice of implementation of the state-public principle of education system management.....	292
KOVALCHUK I. A., SOKOLOV D. V., FEDOTOV S. N. Specifics of psychological support of penal correctional system employees in the group of increased attention	300
KOSTINA E. V. Dynamics of values, life plans and ways of self-help in the value-motivational sphere of the personality of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	308
MIRONENKOVA O. L. The possibilities of using interactive teaching methods in the process of additional professional training of employees of the Temporary Detention Center for Juvenile Offenders.....	318
SUKHOV A. N. Once again about social modernization.....	323

Научная статья
УДК 34:37.022:159
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-12-19>
EDN: <https://elibrary.ru/frpujp>
НИОН: 2003-0059-6/23-826
MOSURED: 77/27-003-2023-06-025

**Содержание воспитательного процесса
в контексте реализации образовательных
программ высшего образования.**

Часть 4.

**Социокультурное пространство образовательного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.
Внутренний контур**

**Игорь Александрович Калининченко¹, Олег Валентинович Зиборов², Карим Кадырович Гасанов³,
Юрий Александрович Артамонов⁴, Виталий Юрьевич Савицкий⁵**

^{1,2,3,4,5} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, support_mosu@mvd.ru

Аннотация. Раскрыта актуальность и представлены преимущества инновационных методик в воспитательной работе с курсантами и слушателями Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Глубоко анализируется понятие «социокультурная среда», исходя из существующей практики; прослеживается, как оно раскрывается и реализуется в рамках университетского пространства. Акцентируется внимание на критической важности ресурсного обеспечения, формирования подходящей воспитательной и социокультурной атмосферы, а также внедрения современных технологических решений в учебный процесс. Эффективная координация действий различных структурных подразделений университета рассматривается как ключевой элемент успешной реализации рабочих программ и стратегий воспитания.

Ключевые слова: воспитательная работа, социокультурная среда, учебно-воспитательный процесс, нравственное воспитание, ценности, моральные нормы, профессиональный выбор, профессиональное развитие

Для цитирования: Калининченко И. А., Зиборов О. В., Гасанов К. К., Артамонов Ю. А., Савицкий В. Ю. Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 4. Социокультурное пространство образовательного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Внутренний контур // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 12–19. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-12-19>. EDN: FRPUJP.

Original article

**The content of the educational process
in the context of the implementation
of educational programs of higher education.**

Part 4.

**Sociocultural space of the educational process
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot'. Internal contour**

Igor A. Kalinichenko¹, Oleg V. Ziborov², Karim K. Gasanov³, Yury A. Artamonov⁴, Vitaly Yu. Savitsky⁵

^{1,2,3,4,5} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The relevance and advantages of innovative methods in educational work with cadets and students of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' are revealed. The concept of «socio-cultural environment» is deeply analyzed, based on existing practice; it is traced how it is revealed and implemented within the university space. Attention is focused on the critical importance of resource provision, the formation of a suitable educational and socio-cultural atmosphere, as well as the introduction of modern technological solutions in the educational process. Effective coordination of the actions of various structural units of the university is considered as a key element of the successful implementation of work programs and educational strategies.

Keywords: educational work, socio-cultural environment, educational process, moral education, values, moral norms, professional choice, professional development

For citation: Kalinichenko I. A., Ziborov O. V., Gasanov K. K., Artamonov Yu. A., Savitsky V. Yu. The content of the educational process in the context of the implementation of educational programs of higher education. Part 4. Sociocultural space of the educational process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'. Internal contour. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):12–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-12-19>. EDN: FRPUJP.

Современное образование, направленное на формирование общекультурных и профессиональных компетенций обучающегося, на всестороннее развитие его личности, невозможно без правильной организации той среды, в которой происходит процесс обучения и воспитания. В современной социологии сформировался достаточно устойчивый термин «социокультурная среда», подразумевающий макросреду, в которой действуют социально обусловленные факторы и закономерности [1, с. 13]. В рамках такой среды, представляющей собой совокупность материальных и духовных условий, происходит формирование и реализация личности. Период обучения в высшем учебном заведении, как правило, приходится на возраст активного взросления и становления ценностного сознания молодого человека, его нравственных и профессиональных качеств. Поэтому социокультурная среда вуза становится важным, во многом определяющим, фактором личностного роста и эффективности решения образовательных (учебных и воспитательных) задач.

Под социокультурной средой высшего учебного заведения следует понимать «пространство совместной жизнедеятельности студентов, преподавателей, сотрудников университета, обеспечивающее освоение культуры, выбор ценностей, жизненных смыслов, формирование профессиональных компетенций» [2]. Социокультурная образовательная среда – это многогранное явление, включающее в себя как материальные, так и духовные компоненты. К ним можно отнести систему базовых ценностей, на основе которой строится образовательный процесс, содержание учебных программ и занятий, воспитательная работа, научно-исследовательская и досуговая деятельность, управление, эстетическое пространство и материально-предметный мир образовательного учреждения [3, с. 7–8]. Материальными компонентами социокультурной среды выступают также и архитектурные сооружения, в которых располагаются учебные аудитории, памятники истории и культуры на территории вуза.

Категория «социокультурная среда» тесно связана с категорией «социокультурное пространство». Социокультурная среда фактически заполняет социокультурное пространство. При этом можно выделить как *внутреннее социокультурное пространство* учебного заведения, в рамках которого осуществляется его непосредственная образовательная и воспитательная деятельность, так и *внешнее социокультурное пространство*, которое также может быть использовано в целях образования и воспитания обучающихся.

Образовательное социокультурное пространство призвано способствовать перспективному развитию учебного заведения, формировать позитивный настрой обучающихся на будущую профессиональную деятельность, выступать инструментом утверждения ценностей и моделей поведения всех участников образовательного процесса, обеспечивать условия самореализации личности и способствовать ее адаптации к социальным изменениям [4, с. 6].

На современном этапе развития российского общества, в условиях жесточайшего противостояния нашей страны с так называемым «коллективным Западом», когда возникла реальная угроза государственному суверенитету и национальной идентичности, на первое место выходит задача защиты базовых духовно-нравственных традиционных ценностей, лежащих в основе отечественной цивилизации.

Под традиционными ценностями «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденные Указом Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г., понимают «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом

и культурном развитии многонационального народа России» [5].

Патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России – вот необходимые условия для укрепления суверенитета нашей страны, обеспечения многонационального и многоконфессионального единства нашего народа.

В этих условиях одной из первоочередных задач образовательного и воспитательного процессов российского вуза должно стать «воспитание в духе уважения к традиционным ценностям» [5]. Организация социокультурного пространства учебного заведения призвана максимально эффективно способствовать ее выполнению.

В Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя (далее – Университет) сделано многое для того, чтобы социокультурное пространство вуза в полной мере соответствовало современным реалиям.

Университет был создан 14 июня 2002 г. на основании Постановления Правительства Российской Федерации от № 418 «О создании Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации» путем реорганизации и объединения трех вузов МВД России: Московской академии МВД Российской Федерации, Юридического института МВД Российской Федерации и Московского института МВД России. В 2008 г. в состав Университета вошла Московская средняя специальная школа милиции МВД России, а в 2011 г. – Академия экономической безопасности МВД России.

Таким образом, социокультурное пространство Университета представляет собой органичный сплав социокультурных пространств тех ведомственных образовательных учреждений, которые сформировали его структуру. Их история, традиции, научный и педагогический потенциал, здания и памятники стали неотъемлемой частью современного социокультурного пространства Университета.

История основной площадки Университета, находящейся по адресу Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; началась в 1975 г., когда здесь была образована Московская высшая школа милиции Министерства внутренних дел СССР, ставшая флагманом милицейского образования страны. В 1995 г. Московская высшая школа МВД России была преобразована в Московский юридический институт. 29 ноября 1999 г. Московский юридический институт МВД России был реорганизован в Московскую академию МВД России.

Большое внимание в Университете уделялось и уделяется развитию историко-культурного пространства. Так, в июне 2007 г. на территории Университета был открыт памятник «Солдату правопорядка», сим-

болизирующий героизм и благородство профессии сотрудника органов внутренних дел России. Автором памятника стал народный художник России, вице-президент Российской академии художеств, профессор, руководитель Студии художников МВД России имени В.В. Верещагина Анатолий Андреевич Бичуков [6, с. 26].

В октябре 2015 г. в Университете состоялась торжественная церемония открытия бюста основателя и первого начальника нашего вуза – заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора юридических наук, доктора педагогических наук, профессора, генерал-лейтенанта милиции Владимира Яковлевича Кикотя. Будучи высококвалифицированным специалистом в области образования и науки, В.Я. Кикоть заложил основы развития вуза, уделяя особое внимание подбору научных и научно-педагогических кадров, формированию работоспособных коллективов подразделений Университета, разработке и внедрению современных средств подготовки специалистов для органов внутренних дел. Как отмечал заместитель министра внутренних дел Российской Федерации генерал-лейтенант полиции Владимир Леонидович Кубышко, «для значительной части своего окружения Владимир Яковлевич был не только руководителем, но и талантливым ученым, учителем, лидером вузовского научного сообщества, добросовестно вошедшим в мир науки своим трудом, пройдя практически все ступени развития: от преподавателя до начальника университета, от соискательства до двух докторских степеней» [7, с. 58]. Память и заслуги В.Я. Кикотя были отмечены государством, в 2014 г. Университету Указом Президента Российской Федерации № 566 присвоено имя его первого начальника [8].

Важным элементом социокультурного пространства Университета, расположенным на нашей центральной площадке, является Доска почета. В соответствии с Положением о Доске почета Университета, на нее заносятся фамилии лучших сотрудников и работников Университета, добросовестно выполняющих служебные обязанности и достигших высоких результатов в служебной деятельности, прослуживших или проработавших в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации не менее пяти лет и не менее трех лет в Университете. Занесение на Доску почета Университета можно рассматривать не только как форму поощрения его сотрудников, но и как профессиональный и нравственный ориентир для курсантов нашего вуза. То же можно сказать и о досках почета, расположенных в местах дислокации институтов и факультетов Университета, куда заносятся фамилии лучших курсантов.

Юридический институт МВД Российской Федерации, вошедший в 2002 г. в Университет, несомненно, имеет право вести свою историю с Центральной Школы Рабоче-крестьянской милиции и ее наследницы – Высшей школы МВД СССР. Еще в 30-е гг. XX в.

в стенах бывшего Ивановского женского монастыря начинается подготовка кадров для советской милиции. С 1934 г. Центральная Высшая школа Рабоче-крестьянской милиции превращается во всесоюзную «кузницу кадров», осуществляя профессиональную подготовку сотрудников НКВД СССР.

Постановлением Совета Министров РФ от 20 июля 1993 г. № 687 Юридический институт МВД Российской Федерации был образован как многопрофильное учебное заведение по подготовке специалистов с высшим юридическим образованием для служб и подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Юридический институт продолжил традиции Высшей школы МВД СССР и Высшей юридической заочной школы МВД Российской Федерации, став научно-методическим центром в области заочного обучения сотрудников и работников органов внутренних дел. К началу 2000-х гг. Юридический институт МВД Российской Федерации оказался самым крупным учебным заведением в системе МВД России. В своем составе он имел 13 филиалов и факультетов в разных регионах нашей необъятной Родины (вплоть до Дальнего Востока), в которых обучалось более 24 тыс. слушателей и курсантов.

Но пространство площадки Университета по адресу: Москва, ул. Малый Ивановский переулок, д. 2, где теперь размещается факультет заочного обучения, знаменито не только своими многолетними традициями профессионального образования сотрудников отечественных органов внутренних дел. На фасаде здания размещается памятная доска с надписью: «В этом здании в октябре 1941 года был сформирован истребительный мотострелковый полк УНКВД г. Москвы и Московской области, героически сражавшийся с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага, на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Стены школы милиции стали временным «домом» для бойцов истребительного полка в начале Великой Отечественной войны. Здесь они отдыхали, разрабатывали детали и готовились к проведению новых операций против немецко-фашистских захватчиков. Память об этой славной странице истории отечественных органов внутренних дел хранит и монументальная стела в виде устремленного в небо меча с надписью: «Вечная слава партизанам и воинам – сотрудникам органов внутренних дел, погибшим в боях под Москвой 1941–1942 гг.».

Изучение славного пути истребительного мотострелкового полка УНКВД г. Москвы и Московской области является частью образовательного процесса – преподавания учебной дисциплины «История органов внутренних дел». А использование при этом социокультурного пространства факультета помогает обучающимся лучше осознать определенную «сакральность» данного места, способствует формированию у них исторической памяти и чувства преемственности поколений, патриотизма и верности долгу.

Московская специальная средняя школа мили-

ции МВД России (далее – МССШМ), вошедшая в состав Университета в 2008 г., являлась одним из самых крупных ведомственных учебных заведений среднего профессионального образования в Советском Союзе, а затем и в Российской Федерации. МССШМ имела многолетнюю богатую историю, являясь старейшим учебным заведением в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (СССР). История школы милиции началась еще в 1918 г. Именно тогда в Москве впервые распахнула свои двери школа командного состава милиции, которая спустя 30 лет стала Высшей офицерской школой МВД СССР. В 1953 г. она поменяла свое название на Московскую школу подготовки начального состава милиции МВД СССР. А имя МССШМ МВД СССР получила по распоряжению Совета Министров СССР в 1955 г.

За годы своего существования школа выпустила порядка 60 тысяч специалистов для органов внутренних дел страны. Тысячи воспитанников школы награждены орденами и медалями, среди них 8 Героев Советского Союза и России. Есть и те, кто поднялся по служебной лестнице до высокого генеральского звания.

Сейчас в ее стенах находится Институт подготовки сотрудников для органов предварительного расследования. Социокультурное пространство Института сейчас – это не только современные учебные аудитории, полигоны и спортзалы. Это и территория памяти. У центрального входа каждого пришедшего сюда встречают две памятные доски на фасаде здания, символизирующие преемственность поколений Героев.

На одной – имена четырех Героев Советского Союза: Василенко Константина Петровича, Кирика Ивана Васильевича, Чиликина Ивана Петровича, Шурпенко Дмитрия Васильевича, получавших специальное образование в здании школы милиции в суровые предвоенные и послевоенные годы. Призванные в армию из милиции, они совершили свои подвиги на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

На другой памятной доске – имена четырех Героев России, выпускников конца XX в.: Адамишина Виктора Михайловича, Маврина Александра Ивановича, Селезнева Александра Анатольевича, Сниткина Сергея Владимировича, удостоенных высокого звания за героическую деятельность по поддержанию порядка в относительно мирное время. Они достойно приняли эстафету подвига у своих старших товарищей.

На занятиях и в ходе воспитательной работы курсанты знакомятся с биографиями героев, обсуждают их поступки, вникают в мотивацию. Живая история подвига проходит перед их глазами; однажды узнав, ее невозможно забыть.

Каждая площадка Университета вносит свой вклад в формирование и развитие социокультурного пространства вуза, направленного на совершенствование образовательного и воспитательного процесса.

Еще одна интересная форма организации социокультурного пространства Университета – создание

мемориальных аудиторий, посвященных выдающимся деятелям отечественной науки и правоохранительных органов нашей страны.

Одна из таких аудиторий носит имя основателя и первого руководителя Университета генерал-лейтенанта милиции Владимира Яковлевича Кикотя. По сути, эта аудитория является еще одним способом увековечивания его памяти.

Мемориальная аудитория на факультете подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции посвящена первому начальнику Московской высшей школы милиции МВД СССР генерал-майору милиции Солопанову Юлиану Владимировичу. По воспоминаниям своих соратников, он «внес большой вклад в становление и развитие вуза, на плечах которого в последующие годы была основана сначала Академия, а потом ныне действующий Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» [9, с. 11].

Аудитория международно-правового факультета Университета носит имя выдающегося отечественного правоведа – Всеволода Михайловича Курицына. Один из основных специалистов в области истории государства и права России, он долгое время был начальником кафедры государственно-правовых дисциплин Московской высшей школы милиции МВД СССР.

Подобные мемориальные аудитории создаются и на других площадках Университета.

Такие помещения являются не просто мемориальными комнатами, рассказывающими о жизненном пути и профессиональных заслугах человека; это полноценные учебные аудитории, в стенах которых постоянно занимаются курсанты и слушатели вуза. Обстановка и «атмосфера» такой мемориальной аудитории направлена на формирование у обучающихся чувства сопричастности и гордости как за свое учебное заведение, так и за всю систему отечественных органов внутренних дел, на службу в которую они пришли. Информация стендов, которые находятся перед глазами курсантов, должна стимулировать их служебную, творческую, учебную, научно-исследовательскую активность.

Научное и педагогическое сообщество Университета чрезвычайно богато учеными, внесшими значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки. Так что создание новых мемориальных аудиторий видится достаточно перспективным направлением развития социокультурного пространства Университета.

Неотъемлемой частью социокультурного пространства Университета является его Музейно-выставочный комплекс. Формирование единого университетского музейного социокультурного пространства началось сразу же с момента создания Университета, с 2002 года.

В соответствии с Положением о Музейно-выставочном комплексе Университета, он является базой для патриотического и профессионально-нравствен-

ного воспитания. Этот Комплекс реализует чрезвычайно важные цели, органично связанные с образовательным и воспитательным процессом. В первую очередь, это формирование и развитие у переменного и постоянного состава Университета государственно-патриотического мировоззрения, гражданских, нравственных, духовных и иных профессионально значимых качеств личности, обусловленных требованиями государства и общества к образу сотрудника органов внутренних дел; формирование у курсантов и слушателей осознанной готовности к защите граждан и государства, верности патриотическому и служебному долгу, чувства гордости и ответственности за службу в органах внутренних дел; приобщение к истории российской полиции/милиции, МВД России и Университета как действенного средства адаптации курсантов и слушателей к учебной и служебной деятельности, формированию у них мотивации на дальнейшую службу в органах внутренних дел.

Деятельность Музейно-выставочного комплекса Университета строится на приоритете традиционных российских национальных и духовно-нравственных ценностей: государственности, патриотизма, верности служебному долгу, чести и достоинства, готовности защищать интересы граждан и государства.

Формирование Музейно-выставочного комплекса как части социокультурного пространства Университета осуществлялось в процессе объединения музейных экспозиций ведомственных вузов, вошедших в его состав. Традиции и особенности организации музейной работы стали частью общеуниверситетского музейного дела.

На современном этапе развития университетского Музейно-выставочного комплекса продолжается традиция активного привлечения сотрудников и курсантов вуза к пополнению его коллекции. Музейные фонды формируются и пополняются историческими памятниками, поступающими из органов, подразделений, учреждений системы МВД России, архивов, редакций газет и журналов, от ветеранов органов внутренних дел и их семей.

Сейчас Музейно-выставочный комплекс включает в себя «Зал истории Университета», «Зал славы и традиций», «Зал истории российской полиции», Зал «Калашников», Актовый зал.

И это не только витрины. Это фото- и видеоматериалы, облачное хранилище, экспозиционные виртуальные ресурсы, которые демонстрируются на видеостенах и плазменной панели, библиотечные ресурсы историко-патриотической направленности.

Музейно-выставочный комплекс приспособлен и активно используется профессорско-преподавательским составом Университета в проведении учебных занятий. Так, занятие по учебной дисциплине «История органов внутренних дел» с курсантами проводится в Зале истории российской полиции. При этом используются формы и методы, способствующие ак-

тивизации образовательной деятельности, которые позволяют обучающимся самим побыть в роли экскурсовода: предварительно витрины экспозиции распределяются между курсантами, самостоятельно готовящими развернутые рассказы о ее экспонатах.

Кроме этого, площадки Музейно-выставочного комплекса регулярно используются для организации и проведения тематических выставок, презентаций, представительских мероприятий, приуроченных к значительным событиям в истории России, отечественных органов внутренних дел, Университета. Например, в период празднования 20-летия образования Университета здесь была развернута выставка художественных работ курсантов и слушателей, посвященных этой знаменательной дате [10].

Таким образом, Музейно-выставочный комплекс Университета способствует расширению социокультурного пространства нашего вуза, развитию исследовательских и социальных качеств личности курсантов и слушателей, формированию у них творческих способностей.

Воспитание духовности, гражданственности, сопричастности истории нашего Отечества невозможно без формирования уважительного отношения к вере, религии. Как было указано в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», традиционные религии являются «...неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан» [5]. Подчеркнуто, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

Многие курсанты и слушатели Университета позиционируют себя как верующие люди или искренне стремятся приобщиться к православной культуре. Поэтому совсем не случайно включение в социокультурное пространство Университета Храма во имя Архистратига Божьего Михаила.

Храм-часовня был построен в память о погибших при исполнении служебного долга сотрудников правоохранительных органов. Его освящение состоялось 7 ноября 2012 г. Заведующий сектором МВД Синодального отдела протоиерей отец Александр Шестак отметил, что «храм на территории Университета поможет преподавателям донести до курсантов те духовно-нравственные ценности, которые должны быть присущи сотрудникам полиции, стоящим на страже законности и порядка» [11].

Фактически, этот Храм-часовня при Университете стал приходской церковью для наших курсантов и сотрудников, которые приходят в него помолиться. Многие значимые мероприятия в Университете начинаются с торжественного богослужения. Трепетное отношение к Храму как центру духовной жизни Университета проявляется и в том, что курсанты и сотрудники активно приносят свои дары, пополняя святыни прихода. Так,

на 10-летие освящения Храма начальник Университета генерал-лейтенант полиции И. А. Калининченко передал в дар от имени многотысячного коллектива вуза православную святыню – святой ковчег с частицами мощей Святого благоверного князя Александра Невского. А ветеранская организация вуза подарила Храму Икону преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев [12].

Нынешний настоятель Храма-часовни во имя Архистратига Божьего Михаила отец Павел Усачев ведет активную работу с курсантами Университета. Так, по его инициативе 20 октября 2021 г. группа курсантов и преподавателей посетила город Переславль-Залесский. «Центральное место в поездке было отведено невероятно духовному моменту – освящению иконы Александра Невского. Непосредственное участие курсантов в таком сакральном, религиозном с точки зрения именно духовности, а не обрядности мероприятии имеет неоценимое значение» [13]. А 4 ноября 2022 г. по инициативе отца Павла, нашедшей живой отклик у курсантов, делегация Университета с участием представителей шести факультетов посетила Музейно-храмовый комплекс Вооруженных сил Российской Федерации, Главный Храм которого сегодня называют новым духовным символом России [14].

Подводя итог, отметим, что учитывая особую значимость воспитательной работы в нынешних условиях, имеется настоятельная необходимость в новых подходах к ее реализации. Важнейшим условием успешного решения задач воспитания в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя являются его ресурсное обеспечение, создание необходимой воспитательной среды, социокультурного пространства, высокотехнологичной современной материально-технической базы. Воспитательная среда обеспечивается посредством организации воспитательного процесса управлением по работе с личным составом, командным составом институтов, факультетов, реализацией основных задач воспитания постоянным составом Университета, в том числе в ходе учебных занятий и во вне учебной деятельности, на основе Рабочих программ воспитания и Календарных планов воспитательной работы.

Список источников

1. Сычев Ю. В. Микросреда и личность: философские и социологические аспекты. М., 1974.
2. Зятева Л. А. Социокультурная среда как основа социально-ориентированной деятельности образовательной организации // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 1. С. 351–355.
3. Недосекина М. А. Развитие индивидуальности студента под влиянием социокультурной среды вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Магнитогорск, 2004.
4. Вострокнутов С. И. Педагогические основы формирования гуманитарной среды высшего

- учебного заведения : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2009.
5. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.
 6. Московский университет МВД России. 2002–2012. История и современность. М., 2012.
 7. Владимир Яковлевич Кикоть. На благо Отечества. М., 2017.
 8. Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2014 г. № 566 «О присвоении федерального государственному казенному образовательному учреждению высшего профессионального образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» почетного наименования» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408120002>.
 9. Журавлев М. П. Памяти генерал-майора милиции, профессора Юлиана Владимировича Солопанова (к 90-летию со дня рождения) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 4. С. 7–11.
 10. С юбилеем, родной Университет // Служу Закону. 2022. № 5 (107). С. 10.
 11. День сотрудника органов внутренних дел в Московском университете МВД России, и церемония освящения храма-часовни во имя Архистратига Божьего Михаила // Служу Закону. 2013. № 17. С. 7.
 12. Клементьева В. С. Служить наполненной душой... // Служу Закону. 2022. № 10 (112). С. 4.
 13. Мельник Е. В. Духовные скрепы Отечества // Служу Закону. 2021. № 10 (100). С. 14.
 14. Сила народа – в его единстве! // Служу Закону 2022. № 11 (113). С. 13.
 3. Nedosekina M. A. The development of a student's individuality under the influence of the socio-cultural environment of the university : abstract dis. ... candidate of Pedagogical Sciences. Magnitogorsk, 2004.
 4. Vostroknutov S. I. Pedagogical foundations of the formation of the humanitarian environment of a higher educational institution: abstract of the dissertation of the Doctor of Pedagogical Sciences. Yaroslavl, 2009.
 5. Decree of the President of the Russian Federation № 809 of November 9, 2022 «On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.
 6. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2002–2012. History and Modernity. Moscow, 2012.
 7. Vladimir Yakovlevich Kikot'. For the good of the Fatherland. Moscow, 2017.
 8. Decree of the President of the Russian Federation № 566 dated August 12, 2014 «On awarding the Honorary Title to the Federal State State Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408120002>.
 9. Zhuravlev M. P. In memory of Major General of the militia, Professor Julian Vladimirovich Solopanov (to the 90th anniversary of his birth) // Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4. P. 7–11.
 10. Happy anniversary, native University // I Serve the Law. 2022. № 5 (107). P. 10.
 11. Day of an employee of the internal affairs bodies at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and the consecration ceremony of the chapel-temple in the name of the Archangel Michael of God // I Serve the Law. 2013. № 17. P. 7.
 12. Klementyeva V. S. To serve with a filled soul ... // I serve the Law. 2022. № 10 (112). P. 4.
 13. Melnik E. V. Spiritual bonds of the Fatherland // I Serve the Law. 2021. № 10 (100). P. 14.
 14. The strength of the people is in its unity! // I Serve the Law 2022. № 11 (113). P. 13.

References

1. Sychev Yu. V. Microenvironment and personality : philosophical and sociological aspects. M., 1974.
2. Zyateva L. A. Socio-cultural environment as the basis of socially-oriented activity of an educational organization // Bulletin of the Bryansk State University. 2016. № 1. P. 351–355.

Информация об авторах

И. А. Калининченко — начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук;

О. В. Зиборов — первый заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

К. К. Гасанов — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ;

Ю. А. Артамонов — начальник кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, доцент;

В. Ю. Савицкий — начальник управления по работе с личным составом Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. A. Kalinichenko — Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences;

O. V. Ziborov — First Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

K. K. Gasanov — Deputy Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of Russia;

Yu. A. Artamonov — Head of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;

V. Yu. Savitsky — Head of the Personnel Management Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов

И. А. Калининченко — постановка проблемы; разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; итоговые выводы;

О. В. Зиборов — разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы;

К. К. Гасанов — разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы;

Ю. А. Артамонов — критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы;

В. Ю. Савицкий — разработка концепции статьи; научное руководство; критический анализ литературы; написание исходного текста; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors

I. A. Kalinichenko — formulation of the problem; article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

O. V. Ziborov — article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

K. K. Gasanov — article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

Yu. A. Artamonov — critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions;

V. Yu. Savitsky — article concept development; scientific management; critical analysis of literature; writing the draft; final conclusions.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 06.10.2023; принята к публикации 11.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 06.10.2023; accepted for publication 11.10.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-20-25>

EDN: <https://elibrary.ru/ggausr>

НИОН: 2003-0059-6/23-827

MOSURED: 77/27-003-2023-06-026

Современное состояние, детерминанты и проблемы предупреждения преступлений, посягающих на биоресурсы

Елена Александровна Антонян¹, Елена Николаевна Клещина²

^{1,2} Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Аннотация. На современном этапе чрезвычайную актуальность приобретают проблемы предупреждения преступлений, посягающих на биоресурсы, которые в структуре экологической преступности занимают около 98 %, соответственно, являясь наиболее распространенными экологическими преступлениями. В качестве наиболее актуальных проблем предупреждения рассматриваемых преступлений в статье выделены: отсутствие комплексного и системного подхода к организации профилактической деятельности правоохранительных органов, их неэффективное взаимодействие между собой; недостатки правового регулирования; отсутствие постоянного мониторинга порядка применения законодательства в сфере охраны лесов, водных и охотничьих ресурсов, соответствующими контрольно-надзорными органами, а также возникающих проблем при исполнении этого законодательства. В этой связи важнейшее значение имеет совершенствование мер предупреждения рассматриваемых преступлений.

Ключевые слова: экологическая преступность, структура экологической преступности, преступления, посягающие на биоресурсы, детерминанты преступлений, посягающих на биоресурсы, меры предупреждения преступности, субъекты предупреждения преступлений, посягающих на биологические ресурсы

Благодарности: проект реализуется в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

Для цитирования: Антонян Е. А., Клещина Е. Н. Современное состояние, детерминанты и проблемы предупреждения преступлений, посягающих на биоресурсы // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 20–25. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-20-25>. EDN: GGAUSR.

Original article

The current state, determinants and problems of preventing crimes encroaching on biological resources

Elena A. Antonyan¹, Elena N. Kleshchina²

^{1,2} Moscow State Law University named after Kutafin (MSLA), Moscow, Russia

Abstract. At the present stage the problems of preventing crimes that encroach on biological resources, which occupy about 98 % in the structure of environmental crime, respectively, being the most common environmental crimes, are becoming extremely urgent. As the most urgent problems of the prevention of the crimes under consideration, the article highlights: the lack of a comprehensive and systematic approach to the organization of preventive activities of law enforcement agencies, their ineffective interaction with each other; shortcomings of legal regulation; the absence of constant monitoring of the procedure for the application of legislation in the field of protection of forests, water and hunting resources, by the relevant control and supervisory authorities, as well as problems arising in the implementation of this legislation. In this regard, the improvement of measures to prevent the crimes in question is of the utmost importance.

Keywords: environmental crime, structure of environmental crime, crimes encroaching on biological resources, determinants of crimes encroaching on biological resources, crime prevention measures, subjects of prevention of crimes encroaching on biological resources

Acknowledgements: the project is being implemented within the framework of the strategic academic leadership program «Priority 2030».

For citation: Antonyan E. A., Kleshchina E. N. The current state, determinants and problems of preventing crimes encroaching on biological resources. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):20–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-20-25>. EDN: GGAUSR.

© Антонян Е. А., Клещина Е. Н., 2023

На современном этапе чрезвычайную актуальность приобретают проблемы предупреждения экологической преступности.

В структуре экологической преступности около 98 % занимают преступления, посягающие на биоресурсы, т. е. они являются в наибольшей степени распространенными экологическими преступлениями.

Так, по данным ГИАЦ МВД России в 2022 году было зарегистрировано 19070 экологических преступлений [1], из них: загрязнение вод (ст. 250 УК РФ) – 34; загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ) – 8; незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) – 6070; нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257 УК РФ) – 4; незаконная охота (ст. 258 УК РФ) – 1408; незаконная добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1 УК РФ) – 942; уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259 УК РФ) – 0; незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) – 9767; уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) – 522 [2].

При этом, необходимо учитывать высокую латентность экологических преступлений, которая по оценкам экспертов на основе проведенных специальных исследований достигает 90–95 % [3, с. 320]. Соответственно, значительное количество экологических преступлений, в том числе и преступлений, посягающих на биоресурсы, остаются не зарегистрированными, и соответственно, не нашедшими отражения в официальной статистике.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» российское государство рассматривает свою территорию, ее биологическое разнообразие, уникальный экологический потенциал в качестве национального достояния, сохранение и защита которого необходимы для обеспечения жизни будущих поколений и реализации права граждан на благоприятную окружающую среду.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» целями государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности является сохранение и восстановление природной среды. К основным механизмам реализации указанной политики отнесены: повышение эффективности государственного экологического надзора, общественного контроля в области охраны окружающей среды и государственного экологического мониторинга, а том числе в отношении объектов животного и растительного мира.

С учетом, указанных важнейших стратегических документов особую важность имеет изучение проблем предупреждения экологической преступности, в

том числе актуализированных ее форм, в частности, такой как экологической преступности, посягающих на биоресурсы, в целях выработки эффективной системы мер ее предупреждения.

В научной литературе также подчеркивается, что «сложный характер развития причинных связей требует разностороннего комплексного подхода к организации работы по предупреждению преступности» [4, с. 132].

Соответственно, анализируя проблемы предупреждения рассматриваемой разновидности экологической преступности, будем исходить из общего подхода к понятию предупреждения преступности.

Актуальной проблемой предупреждения рассматриваемых преступлений является отсутствие комплексного и системного подхода со стороны соответствующих государственных контрольно-надзорных и правоохранительных органов, а также недостатки в их взаимодействии.

Несмотря на предпринимаемые государством в последние годы меры в области обеспечения экологической безопасности, в частности, принятие новых стратегических документов, таких, к примеру, как Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года, Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации до 2030 года, а также и вышеуказанных нами, реализация национального проекта «Экология» и других федеральных проектов, так и не сформирована системная деятельность всех многочисленных субъектов – государственных органов, реализующих определенные профилактические функции в рассматриваемой сфере, имеются проблемы их взаимодействия.

Прежде всего, отметим, что согласно Федеральному конституционному закону от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» Правительство Российской Федерации (далее по тексту – Правительство РФ) как высший государственный орган исполнительной власти в Российской Федерации наделено целым рядом важнейших полномочий в области охраны окружающей среды и природопользования. В частности, обеспечивает проведение единой государственной политики в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; организует деятельность по охране и рациональному использованию природных ресурсов, обеспечивает сохранение уникального природного и биологического разнообразия страны и др. (ст. 22).

Правительству РФ подчиняется ряд министерств, ведомств и служб, наделенных полномочиями в области охраны окружающей среды, в том числе профилактическими полномочиями по охране биоресурсов. В частности, Министерство природных ресурсов и экологии (Минприроды России), Министерство сельского хозяйства Российской Федерации (Минсельхоз России), Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), находящаяся в ведении Минприроды и др.

Приведем примеры, указывая на ряд организационно-управленческих проблем, сложившихся в современный период времени вследствие проводимых на протяжении более двадцати лет реформ и реорганизаций, являющиеся факторами, обуславливающими рассматриваемые преступления.

Так, в настоящее время федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по федеральному контролю (надзору) в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов во внутренних водах России является Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство), который создан Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724. До этого действовал Государственный комитет РФ по рыболовству, который был преобразован в Росрыболовство.

Росрыболовство находится в ведении Минсельхоза России и осуществляет свою деятельность непосредственно, через свои территориальные органы.

Рассмотрим государственные органы, осуществляющие охотничий контроль (надзор).

В соответствии с Положением о федеральном государственном охотничьем контроле (надзоре), утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1065 государственный надзор осуществляется уполномоченными на осуществление государственного надзора органами исполнительной власти и государственными учреждениями:

а) Росприроднадзором (его территориальными органами) – на особо охраняемых природных территориях федерального значения, управление которыми не осуществляется федеральными государственными бюджетными учреждениями;

б) федеральными государственными бюджетными учреждениями, осуществляющими управление особо охраняемыми природными территориями федерального значения, – на таких территориях;

в) исполнительными органами субъектов Российской Федерации, которым переданы полномочия Российской Федерации по осуществлению государственного надзора, – на территории субъектов, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения;

г) государственными учреждениями, созданными уполномоченными органами исполнительной власти, – на территории субъекта Российской Федерации, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения.

Как видно, государственный охотничий контроль (надзор) осуществляют различные субъекты.

Ряд функций по надзору в сфере природопользования выполняет *Росприроднадзор*, находящийся в ведении Минприроды России. В частности, осуществляет в пределах компетенции лесной контроль (надзор); контроль (надзор) в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания; осуществляет функции в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов с правом направления предписаний об устранении выявленных нарушений.

Росприроднадзор выдает разрешения в установленном порядке на: использование объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу РФ, а также находящихся на особо охраняемых природных территориях федерального значения; оборот диких животных, занесенных в Красную книгу РФ; осуществляет охрану водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу РФ и др.

Соответственно, недостатки правовой регламентации статуса и полномочий субъектов, осуществляющих государственный охотничий контроль (надзор), влечет за собой различные организационно-управленческие подходы к его организации на уровне субъектов Российской Федерации.

Представляется, что на федеральном уровне необходимо создание отдельного ведомства, подчиняющегося Минприроды России, по аналогии с Рослесхозом, например, Российское агентство охотничьего хозяйства (Росохотхозяйство) с созданием четкой системы соответствующих территориальных органов.

Множество различных государственных органов, их ведомственная разобщенность, реформирование этих органов на протяжении нескольких десятков лет не способствовали формированию системной и комплексной деятельности по предупреждению преступлений, посягающих на биоресурсы. Это привело к ослаблению контрольно-надзорных функций как самих этих органов, так и к ослаблению контроля за их деятельностью со стороны государства.

В результате различные преступления и правонарушения в рассматриваемой сфере продолжают совершаться.

Актуальной проблемой являются недостатки в деятельности правоохранительных органов, что обусловлено сложностями выявления, раскрытия таких преступлений, установления лиц их совершивших, а также сложностями при собирании и проверки доказательств, поскольку в основном они совершаются в условиях неочевидности.

В качестве примера, приведем статистические данные ГИАЦ МВД России за 2022 год о количестве уголовных дел, направленных в суд по рассматриваемым преступлениям, а также количестве приостановленных уголовных дел по пунктам 1 и 2 ст. 208 УПК РФ, т. е. когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, а также когда подозреваемый или обвиняемый скрылся либо его место нахождения не установлено по иным причинам.

Так, в 2022 году производство предварительного расследования осуществлялось по уголовным делам, находящимся в производстве по:

- 41 преступлению, предусмотренному ст. 250 УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 3; приостановлено производство предварительного расследования по 19 уголовным делам, что составляет 46 % от количества уголовных дел, находящихся в производстве;
- 11 преступлениям, предусмотренных ст. 252

УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 2, приостановлено производство предварительного расследования по 7 уголовным делам (64 %);

- 6761 преступлению, предусмотренному ст. 256 УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 2903, приостановлено производство предварительного расследования по 801 уголовному делу (12 %);
- 5 преступлениям, предусмотренным ст. 257 УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 1 уголовное дело, приостановлено производство предварительного расследования по 1 уголовному делу (20 %);
- 1747 преступлениям, предусмотренным ст. 258 УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 318, приостановлено производство предварительного расследования по 921 уголовному делу (53 %);
- 1133 преступлениям, предусмотренным ст. 258.1 УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 336, приостановлено производство предварительного расследования по 416 уголовным делам (37 %);
- 11985 преступлениям, предусмотренным ст. 260 УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 3279, приостановлено производство предварительного расследования по 5529 уголовным делам (46 %);
- 572 преступлениям, предусмотренным ст. 261 УК РФ, из них направлены в суд с обвинительным заключением 31, приостановлено производство предварительного расследования по 490 уголовным делам (86 %) [2].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что значительное количество рассматриваемых преступлений, остается не раскрытыми, что очевидно связано с недостатками деятельности правоохранительных органов.

Одной из проблем, связанной с выявлением экологических преступлений, в том числе преступлений, посягающих на биоресурсы, а также их предупреждением является отсутствие в системе органов внутренних дел подразделений экологической полиции.

Специалисты подчеркивают, что «сотрудниками правоохранительных органов выявляются и раскрываются в основном очевидные посягательства на природные ресурсы, совершаемые преступниками-одиночками, а организаторы преступных групп, входящие в международные криминальные сети, налаживающие незаконную добычу, переработку и реализацию ценных пород древесины и рыбы, редких минералов, редких и исчезающих животных и растений, к уголовной ответственности привлекаются крайне редко» [5, с. 29; 6, с. 60 и др.].

Важнейшим звеном в предупреждении преступлений, посягающих на биоресурсы, является деятельность органов прокуратуры.

В соответствии с приказом Генерального прокуро-

ра РФ от 15 апреля 2021 г. № 198 (ред. 25.11.2022) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере», установлена задача обеспечить эффективный надзор за исполнением законов в экологической сфере, в том числе об охране вод, лесов, объектов животного и растительного мира, водных биологических ресурсов.

В последние годы тем самым прокурорский надзор усилен. Приведем примеры.

Так, по результатам проверки, проведенной Горно-Алтайской природоохранной прокуратурой по коллективному обращению жителей Турочакского района, о незаконности предоставления семи лесных участков для коммерческой заготовки древесины, было установлено, что они расположены в защитных лесах и орехово-промысловой зоне, либо доля кедра в породном составе древостоя лесных насаждений составляет более трех единиц. По результатам проверки в Арбитражный суд Республики Алтай направлены семь исковых заявлений о признании договоров недействительными. Все иски удовлетворены судом, признана незаконной передача лесных участков общей площадью 4 210 га [7, с. 60].

Приведем ряд примеров, свидетельствующих о том, что, несмотря на проведенные многочисленные организационно-управленческие изменения и реформы контрольно-надзорных органов, требуется дальнейшее совершенствование деятельности по предупреждению рассматриваемых преступлений.

Так, приговором Шилкинского районного суда Забайкальского края по уголовному делу № 1-225/2021 установлено, что 23 апреля 2021 г. М. С. и М. А. вступили в предварительный сговор на незаконный вылов водных биологических ресурсов в местах нереста. С этой целью совместно поехали на участок реки Онон, расположенный в 3-х километрах в северном направлении от села Усть-Ага. Реализуя совместный преступный умысел, направленный, на незаконную добычу (вылов) рыбы, не имея разрешения на право добычи (вылова) водных биологических ресурсов на территории Забайкальского края, находясь в акватории протоки реки Онон, в нарушение ст. 17 ч. 1 п. 22 Правил рыболовства для Байкальского хозяйственного бассейна, утвержденного Приказом Минсельхоза России № 435 от 07 ноября 2014 г., в соответствии с которым данный район в период с 10 апреля по 31 мая, является запретным для добычи (вылова) всех видов водных биологических ресурсов и является местом нереста обитающих в ней рыб, в период времени с 21.00 ч. 23 апреля 2021 г. до 22.30 ч. 23 апреля 2021 г., установили орудия ловли – шесть ставных сетей поперек протоки реки Онон на расстоянии 30 метров друг от друга, спустив сети в воду.

Продолжая реализовывать свой преступный умысел, подсудимые 24 апреля 2021 г. в период времени с 07.30 ч. до 09.00 ч. на лодке под управлением М. А. осуществили незаконный вылов рыбы, путем изъятия рыбы из природной среды обитания при помощи вышеуказанных сетей.

В результате чего, М. С., и М. А. совместными и согласованными действиями выловили водные биологические ресурсы вида щука в количестве 21 экземпляра, стоимостью 1850 рублей за один экземпляр, вида карась в количестве 21 экземпляра, стоимостью 500 рублей за один экземпляр, вида окунь в количестве 1 экземпляра, стоимостью 500 рублей за один экземпляр, вида чебак в количестве 8 экземпляров, стоимостью 200 рублей за один экземпляр, вида коньгубарь в количестве 2 экземпляра, стоимостью 500 рублей за один экземпляр, вида сазан в количестве 2 экземпляров, стоимостью 1850 рублей за один экземпляр, на общую сумму 56150 рублей.

Своими действиями подсудимые причинили ущерб водным биологическим ресурсам РФ на сумму 56150 рублей. С выловленной рыбой были задержаны сотрудниками полиции на левом берегу реки Онон.

Из приведенного примера судебной практики, очевидно, что необходимые профилактические меры не были реализованы, поскольку незаконный вылов подсудимые осуществляли в месте нереста обитающих в рыб в реке. Как, уже отмечалось, важное значение имеет не только реализация профилактических функций соответствующих правоохранительных и государственных контрольно-надзорных органов, их взаимодействие между собой, но и внедрение и использование технических средств, в целях обнаружения рассматриваемых преступлений.

Обозначим также проблему ответственности за экологические преступления и за отдельные преступления, посягающие на биоресурсы. Справедливое наказание, как известный тезис, оказывает существенное превентивное значение на предупреждение преступности.

По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2022 год всего осуждено за экологические преступления, предусмотренные главой 26 УК РФ – 6495 чел. По ст. 256 УК РФ осуждено – 2609 чел.; по ст. 258 УК РФ – 360 чел.

При этом, условно осуждены: за экологические преступления, предусмотренные главой 26 УК РФ – 3102 чел., что составляет 47,7 %; по ст. 256 УК РФ – 836 чел. (32 %); по ст. 250 УК РФ – 178 чел. (49,4 %).

Как видно, около половины лиц осуждены условно.

Кроме того, укажем, что исходя из анализа статистики, наказание в виде лишения свободы назначается в основном до 5 лет, хотя, как уже отмечалось, санкции соответствующих статей за экологические преступления предусматривают и более строгое наказание [8].

В качестве проблемы предупреждения преступлений, посягающих на биоресурсы, выделим недостатки законодательства.

Для экологического законодательства характерны его пробельность, наличие в нем противоречий, большого количества бланкетных и коллизионных норм и общее рассогласование [4, с. 397].

В главе 26 УК РФ содержится значительное количество отсылочных бланкетных норм, в связи с чем, возникают сложности в разграничении соответствую-

щих норм уголовного закона, касающихся установления уголовной ответственности, от норм КоАП РФ, где предусмотрена административная ответственность.

Так, например, в УК РФ предусмотрена статья 257 «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов». В КоАП РФ такое же название статьи 8.38. – «Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов». Разграничение этих составов состоит в последствиях, а также в том, что состав административного проступка формальный, а состав преступления материальный.

Очевидно, что требуются не только совершенствование законодательства в рассматриваемой сфере, но и постоянный мониторинг порядка его применения в сфере охраны лесов, водных и охотничьих ресурсов соответствующими государственными, и, возникающих проблем его исполнения.

Проблемой предупреждения преступлений, посягающих на биоресурсы, является отсутствие высокого уровня государственного контроля в этой сфере. Нами отмечалось о многообразии субъектов, обладающих определенными контрольно-надзорными функциями. Однако необходим единый системный государственный контроль, с учетом специфики различных экологических сфер, деятельности указанных государственных органов. Полагаем, что такой контроль должен в полной мере осуществляться Правительством РФ, по итогам которого должны обобщаться и анализироваться проблемы деятельности различных субъектов, обладающих контрольно-надзорными полномочиями, проблемы взаимодействия с правоохранительными органами и т. д.

Укажем, что важнейшим субъектом в обеспечении экологической безопасности, в том числе с учетом рассматриваемых нами проблем, которым является Совет Безопасности, возглавляемый Президентом Российской Федерации.

Из положений Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» следует, что обеспечение экологической безопасности должно соответствовать основным принципам обеспечения безопасности и в целом содержанию деятельности по обеспечению безопасности в государстве, предусмотренным указанным законом.

В этой связи вопросы обеспечения экологической безопасности, в том числе и вопросы, связанные с предупреждением преступности, посягающей на биоресурсы государства, должны находить обсуждение в рамках Совета Безопасности в целях: анализа и оценки угроз экологической безопасности; выработки стратегических направлений предупредительной деятельности, включая разработку и применение комплекса оперативных и долговременных мер по выявлению, предупреждению экологических преступлений в целом и, в частности, преступлений, посягающих на биоресурсы.

В заключение подчеркнем, что на современном этапе не сформирована системная деятельность всех многочисленных субъектов, а именно государствен-

ных органов, реализующих определенные профилактические функции в рассматриваемой сфере, имеются проблемы их взаимодействия. В результате различные преступления и правонарушения в отношении биоресурсов продолжают совершаться, многие из которых остаются латентными.

Актуальной проблемой являются недостатки в деятельности правоохранительных органов. В качестве одной из организационных проблем, связанными с выявлением экологических преступлений, в том числе преступлений, посягающих на биоресурсы, а также их предупреждением является отсутствие в системе органов внутренних дел подразделений экологической полиции.

Требуется не только совершенствование экологического законодательства, но и постоянный мониторинг порядка его применения в сфере охраны лесов, водных и охотничьих ресурсов, соответствующими контрольно-надзорными органами, а также возникающих проблем при исполнении этого законодательства.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. Главный информационно-аналитический центр МВД России.
2. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности» за 2022 год. Главный информационно-аналитический центр МВД России.
3. Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохранительное право России: монография. М., 2021.
4. Криминология: учебник / Отв. ред. И. М. Мацкевич. М., 2023.
5. Добрецова Д. Г., Игонина Н. А., Какителашвили М. М. Координация природоохранной деятельности правоохранительных органов по борьбе с экологической преступностью // Мониторинг правоприменения. 2017. № 2 (23).
6. Омелин В. Н. Проблемные вопросы правового регулирования противодействия экологическим преступлениям в России // Государственная служба и кадры. 2018. № 3.
7. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Алтай за 2022 год.
8. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России за 2022 год. № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания».

References

1. The state of crime in Russia in January-December 2022. The main information and analytical center of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2. Summary report on Russia «Unified Crime Report» for 2022. The main information and analytical center of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
3. Zhevlakov E. N. Criminal environmental law of Russia: monograph. M., 2021.
4. Criminology: textbook / Ed. by I. M. Matskevich. M., 2023.
5. Dobretsova D. G., Igonina N. A., Kakitelashvili M. M. Coordination by environmental prosecutors of the activities of law enforcement agencies to combat environmental crime // Monitoring of law enforcement. 2017. № 2 (23).
6. Omelin V. N. Problematic issues of legal regulation of countering environmental crimes in Russia // State service and personnel. 2018. № 3.
7. Annual report of the Commissioner for Human Rights in the Altai Republic for 2022.
8. Summary statistics on the state of criminal records in Russia for 2022 № 10.1 «Report on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment».

Информация об авторах

Е. А. Антонян – заведующая кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Е. Н. Клещина – профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

E. A. Antonyan – Head of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Professor;

E. N. Kleshchina – Professor of the Department of Criminology and Penal Enforcement Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.11.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 02.11.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-26-31>

EDN: <https://elibrary.ru/ieqdyh>

НИОН: 2003-0059-6/23-828

MOSURED: 77/27-003-2023-06-027

Одновременное применение к перевозчику нескольких мер ответственности за нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения

Кирилл Сергеевич Баканов¹, Максим Михайлович Исаев²

^{1,2} Научный центр БДД МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Обосновывается допустимость одновременного применения к перевозчику нескольких мер ответственности за несоблюдение требований по обеспечению безопасности дорожного движения. Меры публично- и частноправовой ответственности, предусмотренные различными институтами, в плоскости которых погружены перевозки пассажиров автобусами, рассматриваются через призму основных элементов правонарушения: объект, объективная сторона, субъект. На основании их сопоставления, изучения международной и отечественной правоприменительной практики дается оценка соответствия правилу «non bis in idem», которое означает недопустимость привлечения к двойной ответственности за совершение одного и того же противоправного деяния.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, защита прав потребителей, лицензирование, пассажирские перевозки, штраф, юридическая ответственность

Для цитирования: Баканов К. С., Исаев М. М. Одновременное применение к перевозчику нескольких мер ответственности за нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 26–31. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-26-31>. EDN: IEQDYH.

Original article

Simultaneous application to a carrier of several measures of liability for violation of road safety requirements

Kirill S. Bakanov¹, Maxim M. Isaev²

^{1,2} Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The admissibility of simultaneous application to the carrier of several liability for non-compliance with road safety requirements is substantiated. Measures of public and private liability provided for by different institutions, in the plane of which the transportation of passengers by buses is immersed, are considered through the prism of the main elements of the offense: object, objective side, subject. On the basis of their comparison, study of international and domestic law enforcement practice, an assessment is given of the compliance to the rule «non bis in idem», which means that it is inadmissible to bring to double liability for the commission of one and the same unlawful act.

Keywords: road safety traffic, consumer protection, licensing, passenger transportation, fines, legal liability

For citation: Bakanov K. S., Isaev M. M. Simultaneous application to a carrier of several measures of liability for violation of road safety requirements. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):26–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-26-31>. EDN: IEQDYH.

Обеспечение безопасности дорожного движения (далее – БДД) является важной составляющей социально-экономического развития [1] и национальной безопасности нашей страны [2]. Для решения вопросов повышения БДД важно комплексное и рациональное использование всех имеющихся средств. При устранении угроз БДД не теряет актуальности нали-

чие системы эффективных и справедливых мер ответственности за нарушение установленных норм.

Несоблюдение требований по обеспечению БДД в процессе перевозки пассажиров автобусами может выступить основанием для одновременного применения к перевозчику нескольких мер ответственности как публично-, так и частноправового характера [3; 4].

© Баканов К. С., Исаев М. М., 2023

К мерам публичной ответственности традиционно относят административную и уголовную ответственность, прекращение действия свидетельства на маршрут регулярных перевозок по нерегулируемым тарифам, приостановление действия, аннулирование лицензии и прекращение ее действия (далее вместе – меры лицензионного воздействия).

Частноправовая ответственность в рассматриваемом контексте может быть представлена неустойкой и досрочным расторжением гражданско-правового договора, заключенного между двумя хозяйствующими субъектами, а также возвратом стоимости билета или его части в рамках правоотношений непосредственно с пассажиром, регулируемых помимо прочего законодательством о защите прав потребителей [5].

При принятии решения о применении перечисленных мер важно руководствоваться правилом «*non bis in idem*», которое означает недопустимость привлечения к двойной ответственности за совершение одного и того же противоправного деяния¹.

Согласно позиции Суда Европейских сообществ, применение указанного принципа регулируется триединым условием тождества **фактов**, единства **нарушителя** и **защищаемого правового интереса**², что позволяет интерпретировать данную позицию через три основных элемента состава правонарушения, традиционно выделяемых в теории: объект, объективная сторона и субъект.

Исходя из изложенного, не допускается применение нескольких мер ответственности при одновременном совпадении трех перечисленных элементов состава правонарушения. Такой подход является распространенным как в международной³ и зарубежной⁴, так и в отечественной практике правоприменения, примеры которой будут рассмотрены далее.

1. Объект. Согласно принципу «*non bis in idem*» к одному и тому же лицу не может быть более одного раза применена санкция за однократное незаконное поведение, рассчитанная на защиту одного и того же правового актива⁵.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.); Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Дело «Олборг Портленд и другие против Комиссии» (Aalborg Portland and others v. Commission), C-204/00P, 205/00P, 211/00P, 213/00P, 217/00P, 219/00P, § 338, 7 января 2004 г.

³ Постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2009 г. «Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» (жалоба № 14939/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1.

⁴ Решение Верховного Суда США по делу «Грейди против Корбина» (Grady v. Corbin), 495 U.S. 508 (1990).

⁵ Дело «Олборг Портленд и другие против Комиссии» (Aalborg Portland and others v. Commission), C-204/00P, 205/00P, 211/00P, 213/00P, 217/00P, 219/00P, § 338, 7 января 2004 г.

Совершение деяния при одних и тех же фактических обстоятельствах, которое посягает на разные охраняемые общественные отношения (объекты), является основанием для привлечения нарушителя к нескольким видам ответственности, соответствующим охраняемым сферам⁶.

Согласно устоявшейся отечественной практике правоприменения, опирающейся на позиции международных судебных органов, это не будет признаваться двойной ответственностью⁷. Аналогичное мнение встречается также на страницах научной литературы [6].

В смежной с перевозками пассажиров сфере – дорожной деятельности за нарушение обязательных требований в области БДД ввиду посягательства на разные охраняемые интересы виновному лицу назначен административный штраф по ст. 12.34 КоАП РФ, а также штраф за ненадлежащее исполнение обязательств в рамках публичного контракта на содержание дорог⁸.

2. Объективная сторона. В трактовке правила «*non bis in idem*» признаками одного и того же деяния, при котором не допускается применение нескольких мер ответственности, является тождество объективной стороны составов правонарушений и их совершение при одних и тех же фактических обстоятельствах⁹.

Противоправное деяние перевозчика фактически выражено в нарушении требований, касающихся БДД, однако имеет различную правовую квалификацию.

В этой связи заслуживает внимания позиция ЕСПЧ¹⁰, выраженная по поводу значимости критерия юридической квалификации при оценке на предмет наличия двойной ответственности. Международный судебный орган определяет, что принцип недопусти-

⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 сентября 2021 г. № Ф09-5322/21 по делу № А50-23466/2020; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 января 2020 г. № Ф03-5413/2019 по делу № А04-3570/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление ФАС Поволжского округа от 16 сентября 2004 г. № А06-1212У/3-18/04; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 июня 2020 г. № Ф06-16944/2016 по делу № А12-29155/2016; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 11 октября 2016 г. № Ф07-8528/2016 по делу № А21-269/2013; Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве»; Справка о практике рассмотрения судами Свердловской области гражданских дел, связанных с применением природоохранного законодательства (утверждена президиумом Свердловского областного суда 14 ноября 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2016 г. по делу № А13-4794/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.02.2019 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У.М. Эркиновой» // Собрание законодательства РФ. 18 февраля 2019 г., № 7 (часть II), ст. 711.

¹⁰ Постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2009 г. «Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» (жалоба № 14939/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1.

мости применения двойной меры ответственности, нашедший отражение в ст. 54 Конвенции о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г., затрагивает, в первую очередь природу оспариваемых действий, а не их правовую квалификацию.

Иными словами, первостепенное значение имеет именно сущность и направленность действий, из каких правоотношений они исходят: из публичной обязанности, контрактных обязательств, требований к лицензиату и др.

Критерий правовой квалификации имеет значение лишь в качестве предварительного условия применимости принципа «non bis in idem». При таких обстоятельствах единственным относимым критерием является единство материальных действий, понимаемое в смысле существования набора конкретных обстоятельств, неразрывно связанных между собой – констатировал ЕСПЧ¹.

Несмотря на безусловное посягательство на разные охраняемые интересы, нарушения, выраженные в несоблюдении требований по обеспечению БДД, все же представлены одинаковыми материальными действиями, различающимися по юридической квалификации.

Тем не менее сформировавшаяся в России правоприменительная практика свидетельствует о возможности одновременного применения нескольких мер ответственности, даже относящихся к одной отрасли права, если объективная сторона имеет сложный комплексный характер².

В сфере перевозок пассажиров легковым такси отсутствие в салоне ТС информации о водителе и контрольном органе одновременно квалифицировано и как нарушение правил перевозки пассажиров и багажа легковым такси по ст. 11.14.1 КоАП РФ, и как нарушение прав потребителей по ст. 14.8 КоАП РФ³.

В сфере дорожной деятельности ненадлежащее содержание автомобильной дороги одновременно квалифицировано как нарушение исполнителем требований технических регламентов по ст. 14.43 КоАП РФ и как несоблюдение требований по обеспечению БДД при осуществлении дорожной деятельности по ст. 12.34 КоАП РФ⁴.

Нахождение статей в разных главах КоАП РФ сви-

детельствует о разнородности охраняемых интересов. Это в очередной раз подтверждает первостепенное значение критерия объекта по сравнению с критерием объективной стороны. Указанное мнение прослеживается и в других судебных решениях⁵.

3. Субъект. Совершение правонарушений одним субъектом ответственности еще не свидетельствует о том, что совершено одно правонарушение⁶. Фактическое совпадение субъектов в одном лице не исключает возможность применения разноотраслевой ответственности, если юридически такие субъекты различаются по своему правовому статусу⁷.

Весьма устоявшимся на сегодняшний день в правоприменительной практике в области БДД подходом является одновременное привлечение индивидуального предпринимателя, самостоятельно управляющего ТС, к административной ответственности как водителя и как должностного лица, например, механика, ответственного за техническое состояние транспортного средства⁸.

Подводя краткий итог изложенному, необходимо отметить, что сформировавшиеся в теории и практике подходы не исключают привлечение нарушителя к нескольким видам ответственности за совершение деяния, которое, несмотря на внешне одинаковое выражение, посягает на разные охраняемые интересы. В таких случаях деяние затрагивает несколько правовых полей, что предполагает различие юридического состава нарушения по признакам объекта, объективной стороны и субъекта.

Далее возможность применения к нарушителю нескольких мер будет рассмотрена более предметно на примерах правоприменительной практики, в ходе анализа которой установлено, что основная масса споров возникает вокруг привлечения к административной ответственности и применения одновременно с этим других мер⁹.

В этой связи в качестве базовой меры для сопоставления выбрана административная ответствен-

¹ Постановление ЕСПЧ от 10 февраля 2009 «Дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» (жалоба № 14939/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 1.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 декабря 2020 г. № Ф08-10983/2020 по делу № А53-45431/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 307-ЭС21-17792 по делу № А56-102736/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Обзор судебной практики «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 декабря 2017 г.); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 308-АД17-22921 по делу № А63-2370/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25 марта 2020 г. № Ф03-346/2020 по делу № А73-5350/2018; Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 июня 2019 г. № 11АП-6949/2019 по делу № А55-20800/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 3 августа 2018 г. № Ф08-5941/2018 по делу № А53-37600/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2020 г. № 15АП-9872/2020 по делу № А53-45431/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 июня 2013 г. по делу № А13-13511/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 ноября 2019 г. № 09АП-57747/2019-ГК по делу № А40-145676/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ность за нарушение в сфере БДД, не упуская из внимания, что ряд деяний, повлекших общественно опасные последствия, подлежат квалификации как уголовные преступления [7]. Последнее исключает возможность привлечения к административной ответственности¹.

Одновременно с мерами административной ответственности к хозяйствующему субъекту может применяться **неустойка по публичному контракту или его расторжение в одностороннем порядке по инициативе заказчика**, что является устоявшимся подходом в практике правоприменения². Его допустимость данного обосновывается тем, что применяемые меры направлены на защиту разных общественных отношений³ и имеют различную правовую природу⁴.

Судебной практике известны случаи, когда повторное привлечение перевозчика к административной ответственности послужило основанием одностороннего расторжения договора на регулярную перевозку пассажиров⁵. Доводы о недопустимой двойной ответственности отклонены, поскольку расторжение договора является следствием неисполнения принятых на себя гражданско-правовых обязательств, а не нарушения публичной обязанности⁶.

Разрешая вопрос о допустимости применения наряду с контрактной ответственностью других мер, суды обращают внимание на свободу договора. Подписав контракт, стороны выразили взаимное согласие с условиями договора, в том числе касающимися ответственности⁷.

В настоящее время в некоторых публичных контрактах на выполнение работ по перевозке пассажиров автобусами предусмотрена ответственность в виде штрафа за нарушения ПДД, влекущие также административную ответственность. Например, в г. Москве условиями контракта установлена ответственность за разговор по телефону водителем автобуса и некото-

рые другие нарушения ПДД⁸. В Республике Хакасия каждый факт нарушения ПДД влечет ответственность перевозчика в соответствии с условиями контракта⁹.

В рамках перевозок по нерегулируемым тарифам в случае нарушения перевозчиком требований по обеспечению БДД публичный орган может принять решение о **прекращении действия свидетельства на маршрут**. Применение подобной правопрекращающей меры не является само по себе мерой ответственности за совершение нарушений, а является их последствием¹⁰.

Аналогичным образом в рамках частноправовых отношений с другим хозяйствующим субъектом понесенное перевозчиком административное наказание не освобождает его от обязанностей по уплате **неустойки в рамках гражданско-правовых отношений**¹¹.

При предоставлении услуг каршеринга обязанность соблюдения ПДД прописана в условиях отдельных договоров. Нарушение ПДД арендатором автомобиля в процессе пользования услугой признается нарушением условий договора и помимо прочего влечет предусмотренный им штраф¹².

В рамках правоотношений перевозчика с пассажирами – потребителями услуги, неустойкой является уменьшение цены оказанной услуги путем **возврата части стоимости билета**. Досрочное расторжение договора может отождествляться с отказом от исполнения договора об оказании услуги. Это может быть реализовано путем **возврата полной стоимости билета**.

Сочетание перечисленных мер ответственности с административным наказанием за совершение нарушений в сфере БДД не противоречит принципу недопустимости применения двойной меры ответственности, поскольку направлено на защиту разных интересов. С одной стороны это частные интересы потребителей услуги – пассажиров, а с другой – публичные интересы неограниченного круга лиц, участников дорожного движения, которым совершенным нарушением также создается угроза причинения вреда [8]. Кроме того, перечисленные меры ответственности имеют разный характер и цели.

¹ Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2021 г. № 16-3344/2021; Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2020 г. № 16-4271/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 октября 2016 г. № 18АП-10906/2016 по делу № А47-2869/2016; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2016 г. по делу № А13-4794/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 сентября 2021 г. № Ф09-5322/21 по делу № А50-23466/2020; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 января 2020 г. № Ф03-5413/2019 по делу № А04-3570/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-414320/2020.

⁵ Решение Арбитражного суда Ростовской области от 18 декабря 2015 г. по делу № А53-24943/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2016 г. № 15АП-12289/2016 по делу № А53-2886/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 24 марта 2022 г. № 06АП-7485/2021 по делу № А16-2352/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Документация о закупке № 0173200001421000322. Заказчик: Департамент города Москвы по конкурентной политике // URL://<https://zakupki.gov.ru/>

⁹ Документация о закупке № 0180300005921000023. Заказчик: Комитет по жилищно-коммунальному хозяйству и транспорту г. Саяногорска // URL://<https://zakupki.gov.ru/>

¹⁰ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 декабря 2015 г. № 18АП-12155/2015 по делу № А47-3515/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 сентября 2016 г. № 13АП-21516/2016 по делу № А56-24175/2016; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 августа 2013 г. по делу № А56-7637/2013; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2017 г. по делу № А05-7465/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 33-414320/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Наряду со всем вышперечисленным, за оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных требований перевозчик может быть привлечен к **административной ответственности по ст. 14.4 КоАП РФ**.

Ввиду комплексного характера состава такого нарушения в правоприменительной практике признавалось допустимым одновременное привлечение нарушителя к административной ответственности за нарушение отраслевых норм (применительно к рассматриваемому предмету – по гл. 12 КоАП РФ), требований к качеству выполнения работ или оказания услуг (ст. 14.4 КоАП РФ), а также к контрактной ответственности¹.

С учетом разнородности охраняемых интересов, а также несовпадении правового статуса в рамках института лицензирования к перевозчику, нарушившему требования по обеспечению БДД одновременно с административной ответственностью, могут применяться **меры лицензионного воздействия**.

Допустимо и привлечение к **административной ответственности за нарушение лицензионных требований по ст. 14.1.2 КоАП РФ**. Суды указывают на разный характер требований, нарушенных хозяйствующим субъектом. Основанием для привлечения к ответственности по ст. 14.1.2 КоАП РФ выступает нарушение лицензионных требований, а по нормам гл. 12 КоАП РФ – нарушение требований в области БДД².

Таким образом, одновременное применение к перевозчику нескольких мер не противоречит принципу недопустимости привлечения к двойной ответственности за совершение одного и того же противоправного деяния.

Во-первых, рассмотренные меры направлены на защиту различных охраняемых интересов, т. е. не совпадают по объекту.

Во-вторых, несмотря на внешне одинаковое выражение противоправного поведения, действия перевозчика квалифицируются разным образом, а самое главное – имеют разную природу, исходящую из правоотношений, находящихся в плоскости нескольких правовых институтов. Поэтому отличие состоит в объективной стороне.

В-третьих, субъекты рассмотренных мер ответственности даже если фактически совпадают в одном лице, обладают разным правовым статусом, предопределяемым конкретным видом правоотношений.

Такой комплексный подход к применению мер ответственности в отношении перевозчика, деятельность ко-

торого находится в плоскости разносторонних отношений, представляется вполне уместным, что подтвердил высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации. В одном из своих решений КС РФ указал, что правовые средства, направленные на поддержание правовой дисциплины, могут носить комплексный, межотраслевой характер, но при этом должны согласовываться с целями, ради которых они применяются, и быть пропорциональными, не порождать избыточных, чрезмерных ограничений прав и свобод³.

Вместе с тем, в условиях реформы контрольно-надзорной детальности [9; 10; 11] направленной на снятие необоснованных административных барьеров на пути развития экономики нашей страны вопрос двойной ответственности хозяйствующих субъектов остается дискуссионным. Это заставляет задуматься о построении единой логичной системы ответственности перевозчика и оснований ее наступления, исключающей чрезмерное давление и регламентации ее особенностей в профильном законодательстве.

Список источников

1. Гордеева А. Д., Ляхов П. В. Обеспечение безопасности дорожного движения на международном уровне и в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 29–39.
2. Кардашова И. Б. Безопасность дорожного движения в контексте обеспечения национальной безопасности // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1 (28). С. 6–11.
3. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2021 году: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2022.
4. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2022 году: информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2023.
5. Баканов К. С., Исаев М. М., Коблов П. С. Приоритет безопасности дорожного движения над экономическими результатами хозяйственной деятельности при перевозке пассажиров автобусами: Монография. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. С. 217–220.
6. Предпринимательское право: современный взгляд: монография / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М. : Юстицинформ. 2019.
7. Кондратьев В. Д. Обеспечение безопасности дорожного движения. Вопросы теории (систе-

¹ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 октября 2016 г. № 18АП-10906/2016 по делу № А47-2869/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 августа 2013 г. № 17АП-7552/2013-АК по делу № А50-3474/2013; Постановление Алтайского краевого суда от 30 ноября 2017 г. по делу № 4А-1073/2017; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 26 марта 2013 г. № 06АП-6467/2012 по делу № А16-943/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2019 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У. М. Эркеновой» // СПС «КонсультантПлюс».

- ма «Дорожное движение») // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 6–10.
8. Якимов А. Ю. Анализ определений понятий и терминов, касающихся различных субъектов и объектов, которые участвуют в дорожном движении // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1. С. 21–27.
 9. Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор) в сфере дорожного движения в новой регуляторной политике // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1 (28). С. 28–32.
 10. Горяинов А. И. Некоторые вопросы совершенствования нормативно-правовой основы федерального государственного контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1 (28). С. 33–39.
 11. Баканов К. С., Антонов С. Н., Исаев М. М. Реформа законодательства о контроле (надзоре) в области безопасности дорожного движения в части дорожного надзора // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1 (28). С. 40–51.

References

1. Gordeeva A. D., Lyakhov P. V. Ensuring road safety at the international level and in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. № 4 (93). P. 29–39.
2. Kardashova I. B. Road safety in the context of ensuring national security // Road Safety. 2023. № 1 (28). P. 6–11.
3. Law enforcement activities in the field of road safety in 2021: informational and analytical review. M. : FCU «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia». 2022.
4. Law enforcement activities in the field of road safety in 2022: information and analytical review. M. : FCU «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia». 2023.
5. Bakanov K. S., Isaev M. M., Koblov P. S. Priority of road safety over economic results of economic activity in passenger transportation by buses: Monograph. M. : FKU «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2023. P. 217–220.
6. Entrepreneurial law: a modern view: monograph / ed. by S. A. Karelina, P. G. Lakhno, I. S. Shitkina. M. : Justitsinform. 2019.
7. Kondratyev V. D. Ensuring road traffic safety. Theory issues (system «Road Traffic») // Road Safety. 2023. № 2. P. 6–10.
8. Yakimov A. Yu. Analysis of definitions of concepts and terms concerning various subjects and objects that participate in road traffic // Road Traffic Safety. 2023. № 1. P. 21–27.
9. Zyryanov S. M. State control (supervision) in the sphere of road traffic in the new regulatory policy // Road Safety. 2023. № 1 (28). P. 28–32.
10. Goryainov A. I. Some issues of improving the regulatory and legal basis of federal state control (supervision) in the field of road safety // Road Safety. 2023. № 1 (28). P. 33–39.
11. Bakanov K. S., Antonov S. N., Isaev M. M. Reform of legislation on control (supervision) in the field of road safety in the part of road supervision // Road Safety. 2023. № 1 (28). P. 40–51.

Информация об авторах

К. С. Баканов – начальник отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра БДД МВД России, кандидат юридических наук;

М. М. Исаев – старший научный сотрудник отделения анализа аварийности отдела изучения проблем нормативного правового и аналитического обеспечения Научного центра БДД МВД России.

Information about the authors

K. S. Bakanov – Head of the Department for Studying the Problems of Normative Legal and Analytical Support of the Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

M. M. Isaev – Senior Researcher of the Accident Analysis Department of the Department for studying the problems of Normative Legal and Analytical Support of the Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-32-34>

EDN: <https://elibrary.ru/ijflsh>

НИОН: 2003-0059-6/23-829

MOSURED: 77/27-003-2023-06-028

Современная уголовно-правовая политика в сфере налоговых преступлений

Вера Евгеньевна Батюкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, Batuykova@yandex.ru

Аннотация. Подняты вопросы о состоянии уголовно-правовой политики в сфере налоговых преступлений, направление ее гуманизации и декриминализации. Приводятся официальные статистики по количеству лиц, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 198–199¹, 199³, 1994 УК РФ. Анализируются применяемые наказания, основания освобождения от уголовной ответственности в соотношении с причиненным ущербом федеральному бюджету.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ, преступление, налоги, федеральный бюджет, освобождение от уголовной ответственности, наказание, гуманизация, ущерб

Для цитирования: Батюкова В. Е. Современная уголовно-правовая политика в сфере налоговых преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 32–34. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-32-34>. EDN: IJFLSH.

Original article

Modern criminal law policy in the field of tax crimes

Vera E. Batuykova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, Batuykova@yandex.ru

Abstract. Questions were raised on the state of criminal law policy in the field of tax crimes, the direction of its humanization and decriminalization. The official statistics on the number of persons brought to criminal responsibility for crimes under Articles 198–1991, 1993, 1994 of the Criminal Code of the Russian Federation are given. The applied punishments and grounds for exemption from criminal liability are analyzed in relation to the damage caused to the federal budget.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation, crime, taxes, federal budget, exemption from criminal liability, punishment, humanization, damage

For citation: Batuykova V. E. Modern criminal law policy in the field of tax crimes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):32–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-32-34>. EDN: IJFLSH.

Уголовная политика, касающаяся ответственности за преступления в налоговой сфере, в последнее десятилетие имеет устойчивую тенденцию гуманизации, так как вносимые изменения в основном направлены на смягчение наказания или освобождения от него вовсе. Изменения затронули не только Особенную, но и Общую части УК РФ. Например, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) и отдельные законодательные акты Российской Федерации» УК РФ был дополнен ст. 76.1,

которая касается освобождения от уголовной ответственности по делам, связанными с преступлениями в сфере экономической деятельности. Согласно ч. 1 данной статьи лицо, которое впервые совершило преступление, предусмотренное ст. 198–199¹, 199³, 1994 УК РФ, при условии, что ущерб, который был причинен бюджетной системе РФ в результате преступления, был возмещен в полном объеме, освобождается от уголовной ответственности. Федеральными законами от 29 мая 2019 г. № 112-ФЗ «О внесении изменения в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федера-

ции» были расширены границы освобождения лица от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений (если ранее лицо освобождалось от уголовной ответственности, совершив деяние, содержащее признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 193, ч. 1, 2 ст. 194, ст. 198, 199, 199¹, 199² до 1 января 2015 г. при соблюдении условий указанных в статье, в настоящее время этот срок увеличен до 1 января 2022 г.).

Налоговые преступления, предусмотренные ст. 198–199¹ УК РФ, посягают на общественные отношения, складывающиеся в сфере финансовой деятельности государства по поводу формирования федерального бюджета. Постановлением Пленума ВС РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» Верховный Суд РФ определил, что общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов заключается в не поступлении денежных средств в бюджет РФ [1, п. 1]. Верховный Суд РФ также подтвердил, что момент окончания налогового преступления – дата фактической неуплаты обязательных платежей в срок, который установлен Налоговым кодексом РФ [1, п. 4].

Обязательным признаком состава налоговых преступлений является ущерб (государству) и крупность размера. Вопрос о крупности размера в ст. 198, 199 и 199.1 УК РФ достаточно интересен. Федеральным законом № 73-ФЗ от 1 апреля 2020 г. были внесены изменения в примечания указанных статей. Их суть заключается в том, что законодатель с 12 апреля 2020 г. декриминализировал действия, описанные в диспозициях статей, если они совершены в размере ниже 2,7 млн руб., а по ст. 199 и 199.1 УК РФ ниже 15 млн руб. Теперь крупным по ст. 198 УК РФ является сумма неуплаченных налогов, составляющая более 2,7 млн руб., а особо крупным – 13,5 млн руб., по ст. 99 и 199.1 УК РФ – 15 млн и 45 млн руб. соответственно.

Анализируя данные судебной статистики, которая предоставлена на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, можно сделать вывод, что доля обвинительных приговоров по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности составляет менее 1 % [2].

Как видно из анализа уголовно-правовых норм, после увеличения крупности размера в примечаниях к ст. 198–199.1 УК РФ, число осужденных по налоговым преступлениям сократилось примерно в 1,5 раза.

Анализ санкций уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 198–199.1 позволяет заключить, что совершать преступления этого вида «экономически выгодно», если учитывать соотношение крупности и размер штрафа, а также положения освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 76¹ УК РФ. В связи с этим следует согласиться с некоторыми авторами, которые считают, что в сфере

конструирования санкций уголовно-правовых норм целесообразно учитывать не столько повышенный уровень репрессивности наказания, сколько акцентируя внимание на его экономический характер [3].

В системе видов наказаний за налоговые преступления по статистике преобладает штраф (51,3 %), на втором месте – условное осуждение (42,3 %) [4]. Однако в научной литературе есть точка зрения, с которой трудно поспорить, согласно которой налоговому преступнику не присущи такие чувства, как истинное раскаяние и угрызения совести [5]. Поэтому практика применения наказаний за налоговые преступления вызывает сомнения относительно превентивной функции уголовного законодательства.

Таким образом, борьба с налоговыми преступлениями на данный момент остается малоэффективной. Количество выявляемых преступлений в сфере налогообложения с каждым годом сокращается.

В итоге современная уголовная политика в сфере налогообложения характеризуется следующими чертами:

- по сравнению с 2010 г. приблизительно в шесть раз повышены размеры сумм неуплаченных сборов и налогов, которые образуют преступность деяния;
- по некоторым данным с 2011 по 2020 г. ущерб государственному бюджету от налоговых преступлений предположительно составил 450 млрд руб.;
- по оценкам специалистов, остаются не выявленными от 60 % до 70 % налоговых преступлений [6];
- среднее число привлеченных к уголовной ответственности за налоговые преступления во втором десятилетии XXI века уменьшилось по сравнению с первым десятилетием в два раза.

Современная уголовно-правовая политика в области налоговых преступлений направлена на либерализацию уголовной ответственности, что подтверждается выступлением Президента Российской Федерации на Пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума. Было заявлено о принятии в скором времени «законопроектов о сокращении сроков давности по налоговым преступлениям, а также об отказе в возбуждении уголовных дел после полного погашения налоговой недоимки» [7]. Также была обозначена цель плавной декриминализации ряда экономических составов преступлений. Однако до сих пор остается много нерешенных вопросов, которые требуют урегулирования в целях повышения эффективности уголовной политики в данной области.

Список источников

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законо-

дательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 2020.

2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>.
3. Николаева Ю. В., Юдичева С. А., Батюкова В. Е., Белякова И. М., Ложкова И. А. Сравнительно-правовой анализ системы уголовно-правовых санкций о преступлениях в сфере экономики (на примере стран Европы): монограф. М. : Издательство «Русайнс», 2014.
4. Соловьев И. Н. Наказание отменяется // Российская бизнес-газета. 2013. № 883.
5. Петросян О. Ш. Личность преступника, совершающего преступления в сфере обеспечения финансовой безопасности // Российский следователь. 2010. № 17.
6. Смирнов Г. К. Пороки радикальной либерализации уголовной политики в сфере налогообложения // URL://<http://pravo.ru/review/face/view/62345/>
7. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 № 48 «On the practice of application by courts of legislation on liability for tax crimes» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 1. 2020.
2. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>.
3. Nikolaeva Y. V., Yudicheva S. A., Batyukova V. E., Belyakova I. M., Lozhkova I. A. Comparative legal analysis of the system of criminal-legal sanctions on crimes in the sphere of economy (on the example of European countries): monograph. M. : Rusains Publishing House, 2014.
4. Soloviev I. N. Punishment is canceled // Rossiyskaya bizneshgazeta. 2013. № 883.
5. Petrosyan O. Sh. Personality of a criminal committing crimes in the sphere of financial security // Russian investigator. 2010. № 17.
6. Smirnov G. K. Vices of radical liberalization of criminal policy in the sphere of taxation // URL://<http://pravo.ru/review/face/view/62345/>
7. Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum // URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>.

Информация об авторе

В. Е. Батюкова – доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. E. Batyukova – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.05.2023; одобрена после рецензирования 18.07.2023; принята к публикации 29.09.2023.

The article was submitted 27.05.2023; approved after reviewing 18.07.2023; accepted for publication 29.09.2023.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-35-39>

EDN: <https://elibrary.ru/ipgrev>

ИПОН: 2003-0059-6/23-830

MOSURED: 77/27-003-2023-06-029

Государственно-служебные отношения в сфере обеспечения внутренней безопасности: основные черты

Александр Анатольевич Беженцев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, adovd@mail.ru

Аннотация. Автором из базиса дефиниций общественных отношений, правоотношений и службы уточняются общие и современные признаки, задачи и функции государственной службы державы, исследуются классические виды государственной службы, выделяются особенности служебных отношений в сегменте обеспечения внутренней безопасности страны.

Ключевые слова: общественные отношения, правоотношения, служба, государственная служба, государственные служащие, государственно-служебные отношения, виды государственной службы, государственная гражданская служба, военная служба, государственная служба иных видов, правоохранительная служба, правоохранительные органы, обеспечение внутренней безопасности государства

Для цитирования: Беженцев А. А. Государственно-служебные отношения в сфере обеспечения внутренней безопасности: основные черты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 35–39. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-35-39>. EDN: IPGREV.

Original article

State-service relations in the sphere of ensuring internal security: main features

Alexander A. Bezhentsev

Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public

Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru

Abstract. From the basis of the definitions of public relations, legal relations and service, the author clarifies the general and modern features, tasks and functions of the civil service of the state, examines the classical types of public service, highlights the features of service relations in the segment of ensuring the internal security of the country.

Keywords: public relations, legal relations, service, public service, civil servants, public service relations, types of public service, public civil service, military service, public service of other types, law enforcement service, law enforcement agencies, internal security of the state

For citation: Bezhentsev A. A. State-service relations in the sphere of ensuring internal security: main features. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):35–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-35-39>. EDN: IPGREV.

Изучение особенностей государственно-служебных отношений в сфере обеспечения внутренней безопасности державы невозможно без выяснения таких категорий как: а) общественные отношения [1; 2; 3], б) правоотношения [4], в) служба [5; 6], г) государственная служба [7; 8; 9], д) государственные служащие [10], е) виды государственной службы [11; 12; 13]. Рассмотрим эти категории предметно.

Так, под общественными отношениями понимают систему постоянных связей между субъектами общества, регулируемых как правовыми, так и неправовыми нормами (обычаями, нормами морали). В свою очередь, *правоотношения* являются разновидностью публичных отношений, которые урегулированы только нормами права. Что касается признаков правоотношений, то к ним отнесем следующие: а) составляют

© Беженцев А. А., 2023

разновидность общественных отношений, поскольку складываются между людьми или коллективами, как субъектами права, по поводу социального блага или обеспечения каких-либо интересов; б) есть результат сознательной деятельности (поведения) людей; г) являются волевыми отношениями, что, с одной стороны, проявляется в воплощении в них воли государства, с другой – воплощении воли участников правоотношений; д) возникают, изменяются или прекращаются, как правило, на основе норм права в случае наступления предусмотренных правовой нормой юридических фактов; е) носят, преимущественно, двусторонний характер и являются особой формой взаимной связи между конкретными субъектами через их права, обязанности, полномочия и ответственность, закрепленные в правовых нормах, охраняемых государством.

Служба является одним из видов общественно-полезной и целенаправленной деятельности людей в обществе и государстве. В разные исторические этапы (периоды) развития человеческой цивилизации служба характеризовала особенности труда отдельной категории лиц, занимавшихся не физическим, а умственным трудом.

При разделении труда в древних государствах сформировалась управленческая элита, которая была отделена от основной массы населения и со временем превратилась в отдельную группу людей – служащих. В древних государствах такими людьми были: правители, министры, консулы, преторы, префекты, прокураторы, судьи, визири, советники, сенаторы.

Служба в современном ее понимании – это специализированная сфера трудовой деятельности, которая возникла вместе с государством и всегда была и является ее неотъемлемой составляющей, что, в первую очередь, обусловлено объективной необходимостью власти иметь специальный аппарат управления, способный выполнять государственные задачи.

На ранних этапах развития человеческой цивилизации основным предназначением службы были: а) служение правителю (царю, монарху); б) внешняя защита государства; в) охрана и обеспечение сохранности и порядка во внутренних делах державы. Эти задачи службы актуальны и востребованы до сих пор. С эволюцией и усовершенствованием государственности модернизировалась и служба, которая постепенно превратилась в профессиональную форму исполнения и реализации государственной власти.

К *общим признакам государственной службы*, целесообразно отнести: а) она является одним из видов общественно-полезной и целенаправленной деятельности людей; б) она возникла вместе с государством и всегда была и остается ее неотъемлемой составляющей, что, в первую очередь, обусловлено объективной необходимостью власти иметь специальный управленческий аппарат, способный выполнять государственные задачи; в) это профессиональная форма выполнения и функционирования власти в стране;

г) ее содержанием является умственная деятельность; д) это работа, профессиональное занятие служащего, а также место его работы; е) профессиональная деятельность, которая в подавляющем большинстве случаев связана с руководством; ж) производна от политического устройства государства, формы правления, системы государственных органов, демократизации общественных отношений.

К *основным признакам современной государственной службы* отнесем следующие: а) это профессиональная деятельность, т. е. она является для государственного служащего профессией – необходимостью выполнять соответствующие должностные полномочия; б) в рамках данной служебной деятельности реализуется компетенция государственных органов; в) содержанием деятельности государственных служащих является выполнение задач и функций государства, необходимых для жизнедеятельности общества; г) это профессиональная деятельность, оплачиваемая из государственного бюджета; д) она носит властный характер и обеспечивается мерами государственного принуждения; е) специфика нормативной правовой базы регулирования государственной службы находит свое выражение через сочетание различных областей юридической науки: публично-правовой (государственно-правовой), уголовно-правовой, частно-правовой (цивилистической) областей юридической науки; ж) преобладание умственного труда в процессе профессиональной трудовой деятельности, владение особым предметом труда – достоверной информацией; з) эта разновидность трудовой деятельности реализуется в соответствии с установленными квалификационными требованиями; и) выполнение служебно-трудовой деятельности осуществляется в контексте внутреннего служебного трудового распорядка дня.

К *задачам государственной службы* отнесем: а) охрану конституционного строя страны, создание условий для развития гражданского общества, производства, обеспечения свободной жизнедеятельности личности, защиту прав, свобод и законных интересов граждан; б) формирование общественно-политических и государственно-правовых условий для практического осуществления функций государственных органов; в) обеспечение эффективной работы государственных органов в соответствии с их компетенцией; г) усовершенствование условий государственной службы и профессиональной деятельности государственных служащих; д) создание и обеспечение надлежащего функционирования системы подготовки и повышения квалификации государственных служащих; е) обеспечение принципа гласности в деятельности государственных служащих и государственных органов, соблюдение законности, искоренение бюрократизма, коррупции и других негативных явлений в государственной системе службы; ж) создание условий для развития гражданского общества, производства, протекции прав, свобод и законных интересов лиц.

Функции государственной службы производны от ее задач. Полагаем, что в широком понимании функции государственной службы – это основные направления практической, социально полезной, профессиональной деятельности людей по выполнению государством своего социального назначения – организации государственной деятельности. Это общие, типичные, имеющие специальную направленность, виды взаимодействия между субъектами и объектами управления, характерные для всех управленческих связей, обеспечивающие достижение согласованности и упорядоченности в сфере государственного управления.

В целом присутствуют варианты классификаций функций государственной службы: а) функции законодательной, исполнительной и судебной власти; б) общие, специальные и вспомогательные; в) основные, специальные; г) правотворческие, правоприменительные, правозащитные, регулятивные, организационные.

Не отрицая ценность приведенных классификаций функции государственной службы считаем целесообразным разделить их концептуально на две группы: 1) внешние, связанные с выполнением основных задач, возложенных на государственные органы (например, для органов внутренних дел – это противодействие правонарушениям и преступлениям, охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, для Федеральной службы безопасности Российской Федерации – обеспечение комплексной государственной безопасности державы); 2) внутренние, связанные с обеспечением выполнения общеобеспечивающих функций (кадровая, информационная, материальная).

Под *государственным служащим* необходимо понимать гражданина Российской Федерации, занимающего соответствующую должность в государственном (представительном) органе или его аппарате, осуществляющим профессиональную деятельность по практическому выполнению задач и функций государства, получающего заработную плату за счет государственного бюджета, имеющего статус государственного служащего, определенный соответствующим законодательным или подзаконным актом.

Выполнение государственными служащими разноаспектных задач и функций актуализирует вопрос о рассмотрении отдельных *видов государственной службы*. Государственную службу классифицируем на следующие виды: а) государственную гражданскую службу, военную службу, государственную службу иных видов; б) службу в органах законодательной, исполнительной и судебной власти; в) гражданскую, специализированную (милитаризованную (военизированную) и правоохранительную службу).

Гражданская служба от специализированной отличается: 1) способом зачисления на государственную службу; 2) порядком замещения должностей; 3) особенностями присвоения званий (специальных званий);

4) правилом прохождения государственной службы; 5) видами установленных ограничений; 6) спецификой прохождения аттестации; 7) исключительностью привлечения к дисциплинарной и юридической ответственности; 8) правом ношения форменной одежды, применения огнестрельного оружия, специальных средств.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным к *особенностям государственно-служебных отношений в сфере обеспечения внутренней безопасности государства* отнести следующие:

1. Это публично-правовые отношения, поскольку в подавляющем большинстве случаев они регулируются нормами административного права.

2. Основной целью возникновения, изменения или прекращения таких правоотношений является обеспечение протекции человека, социума и государства от внутренних угроз, являющихся следствием совершения противоправных действий/бездействий.

3. Их обязательными участниками являются государственные служащие правоохранительных органов, правовой статус которых закреплен в специальном законодательстве.

4. Могут быть как внешними (реализация властных полномочий по отношению к неподчиненным им субъектам), так и внутренними, состоящими в вопросах организации и прохождения службы.

5. Состоят в ходе организации государственной службы и ее прохождении, в связи с: а) принятием на государственную службу (назначением на должность); б) принятием присяги или торжественного обязательства; в) присвоением званий (специальных званий); г) перемещением по службе; д) повышением квалификации, стажировкой; е) установлением условий прохождения государственной службы, в частности, определением должностных полномочий и ответственности; ж) обеспечением безопасности страны при исполнении служебных обязанностей; з) организацией профессиональной подготовки государственных служащих; и) оценкой профессиональной деятельности; к) контролем за деятельностью подчиненных.

6. Участники таких отношений могут быть как юридически неравными, так и юридически равными, однако неравенство доминирующее в этих отношениях, заключается в подчиненности воли одного субъекта другому.

7. Определяющим методом регулирования государственно-служебных отношений является императивный метод, базирующийся на власти и подчинении.

Таким образом, *государственно-служебные отношения в сфере обеспечения внутренней безопасности государства* целесообразно определить как урегулированные административно-правовыми нормами общественные отношения, складывающиеся, как во внешней, так и во внутриорганизационной деятельности правоохранительных органов, направленные на организацию и концептуальное обеспечение надле-

жащего прохождения государственной службы их сотрудниками для достижения главной цели – гарантии внутренней безопасности державы.

Список источников

1. Бавсун М. В., Каплунов А. И., Бавсун И. Г. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1 (97). С. 10–17.
2. Агамиров К. В. Эффективность правового регулирования общественных отношений: актуальные вопросы современной теории // Юридический мир. 2023. № 1. С. 21–26.
3. Ершов В. В. Возникновение, развитие и регулирование правоотношений // Российское правосудие. 2022. № 9. С. 5–12.
4. Бялт В. С., Чимаров С. Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-1 (66). С. 109–112.
5. Липски С. А. Правовое обеспечение государственного управления и государственной службы. Учебник. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2022. 292 с.
6. Трубицын А. Н. Управление государственной службы и кадрового обеспечения // Судья. 2023. № 2 (144). С. 30–36.
7. Вашаев М. А., Закопырин В. Н. Система государственной службы и применение специальных мер принуждения как ее системообразующий критерий // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 62–66.
8. Карпов Э. С. К вопросу о правовом регулировании государственной службы иных видов в системе государственной службы Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 1 (61). С. 72–81.
9. Добряшкус О. К., Кичалюк О. Н. Право на равный доступ к государственной службе: проблемы ограничений // Современные гуманитарные исследования. 2023. № 1 (110). С. 10–11.
10. Чимаров С. Ю., Бородавко Л. Т. Юридизация принципа единоначалия в сфере государственной службы: в контексте нормативных установлений российского законодательства XIX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2-2 (77). С. 253–255.
11. Бойко А. Н. О системной организации управления государственной гражданской службой и кадрами // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. С. 2543–2560.
12. Шувалова М. А. Военная служба как особый вид государственной службы на основе акту-

альных нормативных правовых документов // Специальная техника и технологии транспорта. 2022. № 16. С. 276–282.

13. Зиборов О. В., Бочаров С. Н., Василенко Г. Н. и др. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации / Третье издание, переработанное и дополненное. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Юнити-Дана», 2023. 224 с.

References

1. Bavsun M. V., Kaplunov A. I., Bavsun I. G. Problems of legal regulation of public relations under the dominance of technological imperatives // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1 (97). P. 10–17.
2. Agamirov K. V. Effectiveness of legal regulation of public relations: topical issues of modern theory // Legal world. 2023 №. 1. P. 21–26.
3. Ershov V. V. Occurrence, development and regulation of legal relations // Russian justice. 2022. № 9. P. 5–12.
4. Byalt V. S., Chimarov S. Yu. On the issue of the concept and signs of legal relations // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2022. № 3-1 (66). P. 109–112.
5. Lipski S. A. Legal support of public administration and public service. Textbook. M. : Limited Liability Company «KnoRus Publishing House», 2022. 292 p.
6. Trubitsyn A. N. Management of public service and staffing // Judge. 2023. № 2 (144). P. 30–36.
7. Vashaev M. A., Zakopyrin V. N. The system of public service and the use of special measures of coercion as its backbone criterion // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 1. P. 62–66.
8. Karpov E. S. On the issue of legal regulation of public service of other types in the public service system of the Russian Federation // Penitentiary science. 2023. V. 17, № 1 (61). P. 72–81.
9. Dobryashkus O. K., Kichalyuk O. N. The right to equal access to public service: problems of restrictions // Contemporary Humanitarian Studies. 2023. № 1 (110). P. 10–11.
10. Chimarov S. Yu., Borodavko L. T. Legalization of the principle of unity of command in the sphere of public service: in the context of the normative provisions of the Russian legislation of the 19th century // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. № 2-2 (77). P. 253–255.
11. Boyko A. N. About the system organization of management of the state civil service and personnel // Economics, entrepreneurship and law. 2022. V. 12, № 9. P. 2543–2560.
12. Shuvalova M. A. Military service as a special type

of public service on the basis of current regulatory legal documents // Special equipment and transport technologies. 2022. № 16. P. 276–282.
13. Ziborov O. V., Bocharov S. N., Vasilenko G. N. and

others. Public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation / Third edition, revised and enlarged. M. : Limited Liability Company «Publishing House «Unity-Dana», 2023. 224 p.

Информация об авторе

А. А. Беженцев – доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Bezhentsev – Associate Professor of the Department of Law of the Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Актуальные проблемы теории государства и права. Учеб. пособие. Под ред. А. И. Клименко, М. М. Рассолова ; под общ. ред. В. П. Малахова, В. В. Оксамытного. 4-е изд., перераб. и доп. 351 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Исследуются проблемы предмета и методов теории государства и права, новые теоретические аспекты происхождения права и государства, проблемы государственной власти в условиях глобализации, признаки, типология, строение и функции современного государства.

Рассматриваются сущность и парадигмы права, новые подходы к формам, правотворчеству и систематизации нормативно-правовых актов, а также вопросы теории правоотношений, реализации, толкования норм права и ответственности в демократическом обществе.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, всех интересующихся проблемами развития государства и права.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-40-43>

EDN: <https://elibrary.ru/jsvpci>

НИОН: 2003-0059-6/23-831

MOSURED: 77/27-003-2023-06-030

Некоторые вопросы формирования процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера

Ирина Владимировна Белоусова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматриваются актуальные теоретико-правовые и прикладные аспекты формирования процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Предлагается дополнить УПК РФ ст. 433.1 в авторской редакции.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, производство, применение, выделение, постановление, права и законные интересы

Для цитирования: Белоусова И. В. Некоторые вопросы формирования процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 40–43. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-40-43>. EDN: JSVPCI.

Original article

Some issues of formation of the procedural status of a person in respect of whom proceedings on the application of compulsory measures of medical nature are being conducted

Irina V. Belousova

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Actual theoretical, legal and applied aspects of the formation of the procedural status of a person in respect of whom the proceedings on the application of coercive measures of medical nature are conducted are considered. It is proposed to supplement the Criminal Procedure Code of the Russian Federation article 433.1 in the author's wording.

Keywords: compulsory medical measures, production, application, allocation, resolution, rights and legitimate interests

For citation: Belousova I. V. Some issues of formation of the procedural status of a person in respect of whom proceedings on the application of compulsory measures of medical nature are being conducted. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):40–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-40-43>. EDN: JSVPCI.

Длительное время в российском уголовном процессе лицо, совершившее деяние в состоянии невменяемости или у которого психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, наступило после совершения преступления, считалась не способным лично реализовать свое право на защиту. Так, в частности, ни в гл. 33 УПК РСФСР 1960 г., ни в первоначальной редакции гл. 52 действующего УПК РФ не существовало каких-либо предписаний относительно статуса данного лица.

В результате таковое практически являлось объектом производства о применении принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), а в его интересах действовали законный представитель и защитник.

В учебной литературе [1, с. 422; 2, с. 496–497], а также в комментариях к УПК того периода [3, с. 645] все же обращалось внимание на то, что возможность участия данного лица в производстве процессуальных действий должна решаться в каждом конкретном случае на основании экспертного заключения и медицин-

© Белоусова И. В., 2023

ских документов с учетом характера, тяжести и последствий его психического расстройства.

Указанная позиция, как представляется, была основана на предписаниях ч. 3 ст. 404 УПК РФ о составлении следователем протокола о невозможности производства процессуальных действий с участием такового в силу психического состояния.

Переломным моментом на пути разрешения данной проблемы стало Постановление Конституционным Судом РФ от 20 ноября 2017 г. № 13-П, в котором в целях реализации принципа обеспечения права на защиту отмечена обязанность учета фактической способности лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, лично участвовать в производстве по делу и самостоятельно осуществлять процессуальные действия по защите своих интересов.

В то же время законодатель, внося изменения в ч. 1 ст. 437 УПК РФ Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 323-ФЗ, не долго думая, просто указал, что данному субъекту предоставляется право лично осуществлять принадлежащие ему и предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ процессуальные права, когда это позволяет его психическое состояние. При этом принимаются во внимание заключение экспертов по результатам СПЭ, а при необходимости – медицинское заключение оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях медицинской организации.

Однако они не обладают заранее установленной силой и подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами [4].

По сравнению с ранее существовавшим нормативным регулированием это является весьма положительным моментом. Однако не является секретом, что процессуальный статус исследуемого субъекта не идентичен статусу подозреваемого и обвиняемого, поэтому просто автоматическое дублирование прав данных участников процесса в отношении рассматриваемого лица представляется неправильным [5, с. 34; 6, с. 212–213].

Кроме того, законодатель не предусмотрел процессуального оформления решений о начале производства о применении ПММХ и признании соответствующего лица самостоятельным участником уголовного процесса, что, безусловно, отрицательно влияет на обеспечение его прав, свобод и законных интересов.

В этой связи следует поддержать позицию о необходимости закрепления развернутого статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, непосредственно в гл. 51 либо в гл. 7 УПК РФ путем введения соответствующих статей [6, с. 214; 7, с. 7–8].

Рассматривая процессуальную форму возбуждения рассматриваемого производства, ученые-процессуалисты по-разному именуют такой документ. Так, рядом авторов указывается на необходимость вынесения постановления о признании лицом, в отношении которого ведется дело о применении ПММХ [8, с. 86]. Однако здесь упущена необходимость фиксации начала производства в данной особой форме.

В этой связи С. В. Гусева ведет речь о постановлении о возбуждении производства о применении ПММХ [9, с. 59–60].

И. О. Воскобойник говорит о вынесении постановления о начале производства о применении ПММХ и прекращении производства по уголовному делу в общем порядке, а затем, при наличии оснований, принятии решения о выделении дела в порядке ст. 154 и 436 УПК РФ [5, с. 35].

А. А. Ручина, указывая, что в ходе рассматриваемого особого порядка уголовное преследование не осуществляется, предлагает следующий алгоритм действий: 1) вынесение решения о прекращении уголовного преследования лица; 2) возбуждение производства о применении ПММХ в отношении данного лица; 3) при необходимости – выделение уголовного дела в отдельное производство [10, с. 76].

Придерживаясь позиции о том, что производство о применении ПММХ, наряду с подозрением и обвинением, является одной из форм уголовного преследования, мы не можем поддержать такой алгоритм в части вынесения постановления о прекращении уголовного преследования.

М. Ш. Буфетова предлагает связать начало данной процессуальной формы с вынесением постановления о возбуждении соответствующего производства и постановления о привлечении лица, страдающего психическим расстройством, к производству о применении ПММХ [11, с. 10].

Однако рассматриваемое судопроизводство может быть возбуждено лишь в отношении конкретного лица. Поэтому здесь необходимо вести речь о постановлении о возбуждении производства о применении ПММХ в отношении определенного лица. Данный документ полностью заменяет собой указанные выше два, так как им одновременно определяется начало производства в данной особой форме, а также момент появления лица, в отношении которого таковое ведется, в качестве самостоятельного участника процесса.

Такая регламентация не является чем-то новым. Так, в частности, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица влечет за собой правовые последствия в виде начала предварительного расследования и момента приобретения лицом статуса подозреваемого.

Что касается принятия решения о выделении уголовного дела в порядке ст. 154 и 436 УПК РФ, то нет необходимости оформлять его отдельным постановлением, загромождая материалы дела. В данном случае представляется наиболее правильным вынесение следователем единого постановления о выделении уголовного дела в отдельное производство и о возбуждении производства о применении ПММХ в отношении лица.

Согласно ч. 1 ст. 434 УПК РФ досудебное производство по делам данной категории осуществляется только в форме предварительного следствия. Однако и в ходе дознания могут возникнуть сомнения относительно вменяемости подозреваемого. В данном случае дознаватель уполномочен решить вопрос о назначении

в порядке ст. 195 УПК РФ судебно-психиатрической экспертизы. При наличии в заключении экспертов-психиатров вывода о неспособности подозреваемого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в момент совершения общественно деяния или в момент производства по делу, дознавателю необходимо направить уголовное дело руководителю следственного органа для передачи его следователю.

При получении такого дела следователь выносит постановление о принятии его к своему производству, а затем после изучения материалов при наличии оснований принимает решение о возбуждении производства о применении ПММХ в отношении лица.

На практике имеют место случаи получения на стадии возбуждения уголовного дела данных о наличии психического расстройства у лица, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении. В результате возникает вопрос о том, является ли это основанием для отказа в возбуждении уголовного дела.

В науке уголовного процесса по этому поводу высказываются противоположные позиции. Так, по мнению ряда ученых, установление такого факта при отсутствии опасности для самого субъекта и иных лиц субъектов исключает необходимость возбуждения уголовного дела и дальнейшего расследования [12, с. 222; 13, с. 55; 14, с. 7].

По мнению других авторов, установление оснований для возбуждения производства о применении ПММХ, а также обстоятельств, подлежащих доказыванию в ходе такового, возможно лишь в ходе предварительного расследования [10, с. 73–74; 15, с. 153–154].

На то, что, во-первых, установление соответствующего психического расстройства не относится к правовым основаниям, влияющим на принятие решения о наличии либо об отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а, во-вторых, вопросы о вменяемости и применении ПММХ разрешаются в ходе производства по уголовному, прямо обращается в подп. 1.4 Указания Генеральной прокуратуры от 1 февраля 2016 г. № 67/36 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы».

Таким образом, лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, занимает правовое положение участника уголовного процесса, осуществляющего функцию защиты от уголовного преследования в форме соответствующего производства, отстаивая свои права, свободы и законные интересы.

Его интерес заключается в том, чтобы доказать непричастность к совершенному общественно опасному деянию и избежать неблагоприятных для себя последствий в виде применения таких мер. В целях этого данное лицо лично, а также с помощью защитника и (или) законного представителя вправе отстаивать свои права, свободы и законные интересы.

При этом представляется необходимым дополнить УПК РФ ст. 433.1 «Начало производства о применении

принудительных мер медицинского характера», изложив ее в следующей редакции:

«1. Производство о применении принудительных мер медицинского характера начинается с момента вынесения следователем постановления о возбуждении данного производства при наличии достаточных сведений, указывающих на совершение лицом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости или при наступлении у него психического расстройства после совершения преступления, делающего невозможным назначение наказания или его исполнение.

2. При принятии решения о необходимости выделения уголовного дела в порядке, установленном статьей 436 настоящего Кодекса, следователь выносит постановление о выделении уголовного дела в отдельное производство и о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера.

3. Уголовное дело, по которому предварительное расследование проводится в форме дознания, при наличии оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера направляется органом дознания руководителю следственного органа, о чем выносится соответствующее постановление. Следователь, получив поступившее уголовное дело, принимает решение о принятии его к своему производству и выносит постановление о возбуждении производства о применении принудительных мер медицинского характера.

4. Копия постановления, вынесенного в порядке частей 1–3 настоящей статьи, вручается либо направляется лицу, в отношении которого возбуждено указанное производство, его защитнику и законному представителю с одновременным разъяснением им порядка обжалования данного решения».

Список источников

1. Алексеев Н. С., Бастрыкин А. И., Даев В. Г. и др. Советский уголовный процесс / под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1989.
2. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В. П. Божьева. М. : Спрак, 1998.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. В. Т. Томина. 5-е изд. перераб и доп. М. : «Юрайт-М», 2001.
4. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Воскобойник И. О. К вопросу о необходимости совершенствования уголовно-процессуальной формы производства о применении принудительных мер медицинского характера // Российская юстиция. 2016. № 9. С. 33–36.
6. Говрунова А. И. Процессуальные права и законные интересы лица, в отношении которого

- го ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Общество и право. 2010. № 2. С. 212–216.
7. Авдеев В. Н., Белоусова С. В. Права лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы // Медицинское право. 2016. № 2. С. 6–9.
 8. Бажукова Ж. А. Гарантии прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ...канд. юрид. наук. Сыктывкар. 2008.
 9. Гусева С. В. Особенности предварительного следствия по делам невменяемых лиц и лиц, заболевших психическим расстройством после совершения преступления : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2000.
 10. Ручина А. А. Производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
 11. Буфетова М. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004.
 12. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951.
 13. Рахунов Р. Д. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. М., 1954.
 14. Николюк В. В., Кальницкий В. В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера: учебное пособие. Омск, 1990.
 15. Татьяна Л. Г. Рассмотрение уголовного дела в суде в отношении лиц, имеющих психические недостатки: монография. Ижевск, 2003.
- References**
1. Alekseev N. S., Bastrykin A. I., Daev V. G. et al. Soviet criminal process / edited by N. S. Alekseev, V. Z. Lukashevich. L. : Leningrad University Publishing House, 1989.
 2. Criminal Procedure : textbook for universities / ed. by V. P. Bozhieva. M. : Sprak, 1998.
 3. Commentary to the Criminal Procedure Code of the RSFSR / ed. by V. I. Radchenko ; scientific ed. V. T. Tomina. 5th ed. revision and additions. M. : «Yurait-M», 2001.
 4. Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 7, 2011 № 6 (ed. March 3, 2015) «On the practice of application by courts of coercive measures of medical nature» // LRS «ConsultantPlus».
 5. Voskoboynik I. O. On the need to improve the criminal procedural form of proceedings on the application of coercive measures of medical nature // Russian Justice. 2016. № 9. P. 33–36.
 6. Govrunova A. I. Procedural rights and legitimate interests of the person in respect of whom the proceedings on the application of coercive measures of medical nature are conducted // Society and Law. 2010. № 2. P. 212–216.
 7. Avdeev V. N., Belousova S. V. The rights of the person in respect of whom the proceedings on the application of coercive measures of medical nature are conducted at the appointment and production of forensic psychiatric examination // Medical Law. 2016. № 2. P. 6–9.
 8. Bazhukova Zh. A. Guarantees of the rights of the person in respect of whom criminal proceedings on the application of compulsory measures of medical nature are carried out : dis. ... cand. of legal sciences. Syktyvkar, 2008.
 9. Guseva S. V. Features of preliminary investigation in cases of insane persons and persons who fell ill with mental disorder after committing a crime : dis. ... cand. of legal sciences. M., 2000.
 10. Ruchina A. A. Proceedings on the application of coercive measures of medical nature in respect of minors in criminal proceedings: diss. ... cand. of legal sciences. M., 2020.
 11. Bufetova M. Sh. Proceedings on the application of compulsory measures of medical nature : abstract of the dis. ... cand. of legal sciences. Irkutsk, 2004.
 12. Cheltsov M. A. Soviet Criminal Procedure. M., 1951.
 13. Rakhunov R. D. Revival of a criminal case in the Soviet criminal process. M., 1954.
 14. Nikoluk V. V., Kalnitsky V. V. Criminal-procedural activity on the application of coercive measures of medical character : textbook. Omsk, 1990.
 15. Tatyana L. G. Consideration of a criminal case in court in relation to persons with mental defects: a monograph. Izhevsk, 2003.

Информация об авторе

И. В. Белоусова – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the author

I. V. Belousova – Adjunct of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia.

Статья поступила в редакцию 04.06.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 29.09.2023.

The article was submitted 04.06.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 29.09.2023.

Научная статья

УДК 347.42

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-44-47>

EDN: <https://elibrary.ru/glwikiw>

НИОН: 2003-0059-6/23-832

MOSURED: 77/27-003-2023-06-031

Публичные договоры как способ регулирования правоотношений в сфере расчетов (на примере Системы быстрых платежей)

Даниил Владиславович Боул

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, bouldaniil@gmail.ru

Аннотация. Анализируется возможность и перспективы применения норм законодательства Российской Федерации о публичном договоре к расчетным правоотношениям (на примере Системы быстрых платежей). Делается вывод о целесообразности подобной конструкции.

Ключевые слова: Система быстрых платежей, публичный договор, расчеты, тарифы, потребители

Для цитирования: Боул Д. В. Публичные договоры как способ регулирования правоотношений в сфере расчетов (на примере Системы быстрых платежей) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 44–47. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-44-47>. EDN: GLWKIW.

Original article

Public contracts as a way to regulate legal relations in the sector of settlements (based on the example of the Fast payment system)

Daniil V. Boul

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, bouldaniil@gmail.ru

Abstract. Analyzes the possibility and prospects of application of the norms of the legislation of the Russian Federation on public contract to settlement legal relations (on the example of the Fast payment system). The conclusion about the expediency of such a construction is made.

Keywords: Fast payment system, public contract, payments, tariffs, consumers

For citation: Boul D. V. Public contracts as a way to regulate legal relations in the sector of settlements (based on the example of the Fast payment system). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):44–47. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-44-47>. EDN: GLWKIW.

В настоящей статье рассмотрим вопросы, связанные с применением норм гражданского законодательства Российской Федерации о публичном договоре в отношении расчетных правоотношений и в качестве примера для анализа возьмем Систему быстрых платежей (далее – СБП) как наиболее динамичное явление на российском рынке расчетов.

Расчетные правоотношения в своем широком значении понимаемые, как способ исполнения обязательств между участниками гражданского оборота, являются повсеместными и возникают на разных этапах деятельности общества. Расчетами опосредуются, например, и отношения по приобретению жизненно необходимых товаров и основных благ, предприни-

мательская деятельность и исполнение обязательств в пользу государства (например, оплата налогов).

Сообразно своей важности и частоте, расчетные правоотношения возникают на основании большого количества гражданско-правовых договоров, заключаемых между участниками соответствующих правоотношений. Законодательство Российской Федерации подходит к регулированию договоров в сфере расчетов избирательным образом, в некоторых случаях определяя их условия (как например, в отношении договора банковского вклада с физическим лицом), а в некоторых случаях, допуская отсылку к банковским правилам и применяемым в банковской практике обычаям (как например, указано в ст. 861 ГК РФ).

Вопрос об особенностях договоров в сфере расчетов довольно подробно исследован в российской юридической науке. Л. Г. Ефимова в частности предлагает выделять договоры, непосредственно направленные на совершение или получение платежа и договоры, целью которых является организация будущих безналичных расчетов [1]. В. В. Витрянский отмечает важную особенность расчетного правоотношения «...а именно непереносное участие в указанных правоотношениях банка или иной кредитной организации» и делает вывод, о том, что эта особенность существует именно в случае использования безналичных расчетов [2].

Однако вопрос о том, какого рода договоры могут быть заключены в сфере расчетов в связи с развитием рынка расчетов в настоящее время требует отдельного внимания, а проблематика применения норм о публичном договоре в сфере расчетов не исследована.

Публичный договор известен российскому законодательству, как договор, заключаемый в сфере предпринимательской или иной приносящей доход деятельности. Ст. 426 ГК РФ определяет, что публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т. п.).

Имея ввиду содержание расчетного правоотношения, как отношения, предполагающего оказание услуги (от кредитной организации – плательщику) и принимая во внимание, что одной стороной (исполнителем) оказываются регулярные возмездные услуги можно сделать вывод о том, что по субъектному и функциональному критерию публичный договор может быть использован для оформления расчетов.

Услуги, доступные потребителям в рамках Системы быстрых платежей, оказываются им участниками Системы быстрых платежей. Правила оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга в СБП [3] к числу участников СБП относят кредитные организации (участников Платежной системы Банка России), органы федерального казначейства и международные финансовые организации, а сами услуги являются для потребителей возмездными (и в ряде случаев Банк России ограничивает предельные размеры вознаграждений, взимаемых с потребителей услуг) [4]. Таким образом, одной стороной расчетного правоотношения в СБП всегда выступает лицо, занимающееся приносящей доход деятельностью, как исполнитель и с учетом этого конструкция публичного договора, безусловно, может быть использована для целей регулирования расчетных услуг в Системе быстрых платежей.

Имеющееся регулирование в Системе быстрых платежей можно разделить по двум направлениям:

1. Регулирование отношений, возникающих в Платежной системе Банка России, как для целей организации расчетных услуг в рамках СБП, так и для целей осуществления конкретных расчетных сделок.

Это направление регулируется, как нормативными, так и договорными источниками:

Положением о Платежной системе Банка России;

Договором, заключенным Банком России, действующим в качестве оператора платежной системы и расчетного центра, и АО «НСПК», действующим в качестве операционного и платежного клирингового центра Системы быстрых платежей (в п. 2.2. Правил оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга в СБП этот договор поименован как договор о взаимодействии платежных систем);

- договорами корреспондентского счета, заключенными кредитными организациями, выступающими одновременно и участниками СБП и участниками Платежной системы Банка России, с Банком России;

- договором об оказании операционных услуг и услуг платежного клиринга, заключаемым между кредитными организациями – участниками СБП и АО «НСПК», как операционным и платежным клиринговым центром СБП.

2. Регулирование отношений участников Системы быстрых платежей со своими клиентами (физическими и юридическими лицами), возникающее по причине оказания им расчетных услуг, осуществляемое только на основании отдельных договоров между ними.

Условия этих договоров не определяются нормами российского законодательства специально и регулируются в общем порядке, как все договоры об оказании финансовых услуг, с применением к ним, например, правил законодательства о банковской деятельности или защите прав потребителей. По линии договорного регулирования в Системе быстрых платежей условия этих договоров регулируются минимально: Правила СБП предусматривают необходимость включения в них обязательств по работе с персональными данными и обязательств по соблюдению Правил СБП и стандартов АО «НСПК», что носит скорее технический характер.

В настоящий момент договоры в рамках СБП (вне зависимости от группы) по большей части не являются публичными и заключаются либо по модели договора присоединения либо по модели двухстороннего договора, при этом встречаются случаи оказания услуг СБП в рамках договоров комплексного банковского обслуживания или в рамках договоров о выдаче и использовании электронных средств платежа, что порождает вопросы о навязывании услуг, с учетом чего следует сказать о назначении публичного договора в отечественной правовой системе.

А. Г. Карапетов [5], ссылаясь в том числе на акты

Конституционного Суда Российской Федерации, отмечает, что деятельность по заключению и исполнению договоров, являющихся публичными, социально необходима и публично значима, что обуславливает правомочие законодателя закреплять условия осуществления такой деятельности с учетом ее социально-экономического значения и обеспечения возможности реализации гражданами их конституционных прав и свобод.

Расчетные правоотношения, как действия повседневные и необходимые, своей стороной имеют потребителя расчетной услуги, в качестве которого могут выступать физические лица (в Системе быстрых платежей на данный момент предоставляются у услуги по переводу денежных средств, как между физическими лицами, так и между физическими и юридическими лицами). Услуги эти получили значительное распространение: по данным Банка России [6] в 2022 г. количество пользователей сервиса достигло 81 млн человек, увеличившись за год на 37 млн человек. Через СБП проведено более 3 млрд операций на сумму 14,4 трлн рублей. Количество операций в СБП по сравнению с 2021 г. выросло в 3,5 раза, объем – в 2,9 раза.

Кроме этого анализ рынка показывает, что Система быстрых платежей используется и при исполнении договоров, прямо относимых гражданским законодательством к публичным договорам, таким как договоры розничной купли продажи или договоры оказания услуг. И именно по этим причинам, применение конструкции публичного договора к расчетам с участием физических лиц (в том числе в рамках Системы быстрых платежей) представляется целесообразным, так как позволит обеспечить надлежащий уровень правовой защиты потребителей, исключив необоснованные отказы в оказании услуг и сформировав для всех равные условия их предоставления.

Однако нужно отметить, что даже при том, что расчетные услуги прямо не поименованы в числе договоров, которые ГК РФ относит к публичным, это не имеет критически негативного значения по следующим причинам.

1. Положения ст. 426 ГК РФ не содержат закрытого перечня договоров, являющихся публичными, и в силу свободы легальных действий участников гражданского оборота и свободы договора, участники гражданских правоотношений могут использовать модель публичного договора для оформления своих отношений. Хотя практика показывает, что участники рынка не спешат использовать эту конструкцию, они не лишены такой возможности.

2. Сложившийся в настоящее время правоприменительный подход к вопросу об отнесении договора, из числа непоименованных в законе в качестве публичных договоров, к публичным договорам, является вариативным. А. Г. Карапетов отмечает, что суды на практике иногда признают договоры публичными даже в случаях, когда на это отсутствует прямое ука-

зание в законе, выводя публичный характер договора из характера деятельности соответствующего лица и существа отношений [5] (в частности, он приводит пример, когда в качестве публичного был квалифицирован договор участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома, не поименованный ГК РФ в качестве публичного). Таким образом вопрос о возможности использования того или иного договора по конструкции публичного договора будет решаться судом в каждом конкретном случае.

Применение к договору режима публичности по общему правилу влечет ряд правовых последствий:

А) невозможность отказа в заключении договора (ч. 3 ст. 426 ГК РФ);

Б) обязанность использовать цену, одинаковую для потребителей соответствующей категории (ч. 2 ст. 426 ГК РФ);

В) возможность государственного регулирования условий договора (ч. 4 ст. 426 ГК РФ).

Анализ имеющейся практики рынка позволяет сделать вывод о том, что положения ч. 2 и 4 ст. 426 ГК РФ уже фактически реализуются в рамках СБП, поскольку правила совершения расчетных операций (в том числе в СБП) урегулированы нормативными документами Банка России одинаковым образом для всех кредитных организаций, а тарифная политика внутри СБП и большей части расчетных сервисов (например, в сфере эквайринга) регулируется Банком России.

В части невозможности отказа в заключении договора (и очевидно отказа от его исполнения полностью или в части) сложившаяся практика показывает, что все участники Системы быстрых платежей регулируют возможность таких отказом либо путем установления лимитов на совершение операций либо путем включения в договор условий о возможности отказа. В качестве причин отказа используются различные конструкции, в том числе такие как:

- наличие задолженности клиента перед кредитной организацией;
- предоставление недостоверной информации в процессе заключения или исполнения договора;
- нарушение условий применимого законодательства и регулирующих документов Банка России и АО «НСПК»;
- реализация клиентом товаров, ограниченных в обороте и т. д.

С учетом того, что процесс установления договорных ограничений не является нормативно урегулированным случаи договорного неравенства сторон расчетного правоотношения, равно как и случаи необоснованного отказа в заключении или исполнении сделки не исключены. Распространение норм ст. 426 ГК РФ, с применением всех предусмотренных законом последствий, безусловно, позволит этого избежать.

В заключение перечислим еще некоторые преимущества, которые может дать использование публичных договоров в сфере расчетов.

Прежде всего, это унификация условий оказания расчетной услуги, которая сделает все условия унифицированными и равными для всех потребителей.

Возможность цифровизации сферы оказания расчетных услуг, в частности, возможность использования смарт-контрактов, унифицированных и машиночитаемых форм, что повысит уровень информационной безопасности в сделке, сделает ее исполнение быстрее и дешевле для всех участников.

Использование правил о публичном договоре на двух указанных выше направлениях регулирования позволит связать условия, предусмотренные правилами оказания расчетных услуг, например, правилами соответствующей платежной системы, и условия договора между кредитной организацией и ее клиентом, что повысит прозрачность оказания расчетных услуг и сделает понятными все этапы и процедуры расчетов (такие, как наложение штрафов или оспаривание операций), которые сейчас урегулированы правилами СБП, условия которых не всегда доводятся до клиентов, но в случае их применения создают различные претензионные ситуации.

Список источников

1. Ефимова Л. Г. Понятие и виды договоров на организацию безналичных расчетов // Цивилист. 2011. № 1. С. 70–76; № 2. С. 79–84; № 3. С. 77–84.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари: книга 5. Т. 2. М. : «Статут», 2006.
3. Банкам – как подключиться к системе быстрых платежей // URL://https://sbp.nspk.ru/banks/
4. Тарифы на услуги Банка России в сервисе бы-

стрых платежей платежной системы Банка России (СБП), уплачиваемые участниками СБП при осуществлении перевода денежных средств физическими лицами в пользу физических лиц, действующие с 1 мая 2022 года // URL://https://cbr.ru/PSystem/payment_system/2022-04-19_02/

5. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : «М-Логос», 2020.
6. Годовой отчет за 2022 г. // URL://https://cbr.ru/

References

1. Efimova L. G. The concept and types of agreements for the organization of non-cash payments // Civilist. 2011. № 1. P. 70–76; № 2. P. 79–84; № 3. P. 77–84.
2. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract Law. Contracts on bank deposit, bank account; bank settlements. Competition, contracts on games and betting: book 5. Vol. 2. M. : «Statute», 2006.
3. Banks – how to connect to the fast payment system // URL://https://sbp.nspk.ru/banks/
4. Tariffs for services of the Bank of Russia in the service of fast payments of the Bank of Russia Payment System (SBP1), paid by participants of the SBP when transferring funds by individuals in favor of individuals, effective from May 1, 2022 // URL://https://cbr.ru/PSystem/payment_system/2022-04-19_02/
5. Contract law (general part): article-by-article commentary on articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation / edited by A. G. Karapetov. M. : «M-Logos», 2020.
6. Annual Report 2022 // URL://https://cbr.ru/

Информация об авторе

Д. В. Боул – инспектор отдела международного сотрудничества Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

D. V. Boul – Inspector of the International Cooperation Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 05.12.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 05.12.2023.

Научная статья

УДК 343.2/7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-48-52>

EDN: <https://elibrary.ru/kbakno>

НИОН: 2003-0059-6/23-833

MOSURED: 77/27-003-2023-06-032

Провокация преступления в законодательстве Российской Федерации

Анастасия Алексеевна Бурмистрова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, burmma1997@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены различные теоретические подходы к криминализации провокации преступления, основанные на анализе национального опыта толкования и применения уголовно-правового явления провокации преступления. Проблема провокации преступления в законодательстве Российской Федерации является актуальной в свете необходимости соблюдения гражданских свобод и прав, а также развития демократического общества. Важно учитывать, что провокация преступления может привести к нарушениям конституционных прав граждан.

Ключевые слова: провокация преступления, законодательство Российской Федерации, прецедент, правовые аспекты провокации преступления, уголовная ответственность за провокацию преступления

Для цитирования: Бурмистрова А. А. Провокация преступления в законодательстве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 48–52. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-48-52>. EDN: KBAKNO.

Original article

Provocation of crime in the legislation of the Russian Federation

Anastasia A. Burmistrova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, burmma1997@gmail.com

Abstract. The different theoretical approaches to the criminalization of crime provocation, based on the analysis of national experience of interpretation and application of the criminal law phenomenon of crime provocation are being considered. The problem of crime provocation in the legislation of the Russian Federation is relevant in the light of the need to respect civil liberties and rights, as well as the development of a democratic society. It is important to consider that the provocation of a crime can lead to violations of the constitutional rights of citizens.

Keywords: crime provocation, legislation of the Russian Federation, legislation of the United States of America, legal aspects of crime provocation, criminal responsibility for crime provocation

For citation: Burmistrova A. A. Provocation of crime in the legislation of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):48–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-48-52>. EDN: KBAKNO.

В настоящее время провокация преступления является одним из самых дискуссионных и сложных вопросов в правовой науке. В России, как и во многих других странах, провокация считается негативным явлением и рассматривается как правонарушение.

Для подтверждения необходимости пересмотра законодательного закрепления уголовной ответственности за провокацию преступления в России, служит действующая ст. 304 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), которая представляет собой некий юридический анахронизм, требующий деталь-

© Бурмистрова А. А., 2023

ного рассмотрения не только в рамках узконаправленных интересов некоторых правоприменителей¹.

Неотъемлемым критерием «жизнеспособности» любой правовой нормы является ее возможность реализации в практических ситуациях, что нельзя отметить относительно ст. 304 УК РФ. Результаты анализа судебных прецедентов относительно актуальности и всестороннего применения нормы о провокации взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, позволяют сделать вывод о том, что данная норма УК РФ фактически не участвует в регулировании общественных отношений. Наблюдается в последние годы повышение инцидентов коррупционных преступлений, включая взяточничество. Однако, случаи привлечения к уголовной ответственности за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, предотвращающие произвольное применение ст. 290 и 204 УК РФ, являются редкими. Такое положение свидетельствует о недостаточности механизмов защиты граждан от возможного произвола силовых структур, отвечающих за борьбу с преступностью, и качество их работы оценивается по «палочным» показателям.

Несмотря на денонацию Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее ЕКПЧ), для теории и практики уголовного права остается актуальным вопрос обращения к судебной интерпретационной практике Европейского Суда по правам человека (далее ЕСПЧ) в части применения ст. 6 ЕКПЧ [4], в своих положениях отражающей гарантию права на справедливое судебное разбирательство для каждого человека, что говорит об узком понимании явления провокации преступления и способов ее реализации в положениях ст. 304 УК РФ. В этой связи справедливым будет сказать, что данная статья представляет собой фикцию, т. е. некое преднамеренно созданное правовое явление, которое не соответствует действительности и которое императивно содержится в нормах права с целью вызвать определенные правовые последствия [2, с. 221].

Учитывая вышесказанное, справедливо будет отметить тот факт, что в вопросах определения содержания провокации преступления явно прослеживается несогласованность между отдельными нормами материального уголовного права и нормами смежных

отраслей права, признанных уточнять и конкретизировать отдельные нормы в целях единообразного их правоприменения. Так, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» говорится: «от преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа...». Данное разъяснение в очередной раз доказывает несостоятельность действующей ст. 304 УК РФ, требующей доработки и совершенствования.

Несмотря на противоречивость и незаконность провокации преступления, существует доминирующее мнение в отечественной уголовно-правовой науке и практике о том, что данный метод эффективен для выявления преступлений коррупционной направленности и является почти единственным способом. Это мнение сохраняется с позапрошлого века и по настоящее время.

Научно-правовая проблема заключается в том, что специализированные нормы уголовного права, включая ст. 304 УК РФ, неэффективны в предотвращении масштабного расширения провокационных практик, особенно в отношении социально значимых преступлений, в существующих социальных условиях [3, с. 55].

Предполагается, что переход от криминализации отдельных провокационных преступлений к установлению общей уголовно-правовой нормы, определяющей правовые последствия провокации и устанавливающей уголовную ответственность за нее, является эффективным методом решения поставленной проблемы.

Стоит отметить, что конкретизация уголовного права является процессом правотворчества, который опирается на потребности правоприменительной практики государства и направлен на сближение уголовно-правовой абстракции с конкретными потребностями практики при определенных условиях [1, с. 57].

Не менее важным представляется вопрос рассмотрения правовой регламентации явления провокации преступления в рамках оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Проблема провокации преступления в ОРД остается уже долгие годы одной из самых актуальных и спорных в российской правоприменительной практике.

Анализируя провокацию преступления в теории оперативно-розыскной деятельности, важно отметить, что указывая на невозможность использования провокационных методов, в законе не раскрывается их понятие, что порождает проблемы в правоприменительной практике в вопросах доказывания правомерности

¹ На сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации 11 мая 2010 г. опубликовано интервью начальника управления разработки государственной политики в сфере обеспечения собственной безопасности органов внутренних дел ФМС РФ Департамента собственной безопасности (ДСБ) МВД РФ Е. Лукина, который отвечая на вопрос одного из пользователей сети Интернет о возможности декриминализации данной специальной нормы Особенной части УК РФ указывал о такой перспективе, ссылаясь на положительный законодательный опыт в вопросе легализации провокации взятки в Чешской Республике. URL: www.mvd.ru.

проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

Согласно положениям ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: «органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается: подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)». Фактически, понятие провокации законодатель отождествляет с подстрекательством к преступлению, что представляется недостаточным для полного и исчерпывающего определения данного явления.

Учитывая официальное толкование провокации преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», отметим, что существующее понятие не соответствует наиболее общему и полному пониманию провокации преступления, в частности, со стороны правоохранительных органов, что значительно сужает возможности правоприменения и привлечения к уголовной ответственности за ее совершение.

При рассмотрении вопросов о провокации преступления ВС РФ сформулировал критерии отграничения провокации от правомерного оперативно-розыскного мероприятия в постановлениях Пленумов Верховного суда РФ [7; 8]. В Обзоре судебной практики ВС РФ по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих ядовитых веществ имеется ряд вопросов на предмет правомерности использования результатов ОРМ в качестве доказательств по делу.

В надзорном определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 9 апреля 2008 № 52-Д07-12 указано: «Действия сотрудников правоохранительных органов, связанные с производством проверочных закупок в целях раскрытия и предупреждения преступной деятельности, связанной с распространением наркотических средств, не может рассматриваться как провокационные действия сотрудников милиции» [5]. Изучая содержание данного определения, следует, что суд отвергает даже теоретическую возможность провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов.

В настоящее время, поступившие в Суд заявления о провокации со стороны сотрудников полиции, рассматриваются наиболее детально, и выносятся обоснованное судебное решение, в котором излагается позиция суда на наличие или отсутствие отдельных критериев провокации в рассматриваемом деле, которыми он и руководствовался при исследовании материалов дела. Однако распространена практика вынесения различных по существу решений по аналогичным делам, связанным с провокацией со стороны правоохранительных органов.

Для практики оперативно-розыскной деятельности характерна многократность (повторность) проведения одного и того же ОРМ в отношении того же

лица, например, проведение «проверочных закупок». Именно данное обстоятельство послужило выработке собственного отношения к вопросу допустимости такого рода деятельности в отечественной судебной практике.

В рамках постановления от 15 июня 2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» [8] Пленумом Верховного суда РФ были сформулированы критерии правомерности использования в доказывании по делу результатов ОРМ:

1) получения результатов ОРД в соответствии с требованиями закона. При этом к числу таких требований Пленум отнес лишь:

а) наличие оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 7 Закона об ОРД;

б) наличие постановления о проведении проверочной закупки, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность;

2) наличие в материалах ОРД, представленных в суд данных, свидетельствующих о том, что:

а) умысел на совершение преступления сформировался независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений

б) обвиняемым были проведены все подготовительные действия, необходимые для совершения противоправного деяния.

Стоит отметить, что данное постановление Пленума ВС РФ не стимулирует должным образом судебные инстанции на качественное исследование доказательственной базы и обоснование правомерности произведенных оперативно-розыскных мероприятий. Сложившаяся практика позволяет посредством анализа сделать вывод о том, что для признания правомерности проведенного ОРМ суду достаточно наличие постановления о проведении ОРМ (проверочная закупка, оперативный эксперимент) – формальный критерий. Формализация судов при рассмотрении дел по существу о правомерности проведения в отношении них определенных ОРМ способствует ошибочно вынесенным решениям по делу.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 12 апреля 2011 № 24-Д11-1 [6] изложена позиция суда на правомерное проведение проверочной закупки в отношении И. А. Мудревского. Основанием для проведения проверочной закупки в отношении И. А. Мудревского явилась информация о незаконном сбыте марихуаны в населенном пункте, где проживает И. А. Мудревский. После наведения справок, с учетом показаний свидетелей, сотрудники Управления Федеральной службы по контролю за наркотиками (далее УФСКН) вышли на Мудревского и осуществили проверочную закупку. Факт наличия

умысла у Мудревского сформировался независимо от действий сотрудников, так как он сразу согласился сбыть, хранящееся у него наркотическое средство.

Вывод сотрудников УФСКН о наличии умысла к моменту начала проведения проверочной закупки основывается лишь на информации оперативного работника, осуществляющего проверочную закупку, который утверждал о хранении наркотических средств Мудревским И. А. Позиция ЕСПЧ по данному обстоятельству аналогична с той, что мы рассматривали выше, а именно, считается явно недостаточным. Кроме того, недостаточным является и постановление о проведении проверочной закупки в силу того, что в нем не конкретизировано лицо, в отношении которого будет проводиться данное ОРМ («житель по имени И.»), что противоречит требованию о проведении ОРМ в отношении конкретного лица.

Наконец, хранение у Мудревского конопли, которая была сорвана с дикорастущих растений, не подтверждало наличие умысла никакими доказательствами по делу в судебном процессе. Для данного случая характерен так называемый «латентный преступный умысел», а не проявление реального умысла, который был сформирован у лица заранее.

Анализ позиций ВС РФ, закрепленных в Обзорах судебной практики и Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, относительно необходимости наличия в результатах ОРД данных, свидетельствующих о незаконной деятельности лица, в отношении которого планируется провести закупку, а также о правильном закреплении этих данных, не была подтверждена в нем ссылкой на положительные или отрицательные примеры из судебной практики.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить тенденцию на законодательное расхождение в толковании явления провокации преступления, требующего дальнейшего изучения и разрешения путем закрепления официального понятия данного явления и выработки критериев ограничения провокации преступления от правомерных оперативных мероприятий.

Список источников

1. Дмитренко А. П. Пробелы легитимного определения провокации преступления в законодательстве Российской Федерации // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы V межведомственной научно-практической конференции (Москва, 15 ноября 2019 г.) / отв. ред. В. П. Кувалдин. М. : Издательский дом «Юриспруденция», 2020. С. 55–58.
2. Дмитренко А. П., Кадников Н. Г., Рускевич Е. А. Провокация преступления, ее фикция и презумпция: теория, закон, правовая позиция Европейского Суда по правам челове-

ка // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 218–224.

3. Ермаков С. В. Вопросы уголовно-правовой квалификации по статье 304 УК РФ действий сотрудников оперативных подразделений, допустивших провокацию // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 53–61.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г., с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 25 марта 1992 г., 11 мая 1994 г.), ратифицирована Федеральным законом РФ от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Бюллетень международных договоров. № 3. 2001.
5. Надзорное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2008 года дело № 52-Д07-12 (Документ опубликован не был) // СПС «Консультант-Плюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2011 № 24-Д11-1 Приговор по делу о незаконном обороте наркотических средств изменен, действия осужденного переквалифицированы с ч. 1 ст. 228.1, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, п. «г» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ на ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ // URL://http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_49020.htm.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2013.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Российская газета. № 137. 2006.

References

1. Dmitrenko A. P. Gaps of legitimate definition of crime provocation in the legislation of the Russian Federation // Criminal and operational and investigative legislation : problems of interbranch relations and prospects for improvement : Proceedings of the V interdepartmental scientific-practical conference (Moscow, 15 November 2019) / Editor-in-Chief V. P. Kuvaldin. M. : Publishing House «Jurisprudence», 2020. P. 55–58.
2. Dmitrenko A. P., Kadnikov N. G., Russkevich E. A. Provocation of a crime, its fiction and

- presumption : theory, law, legal position of the European Court of Human Rights // Bulletin of Tomsk State University. 2020. № 461. P. 218–224.
3. Ermakov S. V. Issues of criminal-legal qualification under Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation of the actions of employees of operational units who allowed provocation // Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (89). P. 53–61.
 4. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Rome, 4 November 1950, as amended and supplemented on 21 September 1970, 20 December 1971, 1 January 1990, 6 November 1990, 25 March 1992, 11 May 1994), ratified by the Federal Law of the Russian Federation of 30 March 1998, № 54-FZ «On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols» // Bulletin of International Treaties. № 3. 2001.
 5. Supervisory determination of the Judicial Collegium on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation from 9 April 2008 case № 52-D07-12 (The document was not published) // LRS «ConsultantPlus».
 6. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 12, 2011 № 24-D11-1 The sentence in the case of illegal trafficking of narcotic drugs is changed, actions of the convicted person are reclassified from part 1 of article 228.1, item «b» part 2 of article 228.1, item «g» part 3 of article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on part 1 of article 30, part 1 of article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on part 1 of article 30, part 1 of article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. 1 article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // URL:// http://www.sudbiblioteka.ru/vs/text_big3/verhsud_big_49020.htm.
 7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2013 № 24 (ed. December 24, 2019) «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 9. 2013.
 8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 № 14 (ed. May 16, 2017) «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances» // Rossiyskaya Gazeta. № 137. 2006.
- Библиографический список**
1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24 июня 2023 г.) // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
 2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
- Bibliographic list**
1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ (ed. of June 13, 2023) (with amendments and additions, in force since June 24, 2023) // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
 2. Federal Law of August 12, 1995, № 144-FZ «On Operative Investigative Activity» // URL://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/

Информация об авторе

А. А. Бурмистрова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Burmistrova – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023; одобрена после рецензирования 07.09.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 14.07.2023 approved after reviewing 07.09.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья

УДК 343.982.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-53-56>

EDN: <https://elibrary.ru/kfoppw>

ИПОН: 2003-0059-6/23-834

MOSURED: 77/27-003-2023-06-033

Принцип однократного ввода информации в процессе администрирования и организации деятельности эксперта

Дмитрий Юрьевич Волков¹, Максим Владимирович Кремлев², Виталий Федорович Васюков^{3,4}

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, hartman1@yandex.ru

² Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, mvkremlev@mail.ru

³ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, vvf0109@yandex.ru

⁴ Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы оптимизации деятельности экспертов в целях сокращения времени на составление экспертного заключения. Для исключения ошибок при вводе однотипной информации предлагается использование шаблонов экспертных заключений с устойчивыми и переменными составляющими. Кроме того, с целью оптимального администрирования экспертной деятельности рассматривается вопрос взаимной увязки отдельных аспектов в бланке заключения эксперта и в электронном журнале учета материалов, поступивших на экспертизу. Для дальнейшей оптимизации организации труда экспертов и администрирования их деятельности предлагается принцип однократного ввода информации.

Ключевые слова: рабочее место эксперта, автоматизация, заключение эксперта, администрирование, принцип однократного ввода информации

Для цитирования: Волков Д. Ю., Кремлев М. В., Васюков В. Ф. Принцип однократного ввода информации в процессе администрирования и организации деятельности эксперта // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 53–56. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-53-56>. EDN: KFOPPW.

Original article

The principle of one-time input of information in the process of administration and organization of expert activities

Dmitry Y. Volkov¹, Maxim V. Kremlev², Vitaly F. Vasyukov^{3,4}

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, hartman1@yandex.ru

² Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, mvkremlev@mail.ru

³ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, vvf0109@yandex.ru

⁴ Research Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The issues of optimization of experts' activity in order to reduce the time for drawing up an expert opinion are considered. The use of templates of expert opinions with stable and variable components is proposed in order to exclude errors when entering the same type of information. In addition, in order to optimally administer expert activities, the issue of mutual coordination of individual aspects in the expert's opinion form and in the electronic journal of materials received for examination is being considered. In order to further optimize the organization of work of experts and the administration of their activities, it is proposed to introduce the principle of one-time input of information.

Keywords: expert's workplace, automation, expert's opinion, administration, principle of one-time input of information

For citation: Volkov D. Yu., Kremlev M. V., Vasyukov V. F. The principle of one-time input of information in the process of administering and organizing the activities of an expert. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):53–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-53-56>. EDN: KFOPPW.

На сегодняшний день использование компьютерных технологий приобрело массовый характер. Оно позволило существенно сократить издержки производства, доказав свою состоятельность. Отметим, что экспертные подразделения достаточно активно внедряют современные цифровые системы, как в процесс организации своей деятельности, так и в процесс производства исследований.

В аспекте администрирования следует привести инициативный опыт некоторых экспертных подразделений по внедрению электронного журнала учета материалов, поступивших на экспертизу. Сведения, однократно внесенные в данный документ, автоматически суммируются, формируя определенные показатели деятельности. Ведение такого журнала также позволяет с минимальными манипуляциями установить степень загруженности каждого эксперта, как в количественном, так и в качественном выражении, что способствует равномерному распределению должностных обязанностей.

Для совершенствования организации труда создаются автоматизированные рабочие места. Об их актуальности в современной работе судебных экспертов высказывались многие ученые. Среди последних можно выделить труды И. А. Латышова [1] и Н. Ю. Дусевой [2].

Указанные авторы справедливо говорят о том, что автоматизированное рабочее место сегодня является одним из важнейших компонентов, составляющих основу профессионального успеха любого из сотрудников, особенно эксперта-криминалиста.

К основным целям внедрения автоматизированных рабочих мест в деятельность специалиста относятся такие, как автоматизация трудоемких процессов обработки, хранения и передачи информации; сокращение времени, необходимого для принятия решений; повышение производительности труда.

Формирование автоматизированного рабочего места должно проводиться в соответствии с принципами открытости, модульности, системности, управляемости, совместимости аналитического и графического представления информации [3]. Использование общедоступных и специализированных решений, широко распространенных протоколов и интерфейсов обеспечит успешную интеграцию создаваемых продуктов и между ними, и с уже функционирующими информационными системами.

Принцип модульности предполагает организацию функционирования системы, состоящей из отдельных модулей, работающих независимо друг от друга. Главная задача такого построения заключается в локализации возникшего в ней сбоя.

Принцип системности заключается в выстраивании элементов в определенном алгоритме с сохранением взаимных и постоянных связей, что позволяет однократно введенную информацию ретранслировать и учитывать при решении различных задач.

Принцип управляемости ассоциируется с необхо-

димостью организации контроля в описываемой системе, отслеживания перехода от одного этапа к другому.

Принцип совместимости аналитического и графического представления информации сводится к возможности визуальной оценки результатов при обработке информации средствами автоматизированного рабочего места.

Существенное значение имеет вопрос обеспечения технической и физической защиты аппаратных компонентов (носителей информации) и бесперебойного энергоснабжения системы.

Отдельного внимания в организации деятельности эксперта заслуживает процесс составления заключения. По сложившейся практике, учитывая, что указанный документ имеет устойчивую структуру с присущими ее элементам предложения и словосочетания, в ранее выполненное исследование схожего объекта вносятся изменения необходимого содержания. Это могут быть данные об участниках уголовного процесса, индивидуальные характеристики объектов и пр. Анализ таких документов указывает на неоднократные случаи оставления «прошлых сведений» по причине невнимательности исполнителя. Безусловно, мы не являемся сторонниками возврата к временам, когда в отсутствие ПК эксперты использовали печатные машинки, каждый раз создавая уникальный документ. Видится оправданным в существующую практику внести защитные элементы.

Предлагается создание программного обеспечения для использования в автоматизированном рабочем месте эксперта. Данный ресурс должен включать бланки заключений, отражающий этапы исследования.

Основная задача разработанного алгоритма заключается в автоматическом заполнении повторов ранее введенных сведений. Например, при назначении дактилоскопической экспертизы идентификационного характера среди объектов, представленных на исследование, будет прописываться: «след пальца руки, изъятый при осмотре места происшествия по адресу ...» и «дактилоскопическая карта Иванова Ивана Ивановича, 23.08.1999 года рождения». Данные сведения по тексту документа повторяются неоднократно, также они встречаются в приложениях, иллюстрирующих ход исследования.

Указанный алгоритм самостоятельно расставляет повторяющиеся сведения по устойчивым предложениям и словосочетаниям, что сократит временные издержки, а также исключит возможные орфографические ошибки и оставление «прошлых сведений». Особенно полезной приведенная функция будет при производстве многообъектных экспертиз.

По мере развития программного обеспечения автоматизированного рабочего места эксперта возможно увязывать с рабочим местом руководителя подразделения. В результате становится возможным некоторые ключевые позиции (Ф.И.О. участников уголовного

процесса, выводы эксперта, сроки проведения экспертизы, дату ее производства и пр.) вносить в автоматическом режиме в иные документы (электронный журнал учета материалов, поступивших на экспертизу, квартальные и годовые отчеты и т. д.). Например,

внесенная в графы журнала регистрации экспертиз информация автоматически заносится в текст создаваемого заключения эксперта. И наоборот, дата, выводы эксперта автоматически переносятся в электронный журнал регистрации экспертиз (Таблица 1).

Таблица 1

<i>№ п/п (входящий номер)</i>	<i>Дата поступления</i>	<i>Откуда поступили материалы. Должность, фамилия лица, назначившего экспертизу</i>	<i>Категория дела (уголовное, административное), номер дела (материала проверки сообщений о преступлениях). Состав преступления (правонарушения)</i>	<i>Дата и адрес совершения преступления (правонарушения). Фамилии и инициалы потерпевшего и подозреваемого</i>
1	2	3	4	5
<i>Наименование и характеристики экспертизы</i>	<i>Фамилия и подпись эксперта, принявшего экспертизу к производству</i>	<i>Материалы и объекты, поступившие на экспертизу (наименование, количество, серия и номер)</i>	<i>Краткие выводы экспертизы (результаты экспертизы)</i>	<i>Дата выдачи (направления). исх. №, подпись и фамилия лица, выдавшего экспертизу</i>
6	7	8	9	10

Полужирным курсивом выделены позиции, автоматически заносимые из журнала учета материалов, поступивших на экспертизу в формируемый бланк заключения эксперта. Подчеркнутым выделены позиции, вносимые в обратном порядке.

Также предлагается разделить текст экспертизы на устойчивые и переменные составляющие. Устойчивые составляющие защищены от изменений пользователем (данное право оставить исключительно за администратором). Они отражают методику исследования и являются обязательной ее частью. Переменные же составляющие могут быть представлены в виде окна с вариантами выбора, в виде возможности вписать свой вариант и смешанный («выбор из представленных» и «свой вариант»).

Например, описание предмета клинкового типа сопровождается измерениями, сравнением его элементов с какой-либо формой, указанием составляющих. Первые и вторые характеристики могут быть выбраны, соответственно, из предложенных цифр и геометрических фигур. Третья же характеристика представляется различными вариантами, либо, ввиду своей относительной уникальности, самостоятельно дописывается экспертом.

Кроме того, возможно увязать отдельные показатели с синтезирующей частью заключения и выводами. Например, система, обнаруживая в заполненных экспертом окнах несовпадение почерка в спорной рукописи с почерком в экспериментальных образцах по преобладающей форме движения (прямолинейно-угловая и дугообразно-петлевая) или указание размерной характеристики клинка менее 90 мм, автоматически формулирует категорический отрицательный вывод.

На основании изложенного предлагается включить в группу принципов формирования автоматизированного рабочего места эксперта принцип однократного ввода информации. Суть данного принципа заключается, во-первых, в необходимости установления сфер деятельности экспертных подразделений, использующих и отражающих в служебных и процессуальных документах идентичную информацию; во-вторых, в создании условий для автоматизированного распространения повторяющихся сведений в тексте служебных и процессуальных документов.

Считаем, что подобная позиция поспособствует снижению временных издержек экспертов и позволит направить основные усилия на качество исследования нежели на фиксацию его результатов.

Список источников

1. Латышов И. В. Возможности использования автоматизированных учебных мест при подготовке экспертов-криминалистов // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 5. С. 53–56.
2. Дусева Н. Ю. Автоматизированное рабочее место эксперта-криминалиста: требования и современные решения // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 4 (69). С. 79–81.
3. Котиков В. Н., Петросянц В. А. Формирование концепции «автоматизированного рабочего места эксперта» // Ведомости Научного цен-

тра экспертизы средств медицинского применения. 2015. № 1. С. 45–48.

References

1. Latyshov I. V. Possibilities of using automated training places in the training of forensic experts // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 5. 2016. P. 53–56.
2. Duseva N. Yu. Automated workplace of a forensic expert: requirements and modern solutions // Society: politics, economics, law. 2019. № 4 (69). P. 79–81.
3. Kotikov V. N., Petrosyants V. A. Formation of the concept of an «automated expert's workplace» // Bulletin of the Scientific Center for Expertise of Medical Products. 2015. № 1. P. 45–48.

Информация об авторах

Д. Ю. Волков – доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат юридических наук;

М. В. Кремлев – начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, кандидат юридических наук;

В. Ф. Васюков – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного университета международных отношений МИД России (МГИМО), главный научный сотрудник ФКУ «Научный центр безопасности дорожного движения МВД России», доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

D. Yu. Volkov – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminology and Operational Investigative Activities of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

M. V. Kremlev – Head of the Department of Organization of Operational Investigative Activities of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

V. F. Vasyukov – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Chief Researcher of the Scientific Center for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 13.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-57-61>

EDN: <https://elibrary.ru/dwvvtr>

НИОН: 2003-0059-6/23-835

MOSURED: 77/27-003-2023-06-034

Наследие научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в создании модели систем познания, эффективной практики и воспитания в рамках преподаваемых дисциплин

Ольга Владимировна Волынская¹, Игорь Борисович Тутынин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kafedra2002@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена различным аспектам наследия научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в создании модели систем познания, эффективной практики и воспитания в рамках преподаваемых дисциплин.

Ключевые слова: научная школа, кафедра уголовного процесса, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Для цитирования: Волынская О. В., Тутынин И. Б. Наследие научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в создании модели систем познания, эффективной практики и воспитания в рамках преподаваемых дисциплин // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 57–61. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-57-61>. EDN: DWVVTR.

Original article

The legacy of the scientific school of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in creating a model of cognition systems, effective practice and education within the framework of the disciplines taught

Olga V. Volynskaya¹, Igor B. Tutynin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kafedra2002@gmail.com

Abstract. The article is devoted to various aspects of the legacy of the scientific school of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in creating a model of cognition systems, effective practice and education within the framework of the disciplines taught.

Keywords: scientific school, Department of Criminal Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

For citation: Volynskaya O. V., Tutynin I. B. The legacy of the scientific school of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' in creating a model of cognition systems, effective practice and education within the framework of the disciplines taught. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):57–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-57-61>. EDN: DWVVTR.

2023 год объявлен годом педагога и наставника, в соответствии с чем содержание и направленность коренных преобразований российского общества все

больше оказывает влияние на воспитание людей и его эффективность [5, с. 3].

Современные изменения в обществе и государстве

© Волынская О. В., Тутынин И. Б., 2023

предъявляют новые требования к формированию профессиональной компетентности обучающихся в образовательных организациях, в т. ч. к воспитанию личности и к развитию у них профессионально важных качеств [2, с. 3].

В связи с этим роль современного педагога, обязанного обладать соответствующим уровнем культуры, чувством достоинства, как в личной, так и в профессиональной сфере, стремящегося к творческому самосовершенствованию, неоспоримо возрастает. Он должен быть способен не только передать сумму знаний, традиций, образцов культуры, но и обучать его методам познания, творческому осмыслению и преобразованию действительности [4, с. 3].

О значении процесса профессионального образования, формирующего современного специалиста, сказано немало слов. Каждое образовательное учреждение, вырабатывая образовательную среду подготовки специалиста, осуществляет социально-педагогически значимую функцию воспитания [6, с. 3].

Обращение к специализированной литературе показало, что современная педагогическая наука разрабатывает соответствие форм и методов формирования воспитательного пространства индивидуальным (социальным, психологическим) особенностям обучающихся и обучающихся. Рекомендована ориентация на реальный конечный результат подготовки и воспитания выпускников вузов, с требованием надлежащей педагогической и психологической культурой всех участников воспитательного пространства. Обоснована целесообразность целостности образовательного пространства вуза. Без создания условий и предпосылок (методических, организационных, кадровых, социально-психологических и др.) невозможно ожидать роста результатов воспитания и профессиональной подготовки [7, с. 32].

Многое из перечисленного уже с давних пор реализуется сотрудниками кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. При этом нет ошибки, что это именно «с давних пор». Истоки научной и педагогической основы кафедры были заложены до момента формального образования нашего вуза с современным названием. Крепкий фундамент заложен деятельностью корифеев отечественной науки уголовного процесса: Л. М. Карнеевой, А. М. Лариным, А. А. Чувиловым, Н. Е. Павловым, А. П. Гуляевым, Г. П. Химичевой, В. Н. Григорьевым, А. В. Гриненко, Л. Н. Масленниковой, А. И. Глушковым, А. В. Победкиным и др.

На современной (как по форме, так и по содержанию) кафедре уголовного процесса имеется научная и педагогическая школа, имеющая четко обозначенное

направление научных исследований, выкованное и реализуемое с учетом потребностей российского уголовного судопроизводства.

Предшествующее развитие отечественной научной мысли, отражающей стремление соответствовать конституционным и международным основам в уголовно-процессуальном праве, прослеживается в результатах деятельности научной школы кафедры уголовного процесса, именуемой «Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» под руководством Заслуженного деятеля высшей школы Российской Федерации, д.ю.н., профессора Ендольцевой А. В., Заслуженного деятеля высшей школы Российской Федерации, д.ю.н., профессора Химичевой О. В.

Особое место в успехах кафедры, причем не только по научному, но и учебно-методическому направлению, занимает результативность деятельности профессора кафедры, д.ю.н., профессора Мичуриной О. В., вложившей значимый вклад в развитие магистерского направления не только в рамках кафедральной, но и, в целом, деятельности всей совокупности профилирующих юридических дисциплин Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Вызывают общественный резонанс и повышенное внимание в научном сообществе, а также вносят значительный вклад в отечественную науку ежегодные международные и всероссийские конференции, проводимые кафедрой уголовного процесса («Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития», «Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации»), проводимые с 2003 года, представляет собой дискуссионную площадку для апробации идей и дискуссий, с доступом как практических сотрудников правоохранительных органов, так и лиц, начинающих или успешно продолжающих заниматься научной деятельностью.

На сегодняшний день научная школа кафедры обладает всеми признаками классической университетской. Занимаясь проблемами фундаментальной науки, наши сотрудники участвуют в реализации различных программ и проектов, востребованных практикой.

Сотрудники кафедры постоянно посещают курсы повышения квалификации, но этим не ограничиваются. Речь идет и о защите диссертаций на соискание научной степени к.ю.н., а также осуществляют научную деятельность по подготовке докторских исследований по современным на сегодняшний день направлениям.

Это не может не сказаться на профориентации курсантов и слушателей, обучающихся по дисциплинам, преподаваемым на кафедре уголовного процесса.

Возможно, в этих условиях, можно говорить о подготовке не только высококвалифицированных специалистов и практических сотрудниках, но и «черпаний» резервов для подготовки научно-педагогических кадров будущего.

Но наряду с научной деятельностью, кафедра, в первую очередь, решает образовательные задачи, немалое значение при исполнении которых уделяется именно подготовке и воспитанию сотрудников органов внутренних дел.

Кафедра знаменита учебниками и учебными пособиями, созданными ее сотрудниками, по различным учебным дисциплинам и по множеству тем уголовно-процессуального направления.

Изменение государственной идеологии, правовых основ, моральных ценностей и многие другие обстоятельства, связанные с характером и содержанием правового обучения привели к тому, что современная высшая школа значительно отличается от той, которая существовала несколько десятков лет назад. Кардинально улучшились информационные и материально-технические условия обучения [1, с. 3]. Кафедра по-прежнему учитывает основную задачу педагога — стремиться к максимально высокому научно-методическому уровню проводимых учебных занятий. Это означает, что коллеги не пытаются заниматься «самопиаром». Коллективу кафедры свойственен классический, «академический» подход, переданный от предыдущих поколений.

При этом набор минимально необходимых методических приемов у каждого сотрудника кафедры свой. Поощряется способность импровизировать, проявлять индивидуальность, умение учитывать уровень аудитории, причем, все перечисленное без ущерба для содержания учебного материала.

Не секрет, что современные модели, предлагаемые управленческими структурами, сориентированы на педагога высшей школы как ретранслятора знаний, умений и навыков.

Получивший широкое распространение феномен «сбрасывания экзистенциальных качеств» является не самой лучшей характеристикой субъектов педагогической деятельности. «Кризис незнания» и отказ от экзистенциального поиска, не может и не должен преодолеваются посредством строгой авторитарной регламентации. Поиск смысла бытия человека и креативность должны образовывать основу стратегического мышления сотрудника ОВД. Имеющееся в настоящий момент состояние социального бытия «молодого сотрудника полиции» влияет на его понимание смысла человеческого существования в целом. Начинающий полицейский начинает воображать себя надзирателем, обязанным выполнять манипулятивные практики [3, с. 3].

Именно поэтому на кафедре уголовного процесса принято учитывать следующие значимые качества обучающегося, как: ответственность, креативность, эмпатия. К этому нас призывали наши Учителя, акцентируя внимание на пожеланиях осмыслить необходимость личностного роста именно по этим направлениям.

Новые вызовы современности вынесли на первый план потребность инноваций в процессе обучения. Так в специализированной литературе предлагается в рамках интерактивного обучения, способствующего становлению значимых качеств личности курсантов, считать наиболее востребованными образовательными технологиями: кейстехнология, социодрама, психодрама, деловая игра, ролевая игра, дискуссия [3, с. 10]. Перечисленные варианты в той или иной степени используются нашими коллегами при проведении всех видов учебных занятий.

Педагогическая деятельность, как молодых, так и умудренных опытом коллег постоянно находится в поле зрения не только руководства кафедры, но и всех членов коллектива. В ходе открытых занятий и взаимных посещений подтверждается, что преподаватели никогда не превращают семинарское или практическое занятие в монолог, или диалог с одним из обучаемых, где принято включать в обсуждение как можно больше мнений курсантов и слушателей. Таким образом, имеет место взаимодействие преподавателей с аудиторией и контроль за ней.

Несмотря на то, что в рядах кафедры имеются сотрудники и работники, имеющие длительный и многосторонний опыт службы на должностях ОВД РФ, прокуратуры, судов и иных правоохранительных органов, на занятиях не наблюдались действия преподавателей, носящие назидательный тон, либо примитивное пересказывание личного опыта. Профессорско-преподавательский состав настроен на то, чтобы предоставить обучающемуся возможность детально и всесторонне изучить норму права, правильно и глубоко ее осмыслить, после чего публично обсудив на занятии. Для этого на кафедре принято использовать в учебном процессе продуманные ситуации, которые заранее тщательно отобраны и подготовлены на основе следственно-судебной практики. Это позволяет сформировать не только прочные базисные знания, но предложить молодому специалисту подсказку, метод, позволяющий находить решения.

Общепризнанно, что лекция — высшая форма организации учебного процесса. На кафедре уголовного процесса этот тезис воплощается в жизнь ежедневно. При этом посыл наших лекторов такой — хорошо прочитанная лекция — искусство, к постижению которо-

го нужно стремиться всю жизнь [1, с. 18]. Формируя тезисы лекционного материала, постоянно, вдумчиво изучаются первоисточники, исследуется научная литература по дисциплине, по теме и проблемам правоприменения. Кроме того, обращается внимание на достижения своих коллег по «цеху» во время взаимных посещений занятий, и анализируют свои и чужие достижения.

Повышение качества подготовки лекций происходит постоянно. Для демонстрации этого создан опыт полного опубликования текста лекций. В связи с этим мы всегда рады пригласить коллег к критическому обсуждению своих усилий и познакомиться с другими подходами. Обсуждение происходит в доброжелательной обстановке, с целью скорректировать и не навредить.

Учебные лекции, в том числе и в видеоформате, подготовленные уважаемыми профессорами и молодыми начинающими коллегами, снова и снова демонстрируют достижения в научной и методической работе кафедры с использованием современных технологий.

На кафедре принято, что к тексту лекций предъявляются высокие требования: язык изложения, общая проблемность и количество узконаправленных проблемных вопросов, представительство личных теоретических взглядов, использование исторического и перспективного законодательства, реагирование на изменения в законодательстве, обширный анализ решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, учтение сложившейся следственно-судебной практики, использование современных публикаций и мн. др.

Несомненно, что усвоение материала, полученного в ходе лекционного курса, способствует такое направление практических занятий как «деловые игры».

Деловые игры проходят на специально оборудованных полигонах и имеют распространение уже не только на очную, но и заочную формы обучения, сочетая в себе элементы выработки как учебной, так и практической деятельности, что приводит к значимым результатам. С начала учебного 2023 года для слушателей заочной формы обучения подготовлен и используется курс новой дисциплины: «Практикум по уголовному процессу», целью которого является совершенствование навыков подготовки процессуальных документов в ходе уголовного судопроизводства. Это соответствует пожеланиям комплектующих практических органов.

В завершение, подводя итоги изложенному, хотелось добавить, что достижения научной школы и педагогического мастерства кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя используются и в рамках других высших учеб-

ных заведений, причем не только системы МВД РФ. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации со ссылками на мнения авторов коллектива кафедры, в том числе и при озвучивании собственных мнений на различного рода представительских мероприятиях.

Список источников

1. Булатов Б. Б., Николюк В. В., Кальницкий В. В. Преподавание уголовного процесса в вузе МВД России : учебно-методическое пособие. Омск : Омская академия МВД России. 2005.
2. Евтихов О. В. Формирование профессиональной компетентности курсантов при интеграции учебно-воспитательной и профессионально-служебной деятельности в образовательном учреждении МВД России : автореф. дис. ... д-ра. педаг. наук. Красноярск, 2021.
3. Иванченко Е. С. Педагогические условия становления экзистенциально значимых качеств личности курсантов образовательных организаций МВД России в процессе интерактивного обучения : автореф. дис. ... канд. педаг. наук. Улан-Удэ, 2022.
4. Мартишина Н. В. Становление и развитие творческого потенциала педагога в системе непрерывного педагогического образования : автореф. дис. ... докт. педаг. наук. Рязань, 2009.
5. Микрюков В. Ю. Теория и практика военно-патриотического воспитания учащихся в современной России : автореф. дис. ... д-ра. педаг. наук. М., 2009.
6. Пономарев А. В. Социально-педагогическая функция вуза в воспитании современного специалиста : автореф. дис. ... д-ра. педаг. наук. Екатеринбург, 2009.
7. Резниченко М. Г. Формирование воспитательного пространства вуза : автореф. дис. ... д-ра. педаг. наук. М., 2009.

References

1. Bulatov B. B., Nikoluk V. V., Kalnitskiy V. V. Teaching criminal procedure at the university of the Ministry of Internal Affairs of Russia: teaching manual. Omsk : Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2005.
2. Evtikhov O. V. Formation of professional competence of cadets in the integration of educational and professional activities in the educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia : autoref. dis. ... doct. pedagogical sciences. Krasnoyarsk, 2021.

3. Ivanchenko E. S. Pedagogical conditions for the formation of existentially significant personality qualities of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the process of interactive learning : abstract dis. ... candidate of pedagogical sciences. Ulan-Ude, 2022.
4. Martishina N. V. Formation and development of the creative potential of a teacher in the system of continuous pedagogical education : abstract dis. ... doct. pedagogical sciences. Ryazan, 2009.
5. Mikryukov V. Yu. Theory and practice of military-patriotic education of students in modern Russia : abstract dis. ... doct. pedagogical sciences. M., 2009.
6. Ponomarev A. V. The socio-pedagogical function of the university in the education of a modern specialist : abstract dis. ... doct. pedagogical sciences. Yekaterinburg, 2009.
7. Reznichenko M. G. Formation of the educational space of the university : abstract dis. ... doct. pedagogical sciences. M., 2009.

Информация об авторах

О. В. Волынская – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

И. Б. Тутынин – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. V. Volynskaya – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

I. B. Tutynin – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 19.12.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 19.12.2023.

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-62-65>

EDN: <https://elibrary.ru/dxhzkd>

НИОН: 2003-0059-6/23-836

MOSURED: 77/27-003-2023-06-035

К вопросу об отмене заочного решения по заявлению ответчика

Наида Шамильевна Гаджиалиева

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, naidka79@mail.ru

Аннотация. Анализируются основания и порядок отмены заочного решения по заявлению ответчика в гражданском процессе, отмечаются проблемы, возникающие на правоприменительном уровне при отмене заочного решения.

Ключевые слова: заочное производство, заочное решение, отмена заочного решения, гражданский процесс

Для цитирования: Гаджиалиева Н. Ш. К вопросу об отмене заочного решения по заявлению ответчика // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 62–65. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-62-65>. EDN: DXHZKD.

Original article

On the issue of canceling the default decision on the application of the defendant

Naida Sh. Gadzhialieva

Dagestan State University, Makhachkala, Russia, naidka79@mail.ru

Abstract. The grounds and procedure for canceling a default decision on the defendant's application in a civil process are being analyzed, the problems that arise at the law enforcement level when canceling a default decision are being noted.

Keywords: proceedings in absentia, judgment in absentia, cancellation of judgment in absentia, civil process

For citation: Gadzhialieva N. Sh. On the issue of canceling the default decision on the application of the defendant. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):62–65. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-62-65>. EDN: DXHZKD.

Подача заявления об отмене заочного решения суда предусмотрена ст. 242 ГПК РФ, согласно которой заочное решение суда подлежит отмене, если суд установит, что неявка ответчика в судебное заседание была вызвана уважительными причинами, о которых он не имел возможности своевременно сообщить суду, и при этом ответчик ссылается на обстоятельства и представляет доказательства, которые могут повлиять на содержание решения суда.

Отмена заочного решения суда является правом ответчика на восстановление своего права на участие в состязательном гражданском процессе, которое предоставляется в случае одновременного наличия двух условий: во-первых, отсутствие ответчика при разбирательстве дела, окончившемся вынесением судебного акта, было вызвано уважительными причинами, во-вторых, у ответчика имеются доказательства неправомерности вынесенного решения в заочной форме.

Реализация права отмены заочного решения осуществляется путем подачи ответчиком заявления, содержание которого регламентируется ст. 238 ГПК РФ. Заявление об отмене заочного решения должно отвечать строго определенным реквизитам. Кроме общих сведений о наименовании суда и лица, подающего заявление, просьбы об отмене, особое внимание уделяется причинам неявки в суд. Для того чтобы судебный орган отменил собственное постановление, ответчик обязан не только объяснить, по каким уважительным причинам он не имел возможности явиться в судебное заседание, но и подтвердить их посредством доказательств, например, командировочного удостоверения или листа временной нетрудоспособности.

Заявление об отмене заочного решения подлежит рассмотрению в судебном заседании. При этом, предмет процессуальной проверки в нем будет являться: во-первых, установление наличия либо отсутствия

уважительных причин неявки ответчика в судебное заседание, о которых он не имел возможности своевременно сообщить суду (а также, доказанность таких причин), и, во-вторых, установление факта представления либо непредставления стороной ответчика доказательств (и ссылки на обстоятельства), которые могут повлиять на содержание решения суда.

Обязанность (бремя) доказывания всех вышеперечисленных обстоятельств возлагается целиком и полностью на ответчика. Причем таковые должны быть доказаны им строго в их совокупности, т. е. при недоказанности хотя бы одного любого из них заочное решение отмене не подлежит [1].

Согласно ч. 3 ст. 238 ГПК РФ заявление об отмене заочного решения не оплачивается государственной пошлиной, хотя с этим можно было бы поспорить. Действительно, заочное решение выносится судом ввиду создания для неявившегося ответчика неблагоприятных правовых последствий, а его неявка предполагается виновной. Вместе с тем, законодатель косвенно поощряет ответчика, освобождая от уплаты государственной пошлины, при обращении к суду с заявлением об отмене судебного решения. Эта позиция представляется М.В. Тимониной нелогичной, тем более если учесть, что истец и другие лица, участвующие в деле, несут дополнительные судебные расходы, связанные с возобновлением рассмотрения дела по существу [2, с. 154].

Важным моментом, заслуживающим внимания, является то, что при очередном рассмотрении гражданского дела после отмены решения по жалобе ответчика, не допускается повторное вынесение заочного решения. Дело должно быть рассмотрено заново с извещением истца и ответчика о месте и времени заседания суда. В этом случае повторная неявка ответчика не делает вновь постановленное решение заочным.

Одни авторы предлагают расширить основания для отмены заочного решения. Так, по мнению Г. Г. Тришиной, «при рассмотрении заявления ответчика об отмене заочного решения суд должен быть наделен полномочием на отмену такого решения не только в случае существования оснований, указанных в ст. 242 ГПК РФ, но и при обнаружении судебных ошибок, которые свидетельствуют о незаконности возбуждения судебного производства, являются основаниями для прекращения производства по делу и оставления заявления без рассмотрения» [3, с. 122].

Другие авторы считают необходимым наделить суд первой инстанции при отмене заочного решения правом утвердить мировое соглашение [4, с. 107].

Заявление об отмене заочного решения подается ответчиком по установленной форме в семидневный срок с момента, когда им была получена копия вынесенного заочного решения с уведомлением по правилам ч. 1 ст. 236 ГПК РФ.

Несмотря на то, что, казалось бы, ч. 1 ст. 237 ГПК РФ не оставляет сомнений в моменте, с которого на-

чинает течь семидневный срок на подачу ответчиком заявления об отмене заочного решения, именно эта вполне определенная формулировка и порождает значительные сложности в применении нормы ч. 1 ст. 237 ГПК РФ на практике.

Связано это с тем, что ответчик зачастую получает на руки копию заочного решения спустя много месяцев после его вынесения, а иногда даже в ходе или после его принудительного исполнения и суд отменяет по заявлению ответчика не просто состоявшийся, а уже вступивший в законную силу, а иногда и реально исполненный судебный акт. В связи с этим требует законодательного разрешения вопрос о том, во всех ли случаях срок на подачу заявления об отмене заочного решения должен связываться только с получением ответчиком его копии, особенно когда копия заочного решения возвращена в суд за истечением срока хранения, когда ответчику стало или могло стать известно о состоявшемся судебном акте из других источников (например, от судебного пристава-исполнителя, сотрудников федеральной пограничной службы), однако копия заочного решения так и не получена.

Следует отметить, что практика уже пошла по данному направлению. Так, например, по делу о взыскании с К. в пользу Банка задолженности по кредитному договору в размере 106713,42 руб., ответчик обратился в суд с заявлением об отмене заочного решения суда от 09.03.2016 г. В обосновании заявления было указано, что заявитель узнал о вынесенном заочном решении после того, как с его банковской карты была взыскана службой судебных приставов денежная сумма в размере 106713,42 руб. После обращения с заявлением в службу судебных приставов ему стало известно о наличии заочного решения.

Таким образом, ответчик в данном случае узнал о вынесенном заочном решении после того, как фактически заочное решение было исполнено в полном объеме.

Определением суда от 25.09.2020 г. заочное решение отменено и производство по делу возобновлено. 09.10.2020 г. решением суда в удовлетворении иска отказано. Ответчиком подано заявление о повороте исполнения решения суда. Определением Новолакского районного суда от 28.05.2018 г. произведен поворот исполнения решения суда, взыскано в пользу К. 106713,42 руб. [5].

На практике суды часто не придерживаются законодательного правила о том, что семидневный срок для подачи заявления об отмене заочного решения исчисляется с момента получения ответчиком заочного решения.

В приведенном примере ответчиком заявление было подано в семидневный срок с момента, когда денежные средства были сняты с его счета, и ему стало известно о наличии судебного решения.

Кроме того, из данного примера видно, что, связывая исчисление срока на подачу заявления об отмене

заочного решения исключительно с моментом получения ответчиком копии заочного решения, ответчик не ходатайствует о восстановлении срока, и суд не ставит на обсуждение вопрос о пропуске ответчиком срока на подачу заявления об отмене заочного решения.

Когда ответчик по собственной инициативе все же просит восстановить пропущенный срок на подачу заявления об отмене заочного решения, апеллируя, например, к ненадлежащему извещению о времени и месте судебного разбирательства вследствие неправильного указания в исковом заявлении его адреса, он рискует столкнуться с отказом суда в восстановлении срока со ссылкой на отсутствие уважительных причин пропуска.

Так, по иску к М. о взыскании долга определением суда от 11.02.2020 г. отказано ответчику в удовлетворении ходатайства о восстановлении срока на подачу заявления об отмене заочного решения от 16.12.2020 г. Суд не принял во внимание доводы ответчика о том, что он давно не проживает по указанному истцом в заявлении адресу и в связи с этим извещения о рассмотрении дела не получал. При вынесении определения суд сослался на то, что ответчиком не представлены доказательства уважительности пропуска срока на подачу заявления об отмене заочного решения [6].

Учитывая, что в самой ч. 1 ст. 237 ГПК РФ о возможности восстановления срока на подачу заявления об отмене заочного решения ничего не говорится, а ч. 2 ст. 237 с истечением срока на подачу заявления об отмене заочного решения связывает возникновение у ответчика права на подачу апелляционной жалобы, некоторые авторы задаются вопросом, нужно ли ответчику ходатайствовать о восстановлении пропущенного срока на подачу заявления об отмене заочного решения или следует сразу подавать апелляционную жалобу (если срок на ее подачу не пропущен), а если срок на подачу последней также пропущен, принадлежит ли ответчику право выбора между подачей заявления об отмене заочного решения и апелляционной жалобы или он должен реализовать данные возможности последовательно [7, с. 515].

Отчасти на обозначенные вопросы попытался ответить Президиум Верховного Суда Российской Федерации, указавший в Обзоре судебной практики № 2(2015) [8], что в случае отсутствия у суда сведений о вручении копии заочного решения ответчику такое решение суда вступает в законную силу по истечении совокупности следующих сроков: трехдневного срока для направления копии решения ответчику, семидневного срока, предоставленного ответчику на подачу заявления об отмене вынесенного решения и месячного срока на обжалование заочного решения в апелляционном порядке.

Вместе с тем, при разрешении судом вопроса о принятии к рассмотрению заявления об отмене заочного решения или апелляционной жалобы на такое

решение, не исключается возможность применения закрепленных в ст. 112 ГПК РФ правил о восстановлении процессуальных сроков.

Так, если будет установлено, что копия заочного решения была вручена ответчику после истечения срока для подачи заявления о его отмене, но до истечения срока на подачу апелляционной жалобы на это решение, то срок для подачи такого заявления может быть восстановлен судом при условии, что заявление о восстановлении данного срока подано в пределах срока на апелляционное обжалование.

В случае вручения ответчику копии заочного решения после истечения срока на его апелляционное обжалование пропущенный срок для подачи заявления об отмене данного решения восстановлению не подлежит. При этом пропущенный срок на подачу апелляционной жалобы на такое решение может быть восстановлен судом.

Список источников

1. Евсеев Е. Ф. Обжалование заочного решения суда // Закон. 2022. № 4. С. 188–197.
2. Тимонина М. В. Обжалование заочного решения // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2016.
3. Тришина Е. Г. Своевременность рассмотрения и разрешения гражданских дел при отмене заочного решения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012.
4. Ивашин Д. И. Проблемы отмены заочного решения суда // Модернизация и устойчивое развитие современного общества: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции : материалы международной научно-практической конференции. В 3-х частях. Ответственные редакторы Н. Н. Понарина, С. С. Чернов. 2017.
5. Решение по гражданскому делу № 2-1473/2021 Новолакского районного суда Республики Дагестан // Архив Новолакского районного суда Республики Дагестан.
6. Решение по гражданскому делу № 2-7010/2020 Советского районного суда г. Махачкалы // Архив Советского районного суда г. Махачкалы.
7. Моисеев С. В. Отмена заочного решения по заявлению ответчика: отдельные проблемы // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тезисы докладов международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Н. Г. Юркевича. 2018.
8. Обзор судебной практики Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 2(2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 10.

References

1. Evseev E. F. Appeal of a court decision in absentia // Law. 2022. № 4. P. 188–197.
2. Timonina M. V. Appeal of a decision in absentia // Modern trends in the development of science and technology. Belgorod, 2016.
3. Trishina E. G. Timeliness of consideration and resolution of civil cases in case of cancellation of an absentee decision // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012.
4. Ivashin D. I. Problems of cancellation of a court decision in absentia // Modernization and sustainable development of modern society: economic, social, philosophical, political, legal, general scientific trends : materials of the international scientific and practical conference. In 3 parts. The responsible editors are N. N. Ponarina, S. S. Chernov. 2017.
5. Decision on civil case № 2-1473/2021 of the Novolaksky District Court of the Republic of Dagestan // Archive of the Novolaksky District Court of the Republic of Dagestan.
6. Decision on civil case № 2-7010/2020 of the Soviet District Court of Makhachkala // Archive of the Soviet District Court of Makhachkala.
7. Moiseev S. V. Cancellation of the correspondence decision on the defendant's application: separate problems // Theoretical and applied problems of realization and protection of subjective rights in the context of innovative socio-economic development of society : abstracts of reports of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor N. G. Yurkevich. 2018.
8. Review of judicial practice of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation № 2 (2015) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. № 10.

Информация об авторе

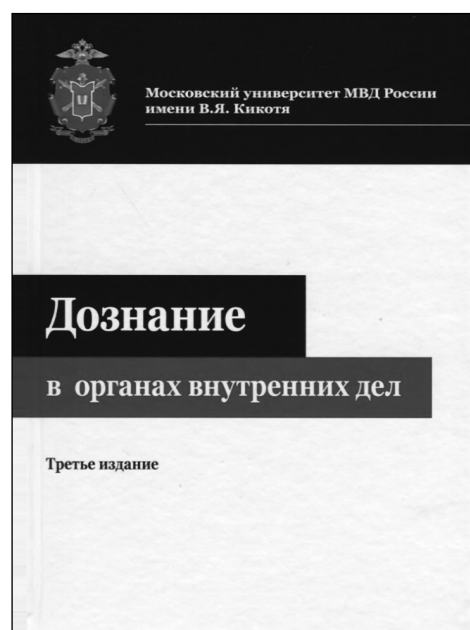
Н. Ш. Гаджалиева – доцент кафедры гражданского процесса Юридического Института Дагестанского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

N. Sh. Gadzhialieva – Associate Professor of the Civil Procedure Department of the Legal Institute of the Dagestan State University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 04.08.2023; принята к публикации 29.09.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 04.08.2023; accepted for publication 29.09.2023.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-66-70>

EDN: <https://elibrary.ru/eznjpc>

НИОН: 2003-0059-6/23-837

MOSURED: 77/27-003-2023-06-036

Об оперативно-розыскной деятельности подразделений собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации

Рамиль Хайдарович Гафуров

Академия Управления МВД России, Москва, Россия, rgafurov15@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается оперативно-розыскная деятельность подразделений собственной безопасности системы органов внутренних дел Российской Федерации, ее основные задачи, классификации преступлений и способов совершения преступлений как в отношении сотрудников органов внутренних дел, так и совершаемых ими, рассматриваются основные методы и способы выявления и раскрытия преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД. Также рассматриваются основные детерминанты преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, меры по их устранению.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, подразделения собственной безопасности, преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел, оперативно-розыскные мероприятия, внутренние и внешние угрозы

Для цитирования: Гафуров Р. Х. Об оперативно-розыскной деятельности подразделений собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 66–70. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-66-70>. EDN: EZNJPC.

Original article

On operational and investigative activities of the internal security units of the internal affairs bodies of the Russian Federation

Ramil Kh. Gafurov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, rgafurov15@mvd.ru

Abstract. The operational and investigative activity of the internal security units of the system of internal affairs bodies of the Russian Federation, its main tasks, classifications of crimes and ways of committing crimes both in relation to employees of internal affairs bodies and committed by them, the main methods and ways of detecting and solving crimes committed by employees of internal affairs bodies are considered. The main determinants of crimes committed by IAB officers, measures to eliminate them are also considered.

Keywords: operative detective activity, internal security units, crimes committed by employees of internal affairs service, operative detective measures, internal and external threats

For citation: Gafurov R. Kh. On operational and investigative activities of the internal security units of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):66–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-66-70>. EDN: EZNJPC.

Органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) предназначены для охраны прав и свобод, жизни и здоровья человека и гражданина, частной и иной собственности, государственной и общественной безопасности, однако, бывают случаи, когда сотрудникам ОВД нужна защита или профилактика совершения ими правонарушений, а в худших случа-

ях – необходимо пресечь преступления, совершаемые сотрудниками ОВД. Все вышеуказанные функции возложены на подразделения собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – СБ ОВД) [3].

Служебная деятельность сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации является пу-

бличной и не может не быть объектом пристального внимания со стороны граждан, общества и криминального мира, в результате чего честь, достоинство и репутация сотрудников ОВД подвергаются постоянным угрозам. Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий способствует росту количества таких угроз, а преступления совершаемые сотрудниками ОВД при публикации в средствах массовой информации (далее СМИ) вызывают резкий общественный резонанс.

В целях выявления и раскрытия преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, решения вопросов о допуске к сведениям, составляющих государственную тайну [1], осуществления правовой и физической защиты сотрудников ОВД от преступных посягательств, а также иных функций, возложенных на подразделения собственной безопасности ОВД, ими осуществляется оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) в полном объеме согласно Приказу МВД России № 608 от 19 июня 2012 г [5].

Следует отметить, что в нынешних условиях вектор деятельности подразделений СБ ОВД, в большей степени, направлен именно в сторону выявления и раскрытия преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, нежели их защита или профилактика совершаемых ими преступлений, что на наш взгляд, несколько неверно, так как показывает приоритезацию именно «карательной» функции подразделений СБ ОВД по отношению к сотрудникам ОВД, нежели «защитной» функции.

Условно, можно разделить ОРД СБ ОВД на:

- в отношении лиц, совершающих противоправные действия против сотрудников ОВД;
- в отношении сотрудников ОВД, совершающих противоправные действия.

Наиболее часто совершаемые преступления сотрудниками ОВД можно распределить следующим образом:

- должностные преступления;
- преступления против интересов службы;
- общеуголовные преступления.

Составы преступлений, наиболее часто совершаемые в отношении сотрудников ОВД: ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), ст. 318 (применение насилия в отношении представителя власти), ст. 319 (оскорбление представителя власти) УК РФ [2].

Если же выделять преступления, совершаемые сотрудниками ОВД по составам, то чаще всего совершаются: ст. 158 (кража), ст. 159, ст. 161 и ст. 162 (грабежи, разбои, мошенничество), ст. 111, 112, 115, 116 (различные степени причинения вреда здоровью), ст. 109 (причинение смерти по неосторожности), реже ст. 105 (убийства), ст. 286 (превышение должностных полномочий), ст. 286.1 (неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа), ст. 290 (получение взятки), ст. 291 (дача взятки), ст. 291.1 (посредничество

во взяточничестве), ст. 291.2 (мелкое взяточничество), ст. 292 (служебный подлог), ст. 292.1. (незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации), ст. 302 (принуждение к даче показаний), ст. 303 (фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности) УК РФ [2].

По частоте совершения преступлений, совершаемых в отношении сотрудников полиции, наиболее часто подвергаются преступным посягательствам (в порядке убывания количества случаев преступных посягательств): сотрудники патрульно-постовой службы полиции (далее ППС), участковые уполномоченные полиции (далее УУП), сотрудники оперативных подразделений полиции, значительно реже – сотрудники дежурных частей, следствия, дознания, экспертно-криминалистических подразделений.

Чаще всего, преступления в отношении сотрудников полиции совершаются при несении ими службы:

- на митингах, шествиях, пикетированиях и иных массовых мероприятиях различной направленности;
- при осуществлении патрулирования на территории оперативного обслуживания;
- при обходе жилого сектора;
- при задержании преступников и правонарушителей;
- при проведении оперативно-розыскных мероприятий и производстве следственных действий.

Наиболее частые типовые ситуации, при которых совершаются преступления в отношении сотрудников ОВД:

- при проверке документов;
- при пресечении правонарушений;
- реже – внезапные нападения на сотрудников ОВД.

Одна из новых задач подразделений собственной безопасности эта та, которая исходит от киберпреступников, которые осуществляют атаки на информационные системы МВД России – защита от кибератак на сетевую инфраструктуру и базы данных МВД России. Основной целью киберпреступников является получение доступа к информационным базам данных МВД России или выведение из строя соответствующих сервисов МВД России.

Эти задачи и основные направления деятельности ОВД полностью корреспондируются с задачами, указанными в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и п.10 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Осуществление ОРД в виде оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ) в отношении лиц, совершивших преступления в отношении сотрудников

ОВД, практически ничем не отличается от их проведения по общеуголовным преступлениям, то в случае проведения ОРМ в отношении сотрудников ОВД, совершающих противоправные действия, имеются следующие особенности:

- сотрудники ОВД, в отношении которых проводятся ОРМ, могут быть осведомлены (особенно оперативные подразделения) о методах, средствах, тактике и способах ОРД и эффективно противодействовать им, что представляет серьезную трудность для подразделений СБ ОВД;
- латентность преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД на порядок выше, нежели у совершаемых аналогичных преступлений со стороны гражданских лиц, что вызвано также осведомленностью о методах, средствах, тактике и способах выявления и раскрытия тех или иных преступлений.

Категории сотрудников ОВД, совершающие противоправные деяния:

- внедренные криминальные элементы в целях получения разведывательной информации о деятельности правоохранительных органов;
- случайно совершившие преступление и скрывающие их;
- коррупционеры (лица, для которых работа в ОВД является инструментом для заработка);
- лица, занимающиеся покровительством («крышеванием») юридических и физических лиц на территории оперативного обслуживания;
- «каратели» (должностные лица, цель которых, в случае отсутствия законных оснований привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, привлечь их к ней путем совершения карательных действий);
- сотрудники ОВД, совершающие мелкие правонарушения.

Ниже представлен список служб и подразделений ОВД, которые чаще всего могут совершать преступления, и виды преступлений, совершаемых ими:

1. Патрульно-постовая служба полиции (далее ППСП), сотрудники данной службы чаще всего совершают вымогательства у владельцев торговых палаток, ларьков, мигрантов, также могут совершать грабежи, кражи, мелкое взяточничество.

2. Оперативные подразделения полиции, согласно перечню служб, наделенных правом осуществлять ОРД, закрепленные приказом МВД России № 608, спектр совершаемых преступлений довольно таки широк, начиная от взяток, заканчивая тяжкими и особо тяжкими преступлениями, вплоть до убийства.

3. Следствие и дознание как органы, осуществляющие расследование уголовных дел, чаще всего совершают преступления, связанные со взяточничеством, хищением, фальсификацией доказательств.

4. Экспертно-криминалистические подразделе-

ния, как правило, чаще всего совершают преступления, связанные со взяточничеством при даче подложного заключения эксперта.

5. Участковые уполномоченные полиции, как правило, на территории оперативного обслуживания совершают вымогательства, взяточничество, а также мошеннические преступления в сфере недвижимости.

6. Инспектора государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД), как правило, совершают преступления, связанные со взяточничеством при оформлении правонарушений в сфере безопасности дорожного движения и служебным подлогом при оформлении транспортных средств и постановкой их на учет.

7. Руководители территориальных органов и подразделений могут совершать вышеупомянутые преступления с посредничеством любой из вышеперечисленных служб, находящихся в их подчинении.

Наиболее часто преступления совершаются сотрудниками ОВД:

- при осмотре места происшествия в виде краж денежных средств и ценностей в жилище, помещениях организаций и учреждений;
- при обысках и выемках, проводимых в жилище, помещениях организаций и учреждений;
- на местах дорожно-транспортных происшествий;
- в кабинетах и иных служебных помещениях ОВД;
- в личном и служебном автотранспорте сотрудников ОВД;
- в различных клубах, барах и иных увеселительных учреждениях;
- иные места, которые могут посещаться сотрудниками ОВД по служебной необходимости.

Как правило все преступления, совершаемые сотрудниками полиции, связанные с передачей денежных средств, происходят в следующих формах:

- 1) денежный перевод на счет третьего лица, который после передает коррупционеру денежные средства в наличном виде, оставляя себе небольшой процент;
- 2) использование системы тайников и закладок;
- 3) использование третьих лиц в качестве посредников (курьеров);
- 4) прямая передача денежных средств.

В целях выявления и раскрытия преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, происходит силами СБ ОВД, часто совместно с сотрудниками ФСБ России, а также во взаимодействии Следственного комитета России [4].

Наибольшую эффективность для выявления и раскрытия преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, приносят именно оперативно-розыскные мероприятия, средства и методы, которых позволяют преодолеть высокую латентность, совершаемых ими преступлений.

Помимо ОРМ технического характера, учитывая, что криминализированные сотрудники ОВД могут ис-

пользовать для связи и обмена информацией скрытые абонентские номера или Интернет-сервисы (соцсети, мессенджеры и иные зашифрованные сервисы), которые могут быть неконтролируемыми посредством проведения ОРМ.

Деятельность подразделений собственной безопасности (далее – ПСБ) МВД России носит оперативно-розыскной характер и преимущественно осуществляется с использованием негласных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности для предотвращения ущерба от внутренних и внешних угроз. Поэтому отсюда вытекает особый правовой статус ПСБ, который определяется их организационно-структурным построением в общей системе и структуре МВД России.

Сотрудники ПСБ занимаются выявлением и пресечением коррупционных, должностных, общеуголовных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД.

Детерминантами преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, являются:

- низкая заработная плата сотрудников ОВД;
- приказы, часто незаконные, нелогичные, отдаваемые некомпетентными руководителями;
- противоречащие друг другу законы и приказы в сфере деятельности ОВД;
- отсутствие или нарушения условий в сфере охраны труда;
- отношение к сотрудникам как к ресурсу;
- образ сотрудника ОВД в обществе воспринимается неоднозначно, чаще как коррупционер или карательный инструмент государства (во многом в этом виноваты СМИ, кинематограф, которые чаще показывают только негативные результаты деятельности ОВД, нежели их положительные, а порой и героические поступки);
- значительное снижение общего престижа службы в ОВД;
- разочарование в службе самих сотрудников ОВД.

Для устранения вышеназванных детерминантов и профилактики преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД, следует применить следующие организационные меры:

- повысить среднюю заработную плату сотрудникам ОВД до 120–130 тыс. руб., так как на данный момент в частном секторе средняя ЗП по аналогичной профессии от 100.000 руб. и более, также повышение заработной платы позволит удержать сотрудников с большим стажем службы, тем самым позволит устранить или хотя бы замедлить отток профессиональных и опытных кадров, помимо льгот, которые действуют на данный момент, за каждые 5 лет службы выплачивать по 1.000.000 руб. с учетом вычета 13 % подоходного налога;
- жестко реагировать на отдаваемые некомпетентными руководителями приказы, привле-

кая их к ответственности, тем самым избавив сотрудников от задач, которые несвойственны данной службе или подразделению;

- внести изменения в законы и приказы, привести их к соответствию друг другу;
- устранить нарушения условий охраны труда: соблюдения графика отпусков, упрощение процедуры оформления отпусков, упрощение процедуры оформления служебных командировок и иных процедур, которые встречаются в служебной деятельности сотрудников ОВД;
- следует прививать руководителям отношение к сотрудникам не как к ресурсу, а как к живому человеку, специалисту;
- исправление образа «оборотня в погонах» в обществе, путем организации различных общественных мероприятий, показывающих, что сотрудники ОВД такие же люди, как и гражданские лица, тем самым повышая уровень доверия граждан к правоохранительным органам.

Повышение уровня престижа службы и устранения разочарований среди самих сотрудников ОВД сами собой улучшатся при выполнении вышеназванных пунктов.

С момента образования в 1995 г. службы собственной безопасности в системе МВД России прошло более четверти века. Но и сегодня ее деятельность остается очень востребованной. Угрозы, которым противостоят ПСБ, не только по-прежнему актуальны, но и со временем дополнились новыми требованиями.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, в случае, если получится реализовать вышеназванные организационные меры, то вектор оперативно-розыскной деятельности подразделений СБ ОВД может быть сдвинут приоритет функций с «карательной», на профилактическую и защитную функцию, тем самым обеспечив в полной мере выполнение подразделениями СБ ОВД своей самой основной и главной функции – защиту сотрудников ОВД от преступных посягательств.

Служба собственной безопасности остается необходимой, так как угрозы, которым она противодействует, только расширяются и эволюционируют. Новое время порождает дополнительные риски. Противостоять им, устранять их – это задача подразделений собственной безопасности. Актуальность существования данной службы из года в год только повышается.

Список источников

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // URL://<https://rg.ru/>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) // URL://<https://rg.ru/>

3. Приказ МВД России от 2 января 2013 г. № 1 «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // URL://https://rg.ru/
4. Приказ МВД России от 16 июня 2011 г. № 679 «Об утверждении Положения о Главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации» // URL://https://rg.ru/
5. Приказ МВД РФ от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» (с изменениями и дополнениями) // URL://https://rg.ru/

References

1. Federal Law № 144-FZ of August 12, 1995 (ed. July 1, 2021) «On Operative Investigative Activity» // URL://https://rg.ru/
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ (ed. August 4, 2023) // URL://https://rg.ru/
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of January 2, 2013 № 1 «On Approval of the Concept of Ensuring Own Security of the System of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // URL://https://rg.ru/
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 679 of June 16, 2011 «On Approval of the Provision on the Main Department of Internal Security of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» // URL://https://rg.ru/

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of June 19, 2012, № 608 «On Some Issues of Organization of Operative Investigative Activity in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (as amended and supplemented) // URL://https://rg.ru/

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL://http://kremlin.ru/acts/constitution.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // URL://https://rg.ru/documents/2011/02/07/police-dok.html.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved in a nationwide vote on July 1, 2020) // URL://http://kremlin.ru/acts/constitution.
2. Federal Law № 3-FZ «On Police» dated February 7, 2011 // URL://https://rg.ru/documents/2011/02/07/police-dok.html.

Информация об авторе

Р. Х. Гафуров – соискатель Академии управления МВД России.

Information about the author

R. Kh. Gafurov – Applicant of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023; одобрена после рецензирования 04.08.2023; принята к публикации 29.09.2023.

The article was submitted 08.06.2023; approved after reviewing 04.08.2023; accepted for publication 29.09.2023.

Научная статья

УДК 340.114.5

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-71-74>

EDN: <https://elibrary.ru/fahoyN>

ИПОН: 2003-0059-6/23-838

MOSURED: 77/27-003-2023-06-037

Принцип уважения в праве через призму правосознания общества

Дарья Алексеевна Гогитидзе

Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия, dawa.98@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблематика принципов права как отправных начал регулирования общественных отношений, среди которых значимое место отводится идее уважения. Выдвигается гипотеза о возможности позиционирования уважения не только в качестве руководящего требования в деятельности органов публичной власти, но и ценностного феномена, проявляющегося на уровне личности. Применяя многообразие средств и способов познания, опираясь на положения нормативных правовых актов, правоприменительных документов и юридической доктрины, аргументируется универсальная природа феномена уважения в праве, его морально-этическая сторона и формально-юридическое содержание. Делается вывод о необходимости соизмерения с принципом уважения государственно-правовых преобразований, что позволит максимально учитывать потребности и интересы человека, стимулировать его социально-активное правомерное поведение.

Ключевые слова: уважение, правосознание, правовая культура, личность, достоинство, уважительные причины

Для цитирования: Гогитидзе Д. А. Принцип уважения в праве через призму правосознания общества // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 71–74. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-71-74>. EDN: FAHOYN.

Original article

The principle of respect in law through the prism of legal consciousness of society

Daria A. Gogitidze

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, dawa.98@mail.ru

Abstract. The problems of the principles of law as the starting points of the regulation of public relations, among which a significant place is given to the idea of respect, are being considered. The hypothesis is put forward about the possibility of positioning respect not only as a guiding requirement in the activities of public authorities, but also as a value phenomenon that manifests itself at the level of legal consciousness of the individual. Applying a variety of means and methods of cognition, relying on the provisions of normative legal acts, law enforcement documents and legal doctrine, the universal nature of the phenomenon of respect in law, its moral and ethical side and formal legal content are argued. The conclusion is made about the need to be commensurate with the principle of respect for state-legal transformations, which will allow to take into account the needs and interests of a person as much as possible, to stimulate his socially active lawful behavior.

Keywords: respect, legal awareness, legal culture, personality, dignity, valid reasons

For citation: Gogitidze D. A. The principle of respect in law through the prism of legal consciousness of society. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):71–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-71-74>. EDN: FAHOYN.

С течением времени ученое сообщество все больше обращается к анализу соответствия проводимой правовой политики Российской Федерации провозглашаемыми принципам права, отправным идеям и концептам, формируемым соответствующее восприятие юридической реальности личностью. Это абсолютно

обосновано, поскольку основополагающие требования равенства, справедливости, гуманизма и многие другие, определяют смысловое и содержательное наполнение не только законодательства, но и непосредственно деятельности различных ветвей власти, а также осознание права гражданским обществом. По-

© Гогитидзе Д. А., 2023

следнее, в свою очередь, отражается в таком феномене, как правосознание.

Позитивистское восприятие правосознания, на что обращал внимание профессор В. Н. Синюков, несколько исказило его сущностное, духовно-культурное наполнение [10, с. 221]. Мы солидарны с таким тезисом, и в свою очередь полагаем, что отчасти это обусловлено затушевыванием в числе основополагающих принципов права (а ведь именно им отведена роль по формированию руководящих требований, начал для всей юридической деятельности) – принципа уважения.

Подтверждением сказанному служит фрагментарное ознакомление с нормами законодательства, регламентирующими деятельность органов публичной власти и управления. В качестве фундаментальных основ обеспечения их эффективного функционирования законодатель, как правило, определяет такие, как: законность, равенство, гласность, справедливость [15; 16]. Однако содержание правовой доктрины, системный анализ законодательства Российской Федерации, практики его применения, показывает, что в данном ряду четко прослеживается потребность в закреплении и реализации универсального правового принципа уважения. Его нравственная сущность открывает иные возможности для прочтения права, в том числе, устанавливает необходимую скрепу с правосознанием общества, позволяет формировать его на высоком уровне. Приведем на этот счет некоторые доводы.

Как известно, правосознание может восприниматься не только как совокупность идей, взглядов, эмоций по поводу права, но и в качестве отражения чувствования правового мира, что впоследствии выражается в позиционировании соответствующего мировоззрения, иллюстрирующего юридический облик государства и общества [2, с. 3]. Полагаем, что демократически устроенное государство, а также общество, позиционирующее себя в качестве цивилизованного гражданского союза, при духовно-культурном восприятии права не может игнорировать идею уважения. Это, на наш взгляд, феномен, сочетающий в себе симбиоз духа и чувства права, формируемый на основе нравственной устойчивости, психологической и ментальной развитости индивида и позволяющий познать истинный смысл права.

Согласно толковым словарям русского языка «уважение» – это «чувство почтения, отношение, основанное на признании достоинства, высоких качеств кого-либо, его заслуг» [4, с. 599; 14, с. 1090]. На законодательном уровне этот посыл проявляется в следующем. К примеру, в 2018 г. утверждены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации, при этом поставлен приоритет по созданию комфортных условий для жизни граждан, возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека [13]. Полагаем, что данный посыл может быть интерпретирован как требование проявления со стороны органов государственной власти и публичного управления уважения к правам, свободам, законным интересам личности, что создаст необходи-

мую основу для восприятия каждым человеком права в качестве регулятора, обеспечивающего его достойное существование. Необходимость прибегнуть к подобному авторскому варианту толкования нормы законодательства отчасти обусловлена тем, что в юридической и иной специальной литературе термин «уважение» понимается неоднозначно.

Без преувеличения можно сказать, что в числе инициаторов современной дискуссии относительно понимания сущности уважения, форм его проявления, можно выделить представителей Саратовской юридической школы: А. С. Мордовец, О. И. Цыбулевская и их ученики (А. Г. Репьев, О. Б. Власова и другие) [3].

Так, А. С. Мордовец заложил не только основу понимания уважения через связь с достоинством личности, но и акцентировал внимание на его восприятии в качестве неотделимой составляющей правосознания [7, с. 100]. Мы солидарны с такой позицией, полагая, что наиболее полная характеристика феномена «уважение» может быть раскрыта исключительно через призму нравственной составляющей социальных отношений. Уважение – одно из важнейших требований этики, нравственности, такое отношение к людям, в котором практически признается достоинство личности.

Именно в таком ключе и в неразрывной связи с достоинством личности сегодня развивает в своих работах теорию уважения А. Г. Репьев [8, с. 109–113]. Автор воспринимает уважение не только как идею, какое-либо начало, а возводит его в ранг неукоснительного нормативного предписания, и пишет, что уважение должно быть рассмотрено как «требование максимально почтительного отношения к личности, в котором признается и обеспечивается его честь и достоинство» [9, с. 78].

Весьма органично связала уважение, достоинство личности в конструкции феномена правосознания профессор О. И. Цыбулевская. Отмечая взаимообусловленный характер уважения и достоинства, автор на первый план поставила отношение конкретного индивида к этим благам, что «характеризует его духовный мир и интеллектуальный уровень» [17, с. 115].

В этом контексте уважение – значимая категория юридической науки. Социум, постепенно развиваясь, переживал эволюцию объектов уважения. Речь идет об уважении религиозных культов, уважении к старшим, уважении обычаев, уважении к власти, уважении к собственности (коллективной, частной) и т. д. Иными словами, уважение – важнейший, исторически сложившийся нравственный, религиозный и правовой регулятор общественных отношений.

Закономерно, что сегодня законодательство и правоприменительная практика содержат в своих текстах такие конструкты, как «уважительные причины», «уважительные обстоятельства» и др. На основе включения данных положений в правоотношения изменяется их характер, например, за счет установления послаблений для отдельных участников общественных отношений с общерегулятивных требований на

дозволительные предписания, либо, напротив – путем исключения юридических фактов из числа уважительных, отношения с общерегулятивных трансформируются в ограничительные. Так, пропущенный по уважительным причинам срок подачи заявления по вопросу «о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде первой, апелляционной, кассационной инстанций», «может быть восстановлен судом» [1].

Примером второго выступает положение Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливающего, что в случае если гражданин, проживающий в помещении на основании решения суда использует его не по назначению, нарушает права соседей, при этом игнорирует соответствующие предупреждения, при этом продолжает «использовать жилое помещение не по назначению и без уважительных причин не проведет капитальный ремонт», данный гражданин подлежит выселению по решению суда [5].

Однако, интерпретация и применение властными органами норм-изъятий и норм-дополнений, конструируемых на основе учета «уважительных причин» существенно разнятся, детерминируя правовые ошибки. Это становится возможным не только в силу их оценочного свойства, но и ввиду различия в уровне правосознания субъектов. Показательным является пример проявления почтительного отношения к субъекту, поведение которого, в свою очередь, подобным уважительным отношением не характеризуется. Речь может идти о лицах, преступивших закон, показавших свое неуважение обществу в виде игнорирования правил поведения, норм морали и пр. Однако к подобному субъекту, даже в условиях изоляции от общества, что является следствием его наказания за совершенное преступление, отношение должно быть максимально почтительным. Это следует из положений как норм международного права [6], так и отечественного законодательства [12]. Уголовно-исполнительный кодекс РФ если и не перенасыщен нормами об уважительном отношении к осужденным, то по крайней мере прибегает к ним более десяти раз, на наш взгляд, не всегда соизмеряя подобное почтительное отношение с уровнем правосознания осужденного. Так, «при наличии уважительных причин уголовно-исполнительная инспекция вправе разрешить осужденному проработать в течение недели меньшее количество часов» [11], чем установлено нормативами.

Тезисно изложенный материал позволяет очертить некоторые положения, претендующие на постановку проблемы:

- во-первых, власть вынуждена соизмерять с принципом уважения цели и задачи не только существующих отношений, но и социальных преобразований, учитывать потребности и интересы человека, стимулировать его социально-активное правомерное поведение. Пренебрежение названной закономерностью приводит к трудноразрешимым социальным последствиям;

- во-вторых, вместе с тем, универсальность принципа уважения, рассматриваемого и через призму прав и обязанностей личности, обеспечения ее правового положения, формирования правосознания и правовой культуры, рассматриваемого с позиции территориального мирового признания, далеко не всегда совпадает с оценкой его сущностных, содержательных и ценностных свойств;
- в-третьих, обозначенная проблема актуализирует потребность комплексного исследования проблематики уважения, с различных позиций: и как правового принципа, и в качестве компонента формирования правового сознания общества, и в качестве нравственно-этического ценза для государственно-правового реформирования в целом.

Список источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России / 2-е изд., перераб. Саратов : СЮИ МВД России, 2008.
3. Власова О. Б. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность : общетеоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. М. : АСТ: Астрель, 2006. Т. 1: А-Л.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 14.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
7. Мордовец А. С., Магомедов А. А., Силантьева Л. В., Чинчиков А. А. Права человека и деятельность органов внутренних дел. Саратов : СВШ МВД РФ, 1994.
8. Репьев А. Г. Человеческое достоинство и правовое преимущество : диалектика взаимосвязи категорий // Государство и право. 2017. № 6. С. 109–113.
9. Репьев А. Г., Репьева А. М. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 77–81.
10. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / под ред. В. Н. Синюкова. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010.

11. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
13. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 (ред. от 21 июля 2020 г.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817.
14. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М. : «Альта-Принт», 2008.
15. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
16. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
17. Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н. И. Матузова. Саратов : ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004.
6. International Covenant on Civil and Political Rights (Adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. № 17. Art. 291.
7. Mordovets A. S., Magomedov A. A., Silantieva L. V., Chinchikov A. A. Human rights and activities of internal affairs bodies / Saratov : SHS MVD RF, 1994.
8. Repiev A. G. Human dignity and legal advantage : the dialectic of the relationship of categories // State and Law. 2017. № 6. P. 109–113.
9. Repiev A. G., Repeva A. M. Moral and legal categories of «respect» and «dignity» from the standpoint of the value approach (on the example of penal law) // Altai Legal Bulletin. 2018. № 3 (23). P. 77–81.
10. Sinyukov V. N. Russian legal system. Introduction to General Theory / Ed. V. N. Sinyukov. 2nd ed., add. M. : Norma, 2010.
11. Penal Enforcement Code of the Russian Federation of 08.01.1997 № 1-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. № 2. Art. 198.
12. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
13. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 № 204 (ed. July 21, 2020) «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 20. Art. 2817.
14. Ushakov D. N. Big explanatory dictionary of the modern Russian language / Ed. D. N. Ushakova. M. : «Alta-Print», 2008.
15. Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» dated January 17, 1992 № 2202-1 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 47. Art. 4472.
16. Federal constitutional law of December 31, 1996 № 1-FKZ (as amended on April 16, 2022) «On the judicial system of the Russian Federation» // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. № 1. Art. 1.
17. Tsybulevskaya O. I. Moral foundations of modern Russian law / Ed. N. I. Matuzova. Saratov : GOU VPO «Saratov State Academy of Law», 2004.

References

Информация об авторе

Д. А. Гогитидзе – аспирант кафедры теории и истории государства и права Ростовский государственный экономический университет.

Information about the author

D. A. Gogitidze – Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov State University of Economics.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 01.08.2023.
The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 01.08.2023.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-75-80>

EDN: <https://elibrary.ru/cmcouw>

НИОН: 2003-0059-6/23-839

MOSURED: 77/27-003-2023-06-038

Методологические проблемы российской юридической науки конца XIX – начала XX вв.

Татьяна Евгеньевна Грязнова

Омская академия МВД России, Омск, Россия, griaznova-te@yandex.ru

Аннотация. В соответствии с подходом к пониманию права российскими юристами конца XIX – начала XX вв. был представлен широкий спектр трактовок предмета и методов юридической науки, что способствовало более глубокому осмыслению права как явления. Объединяло правоведов признание нормативного характера позитивного права, значимости формально-догматического метода его изучения. Понятия «правоведение» и «юридическая наука» употреблялись авторами в качестве синонимов.

Ключевые слова: С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский, Б. Н. Чичерин

Для цитирования: Грязнова Т. Е. Методологические проблемы российской юридической науки конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 75–80. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-75-80>. EDN: CMCOUW.

Original article

Methodological problems of the Russian legal science of the late XIX – early XX centuries

Tatyana E. Gryaznova

Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Omsk, Russia, griaznova-te@yandex.ru

Abstract. In accordance with the approach to the comprehension of law by Russian lawyers of the late XIX – early XX centuries, a wide range of interpretations of the subject and methods of legal science was presented, which contributed to a deeper understanding of law as a phenomenon. The jurists were united by the recognition of the normative nature of positive law, the importance of the formal dogmatic method of its study. The concepts of «jurisprudence» and «legal science» were used by the authors as synonyms.

Keywords: S. A. Muromtsev, N. M. Korkunov, P. I. Novgorodtsev, G. F. Shershenevich, L. I. Petrazhitzky, B. A. Kistyakovsky, B. N. Chicherin

For citation: Gryaznova T. E. Methodological problems of the Russian legal science of the late XIX – early XX centuries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):75–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-75-80>. EDN: CMCOUW.

Расцвет российской юриспруденции конца XIX – начала XX вв. был обусловлен не только многообразием мировоззренческих парадигм, юридических направлений и школ, в рамках которых целой плеядой талантливых мыслителей всесторонне исследовались феномены государства и права, но и тем вниманием, с которым отечественная профессура относилась к предметно-аналитической области, связанной с решением глобальных методологических проблем, касающихся

задач, предмета, методов, структуры юридической науки, ее места в системе социально-гуманитарного знания. Европейская юриспруденция, несмотря на многовековую историю, так и не смогла предложить их однозначного решения. Тем более сложно это было сделать юриспруденции российской, летоисчисление которой начинается только с XVIII в. Университетские Уставы (в том числе 1863 и 1884 г.) существенно расширив перечень кафедр, соответственно учебных

© Грязнова Т. Е., 2023

дисциплин, юридических факультетов, на самом деле, не намного позволили продвинуться в этой области.

Необходимость перехода отечественной юридической науки от накопления теоретических знаний и решения прикладных задач к профессиональному юридическому мышлению остро осознавалась всеми отечественными правоведами. Так, на потребность радикального преобразования юриспруденции указывал С. А. Муромцев. Развивая эту мысль применительно к отрасли гражданского права, он отмечал, что: «научное самосознание отстаёт от действительного состояния науки, задерживая её поступательное движение» [4, с. 27]. Согласно П. И. Петражицкому, «исключительно негативное положение» правоведения вызвано свойственной науке «исторической и догматической микроскопией» в совокупности с чисто утилитарным подходом к решению проблем [8, с. 93, 123–124]. С точки зрения Б. А. Кистяковского, состояние «методологического бездорожья» [1, с. 664] юриспруденции обусловлено как накоплением огромной массы новых научных данных, так и идейным хаосом.

Преодоление негативных тенденций в правоведении юристы связывали, в первую очередь, с уяснением вопроса о его задачах, предмете и методах. Так, прямую зависимость результативности научных исследований от методологического инструментария подчёркивал В. И. Сергеевич. «Правильное определение задачи науки указывает цель, к которой она должна стремиться, правильное определение приёмов науки – указывает путь, которым она должна идти к цели» [11, с. 1], – писал он. На то, что лишь новейшей методологии под силу «превратить груды знаний..., известных под именем... государственных и правовых явлений» [1, с. 233], в настоящую науку указывал Б. А. Кистяковский. «Научный метод зависит от той задачи, какую ставит себе данная наука. Поэтому прежде всего необходимо установить задачу правоведения...» [13, с. 91], – констатировал Г. Ф. Шершеневич.

Ключевая проблема состояла в том, что круг явлений, подлежащих изучению юриспруденцией, определялся правоведами, исходя из их приверженности к той или иной теории права, что в немалой степени способствовало всеобщей неудовлетворённости и критическому настрою по отношению к идейным оппонентам. Так, сторонники юридического позитивизма задачу правоведения видели «в установлении фактов, имеющих свойства норм права» [14, с. 662]. Руководствуясь формально-догматическим методом, они трактовали предмет (объект) юридической науки в качестве установленных государством, закреплённых в действующем законодательстве юридических норм. В частности, Г. Ф. Шершеневич однозначно утверждал, что «правовое явление как объект правоведения – это норма права», соответственно, научное правоведение «изучает право, каково оно есть...» [13, с. 91, 113].

Приверженцы социологической теории были убеждены в методологической несостоятельности вы-

шеназванного подхода. В. И. Сергеевич, руководствуясь идеями позитивной философии и исторической школы права, обосновывал необходимость учитывать все многообразие факторов, влияющих на правовые явления, причем, не только в их статике, но и в динамике. Задача науки «заключается не в установлении... норм права, а в раскрытии законов сосуществования и последовательности... факторов государственной жизни» [11, с. 34], – писал он.

С. А. Муромцев подчёркивал, что результаты научной деятельности будут далеки от совершенства в случае игнорирования взаимосвязи права с иными сферами социальной. В соответствии с основной тенденцией гуманитарных наук, направленной на поиск основных законов развития общественных явлений, С. А. Муромцев был убежден, что «правоведению надлежит изучать законы развития той области социальных явлений, которая известна под именем права» [5, с. 27]. Помимо осмысления законов эволюции права и правоприменительной деятельности, на юриспруденцию должна быть возложена задача реформирования действующего и создания нового права, считал ученый.

Объективно-научное отношение к предмету исследования, с точки зрения сторонников социологической школы, предусматривает преодоление рамок практико-ориентированного подхода и корреляцию общетеоретических конструкций с потребностями отраслевых юридических наук. Развивая эту мысль применительно к цивилистике, С. А. Муромцев писал: «Дело науки... требует для своего успеха правильной организации. Существенная принадлежность... последней состоит в сознательном регулировании научной деятельности, определяющим её план; существенное выражение – в присущем каждому ученому деятелю сознанию об отношении, в котором состоят интересующие его задачи к прочим задачам науки» [4, с. 23]. В качестве предмета юридической науки С. А. Муромцев видел законы формирования и развития права, совокупность существующих в обществе правовых отношений (правовой порядок).

Исследование вышеназванного предмета сторонники социологической теории права полагали возможным посредством исторического, сравнительного, социологического, догматического, логического и критического методов.

Приверженцы естественно-правового подхода основную проблему современной юриспруденции усматривали в исключении из её предметного поля философских начал. «Как скоро отвергается метафизика... так исчезает всякая возможность понимания общественных явлений» [12, с. 20], – писал Б. Н. Чичерин. «Извращение понятий» и «шаткость взглядов» в правоведении можно преодолеть, лишь включив в предмет юридической науки помимо норм права, идеи и законы Разума, движущие развитием человечества, был убежден автор.

С точки зрения П. И. Новгородцева, ущербность

юридического позитивизма обусловлена изначально бесперспективным стремлением «создавать философию из специальности» [6, с. 403]. Как и Б. Н. Чичерин, он был убежден, что подлинно научное осмысление права может быть достигнуто лишь в рамках философской парадигмы. Однако объективному идеализму Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцев противопоставил идеализм субъективный (нравственный). Понимая право как многоаспектное явление, автор был убежден, что его нормативная сторона представляет собой «отвлеченную мыслимую связь, далеко не соответствующую конкретной действительности» [7, с. 81–82]. Поэтому, цель юридической науки заключается в осмыслении идеальных путей эволюции человечества, что необходимо предполагает апелляцию к «априорным указаниям нравственного сознания». Право нужно исследовать «не как историческое и общественное явление – эта точка зрения вполне уместна, но недостаточна, – а как явление и закон личной жизни, как внутреннюю абсолютную ценность» [7, с. 52, 88–89], – утверждал автор. Таким образом, с точки зрения субъективного идеализма предмет юриспруденции должен охватывать как нормы права, так и социальные идеалы общества, моделируемые нравственным правосознанием, моральные принципы, определяющие перспективы развития человечества.

Основными методами правоведения представители естественно-правовой теории видели метафизический, исторический, логический и догматический.

По мнению Л. И. Петражицкого, плачевная ситуация как отечественного, так и зарубежного правоведения связана с пребыванием в заблуждении относительно целесообразности применяемых методов исследования государственно-правовых феноменов. В результате «вместо изучения... эмоционально-интеллектуальной жизни человечества получается конструирование несуществующих вещей и незнание действительно существующего» [10, с. 216], – писал автор. «В основе всех теоретических построений должно лежать знание и понимание причинных и логических связей между разными объектами мысли» [9, с. 126], – был убежден он. Поскольку человеку чужда способность «читать в чужой душе», единственным способом изучения правовых явлений ученый признавал метод интроспекции (самонаблюдения). Только посредством простой (изучение психических явлений непосредственно во время их переживания или воспоминание о них) и экспериментальной (наблюдение, осложненное умышленным воздействием на изучаемое явление в целях его вызова, изменения или прекращения) интроспекции Л. И. Петражицкий считал возможным исследовать эмоционально-интеллектуальные процессы человеческой психики, которыми обусловлены импульсы индивидуального и массового поведения, соответственно, все государственно-правовые феномены.

Наличие конкурирующих методологий и типов

правопонимания отстаиваемых ведущими учеными эпохи, во многом объясняет появление теорий, направленных на их примирение, что не могло не найти отражения в трактовке задач и предмета юридической науки. Так, Б. А. Кистяковский видел три основные методологические проблемы и, соответственно, задачи современных социальных наук (в том числе и правоведения): критический анализ существующих научных понятий и образование новых категорий; установление причинно-следственных связей между явлениями (применительно к праву – исследование законов его возникновения и развития, а также «причинных соотношений», обуславливающих его сущность); уяснения назначения норм в социальной жизни. Только посредством решения вышеназванных задач можно добиться достоверности научного знания. Это единственный путь, «ведущий к самосознанию науки» [1, с. 29], – писал автор.

Основная проблема юриспруденции заключается, по Б. А. Кистяковскому, в том, что любое научное понятие обладает большей или меньшей степенью абстрактности. Поскольку право пронизывает почти все сферы жизни человека, оно попадает в сферу предметных интересов целого ряда гуманитарных наук. Поэтому правомерно говорить сразу о нескольких научных понятиях права. «Право есть и государственно-организационное, и социальное, и психическое, и нормативное явление» [1, с. 320], – констатировал он. Обозначенный подход в современной юриспруденции зачастую именуют плюралистическим. Отметим, что сам автор считал данный термин не удачным, возможно, потому, что находил недостаточно корректным его применение современниками. На наш взгляд, дело заключается в убежденности Б. А. Кистяковского в том, что, «право, как явление, несмотря на свое многообразие, едино» [1, с. 683]. И главная задача юридической науки состоит в осмыслении результатов всех направлений научного познания права и постижении его истинной сущности. Интегративный подход к пониманию права предопределил доминанту «объяснительных» методов, к числу которых автор относил философский, плюралистический, сравнительный, социологический, логический, исторический и конструктивный.

Очевидно, что решение грандиозной задачи получения «цельного знания о праве, которое обнимало бы все его стороны в их единстве» [1, с. 332–333], было невозможно в рамках отраслевого подхода. Потребность в науке, обобщающей, систематизирующей и развивающей общетеоретические знания о праве, во второй половине XIX в. остро осознавалась представителями всех юридических направлений. Она была обусловлена как необходимостью систематизации законодательства, так и развитием отраслевых юридических наук, столкнувшихся с проблемой более глубокого осмысления своих теоретических конструкций, принципов и закономерностей. Не случайно этот период в рос-

сийском правоведении связан с обстоятельной и последовательной разработкой общих частей, в первую очередь, уголовного, государственного и гражданского права.

Так, С. А. Муромцев настаивал на том, что юриспруденция должна включать такие самостоятельные науки, как общее гражданское правоведение, политика права и догма права. «Общее гражданское правоведение есть наука в строгом смысле. Не преследуя никакой практической цели, но, руководствуясь исключительно требованиями любознательности, оно изучает законы развития... права» [5, с. 27–28], – пояснял автор.

На то, что в правоведении более, чем где-либо, ощущается потребность в самостоятельной обобщающей науке указывал Н. М. Коркунов. Попытки решить эту проблему уже предпринимались как в западноевропейской, так и в отечественной юриспруденции. Однако ни философия права, преподававшаяся на юридических факультетах до Университетского устава 1835 г., ни пришедшая ей на смену энциклопедия права, в силу специфики своих предметов, не смогли оправдать ожидания научного сообщества. Именно «общая теория права есть... краеугольный камень системы правоведения; она связывает отдельные дисциплины и их содержание в одно целое» [3, с. 49], – был убежден исследователь.

Выделившаяся из общей части гражданского права в 80-х г. XIX в., общая теория права достаточно быстро преодолела изначальную задачу обобщения отраслевых юридических знаний и превратилась в самостоятельную науку, призванную к осмыслению сущности и принципов права, закономерностей его становления, функционирования и развития. В отечественных образовательных учреждениях лекции по общей теории права читали такие выдающиеся юристы как С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, Л. И. Петражицкий и др.

Помимо общей теории права, российские правоведы считали необходимым наличие науки, раскрывающей историю воззрений на право, без которой не мыслили полноценное юридическое образование. Поскольку эта наука в конце XIX в., как и общая теория права, находилась в стадии становления, она не получила универсального наименования. Например, Н. М. Коркунов и П. И. Новгородцев называли ее «История философии права», Б. Н. Чичерин и М. М. Ковалевский – «История политических учений». Ряд мыслителей (В. И. Сергеевич, А. Д. Градовский, С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский, Ф. Ф. Кокошкин, Г. Ф. Шершеневич, Л. И. Петражицкий и др.) предпочитали касаться истории идей в рамках курсов по государственному праву, энциклопедии, философии или общей теории права, поскольку значи-

мость учений о праве в части их влияния на развитие общества и государства, положительное право, законодательство и судебную практику отчетливо осознавалась всеми исследователями и никогда не подвергалась сомнению. Так, подчеркивая важность научных теорий для уяснения генезиса правовых явлений, Н. М. Коркунов писал: «Для юриста они имеют значение не только как переходные ступени к... более новым теориям, а... главным образом, по тому влиянию, какое они... оказали на действительный строй современных им общественных отношений» [2, с. 3].

Догма права, изначально призванная изучать и систематизировать закрепленные в законодательстве юридические нормы, в рассматриваемый период очевидно должна была расширить сферу своих задач, что осознавалась даже сторонниками юридического позитивизма. В частности, согласно Г. Ф. Шершеневичу, правоведение должно решать три задачи – установления, объяснения и оценки норм права. «Задача установления норм права обслуживается догматическим методом, задаче объяснения служат методы исторический и социологический, наконец, оценка норм достигается при помощи критического метода» [14, с. 662], – писал он.

Исторический метод, по Г. Ф. Шершеневичу, должен быть положен в основу науки истории права. Знание истории права (отметим, что самостоятельные кафедры истории русского права были предусмотрены на юридических факультетах, начиная с Устава 1863 г.), причем как российской, так и зарубежной, является залогом уяснения процессов формирования современной правовых систем, без чего немыслимо их научное познание и определение перспектив развития. «Только при помощи истории права выясняются вполне те юридические принципы, которые имеют такое важное значение для догматики и которые представляют собой чаще всего историческую тенденцию данного права» [14, с. 684], – подчеркивал ученый.

Что касается политики права, то ее назначение отечественные юристы (С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин, Г. Ф. Шершеневич, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий и др.) усматривали в критическом осмыслении функционирующего правового порядка; в выявлении противоречий между юридическими нормами и общественными отношениями; в формировании правосознания правоприменителей; в рациональном воздействии на индивидуальное и массовое поведение; в разработке правового идеала, отвечающего потребностям эпохи и поиске оптимальных способов его достижения.

Методологические поиски отечественных правоведов рубежа XIX–XX вв. оказали мощное интеллектуальное воздействие на развитие российской юриспруденции. Очевидно, что разработать универсальную

методологическую парадигму, призванную удовлетворить сторонников всех подходов к пониманию права, не удалось, что вполне объяснимо, учитывая многообразие представлений о праве, обусловленное бесконечной сложностью и изменчивостью данного явления. В рамках естественно-правовой, позитивной, социологической, психологической и интегративной теорий российскими юристами был представлен широкий спектр развернутых и аргументированных трактовок предмета и методов юридической науки, что, безусловно, способствовало более глубокому осмыслению права как явления. Представляется, что плюрализм правоупонимания – это вполне адекватное состояние развивающейся науки, свойственное, в том числе, и современной юриспруденции. Не случайно уже в этот период активного формирования научных школ, мы встречаем постановку проблемы интеграции теорий правоупонимания, призванную раздвинуть границы предметно-аналитической области правоведения и, в какой-то мере, преодолеть неизбежный при изучении социальных явлений субъективизм исследователя.

Безусловно, позитивным моментом в разработке теоретических аспектов юридической науки следует считать постановку вопроса об автономности юридического знания, а также о закономерностях его развития. Примечательно, что независимо от понимания задач и предмета юридической науки, все правоведы признавали нормативный характер позитивного (государственного) права, соответственно, и значимость формально-догматического метода его изучения.

Понятия «правоведение» и «юридическая наука» употребляются российскими учеными в качестве синонимов, однако анализ работ авторов позволяет заключить, что правоведение мыслится ими как более широкая категория, охватывающая весь перечень юридических наук, как теоретических, так и отраслевых. Предложенная российскими юристами структура правоведения послужила основой современной классификации юридических наук: общее гражданское правоведение изначально объединяло теоретические и исторические науки о праве, догма права – отраслевые и прикладные.

Методологические проблемы, обозначенные отечественными юристами на рубеже XIX–XX вв., по прошествии более чем ста лет не утратили свою актуальность. Направление научного поиска, обоснованность и результативность научных исследований обусловлены теми методологическими установками, которыми руководствуется автор, а они, в свою очередь, напрямую зависят от уровня разработанности методологии науки в целом. К сожалению, многие современные юристы воспринимают методологию в качестве некой философской абстракции, имеющей весьма отдаленное отношение к изучаемому предмету.

Поэтому обращаются к ней уже после завершения работы, исключительно из необходимости соблюдения формальных требований. И это, безусловно, негативно сказывается на качестве научных исследований.

Список источников

1. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
2. Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям : 5-е изд. СПб, 1908.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. СПб, 2003.
4. Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права (Ч. I) // Избранное: вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М., 2015. С. 22–258.
5. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права / вступит. ст., коммент. Ю. И. Гревцова: 2-е изд. СПб, 2004.
6. Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. IV. С. 397–450.
7. Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права: часть методологическая. М., 1904.
8. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии: 3-е изд. СПб, 1908.
9. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб, 1905.
10. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : 2-е изд. СПб, 1909. Т. I.
11. Сергеевич В. И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871.
12. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1900.
13. Шершеневич Г. Ф. Курс гражданского права. Избранное : в 6 т. Т. II / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М., 2017.
14. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Избранное : в 6 т. Т. IV / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М., 2016.

References

1. Kistyakovsky B. A. Social Sciences and Law. Essays on the methodology of social Sciences and General theory of Law. M., 1916.
2. Korkunov N. M. History of the philosophy of law. Manual for lectures, 5 edition. SPb, 1908.
3. Korkunov N. M. Lectures on the General theory of Law. Foreword by I. Y. Kozlikhin. SPb, 2003.
4. Muromtsev S. A. Essays on the general theory of civil law (part one). Muromtsev S. A. Favorites :

intr. word, comp. by P. V. Krashennnikov. M., 2015. P. 22–258.

5. Muromtsev S. A. Definition and main division of Law. Intr. article, feedback by Y. I. Grevtsov, 2 edition. SPb, 2004.
6. Novgorodtsev P. I. State and law. Questions of philosophy and psychology. 1904. Book IV. P. 397–450.
7. Novgorodtsev P. I. Of lectures on the general theory of law: part of the methodological. Moscow, 1904.
8. Petrazhitzky L. I. Introduction to the study of law and morality. Fundamentals of Emotional Psychology. 3 edition. SPb, 1908.
9. Petrazhitzky L. I. Introduction to the study of law and morality. Emotional psychology. SPb, 1905.
10. Petrazhitzky L. I. The theory of law and state in connection with the theory of morality. 2 edition. SPb, 1909. Vol. I.
11. Sergeevich V. I. Problem and method of state Sciences. Essays of modern political literature. M., 1871.
12. Chicherin B. N. Philosophy of law. Moscow, 1900.
13. Shershenevich G. F. Course of civil law. Favorites : in 6 vol. Vol. II. Intro. word, comp. by P. V. Krashennnikov. M., 2017.
14. Shershenevich G. F. The general theory of law.

Favorites : in 6 vol. Vol. IV. Intro. word, comp. by P. V. Krashennnikov. M., 2016.

Библиографический список

1. Градовский А. Д. О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная на годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 года // Собр. соч. А. Д. Градовского. СПб, 1899. Т. I. С. 21–36.
2. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2004.
3. Чичерин Б. Н. История политических учений. М., 1903. Ч. I.

Bibliographic list

1. Gradovsky A. D. On the modern direction of the state sciences. Speech delivered at the annual act of the Imperial St. Petersburg University on February 8, 1873 // Collected Works of A. D. Gradovsky. SPb, 1899. Vol. I. P. 21–36.
2. Kokoshkin F. F. Lectures on general state law / ed. and with a foreword by V. A. Tomsinov. M., 2004.
3. Chicherin B. N. History of political doctrines. M., 1903. CH. I.

Информация об авторе

Т. Е. Грязнова – начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Information about the author

T. E. Gryaznova – Head of the Department of Theory and History of Law and State Omsk Academy of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 01.08.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 01.08.2023.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-81-84>

EDN: <https://elibrary.ru/dpuolg>

НИОН: 2003-0059-6/23-840

MOSURED: 77/27-003-2023-06-039

Идеологический элемент механизма правового регулирования

Давид Семенович Давидов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, david007-86@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена теория правового регулирования, в особенности структуры механизма правового регулирования. Подчеркивается, что современная теория правового регулирования, являясь итерацией советской теории правового регулирования, предполагает пересмотр ряда ее положений в части элементного состава механизма правового регулирования в связи с существенным изменением условий жизни современного общества и государства. Делается вывод о необходимости достраивания механизма правового регулирования идеологическим элементом.

Ключевые слова: правовое регулирование, механизм правового регулирования, идеология, правовая идеология, теория правового регулирования, теория государства и права

Для цитирования: Давидов Д. С. Идеологический элемент механизма правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 81–84. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-81-84>. EDN: DPUOLG.

Original article

Ideological element of the mechanism of legal regulation

David S. Davidov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, david007-86@mail.ru

Abstract. The theory of legal regulation, especially the structure of the mechanism of legal regulation, is considered. It is emphasized that the modern theory of legal regulation, being an iteration of the Soviet theory of legal regulation, assumes revision of a number of its provisions in terms of the elemental composition of the mechanism of legal regulation in connection with a significant change in the conditions of life of modern society and the state. It is concluded that it is necessary to complete the mechanism of legal regulation with an ideological element.

Keywords: legal regulation, mechanism of legal regulation, ideology, legal ideology, theory of legal regulation, theory of state and law

For citation: Davidov D. S. Ideological element of the mechanism of legal regulation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):81–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-81-84>. EDN: DPUOLG.

Довоенный период развития советской теории права был сопряжен преимущественно с поиском ответа на вопросы о природе, сущности и генезисе права. Большое внимание уделялось правовым отношениям. Методология опиралась на принцип партийности науки, принцип, предполагающий наличие диалектической взаимосвязи науки и идеологии. Так, во-первых, идеология коммунизма давала ценностно-смысловую перспективу социального и государственного-правового развития, финальным этапом которого

является коммунистическое общество, в котором «социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» [11, с. 185]. В свою очередь, юридическая наука призвана служить цели воплощения в действительность этой перспективы. Во-вторых, считалось, что подлинно научная теория права вскрывает метафизический характер буржуазной юриспруденции и философии права, суть которых в легитимации власти эксплуататорского меньшинства (рабовладельцев, феодалов, капиталистов и др.). Советская

© Давидов Д. С., 2023

же теория права обладает четкой мировоззренческой направленностью, выражающей интересы огромных масс людей – рабочих – только в силу того, что она показывает правовую жизнь такой, какой она является на самом деле: с реальным превосходством наиболее богатых слоев общества, несправедливостью права и суда в классовом обществе, манипулятивностью буржуазной идеологии и т. д. Таким образом, считалось, что если советская теория права адекватно отражает правовую реальность и дает понимание о закономерностях развития правовых отношений, то эта теория есть рычаг социального переустройства [5, с. 4]. Поэтому разработка отдельной теории правового регулирования в рамках общеправовой теории стала лишь вопросом времени.

На послевоенном этапе развития советской теории государства и права проблематика правового регулирования становится объектом пристального изучения. С 60-х г. XX в. начинают появляться первые исследования, непосредственно посвященные теме правового регулирования [2; 4; 6; 13], а к концу существования СССР сформировалась последовательная теория правового регулирования. Так, С. С. Алексеев пишет: «Правовое регулирование – это осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя» [3, с. 289]. Отсюда вытекает и структура механизма правового регулирования, включающая юридические по своей сущности элементы: нормативный правовой акт, правоприменительный акт, акт толкования права, правоотношение [3, с. 288–321]. Очевидно отсутствие идеологических элементов в механизме правового регулирования, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в Республике Советов коммунистическая идеология была встроена в функционирование государственных и общественных аппаратов, она пронизывала все значимые сферы жизни общества, культивируя прогрессивные ценности (всеобщего равенства в правах, справедливости, недопустимости эксплуатации, коллективизма, свободы, товарищества и др.). Причем при высоком уровне централизации советского государства обеспечивалось относительное единообразие и последовательность воплощения данных идеологических координат. Государственные и социальные институты выстраивались на основании норм как официального, так и неофициального (контекстуального) права [7, с. 20–21], тем не менее они всегда были публичны и понятны, поскольку не являлись результатом кулуарных договоренностей отдельных властных групп. Поэтому и механизм правового регулирования не предполагал наличие элементов идеологии. Во-вторых, в рамках советской теорети-

ко-правовой традиции право всегда рассматривалось инструментально, т. е. как всецело обусловленный волей законодателя (государства) обособленный комплекс, с одной стороны, обеспечивающий фактические общественные отношения и, с другой стороны, комплекс, позволяющий достигать целей социального строительства¹. Ввиду этого предполагалось не просто наличие водораздела между правом, как и правовым регулированием, и идеологией, но также и то, что правовое регулирование не нуждается в собственной идеологии или, как минимум, собственном идеологическом элементе. В этом смысле право скорее может рассматриваться как элемент идеологического воздействия, а не наоборот. Таким образом, при автономности, самодостаточности и полномасштабности идеологии механизм правового регулирования не предполагал включения в свою структуру элемента идеологии. Соответственно и теория правового регулирования, сформировавшаяся в послевоенный период советской истории, исходит из отсутствия в механизме правового регулирования элемента идеологии, представляя его структуру как совокупность взаимообусловленных элементов чисто юридического характера.

После распада СССР теория правового регулирования, продолжая методологически базироваться на юридическом позитивизме, была принята на вооружение отечественной общеправовой теорией с некоторыми несущественными изменениями. К примеру, в одной из своих постсоветских работ С. С. Алексеев указывает, что механизм правового регулирования содержит следующие звенья: юридические нормы, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей [1]. «Правовое регулирование – это воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения и развития, осуществляемое при помощи системы правовых средств, представляющих собой многообразные правовые явления, такие как нормы права, юридические факты, правоотношения, индивидуальные предписания, акты реализации прав и обязанностей» [12] – И. Н. Сенин приводит наиболее типичное, распространенное определение правового регулирования, отражающее традиционный элементный состав механизма правового регулирования. Однако ключевая проблема кроется в том, что подобная структура механизма правового регулирования если и была оправдана для советской государственно-правовой действительности, которая, собственно, и определила нынешний вид теории правового регулирования, то в современных реалиях она представляется недостаточной. Так, во-первых, современное российское государство в рамках своего функционирования не использует единую идеологию. Ст. 13 Конституции Российской

¹ Сам термин «строительство» подчеркивает восприятие социальной материи как подвластного волевому воздействию конструкта, на который, в свою очередь, можно эффективно воздействовать при помощи права. Мы склонны в большей степени разделять эту позицию, однако с некоторыми оговорками.

Федерации декларирует идеологическое многообразие. Общегосударственная идеология отсутствует и, следовательно, отсутствует единая координационная система, которая могла бы дополнить или уравновесить чисто юридический по своей форме инструментарий правового регулирования. Во-вторых, в современном российском государстве, которое продолжает сохранять свое правовое качество, право и правовое регулирование оправданно позиционируются не как простое средство, а как обладающий самостоятельной значимостью процесс. Как справедливо отмечает В. П. Малахов: «надо рассматривать государство как институт, закономерно возникающий в результате органичного развития права и нужный для его воспроизводства» [10]. Это обуславливает необходимость ухода от оценки правового регулирования только как инструмента, обеспечивающего фактические общественные отношения, и его переосмысление как качественно самодостаточной и автономной структуры. Поэтому и существующая теория правового регулирования должна быть подвергнута пересмотру на предмет достраивания механизма правового регулирования элементом в виде правовой идеологии, с присущим ей функционалом [9]. Основу этой идеологии составляет ценностная система, в которой ведущая роль отводится конвенциональным правовым ценностям. Как представляется, это позволит:

- унифицировать практику правового регулирования. Правовое регулирование, базирующееся на единых ценностных установках, изживает партикуляризм правопорядков, обеспечивает понятность юридических норм, предсказуемость правореализации;
- обеспечить целеполагание в контексте правового регулирования. Современное российское общество, глубоко пережив последствия распада СССР и разочарование в либеральных западноевропейских моделях развития, которые пришли (во многом навязано) на смену советским парадигмам социального устройства, еще остается разобщенным и лишенным каких-либо серьезных целей кроме цели личного обогащения, консюмеризма. Так, И. А. Калиниченко, О. В. Зиборов, А. И. Клименко неспроста отмечают то, что наиболее содержательная часть права связана с правовыми ценностями, т. е. объектом, расположенным на идеологическом (правовая идеология) уровне жизни общества [8]. В свою очередь, только тогда правосознание есть фактор правопорядка, когда оно базируется на определенном ценностном каркасе;
- выстроить систему защиты от негативного идеологического влияния извне. В настоящее время ряд западноевропейских государств воздействует через средства коммуникации на идеологическую сферу российского общества

посредством порождения новых мифов и воскрешения давно забытых, еще антисоветских идеологем. И если блокировка таких средств коммуникации скорее контрпродуктивна ввиду информационного характера современного общества и глобальности информационных структур, то механизм правового регулирования, фундированный на правовых ценностях, которые носят объективный характер, обеспечивает устойчивость общественного правосознания, его защищенность от негативного воздействия;

- консолидировать российское общество вокруг целей правового регулирования. Это становится возможно только при наличии содержательного звена в механизме правового регулирования – элемента идеологии. Базисом данного элемента является система правовых ценностей. Так, отечественным законодателем предпринята попытка концептуализации традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Таким образом, современная теория правового регулирования является результатом воспроизводства практически в неизменном виде советской теории правового регулирования. В рамках советской теории государства и права механизм правового регулирования был представлен набором чисто юридических элементов и не нуждался в отдельном идеологическом элементе, составляющим его ценностно-содержательную часть. Это было обусловлено наличием единой идеологии и ее функциональностью для советского государства и общества. Вместе с тем современное теоретическое осмысление механизма правового регулирования, не претерпев существенных изменений после распада СССР, оказалось в условиях радикальных социально-политических преобразований: исчезновения единой идеологии, оформления правового государства, переустройства государственно-правовых институтов и системы права и т. д. Более того, современные политические конфликты показывают, что общественное правосознание и идеологическая сфера общества – это объект целенаправленного негативного воздействия. Поэтому сегодня представляется целесообразным пересмотр теории и практики правового регулирования. Он предполагает достраивание механизма правового регулирования элементом в виде правовой идеологии с целью повышения эффективности правового регулирования и защиты от негативного идеологического воздействия извне. Основу правовой идеологии составляют объективно существующие правовые конвенциональные ценности российского общества.

Список источников

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. : Изд-во НОРМА, 2001.
2. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966.
3. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1.
4. Братусь С. Н. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР // Вопросы общей теории советского права. М. : Госюриздат, 1960.
5. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права // Социалистическая законность. 1938. № 8. С. 1–38.
6. Горшенев В. М. Участие общественных организаций в правовом регулировании. М. : Госюриздат, 1963.
7. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. : Изд-во «Художественный журнал», 1999.
8. Калинин И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Формирование ценностных оснований профессионального правосознания сотрудника полиции в процессе образовательной деятельности высших учебных заведений МВД России // История государства и права. 2020. № 10. С. 3–10.
9. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества: монография. М. : Норма, 2017.
10. Малахов В. П. Общая теория права и государства: курс лекций. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения (Нищета философии). 2-е изд-е. М. : Государственное издательство политической литературы. 1955.
12. Сенин И. Н. Правовое регулирование и правовая система // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. Т. 21. № 1. С. 16–20.
13. Шабалин В. А. Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. 1969. № 10. С. 124–125.

References

1. Alekseev S. S. Ascent to the right. Findings and solutions. M. : NORMA Publishing House, 2001.
2. Alekseev S. S. Mechanism of legal regulation in the socialist state. M. : Jurid. lit., 1966.
3. Alekseev S. S. General Theory of Law: in 2 vol. M. : Jurid. lit., 1981. T. 1.
4. Bratus S. N. Property and organizational relations and their legal regulation in the USSR // Issues of the general theory of Soviet law. M. : Gosyurizdat, 1960.
5. Vyshinsky A. Ya. Main tasks of the science of Soviet socialist law // Socialist Legality. 1938. № 8. P. 1–38.
6. Gorshenev V. M. Participation of public organizations in legal regulation. M. : Gosurizdat, 1963.
7. Žižek S. The sublime object of ideology. M. : Publishing House «Art magazine», 1999.
8. Kalinichenko I. A., Ziborov O. V., Klimenko A. I. Formation of value bases of professional legal consciousness of a police officer in the process of educational activities of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // History of State and Law. 2020. № 10. P. 3–10.
9. Klimenko A. I. Legal ideology of modern politically organized society: a monograph. M. : Norma, 2017.
10. Malakhov V. P. General theory of law and state: a course of lectures. M. : UNITI-DANA : Law and Law, 2018.
11. Marx K., Engels F. Works (The Poverty of Philosophy). 2nd ed. M. State Publishing House of Political Literature. 1955.
12. Senin I. N. Legal regulation and legal system // Legal Bulletin of Dagestan State University. 2017. T. 21. № 1. P. 16–20.
13. Shabalin V. A. System analysis of the mechanism of legal regulation // Soviet State and Law. 1969. № 10. P. 124–125.

Информация об авторе

Д. С. Давидов – доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. S. Davidov – Associate Professor of the Department of State and Law Theory of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 01.08.2023.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 01.08.2023.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-85-90>

EDN: <https://elibrary.ru/atspfg>

НИОН: 2003-0059-6/23-841

MOSURED: 77/27-003-2023-06-040

Основы теории криминалистической валиднофикации

Сергей Викторович Дубровин¹, Александр Иванович Глушков², Сергей Яковлевич Казанцев³,
Игорь Сергеевич Дубровин⁴

¹ idubrovin@rambler.ru

² profglushkov@mail.ru

³ menedgment-kfu@mail.ru

⁴ Национальное центральное бюро Интерпола МВД России, Москва, Россия, idubrovin@mvd.ru

Аннотация. Осуществлено обоснование, распределение и упорядочение знаний о криминалистической валиднофикации – производной частной криминалистической теории для ее использования при организации (подготовке) предупреждения преступлений и осуществления по ним уголовного судопроизводства, в целом.

Ключевые слова: криминалистическая валиднофикация, криминалистическое валиднофицирование, криминалистическая валидность, объект, криминалистически значимый объект, триада базовых основополагающих, общеобразующих универсальных специальных криминалистических методов познания, технико-, тактико- и методико-криминалистические отрасли знаний, производная криминалистическая теория, производный криминалистический метод познания; уровень (форма, фактор)

Для цитирования: Дубровин С. В., Глушков А. И., Казанцев С. Я., Дубровин И. С. Основы теории криминалистической валиднофикации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 85–90. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-85-90>. EDN: ATSPFG.

Original article

Basics of the forensic validification theory

Sergey V. Dubrovin¹, Aleksandr I. Glushkov², Sergey Ya. Kazantsev³, Igor S. Dubrovin⁴

¹ idubrovin@rambler.ru

² profglushkov@mail.ru

³ menedgment-kfu@mail.ru

⁴ National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, idubrovin@mvd.ru

Abstract. The substantiation, distribution and ordering of knowledge about forensic validation – a derivative of private forensic theory for its use in the organization (preparation) of crime prevention and the implementation of criminal proceedings on them, in general, has been carried out.

Keywords: forensic validofication, forensic validofication method, forensic validity, object, forensically significant object, triad of basic fundamental, forming universal special forensic methods of knowledge, technical, tactical and methodological forensic branches of knowledge, derived forensic theory, derived forensic method of knowledge, level (form, factor)

For citation: Dubrovin S. V., Glushkov A. I., Kazantsev S. Ya., Dubrovin I. S. Basics of the forensic validification theory. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):85–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-85-90>. EDN: ATSPFG.

В предыдущей статье «Основы теории криминалистической верификации»¹ были определено научно-прикладное содержание и значение рассмотренной категории криминалистических знаний, направленных на осуществление предупреждения преступлений, их выявления (раскрытия, доследственной проверки), предварительного расследования и судебного разбирательства.

Однако в названной публикации не было уделено необходимое внимание такому важному понятию как криминалистическая валиднофикация, которая также представляет собой производную частную специальную криминалистическую теорию, имеющую неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость с теорией криминалистической верификации.

Это единение объясняется тем, что криминалистическое валиднофицирование – как метод, формирующий теорию криминалистической валиднофикации, – обуславливает научно-прикладной подход к организации (подготовке) криминалистического верифицирования (метода, формирующего теорию криминалистической верификации), для достижения, в итоге, необходимой (достаточной) полноты удостоверения подлинности (доказательственности) результатов, полученных при предупреждении, выявлении (раскрытии, доследственной проверке), предварительном расследовании преступлений и их судебном разбирательстве.

Исходя из сказанного, дадим определение криминалистической валиднофикации, которая является производной частной специальной криминалистической теорией, представляющей собой систему научных положений (учение) о закономерностях (принципах², правилах³) и связях криминалистического валиднофицирования и устанавливаемой на основе этого специального криминалистического метода познания меры соответствия методик и получаемых результатов организации⁴ (подготовки) предупреждения преступлений, их выявления (раскрытия, доследственной проверки), предварительного расследования и судебного разбирательства для достижения конкретной (конечной, итоговой, заключительной) цели криминалистического верифицирования – удостоверения подлинности определяемой сущности криминалистически значимого объекта (явления).

Для полного и правильного понимания рассматри-

ваемых понятий приведем соответствующие пояснения по их содержанию:

Прикладное определение понятия «валидность» – мера соответствия методик и результатов исследования поставленным задачам в конкретных условиях (см. ru.m.wikipedia.org Валидность – Википедия). В свою очередь «мера» – философская категория, выражающая диалектическое единство качества и количества объекта; указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта и наоборот (см. Советский энциклопедический словарь / Главный редактор А. М. Прохоров, изд. 3-е. М. : «Советская энциклопедия», 1985, с. 789). Таким образом, названная в рассматриваемом определении мера представляет собой объект частной теории криминалистической валиднофикации и формирующего эту теорию метода – криминалистического валиднофицирования.

Криминалистическое валиднофицирование и криминалистическое верифицирование – это производные частные специальные криминалистические методы познания, основу которых (их происхождение, возникновение) составляет триада базовых основополагающих, общеобразующих, универсальных специальных криминалистических методов познания: криминалистическое идентифицирование, криминалистическое диагностирование и криминалистическое классифицирование⁵. Следовательно, каждый из названных производных частных специальных криминалистических методов познания используется для достижения как совместных (комплексных), так и отдельных идентификационных, диагностических и классификационных результатов криминалистического валиднофицирования и криминалистического верифицирования в зависимости от степени разносторонности исследуемого криминалистически значимого объекта и разрешаемых по нему вопросов организации (подготовки) предупреждения преступлений, их выявления (раскрытия, доследственной проверки) и достижения, в итоге, необходимой (достаточной) полноты удостоверения подлинности (доказательственности) результатов, полученных при предупреждении, раскрытии, расследовании преступлений и их судебном разбирательстве.

По существу криминалистические валиднофикация и валиднофицирование, верификация и верифицирование представляют собой научно-практические категории, которые не подменяют процесс доказывания (как это может показаться), а дополняют, способствуют укреплению и более глубокому осознанию (осмыслению, познанию) правовых, процессуальных и криминалистических позиций этого процесса в уголовном судопроизводстве, в целом.

¹ См. Журнал «Государственная служба и кадры» № 3. М. : Изд. ЮНИТИ-ДАНА, 2022, с. 150–156.

² Принцип (лат. *Principium* основа, первоначало) – основоположение, руководящая идея, основное правило поведения, деятельности (см. Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лёхина и Ф. М. Петрова изд. четвертое перераб. и дополн. М. : Гос. Издат. Иностран. и национальных словарей, 1954, с. 563).

³ Правило – положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-н. явлений (см. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. М. : Изд. Русский язык» 1983, с. 511).

⁴ См. там же, с. 403.

⁵ Подробнее см. статью Дубровина С. В., Глушкова А. И., Дубровина И. С., Розиной В. С., Эриашвили Н. Д. «Понятие, сущности и соотношения (взаимосвязь) общей и частных теорий криминалистики. Методы, формирующие эти теории» / Журнал «Закон и право» № 9. М. : Изд-во ЮНИТИ-ДАНА., 2020, с.121–128.

При использовании слова «объект» нельзя понимать под ним только такие значения, как некая «личность», «вещь», отдельный «предмет» «животное», «участок местности», «помещение» или «результаты деяний» (действий, бездействия) и др.

Смысл здесь заложен в самом диалектическом понятии объекта – «то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явления внешнего мира, материальной действительности». В свою очередь, явления – это «то, в чем сказывается, обнаруживается сущность, а также вообще всякое проявление чего-н., событие, случай»¹.

Другими словами, концентрированное диалектическое понятие объекта – это сущность материальной действительности. Поэтому любой материальный объект, – личность, вещь, отдельный предмет, животное, участок местности, помещение или результаты деяний (действий, бездействия) и др., – и оставленные ими следы², – материальные или идеальные (мысленные образы), – логически обоснованно принадлежат в криминалистике, в целом, к категории объектов с точки зрения их общедиалектического понимания (смыслового значения).

По поводу сущности названия «криминалистически значимые объекты» необходимо отметить, что под таковыми следует понимать все перечисленные выше (см. п. III) позиции; кроме того и другие наименования, представляющие собой сущность материальной действительности, которые определенным образом (непосредственно, опосредствованно или предположительно) связаны с событием расследуемого преступления, а также и те, у которых нет подобной известной (установленной, определенной) связи, но в соответствии с существующим криминалистическим опытом, они наиболее часто (закономерно) используются в предупреждении, раскрытии, расследовании преступлений и их судебном разбирательстве (например, дорожно-транспортных преступлений: габитологические и трасологические – антропоскопические признаки людей и сопутствующих им объектов, а также автомобильные лакокрасочные покрытия, фарные рассеиватели, протекторы шин, горючесмазочные материалы, автомобильные стекла и пластмассы, сведения о которых и образцы этих объектов размещены в соответствующих справочниках, атласах картотеках, коллекциях, в сознании специалиста, эксперта, учетах криминалистической регистрации – на сегодняшний день, в основном, автоматизированных).

Может сложиться поверхностное представление о том, что производные частные специальные криминалистические методы познания и триада базовых, ос-

новополагающих, общеобразующих универсальных специальных криминалистических методов познания, имеющих одинаковые названия: криминалистическое идентифицирование, криминалистическое диагностирование и криминалистическое классифицирование – это одни и те же категории, дублирующие (повторяющие) друг друга. Однако такое мнение ошибочно, так как рассматриваемые (сопоставляемые) методы имеют принципиально разные уровни³ (формы⁴, факторы⁵) их оценки: качественный – базовый и количественный – частнопроизводный.

Это обстоятельство доказывается сущностью (содержанием) важнейшего закона развития природы, человеческого общества и мышления, – одним из основных законов диалектики, – переходом количественных изменений в качественные. Согласно которому «изменение качества объекта происходит тогда, когда накопление количественных изменений достигает определенного предела. Закон носит объективный и всеобщий характер; он вскрывает наиболее общий механизм развития. Достигнув определенной пороговой величины (т. н. границы меры), количественные изменения объекта приводят к перестройке его структуры, в результате чего образуется качественно новая система со своими закономерностями развития и структурой. Количественные и качественные изменения обуславливают друг друга; закон устанавливает и обратную зависимость: качественные изменения ведут к количественным изменениям. Процесс перехода одновременно прерывен и непрерывен: прерывность выступает в форме качественного скачка, непрерывность – в форме количественного изменения»⁶.

В связи с этим качественный уровень (форма, фактор) оценки результатов криминалистического идентифицирования, криминалистического диагностирования и криминалистического классифицирования применительно к существующему множеству частных (отдельных, конкретных) криминалистически значимых объектов, согласно существующим закономерностям и связям, объединяющим это множество в единую качественно новую систему (переход количественных изменений в качественные), позволяет определить перечисленную совокупность методов, в целом (суммарно), как триаду «базовых», основополагающих», общеобразующих» (что значит, являющихся основой общего криминалистического метода познания, т.е. совместно лежащих в его основе и образующих этот метод), «универсальных» (т.е. ох-

¹ См. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, стереотипное / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1983, с. 387, 812.

² К «следу» в криминалистике в широком смысле относят любые изменения во внешней обстановке (окружающей среде) или в идеальном (мысленном) восприятии (в сознании), связанные с событием преступления.

³ Уровень – степень величины, развития, значимости чего-н. (см. Ожегов С. И., там же, с. 745).

⁴ Форма – вид, тип, устройство, структура, внешнее выражение чего-н., обусловленные определенным содержанием (см. Ожегов С. И., там же, с. 761).

⁵ Фактор – момент, существенное обстоятельство в каком-н., процессе, явлении (см. Ожегов С. И., там же, с. 754).

⁶ См. Советский энциклопедический словарь / Гл. редактор Прохоров А. М., изд. третье. М.: «Советская энциклопедия», 1985, с. 984.

ватывающих многое с разнообразным назначением), «специальных криминалистических» (т. е. полностью, в целом, разработанных в криминалистике и для нее) методов познания.

Дополнительным (наглядным) доказательством (аргументом) сказанного является тот факт, что общий криминалистический метод познания включает в свое содержание общенаучные методы логического умозаключения. Это, во-первых, дедукция, при которой частные положения выводятся из общих суждений (правил, закономерностей), а, во-вторых, индукция, сущность которой составляют логические рассуждения, осуществляемые от частных фактов (положений) к общим выводам.

Количественный уровень (форма, фактор) оценки результатов криминалистического идентификации, криминалистического диагностирования и криминалистического классифицирования, применительно к частным (отдельным, конкретным) криминалистически значимым объектам, надо определить как производный от базового (переход от качественных изменений к количественным). Следовательно, названные частные специальные криминалистические методы познания, результаты которых оцениваются тем же количественным показателем (уровнем, формой, фактором), являются производными.

Исходя из сказанного и как свидетельствует накопленный в технико-, тактико- и методико-криминалистических отраслях знаний научно-практический опыт предупреждения, раскрытия, расследования и судебного разбирательства рода, вида преступлений, все результаты, полученные при разрешении криминалистических вопросов, касающихся названных отраслей знаний предназначены для решения трех итоговых (конечных) задач: идентификационных, диагностических и классификационных.

Следует обратить внимание на принципы, определяющие теории криминалистической валиднофикации и криминалистической верификации – это принципы валидности и верифицируемости, которые, прежде всего, требуют определения и проверки степени достоверности, точности обоснованности криминалистического прогноза или криминалистической версии, их эмпирического подтверждения.

Достоверность предполагает оценку вероятности прогноза и версии в заданном доверительном интервале (наиболее вероятные и менее вероятные прогнозы, версии). Точность прогноза или версии заключается в совпадении предсказанного (предвиденного) будущего, выдвинутого предположения о происходящем или уже произошедшем с реальным событием по времени. Последнее требование обоснованности прогноза и версии означает всесторонность и глубину анализа информации о криминалистически значимых объектах («валиднофицируемых» и «валиднофицирующих», «верифицируемых» и «верифицирующих») криминалистического прогнозирования или построения криминалистических версий.

Прогноз и версия должны базироваться на обоснованных обобщениях и изучении значительного количества криминалистических явлений и фактов (фактических данных и информационных источников), определяющих (обуславливающих): во-первых – подготовку (организацию) работы правоохранительных органов с будущим (заранее предвиденным), происходящим или уже происшедшим уголовно-наказуемым деянием; во-вторых – предупреждение, выявление преступлений (их раскрытие, доследственная проверка), предварительное расследование и судебное разбирательство, в целом (во всей совокупности).

Любые классификационные системы, в том числе и частные криминалистические теории, должны отвечать (соответствовать) следующим необходимым для них критериям: основания, свойства, принципы (закономерности, правила), информационные источники формирования названных систем:

каждая из существующих классификационных систем может быть более или менее удачной, но считается состоявшейся, если она логически выдержана, научно обоснована и опирается на имеющийся практический опыт. Эти три компонента представляют собой основания существующих, совершенствуемых и вновь формируемых криминалистических классификационных систем.

Названные компоненты также составляют основания классификационных систем, имеющих место в других (некриминалистических) отраслях знаний.

Свойства, которыми обладает та или иная классификационная система, это:

- во-первых, условность, что означает заранее оговоренный, понятный, согласно существующим закономерностям (принципам, правилам) и связям, упорядоченный структурный подход к образованию конкретной классификационной системы;
- во-вторых, субъективность, то есть любая классификационная система создается в результате деятельности определенного субъекта, либо формируется совместно несколькими, отвечающими за это лицами;
- в-третьих, относительность, которая определяется тем, что изучение, размещение (распределение) и упорядочение элементов (классификационных характеристик и групп) в каждой отдельной классификационной системе происходит в конкретный период, то есть промежуток времени, в течение которого разрабатывается эта система, а также ее формирование обуславливается соответствующими этому времени обстоятельствами и условиями.

Как следует из логики построения создаваемых во всех отраслях знаний (в том числе и криминалистических) различных классификационных систем, их формирование руководствуется принципами: целеустремленности, целесообразности, целостности,

индивидуальности, конкретности, динамичности, преемственности, достоверности, объективности, точности, обоснованности, верифицируемости и валидности:

- **целеустремленность** – означает наличие ясной и определенной цели формирования классификационной системы, стремление к ее достижению;
- **целесообразность** – характеризуется соответствием классификационной системы поставленной цели, ее логичности и практической полезности в развитии существующих и формировании вновь создаваемых классификационных систем;
- **целостность** – означает, что все позиции классификационной системы проникнуты единством (имеют корреляционную, то есть взаимозависимую связь) и всесторонностью (т. е. изучены подробно, со всеми частностями);
- **индивидуальность** – определяется особенностями, присущими (свойственными) отдельному, единичному классификационному образованию (классификации, системе: структуре, массиву);
- **конкретность** – заключается в реально существующем, выражающем единство, целостность всего многообразия имеющихся связей и отношений, вполне точном и вещественно определенном распределении и упорядочении криминалистически значимых объектов, явлений, понятий и сведений (информации, знаний) по соответствующим классификационным системам;
- **динамичность** – состоит в активном развитии научно-практических разработок по совершенствованию существующих и формированию вновь создаваемых классификационных систем;
- **преемственность** – представляет собой последовательный переход от одной классификационной системы (разработки) к другой, более удачной и правильной с позиций современных научно прикладных критериев (суждений, оценок), но сохраняющей в себе в той или иной степени элементы (характеристики, группы), структурный подход и другие позиции, имевшиеся в предыдущей классификационной системе (или предыдущих классификационных системах);
- **достоверность** – характеризуется надежностью, отсутствием сомнений в получаемых результатах формирования или совершенствования классификационной системы;
- **объективность** – представляет собой непредвзятость, беспристрастность, действующие в классификационной системе в соответствии с объективной истиной;

- **точность** – понимают как совершенно верный показатель полного соответствия с действительностью;
- **обоснованность** – это подтвержденная фактами действительность;
- **верифицируемость** – означает удостоверение подлинности, требующей проверки, определения степени достоверности, точности и обоснованности, формируемой или имеющей место классификационной системы;
- **валидность** (см. ru.m.wikipedia.org Валидность – Википедия) —представляет собой обоснованность и пригодность методик и результатов формирования новой или совершенствования уже существующей классификационной системы в конкретных условиях.

Следует отметить, что все перечисленное в полной мере соответствует главенствующему в правовом отношении принципу допустимости применения, который, как известно, включает в свое содержание две составляющие:

- соответствие морально-этическим и правовым нормам;
- соответствие современному научно-техническому уровню.

С этих позиций рассмотренные основания, свойства и принципы (закономерности, правила) отвечают научно-профессиональной этике, существующим правовым нормам и современному научно-техническому уровню.

Информационными источниками классификационных массивов, из которых возникают криминалистические теории и другие научно-практические разработки являются:

- архивные уголовные дела, рассмотренные судом;
- архивные расследованные (прекращенные) уголовные дела;
- уголовные дела, находящиеся в производстве органов предварительного расследования и суда;
- проверочные материалы по сообщениям о преступлениях;
- информационно-поисковые базы (банки) данных учетов криминалистической регистрации;
- статистические отчеты о преступлениях и лицах, их совершивших;
- анкетирование, опросы (интервьюирование) судей, практических сотрудников ведомств и подразделений правоохранительных органов, занимающихся раскрытием и расследованием преступлений: следователей, дознавателей (оперативных сотрудников), экспертов, специалистов-криминалистов;
- материалы диссертационных исследований, научных публикаций, учебники, учебные пособия, научно-практические рекомендации и др.;

- собственный профессиональный (научный и практический) опыт (т. е. совокупность всех

трех уровней профессионализма: знаний, умений и навыков).

Информация об авторах

С. В. Дубровин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ;

А. И. Глушков – доктор юридических наук, профессор;

С. Я. Казанцев – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;

И. С. Дубровин – начальник отдела технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности и информационной безопасности Национального центрального бюро Интерпола МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

S. V. Dubrovin – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation;

A. I. Glushkov – Doctor of Legal Sciences, Professor;

S. Ya. Kazantsev – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

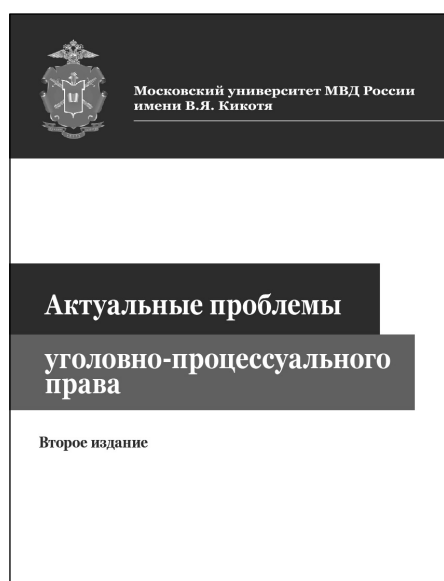
I. S. Dubrovin – Head of the Department of Technical Support of Operational Investigative Activities and Information Security of the National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 17.11.2023.

The article was submitted 05.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 17.11.2023.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. 303 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр».

Цель пособия — вычлнить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 342.95

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-91-93>

EDN: <https://elibrary.ru/atyopl>

НИОН: 2003-0059-6/23-842

MOSURED: 77/27-003-2023-06-041

Проблемы эффективности действия региональных законов в Российской Федерации: практический аспект

Александра Михайловна Зарина^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. В качестве основных проблем функционирования региональных законов на современном этапе развития административного законодательства выступают: сложности в определении подведомственности правонарушения, особенности практики применения конкретной нормы, истечение сроков давности, установление места правонарушения и неэффективная система взыскания штрафов. Эффективность действия местных законов можно достигнуть посредством проведения специальных мероприятий по выявлению правонарушений, повышения правовой грамотности населения и профилактической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: административное правонарушение, штраф, суд, местные законы, административная ответственность

Для цитирования: Зарина А. М. Проблемы эффективности действия региональных законов в Российской Федерации: практический аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 91–93. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-91-93>. EDN: ATYOPL.

Original article

Problems of the effectiveness of regional laws in the Russian Federation: a practical aspect

Alexandra M. Zarina^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The main problems of the functioning of regional laws at the present stage of development of administrative legislation are: difficulties in determining the jurisdiction of an offense, the peculiarities of the practice of applying a specific rule, the expiration of the statute of limitations, establishing the place of the offense and an inefficient system for collecting fines. The effectiveness of local laws can be achieved through special measures to identify violations, improve the legal literacy of the population and preventive activities of law enforcement agencies.

Keywords: administrative offense, fine, court, local laws, administrative responsibility

For citation: Zarina A. M. Problems of the effectiveness of regional laws in the Russian Federation: a practical aspect. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):91–93. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-91-93>. EDN: ATYOPL.

На сегодняшний день актуальной остается проблема неэффективности действия правовой нормы или так называемые «мертвые» нормы. Особенно интересными для жителей России являются вопросы не привлечения лиц к ответственности за отдельные виды административных правонарушений, предусмотренных на уровне местного законодательства.

В больших и развитых городах органы местной власти издали свои нормативные акты, которые имеют такие названия как Кодекс Волгоградской области об административной ответственности от 29 мая 2008 г. [2], Кодекс города Москвы об административных правонарушениях от 21 ноября 2007 г. [3] и др., содержащие перечень административных норм в си-

© Зарина А. М., 2023

стематизированном, обобщенном виде, применяемых на определенной территории. Такие законы, на наш взгляд, являются универсальными актами и упрощают задачу правового просвещения населения, когда решение вопроса можно найти в одном документе. В связи с чем всегда понятно, каким образом и где установлена ответственность за отдельные виды правонарушений. В большей части субъектов РФ приняты законы, содержащие нормы об административной ответственности, но есть и отдельные акты, регулирующие охрану различных видов общественных отношений.

Сложности возникают в первую очередь из-за определения подведомственности, так как зачастую оформлять правонарушение выезжает орган государственной власти, который может только зафиксировать нарушение, но не имеет полномочий по ведению административного производства и соответственно не может выносить решения. Например, ст. 8 Закона Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» от 29 мая 2010 г. [4] содержит положения об ответственности за нарушение тишины и покоя в ночное время. Следует отметить, что при нарушении тишины в данном субъекте РФ с целью составления протокола о соответствующем административном правонарушении и привлечении виновных лиц к ответственности, необходимо обращаться в полицию. Данные изменения в нормативный правовой акт внесены в марте 2022 г. Ранее протоколы по данной статье составляли сотрудники Комитета по вопросам законности, правопорядка и безопасности. Аналогично решили данный вопрос в г. Москве. В большинстве других регионов до настоящего времени все осталось в компетенции администрации. Следует отметить, что данная тенденция должна получить свое распространение на другие субъекты РФ. Действительно во многих регионах данная проблема является «открытой» и вопрос не урегулирован, в связи с чем сотрудники органов внутренних дел считают, что показатели по выявлению обозначенного правонарушения засчитываются органам государственной власти субъекта, и не стремятся к оформлению большего количества правонарушений.

Ранее была предусмотрена ответственность за отправление естественных потребностей в общественном месте в законах местного уровня. Однако на сегодняшний день практика привлечения за данный вид правонарушения изменилась: данное деяние квалифицируется как хулиганство по КоАП РФ [1]. До этого момента при составлении протокола за обозначенное правонарушение прокуратура могла вернуть в орган внутренних дел материалы, обосновав свое решение тем, что в данном районе субъекта РФ не установлены общественные туалеты. Поэтому при составлении протокола необходимо учитывать особенности практики применения нормы на отдельной территории, в том числе и условия реализации нормы.

Следующей проблемой правоприменительной практики является не привлечение лица к административной ответственности в связи с истечением сроков давности. Достаточно часто владельцы домашних животных избегают наказания за выгул собак с нарушениями закона. Так, более 50 % административных дел в отношении указанных лиц прекращены, только в отношении 400 человек за год применен административный штраф. Большинство жалоб возвращаются без рассмотрения в связи с истечением сроков давности.

Как показывает статистика, суд часто отменяет штраф административной комиссии, если речь идет о безнадзорном выгуле, ночном лае или нападении собаки на другое животное. Ситуации, в которых пострадали люди, обычно заканчиваются для собачников штрафом [5].

Сложности возникают и при установлении места совершения правонарушения. Например, мужчину оштрафовали за курение у входа в здание железнодорожного вокзала. Лицо согласилось с применением в отношении него штрафной санкции. Однако, прокуратура возразила, пояснив, что в протоколе не указано расстояние от железнодорожного вокзала до места курения лица, ссылаясь на то, что при нахождении мужчины на расстоянии более 15 метров правонарушение отсутствует. Судебные органы согласились с мнением прокуратуры и отменили постановление о привлечении лица к административной ответственности [6]. Перечень мест для курения устанавливается местными органами власти.

Также при привлечении лиц за бродяжничество и попрошайничество на улицах, в том числе распитие асоциальными лицами алкогольной продукции и организацию притонов, возникает вопрос: каким образом будет производиться оплата штрафа? Ведь местный бюджет должен пополняться за счет данных денежных средств. Однако указанные лица являются неплатежеспособными, и эффективность применения штрафных санкций к ним сводится к минимуму.

В заключении хотелось бы отметить проблему низких показателей и отсутствие профилактической работы органов, осуществляющих работу по привлечению к административной ответственности в соответствии с местными законами. Таким образом, правоохранительным органам необходимо проводить специальные мероприятия, направленные на выявление отдельных видов правонарушений, привлекать социальные службы для помощи асоциальным лицам, страдающим наркологической или алкогольной зависимостью. Гражданам важно разъяснять как при непосредственном общении, так и через средства массовой информации положения регионального законодательства, повышая правовую грамотность населения. Только в совокупности обозначенные мероприятия достигают наибольшей эффективности правового воздействия, реализуя задачу предупреждения совершения новых правонарушений.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Волгоградской области от 29 мая 2008 г. «Кодекс Волгоградской области об административной ответственности» // URL://<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=143012105&backlink=1&nd=143014002>.
3. Закон г. Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // URL://<https://www.mos.ru/glavkontrol/documents/view/226759220/>
4. Закон Санкт-Петербурга от 29 мая 2010 г. «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // URL://<https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/08/20/15/891831166>.
5. Антонов Р. 30 тысяч рублей за выгул собак без намордников будут платить хозяева // URL://https://www.om1.ru/news/society/177131-30_tysjach_rublejj_za_vygul_sobak_bez_namordnikov_budut_platit_khozjaeva/
6. Штраф за курение в общественном месте // URL://<https://xn----8sbbemu6akbbsn.xn--plai/kurenie-v-nepolozhennom-meste/>

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ // LRS «ConsultantPlus».
2. Law of the Volgograd region of May 29, 2008 «Volgograd Oblast Code of Administrative Responsibility» // URL://<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=143012105&backlink=1&nd=143014002>.
3. Moscow City Law № 45 of November 21, 2007 «Moscow City Code on Administrative Offenses» // URL://<https://www.mos.ru/glavkontrol/documents/view/226759220/>
4. Law of St. Petersburg of May 29, 2010 «On Administrative Offenses in St. Petersburg» // URL://<https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/08/20/15/891831166>.
5. Antonov R. 30 thousand rubles for walking dogs without muzzles will be paid by owners // URL://https://www.om1.ru/news/society/177131-30_tysjach_rublejj_za_vygul_sobak_bez_namordnikov_budut_platit_khozjaeva/
6. Penalty for smoking in a public place // URL://<https://xn----8sbbemu6akbbsn.xn--plai/kurenie-v-nepolozhennom-meste/>

Информация об авторе

А. М. Зарина – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента международного и частного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

A. M. Zarina – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Private Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 18.09.2023.

The article was submitted 18.05.2023; approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 18.09.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-94-97>

EDN: <https://elibrary.ru/avzren>

НИОН: 2003-0059-6/23-843

MOSURED: 77/27-003-2023-06-042

Актуальные проблемы получения доказательств на этапе окончания предварительного следствия

Николай Александрович Золотухин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, gold29@mail.ru

Аннотация. Акцентируется внимание на законодательном обосновании проведения следственных и процессуальных действий при ознакомлении с материалами уголовного дела участников уголовного судопроизводства; освещаются проблемные вопросы, возникающие в процессе ознакомления. Проведен анализ проблемных аспектов, и предложены пути их решения. Выводы, представленные в статье, основаны на всестороннем изучении действующего уголовно-процессуального законодательства РФ и обзора следственно-судебных материалов.

Ключевые слова: ознакомление с материалами уголовного дела, участники уголовного судопроизводства, следователь, обвиняемый, защитник, потерпевший, ходатайства, следственные действия

Для цитирования: Золотухин Н. А. Актуальные проблемы получения доказательств на этапе окончания предварительного следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 94–97. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-94-97>. EDN: AVZREN.

Original article

Actual problems of obtaining evidence at the stage of completion of the preliminary investigation

Nikolay A. Zolotukhin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, gold29@mail.ru

Abstract. Attention is drawn to the legislative justification of investigative and procedural actions during familiarization with the materials of the criminal case of participants of criminal proceedings; problematic issues arising in the process of familiarization are highlighted. The problematic aspects are being analyzed and ways of their solution are being suggested. The conclusions presented in the article are based on a comprehensive study of the current criminal procedural legislation of the Russian Federation and review of investigative and judicial materials.

Keywords: familiarization with the materials of the criminal case, participants in criminal proceedings, investigator, accused, defender, victim, petitions, investigative actions

For citation: Zolotukhin N. A. Actual problems of obtaining evidence at the stage of completion of the preliminary investigation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):94–97. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-94-97>. EDN: AVZREN.

Собирание (получение) доказательств по уголовному делу фактически является одной из основных задач уголовного судопроизводства, и обязанностью органов предварительного расследования, в частности. Именно на основании собранных в соответствии с действующими правилами уголовного судопроизводства доказательств принимаются решения в отношении лиц по уголовным делам. Это в равной степени

относится и к этапам, связанным и с проверкой сообщения о преступлении, и с решениями о возбуждении уголовного дела, и о задержании подозреваемого, и об избрании подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения, или об избрании иных мер процессуального принуждения, и о признании лица потерпевшим, гражданским истцом, привлечении лица в качестве обвиняемого, гражданского ответчика, решении о

приостановлении производства по уголовному делу, о прекращении уголовного дела или направлении уголовного дела с обвинительным заключением прокурору и так далее. Как видно из приведенного выше перечня такие решения принимаются на любой стадии уголовного процесса и на любом этапе производства по делу.

В ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту УПК РФ) закреплён один из принципов уголовного судопроизводства – «Свобода оценки доказательств», который отсылает нас к правилам оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ). В настоящей статье нам хотелось бы рассмотреть возможность получения доказательств (их оценки и принятия по ее итогам решений) на этапе ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, т. е. на этапе окончания предварительного следствия с обвинительным заключением. Чирков В. Ф. под оценкой доказательств понимает: «основанную на внутреннем убеждении мыслительную логическую деятельность суда, следователя, дознавателя по определению относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также их достаточности для установления значимых обстоятельств и фактов уголовного дела» [4, с. 8–9].

Органы государственной власти, местного самоуправления, и их должностные лица должны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы [3, ч. 2 ст. 24]. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, интерпретируя озвученное положение, предусматривает обязанность следователя при окончании производства по делу предоставить право на ознакомление с собранными материалами дела (доказательствами) потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям, а также обвиняемому и его защитнику (ст. 215–217 УПК РФ).

При этом положение ч. 2 ст. 24 Конституции РФ УПК РФ разделяется на два этапа и, соответственно, на два процессуальных действия:

1) уведомление по отдельности указанных лиц об окончании следственных действий, с разъяснением им права на ознакомление с материалами уголовного дела и далее, с составлением протокола уведомления об окончании следственных действий;

2) при наличии ходатайства об ознакомлении с материалами дела, предоставление лицу возможности ознакомляться с ними.

Как следствие, предусмотрено составление минимум двух протоколов на каждого участника – уведомления об окончании производства следственных действий и ознакомления с материалами уголовного дела.

Одновременно в УПК РФ подчеркивается право участников уголовного судопроизводства заявить ходатайство (о допросе новых свидетелей, производстве судебных экспертиз, а также других следственных действий), в любой момент производства по уголов-

ному делу, в том числе, и на этапе ознакомления с его материалами, т. е. тогда, когда все следственные действия по делу выполнены, доказательства собраны и, по мнению следователя, достаточны для составления обвинительного заключения. Таким образом, в случае удовлетворения следователем подобного ходатайства, он проводит необходимые следственные действия, тем самым дополняя материалы уголовного дела. Интересной особенностью данной ситуации является то, что при выполнении дополнительных следственных действий ознакомление других участников с материалами уголовного дела не прерывается и не приостанавливается. При этом участники так же и не уведомляются (не обязаны быть уведомлены следователем) о проводимых дополнительных следственных действиях. Согласно ч. 2 ст. 219 УПК РФ они (участники) уведомляются об этом уже после производства дополнительных следственных действий следователем и последний обязан предоставить им возможность ознакомления с полученными дополнительными материалами.

Возникает двусмысленный процессуальный момент. С одной стороны лица уведомлены об окончании выполнения по делу следственных действий, а с другой, пусть и не по инициативе следователя – по уголовному делу продолжается выполнение следственных действий, о чем этим лицам становится известно уже постфактум.

Хотелось бы также обратить внимание на некоторую неопределенность, которую в данном случае допускает законодатель в УПК РФ в части конкретизации списка следственных действий, которыми могут быть дополнены материалы уголовного дела. В УПК РФ не раскрывается определение «следственных действий», и не дается определенного перечня «следственных действий» ни вообще, ни в данном случае – перечня следственных действий, которые разрешено проводить на рассматриваемом этапе расследования. В науке уголовного процесса принято считать, что следственные действия – это предусмотренные и регламентированные уголовно-процессуальным законом и осуществляемые уполномоченными должностными лицами процессуальные действия, направленные на собирание доказательств и сопряженные с возможностью применения при их производстве процессуального принуждения [5, с. 197]. Но по смыслу ч. 4 ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник могут ходатайствовать не только о проведении следственных действий, т. е. о проведении действий, направленных на собирание доказательств, а вообще о любых мероприятиях, следовательно, и следственных, и процессуальных действиях по делу, которые так, или иначе направлены на получение (сбор) доказательств по делу. Так, доказательствами по УПК РФ являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие об-

стоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом в дальнейшем в ч. 2 ст. 219 УПК РФ законодатель указывает о проводимых по делу только дополнительных следствиях действиях.

В УПК РФ не разъясняется, что необходимо понимать под ходатайством. В юридической литературе содержится немало вариантов трактовки данного понятия. К примеру, ходатайством признается «письменная или устная просьба указанных в законе участников уголовного процесса к дознавателю, следователю, прокурору или суду о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений с целью установления обстоятельств, имеющих значение для дела, обеспечения прав и законных интересов лица, заявившего ходатайство или представляемого им лица» [2, с. 42]. Мы согласны с мнением данного автора, ведь участники уголовного процесса могут приносить ходатайства не только о проведении следственных действий, направленных на собирание доказательств, но и о процессуальных действиях, имеющих ту же цель (например, приобщение к материалам дела различных справок, характеристик, направление запросов и др.), а также лица, участвующие в деле могут ходатайствовать о производстве процессуальных действий, например, о так называемых процедурных действиях – изменении меры пресечения, изменении квалификации или объема предъявленного обвинения. В связи с чем и возникает вопрос, какие – именно, на данном этапе производства, возможно проводить мероприятия, чтобы они несли в себе доказательственную силу. И возможно ли производство иных, не следственных действий, по ходатайству участников производства, на данном этапе? Следуя формальному прочтению УПК РФ – невозможно.

В то же время в УПК РФ нет прямого «разрешения» на самостоятельное производство следователем во время выполнения требований ст. 215–219 УПК РФ процессуальных действий (процедурных) – продления срока следствия, срока заключения под стражу и подобного. Однако, как говорится, по смыслу закона производство таких действий допускается (более того в некоторых случаях без их производства уголовное дело невозможно будет закончить производством) при возникновении в них необходимости.

Исходя из приведенного выше анализа, по нашему мнению, возникает обоснованный вывод, что удовлетворять ходатайства участников уголовного судопроизводства по ознакомлении с материалами уголовного дела о приобщении к материалам уголовного дела различных документов (справок, характеристик и т. п.) недопустимо, так как ч. 2 ст. 219 УПК РФ допускает удовлетворение ходатайств на данном этапе расследования только о проведении дополнительных следственных действий, а приобщение к материалам дела различных документов следственным действием не является.

В той же связи может создаваться еще одна неоднозначная ситуация. При удовлетворении следователем ходатайств участников о проведении каких-либо следственных действий, при ознакомлении с материалами дела и по выполнении этих следственных действий обоснованно может возникнуть:

- необходимость проведения следственных или процессуальных действий, хоть и имеющих значение для дела, но о которых не ходатайствовали участники производства;
- необходимость в изменении/дополнении предъявленного ранее обвинения. В связи с чем возникают вопросы – допустимо ли проводить такие следственные действия и допустимо ли изменить/дополнить обвинение во время ознакомления участников с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного следствия? И вновь прямо ответа УПК РФ не содержит.

Анализируя следственно-судебную практику, мы пришли к выводу, что в практической деятельности следователи, в своем большинстве, действуют, прямо противоположно приведенному анализу, а именно: удовлетворяют ходатайства и приобщают к материалам дела различные документы, и затем уведомляют об этом остальных участников и знакомят их с дополнительными материалами, но не изменяют/дополняют обвинение, в рамках ознакомления с материалами уголовного дела. При необходимости в этом, производство следственных действий по делу возобновляют и «перепредъявляют» обвинение в общем порядке, с последующим повторным выполнением требований ст. 215–219 УПК РФ [1].

Выявленное несоответствие действий следователей нормам УПК РФ, по нашему мнению, свидетельствует о необходимости внесения в закон более точных формулировок действий стороны обвинения в рассматриваемых ситуациях, согласно сложившейся практике, расследования уголовных дел, которые будут отвечать принципам законности и будут обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан.

Список источников

1. Уголовное дело № 80142 // Архив Дорогомиловского районного суда г. Москвы.
2. Власова Н. А. Заявление и разрешение ходатайств в ходе предварительного расследования // Государство и право. 2006. № 4.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Чирков Ф. В. Оценка доказательств в ходе окончания предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

5. Уголовный процесс : учебное пособие / Е. Ю. Алонцева и др. ; под ред. О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022.

References

1. Criminal Case № 80142 // Archive of the Dorogomilovsky District Court of Moscow.
2. Vlasova N. A. Statement and resolution of petitions in the course of preliminary investigation // State and Law. 2006. № 4.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted

by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved in the course of the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».

4. Chirkov F. V. Evaluation of evidence in the course of the end of the preliminary investigation : abstract dis. Cand. legal sciences. Krasnodar, 2012.
5. Criminal procedure : textbook / E. Y. Alontseva et al.; ed. by O. V. Khimicheva, N. V. Ugolnikova. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2022.

Информация об авторе

Н. А. Золотухин – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. A. Zolotukhin – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 21.08.2023.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 21.08.2023.

Оперативно-розыскная деятельность. Учебник. Под ред. Н. А. Кузьмина, Л. Л. Тузова, И. А. Климова. 8-е изд., перераб. и доп. 447 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации.

Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Научная статья

УДК 343.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-98-101>

EDN: <https://elibrary.ru/bttjzf>

НИОН: 2003-0059-6/23-844

MOSURED: 77/27-003-2023-06-043

Совершенствование правового регулирования предупреждения домашнего насилия как фактора формирования агрессивного поведения подростков

Анатолий Васильевич Зубач¹, Екатерина Александровна Блохинова²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ Cort91@inbox.ru

² blokhinovak@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ деструктивного поведения подростков, а также факторы его формирования в результате домашнего насилия. Отмечается актуальность правового регулирования предупреждения домашнего насилия, и предлагаются пути совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Ключевые слова: подросток, агрессия, семейно-бытовое насилие, противоправное поведение, психика, социализация, помощь, семья, закон

Для цитирования: Зубач А. В., Блохинова Е. А. Совершенствование правового регулирования предупреждения домашнего насилия как фактора формирования агрессивного поведения подростков // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 98–101. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-98-101>. EDN: BTTJZF.

Original article

Improvement of legal regulation of prevention of domestic violence as a factor in the formation of aggressive behavior of adolescents

Anatoly V. Zubach¹, Ekaterina A. Blokhinova²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ Cort91@inbox.ru

² blokhinovak@gmail.com

Abstract. The analysis of destructive behavior of adolescents, as well as factors of its formation as a result of domestic violence is carried out. The relevance of legal regulation of prevention of domestic violence is noted and ways to improve the legislation in the considered sphere of public relations are offered.

Keywords: teenager, aggression, domestic violence, unlawful behavior, psyche, socialization, assistance, family, law

For citation: Zubach A. V., Blokhinova E. A. Improvement of legal regulation of prevention of domestic violence as a factor in the formation of aggressive behavior of adolescents. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):98–101. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-98-101>. EDN: BTTJZF.

В современном мире все актуальнее становится вопрос о влиянии домашнего насилия на личность подростков и на их деструктивное поведение. По статистике ежегодно подростками совершается около тридцати тысяч различных преступлений [6]. При этом, как показывают социологические исследования, примерно 23 % подростков совершают преступления в связи с отрицательным влиянием семьи и родителей-воспитателей, а 16 % в связи с неблагоприятной об-

становкой в семье. Исходя из этого, следует задаться вопросом, какие меры правового воздействия применяются для предотвращения исследуемого антисоциального явления.

Зачастую агрессивность подростков выражается жестче агрессивности взрослых. Специалисты – криминологи связывают это с желанием подростков самоутвердиться, или же со средой, в которой они растут. Как известно, первичная социализация подростков

проходит в семье, где перенимается модель поведения родителей или иных воспитателей, формируются особенности психики, определяющие мотивы конкретных поступков.

В одном из своих интервью для «Российской газеты» Председатель Следственного комитета России (далее СК РФ) А. И. Бастрыкин заявил о высоком уровне подростковой преступности: «...следователи раскрыли 7761 преступлений, совершенных подростками за 2021 год, и свыше трех тысяч преступлений, совершенных детьми, не достигшими возраста привлечения к уголовной ответственности». При этом Председатель СК РФ отметил, что решающим фактором в противоправном поведении подростков является то, какие идеалы и ценности взрослые закладывают в детей [8].

На данный момент в нашей стране нет закона, предусматривающего уголовную ответственность именно за домашнее насилие. Есть лишь часть статей в Уголовном Кодексе (далее УК РФ), в которых закреплены преступления, связанные с насилием, это ст.: 111, 112, 115, 116 и 119 [2]. А в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) по ст. 6.1.1 КоАП предусмотрен лишь штраф [3]. Как показывает практика, совершение подростками преступлений против личности зачастую связана с имевшими место проявлениями домашнего насилия.

Существует мнение о влиянии компьютерных игр, социальных сетей и «западной мысли» на развитие агрессивности в подростках. Из проведенного нами в этом году социологического исследования, посвященного влиянию деструктивной информационной среды на детей и подростков, следует, что большинство подростков признает, что Интернет пропагандирует негативные ценности, насилие, агрессию. В то же время, по данным опроса родителей, негативная информация, исходящая из средств массовой информации и особенно Интернета, представляют опасность для современных детей. При этом 24,5 % из числа опрошенных родителей считают, что нужен законодательно закрепленный механизм контроля, обеспечивающий информационную безопасность Интернета в отношении детей и подростков.

Об ухудшении ситуации с домашним насилием после декриминализации семейных побоев, способствовавшей ощущению безнаказанности у агрессоров, заявили правозащитники организации Human Rights Watch: по их данным, каждая пятая женщина в России сталкивается с насилием со стороны близких, при этом 60–70 % не обращаются за помощью [4].

Также следует отметить, что по статистике более 45 % осужденных, совершивших преступление в подростковом возрасте, — из неполных семей. Не имея поддержки дома, не получая должного внимания и опеки, дети становятся озлобленными на окружающий их мир.

В 2019 на сайте Совета Федерации был опубликован Законопроект Федерального Закона «О профилактике семейно-бытового насилия в РФ». Он стал предметом неоднозначного общественного спора и подвергся кардинальным изменениям с момента его внесения в Государственную Думу.

Президент в ходе ежегодной итоговой пресс-конференции прокомментировал законопроект о домашнем насилии, неодобрительно отзываясь о применении физической силы в семейных конфликтах, однако указав, что можно пользоваться уже существующим законодательством, которое позволяет наказывать за подобные правонарушения [7]. Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства после рассмотрения указанного законопроекта заявила, что он содержит целый ряд правовых дефектов, что делает его принятие недопустимым.

На данный момент Законопроект не принят. Однако, как минимум, в нем дано определение семейно-бытового насилия, под которым следует понимать умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления [4]. Данный законопроект предусматривает ряд профилактических мер по предотвращению домашнего насилия. Среди них, к примеру, правовое информирование граждан; помощь в социальной адаптации и реабилитации лиц, подвергшихся домашнему насилию; профилактический учет и контроль и другие.

Следует отметить, что в настоящее время применяются отдельные меры по предотвращению домашнего насилия, однако они носят бессистемный характер и ненадлежащим образом обеспечены правовым регулированием. Тем не менее функционируют кризисные центры помощи женщинам и детям, где жертвы насилия могут получить кров, защиту, медицинскую помощь, юридическую и психологическую помощь, также существует экстренная психологическая помощь по телефону. Помимо государственной поддержки работают и некоммерческие организации (НКО), например, центр «Насилию.нет» [5].

Несмотря на имеющиеся возможности помощи подвергшимся насилию детям, статистика иллюстрирует факт их недостаточности.

По нашему мнению, для реализации превентивности как самих актов семейно-бытового насилия, так и для подростковой преступности следует:

- проводить открытые лекции, семинары, на которых детям расскажут о доступных мерах помощи в случае насилия, а также распространят актуальные номера телефонов участковых, отделов полиции, центров помощи, анонимных чатов;
- обеспечить доступ подросткам к квалифицированной помощи психологов и педагогов.

При этом должен быть предусмотрен режим конфиденциальности такого посещения подростком психологов и педагогов, а также факт того, что ребенок подвергся любому виду насилия. Нарушение данного порядка должно быть гарантировано законодательством и предусматривать определенные меры ответственности [1];

- оказывать психологические консультации родителям, которые были обвинены в применении семейно-бытового насилия по отношению к подросткам. А также введение в штат полиции, в помощь участковым уполномоченным и сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних, – семейных психологов;
- криминализировать домашнее насилие, предусмотрев в УК РФ соответствующую статью, например ст. 116.2 УК РФ – «Домашнее насилие» в которой предусмотреть ответственность за нанесение побоев совместно проживающим лицам, и повышенную ответственность за насилие в присутствии или в отношении подростков;
- на законодательном уровне обязать местные органы самоуправления повсеместно обеспечить подросткам возможности занятий в различных, общественно-полезных мероприятиях, секциях, кружках и т. д.;
- законодательно предусмотреть возможность временного убежища подросткам, подвергшимся насилию в семье, где они смогут временно провести время, изолированно от опасности;
- на законодательном уровне предусмотреть введение соответствующих профилактических учетов (с использованием автоматизированных информационных систем) и официальных предостережений в области семейно-бытового насилия.

На основании вышеизложенного, следует сделать обобщающий вывод, что домашнее насилие является острой социальной проблемой требующей своего решения при активном использовании правовых средств.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL://<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // URL://<https://study.garant.ru/#/compare/10108000/57412615/tab/0/entry/20022:0>.
3. Кодекс Российской Федерации об администра-

тивных правонарушений от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 г.) // URL://<https://base.garant.ru/12125267/>

4. Publications. Human Rights Watch (дата обращения: 28.07.2009).
5. Проект Федерального Закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // URL://<http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf>.
6. Где получить помощь женщинам и детям, столкнувшимся с домашним насилием // URL://<https://www.mos.ru/news/item/76999073/>
7. Statista // URL://<https://www.statista.com/>
8. Путин впервые прокомментировал закон о домашнем насилии // URL://<https://www.vedomosti.ru/society/news/2019/12/19/819162-zakon-o-nasilii>.
9. Интервью Главы СКР А. Бастрыкина от 28 декабря 2021 г. // URL://<https://rg.ru/2021/12/28/glava-sledstvennogo-komiteta-o-prichinah-zhestokih-prestuplenij-podrostkov.html>.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved in a nationwide vote on July 1, 2020) // URL://<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, № 63-FZ // URL://<https://study.garant.ru/#/compare/10108000/57412615/tab/0/entry/20022:0>.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, № 195-FZ (ed. of September 24, 2022) // URL://<https://base.garant.ru/12125267/>
4. Publications. Human Rights Watch (accessed: 28.07.2009).
5. Draft Federal Law «On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation» // URL://<http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXefKLUIq7JAARUS.pdf>.
6. Where to get help for women and children facing domestic violence // URL://<https://www.mos.ru/news/item/76999073/>
7. Statista // URL://<https://www.statista.com/>
8. Putin commented for the first time on the law on domestic violence // URL://<https://www.vedomosti.ru/society/news/2019/12/19/819162-zakon-o-nasilii>.
9. Interview of the Head of the SCR A. Bastrykin dated December 28, 2021 // URL://<https://rg.ru/2021/12/28/glava-sledstvennogo-komiteta-o-prichinah-zhestokih-prestuplenij-podrostkov.html>.

Информация об авторах

А. В. Зубач – заведующий кафедрой публичного права и правового обеспечения управления Института государственного управления и права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент;

Е. А. Блохинова – студентка Института государственного управления и права Государственного университета управления.

Information about the authors

A. V. Zubach – Head of the Department of Public Law and Legal Support of Management of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

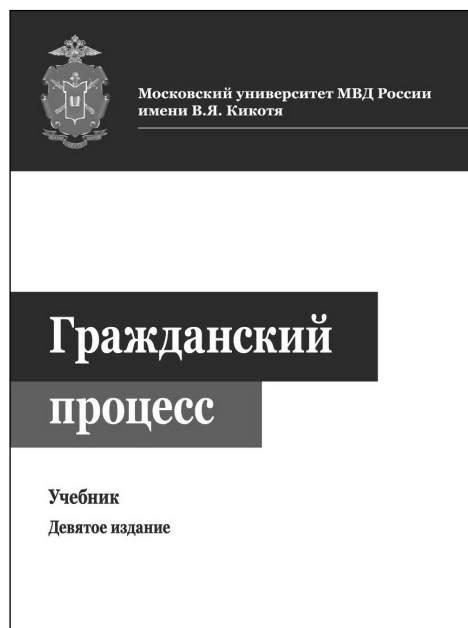
E. A. Blokhinova – Student of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 14.09.2023.

The article was submitted 18.05.2023; approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 14.09.2023.

Гражданский процесс. Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели. 9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-102-108>

EDN: <https://elibrary.ru/ckniyj>

НИОН: 2003-0059-6/23-845

MOSURED: 77/27-003-2023-06-044

Понятие и значение процессуального контроля в досудебном уголовном судопроизводстве

Дмитрий Александрович Иванов¹, Кристина Андреевна Московцева², Анна Владиленовна Скачко³

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, kristinavolckova@yandex.ru

³ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, s.matrix@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются наиболее актуальные вопросы, касающиеся понятийного аппарата процессуального контроля и его значения в досудебном уголовном судопроизводстве. Разграничивается соотношение процессуального контроля и ведомственного контроля, осуществляемого руководителем следственного органа. Обосновывается позиция о том, что уголовно-процессуальная наука нуждается в теоретическом закреплении соотношения процессуального и ведомственного контроля, который соотносится как общее с частным, где процессуальный контроль понимается как частный случай ведомственного контроля. В заключение на основании выделенных признаков приводится авторская редакция понятия процессуального контроля.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, следователь, прокурор, процессуальный контроль, ведомственный контроль, следственные действия, досудебное производство

Для цитирования: Иванов Д. А., Московцева К. А., Скачко А. В. Понятие и значение процессуального контроля в досудебном уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 102–108. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-102-108>. EDN: CKNIYJ.

Original article

The concept and meaning of procedural control in pre-trial criminal proceedings

Dmitry A. Ivanov¹, Kristina A. Moskovceva², Anna V. Skachko³

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, kristinavolckova@yandex.ru

³ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, s.matrix@mail.ru

Abstract. The most topical issues concerning the conceptual apparatus of procedural control and its significance in pre-trial criminal proceedings are considered. The ratio of procedural control and departmental control carried out by the head of the investigative body is differentiated. The article substantiates the position that criminal procedure science needs theoretical consolidation of the ratio of procedural and departmental control, which correlates as general with private, where procedural control is understood as a special case of departmental control. In conclusion, based on the highlighted features, the author's version of the concept of procedural control is given.

Keywords: head of the investigative body, investigator, prosecutor, procedural control, departmental control, investigative actions, pre-trial proceedings

For citation: Ivanov D. A., Moskovtseva K. A., Skachko A. V. The concept and meaning of procedural control in pre-trial criminal proceedings. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):102–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-102-108>. EDN: CKNIYJ.

На сегодняшний день вопросы оптимизации досудебного производства достаточно актуальны. В этой связи большое внимание приковано к процессуальному контролю руководителя следственного органа, поскольку именно деятельность данного участника уголовного судопроизводства является ресурсом, от эффективности которого напрямую зависит качество всего предварительного расследования.

Комплекс полномочий руководителя следственного органа направлен на достижение полного, всестороннего и объективного расследования, что, в свою очередь, позволяет достичь назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

Невзирая на весомое значение деятельности руководителя следственного органа для предварительного расследования, с начала реформирования системы уголовного судопроизводства в 2007 г. и по сей день, дискуссии в ученой среде по поводу роли процессуального контроля не утихают.

Отдельные ученые-процессуалисты, занимающиеся изучением данной проблематики, обращают внимание на имеющийся зарубежный опыт построения правовых систем в целом, так и функционирования отдельных институтов. На первый взгляд, интересной может показаться модель, существующая в Германии, где проблем, связанных с разграничением полномочий по осуществлению процессуального контроля, прокурорского надзора, а также вопросов по закреплению тех или иных прав и обязанностей руководителя следственного органа, не выходящих за рамки его функциональных полномочий, вовсе не существует. И это связано с тем, что в Германии действует принцип монополии прокуратуры на уголовное преследование [7, с. 425]. Это выглядит следующим образом: согласно закону, полиция подчиняется Министерству внутренних дел Земли, но фактически она состоит в подчинении у прокуратуры. Руководит расследованием по уголовному делу прокурор, который может в полном объеме его производить самостоятельно. Но, как правило, это происходит в отношении отдельных категорий тяжких преступлений. В структуре полиции выделяют так называемых «помощников прокуратуры» и иных сотрудников полиции. Наряду с прокурором, полиция и, так называемый, «следственный судья» являются участниками предварительного расследования [1]. Функцией процессуального руководства следствием обладает прокуратура также и в ряде других государств, например, во Франции, Испании, Вьетнаме [12, с. 55].

Такой опыт иностранных государств, конечно, прельщает приверженцев прокурорской модели предварительного следствия.

В научной среде отсутствует единое мнение по данному вопросу. Между тем, нередко можно заметить исследования, посвященные процессуальному контролю, как в рамках изучения иных институтов уголовного судопроизводства [10, с. 297–298], так и в

виде самостоятельных исследований в области процессуального контроля или надзора в уголовном судопроизводстве [11, с. 26; 8, с. 13].

Безусловно, с каждым последующим исследованием уголовно-процессуальная наука пополняется новыми размышлениями и предложениями, которые в итоге формируют систематизированное представление о том или ином объекте исследования. Так, например, можно выделить черты процессуального контроля: близость к объекту контроля; непрерывность осуществления контрольной деятельности; возможность быстрого реагирования на имеющиеся нарушения и их устранение; личная ответственность руководителя за нарушения закона; применение мер дисциплинарного воздействия к лицам, допустившим нарушения.

Действительно, вышеуказанные черты, непосредственно отражают контролируемую деятельность руководителя следственного органа и носят положительную окраску.

Более того, представленная нами иерархия черт процессуального контроля отражает предопределенность одного признака другим. Так, например, основным фактором, обуславливающим непрерывность осуществления контрольной деятельности и возможность быстрого реагирования на имеющиеся нарушения, и их устранение, является непосредственная его близость к объекту контроля. Можно сказать, данный фактор является первоначальным, ведь значительно труднее было бы непрерывно осуществлять контролируемую деятельность, а также быстро реагировать при возникновении каких-либо нарушений.

Личная ответственность за нарушение закона обусловлена тем, что контролирующий всегда ответственен за контролируемого, так как, в первую очередь, он отражает результат его непосредственной деятельности. Как мера воздействия на нарушителя предусматривается дисциплинарная ответственность.

Специфика деятельности руководителя следственного органа подразумевает под собой сочетание организационных и процессуальных полномочий, что во многом и является основанием для различного рода дискуссий о природе, сущности и форме осуществляемого им контроля с позиции процессуального и ведомственного.

Так, среди ученых-процессуалистов достаточно широко обсуждается вопрос о форме осуществляемого руководителем следственного органа контроле. Существуют различные оппозиционные друг другу точки зрения ученых, одни из которых предполагают существование только лишь процессуального контроля, отвергая ведомственный характер его осуществления [2, с. 37]. Например, И. А. Попов указывает на публичный, общегосударственный смысл процессуального контроля, который при трактовке его как ведомственного уничтожает роль начальника следственного подразделения [6, с. 40].

Не можем поддержать подобных доводов, поскольку

ку, на наш взгляд, термин «ведомственный» несколько не упразднит публичности и тем более не лишит общегосударственного смысла осуществляемой процессуальной деятельности, а наоборот будет олицетворять многогранность компетенций руководителя следственного органа и добавит видовой принадлежности.

В свою очередь, О. В. Химичева, разделяя мнение о наименовании контроля руководителя следственного органа процессуальным, обосновывает свое видение уголовно-процессуальным характером деятельности, осуществление которой возложено на руководителя следственного органа. При этом акцент ставится на закрепление полномочий (в подтверждение уголовно-процессуального характера) именно в уголовно-процессуальном кодексе [11, с. 22].

Можно констатировать, что рассмотренные нами точки зрения, обосновывающие трактовку процессуального контроля руководителя следственного органа, по своей сути похожи и исходят из понимания природы уголовно-процессуальной деятельности руководителя следственного органа, которая подтверждается закреплением компетенций в уголовно-процессуальном законе. Вместе с тем, отрицается ведомственный характер деятельности руководителя следственного органа, считая, что такой контроль носит сугубо административный характер и уже полностью выходит за рамки процессуального.

В противовес указанному мнению существует точка зрения, объединяющая данные понятия. Так, С. А. Табаков, говорит о том, что контроль, осуществляемый руководителем следственного органа должен характеризоваться как ведомственный процессуальный. Ученый приводит главный аргумент в подтверждение своей позиции, акцентируя внимание на том, что в органах исполнительной власти, к которым принадлежат и органы предварительного следствия, доминирует именно ведомственный (административный) контроль [8, с. 43].

Действительно, нельзя отрицать, что в полномочия органов исполнительной власти входит и исполнительно-распорядительная, и контрольно-надзорная деятельность, что в свою очередь, отвечает задачам, стоящим перед контролем руководителя следственного органа. Автор верно указывает на принадлежность органов предварительного следствия к системе органов исполнительной власти, чем и подтверждает свой вывод о необходимости понимания контроля руководителя следственного органа как ведомственный процессуальный. На наш взгляд, автор достаточно широко рассматривает данный аспект. С этой позиции стоило бы акцентировать внимание на направлении деятельности руководителя следственного органа, которое соответствует некоторым из функций органов исполнительной власти.

Бытует мнение, согласно которому имеет место быть как процессуальный, так и ведомственный кон-

троль. Так, А. М. Баранов различает ведомственный и процессуальный контроль исходя из предмета контроля. Автор говорит о том, что если предметом является деятельность уполномоченных лиц, непосредственно связанная с производством по уголовному делу, то в таком случае речь идет о процессуальном контроле. Под ведомственным контролем ученый понимает «контроль со стороны вышестоящего субъекта этого же ведомства либо деятельность уполномоченных лиц, связанную с выполнением иных должностных обязанностей, выполнение которых подразумевается в силу служебного положения» [3, с. 286].

К сожалению, среди такого разнообразия мнений, предложенных видными учеными, наука до сих пор не пришла к единому пониманию сущности осуществляемого руководителем следственного органа контроле.

В этой связи считаем целесообразным рассмотреть происхождение и значение данных слов. Так, обращаясь к толковому словарю В. Даля, мы видим, что впервые в 1863 г. было закреплено понятие «ведомственный», т. е. «принадлежащий до ведомства». Ведомство означало «отрасль, часть государственного управления, составляющая нечто целое» [4, с. 303]. В том же словаре «процесс» трактуется как «всякое длительное последовательное дело, тяжба, судебный ход дела». Слово «контролировать» означает «поверять, проверять». В словаре иностранных слов Е. Ефремова, контролировать означает «проверять, надзирать, производить контроль» [5, с. 219]. Таким образом, очевидно, что из этого вытекает один из признаков контроля: принадлежность к определенному ведомству.

При определении формы осуществляемого руководителем следственного органа контроля категорически нельзя обойти стороной данный признак. Так как руководитель следственного органа является, как правило, прямым начальником подконтрольного субъекта – следователя, то нельзя не учесть принадлежность их к одному и тому же отделу, управлению, ведомству, внутри которого как раз и реализуются предоставленные законодателем полномочия. А обратившись к этимологии обозначенных нами категорий, мы еще раз подтвердили указанный тезис. Более того, не только уголовно-процессуальный закон наделяет компетенциями руководителя следственного органа, например, ст. 39 УПК РФ, но они предусматриваются и ведомственными нормативными правовыми актами. Например, приказом Следственного департамента МВД России от 8 ноября 2011 г. № 58 «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов», приказом МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России», должностным регламентом руководителя следственного органа.

Кроме того, УПК РФ в ст. 5 содержит норму, отражающую понятие руководителя следственного органа, в соответствии с которой им признается должностное лицо, возглавляющее следственное подразделение, а

также его заместитель. Таким образом, уголовно-процессуальный закон напрямую указывает на признак *принадлежности к определенному ведомству*, что выходит за общепринятые рамки природы процессуального контроля.

Природу процессуального контроля составляют правоотношения, складывающиеся между руководителем следственного органа и следователем по поводу соблюдения норм уголовного, уголовно-процессуального права и криминалистических методик. В свою очередь, ведомственный контроль основан не только на нормах уголовного и уголовно-процессуального права, но и в силу своей специфики, на ведомственных нормативных правовых актах.

По общему правилу, термин «процессуальный» относительно контроля руководителя следственного органа обуславливается тем, что его компетенции по осуществлению такового закреплены в уголовно-процессуальном законе. Безусловно, это справедливо, так как очевидно, что уголовно-процессуальный закон может содержать в себе именно процессуальные полномочия. Эта позиция официально оговорена и в научной литературе, а также не вызывает сомнений у практической и законотворческой сторон, которые активно используют именно эту формулировку. Но, между тем, стоит заметить, что контроль руководителя следственного органа намного сложнее и понимание его находится отнюдь не на поверхности уголовного-процессуального закона.

Как было отмечено нами ранее, руководитель следственного органа осуществляет свою непосредственную деятельность внутри отдельного ведомства, где в прямом подчинении находится и подконтрольный субъект – следователь. Между тем, осуществляемые контролирующим субъектом полномочия процессуального и организационного характера не имеют четкой градации в законодательной регламентации. Так, процессуальные полномочия часто отражаются в отдельных ведомственных нормативных правовых актах. Постепенно такая четкая граница между ведомственным и процессуальным контролем начинает стираться, что и обуславливает многочисленные дискуссии относительно формы осуществляемого контроля в досудебном производстве.

По нашему мнению, необходимо предусмотреть в рамках признаков контроля руководителя следственного органа организационную направленность его деятельности, а не выделять его в отдельный вид контроля. Это вытекает из того, что в процессуальных полномочиях руководителя следственного органа заложен такой организационный характер. Например, некоторые процессуальные полномочия, закрепленные в ст. 39 УПК РФ, подразумевают наличие организационной составляющей. Так, руководитель следственного органа вправе истребовать материалы уголовного дела для их последующей проверки. Сама по себе проверка материалов уголовного дела будет

являться только процессуальным полномочием, тогда как в истребовании материалов уголовного дела содержится властно-распорядительный характер, который и указывает на организационную составляющую.

Полномочие по изъятию уголовного дела, безусловно, процессуальное, но само по себе действие изъятия содержит распорядительный характер, который предоставлен по смыслу руководства, осуществляемого руководителем следственного органа.

Помимо этого, целесообразно отметить, что контроль руководителя следственного органа также направлен на соблюдение правил сотрудниками, которые, в свою очередь, носят организационный характер, но между тем напрямую связаны с непосредственной процессуальной деятельностью. Например, указания, исходящие от руководителя следственного органа, могут касаться не только случаев, закрепленных в уголовно-процессуальном законе. Так, при проверке плана расследования уголовного дела руководитель следственного органа также может обратить внимание на недостатки и дать указания по их устранению. Подобное полномочие не будет иметь процессуальной природы, а наоборот, укажет на организационный характер такого распоряжения.

Также руководитель следственного органа контролирует соблюдение следователем обязанностей, возложенных на него должностным регламентом, проводит служебные совещания, заслушивает версии совершения преступления, проверяет планы расследования, план производства следственных действий, контролирует исполнительскую дисциплину следователей. т. е., в целом, такого рода полномочия формируют деятельность руководителя следственного органа, которая строится на выполнении требований ведомственных нормативных правовых актов и строгом соблюдении закона, а также направлена на организацию расследования. При этом заметим, что, например, при проверке плана расследования или плана производства следственных действий, руководитель следственного органа, выявив необходимость производства иного, не отраженного в плане, следственного действия, пользуясь своим процессуальным полномочием, дает указание следователю о производстве такового. Либо, контролируя исполнительскую дисциплину следователя, усматривает недостатки, затягивание сроков и принимает решение об изъятии уголовного дела и передаче его другому следователю.

Таким образом, очевидно, что изначально являясь начальником следователя и руководствуясь своим должностным регламентом, иными ведомственными нормативными правовыми актами, руководитель следственного органа, выполняя свои «непроцессуальные» обязанности, в итоге может и зачастую использует свои процессуальные полномочия. В данном случае границ такого перехода от непроцессуального статуса к процессуальному определить невозможно, поскольку такая деятельность, во-первых, осуществ-

вляется одним субъектом, во-вторых, направлена на организацию расследования и, в-третьих, предполагает достижение единого результата, закрепленного в ст. 6 УПК РФ.

Заклучим, что подобного рода деятельность, направленная на организацию расследования, носит организационно-процессуальный характер.

Стоит отметить, что в рамках контроля руководителя следственного органа имеет место быть и сугубо организационные полномочия, которые направлены на порядок организации служебной деятельности следователей. К таковым можно отнести распределение нагрузки между следователями, график отпусков, проведение планерок и построений личного состава и многое другое.

Организационный характер полномочий руководителя следственного органа исходит и от этимологии слова «руководство». Так, в толковом словаре Д. Н. Ушакова «руководитель» значит как «человек, возглавляющий что-нибудь» [9, с. 296]. Таким образом, в природе слова «руководитель» уже заложен *организационный характер деятельности*. Соответственно, правильным будет предусмотреть среди признаков контроля, осуществляемого руководителем следственного органа, организационный характер деятельности.

Таким, образом, на данном этапе считаем целесообразным сделать промежуточный вывод о том, что ведомственный контроль образует система полномочий руководителя следственного органа, включающая:

- процессуальные полномочия (предусмотрены УПК РФ);
- организационно-процессуальные полномочия (предусмотрены ведомственными нормативными правовыми актами и направлены на реализацию и неукоснительное соблюдение норм УПК РФ);
- организационные полномочия (направлены на обеспечение должного порядка и организации служебной деятельности внутри подконтрольного ведомства).

Руководитель следственного органа предстает не только с позиции субъекта предварительного расследования, наделенного процессуальным статусом и соответствующими полномочиями, но и, прежде всего, является лицом, возглавляющим отдельное следственное подразделение. Деятельность каждого из его подчиненных в совокупности создает «портрет» данного конкретного руководителя следственного органа, определяет организацию им деятельности по расследованию уголовных дел, сплоченность коллектива, нацеленность каждого на производство, о чем говорит статистика раскрытых преступлений и направленных в суд уголовных дел отдельным сотрудником определенного следственного подразделения.

Несомненно, что руководитель следственного органа, осуществляя свои контрольные функции, высту-

пает *гарантом законности*, так как проверяет любое действие следователя по расследованию преступлений на обоснованность и соответствие законам и нормативным правовым актам.

Это следует из норм уголовно-процессуального закона, касающихся необходимости дачи согласия руководителя следственного органа, утверждения им процессуальных документов (отменяет незаконные или необоснованные постановления следователя, дает следователю согласие на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, продлении, отмене, изменении меры пресечения, производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения, утверждает обвинительное заключение). Соответственно, подобная процедура подтверждает факт того, что руководитель следственного органа ознакомился с материалами уголовного дела, после чего визирует необходимый процессуальный документ, тем самым подтверждая, что все условия производства предварительного расследования соблюдены, принципы уголовного судопроизводства не нарушены, и вывод следователя обладает полнотой, объективностью, допустимостью, достаточностью и полностью соответствует уголовно-процессуальному закону.

Более того, полагаем, что на успех деятельности следователя оказывает влияние весь комплекс мер, принимаемых руководителем следственного органа: как процессуальных, так и организационных, поскольку они тесно взаимосвязаны и имеют единую цель.

Таким образом, можно заключить, что значение контроля руководителя следственного органа состоит в том, что, осуществляя весь комплекс полномочий, руководитель следственного органа предстает гарантом законности.

Рассматривая вопрос соотношения процессуального и ведомственного контроля руководителя следственного органа, полагаем необходимо анализировать механизм деятельности руководителя следственного органа, что в свою очередь, позволит определить общие и частные черты осуществляемого контроля.

Во-первых, субъект контрольной деятельности единый – им выступает руководитель следственного органа.

Во-вторых, средствами контроля выступают полномочия руководителя следственного органа. Так, в случае процессуального контроля следует говорить только о процессуальных полномочиях, а в случае ведомственного контроля процессуальные полномочия дополняются организационно-процессуальными и организационными полномочиями.

В-третьих, результат процессуальной деятельности руководителя следственного органа предстает в реализации назначения уголовного судопроизводства и выявлении нарушений уголовно-процессуального и иного законодательства, тогда как результатом ведомственного контроля, наряду с указанным будет

являться и выявление нарушений законодательства, касающегося порядка организации и выполнения служебной деятельности, привлечение виновного лица к ответственности, отстранение следователя от дальнейшего расследования по уголовному делу, передача дела с обвинительным заключением прокурору и др.

Соответственно, налицо факт того, что механизм ведомственного контроля руководителя следственного органа несколько шире, чем процессуального контроля. При едином субъекте, средства и результат осуществляемого контроля различны. Но, так как ведомственный контроль основывается и на уголовно-процессуальных нормах в том числе, то соответственно включает в себя средства и результат процессуальной деятельности, расширяя его за счет иных элементов (организационно-процессуальных и организационных).

На основании проведенного нами исследования, предлагаем выделять следующие признаки ведомственного контроля руководителя следственного органа: принадлежность руководителя следственного органа к определенному ведомству; ведомственный контроль образует система полномочий руководителя следственного органа (процессуальные полномочия; организационно-процессуальные полномочия; организационные полномочия); значение контроля руководителя следственного органа состоит в том, что, осуществляя весь комплекс полномочий, руководитель следственного органа предстает гарантом законности; результат формирует достижение назначения уголовного судопроизводства, выявление нарушений уголовно-процессуального и иного законодательства, а также законодательства, касающегося порядка организации и выполнения служебной деятельности, и принятие соответствующих решений; правила и распоряжения носят организационно-процессуальный характер.

Считаем, что уголовно-процессуальная наука нуждается в теоретическом закреплении соотношения процессуального и ведомственного контроля, который, по нашему мнению, соотносится как общее с частным, где процессуальный контроль понимается как частный случай ведомственного контроля.

В связи с этим, в уголовно-процессуальной науке следует отразить дефиниции ведомственного и процессуального контроля руководителя следственного органа.

Таким образом, на основании выделенных нами признаков, под процессуальным контролем предлагаем понимать основанную на нормах уголовно-процессуального закона деятельность руководителя следственного органа, осуществляемую в ходе досудебного производства по уголовным делам, в целях реализации назначения уголовного судопроизводства, выявления, устранения и предотвращения нарушений следователем уголовно-процессуального и иного законодательства, с учетом границ, определяемых процессуальной самостоятельностью следователя.

Список источников

1. Ablauf der Ermittlungsfehrfahren // URL:// https://www.justiz.nrw/Gerichte_Behoerden/Staatsanwaltschaften/Ermittlungsverfahren_Ablauf/Ablauf_Ermittlungsverfahren/index.php.
2. Ашитко В. П. Функция контроля начальника следственного управления в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
3. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... докт. юрид. наук. Омск, 2006.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка // URL://<https://gufo.me/dict/dal/>
5. Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. М. : товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1912.
6. Попов И. А. Расследование преступлений, связанных с пожарами : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
7. Путцке Х., Тарбагаев А. Н., Назаров А. Д., Майорова Л. В. Роль прокурора в предупреждении и устранении следственных ошибок : российский и немецкий опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 3.
8. Табаков С. А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
9. Толковый словарь Д. Н. Ушакова // URL:// <https://gufo.me/dict/ushakov>.
10. Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
11. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
12. Щерба С. П., Додонов В. Н. Полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Англии, Италии и Испании // Законность. 2011. № 6.

References

1. Ablauf der Ermittlungsfehrfahren // URL:// https://www.justiz.nrw/Gerichte_Behoerden/Staatsanwaltschaften/Ermittlungsverfahren_Ablauf/Ablauf_Ermittlungsverfahren/index.php.
2. Ashitko V. P. The function of control of the head of the investigative department in criminal proceedings : dis. ... cand. legal sciences. M., 1996.
3. Baranov A. M. Legality in pre-trial proceedings in criminal cases : dis. ... doc. legal sciences. Omsk, 2006.

4. Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language // URL://<https://gufo.me/dict/dal/>
5. Efremov E. A new complete dictionary of foreign words included in the Russian language / compiled by E. Efremov. M. : A. A. Levenson, 1912.
6. Popov I. A. Investigation of crimes related to fires : author. dis. ... doc. legal sciences. M., 1998.
7. Putzke H., Tarbagaev A. N., Nazarov A. D., Mayorova L. V. The role of the prosecutor in the prevention and elimination of investigative errors : Russian and German experience // All-Russian criminological journal. 2018. № 3.
8. Tabakov S. A. Departmental procedural control over the activities of investigators and interrogators of internal affairs bodies : dis. ... cand. legal sciences. Omsk, 2009.
9. Explanatory Dictionary D. N. Ushakov // URL://<https://gufo.me/dict/ushakov>.
10. Khimicheva G. P. Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept of improving criminal procedure activities : dis. ... doc. legal sciences. M., 2003.
11. Khimicheva O. V. Conceptual foundations of procedural control and supervision at the pre-trial stages of criminal proceedings : abstract dis. ... doc. legal sciences. M., 2004.
12. Shcherba S. P., Dodonov V. N. The powers of prosecutors at the pre-trial stages in the criminal process in Germany, France, England, Italy and Spain // Legitimacy. 2011. № 6.

Информация об авторах

Д. А. Иванов – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

К. А. Москвцева – преподаватель кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

А. В. Скачко – профессор кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук.

Information about the authors

D. A. Ivanov – Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor;

K. A. Moskvceva – Lecturer of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot';

A. V. Skachko – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Научная статья

УДК 343.31/.35

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-109-115>

EDN: <https://elibrary.ru/ocvgko>

НИОН: 2003-0059-6/23-846

MOSURED: 77/27-003-2023-06-045

Актуальные вопросы уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа

Сергей Вячеславович Иванцов¹, Сергей Викторович Борисов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ isv1970@mail.ru

² svb8@yandex.ru

Аннотация. Исследованы актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа с учетом новых разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации». Авторы приводят официальные статистические данные, примеры из судебной практики, формулируют итоговые выводы, в том числе о значении позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации для формирования единообразной практики по уголовным делам о посягательствах на жизнь, сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, уголовная ответственность

Для цитирования: Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 109–115. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-109-115>. EDN: OCVGKO.

Original article

Topical issues of criminal liability for encroachment on the life of a law enforcement officer

Sergey V. Ivantsov¹, Sergey V. Borisov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ isv1970@mail.ru

² svb8@yandex.ru

Abstract. Actual issues of realization of criminal responsibility for encroachment on the life of a law enforcement officer are studied, taking into account the new clarifications contained in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 1, 2023 № 14 «On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation». The authors cite official statistics, examples from judicial practice, formulate final conclusions, including the importance of the positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation for the formation of uniform practice in criminal cases of attacks on the life of law enforcement officers.

Keywords: encroachment on the life of a law enforcement officer or a serviceman, positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, criminal liability

For citation: Ivantsov S. V., Borisov S. V. Topical issues of criminal liability for encroachment on the life of a law enforcement officer. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):109–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-109-115>. EDN: OCVGKO.

© Иванцов С. В., Борисов С. В., 2023

В принятом 1 июня 2023 г. постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 14 (далее – Постановление № 14) [8] разъяснены вопросы судебной практики по уголовным делам об отдельных преступлениях против порядка управления, в том числе о наиболее опасном из них – о посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа, ответственность за которое предусмотрена в ст. 317 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Согласно данным официальной судебной статистики в 2020 г. по ст. 317 УК РФ по основной и дополнительной квалификации было осуждено 30 лиц, в 2021 г. – 33 лица и в 2022 г. – 28 лиц [9].

Несмотря на то, что показатели судимости за данное преступление не являются значительными, следует учитывать, что каждое из таких деяний существенно нарушает порядок управления и сопряжено с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего в связи с их законной деятельностью по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности. Потенциальными потерпевшими от преступных действий, наказуемых по ст. 317 УК РФ, также являются близкие указанных лиц, посягательство на жизнь которых может быть способом противодействия соответствующей законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего или формой мести за такую деятельность.

Одновременно с принятием Постановления № 14 было признано утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 сентября 1989 г. № 9 «О применении судами законодательства об ответственности за посягательства на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка». Это постановление хотя и содержало отдельные разъяснения, сохранившие актуальность в настоящее время, тем не менее, будучи основанным на положениях Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., оно не в полной мере отвечало потребностям практики. Анализ новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ позволяет заключить, что при их подготовке были, в частности, приняты во внимание положения п. 2, 5 и 6 указанного постановления Пленума Верховного Суда СССР, отражающие устоявшиеся позиции относительно квалификации посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, содержания законной деятельности данных лиц и субъективной стороны этого преступления. Кроме того, в Постановлении № 14 учтена современная судебная практика реализации уголовной ответственности за соответствующие преступления [1, с. 22–23].

Отметим, что Пленум Верховного Суда РФ при подготовке постановлений, касающихся судебной практики по уголовным делам, последовательно придерживается подхода, при котором новые разъяснения

учитывают и развивают устоявшиеся позиции Пленума, закрепленные в принятых им ранее постановлениях. Так, в п. 3, 4 и 5 Постановления № 14 при разъяснении понятия близких лиц, убийства и покушения на него, отграничения последнего от применения насилия в отношении представителя власти, не связанного с таким покушением, взяты за основу положения п. 2, 3, 6 (абз. 3) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [10]. В п. 2, 3 и 4 Постановления № 14 даны разъяснения, раскрывающие понятия сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего и их близких, являющихся потерпевшего от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ.

Так, в п. 2 указывается на необходимость установления обстоятельств, характеризующих соответствующего специального потерпевшего по таким делам, включая сведения о том, в каком конкретном органе власти или организации проходило службу это лицо, какими полномочиями оно было наделено. Относительно близких данных лиц требуется получить подтвержденную информацию о степени родства или об иных обстоятельствах, указывающих на то, что определенный человек относится к категории близких сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего. В п. 3 Постановления № 14 применительно к ст. 317 УК РФ разъяснены понятия сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, в отношении которых может быть совершено посягательство на жизнь. При этом указано, что сотрудниками правоохранительных органов могут признаваться должностные лица либо иные государственные служащие данных органов власти, не являющиеся должностными лицами, если они были наделены полномочиями по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В целях раскрытия содержания деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, для воспрепятствования осуществлению которой или из мести за таковую совершается посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких, приведены отдельные примеры такой деятельности, заключающиеся в несении сотрудниками правоохранительных органов или военнослужащими постовой или патрульной службы на улицах и в иных общественных местах, поддержании порядка во время проведения массовых мероприятий, ликвидации последствий аварий, общественных и стихийных бедствий, предотвращении или пресечении противоправных посягательств.

Отметим, что в диспозиции ст. 317 УК РФ указанные виды законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего приведены с использованием соединительного союза «и», тем не менее, полагаем, что для обеспечения полной и

эффективной охраны жизни данных лиц и их близких целесообразно рассматривать охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в качестве самостоятельных, альтернативных видов служебной деятельности, каждая из которых характеризуется своим собственным специфическим наполнением. Во избежание применения ст. 317 УК РФ на основе ее буквального толкования, указывающего на необходимость установления, что потерпевший не только охранял общественный порядок, но еще и обеспечивал общественную безопасность, равно как и наоборот, и именно это сочетание послужило поводом для совершения посягательства, считаем целесообразным заменить в диспозиции данной статьи союз «и» разделительным союзом «или».

Пленум Верховного Суда РФ также разъяснил, что к военнослужащим, которые могут являться потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, относятся лица, имеющие статус военнослужащих в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [11], исполняющие специальные обязанности военной службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, либо привлеченные в установленном порядке к осуществлению соответствующих полномочий.

Понятие близких лиц, которые могут выступать потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, раскрывается в п. 4 Постановления № 14, при этом нормативная основа для этого определения, содержится в п. 4 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. При изучении судебной практики применения ст. 317 УК РФ нами не обнаружено случаев совершения посягательства на жизнь в отношении лиц, являющихся близкими сотрудников правоохранительных органов или военнослужащих, вместе с тем считаем, что закрепление такой категории потерпевших в ст. 317 УК РФ необходимо сохранить в превентивных целях, а также для обеспечения требуемой полноты уголовно-правовой охраны порядка управления, который может нарушаться посредством посягательства на лиц, являющихся близкими сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего [2].

Принимая во внимание особенности законодательного определения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, и устоявшуюся судебную практику, в п. 5 Постановления № 14 разъяснено, что такое посягательство может выражаться в окончанном убийстве указанного потерпевшего либо в покушении на его убийство, при этом для квалификации содеянного ссыла на ч. 3 ст. 30 УК РФ, а равно применение ст. 105 УК РФ не требуется.

Представляется, что данное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ касается всех видов покушения на преступление, включая покушение на негодный объект, в основе которого лежит фактическая ошиб-

ка в личности потерпевшего. Вместе с тем полагаем целесообразным в дальнейшем на основе обобщения практики применения ст. 317 УК РФ дополнительно разъяснить вопрос юридической оценки такого покушения, тем более что он является предметом научной дискуссии, в которой можно выделить две основные точки зрения. Например, Н. Л. Денисов, будучи сторонником первой из них, пишет, что применительно к аналогичной ситуации, связанной с посягательством на жизнь лица осуществляющего правосудие или предварительное расследование, содеянное следует квалифицировать как оконченное преступление, предусмотренное ст. 295 УК РФ [3, с. 112]. Эту же позицию относительно посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) разделяет А. Г. Хлебушкин [4, с. 84]. Другая точка зрения, заключающаяся в квалификации указанного негодного покушения с учетом совокупности преступлений, предусмотренных, например, ч. 3 ст. 30, ст. 277 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, поддерживается А. А. Кунашевым [5, с. 112], опирающимся в своем исследовании на аргументы в обоснование аналогичной позиции, приводимые, в частности, А. И. Рарогом [6, с. 166].

Мы поддерживаем первую доктринальную позицию, поскольку она учитывает специфику составов преступлений, предусмотренных ст. 277, 295, 317 УК РФ, объективная сторона которых выражается в посягательстве на жизнь специального потерпевшего, которое может альтернативно заключаться в покушении на убийство или в окончанном убийстве. При этом фактическое покушение на убийство, в том числе осуществленное при ошибке в личности такого потерпевшего, предполагает создание угрозы нарушения соответствующего объекта уголовно-правовой охраны (в частности, порядка управления), признаваемое законодателем окончанным преступлением вследствие повышенной общественной опасности таких посягательств. В связи с этим предлагаем дополнить п. 5 Постановления № 14 абзацем следующего содержания: «Как оконченное преступление по статье 317 УК РФ также квалифицируется убийство или покушение на убийство потерпевшего, который ошибочно (например, вследствие внешнего сходства, плохого освещения или иных обстоятельств) был принят лицом за сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно за их близкого, если деяние совершено с целью воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности, а равно из мести за такую деятельность». Полагаем, что это разъяснение будет способствовать обеспечению единообразного применения ст. 317 УК РФ при квалификации подобных преступных действий, а также создаст основу для принятия аналогичных правоприменительных решений по уголовным делам о сходных преступлениях, предусмотренных ст. 277, 295 УК РФ.

Если лицо умышленно создало условия для по-

следующего посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близкого, но не смогло по не зависящим от него обстоятельствам начать непосредственное осуществление такого посягательства, то данная предварительная преступная деятельность квалифицируется по ст. 317 УК РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 30 УК РФ (п. 6 Постановления № 14).

Так, по приговору Южного окружного военного суда от 14 апреля 2021 г. А., П. и другие лица были осуждены, в том числе по ч. 1 ст. 30, ст. 317 УК РФ. Будучи участниками террористического сообщества, данные лица договорились о совместном совершении посягательства на жизнь сотрудника полиции М. в целях воспрепятствования его законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и из мести за такую деятельность. Для этого они разработали план нападения, распределили между собой роли, стали приискивать возможность для приобретения огнестрельного оружия, но до конца преступный умысел, направленный на совершение указанного посягательства, не довели по независящим от них обстоятельствам, поскольку не смогли приобрести оружие и были задержаны сотрудниками правоохранительных органов [12].

Согласно п. 7 Постановления № 14 посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близкого, состоящее в покушении на убийство (ст. 317 УК РФ), следует отграничивать от применения насилия, опасного для жизни данных лиц (ч. 2 ст. 318 УК РФ). В данном случае выясняется, к достижению какого результата стремился виновный, на что, в частности, указывают избранные для его достижения способы, орудия, средства и обстановка совершения посягательства, его место и время, число, характер и локализация фактически нанесенных телесных повреждений. Также следует установить причины, по которым начатое деяние не было доведено до конца.

Например, как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа суд квалифицировал действия А., который, находясь в своей квартире, заведомо зная, что сотрудник полиции М. находится при исполнении служебных обязанностей, выполняя оперативно-розыскное мероприятие (обследование жилого помещения) на основании судебного решения, преследуя цель воспрепятствовать его законной деятельности путем причинения смерти, умышленно произвел два выстрела из незаконно изготовленного им пистолета, в том числе в область груди М., т. е. в область расположения жизненно важных органов, фактически причинив ему вред здоровью средней тяжести. Умысел, направленный на причинение смерти сотруднику полиции, А. не смог довести до конца по независящим от него обстоятельствам – в связи с оказанным М. сопротивлением, в ходе которого последний выхватил из рук А. указанный пистолет и на-

нес им удар по голове А., повлекший потерю сознания последним, после чего М. была своевременно оказана квалифицированная медицинская помощь [13].

В п. 8 Постановления № 14 разъяснено, что обязательным условием квалификации преступления по ст. 317 УК РФ является установленное по делу совершение деяния с целью воспрепятствования законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно по мотиву мести за такую деятельность. Также указано, что содержанием этой цели может являться стремление прекратить или не допустить осуществление сотрудником правоохранительного органа или военнослужащим законной деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности. Отметим, что на практике деяния, квалифицируемые по ст. 317 УК РФ, преимущественно совершаются с целью воспрепятствовать сотруднику правоохранительного органа или военнослужащему осуществлять указанную законную деятельность, что выражается, например, в противодействии задержанию или иным мерам принуждения, применяемым в установленном законом порядке.

Принимая во внимание значение понятия законной деятельности сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности для квалификации содеянного по ст. 317 УК РФ, в п. 9 Постановления № 14 дано соответствующее разъяснение, согласно которому ключевыми признаками такой деятельности являются ее осуществление в установленном законом порядке и в рамках имеющихся служебных полномочий. Также даны важные разъяснения относительно случаев квалификации аналогичных противоправных действий, совершенных в связи с иной законной деятельностью потерпевших, а равно на основе личной неприязни. Такие действия с учетом конкретных обстоятельств дела подлежат квалификации как соответствующие преступления против правосудия или личности. В продолжение этих разъяснений в п. 16 Постановления № 14 указано, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или его близких, связанное с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, преследующее цель воспрепятствования законной деятельности данного сотрудника или основанное на мотиве мести за такую деятельность, подлежит квалификации не по ст. 317 УК РФ, а по ст. 295 УК РФ как соответствующее преступление против правосудия.

Приводимые в п. 21 и 22 Постановления № 14 разъяснения характеризуют субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, в том числе подчеркивают его умышленный характер. В частности, в п. 22 указывается на необходимость

установления факта осведомленности виновного лица о том, что совершаемое им деяние направлено на специального потерпевшего – сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, что может подтверждаться различными обстоятельствами (предъявление служебного удостоверения, наличие форменной одежды и др.). Также подлежит выяснению, что виновное лицо осознавало характер деятельности потерпевшего или его близкого (охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности).

Мы поддерживаем точку зрения Е. Н. Карабановой, полагающей, что преступление, посягающее на жизнь специального потерпевшего, имеющее альтернативный юридический момент окончания, как, например, в ст. 317 УК РФ, может быть совершено не только с прямым, но и с косвенным умыслом [7, с. 43]. При этом цель или мотив этого преступления, указанные в диспозиции ст. 317 УК РФ, по нашему мнению, не определяют вид умысла, с которым оно совершается, поскольку непосредственно не относятся к последствиям такого посягательства, а характеризуют стремление к результату, лежащему за рамками объективной стороны преступления, или внутренний стимул к началу его осуществления. Косвенный умысел возможен, когда такое преступление выразилось в убийстве потерпевшего, к наступлению смерти которого виновный может либо стремиться, желая ее наступления (прямой умысел), либо относиться к этому последствию безразлично, а равно допускать его (косвенный умысел). Если же данное преступление было прервано на стадии покушения, то необходимо установить, что виновное лицо действовало именно с прямым умыслом, направленным на лишение потерпевшего жизни. Именно такое понимание субъективной стороны состава посягательства на жизнь работника милиции или дружинника было отражено в п. 9 утратившего силу постановления Верховного Суда РФ от 24 сентября 1991 г. № 3, посвященного вопросам судебной практики в рассматриваемой области [14].

Полагаем целесообразным восстановить данное разъяснение в Постановлении № 14 с учетом положений действующего законодательства, изложив его в следующей редакции: «Поскольку под посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких в целях воспрепятствования законной деятельности данных лиц по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности или из мести за такую деятельность понимается убийство либо покушение на убийство этих лиц, судам следует в соответствии со статьей 307 УПК РФ обосновывать в приговоре установленную по делу форму вины, учитывая при этом, что убийство указанных потерпевших совершается как с прямым, так и с косвенным умыслом, а покушение на их убийство – исключительно с прямым умыслом».

В п. 23 Постановления № 14 внимание судов об-

ращено на то, что на отдельные категории сотрудников правоохранительных органов, в частности, на сотрудников полиции, закон возлагает исключительные по своему объему и характеру обязанности по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка. Для целей применения ст. 317 УК РФ это обстоятельство учитывается в случаях, когда посягательство в отношении такого сотрудника совершено во время осуществления или в связи с осуществлением им законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности вне рамок служебного времени.

В п. 24 Постановления № 14 дано разъяснение, учитывающее возможность совершения рассматриваемого преступления в отношении нескольких специальных потерпевших, что подлежит квалификации в качестве одного преступления по ст. 317 УК РФ, если соответствующие противоправные действия осуществлены одновременно или с незначительным разрывом во времени и были объединены единым умыслом лица, при этом ни за одно из данных действий лицо ранее осуждено не было.

Согласно п. 25 Постановления № 14 при назначении наказания за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких судам, в частности, необходимо учитывать, что согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ обстоятельства, которые относятся к признакам состава этого преступления, не могут повторно учитываться при назначении наказания. Например, не должны повторно учитываться обстоятельства, указанные в ч. 1 ст. 63 УК РФ, состоящие в наступлении тяжких последствий преступления (п. «б»), а равно в совершении преступного деяния в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности либо выполнением общественного долга (п. «ж»).

Таким образом, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14 разъяснения, затрагивают ряд актуальных вопросов уголовной ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких. Анализ данных разъяснений позволяет заключить, что они будут способствовать формированию единообразной практики применения ст. 317 УК РФ. В дальнейшем данное постановление Пленума Верховного Суда РФ может быть дополнено новыми разъяснениями, касающимися квалификации посягательства на жизнь указанного специального потерпевшего при фактической ошибке в его личности, а также уточняющими вид умысла, присущего преступлению, предусмотренному ст. 317 УК РФ, с учетом специфики его объективной стороны.

Список источников

1. Пейсикова Е. В., Борисов С. В., Полищук А. О. Преступления против представителей власти

- и посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Позиции Пленума ВС РФ // Уголовный процесс. 2023. № 8. С. 22–29.
2. Иванцов С. В., Дроздов Д. Е. Профессиональная виктимность должностных лиц правоохранительных органов в сфере исполнения обязанностей по противодействию преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1. С. 106–110.
 3. Денисов Н. Л. Вопросы квалификации покушения на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 109–113.
 4. Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая охрана политических основ конституционного строя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3. С. 83–89.
 5. Кунашев А. А. Особенности посягательств на жизнь государственного или общественного деятеля // Уголовное право. 2021. № 4. С. 19–29.
 6. Рарог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений : практическое пособие. М. : Проспект, 2008.
 7. Карабанова Е. Н. Проблемы квалификации многообъектных убийств, совершенных в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности // Законность. 2016. № 9. С. 41–45.
 8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL://<http://www.vsrfr.ru/>
 9. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL://<http://www.cdep.ru/>
 10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 3 марта 2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // URL://<http://www.vsrfr.ru/>
 11. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «О статусе военнослужащих» // URL://<http://pravo.gov.ru>.
 12. Справка Южного окружного суда по результатам изучения практики рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 317–319 Уголовного кодекса Российской Федерации // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ.
 13. Справка Московского областного суда по результатам изучения практики рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 317–319 Уголовного кодекса Российской Федерации // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ.
 14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 сентября 1991 г. № 3 (ред. от 21 декабря 1993 г.) «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» (утратило силу) // СПС «Консультант-Плюс».

References

1. Peysikova E. V., Borisov S. V., Polischuk A. O. Crimes against representatives of power and encroachment on the life of a law enforcement officer. Positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal Process. 2023. № 8. P. 22–29.
2. Ivantsov S. V., Drozdov D. E. Professional victimization of law enforcement officials in the performance of duties to counter crime // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1. P. 106–110.
3. Denisov N. L. Issues of qualification of an attempt on the life of a person administering justice or preliminary investigation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 6. P. 109–113.
4. Khlebushkin A. G. Criminal-legal protection of the political foundations of the constitutional system // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3. P. 83–89.
5. Kunashev A. A. Features of encroachments on the life of a state or public figure // Criminal Law. 2021. № 4. P. 19–29.
6. Rarog A. I. Desktop book of the judge on qualification of crimes : practical manual. M. : Prospect, 2008.
7. Karabanova E. N. Problems of qualification of multi-object murders committed in connection with the implementation of the victim's official activity // Legality. 2016. № 9. P. 41–45.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 14 dated June 1, 2023 «On certain issues of judicial practice in criminal cases on crimes provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL://<http://www.vsrfr.ru/>
9. Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL://<http://www.cdep.ru/>
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court

- of the Russian Federation of January 27, 1999 № 1 (ed. of March 3, 2015) «On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // URL://<http://www.vsrfr.ru/>
11. Federal Law № 76-FZ of May 27, 1998 (as amended on July 24, 2023) «On the status of military personnel» // URL://<http://pravo.gov.ru>.
 12. Reference of the Southern District Court based on the results of studying the practice of consideration by courts of criminal cases on crimes provided for Articles 317–319 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Department of Systematization of Legislation and analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation.
 13. Reference of the Moscow Regional Court on the results of studying the practice of consideration by courts of criminal cases on crimes provided for in Articles 317–319 of the Criminal Code of the Russian Federation // Archive of the Department of Systematization of Legislation and analysis of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation.
 14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 of September 24, 1991 (ed. of December 21, 1993) «On judicial practice in cases of encroachment on the life, health and dignity of police officers, people's vigilantes and military personnel in connection with their duties to protect public order» (expired) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

С. В. Иванцов – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

С. В. Борисов – профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Ivantsov – Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Science, Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

S. V. Borisov – Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Science, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 20.11.2023.

The article was submitted 22.08.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 20.11.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-116-125>

EDN: <https://elibrary.ru/negteb>

НИОН: 2003-0059-6/23-847

MOSURED: 77/27-003-2023-06-046

Ответственность государственных служащих за совершение правонарушений коррупционного характера

Владимир Иванович Кайнов^{1,2}

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, kaynov_v@mail.ru

² Санкт-Петербургский Государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Рассматриваются административно-правовые аспекты административной ответственности государственных служащих за коррупционные действия в Российской Федерации.

Ключевые слова: административное право, административная ответственность, Российская Федерация, государственный служащий, коррупционные правонарушения

Для цитирования: Кайнов В. И. Ответственность государственных служащих за совершение правонарушений коррупционного характера // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 116–125. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-116-125>. EDN: NEGTEB.

Original article

Liability of civil servants for corruption offenses

Vladimir I. Kaiynov^{1,2}

¹ North Western Branch of the Russian State University of Justice, Saint-Petersburg, Russia, kaynov_v@mail.ru

² Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. Administrative and legal aspects of administrative and legal aspects of administrative responsibility of civil servants for corrupt practices in the Russian Federation are considered.

Keywords: administrative law, administrative responsibility, Russian Federation, civil servant, corruption offenses

For citation: Kaiynov V. I. Liability of civil servants for corruption offenses. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):116–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-116-125>. EDN: NEGTEB.

В контексте рассмотрения вопросов данной статьи следует отметить, что обеспечение законности и дисциплины в сфере государственного управления имеют важное значение в профилактике коррупционных проявлений государственных служащих в современной России и привлечении их к административной ответственности за коррупционные правонарушения.

Регламентирующий борьбу с коррупцией Федеральный закон № 273-ФЗ предусматривает ответственность апатридов, граждан зарубежных стран и Российской Федерации при совершении правонарушений коррупционного характера в виде дисциплинарной, уголовной, гражданско-правовой и административной ответственности [1; 21].

Содержанием уголовной ответственности в данном случае является то, что лицо привлекается за совершение имеющего коррупционный характер посяательства к соответствующей ответственности. Так как взятка представляет собой коррупционное проявление, являющееся наиболее очевидным, речь идет об ответственности по ст. 285, 286, а также 290–291.2 уголовного закона [8]. Данные составы связаны со злоупотреблением должностными полномочиями и их превышением, а также, соответственно, получением, дачей взятки, посредничеством в представлении/получении взятки, а также взяточничеством, квалифицируемым как мелкое. Лицо, совершившее коррупционное посятельство, может быть лишено

права осуществлять определенную деятельность или находиться на определенных должностях, может быть отстранено от должности.

Регламентация административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений установлена соответствующим административным законодательством современной России. Так, согласно ст. 19.29 КоАП Российской Федерации подлежит наказанию лицо, противозаконно привлекающее бывшего или действующего служащего – муниципального или государственного к тому, чтобы последний предоставлял услуги либо выполнял работы, или осуществлял трудовую деятельность [10].

Ответственность гражданско-правового характера предусматривается в случае совершения правонарушений коррупционного характера в целях обеспечения возможности для физического лица, юридического лица, которым, вследствие совершения подобных коррупционных правонарушений, был причинен материальный ущерб, возбуждать гражданское производство в целях получения возмещения имущественного ущерба применительно к лицам, виновным за причинение данного ущерба. В гражданском законодательстве предусматривается ответственность за вред, который причинен государственными органами, органами, осуществляющими местное самоуправление и должностными лицами соответствующих органов.

В Гражданском Кодексе Российской Федерации [11] в ст. 16, 1069 предусматривается, что возмещается вред, который был причинен юридическому лицу, физическому лицу противозаконным бездействием или действием, совершенным государственным органом, органом, осуществляющим местное самоуправление, должностным лицом того или иного органа. Возмещению подлежит в том числе и вред, который был причинен в связи с тем, что соответствующими органами управления и их должностными лицами был принят акт управления, который противоречит действующему российскому законодательству. Предусмотрено, что источник возмещения – казна Российской Федерации, бюджеты региона или муниципалитета.

Содержанием дисциплинарной ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера заключается в привлечение к дисциплинарной ответственности служащих, которые совершили данные правонарушения в ходе исполнения своих служебных обязанностей ненадлежащим образом или не исполнили данные обязанности.

В Российской Федерации в системе государственной службы предусмотрены специальные механизмы привлечения к ответственности государственных служащих за совершение коррупционных действий. В первом случае это обусловлено с привлечением к ответственности при совершении дисциплинарных проступков, которые могут быть определены в качестве «общих». А во втором случае – с привлечением к от-

ветственности государственных служащих при совершении правонарушений коррупционного характера.

Подобная дифференциация была предусмотрена вследствие принятия в 2011 г. Федерального закона № 329-ФЗ [2], которым были внесены изменения в законодательство Российской Федерации в рамках совершенствования борьбы с коррупцией. В дальнейшем принимавшиеся применительно к отдельным видам государственной службы законы сохранили указанную дифференциацию.

Нормативные положения, регламентирующие ответственность государственных служащих за совершение правонарушений коррупционного характера в общем случае, предусматриваются в разделах законов, в которых регулируется служебная дисциплина. Данные нормы располагаются совместно с положениями, регулирующими дисциплинарную ответственность. При этом в качестве дисциплинарных проступков правонарушения коррупционного характера не рассматриваются ни в одном из актов.

В этой связи не вполне очевидно, следует ли рассматривать ответственность государственных служащих за совершение указанных правонарушений в качестве особой разновидности юридической ответственности, или же в качестве разновидности ответственности, являющейся дисциплинарной. К сожалению, Российские ученые-правоведы в своих исследованиях по данной проблематике нередко приходят к противоположным выводам [13, с. 1]. Выявление ответа на соответствующий подход предполагает необходимость определить особенности, присущие ответственности государственных служащих за совершение соответствующих правонарушений. Это позволит указанную ответственность дифференцировать с дисциплинарной ответственностью государственных служащих. Также требуется выявить, имеются ли особенности дисциплинарного производства применительно к совершению правонарушений коррупционного характера.

Автор отмечает, что любое правонарушение, составляющее основу ответственности, обуславливает присущую соответствующему виду ответственности правовую природу. Все присущие правонарушениям признаки характерны и для дисциплинарных проступков, представляющих собой определенный вид правонарушений. При этом имеются и определенные особенности, характерные для указанных проступков. Вместе с тем, автором статьи отмечается, что единого подхода к пониманию сущности дисциплинарного проступка, общего для каждого из видов государственной службы, в служебном законодательстве не предусмотрен.

При этом возможно выделение ряда присущих совершаемым государственными служащими дисциплинарным проступкам следующих общих признаков:

1. Возможность наложения дисциплинарного взыскания на государственного служащего за совершение подобного проступка.

2. Подобный проступок нормативно определен в виде исполнения предусмотренных обязанностей по службе, не являющегося надлежащим, либо их неисполнения. Соответствующий проступок совершается посредством бездействия или действия и выступает в виде деяния, являющегося противоправным.

3. Выражением данного проступка является нарушение служебной дисциплины.

4. В качестве присущего данному проступку признака, являющегося обязательным, выступает наличие вины, и лишь за совершение виновных деяний наступает ответственность.

Как было отмечено ранее, в действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации отсутствуют указания на то, что следует рассматривать правонарушения коррупционного характера в качестве дисциплинарных проступков. При этом и служебное законодательство не содержит общей дефиниции подобных правонарушений. В то же время на основе анализа действующего Российского законодательства следует отметить, что подобные правонарушения представлены в виде отсутствия исполнения государственными служащими требований в отношении урегулирования конфликтов интересов, их предотвращения, предусмотренных запретов, ограничений, обязанностей антикоррупционного характера [19, с. 12]. В то же время отсутствие соблюдения запретов, ограничений и требований выступает и в виде исполнения обязанностей по службе, не являющегося надлежащим, или неисполнения данных обязанностей в силу того, что регламентирующие государственную службу акты указывают на то, что соответствующие требования, запреты, ограничения следует соблюдать в обязательном порядке. Так, в части первой ст. 15, регламентирующего государственную гражданскую службу Федерального закона № 79-ФЗ [3], предусмотрена обязанность гражданских служащих по исключению нарушения запретов, исполнению требований к служебному поведению обязательств, соблюдению ограничений, предусмотренных федеральными законами.

Вследствие этого следует сделать вывод о том, что отличия правонарушений коррупционного характера в сопоставлении с дисциплинарными проступками по объективной стороне незначительны. В первом случае речь идет о неисполнении обязанностей, которые напрямую связаны с борьбой с коррупцией, а не об исполнении любых обязанностей по службе. На основе соотнесения составов анализируемых правонарушений и дисциплинарных проступков следует отметить, что соответствующие правонарушения сходны с дисциплинарными проступками по каждому элементу состава, т. е. по объективным и субъективным признакам. К примеру, родовый объект указанных правонарушений и проступка характеризуется общностью – обеспечивающей интересы государственной службы служебной дисциплиной. Вместе с тем следует кон-

статировать, что выделение видовой составляющей объекта дисциплинарных проступков возможно не во всех случаях. При этом существуют отличия по видовому объекту правонарушений коррупционного характера в силу наличия дополнительного нормативного основания дисциплинарной ответственности за их совершение в виде регламентирующего противодействия коррупции соответствующего федерального закона и прочих предусматривающих конкретные составы правонарушений коррупционного характера законодательных актов [17; 18].

В качестве присущего составу дисциплинарного проступка ведущего элемента выступает субъект данного правонарушения. По нашему мнению, данное деяние может совершить лишь физическое лицо, которое обладает соответствующими обязанностями и правами по службе, у которого имеются служебные отношения, оформленные юридически, и у которого в рамках отношений, связанных с совершением дисциплинарного проступка, нет полномочий дисциплинарно-юридического характера. Это относится к субъектам правонарушений, являющихся коррупционными. В соответствии с общим правилом наложение взысканий в силу совершения, как дисциплинарных проступков, так и правонарушений указанной категории производится лишь в соответствии с подчинением по службе. В качестве исключения выступают налагаемые на военнослужащих определенные дисциплинарные взыскания [15, с. 94].

Вопрос по поводу субъективной стороны правонарушений, являющихся коррупционными. Вина государственного служащего представляет собой обязательную составляющую субъективной стороны дисциплинарных проступков. В части первой ст. 57 регламентирующего государственную гражданскую службу федерального закона указано, что гражданский служащий совершает дисциплинарный проступок, виновно не исполняя должным образом предусмотренные обязанности по службе, или не исполняя данные обязанности [3]. Подобное указание отсутствует применительно к правонарушениям, являющимся коррупционными. При этом, исходя из предусмотренных законодательством положений и практики правоприменения, невозможно четко определить – необходимо ли, привлекая служащего к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера, принимать во внимание наличие вины. В этой связи соответствующий вопрос требует более детального анализа.

Следует также отметить общность взысканий, которые предусматриваются при совершении государственными служащими правонарушений коррупционного характера и дисциплинарных проступков.

В регламентирующем государственную гражданскую службу федеральном законе установлено, что в случае, если служащий совершает правонарушение коррупционного характера, взыскания будут прак-

тически идентичны взысканиям, которые налагаются, если служащий совершает дисциплинарные проступки. Речь идет о предупреждении в отношении неполного должностного соответствия, выговоре, замечании. В качестве исключения следует отметить различия в характере увольнения. В сопоставлении с простым увольнением, при увольнении в силу утраты доверия сведения в отношении подобного увольнения вносятся в особый реестр. При этом соответствующие взыскания в соответствии с указанным федеральным законом не относятся к категории дисциплинарных [3].

В ст. 50.1, регламентирующего службу в органах внутренних дел Российской Федерации федерального закона № 342-ФЗ [4], предусмотрено наложение взысканий при совершении правонарушений коррупционного характера, которые установлены в части первой ст. 50 данного правового акта. В соответствующей норме непосредственно указано, что данные взыскания – дисциплинарные.

Аналогичные в содержательном отношении положения присутствуют и в каждом из принятых после 2011 г. регламентирующих служебную деятельность законах, в т. ч. в частности в органах принудительного исполнения (Федеральный закон № 328-ФЗ [5]), в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (Федеральный закон № 197-ФЗ [6]), в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (Федеральный закон № 141-ФЗ [7]).

Подобный подход представляется в качестве значимого аргумента в отношении необходимости рассматривать ответственность за совершение правонарушений коррупционного характера в качестве разновидности такой ответственности, как дисциплинарная.

Процедуры, в рамках которых государственные служащие привлекаются к ответственности в связи с совершением правонарушений коррупционного характера и к дисциплинарной ответственности, в целом характеризуются и существенным сходством (наложение взыскания осуществляет лицо, обладающее соответствующим правом, либо представитель нанимателя в рамках служебной подчиненности; наложению взыскания в общем случае предшествует проверка; указанные процедуры осуществляются в государственном органе (определенные особенности предусмотрены только в отношении дисциплинарной ответственности лиц, являющихся военнослужащими).

По нашему мнению, следует согласиться с выводами российского правоведа Гришкова А. А., о том, что присущие особенности ответственности государственных служащих за совершение ими правонарушений коррупционного характера могут быть охарактеризованы следующим образом:

- при совершении подобных правонарушений предусматриваются особые сроки на привлечение к дисциплинарной ответственности;
- нормативно определен состав подобных пра-

вонарушений, при совершении которых правонарушитель увольняется в силу утраты доверия;

- существует специфика с точки зрения состава обстоятельств, фактов, которые принимаются во внимание, когда налагаются взыскания за совершение подобных правонарушений;
- до того, как за совершение соответствующих правонарушений налагается взыскание, проводятся особые проверки, и возможно направление их результатов в урегулирующую конфликт интересов комиссию до того, как будет наложено взыскание [14].

Соответственно, законодатель предусмотрел различные процедуры привлечения к ответственности при совершении правонарушений коррупционного характера и дисциплинарных проступков. При этом налагаемые за их совершения взыскания являются практически тождественными.

Следует сделать вывод о единстве правовой сущности дисциплинарной ответственности и ответственности за совершение госслужащими правонарушений коррупционного характера. В то же время по некоторым аспектам они дифференцированы в служебном законодательстве. Обоснованность подобного усложнения служебного законодательства не вызвала бы сомнений в случае, когда за счет отдельных правил привлечения государственных служащих к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера предусматривались бы возможности, которые бы не реализовывались при обычном порядке дисциплинарной процедуры, обеспечивалась бы возможность более успешного достижения целей предупреждения соответствующих правонарушений [13]. При этом анализ регламентирующего государственную службу законодательства не позволяет прийти к подобному выводу. Однако вполне возможно инкорпорирование в дисциплинарное производство всех особенностей привлечения государственных служащих к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера. При этом на практике в силу отсутствия должной определенности содержащихся в служебном законодательстве положений на практике возникает значительное число затруднений, поскольку сегодня существуют две отличающиеся процедуры.

В первую очередь следует отметить затруднение с отнесением правонарушений к правонарушениям коррупционного характера.

В составе подобных правонарушений согласно служебному законодательству Российской Федерации выделяются следующие категории.

Так, первая включает категории правонарушений, которые можно условно рассматривать в качестве грубых. Совершение подобных деяний обуславливает увольнение в силу утраты доверия. Подобные деяния связаны с тем, что государственный служащий

не предоставляет информацию в отношении доходов; осуществляет деятельность предпринимательского характера; не соблюдает относящиеся к конфликту интересов обязанности и др. [22]. Применительно к подобным правонарушениям затруднения в целом отсутствуют.

Следующая категория правонарушений коррупционного характера имеет следующую особенность – сходство формулировок в различных регламентирующих государственную службу актах. Речь идет о том, что государственный служащий не исполняет предусмотренные для борьбы с коррупцией обязанности, не соблюдает требования, запреты, ограничения в отношении конфликта интересов – его урегулирования либо предотвращения. В то же время законодатель не обозначил, цели установления каких конкретно требований в отношении служебного поведения, запретов и ограничений связаны с борьбой с коррупцией.

При этом не во всех случаях отсутствуют затруднения с определением целей, для достижения которых в отношении служебного поведения предусмотрено то или иное требование, запрет, обязанность, ограничение.

Изучение запретов позволяет отметить, что часть из них ориентирована на противодействие коррупции. Тогда как цели прочих запретов являются иными. Примером в первом случае могут являться запреты на то, чтобы выступать в качестве представителя либо поверенного по делам третьих лиц в государственном органе, в котором замещает должность государственный служащий, запреты на осуществление деятельности предпринимательского характера и др. Во втором случае примером может являться прекращение для урегулирования служебного спора исполнения обязанностей по должности.

В то же время в случае значительного числа запретов цель, для достижения которой их предусмотрел законодатель, четко выявить сложно, так как исходя из ситуации данные запреты могут как относиться, так и не относиться к борьбе с коррупцией.

С возможным воздействием коррупционного характера в отношении государственного служащего может быть связан запрет на использование должностных полномочий в интересах, которыми обладают различные организации, религиозные и иные объединения. Однако данный запрет может быть нацелен и на то, чтобы поддерживать отсутствие ангажированности государственного служащего в религиозном, политическом, ином отношении [20, с. 168].

Примером также является запрет разглашать информацию служебного характера. Подобный запрет может быть направлен на противодействие коррупции, когда соответствующая информация – инсайдерская. В то же время цели указанного запрета являются более масштабными.

В действующем на данный момент законодательстве предусматривается необходимость до того, как будет возбуждено производство, выявить цели (анти-

коррупционные или не являющиеся таковыми), для достижения которых законодатель предусмотрел требование в отношении служебного поведения, обязанность, запрет, ограничение, подвергшиеся нарушению со стороны госслужащего, и, исходя из этого, или осуществлять производство по делу о совершении правонарушения, являющегося коррупционным, или осуществлять дисциплинарное производство. При этом следствием ошибочности ответа на соответствующий вопрос может являться признание неправомерности результатов соответствующего производства.

Следующее из анализируемых затруднений связано с соотношением между такими проверками как служебная и специальная.

В случае, если государственные служащие привлекаются к дисциплинарной ответственности согласно общим правилам, может (или по ряду регламентирующих отдельные виды государственной службы законов – должна) проводиться служебная проверка.

Тогда как в случае, если государственный служащий привлекается к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера, проводится проверка, являющаяся специальной.

Отличия указанных разновидностей проверки незначительны. Так, имеются и определенные различия с точки зрения подлежащих выявлению обстоятельств и фактов. Также в первом случае проверку проводит кадровая служба государственного органа, при этом участвует выборный профсоюзный орган государственного органа и его юридическое подразделение. Во втором случае проверку проводит подразделение кадровой службы, которое профилирует правонарушения, в том числе и коррупционные.

Принимая во внимание отсутствие в ряде государственных органах обособленных подразделений, профилирующих правонарушения, в том числе и коррупционные, нередко и специальную, и служебную проверку проводят одни и те же лица, которые являются работниками кадровых подразделений.

Следует отметить также, что профсоюзы имеются не во всех государственных органах. В этой связи отличие в составе субъектов при проведении соответствующих проверок состоит в отсутствии привлечения к участию в их проведении юристов (и данный подход представляется не вполне рациональным) [24].

При этом следует подчеркнуть, что и органы правосудия, и прочие правоприменители не выработали единого подхода применительно к следующему вопросу – следует ли рассматривать проверку, которая проводится в случае, если государственный служащий совершил правонарушение коррупционного характера, и служебную проверку, как две различные самостоятельные проверки, или же первая проверка является разновидностью второй.

В этой связи суды в некоторых случаях полагают, что по итогам служебной проверки может быть наложено взыскание за совершение правонарушения

коррупционного характера. В других случаях они указывают, что проводимая при совершении правонарушений коррупционного характера проверка не является служебной, и в этой связи указывают, что применение при привлечении государственных служащих к ответственности за совершение указанных правонарушений с отсутствием соблюдения правил в отношении служебной проверки является законным. Это накладывает определенные запреты на присвоение классных чинов гражданским государственным служащим. Так, в соответствии с указом Президента Российской Федерации № 133 от 1 февраля 2005 г., предусмотрен запрет на присвоение классных чинов гражданским служащим, применительно к которым реализуется процедура служебной проверки. При этом в случае, когда применительно к служащему осуществляется проверка в силу того, что им совершено правонарушение коррупционного характера, возможно ли вообще присвоение данному лицу классного чина [12].

Следующий вопрос предполагает определение ситуаций, при которых необходимо направлять материалы в рассматривающую конфликт интересов комиссию. При привлечении государственных служащих к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера материалы проверки могут быть направлены урегулирующей конфликт интересов комиссии. Применительно к лицам, которые находятся на должностях федеральной государственной службы, не представляющих собой федеральную государственную гражданскую службу, материалы могут направляться аттестационной комиссии.

Как можно видеть из представленных формулировок, речь идет о возможности, но не об обязательности подобного направления.

Судебная практика также свидетельствует о возможности привлекать служащих к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера и в отсутствие представленного комиссией заключения.

Подобная диспозитивность в служебном законодательстве не соответствует механизму ответственности за совершение посягательств коррупционного характера.

Данный механизм предполагает, что совершившие подобные посягательства государственные служащие подлежат обязательному наказанию, и в данном случае, таким образом, нормативные требования не диспозитивны, но императивны.

Диспозитивность, а не императивность проведения комиссией (аттестационной или урегулирующей конфликт интересов) проверок, оценки сведений в отношении совершения служащими правонарушений коррупционного характера, обуславливают отсутствие равенства в отношении защиты прав и ведут к снижению объективности в процессе вынесения решений.

В то же время критерии, согласно которым следу-

ет проводить соответствующий анализ материалов в обязательном порядке, нормативно не определены [16].

Следующая проблема связана с необходимостью (или отсутствием таковой) в учете наличия вины государственного служащего в случае, когда налагаются связанные с совершением правонарушений коррупционного характера взыскания. Ранее было указано, что при привлечении к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера, к дисциплинарной ответственности государственных служащих, при проведении проверок требуется выявлять обстоятельства, которые должны учитываться при вынесении решений по поводу наложения определенных взысканий.

Данные обстоятельства в каждом из случаев характеризуются определенным сходством. При этом имеется и различие – потребность в принятии во внимание степени вины государственного служащего в случае, когда налагается взыскание в связи с совершением правонарушений коррупционного характера отсутствует.

В регламентирующем государственную гражданскую службу законодательстве подобная норма представлена в следующем виде – часть вторая ст. 59.3 регламентирующего указанную государственную службу федерального закона предусматривает, что в случае, когда применяются указанные в ст. 59.1, 59.2 данного закона взыскания, требуется принимать во внимание обстоятельства в виде:

- результатов исполнения служащим обязанностей по должности ранее;
- тяжести и особенностей правонарушения коррупционного характера, которое совершил служащий;
- исполнения служащим обязанностей, которые предусмотрены для того, чтобы бороться с коррупцией;
- соблюдения служащим прочих требований, запретов, ограничений, относящихся к урегулированию конфликта интересов, его предотвращения;
- обстоятельств, при которых состоялось совершение правонарушения коррупционного характера [3].

Часть третья ст. 58 указанного федерального закона предусматривает необходимость, применяя дисциплинарное взыскание, принимать во внимание факторы в виде:

- результатов исполнения обязанностей по должности служащим ранее;
- тяжести проступка, который совершил служащий;
- обстоятельств совершения проступка;
- степени вины служащего [3].

Соответственно, указанные формулировки являются весьма близкими.

При этом то, что в первом случае не предусматривается необходимость принимать во внимание сте-

пень вины государственного служащего, представляет собой скорее не просчет, но обоснованное решение законодателя.

Сходной является и ситуация при регламентации соответствующих вопросов в иных нормативно-правовых актах, регламентирующих иные разновидности государственной службы.

На практике, российские юристы при анализе вопросов о необходимости учета степени вины в ситуациях, когда служащие привлекаются к ответственности за совершение правонарушений коррупционного характера, приходят к противоположным выводам. Анализ судебной практики также свидетельствует об отсутствии единства подходов. Вместе с тем, право законодателя на создание механизма, при котором применение мер дисциплинарного характера в отношении государственных служащих возможно в отсутствие учета их вины не вызывает сомнений. Данный подход и был реализован в отношении ситуаций, когда государственные служащие не соблюдают запреты, ограничения, предусмотренные содержащимися в служебном законодательстве положениями. Вопрос состоит в том, является ли подобный подход целесообразным.

Представляется, что применение ориентированного на борьбу с коррупцией законодательства на государственной службе является свидетельством того, что нарушения отличаются друг от друга, и следует дифференцировать ответственность государственных служащих, ориентируясь на обстоятельства совершения нарушений. Среди данных обстоятельств – наличие вины государственного служащего в содеянном [23].

Вышеуказанные вопросы не исчерпывают всю совокупность вопросов, связанных с производством по правонарушениям коррупционного характера. К примеру, значительное число затруднений возникает в связи с моментом, с которого необходимо осуществлять отсчет течения процессуальных сроков.

В то же время и вышеуказанные вопросы достаточны для того, чтобы отметить, что создание отдельного механизма ответственности государственных служащих за совершение правонарушений коррупционного характера не обеспечило рост эффективности соответствующей ответственности, но привело к появлению дополнительных затруднений.

Фактическая потребность в том, чтобы осуществлять выделение особой антикоррупционной ответственности государственных служащих (которая фактически представляет собой дисциплинарную ответственность) сегодня отсутствует.

Особенности, связанные с присущей правонарушениям коррупционного характера спецификой, ответственностью за совершение данных правонарушений, можно успешно реализовать и в традиционном дисциплинарном производстве.

С точки зрения дисциплинарной ответственности установление перечня правонарушений коррупцион-

ных правонарушений, являющихся грубыми, не может рассматриваться как нечто необычное.

В регламентирующем отдельные разновидности государственной службы законодательстве сегодня предусматривается перечень проступков, являющихся грубыми, при совершении которых однократно возможно увольнение государственного служащего. Примеры – федеральные законы, регламентирующие государственную службу в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы (часть вторая ст. 48), в органах принудительного исполнения (часть вторая ст. 47), в органах внутренних дел Российской Федерации РФ (часть вторая ст. 49) [4; 5; 7].

Сходным образом и увольнение в силу утраты доверия может являться одним из дисциплинарных взысканий в их общем перечне. При этом ситуации, когда данное увольнение будет назначаться, могут ограничиваться лишь совершением правонарушений коррупционного характера.

Осуществление специальных проверок при совершении государственными служащими правонарушений коррупционного характера, не может рассматриваться как целесообразное.

Если данная проверка будет проводиться теми же лицами, которые осуществляют сегодня служебные проверки, каких-либо изменений не произойдет.

Данное обстоятельство не создаст затруднений для установления тех или иных особенностей проведения служебных проверок по делам о совершении правонарушений коррупционного характера. Особенности могут быть связаны с обстоятельствами или сроками.

Обязательность направления материалов подобной проверки аттестационной комиссии или комиссии, урегулирующей конфликт интересов, следует установить на случай, когда устанавливаются факты, которые указывают, что государственный служащий совершил правонарушение коррупционного характера, являющееся грубым. Потребность в обязательности подобного направления в прочих ситуациях, по нашему мнению, отсутствует.

Как отмечалось ранее, вопрос, относящийся к установлению степени вины государственного служащего, при решении связанного с применением взысканий за совершение правонарушений коррупционного характера является предметом полемики. Его решение зависит от воли законодателя.

Собственный подход в отношении решения данного вопроса представлен нами ранее. Необходимо обратить внимание, что все варианты его решения могут быть реализованы в традиционной дисциплинарной процедуре. При этом, если будет признана возможность ответственности без вины, изменения будут более значительными.

Применительно к срокам привлечения к ответственности при совершении правонарушений корруп-

ционного характера, являющимся на данный момент намного более продолжительными в сопоставлении с общими сроками, необходимо отметить, что данная особенность связана со спецификой соответствующих правонарушений. В то же время и в этом отношении отсутствуют сложности с фиксацией в рамках традиционного производства сроков, являющихся более продолжительными [9].

Таким образом, исходя из представленных в законодательстве о государственной службе положений и практики правоприменения, следует отметить отсутствие необходимости выделения дисциплинарной ответственности в связи с совершением правонарушений коррупционного характера как самостоятельной, отличной от соответствующей обычной дисциплинарной ответственности, разновидности административной ответственности. С учетом указанного обстоятельства, по мнению автора статьи, следует унифицировать используемый категориальный аппарат. Необходимо, чтобы деяния, которые сегодня носят наименование правонарушений коррупционного характера, фиксировались служебным законодательством как дисциплинарные проступки, являющиеся коррупционными. Необходимо, чтобы ответственность в связи с совершением данных проступков наступала в соответствии с обычным дисциплинарным производством. При этом должны учитываться определяющиеся присущей данным правонарушениям спецификой процессуальные особенности.

Список источников

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 6 февраля 2023 г.) // СПС «Гарант».
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (ред. от 2 декабря 2021 г.) // СПС «Гарант».
3. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 4 ноября 2022 г.) // СПС «Гарант».
4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 23 января 202 г.) // СПС «Гарант».
5. Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 5 декабря 2022 г.) // СПС «Гарант».
6. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (редакция от 5 декабря 2022 г.) // СПС «Гарант».
7. Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (редакция от 30 апреля 2021 г.) // СПС «Гарант».
8. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2023.
9. Трудовой Кодекс Российской Федерации. Ч. 4. Ст. 193. М., 2023.
10. КоАП Российской Федерации. Ст. 19.29. М., 2023.
11. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1944 г. № 51-ФЗ (ред. от 26 октября 2021 г.). М., 2023.
12. Указ Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» (ред. от 14 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 февраля 2005 г. № 6. Ст. 440.
13. Григорьев И. В., Крипак М. В. Особенности дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // Административное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 1–10.
14. Гришкoveц А. А. Административная ответственность государственных гражданских служащих: состояние и перспективы развития // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 38–42.
15. Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 88–101.
16. Кузнецов В. И., Трунцевский Ю. В., Ломакина Л. А. Увольнение государственных гражданских служащих в связи с утратой доверия: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 159–169.
17. Назарова И. С., Шеншин В. М. К вопросу о закреплении приказом руководителя федерального органа исполнительной власти формы протокола об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 38–41.

18. Назарова И. С., Шеншин В. М., Шеншина Л. А. О некоторых тенденциях развития законодательства, регулирующего общественные отношения, складывающиеся в военно-социальной сфере // *Право в Вооруженных силах*. 2022. № 1(294). С. 25–30.
19. Пресняков М. В. Антикоррупционные стандарты на государственной службе: проблемы правовой определенности // *Административное право и процесс*. 2019. № 11. С. 6–12.
20. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Реестр лиц, уволенных с государственной и муниципальной службы в связи с утратой доверия: вопросы эффективности // *Журнал российского права*. 2020. № 10. С. 168–183.
21. Семенова У. С., Шеншин В. М. О возможности замены административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности обязательным противопожарным страхованием имущества // *Юридический мир*. 2022. № 1. С. 57–61.
22. Чаннов С. Е. Может ли коррупционное правонарушение быть малозначительным? // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 10. С. 2197.
23. Чаннов С. Е. Дисциплинарное принуждение как средство обеспечения служебных правоотношений : современное состояние и перспективы // *Административное право и процесс*. 2016. № 7. С. 13–18.
24. Юсупов А. Л. Дисциплинарная ответственность за нарушения законодательства о противодействии коррупции : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.
- Legislative Acts of the Russian Federation» (ed. of December 5, 2022) // LRS «Garant».
6. Federal Law of July 19, 2018, № 197-FZ «On Service in the Criminal Executive System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation «On Institutions and Bodies Executing Criminal Punishments in the form of deprivation of liberty» (version of December 5, 2022) // LRS «Garant».
7. Federal Law of May 23, 2016, № 141-FZ «On Service in the Federal Fire Fighting Service of the State Fire Fighting Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (version of April 30, 2021) // LRS «Garant».
8. Criminal Code of the Russian Federation. M., 2023.
9. Labor Code of the Russian Federation. P. 4. Art. 193. M., 2023.
10. Administrative Offenses Code of the Russian Federation. Art. 19.29. M., 2023.
11. Civil Code of the Russian Federation. Part One of November 30, 1944 № 51-FZ (ed. of October 26, 2021). M., 2023.
12. Decree of the President of the Russian Federation of February 1, 2005 № 113 «On the order of assignment and retention of class ranks of the state civil service of the Russian Federation to federal state civil servants» (ed. of February 14, 2023) // *Collected Legislation of the Russian Federation of February 7, 2005*. № 6. Art. 440.
13. Grigoriev I. V., Kripak M. V., Kripak M. V. Features of disciplinary responsibility of civil servants for corruption offenses // *Administrative and Municipal Law*. 2018. № 5. P. 1–10.
14. Grishkovets A. A. Administrative responsibility of state civil servants: status and prospects of development // *Administrative Law and Process*. 2018. № 2. P. 38–42.
15. Grishkovets A. A. Administrative responsibility of state civil servants : status and prospects of development // *Administrative Law and Process*. 2018. № 2. P. 38–42.
16. Kuznetsov V. I., Truntsevsky Y. V., Lomakina L. A. Dismissal of state civil servants in connection with loss of confidence : problems of theory and practice // *Journal of Russian Law*. 2020. № 1. P. 159–169.
17. Nazarova I. S., Shenshin V. M. To the issue of fixing by the order of the head of the federal executive body of the form of the protocol on administrative offense // *Administrative Law and Process*. 2022. № 1. P. 38–41.
18. Nazarova I. S., Shenshin V. M., Shenshina L. A. On some trends in the development of legislation regulating public relations that develop in the

References

1. Federal Law of December 25, 2008, № 273-FZ «On Combating Corruption» (ed. of February 6, 2023) // LRS «Garant».
2. Federal Law of November 21, 2011 № 329-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the improvement of public administration in the field of combating corruption» (ed. December 2, 2021) // LRS «Garant».
3. Federal Law of July 27, 2004, № 79-FZ «On the State Civil Service of the Russian Federation» (ed. November 4, 2022) // LRS «Garant».
4. Federal Law of November 30, 2011, № 342-FZ «On Service in the Bodies of Internal Affairs of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (ed. January 23, 2022) // LRS «Garant».
5. Federal Law of October 1, 2019, № 328-FZ «On Service in the Forced Enforcement Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain

- military-social sphere // Law in the Armed Forces. 2022. № 1(294). P. 25–30.
19. Presnyakov M. V. Anti-corruption standards in public service : problems of legal certainty // Administrative Law and Process. 2019. № 11. P. 6–12.
20. Presnyakov M. V., Channov S. E. Register of persons dismissed from state and municipal service due to loss of confidence : issues of effectiveness // Journal of Russian Law. 2020. № 10. P. 168–183.
21. Semenova U. S., Shenshin V. M. On the possibility of replacing administrative responsibility for violation of fire safety requirements by compulsory fire insurance of property // Juridical World. 2022. № 1. P. 57–61.
22. Channov S. E. Can a corruption offense be insignificant? // Actual Problems of Russian Law. 2014. № 10. C. 2197.
23. Channov S. E. Disciplinary coercion as a means of ensuring service legal relations : current state and prospects // Administrative Law and Process. 2016. № 7. P. 13–18.
24. Yusupov A. L. Disciplinary responsibility for violations of legislation on combating corruption : dis. cand. of legal science. Saratov, 2014.

Информация об авторе

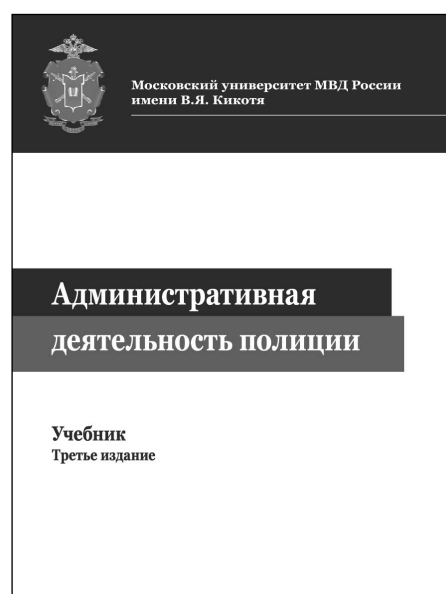
В. И. Кайнов – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры 84 публичного права Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Kaiynov – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the North Western Branch of the Russian State University of Justice, Professor of Department 84 of Public Law of the Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Legal Science, Professor.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 21.08.2023.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 21.08.2023.

Административная деятельность полиции. Учебник. Под ред. О.В. Зиборова, В.В. Кардашевского. 3-е изд., перераб. и доп. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-126-130>

EDN: <https://elibrary.ru/nnkvos>

НИОН: 2003-0059-6/23-848

MOSURED: 77/27-003-2023-06-047

Добросовестное соблюдение международных договорных обязательств как юридическое составляющее современного международного миропорядка

Рубен Амаякович Каламкарян^{1,2}, Елена Васильевна Мигачёва³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mp_ved.vlsu@mail.ru

² Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия

³ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, migacheva.elena@list.ru

Аннотация. В работе раскрывается добросовестное соблюдение международных договорных обязательств как юридическое составляющее современного международного миропорядка.

Ключевые слова: Российская Федерация, добросовестное соблюдение международных договорных обязательств, современный международный миропорядок

Для цитирования: Каламкарян Р. А., Мигачёва Е. В. Добросовестное соблюдение международных договорных обязательств как юридическое составляющее современного международного миропорядка // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 126–130. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-126-130>. EDN: NNKVOS.

Original article

Good faith compliance with international treaty obligations as a legal component of the modern international world order

Ruben A. Kalamkaryan^{1,2}, Elena V. Migacheva³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mp_ved.vlsu@mail.ru

² Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir, Russia

³ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, migacheva.elena@list.ru

Abstract. The paper reveals good faith compliance with international treaty obligations as a legal component of the modern international world order.

Keywords: Russian Federation, good faith compliance with international treaty obligations, modern international world order

For citation: Kalamkaryan R. A., Migacheva E. V. Good faith compliance with international treaty obligations as a legal component of the modern international world order. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):126–130. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-126-130>. EDN: NNKVOS.

Показательная международно-правовая включенность Российской Федерации в систему современных международных правоотношений определяется последовательным внешнеполитическим курсом России на обеспечение международной законности и правопорядка. Международно-правовой позитив внешнеполитического курса Российской Федерации, обозначенный заявленной приверженностью верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.), предметно проявляет

себя в формате последовательной позиции по обеспечению добросовестного выполнения международных обязательств (в том числе международных обязательств согласно международным договорно-правовым актам) со стороны государств-членов мирового сообщества, как это предписывается постановлениями Устава ООН. П. 2 ст. 2 Устава ООН предусматривает следующее: «Все Члены Организации Объединенных Наций добросовестно выполняют принятые на себя по настоящему Уставу обязательства, чтобы

© Каламкарян Р. А., Мигачёва Е. В., 2023

обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу Членов Организации». Значимость всестороннего соблюдения международных обязательств в параметрах всего мирового сообщества в целом определяется целостностью современного международного мирового правопорядка, обеспечивающей юридическую безопасность (совокупность субъективных прав и законных интересов) для всех государств мира на основе принципа суверенного равенства.

С вступлением договора в силу принцип добросовестности (наряду с другими императивными принципами международного права) в порядке поддержания верховенства права в процессе договорно-правового общения продолжает выполнять свою роль. Совместно с такими принципами, как принципы лояльности, взаимности, равноправия сторон, недопустимости злоупотребления правом, разумности, *pacta sunt servanda*, принцип добросовестности регулирует все стадии исполнения международных договоров, в частности соблюдение и толкование договоров. Тем самым создаются предпосылки для прохождения процедуры выполнения международных договоров в режиме верховенства права (Rule of Law).

Процессу соблюдения договора посвящены, как известно, две статьи в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Первая касается нормы *pacta sunt servanda* (ст. 26), а вторая – соотношения внутреннего права и соблюдения международных договоров (ст. 27). В отношении соблюдения внутреннего права в ходе заключения и выполнения договора принцип добросовестности предписывает, что государства не вправе ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения ими договора. Государства должны действовать в этом вопросе добросовестно и в соответствии с обычной практикой, т. е. не нарушать положений своего внутреннего права, касающихся компетенции по заключению договоров. Тем самым будут исключены предпосылки для последующей ссылки государства на то обстоятельство, что согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушение норм внутреннего права, которые касались компетенции по заключению договоров, как на основании недействительности согласия и оправдание для невыполнения им договора.

В процессе толкования договора принцип добросовестности предписывает, что договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и цели договора (ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.). Толкование должно осуществляться согласно не только букве договора, но и в соответствии с его духом. Предполагается, что толкование должно идти вглубь постановлений договора и содействовать наиболее полному исполнению

конвенционных обязательств. В конечном итоге толкование на основе принципа добросовестности должно содействовать тому, чтобы договор вызывал все те желаемые юридические последствия, на которые была первоначально направлена согласованная воля сторон. Вместе с тем принцип добросовестности привносит в процедуру толкования элемент стабильности, адаптируя содержащиеся в договоре обязательства к требованиям конкретной ситуации и, в результате, содействуя применению договорных постановлений в наиболее справедливой форме. Принцип добросовестности в процессе толкования международного договора исключает иерархию среди процедурных правил толкования, поскольку установление заранее в жесткой форме определенных методов толкования текста договора затрудняет выявление истинных намерений сторон. Гибкость, взаимодополняемость и уравниженность методов толкования наиболее адекватно отражает суть применения принципа добросовестности в процессе толкования.

Договор является результатом согласованного волеизъявления государств. Он в равной степени обязывает все государства-участники. Требование выполнения договора в его целостности на основе принципа добросовестности распространяется как на государство, которое вправе ожидать соответствующего поведения со стороны другого государства, так на государство, которое в силу имеющихся международных обязательств должно само предпринимать необходимые действия. Если в отношении первого государства существует обязательство не выходить в своих претензиях за рамки неукоснительного соблюдения договорных постановлений, то в отношении второго государства существует обязательство строгого, лояльного выполнения договорных постановлений как на основе права, так и на основе факта. В курсе по международному публичному праву французского юриста профессора М. Сибера в отношении обязательства государств по добросовестному выполнению договорных постановлений применительно к конкретной ситуации сказано: «Будучи возложено на одно государство, оно обязывает его требовать от другого государства только то, что является строго совместимым с договором. Будучи возложено на второе, оно предписывает необходимость выполнять лояльно, без хитрости и обмана, все то, что это государство обязалось делать» [1, р. 268].

Международный договор создает такое соотношение прав и обязательств сторон, при котором обязательствам одного государства противостоят корреспондирующие им права другой стороны. Роль принципа добросовестности в сочетании с нормой *pacta sunt servanda* здесь состоит в том, чтобы обеспечить соотношение взаимных прав и обязательств, при котором не имело бы место использование одной стороной своих прав за счет прав другой стороны или неполное соблюдение одной из сторон своих обязательств по

договору. Принцип добросовестности помогает поддерживать такой баланс прав и обязательств, при котором всем сторонам договора было бы обеспечено получение прав и преимуществ, вытекающих из факта их участия в данном договоре. Положения договора должны пониматься в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и цели договора. Термины договора, предмет договора, а также весь круг затронутых в нем проблем должны пониматься в том смысле и виде, в каком они понимались всеми участниками договора в момент его заключения. Поэтому принцип добросовестности запрещает какой-либо из сторон договора придавать терминам договора, предмету договора иной смысл, нежели тот, который был вложен в них всеми участниками договора, и тем самым использовать это обстоятельство с целью получения односторонних преимуществ, идущих вразрез с достигнутыми между сторонами договоренностями и с общим духом договора.

Общепризнанным юридическим правилом обязательности международного договора является, как известно, норма *pacta sunt servanda*. Ст. 26 Венской конвенции 1969 г. устанавливает: «Каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться». Изложенное здесь правило предполагает, что норма *pacta sunt servanda* применяется именно по отношению к договорам, действующим и действительным, т. е. правомерным с точки зрения международного права. Слово «действующий» охватывает собой как договор, который подлежит временному применению (ст. 25), так и договор, вступивший в силу окончательно (ст. 24). В комментарии к ст. 23 окончательного проекта конвенции, принятом Комиссией международного права ООН в 1966 г. (впоследствии она без каких либо изменений воспроизведена в тексте Венской конвенции в качестве ст. 26), отмечается, что «принцип добросовестности является юридическим принципом, который представляет собой интегральную часть нормы *pacta sunt servanda*». Иными словами, обязательное выполнение договора на основе нормы *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности должно исходить как из буквы, так и из духа самого соглашения. Принцип добросовестности играет здесь дополняющую роль применительно к норме *pacta sunt servanda*, являясь наряду с принципами паритета (равенства) и эффективности одной из трех составляющих ее частей. Поскольку это представляется важным для всего последующего анализа обязанности добросовестного выполнения договорных обязательств, рассмотрим вопрос о том, какую же роль играет принцип добросовестности применительно к норме *pacta sunt servanda*.

Значение принципа добросовестности применительно к норме *pacta sunt servanda* повышается ввиду того, что международное право в отличие от внутригосударственного права не имеет специального органа,

который бы обеспечивал в принудительном порядке выполнение принятых договорных обязательств. В международном праве функции обеспечения выполнения договоров на основе принципа добросовестности осуществляются самими государствами. В конечном итоге эффективность всего международного права зависит от последовательного и добросовестного выполнения государствами договоров, поскольку они наряду с односторонними юридическими актами представляют собой правовую основу всего здания международного сотрудничества. Подтверждением того, что принцип добросовестности является принципом права международных договоров, регулирующим все стадии активного существования договора, может служить то значение, которое ему придается в положениях Венской конвенции 1969 г., касающихся обмана и подкупа как основания признания недействительности согласия государства на обязательность для него договора (ст. 49, 50); в постановлениях конвенции, относящихся к обязанности государств воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели до вступления договора в силу (ст. 18); в постановлениях конвенции, регулирующих вопрос о внутреннем праве государства при заключении международного договора (ст. 46); в тех постановлениях конвенции, которые предусматривают последствия недействительности договора, его прекращения (ст. 69 и 71).

Вторая составная часть нормы *pacta sunt servanda* наряду с принципом добросовестности – принцип паритета (равенства) государств. Применительно к норме *pacta sunt servanda* он означает, что при выполнении договора все государства находятся в равном положении в отношении прав и обязанностей: никто из участников договора, во-первых, не вправе требовать от другого участника больше того, что записано в договоре, и, во-вторых, не должен искать иных преимуществ, чем те, которые полагаются в обычном порядке для всех участников договора. Принцип паритета (равенства) государств в рамках нормы *pacta sunt servanda* проявляет себя также в том, что постановления договора касаются только его участников. Общим правилом здесь служит положение Венской конвенции 1969 г., согласно которому договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия (ст. 34). Принцип паритета (равенства) государств логически вытекает из присущего им суверенитета и независимости. Он лежит в основе таких важных норм права международных договоров, как свобода выражения согласия государств на обязательность для него договора; выступает определяющим фактором при признании недействительности договора и установлении основания недействительности выраженного государством согласия на обязательность для него договора. Принцип паритета (равенства) закрепляет юридическое равенство всех государств применительно к обязанности должного (в соответствии с принципом добросовестности) выполнения всех

обязательств по договору в их совокупности, без каких-либо незаконных преимуществ в пользу того или иного из его участников.

Третьей составляющей частью нормы *pacta sunt servanda* выступает принцип эффективности. Норма *pacta sunt servanda* в отношении определенного международного договора имеет свою значимость в юридическом плане только в отношении сторон – участников этого договора. В этом смысле последовательное претворение в жизнь всех постановлений договора на основе принципа добросовестности и паритета зависит от взаимосогласованного намерения, которое обеспечивает реализацию должного поведения сторон. Именно конкретное исполнение обязательств по договору в той мере, в какой оно реально отражает в себе совместное намерение сторон и составляет собой прямой источник действующих между государствами юридических норм, обеспечивает эффективность нормы *pacta sunt servanda*. В той мере, в какой обязательство по договору характеризуется своей неэффективностью, поскольку не выполняется в целом или частично, конвенционные нормы, которые представляют собой содержание договора, прекращают свое существование параллельно с прекращением действия самого договора, а сторона, претерпевшая ущерб в результате противоправного поведения другой стороны, вправе поставить вопрос о международной ответственности за совершенные незаконные действия стороны – нарушителя обязанности добросовестного выполнения договорных обязательств. Возможность применения по отношению к такому государству санкций, обычно предусматриваемых на этот счет международным правом, может послужить побудительным мотивом для корректировки этим государством своего поведения в направлении последовательного соблюдения нормы *pacta sunt servanda*, как этого требует принцип эффективности.

Всеобщее осознание необходимости добросовестного выполнения обязательств по договору содействует действенности международно-правового механизма. Международный договор, будучи результатом согласованного волеизъявления государств, предполагает, что все его постановления будут в точности, последовательно и неукоснительно исполняться, что является первым и наиболее общим требованием добросовестности в области права договоров. Точность предполагает, что договор подлежит исполнению с учетом обычного значения, которое следует придавать его терминам в контексте, а также в свете объекта и цели договора. Точность здесь понимается в смысле четких, объективно проявляющих себя вовне действий государства по неукоснительному выполнению договорных положений без попыток их искажения и создания незаконных преимуществ для одного государства и дополнительного бремени для другого. Изложенный здесь тезис носит логически законченный характер. В тех или иных вариациях его можно най-

ти в работах отечественных и зарубежных ученых [2, с. 105; 3, с. 81; 4, р. 112–119].

Точность является не единственным аспектом добросовестного соблюдения договора. В силу существующей тесной взаимозависимости прав и обязательств участников международного договора важное значение в смысле осуществления договора на основе принципа добросовестности приобретает необходимость точного определения границ пользования правами по договору. Это обстоятельство существенно в аспекте недопустимости злоупотребления правом при реализации сторонами своих обязательств по договору. Дело в том, что при выполнении договора следует установить границу, когда законное и правомерное использование права (по договору) превращается в злоупотребление этим правом. Определению границы между правомерным использованием прав и точным исполнением принятых государством договорных обязательств, с одной стороны, и злоупотреблением правом, – с другой, служит принцип добросовестности, а также цель договора, поскольку она характеризует то, на что направлено согласованное волеизъявление сторон международно-правового акта. Принцип добросовестности здесь определяет должный уровень юридически значимого поведения государств при выполнении договорных обязательств, а цель договора служит задаче согласования действий государств по исполнению договора и зафиксированных в договоре взаимосогласованных намерений сторон.

Когда государство заключает международный договор и принимает на себя соответствующие договорные обязательства, принцип добросовестности, призванный регулировать сферу договорных взаимоотношений государств, налагает определенные ограничения на весь комплекс прав государств по договору, предписывая необходимость соотносить использование своих прав с добросовестным исполнением принятых обязательств. Пределы, устанавливаемые при принятии договорных обязательств, выступают логическим следствием нормы *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности.

Заключая международный договор, государство заранее проявляет свое волеизъявление принять, строго и добросовестно выполнять все предписания договора. При этом оно обязывается использовать свои права по договору не произвольно (формально действия государства могут не выходить за рамки договора), а исключительно так, чтобы не затрагивать законные и охраняемые международным договором права другого участника и тем самым не нарушать принятые договорные обязательства. Принятие обязательств по договору следует охарактеризовать как запрещение недобросовестного использования прав в нарушение обязательств, возлагаемых по договору. Практическая реализация предписываемой режимом миропорядка на основе верховенства права востребованность добросовестного соблюдения междуна-

родных договорных обязательств содействует поддержания юридической безопасности всего субъектного состава мирового сообщества. Международно-правовое позиционирование Российской Федерации в системе добросовестного соблюдения международных договорных обязательств обозначено показательным вкладом в дело обеспечения целостности системы современного международного права.

Список источников

1. Sibert M. *Traité de droit international public*. P., 1951. T. 2.
2. Талалаев А. Н. *Международные договоры в современном мире*. М., 1973.
3. Тиунов О. И. *Принцип соблюдения международных обязательств*. М., 1979.
4. Cheng B. *General principles of law as applied by international courts and tribunals*. L., 1953.

References

1. Sibert M. *The law of the international community*. P., 1951. Vol. 2.
2. Talalaev A. N. *International treaties in the modern world*. M., 1973.
3. Tiunov O. I. *The principle of compliance with international obligations*. M., 1979.
4. Cheng V. *General principles of law applied by international courts and tribunals*. L., 1953.

Информация об авторах

Р. А. Каламкьян – профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых;

Е. В. Мигачёва – доцент кафедры международного права Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, кандидат юридических наук.

Information about the authors

R. A. Kalamkaryan – Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of International Law and Non-Economic Activities of the Law Institute named after M.M. Speranskii of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs;

E. V. Migacheva – Associate Professor of the Department of International Law of the Institute of International Law and Justice of the Moscow State Linguistic University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 21.08.2023.

The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 21.08.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-131-138>

EDN: <https://elibrary.ru/pfhieq>

ИПОН: 2003-0059-6/23-849

MOSURED: 77/27-003-2023-06-048

Изменения конституционной регламентации судебной власти в Российской Федерации

Владимир Николаевич Калинин

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия, vladimirnk@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы изменения конституционного регулирования судебной власти в Российской Федерации, проведенные в 2014 и 2020 годах. При этом отмечается далеко не бесспорный характер многих внесенных в Конституцию Российской Федерации и федеральное законодательство изменений.

Ключевые слова: судебная власть, изменения в Конституцию Российской Федерации, арбитражное судопроизводство, конституционные (уставные) суды субъектов РФ

Для цитирования: Калинин В. Н. Изменения конституционной регламентации судебной власти в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 131–138. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-131-138>. EDN: PFHIEQ.

Original article

Changes in the constitutional regulation of the judiciary in the Russian Federation

Vladimir N. Kalinin

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia, vladimirnk@yandex.ru

Abstract. The problematic issues of changing the constitutional regulation of the judiciary in the Russian Federation, carried out in 2014 and 2020, are considered. At the same time, it is noted that many of the amendments made to the Constitution of the Russian Federation and federal legislation are far from indisputable.

Keywords: judicial power, amendments to the Constitution of the Russian Federation, arbitration proceedings, constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation

For citation: Kalinin V. N. Changes in the constitutional regulation of the judiciary in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):131–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-131-138>. EDN: PFHIEQ.

Внесение значительных изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 году, реализованное посредством принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1], имеет свои предпосылки. С момента принятия Конституции 12 декабря 1993 года, за более чем четверть вековой период действия Конституции общественное развитие ушло далеко вперед. Российская Федерация стала дру-

гой, а конституционные поправки стали закономерной необходимостью для ее дальнейшего демократического развития [11, с. 14].

Последнее требует адекватного отражения в конституционно-правовом регулировании. Сакрализация конституции, придание ей искусственной стабильности неизбежно в итоге приводят к ее окостенению, затрудняя процесс конституционной модернизации. Учитывая исторические условия принятия действующей Конституции Российской Федерации, можно также отметить, что при удачной формулировке и работо-

способности многих норм Конституции, некоторые ее нормы не выдержали проверки временем, а ряд норм изначально носил дискуссионный характер. Назревший характер конституционной реформы отмечался многими учеными-конституционалистами [8; 10; 16].

Можно также отметить, что в связи с отсутствием революционного характера вносимых изменений, невозможности изменения основ конституционного строя парламентским путем, в данном случае речь должна идти, по всей видимости, именно о конституционных изменениях, а не о конституционной модернизации или тем более о конституционной реформе [9, с. 5].

Конституционной модернизацией охватываются конституционные изменения, которые предопределены революционным развитием науки конституционного права, выработкой принципиально новых моделей взаимоотношения власти и общества, различных ветвей власти между собой, механизмов защиты прав человека и т. д. Конституционная реформа включает дальнейшее совершенствование конституционного законодательства в целом и появление принципиально нового регулирования общественных отношений [7, с. 112–116].

Существование наряду с законодательной и исполнительной властью самостоятельной судебной власти представляет собой один из необходимых и важных признаков демократического правового государства, в котором независимая судебная власть становится его сердцевиной государства, главной гарантией конституционализма и свободы народа. Утверждение судебной самостоятельной судебной власти – это результат движения страны по пути правовой государственности [21].

В то же время судебная власть, в силу более обособленной и консервативной природы, поддается конституционному реформированию с большим трудом, нежели власть исполнительная или законодательная (представительная). Так, изменения в форме правления в основном сказываются на взаимозависимости законодательной и исполнительной властей, практически не сказываясь на положении судебной власти.

В вопросе реформирования судебной власти, остро возникшем в постсоветский период, связанный с принятием Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., когда возникла необходимость скорейшей выработки и теоретического обоснования новой конструкции государственной власти, сложились две основные концепции судебной реформы.

Первая, возникшая на волне демократических перемен постсоветского периода (1992–1993 гг.), опиралась на классические западные модели и опыт либеральных судебных реформ Александра II. Ее положения нашли отражение в Концепции судебной реформы от 3 октября 1992 года.

Данная концепция, созданная в основном учеными либерального направления, предполагала реформирования уголовного процесса в направлении максимальной замены инквизиционной системы состязательной

моделью судопроизводства и возрождении с этой целью двух важных институтов судебной реформы 1864 г. – судов присяжных и мировых судей.

Реформа преимущественное внимание уделяла институциональным аспектам реализации права на судебную защиту, которые усматривались:

- в общем усилении независимости судебной власти в рамках системы разделения властей (новая система судебных назначений и должностей, пожизненный срок полномочий, передача применения дисциплинарных мер и отстранения от должности в ведение других судей);
- в расширении функций судов в области административной юстиции (путем закрепления за ними права на рассмотрение различных жалоб на неправомерные действия должностных лиц);
- в лишении прокуратуры функции общего надзора (надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнении законов);
- в лишении судов, а затем и прокуроров права возбуждать уголовные дела;
- в передаче судам (от прокуратуры) права ареста (санкционирования ходатайства следователя на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу), а также санкционирования ряда следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан (проведение обысков, выемок в жилище, установление прослушивания телефонных и иных переговоров и др.);
- создания единого вневедомственного следственного органа и т. д.

Другая, более консервативная концепция, возобладавшая с 1994 г., отличается большим реализмом. Сформированная представителями Верховного Суда, Министерства юстиции и Совета судей, она не носила столь четко сформулированного характера и скорее представляла собой прагматическую критику радикальной либеральной концепции по всем основным направлениям. Сюда относятся: скептическое отношение к рецепции западных моделей состязательного процесса и суда присяжных (как не соответствующих российским традициям); стремление к восстановлению традиционной системы обеспечения и обслуживания судов (путем передачи этих функций от Министерства юстиции Судебному департаменту при Верховном Суде РФ); сохранение за прокуратурой выполняемых ею функций общего надзора; допущение упрощенных производств, касающихся представительного расследования и судебного разбирательства в условиях недостаточного финансирования и перегрузки судов [25, с. 482].

Устойчивую основу сложившейся в нашей стране судебной системы составляет система судов общей юрисдикции. Объективно возникающая необходимость внесения в судебные структуры тех или иных изменений не затрагивает исторически оправдавшую

себя модель построения судебной системы, даже при всей серьезности вносимых изменений.

Из трех важнейших составляющих судебной власти (судоустройство, судопроизводство, статус судей) конституционным изменениям в большей мере подверглись судоустроительные основы судебной власти и лишь в некоторой мере основы статуса судей. Судопроизводственные основы судебной власти в Конституции Российской Федерации представлены основополагающими процессуальными принципами, стабильность которых не вызывает сомнений. Детальное же закрепление процессуальной формы в отдельных видах судопроизводств, и ее последующее совершенствование, является задачей соответствующих процессуальных кодексов (УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ). Кроме того, следует иметь в виду, что ряд норм, так или иначе касающихся судебной власти, содержатся в разных главах Конституции РФ, в том числе во второй главе в виде процессуальных гарантий прав граждан. Примером может служить право обвиняемого быть судимым судом присяжных (ч. 2. ст. 47 Конституции), которое одновременно придает конституционный статус суду с участием присяжных заседателей.

Первые конституционные изменения, касающиеся регламентации судебной власти были внесены в 2014 году. Принятие в целях совершенствования судебной системы и обеспечения ее единства Федерального закона о поправке к Конституции Российской Федерации от 22 ноября 2013 г. № СФ-6 о «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [2], предусматривало объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в единый судебный орган.

Вышеуказанный закон был направлен на изменение статей Конституции Российской Федерации, посвященных Конституционному Суду РФ (ст. 125) и Верховному Суду РФ (ст. 126), порядка назначения судей высших судов (ч. 1 и 3 ст. 128), а также порядка назначения на должность заместителей Генерального прокурора РФ и иных прокуроров (ст. 129).

Прежде всего, конституционные изменения затронули, прежде всего, само наименование главы 7 Конституции Российской Федерации. Если до внесения изменений она называлась «Судебная власть», то после стала называться «Судебная власть и прокуратура». Последнее, не умаляя авторитет судебной власти, более точно характеризует независимое положение прокуратуры, которая в нашей стране, не входя ни в судебную власть, ни в какую другую, традиционно занимала организационно обособленное положение в системе органов государственной власти.

Из статей Конституции Российской Федерации были последовательно исключены указания на Высший Арбитражный Суд РФ (п. «о» ст. 71, п. «е» ст. 83, п. «ж» ч. 1 ст. 102, ч. 1 ст. 104). Исключение статьи 127, посвященной Высшему Арбитражному Суду РФ, из текста Конституции поставило на повестку дня вопрос о дальнейшей реформе всей системы арбитражных судов и арбитражного судопроизводства.

Конституционное объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, было реализовано достаточно быстро. В развитие конституционных предписаний был принят Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», соответствии с которым в августе 2014 г. в Российской Федерации был образован и начал действовать объединенный Верховный Суд РФ.

Следует отметить, что реформа системы арбитражных судов в итоге пошла по взвешенному пути, поскольку предлагалось не только упразднение Высшего Арбитражного Суда, но и полная ликвидация всей системы арбитражных судов с передачей их компетенции судам общей юрисдикции.

Внесение в 2020 году Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования судебной власти» дополнения в часть 2 ст. 118 Конституции РФ, добавившего арбитражное судопроизводство в качестве пятого самостоятельного вида судопроизводства наряду с конституционным, гражданским, уголовным и административным в теоретическом плане связано с дискуссионным вопросом об отраслевой дифференциации гражданского и арбитражного процессуального права. Нормативное решение данного вопроса, назревшего к началу 90-х годов прошлого века, в теоретическом плане зависит от определения степени самостоятельности арбитражного права и его месте в системе отраслей процессуального права и правовой системы в целом.

В российской юридической науке по этому поводу сложились две противоположные точки зрения.

Согласно первому подходу, нормы арбитражного процессуального права образуют самостоятельную отрасль процессуального права (такую точку зрения разделяют А. А. Добровольский, М. К. Треушников, В. В. Ярков и др.). При этом самостоятельность арбитражного процессуального права как самостоятельной отрасли основывается на обосновании особого предмета этой отрасли, связанного с необходимостью рассмотрения разрешения арбитражными судами споров, возникающих в экономической и предпринимательской деятельности между юридическими лицами. Последнее обуславливает специфику процессуальных отношений в арбитражном судопроизводстве.

Данная специфика арбитражного процессуального права, отражающая его юридическое своеобразие (особый состав субъектов, особая компетенция судов, особенности предмета доказывания, структура процесса, специфика содержания видов арбитражного судопроизводства и его отдельных институтов и т. д.) дает основания для вывода об отраслевой самостоятельности арбитражного процессуального права [24, с. 24].

Представители другой точки зрения признают нормы арбитражного процессуального права в качестве составной части, подотрасли гражданского процессуального права (Н. Б. Зейдер, Р. Ф. Каллиострова,

В. Н. Щеглов, М. С. Шакарян и др.), полагая, что арбитражное законодательство представляет собой организационную часть гражданского процессуального права. Соответственно, оно должно быть включено в его состав, поскольку общим является не только предмет защиты (спору, возникающие из гражданских правоотношений), но и правовая природа органа защиты, принципы его организации и деятельности [17, с. 12].

Так, по мнению В. М. Жуйкова, суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают в принципиальном плане одинаковые дела: при рассмотрении дел применяют одинаковые нормы материального права; суды и той и другой юрисдикции выполняют одну и ту же задачу по защите прав заинтересованных лиц, разрешают аналогичные вопросы процессуального характера, связанные с движением дела, за небольшими исключениями используют одинаковые способы защиты гражданских прав, предусмотренные ГК РФ. Отличия в субъектном составе лиц, участвующих в деле, а равно разграничение подведомственности дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, по мнению В. М. Жуйкова, не настолько существенные, чтобы можно было говорить о необходимости создания для осуществления арбитражными судами судебной власти особой процессуальной формы» [19, с. 194–195].

По мнению А. Т. Боннер, «арбитражное процессуальное право является однородной, дублирующей отраслью права. Она воплощает в себе «двойной стандарт», «не имеющий, с точки зрения системной организации, прав на существование. ...Гражданское процессуальное право и арбитражное процессуальное право, ГПК и АПК представляют собой не что иное, как дублирующие друг друга системы, во многом повторяющие друг друга» [13, с. 90].

Можно отметить, что, конституционная легализация в 2020 году арбитражного судопроизводства в качестве отдельного вида судопроизводства свидетельствует о признании законодателем самостоятельности арбитражного процессуального права на конституционном уровне. Последнее косвенно указывает как на целесообразность дальнейшего сохранения подсистемы арбитражных судов, так и на сохранение раздельного законодательного регулирования гражданского и арбитражного процесса, снимая тем самым с повестки дня предложения о необходимости принятия Единого процессуального кодекса РФ (ЕПК РФ) [20].

По мнению Н. М. Добрынина, поправки, внесенные в главу 7 Конституции Российской Федерации в 2020 году, будучи направленными на совершенствование организации и функционирования публичной власти, практически не затронули вопросы совершенствования правосудия в нашей стране, усиления гарантий независимости, профессионализма, объективности и беспристрастности судов. В основном они ограничились лишь установлением ряда запретов судьям, а также и организационными вопросами назначения Председателей, заместителей Председателей и судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, других федеральных судов [18, с. 24].

Внесение в ст. 119 Конституции изменений в части запрета судьям иметь гражданство иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории иностранного государства, а также запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, представляется избыточным. Установление подобных запретов, равно как и установление требований к судьям (кандидатам на должность судей) должно являться предметом не конституционного, а законодательного регулирования. Указанные запреты ранее были внесены в Закон о статусе судей от 26 июня 1992 г. № 3132-1 Федеральными законами № 274-ФЗ от 25 декабря 2008 г. и № 505-ФЗ от 28 декабря 2016 г. [6]. В данном случае не законодательство развивает конституционные положения, а, наоборот, на конституционный уровень подняты уже присутствовавшие в законодательстве положения организационно-кадрового характера.

С другой стороны, не следует недооценивать важность конституционных изменений, затронувших судебную власть, имея в виду:

- дополнение видов судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ);
- изменение судебной системы (ч. 3 ст. 118 Конституции) путем отказа от конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации;
- существенные изменения, затронувшие положение Конституционного Суда РФ.

Упразднение конституционных (уставных) субъектов Российской Федерации – далеко не бесспорная новелла поправок 2020 года. Исключения указания на них в ч. 3 ст. 118 Конституции потребовало внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство. В соответствии со ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» [5] конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации подлежат повсеместному упразднению до 1 января 2023 года. Статья 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», касающаяся конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, утратила силу с января 2023 года.

Вместо упраздняемых конституционных (уставных) судов субъектов РФ, органы власти последних получили право создавать конституционные (уставные) советы, действующие при региональных законодательных (представительных) органах государственной власти.

Одной из возможных причин упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ является то, что законодательство субъектов федерации за два десятилетия приведено в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законода-

тельством. Последнее не оставляет много работы конституционным судам субъектов РФ.

С другой стороны, ранее конституционные (уставные) суды субъектов РФ рассматривались в качестве гаранта и высшего органа судебной власти по защите конституционного законодательства субъектов РФ, неотъемлемого и необходимого элемента организации государственной власти в каждом субъекте РФ, независимо от его вида и особенной форм правления и устройства [26, с. 19].

Указывалось, что региональные конституционные суды, способствуя совершенствованию правовой системы субъектов РФ, тем самым опосредованно способствовали совершенствованию всей правовой системы Российской Федерации. Значим и федеративный аспект, касающийся организации органов власти в субъектах федерации: практически в каждом федеративном государстве, где субъекты федерации наделены правом принятия своих учредительных актов – основных законов, создана и действует система судов, осуществляющая их государственную защиту [30, с. 16].

В литературе отмечалось, что конституционные (уставные) суды субъектов Федерации предназначены для выполнения такой важной функции, как предупреждение «повреждений» в правовой системе, поскольку юридическая активность регионов, формирующаяся юридическая система регионов не должны разрывать единое поле конституционного права России [27, с. 344]. Организация в субъектах РФ органов конституционного (уставного) правосудия обеспечивает двойной уровень конституционной защиты – региональный и федеральный, тогда как в регионах, где отсутствуют органы конституционного правосудия, граждане вынуждены напрямую обращаться в Конституционный Суд РФ по предметам совместно ведения, в частности, по защите прав и свобод человека и гражданина.

По мнению В. А. Кряжкова, «сложившаяся федеративная система органов государственной власти России, основанная на принципе разделения властей, не оставляет сомнений в необходимости конституционной юстиции не только в лице Конституционного Суда РФ, но и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации [22, с. 126].

Отказ от конституционных (уставных) судов субъектов может соответствовать интересам органов власти субъектов Российской Федерации, не желающим вводить неудобный и для себя и дорогостоящий орган судебного конституционного контроля.

Нежелание большинства субъектов РФ вводить собственные конституционные (уставные) суды (в 2021 году такие суды были созданы и действовали лишь в 15 субъектах Российской Федерации), тенденцию к их сокращению можно расценить как провал идеи развития региональной конституционной юстиции. Однако их ликвидация снижает роль конституционного правосудия в России в целом, негативно сказывается на федеративной организации судебной системы субъек-

тов РФ, сводя ее к мировым судьям. Деятельность же последних практически ничем не отличается от деятельности федеральных судей, поскольку основу их деятельности составляют федеральные кодексы и законы; они представляют собой первичное звено судов общей юрисдикции, финансируются из федерального бюджета, осуществляют правосудие именем Российской Федерации и т. д. Все это свидетельствует о формальном, не работающем на практике принципе судебного федерализма и несформированности полноценной судебной власти в регионах [29, с. 39].

Конституционные изменения, затронувшие статус Конституционного Суда Российской Федерации, заслуживают отдельного более глубокого исследования.

Отметим лишь, что сокращение количества судей Конституционного Суда РФ с 19 до 11 вряд ли имеет какое-то серьезное обоснование, помимо желания экономии бюджетных средств. Предыдущее изменение количества судей первого состава Конституционного Суда с 15 до 19 [3] объяснялось требованиями текущей политической ситуации и желанием Президента РФ иметь поддержку большинства судей Конституционного Суда.

Особенно спорным выглядит расширение компетенции Конституционного Суда Российской Федерации за счет установления предварительного конституционного контроля (ст. 5-1 Конституции Российской Федерации) и расширение его сферы действия с контролем не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации на обширную сферу внутрисубъектных нормативных актов. Указанные изменения, внесенные помимо Конституции Российской Федерации, в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 9 ноября 2020 г. [4] позволяют Конституционному Суду РФ по запросу Президента РФ проверять не только принятые нормативные акты, но и проекты федеральных конституционных законов, федеральных законов, проекты законов Российской Федерации о поправке к Конституции РФ, а также проекты законы субъектов РФ. При этом данный контроль является не обязательным, а факультативным.

И последующий и предварительный конституционный контроль имеют свои достоинства и недостатки, однако в мировой практике конституционной юстиции конституционные суды наделяются только одним видом конституционного контроля. В противном случае возникают неизбежные проблемы, связанные с вынесением двух решений (и двух правовых позиций) по одному предмету рассмотрения.

Отсутствие в Законе о Конституционном Суде норм о соотношении предварительного и последующего контроля порождает неясность в вопросе о том, можно ли обращаться с жалобой в Конституционный Суд РФ на нарушение конституционных прав и свобод законом, который уже был проверен до вступления в силу. Пока Закон прямо не ограничивает возможность подачи жалобы, однако в будущем может остро встать вопрос о соотношении абстрактного предварительно-

го и последующего конкретного контроля норм, которые были признаны конституционными в процедуре предварительного контроля [28, с. 20; 23].

Как вытекает из анализа рассматриваемых норм Конституции признание законопроекта неконституционным в порядке ст. 5-1 Конституции, не лишает Конституционный Суд РФ возможности в дальнейшем проверять конституционность его положений после вступления его в силу по запросам граждан и судов в порядке ч. 4 ст. 125 Конституции. Однако при этом предыдущее признание законопроекта конституционным может влиять на возможность Конституционного Суда РФ в дальнейшем изменить свое решение при рассмотрении конституционности норм данного нормативно-правового акта, приобретшего статус закона уже применительно к конкретному делу.

Также указывается, что рассматриваемые изменения потенциально включают Конституционный Суд РФ в законодательный процесс, что, с одной стороны, означает его неизбежную политизацию, а с другой, наделение законодательными по сути полномочиями, умаляющими полномочия парламента [15].

Так, В. А. Кряжков в этой связи отмечает, что «вводимый конституционный нормоконтроль – избыточная и ущербная мера, не согласующаяся с принципом сбалансированного разграничения властей, поскольку еще более усиливает за счет Конституционного Суда позиции Президента РФ во взаимоотношении с Федеральным Собранием, способствует втягиванию Конституционный Суд в законотворческий, по сути, политический процесс» [23].

После внесения изменений в ч. 3 ст. 103 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд РФ утратил возможность принесения посланий палатам Федерального Собрания. Институт посланий, несмотря на то, что Конституционный Суд до сих пор ни разу им не воспользовался, фактически от него отказавшись [14, с. 4], тем не менее, обоснованно расценивается как важнейшее полномочие, представляющее собой не только право, но и обязанность Конституционного Суда [12, с. 6].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что проблемы, связанные с организацией и функционированием судебной власти, как представляется, в настоящее время лежат не столько в сфере правотворчества и позитивного регулирования, возможности совершенствования которой не так велики, сколько в сфере правоприменения уже существующих правовых нормативных предписаний.

Список источников

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Федеральный закон РФ о поправке к Консти-

туции Российской Федерации «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». Принят Государственной Думой 22 ноября 2013 г., одобрен Советом Федерации 27 ноября 2013 г. Подписан Президентом РФ 4 декабря 2013 г. // Российская газета. 2013. 4 декабря (№ 6249).

3. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2020. № 46. Ст. 7196.
4. Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.
5. Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть 1). Ст. 8029.
6. Закон РФ № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 05.04.2021) ФЗ № 274-ФЗ от 25.12.2008; ФЗ № 505-ФЗ 28.12.2016. // СПС «Консультант-Плюс».
7. Авакьян С. А. Практика конституционных реформ : некоторые проблемы // Конституционное право России : избранные статьи. 2010–2016. М. : Проспект, 2016.
8. Авакьян С. А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 2–9.
9. Баринов Э. Э. Конституционная реформа – 2020: особенности процедуры и юридической техники // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8.
10. Боброва Н. А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 33–38.
11. Боброва Н. А. Конституционная реформа – 2020 как решение проблемы «транзита власти» – 2024 // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2.
12. Боброва Н. А. Конституционная реформа 2020 как решение проблемы «транзита власти» – 2024 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2.
13. Боннер А. Т. Некоторые проблемы доступности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 31 января – 1 февраля 2001 г. М. : Лиджист, 2001.
14. Брежнев О. В. Конституционная реформа

- 2020 г. и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7.
15. Брежнев О. В. Предварительный конституционный контроль и его реализация в России: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 36–43.
16. Воронин Ю. М. Двадцать лет нелегитимной Конституции России // Конституционный вестник. 2013. № 3 (21). С. 62–66.
17. Гражданское процессуальное право России : учебник / Под ред. М. С. Шакарян. М., 1996.
18. Добрынин Н. М. Конституционные поправки 2020 года : к вопросу о действительном авторитете и независимости судебной власти как ключевых гарантиях этико-правового обеспечения достоинства личности в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5.
19. Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997.
20. Калинин В. Н. Реформирование системы арбитражных судов в Российской Федерации и принятие единого Гражданско-процессуального кодекса РФ : проблемные вопросы // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 55–63.
21. Конституционное право зарубежных стран. Учебник для вузов / Под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. М. : Изд-во НОРМА, 2000.
22. Кряжков В. А. Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации : проблемы организации и деятельности // Государство и право. 1995. № 9.
23. Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32.
24. Лукьянова Е. Дифференциация правового регулирования в процессуальном законодательстве // Российская юстиция. 2003. № 1.
25. Медушевский А. Н. Сравнительное конституционное право и политические институты : курс лекций. М. : ГУ ВШЭ, 2002.
26. Митюков М. А. Современные тенденции развития региональной конституционной юстиции (опыт социологического исследования) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 14.
27. Правосудие в современном мире / Под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М., 2012.
28. Стародубцева И. А. Новые полномочия Конституционного Суда РФ в сфере предварительного конституционного контроля: анализ поправок к Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 2.
29. Терехин В. А. Модернизация судостроительства и судебных инстанций как приоритетное направление судебной-правовой политики // Российская юстиция. 2010. № 5.
30. Цалиев А. М. Образование конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации : состояние и перспективы // Журнал российского права. 2013. № 10.

References

1. The Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 № 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power» // SZ CL RF. 2020. № 11. Art. 1416.
2. The Federal Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation «On the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Russian Federation». Adopted by the State Duma on November 22, 2013, approved by the Federation Council on November 27, 2013. Signed by the President of the Russian Federation on December 4, 2013 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. December 4 (№ 6249).
3. Federal Constitutional Law № 1-FKZ of July 21, 1994 «On the Constitutional Court of the Russian Federation» (as amended. dated 09.11.2020, № 5-FKZ) // Federal Law of the Russian Federation. 1994. № 13. Art. 1447; 2020. № 46. Art. 7196.
4. Federal Constitutional Law of November 9, 2020 № 5-FKZ «On Amendments to the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // Federal Law of the Russian Federation. 2020. № 46. Art. 7196.
5. Federal Constitutional Law of December 8, 2020 № 7-FKZ «On Amendments to Certain Federal Constitutional Laws» // Federal Law of the Russian Federation. 2020. № 50 (Part 1). Art. 8029.
6. Law of the Russian Federation № 3132-1 «On the Status of Judges in the Russian Federation» dated 26.06.1992 № 3132-1 (ed. dated 05.04.2021) FZ № 274-FZ dated 25.12.2008; FZ № 505-FZ 28.12.2016 // LRS «ConsultantPlus».
7. Avakian S. A. The practice of constitutional reforms: some problems // Constitutional Law Russia: selected articles. 2010–2016. Moscow : Prospect, 2016.
8. Avakian S. A. Is constitutional reform necessary in Russia? // Constitutional and Municipal Law. 2012. № 9. P. 2–9.
9. Barinov E. E. Constitutional reform – 2020: features of procedure and legal technique // Constitutional and municipal law. 2020. № 8.
10. Bobrova N. A. 20 years and 20 shortcomings of the Constitution of Russia // Constitutional and municipal law. 2013. № 3. P. 33–38.

11. Bobrova N. A. Constitutional reform – 2020 as a solution to the problem of «transit of power» – 2024 // Constitutional and municipal law. 2020. № 2.
12. Bobrova N. A. Constitutional reform 2020 as a solution to the problem of «transit of power» – 2024 // Constitutional and municipal law. 2021. № 2.
13. Bonner A. T. Some problems of accessibility of justice in arbitration and civil proceedings // Problems of accessibility and effectiveness of justice in arbitration and civil proceedings : materials of the All-Russian Scientific and practical conference. Moscow, January 31 – February 1, 2001. Moscow : Ligist, 2001.
14. Brezhnev O. V. Constitutional reform 2020 and development Constitutional justice in Russia // Constitutional and municipal law. 2020. № 7.
15. Brezhnev O. V. Preliminary constitutional control and its implementation in Russia: problems of theory and practice // Actual problems of theory and practice // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. № 10. P. 36–43.
16. Voronin Yu. M. Twenty years of the illegitimate Constitution of Russia // Constitutional Bulletin. 2013. № 3 (21). P. 62–66.
17. Civil Procedural law of Russia : textbook / Edited by M. S. Shakaryan. M., 1996.
18. Dobrynin N. M. Constitutional amendments of 2020: on the question of the real authority and independence of the judiciary as key guarantees of ethical and legal protection of the dignity of the individual in Russia // Constitutional and municipal law. 2021. № 5.
19. Zhuikov V. M. Judicial protection of the rights of citizens and legal entities M., 1997.
20. Kalinin V. N. Reforming the system of arbitration courts in the Russian Federation and the adoption of the Unified Code of Civil Procedure of the Russian Federation : problematic issues // Education. The science. Scientific personnel. 2020. № 4. P. 55–63.
21. Constitutional law of foreign countries. Textbook for universities / Under the general editorship of M. V. Baglaya, Yu. I. Leibo, L. M. Entina. M. : Publishing house NORM, 2000.
22. Kryazhkov V. A. Bodies of constitutional control of subjects of the Russian Federation : problems of organization and activity // State and law. 1995. № 9.
23. Kryazhkov V. A. How the constitutional reform of 2020 changed the Constitutional Court of the Russian Federation // State and Law. 2020. № 9. P. 18–32.
24. Lukyanova E. Differentiation of legal regulation in procedural legislation // Russian Justice. 2003. № 1.
25. Medushevsky A. N. Comparative constitutional law and political institutions: a course of lectures. Moscow : Higher School of Economics, 2002.
26. Mityukov M. A. Modern trends in the development of regional constitutional justice (experience of sociological research) // Constitutional and municipal law. 2007. № 14.
27. Justice in the modern world / Edited by V. M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. M., 2012.
28. Starodubtseva I. A. New powers of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of preliminary constitutional control: analysis of amendments to the Constitution of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2021. № 2.
29. Terekhin V. A. Modernization of the judicial system and judicial instances as a priority direction of judicial and legal policy // Russian justice. 2010. № 5.
30. Tsaliev A. M. Formation of constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation: state and prospects // Journal of Russian Law. 2013. № 10.

Информация об авторе

В. Н. Калинин – старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kalinin – Senior Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; одобрена после рецензирования 14.07.2023; принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 18.05.2023; approved after reviewing 14.07.2023; accepted for publication 15.09.2023.

Научная статья

УДК 343.982

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-139-141>

EDN: <https://elibrary.ru/ozlwjp>

ИПОН: 2003-0059-6/23-850

MOSURED: 77/27-003-2023-06-049

Развитие методов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов рук с учетом современных достижений науки и техники

Марина Владимировна Кардашевская

Московская академия Следственного комитета России, Москва, Россия, kardashewsky@yandex.ru

Аннотация. Кратко рассмотрена история использования дактилоскопических следов в деятельности человека, вопросы становления дактилоскопии как области научного знания. Основное внимание уделяется современному этапу развития дактилоскопии, которое, прежде всего, обусловлено использованием современных достижений науки и техники. Анализируются возможности использования централизованной интегрированной автоматизированной информационной системы (ЦИАДИС – подсистема ИСОДа), мобильного комплекса для съемки и передачи в АДИС следов (пальцев рук, ладоней и других следов) непосредственно с места происшествия (ЛатОП), а также разрабатываемого сервиса экспертно-криминалистической деятельности (ЕАИС ЭКП – планируемый сервис ИСОДа). Автор отмечает, что современное программное обеспечение позволяет, в большинстве случаев, отказаться от производства традиционной дактилоскопической экспертизы. Поэтому, по мнению автора, на первый план должны выходить научные исследования не в области судебной экспертологии, а в области экспертно-криминалистической деятельности, поскольку грамотный специалист сможет решить с использованием современных методов и средств все те же вопросы, которые следователь ставит перед экспертом, но уже не проводя самостоятельно какие-либо исследования.

Ключевые слова: дактилоскопия, экспертиза, экспертно-криминалистическая деятельность, программное обеспечение

Для цитирования: Кардашевская М. В. Развитие методов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов рук с учетом современных достижений науки и техники // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 139–141. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-139-141>. EDN: OZLWJP.

Original article

Development of methods and means of detecting, fixing, removing and examining handprints, taking into account modern achievements of science and technology

Marina V. Kardashevskaya

Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Moscow, Russia, kardashewsky@yandex.ru

Abstract. The article briefly discusses the history of the use of fingerprint traces in the activities of mankind, the issues of the formation of fingerprinting as a field of scientific knowledge. The main attention is paid to the modern stage of the development of fingerprinting, which is primarily due to the use of modern achievements of science and technology. The article analyzes the possibilities of using a centralized integrated automated information system (CIADIS – ISODa subsystem), a mobile complex for shooting and transmitting traces (fingers, palms and other traces) directly from the scene of the incident to ADIS (LatOP), as well as the expert forensic activity service being developed (EAIS ECP – planned ISODa service). The author notes that modern software allows, in most cases, to abandon the production of traditional fingerprint examination. Therefore, according to the author, scientific research should come to the fore not in the field of forensic expert science, but in the field of forensic activity, since a competent specialist will be able to solve using modern methods and means all the same questions that the investigator poses to the expert, but no longer conducting any research independently.

Keywords: fingerprinting, examination, forensic activity, software

For citation: Kardashevskaya M. V. Development of methods and means of detecting, fixing, removing and examining handprints, taking into account modern achievements of science and technology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):139–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-139-141>. EDN: OZLWJP.

© Кардашевская М. В., 2023

Интерес к отпечаткам пальцев рук, как источнику информации о конкретном человеке, имеет длинную историю. Упоминания об использовании отпечатка большого пальца для удостоверения личности есть во многих древних документах Китая, Ассирии, Вавилона, Египта. Однако дактилоскопия как область научного знания сформировалась только к концу XIX в. во многом благодаря исследованиям У. Гершеля, который в результате 19-летних наблюдений и опытов пришел к выводу о возможности регистрации лиц, отбывающих наказание, с использованием отпечатков пальцев рук [2, с. 37].

В нашей стране дактилоскопия получила признание в начале 20 века, впервые дактилоскопические бюро в органах полиции были созданы в 1906 г., а в 1912 г. впервые результаты дактилоскопической экспертизы были признаны судом в качестве доказательства [2, с. 40].

За прошедшие десятилетия было изучено строение папиллярных узоров пальцев; классифицированы виды следов рук; разработаны методы и основанные на них средства обнаружения следов рук (визуальные; с использованием различных средств освещения; физические – обработка различными порошками; химические – обработка параами йода и др.); постоянно совершенствуются методики проведения дактилоскопической экспертизы; ведется дактилоскопический учет, который на сегодняшний день полностью автоматизирован. С 1998 г. в стране действует федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [3].

8 октября 2015 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Совершенствование системы дактилоскопической регистрации». Многие выступающие ставили вопрос, когда же доступ к дактилоскопическим учетам можно будет получить с рабочего места следователя. Представитель ЭКЦ МВД России, ссылаясь на размеры страны и необходимость обеспечения безопасности передачи данных, обозначил срок в 50 лет. Однако к этому времени уже была практически завершена работа ГИАЦ МВД России по созданию единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД), над которой они работали с марта 2012 г. в соответствии с Приказом МВД России № 205 [4].

Сегодня ИСОД является обязательным программно-аппаратным комплексом всех территориальных органов внутренних дел. Одним из ее элементов выступает централизованная интегрированная автоматизированная информационная система (ЦИАДИС), которая действует с 2018 г. и обеспечивает автоматизацию процессов деятельности органов внутренних дел по формированию, ведению и использованию межведомственного банка данных дактилоскопической информации во исполнение требований отечественного законодательства, в том числе и федерального закона № 128-ФЗ.

Для установления личности доставленного в дежурную часть территориального органа лица сотрудник поочередно прикладывает его указательный и средний палец правой и левой руки к поверхности дактилоскопического сканера. Качество каждого полученного отпечатка проверяется автоматически при

вводе дактилоскопической информации. При неудовлетворительном качестве производится повторное сканирование. Сотрудник заполняет сведения о личности проверяемого в поле электронной формы комплекса. В течение 2 минут сотрудник получает информацию из базы данных о наличии/отсутствии в базе сведений о проверяемом лице; о наличии данных отпечатков, но с другими персональными сведениями; наличие сведений о том, что лицо находится в розыске. Результаты оперативной проверки оформляются справкой о результатах идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени на бланке территориального органа с датой и регистрационным номером как в бумажном, так и на электронном носителе [5].

ЦИАДИС использует данные из оперативного дактилоскопического учета, который ведет ГИАЦ МВД России. Однако у нас есть и криминалистический учет по отпечаткам пальцев рук, обнаруженных на месте происшествия, который ведется в ЭКЦ России. С 2013 г. идет разработка сервиса экспертно-криминалистической деятельности (ЕАИС ЭКП) [6]. Он позволит в режиме реального времени проверять отпечатки пальцев рук, обнаруженных на месте происшествия. В настоящее время в практику специалистов, выезжающих в составе следственно-оперативной группы на осмотр места происшествия, активно внедряется использование мобильного комплекса для съемки и передачи в АДИС следов (пальцев рук, ладоней и других следов) непосредственно с места происшествия – ЛатОП. Данный комплекс позволяет получать дактилоскопические изображения непосредственно на камеру смартфона, передать информацию в АДИС «Папилон», получить результат идентификации и просмотреть его на смартфоне [1]. На данном этапе еще нужен специалист, который будет заниматься поиском следов пальцев рук, их проверкой по учету.

И тут встает вопрос о необходимости производства дактилоскопической экспертизы. Вспомним, что она традиционно отвечает на два главных вопроса: пригоден ли след для идентификации и не оставлен ли он конкретным человеком. Однако уже сейчас на этот вопрос отвечает не эксперт, а то программное обеспечение, с которым он работает. А. Ф. Волинский справедливо отмечает, что «научно-технический прогресс невозможно остановить или запретить, он развивается, не спрашивая разрешения у власти, причем с ускорением. Не воспринимать его достижения своевременно – отстанем на годы, если не на десятилетия» [2, с. 42], т. е. мы сейчас стоим на пороге грандиозного уменьшения экспертных исследований, что характерно для многих видов традиционных экспертиз, не только дактилоскопической. Именно поэтому сейчас на первый план научных исследований должны выходить вопросы экспертно-криминалистической деятельности, т. е. деятельности по использованию специальных знаний без проведения экспертных исследований. И тот факт, что у нас до сих пор не заработал ЕАИС ЭКП, свидетельствует о том, что руководство ЭКЦ МВД России прекрасно понимает, что функционирование данного сервиса приведет к уменьшению экспертиз, сокращению сотрудников и т. п. Ну действи-

тельно, кому нужна экспертиза, проводимая 15 суток (перепроверить Приказ № 511), если эту информацию можно получить в течение двух минут, оформить справкой, которая будет использоваться в уголовном деле в качестве иного документа?

Таким образом, на примере обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов рук можно наглядно убедиться, что современные методы и средства работы со следами кардинально меняют взгляд на судебную экспертизу как основной вид использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Пора признать, что в общей системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства экспертно-криминалистическая деятельность играет определяющую роль для решения, в том числе и вопроса о необходимости назначения экспертизы. И экспертам с этим пора смириться. Мы полностью поддерживаем мнение А. Ф. Волынского о необходимости разработки общей концепции научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов нашей страны [2, с. 257]. В данной концепции основная роль должна отводиться именно экспертно-криминалистической деятельности, постепенно вытесняющей за счет использования современных методов и средств необходимость назначения многих криминалистических экспертиз.

Список источников

1. ЛатОП – комплект для съемки и передачи в АДИС (AFIS) следов с мест преступлений // URL://<https://www.papillon.ru/products/equipment/latop/#more>.
2. Волынский А. Ф. От уголовной регистрации к компьютерной криминалистике. Избранное : науч. издание. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
3. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ МВД России от 30 марта 2012 г. № 205 «Об утверждении Концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012–2014 годах».
5. Приказ МВД России от 19 июня 2018 г. № 384 (ред. от 16 ноября 2022 г.) «Об утверждении

Порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и Перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрация не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени» // СПС «Гарант».

6. Разработка программного обеспечения (сервисов) в интересах обеспечения экспертно-криминалистической деятельности, шифр темы «ЕАИС ЭКП»: опытно-конструкторская работа // URL://<https://www.94fz.ru/num/0373100088713000037>.

References

1. LatOP – a kit for capturing and transmitting crime scene traces to ADIS (AFIS) // URL://<https://www.papillon.ru/products/equipment/latop/#more>.
2. Volynsky A. F. From criminal registration to computer criminalistics. Favorites: scientific publication. 2nd ed., reprint. and add. M., 2023.
3. Federal Law of July 25, 1998 № 128-FZ (ed. of July 14, 2022) «On State Dactyloscopic Registration in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 205 of March 30, 2012 «On Approval of the Concept for the Creation of a Unified System of Information and Analytical Support for the Activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2012–2014».
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of June 19, 2018, № 384 (ed. November 16, 2022) «On Approval of the Procedure for real-time identification of a person's identity by fingerprints (palms) of hands and the List of categories of persons in respect of whom mandatory state fingerprint registration is not carried out in the case of identification of their identity as a result of real-time fingerprint (palm) handprint verification» // LRS «Garant».
6. Development of software (services) in the interests of expert forensic activity, subject code «EAIS EKP»: development work // URL://<https://www.94fz.ru/num/0373100088713000037>.

Информация об авторе

М. В. Кардашевская – Московская академия Следственного комитета России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

M. V. Kardashevskaya – Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; одобрена после рецензирования 08.09.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 08.09.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-142-144>

EDN: <https://elibrary.ru/ouwdgz>

НИОН: 2003-0059-6/23-851

MOSURED: 77/27-003-2023-06-050

Особенности привлечения к административной ответственности должностных лиц

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен вопрос правового закрепления особенностей привлечения к административной ответственности должностных лиц.

Ключевые слова: органы внутренних дел, ответственность, должностные лица, субъект, административное правонарушение

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Особенности привлечения к административной ответственности должностных лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 142–144. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-142-144>. EDN: OUWDGZ.

Original article

Features of bringing officials to administrative responsibility

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. The question of legal fixation of peculiarities of bringing to administrative responsibility of officials is considered.

Keywords: internal affairs bodies, responsibility, officials, subject, administrative offense

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Features of bringing officials to administrative responsibility. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):142–144. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-142-144>. EDN: OUWDGZ.

В научной среде уже сложилось представление о сущности определения должностного лица, что освобождает нас от необходимости исследовать содержание термина «должностное лицо».

Должностные лица обладают специальным юридическим (правовым) статусом, а их присутствие подвергает их большей общественной опасности за совершенные правонарушения, и тем самым влечет за собой более жесткую меру ответственности.

В настоящее время среди различных видов административных правонарушений наибольшее интерес уделяется административным правонарушениям

должностных лиц. Это вызвано преимущественно тем, что законодатель, считая субъектом административной ответственности должностных лиц, в некоторых случаях не учитывает, что должностные лица чаще всего характеризуются разнообразными правовыми статусами, и отличаются друг от друга.

Кроме того, с каждым годом растет количество дел об административных правонарушениях, совершенных должностными лицами. К примеру, Верховным Судом России, в 2020 г. было рассмотрено 560 [1] административных дел по административным правонарушениям, совершенным должностными лицами

(общее количество административных дел составило 849 дел, что говорит о том, что 65 процентов дел рассматривает ВС РФ). В 2021 г. ВС РФ рассмотрел 669 [1] дел об административных правонарушениях, совершаемых должностными лицами (общее количество 1118 дел, что составляет 59 процентов). С 1 января 2022 г. по сегодняшний день Верховным Судом РФ было рассмотрено порядка 432 [1] дел с участием должностных лиц (общее количество 702 дела, что составляет 61 процент).

Можно выделить следующие особенности привлечения к административной ответственности должностных лиц.

Во-первых, правовое закрепление специальных государственно-властных полномочий (правового статуса).

Во-вторых, при квалификации административного правонарушения, совершенного должностным лицом, должна быть определена территориальная и компетенционная подведомственность дел по данной категории административных правонарушений.

В-третьих, наличие строго определенного количества составов административных правонарушений, субъектом которых являются должностные лица.

В-четвертых, должностное лицо не может быть привлечено к ответственности, если факт нарушения обязанностей должностного лица не был выявлен, причем чтобы это проверить, полномочные органы изучают обязанности должностного лица и локальные акты, включающие в себя: должностные инструкции и так далее.

Если правонарушение, совершенное должностным лицом, не причиняет особого вреда интересам государства и общества, и совершено впервые, то уполномоченные органы вправе выписать предупреждение. Предупреждение не может быть устным. Допустим, если уполномоченный сотрудник сказал, что делает предупреждение, но при этом никакого оформления документа не было, то такое предупреждение не является мерой наказания. Само по себе предупреждение на практике оказывается довольно редким явлением. Во многих случаях выписываются административные штрафы.

Следующей более важной особенностью является то, что, независимо от увольнения должностного лица во время рассмотрения дела, будет привлекаться к административной ответственности, потому что нарушение случилось во время выполнения обязанностей. К тому моменту выполнения деяния были все признаки состава нарушения, таким образом, должностное лицо обязано нести обязательство.

Разберем еще ряд особенностей привлечения к административной ответственности различных категорий должностных лиц, в том числе депутатов, прокуроров, следователей и прочее.

Между тем, члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Российской Федерации не могут быть привлечены к административной ответ-

ственности без согласия соответствующего профильного комитета Федерального Собрания Российской Федерации.

Дипломатический иммунитет распространяется также на депутатов законодательных органов власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Однако, их не привлекают совершение за административных правонарушений лишь в рамках своей профессиональной деятельности. За прочие административные правонарушения они несут ответственность наравно с гражданами Российской Федерации.

Решение о привлечении к административной ответственности судей Высших судов принимается тремя судьями соответствующего суда по представлению Генерального Прокурора Российской Федерации.

Действующим законодательством предусмотрен также особый порядок привлечения к административной ответственности прокуроров и следователей. Проверка законности действий следователя или прокурора возложена на органы прокуратуры. Применение доставления, задержания, личного досмотра в отношении следователя или прокурора, а также проверка их имущества, транспортного средства, которым ими используется, не допускается.

С учетом особенностей прохождения службы военнослужащие и призванные на военные сборы граждане несут административную ответственность как на общих основаниях, так в соответствии воинским уставом.

К сотрудникам органов внутренних дел присущи следующие особенности: КоАП РФ установил перечень составов административных правонарушений, по которым сотрудник полиции несет ответственность на общих основаниях, по остальным же правонарушениям происходит замена административной ответственности на дисциплинарную.

В соответствии со ст. 3.9 КоАП РФ, к лицам, признанным на военные сборы для военной подготовки, также для сотрудников органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, государственных пожарных, надзорных органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и таможенных органах не может применяться административный арест.

Таким образом, законодатель предусмотрел для должностных лиц, совершающих административные правонарушения в рамках выполнения своих профессиональных обязанностей, более строгую административную ответственность. Тем самым, государство подчеркивает особые требования, предъявляемые к лицам, обладающим государственно-властными полномочиями.

Список источников

1. Судебные и нормативные акты РФ // URL:// <https://sudact.ru>.

References

1. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation // URL://http://sudact.ru.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря

2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28 февраля 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments introduced by the laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation from December 30, 2008 № 7-FKZ, from February 5, 2014 № 2-FKZ, from March 14, 2020 № 1-FKZ; with amendments approved in the course of the all-Russian vote on July 1, 2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 № 195-FZ (ed. of February 28, 2023) // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Э. В. Маркина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

E. V. Markina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 19.05.2023; принята к публикации 17.07.2023.

The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 19.05.2023; accepted for publication 17.07.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-145-149>

EDN: <https://elibrary.ru/mdnzpf>

НИОН: 2003-0059-6/23-852

MOSURED: 77/27-003-2023-06-051

Проблемы функционирования межгосударственных органов по правам человека в условиях геополитических изменений

Валерий Анатольевич Коннов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, vkonnov@inbox.ru

Аннотация. Предлагается осмыслить основные проблемы деятельности межгосударственных органов по правам человека в современных условиях. Автором поднимаются острые проблемы, возникающие в процессе рассмотрения такими органами индивидуальных, коллективных и межгосударственных жалоб. Акцентируется внимание на результатах широкого толкования отдельными межгосударственными органами международных договоров, противоречие позиций национальных и международных судов. Также анализируется опыт сотрудничества Российской Федерации с Европейским Судом по правам человека. Анализируются проблемы, накапливавшиеся годами. Автор полагает закономерным итогом таких противоречий выход России из-под юрисдикции ЕСПЧ. Делаются предположения о путях развития сотрудничества в рамках межгосударственных органов по правам человека.

Ключевые слова: межгосударственные органы по правам человека, имплементация норм международного права, международные суды, нарушения прав человека

Для цитирования: Коннов В. А. Проблемы функционирования межгосударственных органов по правам человека в условиях геополитических изменений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 145–149. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-145-149>. EDN: MDNZPF.

Original article

Problems of functioning of interstate human rights bodies in the context of geopolitical changes

Valeriy A. Konnov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, vkonnov@inbox.ru

Abstract. It is proposed to comprehend the main problems of the activity of interstate human rights bodies in modern conditions. The author points out the acute problems that arise in the process of consideration by such bodies of individual, collective and interstate complaints. The attention is focused on the results of a broad interpretation of international treaties by individual interstate bodies, on the contradiction of the positions of national and international courts. Also the experience of cooperation between the Russian Federation and the European Court of Human Rights is being analyzed. The problems accumulated over the years are analyzed. The author believes that the natural result of such contradictions was Russia's withdrawal from the jurisdiction of the ECHR. The assumptions about the ways of developing cooperation within the framework of interstate human rights bodies are made.

Keywords: interstate human rights bodies, implementation of international law, international courts, human rights violations

For citation: Konnov V. A. Problems of functioning of interstate human rights bodies in the context of geopolitical changes. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):145–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-145-149>. EDN: MDNZPF.

© Коннов В. А., 2023

Введение.

В 30-е г. ХХI в. мир вошел с накопившимся грузом экономических, политических, идеологических противоречий, которые обусловили начало масштабных изменений во всех сферах международной жизни. Не преувеличением будет отметить, что начавшиеся изменения – это часть большой геополитической трансформации, которая затронет все основные элементы межгосударственных отношений, в том числе и отношений по поводу обеспечения прав человека.

Одним из наиболее удачных примеров международно-правового сотрудничества в последние несколько десятков лет было сотрудничество в области защиты прав человека. Окончание Второй мировой войны подтолкнуло многие государства к принятию международных актов, закрепляющих основные права и свободы человека – Всеобщей декларации 1948 г., Международных пактов 1966 г. и др. Параллельно с правотворчеством в рассматриваемой сфере шел процесс формирования международных контрольных органов, призванных обеспечивать выполнение государствами своих обязательств, вытекающих из заключенных договоров. На универсальном и региональном уровне было создано несколько судебных и внесудебных институтов, наделенных такими функциями. Среди них различные Комитеты Организации Объединенных Наций (Комитет ООН по правам человека, Комитет ООН против пыток, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, Комитет по правам инвалидов и т. д.), а также региональные международные суды по правам человека – Европейский (ЕСПЧ), Межамериканский (МАСПЧ), Африканский (АСПЧ/АФТ). Все эти институты на протяжении многих лет не только разрабатывали предложения по совершенствованию международно-правовой базы, но рассматривали жалобы на нарушения прав человека, формировали свои позиции, вырабатывали решения, многие из которых имплементировались в национальное законодательство, в том числе и в конституции государств. Данный процесс, безусловно, прогрессивный, способствовал гармонизации представлений о правах человека, сближению национальных правовых систем в их нормативном закреплении, становлению сходных внутригосударственных механизмов защиты. Международные нормы о правах человека благодаря таким органам стали «живыми», экстраполированными на конкретные ситуации, в которые попадают граждане в их отношениях с государственными институтами. Выработанная практика позволила государствам выявлять системные и несистемные дисфункции в своих собственных механизмах реализации прав граждан, и корректировать их.

Основная часть.

Вместе с тем, наряду с положительными результатами деятельности международных органов прошедшие десятилетия выявили и определенные проблемы

и противоречия, как в интерпретационной активности таких институтов, так и в отдельных аспектах их функционирования. В современных условиях международной политической нестабильности эти вопросы еще более обострились, создавая массу вопросов о дальнейших перспективах развития всей международной системы защиты прав человека.

Остановимся не некоторых проблемных аспектах функционирования межгосударственных органов по правам человека.

Совершенно очевидно, что за несколько десятилетий функционирования международных органов, в которые имеют право обращаться граждане с жалобами на действия властей, устойчивой системности в их решениях не возникло. Под системностью следует понимать сходность правовых позиций по одним и тем же вопросам, а также о наличии более «сильной», «авторитетной» позиции какого-либо одного международного института, которая служила бы ориентиром для других международных органов при формулировании ими своих мнений. Часть практики по отдельным вопросам имеет перекрестный характер (например, в делах о защите права на справедливое судебное разбирательство Африканский суд ссылался на ЕСПЧ и КПЧ [1]; Межамериканский суд опирается на позиции ЕСПЧ) [2]. Но по многим другим сферам отношений были сформированы отличающиеся позиции (в основном отличия связаны с широтой толкования каких-либо прав), а попытки придать первенство в оценке отдельных ситуаций по жалобам решениям договорных органов ООН (как наиболее представительной и авторитетной организации) не увенчались успехом.

Многие международные органы по защите прав человека являются не юридическими, а политическими по своей сути институтами. Особенно хорошо это просматривается на примере комитетов ООН, решения которых в большинстве своем заканчиваются либо подготовкой докладов Генеральному секретарю организации или ГА ООН, или оформляются в виде документов, которые для государств не являются юридически обязывающими [6]. Это приводит к тому, что гарантии прав человека, вытекающие из деятельности таких органов, размываются, становятся по сути рекомендательными и не решают основной задачи – создать условия, при которых государства будут выполнять взятые на себя обязательства применительно к конкретным жизненным ситуациям, в которые попадают граждане. Таким образом, механизм обеспечения выполнения решений межгосударственных органов остается в большинстве своем слабым [7].

Решения отдельных межгосударственных органов по правам человека нередко становятся предметом критики государств, которые присоединились к таким механизмам и взяли обязательство их исполнять. Проблема состоит в широком формате интерпретационной активности таких органов, т. е. судебного акти-

визма [8]. Расширительное толкование международных норм, на основе которых функционируют такие органы, приводило к тому, что в ряде случаев государства отказывались исполнять решения международных органов как не соответствующие конституции или национальным интересам, а равно отказывались от имплементации в национальное право, не пересматривали на их основе решения национальных судов. Характерным примером являются отдельные решения ЕСПЧ и реакция на них властей соответствующих стран. Ряд государств, в том числе и Россия в разные годы прибегали или к правовой процедуре неисполнения решений международного органа, или к отсрочке его исполнения. Главным аргументом становилось то, что такие решения в их истолковании Межгосударственным органом (в частности Европейским Судом по правам человека – ЕСПЧ) имеют настолько расширенный формат, что де-факто не могут быть исполнены без нарушения основополагающих конституционных или иных законодательных положений. В России в 2015 г., еще задолго до выхода из Совета Европы, в связи с такой ситуацией были приняты поправки в законодательство, позволявшие признавать неисполнимыми отдельные решения международных органов, противоречащие Конституции РФ. Аналогичные ситуации складывались и с решениями Межамериканского и Африканского судов по правам человека [9; 10]. В данном случае стремление международных органов охватить в своей толковательной деятельности как можно больший пласт общественных отношений, а также стремление унифицировать правовые позиции наталкивается на правовые, этические, религиозные и исторические парадигмы, существующие в отдельных странах.

При всем сходстве представлений о ценности основных прав и свобод человека в современном мире (о чем, в частности свидетельствует количество государств, признающих базовые международные акты в этой области), тем не менее, обнаруживается наличие различных подходов к содержанию прав человека, их первичности или вторичности, условиям реализации. Это также отражается на восприятии разными государствами позиций международных органов, многие из которых сформулированы на основании западной правовой традиции. Они подчас не учитывают особенности отдельных стран или даже регионов мира в их подходах к реализации концепции прав человека. Характерным примером является диаметрально разный взгляд на публикацию карикатур на религиозную исламскую тематику, которая в оценке западных стран и отдельных межгосударственных органов осуществляется через концепцию права на свободу слова, а в других – через концепцию самоограничения в реализации права (не пределы, установленные законом, а моральные ограничители). Другим примером различий являются подходы отдельных органов по правам

человека и отдельных государств к вопросам государственного признания прав представителей нетрадиционных межличностных отношений и нетрадиционной самоидентификации. Органы, практика которых основана на западной правовой традиции, неоднократно формулировали правовые позиции, которые не могут быть положительно восприняты в некоторых странах, которые признают их юрисдикцию. Не говоря уже о других странах.

Нельзя не упомянуть о повышении уровня политизированности отдельных межгосударственных органов по правам человека. В частности, с этим столкнулась Российская Федерация в последние годы своего членства в Совете Европы. Ряд решений ЕСПЧ и его правовых позиций был сформирован на фоне откровенной политической поддержки представителями западных государств отдельных лиц, осужденных в России за общеуголовные преступления. В данных решениях вынесенные отечественными судами приговоры бездоказательно объявлялись политически мотивированными. При этом Судом принимались сопутствующие, «обеспечительные» решения, которые при их исполнении означали бы прямое вмешательство в суверенные права Российской Федерации [3]. Также в последние годы стала ясно прослеживаться тенденция использования принятых решений в качестве инструментов политического давления на государство-ответчика. Можно отметить отдельные проявления деятельности ЕСПЧ, которые свидетельствовали о предвзятости и политизированности принимаемых решений:

- скорость вынесения решений; придание приоритета рассмотрению дел, связанных с незаконными действиями оппозиционных лидеров, по сравнению с другими жалобами;
- игнорирование при рассмотрении жалоб негативных последствий, которые повлекли действия отдельных лидеров, в том числе нанесение в результате несанкционированных действий материального ущерба, вреда жизни и здоровью сотрудников правоохранительных органов, а также иных граждан;
- создание обширного и заведомо негативного информационного фона в отношении российского государства в рамках рассмотрения жалоб политических активистов еще до вынесения постановления и вступления его в законную силу;
- практика «замалчивания» и затягивания рассмотрения межгосударственных жалоб, инициатором которых выступала Российская Федерация;
- односторонность и негибкость в делах, затрагивающих вопросы нетрадиционных сексуальных отношений и семейных ценностей, где позиции Суда в подавляющем большинстве не учи-

тывают национальное законодательство в данной сфере, а также культурные, религиозные, национальные особенности стран в контексте этой деликатной темы [4].

Выводы.

Перечень фактов политизированного отношения международного органа к действиям российских властей можно было бы продолжать. Однако следует отметить, что указанные признаки накапливались постепенно, со временем охватывая все новые и новые сферы общественной жизни. При этом решения ЕСПЧ по сходным жалобам против других стран подчас имели другой результат по сравнению с решениями против России. Таким образом, выход России из-под юрисдикции данного межгосударственного органа не был одномоментным решением. К марту 2022 г. накопилось значительное количество противоречий, а события 2022 г. [5], обострившие политическую ситуацию до критического уровня, поставили точку в сотрудничестве, длившемся более 20 лет.

Высказанные соображения о проблемных аспектах функционирования международных договорных органов по защите права человека этим не исчерпываются. Однако даже приведенные проблемы, очевидность которых подтверждена несколькими десятилетиями сотрудничества государств с ними, показывает, что геополитические процессы и их последствия могут усилить противоречия и поставить вопрос о будущем как всей международной системы защиты прав человека, так и о будущем договорных органов. После выхода России из Совета Европы и прекращения сотрудничества с Европейским Судом по политическим причинам, тем не менее, было официально подтверждено, что его практика оказала значительное и положительное влияние на отечественную правовую систему, а сформированные в ходе такого сотрудничества гарантии не будут ослабляться. Тем не менее, Российская Федерация оказалась в настоящее время на распутье – принять концепцию тех государств, которые принципиально не участвуют в международных судебных механизмах по правам человека (как например США), или пойти по пути построения альтернативного ЕСПЧ механизма с другими, дружественными странами. Направление данного вектора пока не определено, но предложения по второму варианту все активнее звучат в отечественном юридическом сообществе.

Список источников

1. The matter of Oumar Mariko v. Republic of Mali. Application № 029/2018. Judgment 24 March 2022 // URL://<https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/624/439/c87/624439c87c5b6035862468.pdf>.
2. Case of Reverón Trujillo v. Venezuela Judgment of June 30, 2009 // URL://https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_197_ing.pdf.

3. Зорькин В. Д. Проблемы имплементации Конвенции о правах человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5. С. 812–819.
4. Татаринов А., Олевич В. ЕСПЧ: от института правосудия к инструменту политического давления. Доклад на международной конференции «Сотрудничество вместо конфронтации», 2–3 апреля 2017 г. // URL://<https://pravfond.ru/upload/iblock/066/066f59041fede48912110002cf7f287c.pdf>.
5. Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы // URL://https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/
6. Солнцев А. М., Конева А. Е. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах. Международное правосудие. 2013; (3). С. 82–93.
7. Косолапов М. Ф. Влияние соображений (мнений) комитетов по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 92–100.
8. Коннов В. А. Эволюция правовых позиций Европейского Суда по правам человека в вопросах защиты прав иностранных граждан в случае их выдворения : анализ дела «Гулиев и Шеина против Российской Федерации» // Вестник московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2021. № 1. С. 160–166.
9. Парра В., Тарее М. Обзор судебной практики Межамериканского суда по правам человека во второй половине 2014 года // Международное правосудие. 2015. № 3. С. 35–49.
10. Парра В., Тарее М. Обзор практики органов межамериканской системы защиты прав человека по делам о свободе мысли и выражения мнения // Международное правосудие. 2014. № 2 (10). С. 44–56.

References

1. The matter of Oumar Mariko v. Republic of Mali. Application № 029/2018. Judgment 24 March 2022 // URL://<https://www.african-court.org/cpmt/storage/app/uploads/public/624/439/c87/624439c87c5b6035862468.pdf>.
2. Case of Reverón Trujillo v. Venezuela Judgment of June 30, 2009 // URL://https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_197_ing.pdf.
3. Zorkin V. D. Problems of implementation of the Convention on Human Rights // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2015. № 5. P. 812–819.
4. Tatarinov A., Olevich V. ECtHR: from an institution of justice to an instrument of political

- pressure. Report at the international conference «Cooperation instead of confrontation», April 2–3, 2017 // URL://<https://pravfond.ru/upload/iblock/066/066f59041fede48912110002cf7f287c.pdf>.
5. Statement of the Russian Foreign Ministry on launching the procedure of withdrawal from the Council of Europe // URL://https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/
 6. Solntsev A. M., Koneva A. E. Legal status of acts of human rights treaty bodies in national legal systems. *International Justice*. 2013; (3). P. 82–93.
 7. Kosolapov M. F. Influence of considerations (opinions) of human rights committees on Russian legislation and law enforcement practice // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2022. № 5 (148). P. 92–100.
 8. Konnov V. A. Evolution of legal positions of the European Court of Human Rights in matters of protection of the rights of foreign citizens in case of their expulsion: analysis of the case «Guliev and Sheina v. Russian Federation» // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'*. 2021. № 1. P. 160–166.
 9. Parra V., Taree M. Review of the jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights in the second half of 2014 // *International Justice*. 2015. № 3. P. 35–49.
 10. Parra V., Taree M. Review of the practice of the bodies of the Inter-American system of human rights protection in cases of freedom of thought and expression // *International Justice*. 2014. № 2 (10). P. 44–56.

Информация об авторе

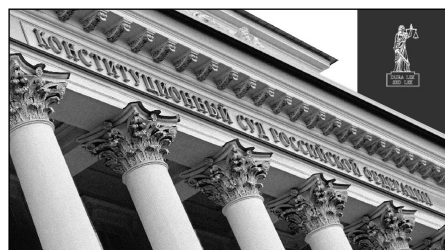
В. А. Коннов – начальник кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. A. Konnov – Head of the Department of human rights and international law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 08.12.2023.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 08.12.2023.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

УЧЕБНИК

Конституционное право России. Учебник. Под науч. ред. Б. С. Эбзеева, В. О. Лучина; под общ. ред. К. К. Гасанова, Л. Т. Чихладзе. 471 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-150-153>

EDN: <https://elibrary.ru/mfeals>

НИОН: 2003-0059-6/23-853

MOSURED: 77/27-003-2023-06-052

Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике беспризорности, безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних

Алексей Владимирович Константинов¹, Наталья Васильевна Михайленко²,

Александр Александрович Вихляев³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ alexk_pochta@mail.ru

² natamvz@gmail.com

³ vih.alexander2011@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые вопросы оказания добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике беспризорности, безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Также приводится современная положительная региональная практика совместной деятельности органов внутренних дел и добровольческих (волонтерских) организаций в исследуемой сфере.

Ключевые слова: волонтеры, добровольцы, добровольческие (волонтерские) организации, органы внутренних дел, беспризорность, безнадзорность, несовершеннолетний

Для цитирования: Константинов А. В., Михайленко Н. В., Вихляев А. А. Оказание добровольческими (волонтерскими) организациями помощи органам внутренних дел в профилактике беспризорности, безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 150–153. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-150-153>. EDN: MFEALS.

Original article

Provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to internal affairs bodies in the prevention of homelessness, neglect and delinquency among minors

Aleksey V. Konstantinov¹, Natalya V. Mikhaylenko², Alexander A. Vikhlyayev³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ alexk_pochta@mail.ru

² natamvz@gmail.com

³ vih.alexander2011@mail.ru

Abstract. Some issues of the provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to internal affairs bodies in the prevention of homelessness, neglect and delinquency among minors are being considered. The modern positive regional practice of joint activities of internal affairs bodies and volunteer (volunteer) organizations in the field under study is being provided.

Keywords: volunteers, volunteers, voluntary (volunteer) organizations, internal affairs bodies, homelessness, neglect, minor

For citation: Konstantinov A. V., Mikhaylenko N. V., Vikhlyayev A. A. Provision by voluntary (volunteer) organizations of assistance to internal affairs bodies in the prevention of homelessness, neglect and delinquency among minors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):150–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-150-153>. EDN: MFEALS.

Одним из наиболее распространенных и социально значимых направлений деятельности волонтерских организаций во взаимодействии с правоохранительными органами остается профилактика социально опасных форм поведения граждан.

Профилактика безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних является комплексным мероприятием, в реализации которого задействован широкий спектр субъектов профилактики: органы государственной власти; исполнительные органы субъектов Российской Федерации; местное самоуправление; обычные граждане, желающие оказать помощь.

Профилактика безнадзорности, беспризорности и правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, может реализовываться добровольческими (волонтерскими) организациями на следующих уровнях:

1) оказание помощи специализированным учреждениям в социальной адаптации и ресоциализации трудных подростков и несовершеннолетних правонарушителей;

2) обеспечение занятости подростков, в отношении которых осуществляются индивидуальные профилактические мероприятия;

3) обеспечение культурно-досуговых мероприятий с участием трудных подростков;

4) предоставление психолого-педагогической помощи несовершеннолетним.

По данным ФСИН России, число людей в возрасте до 25 лет, отбывающих наказание в российских исправительных колониях, сократилось со 195 тыс. в 2007 г. до 52 тыс. в 2019 г. Почти в девять раз сократилось число несовершеннолетних в воспитательных колониях (с 10 700 до 1 155) [5].

За последние 15 лет количество подростков, оказавшихся в колониях для несовершеннолетних в возрасте 14–15 лет, снизилось с 801 до 27, в возрасте 16–17 лет – с 7 300 до 551, молодежи в возрасте 18–19 лет – с 2 441 до 264. Дети-сироты или дети, оставшиеся без родительского попечения, также стали реже попадать в воспитательные колонии (с 1 585 до 106) [1].

Однако, несмотря на положительную статистику, общее число несовершеннолетних, совершающих антиобщественные действия, преступления, в том числе и в случаях недостижения ими возраста юридической ответственности, остается на достаточно высоком уровне. По данным официальной статистики, повторно после прохождения реабилитационных мероприятий в центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел (далее – ЦВСНП) попадают более 25 % [5]. В то же время сами ЦВСНП и социально-реабилитационные центры не в полной мере справляются с реализацией полного цикла мер, направленных на исправление трудных подростков.

В Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорно-

сти и правонарушений несовершеннолетних» наравне с органами внутренних дел и комиссиями по делам несовершеннолетних перечислен широкий спектр субъектов профилактики правонарушений, в том числе добровольческие (волонтерские) организации.

Важными направлениями здесь выступают ранняя профилактика девиантного (отклоняющегося) поведения, своевременная психолого-педагогическая и психиатрическая помощь несовершеннолетним, помощь в их социализации в обществе.

Примером подобной деятельности может служить Центр лечебной педагогики «Особое детство» [3], в котором организовано более 30 регулярных групп для детей с различными нарушениями, в том числе склонных к проявлению девиаций. Каждого ребенка в группе сопровождает взрослый – педагог или волонтер. Сопровождающие бережно относятся к каждому ребенку, помогая адаптироваться к жизни в обществе, нивелируя развитие психических расстройств, фобий, девиантного и делинквентного поведения. Центр взаимодействует с подразделениями по делам несовершеннолетних территориальных органов ГУ МВД России по г. Москве.

Так, 17 ноября 2022 г. волонтерами Центра были проведены мероприятия под лозунгом «Спасибо за отказ», направленные на профилактику курения среди подростков, а 7–16 ноября 2022 г. в рамках Всероссийской оперативно-профилактической акции «С ненавистью и ксенофобией нам не по пути» было проведено 108 рейдов, 22 из которых совместно с инспекторами ОУУПиПДН, 9 – с сотрудниками УВДТ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Можно отметить опыт УМВД России по Амурской области по организации взаимодействия с волонтерскими организациями в сфере работы с трудными подростками и профилактики делинквентного поведения с их стороны [6].

В мае 2019 г. в загородном лагере «Колосок» прошел областной молодежный образовательный форум поддержки инициативной молодежи «МолотОК». В работе мероприятия приняли участие сотрудники УМВД России по Амурской области.

Одним из основных направлений взаимодействия с волонтерами является проведение совместных акций по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи, прежде всего, по пресечению негативного влияния антисоциальных и криминальных групп на подрастающее поколение. Профилактика проявлений терроризма и экстремизма в молодежной среде осуществляется в рамках акций и мероприятий «Мы за мир» и «Молодежь против терроризма и экстремизма».

Регулярно проводятся совместные рейды в рамках акции «Безопасность детства», в процессе которых осуществляется пропаганда здорового образа жизни среди несовершеннолетних и молодежи, проводятся профилактические мероприятия, направленные на не-

допущение фактов нахождения несовершеннолетних в возрасте до 14 лет без сопровождения родителей в местах, представляющих опасность (водоемы, лесополоса и др.).

В июне 2021 г. воспитанников ЦВСНП УМВД России по Амурской области посетили волонтеры – студенты медицинского колледжа, которые в ходе беседы затронули вопросы здорового образа жизни и пагубного влияния привычек на организм. Воспитанникам были вручены буклеты «Бросай курить самостоятельно».

Следует отметить и положительный опыт подготовки кадров волонтерских организаций правоохранительной направленности, предоставленный УМВД России по Ярославской области [7].

Под патронажем УМВД России по Ярославской области действуют молодежные отряды «Юный друг полиции» и «Правопорядок», которые оказывают непосредственную помощь территориальным органам МВД России в работе с трудными подростками, проводят акции и мероприятия, направленные на профилактику социально опасного поведения среди несовершеннолетних, а также ведут активную деятельность в информационно-телекоммуникационных сетях, что позволяет привлекать в ряды волонтеров новых участников, осуществлять действенную правовую пропаганду и непосредственную профилактику правонарушений среди подростков.

Полагаем, что предложенный опыт следует использовать и другим территориальным органам МВД России при работе в данном направлении.

Наиболее востребованными субъектами волонтерства в работе с несовершеннолетними, имеющими склонность к социально опасному поведению, являются:

- 1) волонтеры сопровождения, оказывающие непосредственную индивидуальную помощь воспитанникам;
- 2) профессиональные волонтеры, предоставляющие воспитательным учреждениям свои навыки (выступающие в качестве специалистов педагоги, психологи и др.).

Особого внимания в профилактике социально опасного поведения несовершеннолетних заслуживает деятельность волонтерских центров, занимающихся военно-патриотическим воспитанием, культурным просвещением и пропагандой здорового образа жизни.

Помимо реализуемой направленности в области военно-патриотического сопровождения Всероссийское добровольческое движение «Волонтерская рота» [2] занимается активным экологическим просвещением молодежи (проект «ДобРота»), в рамках которого реализуются многочисленные акции, направленные на привлечение молодежи к общественно полезному труду, проведению и участию в экосубботниках и прочих общественно важных мероприятиях.

Безусловно, помощь волонтерства в осуществлении индивидуальной профилактики девиантного поведения молодежи велика, однако основная превенция социально опасного поведения реализуется

посредством работы с семьями, особенно находящимися в социально опасном положении. Основное направление – профилактика жестокого обращения с несовершеннолетними, превенция семейно-бытового насилия.

Правонарушения в семейно-бытовой сфере по статистике являются одними из наиболее латентных, а насилие, применяемое к несовершеннолетним или одному из родителей в подобных семьях, негативно отражается на подростках, способствует развитию различных девиаций или делинквентности. Помощь семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, также представляет одно из наиболее актуальных направлений современного волонтерства.

Благодаря волонтерским организациям членам указанных семей своевременно оказывается гуманитарная, юридическая, психологическая и социальная помощь. Волонтерская помощь может выражаться как посредством личного участия во взаимодействии с подразделениями по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России, так и путем денежных пожертвований или предоставления иного имущества (продуктов, детского питания, средств гигиены, одежды и др.).

Наиболее известными волонтерскими центрами помощи семьям, оказавшимся в социально опасном положении, ориентированными на профилактику семейно-бытовых конфликтов, являются центр помощи «Мария» (г. Ярославль), кризисный центр «Мария» (г. Ростов), Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Содействие» (г. Ростов), Консорциум женских неправительственных объединений (г. Москва), женский кризисный центр «Китеж» (г. Москва), центр помощи пережившим сексуализированное насилие «Сестры» (г. Москва).

Обратиться в подобные центры и получить добровольческую и профессиональную помощь люди могут как лично (посредством электронного обращения), так и по рекомендации сотрудников органов внутренних дел, проводивших проверку по их обращениям. Кроме профессиональной помощи волонтеры центров реализуют социальное сопровождение (социальная поддержка, помощь в трудоустройстве, социализации, поиске и аренде жилья, оформлении необходимых документов и др.).

Исследование показало, что институт волонтерства в целом позволяет реализовать полный спектр социально-реабилитационных и индивидуально-профилактических мероприятий в области защиты семьи и т. социальное опасных и противоправных действий, в том числе путем проведения комплекса мер, направленных на социальную адаптацию, ресоциализацию трудных подростков и социально-психологическую помощь членам семей, оказавшихся в сложном положении. Тем не менее, взаимодействие между органами внутренних дел и волонтерскими организациями сегодня требует дополнительного внимания со стороны МВД России.

Библиографический список

1. Статистические данные // Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics>.
2. Всероссийское добровольческое молодежное общественное движение «Волонтерская Рота Боевого Братства» // Добро.ру. URL: <https://dobro.ru/organizations/10024269/info>.
3. Стать волонтером // Официальный сайт Центра лечебной педагогики «Особое детство». URL: <https://ccp.org.ru/volonterstvo>.
4. Число молодых заключенных в колониях России за 13 лет сократилось в четыре раза // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7945593>.
5. Численность несовершеннолетних детей и подростков, находящихся в учреждениях временного содержания // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/опендата/7727739372-MVDGIAC39>.
6. Информационное письмо от УМВД России по Амурской области № 1/7625 от 8 июля 2022 г.
7. Информационное письмо от УМВД России по Ярославской области № 1/7625 от 8 июля 2022 г.

Bibliographic list

- 1 Statistical data // Official website of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics>.
- 2 All-Russian volunteer youth social movement «Volunteer Company of the Combat Brotherhood» // <url> URL: <https://dobro.ru/organizations/10024269/info>.
- 3 Become a volunteer // Official website of the Center for therapeutic pedagogy «Special childhood». URL: <https://ccp.org.ru/volonterstvo>.
- 4 The number of young prisoners in Russian colonies has decreased fourfold in 13 years // TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7945593>.
- 5 The number of minor children and adolescents in temporary detention facilities // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/опендата/7727739372-MVDGIAC39>.
- 6 Information letter from the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Amur Region № 1/7625 dated July 8, 2022.
- 7 Information letter from the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Yaroslavl region № 1/7625 dated July 8, 2022.

Информация об авторах

А. В. Константинов – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Н. В. Михайленко – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. А. Вихляев – преподаватель кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

A. V. Konstantinov – Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the field of information and telecommunication technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

N. V. Mikhaylenko – Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the field of information and telecommunication technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. A. Vikhlyayev – Lecturer of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 04.09.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 04.09.2023.

Научная статья

УДК 343.7

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-154-158>

EDN: <https://elibrary.ru/lutwki>

НИОН: 2003-0059-6/23-854

MOSURED: 77/27-003-2023-06-053

К вопросу о способах совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Николай Александрович Кузьмин¹, Дмитрий Владимирович Иванюшин²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kyzminn80@mail.ru

Аннотация. В статье говорится о развитии информационных технологий и все большем использовании населением нашей страны бесконтактных способов оплаты товаров и услуг. В этой связи широкое распространение получили кражи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, при которых преступники используют разнообразные способы их совершения. Рассмотрены наиболее типичные способы совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на современном этапе.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, способы совершения краж, база данных, оперативно-розыскная деятельность, персональные данные, банковская карта, раскрытие краж

Для цитирования: Кузьмин Н. А., Иванюшин Д. В. К вопросу о способах совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 154–158. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-154-158>. EDN: LUTWKI.

Original article

On the issue of methods of committing thefts using information and telecommunication technologies

Nikolay A. Kuzmin¹, Dmitry V. Ivanyushin²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kyzminn80@mail.ru

Abstract. The article talks about the development of information technologies and the increasing use of contactless payment methods for goods and services by the population of our country. In this regard, thefts using information and telecommunication technologies have become widespread, in which criminals use a variety of ways to commit them. The most typical ways of committing thefts using information and telecommunication technologies at the present stage are considered.

Keywords: information and telecommunication technologies, methods of theft, database, operational investigative activities, personal data, bank card, theft disclosure

For citation: Kuzmin N. A., Ivanyushin D. V. On the issue of methods of committing thefts using information and telecommunication technologies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):154–158. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-154-158>. EDN: LUTWKI.

В последние годы с развитием информационных технологий все большее распространение получают бесконтактные способы оплаты, онлайн-покупки, из оборота вытесняются наличные денежные средства, в связи с чем, кражи с банковских счетов стали одной из наиболее распространенных форм дистанционных хищений. Киберпреступники используют

различные методы получения доступа к банковским данным и все более изощренные способы совершения дистанционных краж.

В нашей статье будут рассмотрены наиболее типичные способы совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Современный уровень развития преступности по-

звояет констатировать, что в связи с огромным многообразием и непрерывным модифицированием различных способов краж денежных средств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе организованными группами и преступными сообществами, правоохранительным органам необходимо тщательно изучать особенности таких преступлений [12].

Ключевой особенностью краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, является большое количество разнообразных способов их совершения. Как совершенно справедливо отмечает Н. В. Грязева, способы совершения преступлений позволяют ограничивать круг подозреваемых, выбрать соответствующие методы и средства их изобличения и розыска, а также выяснять ключевых обстоятельства, которые нужно установить [8].

Стоит также отметить, что для наиболее эффективного осуществления оперативно-розыскной деятельности по раскрытию краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, безусловно, требуется знание способов их совершения.

Заметим, что способ совершения преступления является неотъемлемой частью оперативно-розыскной характеристики преступлений [11].

С позиции оперативно-розыскной характеристики способы преступных действий определяют алгоритм образования следов краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Обнаружение, тщательный анализ таких следов позволяют устанавливать, прежде всего, события, факты и обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания.

На данный момент, в оперативно-розыскной науке принято рассматривать типичные способы совершения преступлений в рамках криминалистического учения о способе их совершения [7]. Нельзя не согласиться с точкой зрения Г. Г. Зуйкова, который предложил рассматривать способ совершения преступления как взаимосвязь предпринимаемых преступником действий при подготовке, совершении и сокрытии противоправных деяний [9].

Данная мысль в дальнейшем получила свое развитие и рассматривалась С. И. Коноваловым и О. В. Айвазовой в междисциплинарном аспекте [10].

В контексте краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, способ совершения данных преступлений позволяет оценивать степень общественной опасности и определять соответствующее наказание. В связи с этим законодатель включает способ совершения в обстоятельства, необходимые для доказывания в уголовном процессе (ст. 73 УПК РФ), а также требует его указания в обвинительном заключении и приговоре (ст. 220, 351 УПК РФ) [1].

Анализ судебной, следственной и оперативно-розыскной практики позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время наиболее типичными и распространенными способами совершения краж с использованием информационно-телекоммуникационных технологий являются:

1) снятие денежных средств из банкомата при помощи похищенной или утерянной банковской карты, в случаях, когда преступник знает ПИН-код банковской карты [4];

2) хищение денежных средств путем оплаты товаров или услуг на сумму до 1000 рублей при помощи чужой банковской карты, поддерживающей функцию бесконтактной оплаты – NFC [5];

3) хищения, совершаемые с помощью поддельной банковской карты, изготовленной по отсканированным электронным образам платежных карт в результате скимминга, с использованием высокотехнологичных технических средств, с последующим снятием денежных средств или оплатой товаров и услуг (в соответствии с п. 25.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [2]);

4) хищения, совершаемые путем завладения преступниками сотового телефона потерпевшего, на котором установлено мобильное приложение банка, с последующим переводом денежных средств на подконтрольный им счет. Указанный способ иллюстрирует приговор Шипуновского районного суда Алтайского Края от 30 марта 2021 г., согласно которому подсудимая Бодрова Г. С., имея доступ к мобильному приложению «Сбербанк Онлайн» с открытым на имя потерпевшего Б. С. И. банковским счетом, совершила хищение денежных средств с использованием указанного приложения с банковского счета, причинив потерпевшему значительный материальный ущерб [6; 13];

5) хищения, совершаемые путем обмана или злоупотреблением доверием с использованием методов социальной инженерии, при которых преступники убеждают потерпевших сообщить конфиденциальные реквизиты банковской карты, контрольные слова, пароли, необходимые для хищения денежных средств, после чего используют указанную информацию для противоправного завладения денежными средствами; (в соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [3]).

Как правило, данный способ характерен для случаев, когда потерпевшему поступает телефонный звонок с подменного номера, идентичного номеру горячей линии банка и звонивший представляется сотрудником службы безопасности, после чего введя потерпевшего в заблуждение злоумышленник просит назвать необходимую конфиденциальную информацию, например полные данные банковской карты, коды подтверждения, присланные на абонентский номер потерпевшего

и т. д., после чего преступники используют данную информацию для кражи денежных средств;

б) хищения, при которых преступники используют учетные данные потерпевшего, вне зависимости от способа их получения, не оказывая при этом противоправного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. Данный вид кражи денежных средств с банковского счета или в отношении электронных денежных средств осуществляется путем подбора логинов и паролей, полученных из утекших в сеть баз данных для входа в мобильное приложение банка, или аккаунты интернет-магазинов, после чего злоумышленники используют полные реквизиты банковской карты, в том числе CVC-код, а затем, похищают денежные средства.

Приведенные выше типичные варианты действий виновных могут быть условно разделены на «бытовые» способы хищений денежных средств, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и «профессиональные» способы дистанционных краж денежных средств. Примитивность действий субъектов на подготовительном и непосредственном этапах, а также минимальное число действий, направленных на сокрытие следов и иных обстоятельств преступлений, характерны для «бытовых» способов. С другой стороны, «профессиональные» способы, включают в себя целый комплекс действий, призванных подготовить хищение и минимизировать раскрытие следов преступления.

Если речь идет о «профессиональных» способах совершения рассматриваемых краж, необходимо отметить использование преступниками таких программно-технических возможностей как: SSL-шифрование, PROXY, TOR-браузер, VPN-сервисы, которые дают им возможность менять текущий IP-адрес и сохранять анонимность.

Наряду с этим, преступники нередко активно используют SIP-телефонию, что позволяет им также оставаться анонимными и подменять исходящие номера. Характерными чертами SIP-телефонии является то, что от «звонящего» не требуется наличие аппарата сотовой связи и регистрации в сети базовых станций операторов сотовой связи. Звонки осуществляются через компьютер или смартфон, на котором установлено соответствующее приложение, передающее информацию по протоколу IP. Абонентские номера, используемые в данном виде телефонии, не имеют физического носителя, то есть сим карты, в связи с чем, получить информацию об указанном номере с привязкой к какой-либо базовой станции весьма проблематично. Представляется возможным лишь получение информации об IP-адресе, с которого происходило подключение к SIP-провайдеру, однако, и это зачастую невозможно из-за указанных выше средств анонимности.

Рассматривая основные способы совершения краж

с использованием информационно-телекоммуникационных технологий нельзя не затронуть вопрос утечки данных в различных IT-корпорациях, интернет-магазинах, сотовых компаниях, банках, инвестиционных компаниях, коммерческих фирмах. Чаще всего, в открытый доступ попадают персональные данные граждан, которые являются сотрудниками или клиентами организации, в которой произошел такой инцидент, сведения, составляющие коммерческую тайну, секреты производства, а также сведения, составляющие иную охраняемую законом тайну.

Утечки информации стоит разделить на умышленные, случайные, а также неуставленные. За умышленными инцидентами стоят, как правило, организованные группы хакеров, действующих в своих интересах либо по заказу заинтересованной стороны, а также сотрудники кредитных организаций, которые хотят заработать на продаже персональных данных [14].

На данный момент, приобрести базы данных, содержащие персональные данные граждан, их паспортные данные, адрес регистрации, абонентские номера, адреса электронной почты, логины и пароли, а также сведения о банковских счетах возможно на площадках так называемого «Даркнета» и в «телеграмм-каналах», как правило, за криптовалюту.

Подобные базы используются злоумышленниками весьма активно при совершении краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Таким образом, кражи, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, стали серьезной проблемой в мире информационных технологий. Преступники используют различные способы совершения таких преступлений, которые постоянно меняются и совершенствуются.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.06.2023).
4. Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 21 июля 2022 г. по уголовному делу № 1-994/2022 [электронный ресурс]. URL: <https://nvs--spb.sudrf.ru/modules>.

- php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=662138030&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.
- Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 27 июля 2022 г. по уголовному делу № 1-362/2022 [электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/criminal/details/e8fdf2c0-b111-11ec-a198-238be44e7ea5>.
 - Приговор Шипуновского районного суда Алтайского Края от 30 марта 2021 г. по уголовному делу № 1-22/2021 [электронный ресурс]. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/yvQ8q6laYsN8/>.
 - Бессонов А. А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 171–173.
 - Грязева Н. В. Актуальные способы совершения мошенничеств с использованием средств сотовой связи в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н. В. Грязева, А. П. Некрасов // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4 (40). С. 33–42.
 - Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1970. 31 с.
 - Коновалов С. И., Айвазова О. В. Междисциплинарный характер категории «способ преступления» : проблемы соотношения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических аспектов // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 4. С. 17–22.
 - Ларичев В. Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (Сыщик). 2009. № 1 (18). С. 11–16.
 - Попова Т. В. Способы и преступные схемы хищений денежных средств с лицевых счетов банковских карт граждан // Т. В. Попова, А. В. Котязов // Академическая мысль. 2018. № 2(3). С. 110–117.
 - Приговор Заводского районного суда г. Орла от 23 июня 2022 г. по уголовному делу № 1-174/2022 [электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/70166513>.
 - Суд раскрыл детали утечки данных клиентов из Сбербанка в 2019 году [электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/02/2021/602bd7959a7947398c66c895>.
 - Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 29 of December 27, 2002 «On Judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 11.06.2023).
 - Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 30, 2017 № 48 «On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement» // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 11.06.2023).
 - The verdict of the Nevsky District Court of St. Petersburg dated July 21, 2022 in criminal case № 1-994/2022 [electronic resource]. URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=662138030&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.
 - The verdict of the Tverskoy District Court of Moscow dated July 27, 2022 in criminal case № 1-362/2022 [electronic resource]. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/criminal/details/e8fdf2c0-b111-11ec-a198-238be44e7ea5>.
 - The verdict of the Shipunovsky District Court of the Altai Territory of March 30, 2021 in criminal case № 1-22/2021 [electronic resource]. URL: <https://www.sudact.ru/regular/doc/yvQ8q6laYsN8>.
 - Bessonov A. A. The method of crime as an element of its criminalistic characteristics // Gaps in Russian legislation. 2014. № 4. P. 171–173.
 - Gryazeva N. V. Actual methods of committing frauds using cellular communications in institutions of the penal system / N. V. Gryazeva, A. P. Nekrasov // Bulletin of the Samara Law Institute. 2020. № 4 (40). P. 33–42.
 - Zuikov G. G. Criminalistic teaching about the method of committing a crime : abstract. dis. ...Dr. jurid. sciences. M., 1970. 31 p.
 - Kononov S. I., Aivazova O. V. Interdisciplinary nature of the category “method of crime”: problems of correlation of criminal law, criminal procedure and criminalistic aspects // Jurist-Pravoved. 2007. № 4. P. 17–22.
 - Larichev V. D. Operational-investigative characteristics of economic crimes: concept and content // Operative (Detective). 2009. № 1 (18). P. 11–16.
 - Popova T. V. Methods and criminal schemes of embezzlement of funds from personal accounts of bank cards of citizens // T. V. Popova, A.V. Kotyazhov // Academic thought. 2018. № 2(3). P. 110–117.
 - Verdict of the Zavodsky District Court of Orel dated June 23, 2022 in criminal case № 1-174/2022 [electronic resource]. URL: <https://судебныерешения.рф/70166513>.

References

- The Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 22.11.2023) // LRS «ConsultantPlus» (accessed: 11.06.2023).

14. The court revealed details of the leakage of customer data from Sberbank in 2019 [electronic

resource]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/16/02/2021/602bd7959a7947398c66c895>.

Информация об авторах

Н. А. Кузьмин – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

Д. В. Иванюшин – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. A. Kuzmin – Head of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

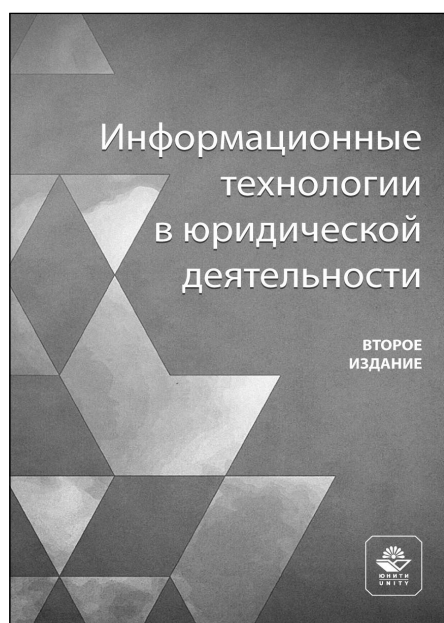
D. V. Ivanyushin – Associate Professor of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted 28.06.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 20.10.2023.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий.

Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т.д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34.343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-159-163>

EDN: <https://elibrary.ru/llvifo>

НИОН: 2003-0059-6/23-855

MOSURED: 77/27-003-2023-06-054

Неконтролируемые финансовые потоки, связанные с незаконным оборотом наркотиков, как способ сокрытия преступной деятельности

Александр Викторович Куликов¹, Илья Юрьевич Железняк²

^{1,2} Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия

¹ bmw0052@rambler.ru

² zheleznyak.iy@gmail.com

Аннотация. Незаконный оборот наркотиков является одним из самых прибыльных видов преступной деятельности. Промышленная глобализация стимулировала процессы внедрения финансовых инноваций и новых технологий таких как мобильные платежи и цифровые валюты, что позволило наркодилерам резко повысить рентабельность своего преступного бизнеса. Именно поэтому в статье по вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков уделено особое внимание незаконному движению капиталов.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, инновации, цифровые валюты, майнинг, транзакция, противодействие

Для цитирования: Куликов А. В., Железняк И. Ю. Неконтролируемые финансовые потоки, связанные с незаконным оборотом наркотиков, как способ сокрытия преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 159–163. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-159-163>. EDN: LLVIFO.

Original article

Uncontrolled financial flows related to drug trafficking as a way to conceal criminal activity

Alexander V. Kulikov¹, Ilya Yu. Zheleznyak²

^{1,2} Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad, Russia

¹ bmw0052@rambler.ru

² zheleznyak.iy@gmail.com

Abstract. Drug trafficking is one of the most profitable types of criminal activity. Industrial globalization stimulated the introduction of financial innovations and new technologies such as mobile payments and digital currencies, which allowed drug dealers to dramatically increase the profitability of their criminal business. That is why the article on countering drug trafficking pays special attention to the illegal movement of capital.

Keywords: drug trafficking, innovation, digital currencies, mining, transaction, counteraction

For citation: Kulikov A. V., Zheleznyak I. Yu. Uncontrolled financial flows related to drug trafficking as a way to conceal criminal activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):159–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-159-163>. EDN: LLVIFO.

В докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год вопросам незаконных финансовых потоков, связанным с незаконным оборотом наркотиков, посвящена первая глава документа. В ней констатируется, что на фоне быстрого расширения мирового рынка новых финансовых услуг, основанных на использовании передовых информаци-

онно-коммуникационных технологий, стремительно возрастает угроза со стороны незаконных финансовых потоков, связанных с незаконным оборотом потенциально опасных веществ [4, п. 52].

В документе Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году приведены статистические данные об ис-

пользовании в незаконном обороте наркотиков электронных платежных систем международного и национального форматов, электронных бирж, в том числе криптовалют. Так, в 2020 году зарегистрировано 296 (2019 г. – 297) случаев, расследовано 308 (+10,8 % по отношению к 2019 году) преступлений, связанных с легализацией наркодоходов. В целях противодействия легализации наркодоходов Росфинмониторингом проверена информация в рамках более 2,7 тысячи первичных запросов. С использованием материалов Росфинмониторинга, связанных с незаконным оборотом наркотиков, возбуждено 203 уголовных дела (в 2019 г. – 146) [2, с. 17].

В 2021 году в целом наркоситуация в Российской Федерации оценивалась по специальной шкале как «нейтральная», в отличие от «сложной» в 2020 году. По оценкам профильных экспертов, введение санкций зарубежными государствами по отношению к Российской Федерации и принятие ответных мер, в том числе в финансовой сфере, затруднит перемещение наркотиков на российскую территорию. Ограничение трансграничных денежных переводов активизирует использование международными наркокартелями криптовалют в расчетах за наркотики. В 2021 г. правоохранительными органами зарегистрировано 267 (-9,8 %; 2020 г. – 296) фактов легализации доходов от незаконного оборота наркотиков. Установленная сумма легализованных доходов от незаконного оборота наркотиков (денежных средств или иного имущества по окончанным предварительным расследованием уголовным делам) составила 486 млн 919 тыс. рублей [3, с. 16–43].

Следует признать, что данные цифры ничтожно малы по отношению к реальной действительности. Но этому есть вполне понятные объяснения. Росфинмониторинг контролирует все крупные транзакции, но он не может определять цели, для которых они предназначены, и источники доходов, из которых они получены. Это прерогатива следственных органов, которые зачастую не обладают достаточными доказательствами того, что денежные средства получены именно от наркоторговли, вследствие предшествующей легализации (отмывания) денежных средств. Выше приведенные статистические данные касаются фиатных денег, но еще более сложная ситуация с использованием криптовалюты как средства платежа в процессе торговли наркотиками. Росфинмониторинг не располагает возможностями контролировать этот рынок.

Так, А. Н. Литвиненко и Р. Р. Тотоев указывают на то, что в последние годы использование криптовалюты для целей незаконного оборота психоактивных веществ резко возросло. Это связано, во-первых, с возможностью сохранения анонимности; во-вторых, с легкостью и простотой использования информационно-коммуникационных технологий и скоростью совершения конвертаций денежных средств в вирту-

альные денежные инструменты и наоборот [6, с. 292], также отсутствием транзакционных платежей каждому промежуточному банку.

Все указанные достоинства использования криптовалюты по достоинству оценены финансовыми властями России и в настоящее время Центробанк РФ работает над поправками в федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. Основные положения закона, которые известны уже сегодня: криптовалюта в России не будет признана платежным средством; зарубежные расчеты криптовалютой будут возможны только государством также как и майнинг; накопления физических лиц в криптовалюте будет признано незаконным также как и майнинг.

Глава Центробанка России Э. Набиуллина в феврале 2023 года сказала: «ЦБ готов допустить частичное использование криптовалют» [7].

Допущение расчетов в криптовалюте для субъектов внешнеэкономической деятельности и государственных расчетов через специально созданные финансовые структуры объясняется наличием санкций и целого ряда финансовых ограничений России.

Что касается частных держателей криптовалюты, то планируемый запрет позволит, по мнению заинтересованных государственных учреждений, поднять уровень противодействия незаконному обороту запрещенных веществ и предметов, торговле оружием, терроризму и т. д. Майнинг будет преследоваться по закону.

Основной признак незаконного майнинга – круглосуточное повышенное потребление электроэнергии. Вычислить майнера не сложно – достаточно проанализировать профиль потребления электроэнергии, но при этом, чтобы доказать преступление, нужно найти необходимое оборудование. Других способов пока не существует. Но и указанный способ не представляется надежным, поскольку уже сегодня существует так называемый «скрытый майнер», под которым подразумевается программа-вирус, использующая ресурсы чужих компьютеров для добычи криптовалюты. Делается это в автоматическом режиме без ведома пользователя и без каких-либо предупреждений.

Следует признать, что наркобизнес, используя инновационные разработки, к сожалению, опережает в своем развитии средства противодействия.

В сложившихся условиях следует обратиться к опыту других стран, которые обнародованы в докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год. ФБР США создали платформу с криптографической защитой Anom, находившейся под негласным управлением Бюро, для целей пресечения деятельности преступных организаций, которые использовали данную платформу в целях распространения наркотиков.

К июню 2021 года ФБР совместно со спецслуж-

бами 16 стран и Европолом провели международную полицейскую операцию, в результате которой было произведено свыше 800 арестов, изъято почти 9 тонн кокаина, более 20 тонн каннабиса и смолы каннабиса, 8 тонн синтетических наркотиков. Кроме того, благодаря перехвату 27 миллионов сообщений на платформе Anom правоохранные органы получили оперативные данные об имеющихся каналах крупномасштабных перемещений наркотиков (транснациональной контрабанде). Иными словами, США провели успешный оперативный эксперимент.

В 2020 и 2021 годах в Европе были расшифрованы устройства информационно-телекоммуникационной связи, которые использовались наркогруппами. Это позволило пресечь преступную деятельность в разных странах Европы и произвести масштабные изъятия наркотиков и потенциально опасных химических веществ, а также ликвидировать крупные подпольные лаборатории. Кроме того, был получен большой объем информации о деятельности крупных преступных сообществ.

Власти Бельгии, Нидерландов и Франции в сотрудничестве с Европолом и Евроюстом пресекли деятельность целого ряда преступных сообществ, нарушив работу системы обмена зашифрованными сообщениями Sky ECC, которая использовалась наркоторговцами. Это позволило правоохранным органам провести в феврале и марте 2021 года ряд операций по задержанию и изъятию кокаина в порту Антверпена общим объемом более 27 тонн [4, п.п. 803, 808, 809].

Если в России будет реализована работа по включению искусственного интеллекта в систему противодействия распространения наркотиков, то и мы получим не менее внушительные результаты, но для этого необходимо соответствующее оборудование и программное обеспечение, что в настоящее время недостижимо по причине экономических и финансовых санкций.

В частности, В. С. Гапонов пишет, что в борьбе как с оборотом наркотиков в телекоммуникационной сфере, так и с легализацией полученных наркодоходов, имеется критическая нехватка штатных специалистов с высоким уровнем квалификации в области программирования и интернет-технологий. Он считает целесообразным активизировать привлечение отдельных лиц к проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия профильным подразделениям. При этом акцент следует сделать на лицах, которые, несмотря на уровень образования, фактически обладают высокой квалификацией, в том числе противоправной: веб-мастера, майнеры, хакеры и т. д. [1, с. 9].

Международной аналитической Группой по разработке финансовых мер по борьбе с отмыванием денег является FATF (Financial Action Task Force). Она была учреждена в ходе Парижской встречи G7 в июле

1989 года. Создание Группы стало ответом на возросшие объемы отмываемых преступных доходов во всем мире. С учетом сложности работы по выявлению грязных денег в международной финансовой системе возникло понимание неотложности разработки коллективных мер противодействия финансовым преступлениям. Российская Федерация принята в члены в июне 2003 года.

В декабре 2022 года FATF опубликовала доклад об отмывании денег от фентанила и синтетических опиоидов, употребление которых за последнее десятилетие привел к сотням тысяч смертей от передозировки наркотиков. В отчете рассматривались способы отмывания доходов от незаконного оборота указанных психоактивных веществ. Группа FATF зафиксировала использование организованными преступными группами контрабанды наличных в больших объемах через курьеров, отмывание денег через торговлю и виртуальные активы (криптовалюту), а также подставные компании и услуги профессиональных «отмывателей» преступных доходов.

Основная направленность отчета – это повышение осведомленности о торговле опиоидами, об использовании химических веществ-прекурсоров, и связанных с этим глобальных финансовых потоках. Группа дала рекомендации по лучшим подходам к обнаружению и разрушению преступных сетей, обучению прокуроров и соответствующих органов проведению финансовых расследований, в том числе в цепочке поставок наркотиков и прекурсоров, о рисках, торговых площадок даркнета и виртуальных активов (криптовалюты). В отчет включены соответствующие индикаторы риска, которые помогут выявить потенциальный оборот незаконных синтетических опиоидов и денежных средств от их продажи [5].

К сожалению, 22–24 февраля 2023 года на пленарном заседании Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег принято политизированное решение о приостановке членства Российской Федерации в ФАТФ.

Данное решение ФАТФ не влечет никаких обязательств и ограничений для финансовых институтов в России и за рубежом. «Российская «антиотмывочная» система продолжит функционирование в соответствии с действующим законодательством», – заявили в службе Росфинмониторинга [9].

Следует признать, что FATF нанесла серьезный удар по отмыванию денежных средств в России, поскольку ранее кредитно-финансовые учреждения нашей страны, как участницы Группы, имели возможность обмениваться сведениями о крупных подозрительных движениях капитала, в том числе полученных от продажи наркотиков. Теперь такие возможности исключены, что значительно повышает риски оказаться «отмывочной» страной для легализации криминальных доходов различных преступных сообществ.

В «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 заявлено, что появление новых форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), усиление ими конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием информационных, коммуникационных и других новых технологий, названы новыми угрозами национальной безопасности в сфере оборота наркотических средств [10].

На наш взгляд, с учетом этих новых угроз необходимо активизировать деятельность Росфинмониторинга и расширить международное сотрудничество в различных организационных формах в аспекте финансовых мер борьбы с отмыванием денег в сфере нелегального оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Список источников

1. Гапонов В. С. К вопросу о недостатках ресурсного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в противодействии легализации (отмыванию) наркодоходов // Научный компонент. 2022. № 4 (16). С. 6–10.
2. Доклад Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году // Электронный ресурс]. URL: https://prim-hasan.ru/assets/files/OfInformation/Komissii_aXMP/Narkotiki-2020_RF-doklad.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
3. Доклад Государственного антинаркотического комитета о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году // Электронный ресурс]. URL: https://adm.astrobl.ru/storage/documents/226926_Доклад-о-наркоситуации-в-РФ-в-2021-году.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
4. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год // Электронный ресурс]. URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2022/INCB/INCB_2021_Report_R.pdf (дата обращения: 11.03.2023).
5. Доклад FATF об отмывании денег от фентанила и синтетических опиоидов // Сетевое издание «X-Compliance» 09.12.2022 // [Электронный ресурс]. URL: <https://xco.news/article/2022/12/09/fatf-opublikovala-doklad-ob-otmyvanii-deneg-ot-fentanila-i-sinteticheskikh-opioidov>.
6. Литвиненко А. Н., Тотоев Р. Р. Направления финансовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств : организационный аспект // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 288–294.
7. Набиулина Э. С. ЦБ готов допустить частичное использование криптовалют // РИА Новости 10.02.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230210/kripto-1851213520.html> (дата обращения: 24.02.2023).
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2023).
9. FATF приостановила членство России в организации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/887639> (дата обращения: 25.03.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный Интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011230073?index=1&rangeSize=1>.

References

1. Gaponov V. S. On the issue of the shortcomings of the resource provision of operational investigative activities in countering the legalization (laundering) of drug proceeds // Scientific component. 2022. № 4 (16). P. 6–10.
2. Report of the State Anti-Drug Committee on the drug situation in the Russian Federation in 2020 // [Electronic resource]. URL: https://prim-hasan.ru/assets/files/OfInformation/Komissii_aXMP/Narkotiki-2020_RF-doklad.pdf (accessed: 15.03.2023).
3. Report of the State Anti-Drug Committee on the drug situation in the Russian Federation in 2021 // [Electronic resource]. URL: https://adm.astrobl.ru/storage/documents/226926_Report-on-the-drug-situation-in-the-Russian-Federation-in-2021.pdf (accessed: 15.03.2023).
4. Report of the International Narcotics Control Board for 2021 // [Electronic resource]. URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2022/INCB/INCB_2021_Report_R.pdf (accessed: 11.03.2023).
5. FATF Report on Money Laundering from Fentanyl and Synthetic Opioids // Online edition «X-Compliance» 09.12.2022 // [Electronic resource]. URL: <https://xco.news/article/2022/12/09/fatf-opublikovala-doklad-ob-otmyvanii-deneg-ot-fentanila-i-sinteticheskikh-opioidov>.
6. Litvinenko A. N., Totoev R. R. Directions of financial struggle against illicit drug trafficking : organizational aspect // Bulletin of Economic Security. 2022. № 1. P. 288–294.

7. Nabiulina E. S. The Central Bank is ready to allow partial use of cryptocurrencies// RIA Novosti 10.02.2023 [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20230210/kripto-1851213520.html> (accessed: 24.02.2023).
8. On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 // [Electronic resource]. Access from help.-legal system «Consultant plus» (accessed: 25.03.2023).
9. FATF suspended Russia's membership in the organization [Electronic resource]. URL: <https://www.interfax.ru/business/887639> (accessed: 25.03.2023).
10. Decree of the President of the Russian Federation dated 23.11.2020 № 733 «On approval of the Strategy of the State anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030» // Official Internet Portal of Legal information // [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202011230073?index=1&rangeSize=1>.

Информация об авторах

А. В. Куликов – профессор Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ;

И. Ю. Железняк – аспирант высшей школы права Балтийского федерального университета имени И. Канта.

Information about the authors

A. V. Kulikov – Professor of the Educational and Scientific Cluster «Institute of Management and Territorial Development» of the Baltic Federal University named after I. Kant, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

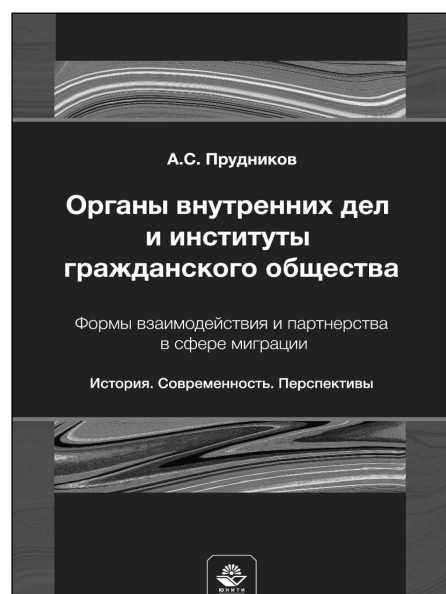
I. Yu. Zheleznyak – Postgraduate Student of the Higher School of Law of the Baltic Federal University named after I. Kant.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023; одобрена после рецензирования 12.07.2023; принята к публикации 14.09.2023.

The article was submitted 15.05.2023; approved after reviewing 12.07.2023; accepted for publication 14.09.2023.

Органы внутренних дел и институты гражданского общества. Формы взаимодействия и партнерства в сфере миграции. История. Современность. Перспективы. Монография. Прудников А.С. 183 с.

Монография подготовлена с учетом новых теоретических и научно-практических подходов к изучению основ институтов гражданского общества, закрепляющих их правовое положение, анализ форм участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля, а также их взаимодействия и партнерства с органами публичной власти в сфере миграции.

Для курсантов, слушателей образовательных учреждений МВД России, преподавателей юридических вузов, а также практических сотрудников подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-164-169>

EDN: <https://elibrary.ru/qufcmr>

НИОН: 2003-0059-6/23-856

MOSURED: 77/27-003-2023-06-055

Возбуждение дела по административно-деликтному законодательству Российской Федерации и государств – участников СНГ: структура стадии

Ольга Владимировна Курбатова¹, Любовь Львовна Сакулина², Анна Сергеевна Звездкина³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Statya2015@mail.ru

² sl13@rambler.ru

³ 6130994@mail.ru

Рецензент: кандидат юридических наук, доцент Б. Ц. Жалсанов

Аннотация. Рассматриваются положения административно-деликтного законодательства Российской Федерации и стран – участников СНГ, позволяющие выявить элементы первоначальной стадии производства по делу об административном правонарушении – возбуждения дела. В результате анализа выявлены сходство и отличия в структуре стадии возбуждения дела.

Ключевые слова: возбуждение дела, стадия, структура, правонарушение, процессуальное оформление, административное расследование, приостановление производства, примирение сторон, прекращение производства

Для цитирования: Курбатова О. В., Сакулина Л. Л., Звездкина А. С. Возбуждение дела по административно-деликтному законодательству Российской Федерации и государств – участников СНГ: структура стадии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 164–169. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-164-169>. EDN: QUFCMR.

Original article

Initiation of proceedings under the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS Member States: the structure of the stage

Olga V. Kurbatova¹, Lyubov L. Sakulina², Anna S. Zvezdkina³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ Statya2015@mail.ru

² sl13@rambler.ru

³ 6130994@mail.ru

Reviewer: Candidate of Legal Sciences, Associate Professor B. Ts. Zhalsanov

Abstract. The provisions of the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS member countries are being considered, which allow identifying elements of the initial stage of proceedings on an administrative offense – the initiation of a case. The analysis revealed similarities and differences in the structure of the initiation stage of the case.

Keywords: initiation of a case, stage, structure, offense, procedural registration, administrative investigation, suspension of proceedings, reconciliation of the parties, termination of proceedings

For citation: Kurbatova O. V., Sakulina L. L., Zvezdkina A. S. Initiation of proceedings under the administrative and tort legislation of the Russian Federation and the CIS Member States: the structure of the stage. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):164–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-164-169>. EDN: QUFCMR.

В Российской Федерации в течение длительного периода обсуждается идея о необходимости кардинального обновления законодательства в области административной ответственности, ее материальных и процессуальных основ. Несмотря на то, что в середине 2020 года были опубликованы проекты федеральных законов «Кодекс

Российской Федерации об административных правонарушениях» [1] и «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [2], до настоящего момента решение о принятии их отложено, что говорит о множестве нерешенных проблем в административно-деликтной сфере.

© Курбатова О. В., Сакулина Л. Л., Звездкина А. С., 2023

Выработка предложений по совершенствованию отечественного законодательства об административной ответственности и административном процессе юрисдикционного характера возможна, в том числе, как подчеркивают В. М. Редкоус и Ю. А. Тихомиров, с учетом положительного зарубежного опыта правового регулирования однотипных общественных отношений [3], обусловленного влиянием других национальных правовых систем и международного права в связи с интеграционными процессами и расширением сотрудничества государств в экономической, социальной и иных сферах [4, с. 82].

Целесообразность изучения опыта государств СНГ, образовавшихся на месте распавшегося СССР, по мнению Д. Н. Шурухновой, определяется тем, что несмотря на сходство законодательства в административно-деликтной сфере, в нем присутствуют некоторые особенности, которые могут быть подвергнуты оценке с точки зрения адаптации передовых и эффективных практик в национальном законодательстве и правоприменительной деятельности по вопросам привлечения к административной ответственности [5].

В рамках данной статьи проведем сравнительно-правовой анализ основных положений действующих административно-деликтных законов государств - участников СНГ¹ и Российской Федерации в части регулирования стадии возбуждения дела об административном правонарушении с целью выделения позитивного опыта и его внедрения в российское административно-деликтное законодательство.

Актуальность рассмотрения стадий административно-деликтного производства, составляющих его структуру, обусловлена их функциональной направленностью, относительной самостоятельностью и логической завершенностью [6, с. 27], что в итоге определяет последовательность действий при рассмотрении и разрешении дел.

В словарях русского языка «стадия» определяется как период, ступень в развитии чего-либо [7] или этап в развитии чего-либо, имеющий свои качественные особенности [8]. В теории административного права стадия, являясь относительно самостоятельной частью производства, характеризуется свойственными только ей задачами, вытекающими из общих задач производства, определенным кругом действий, осуществление которых является необходимым условием реализации последующих стадий производства [9,

с. 26], определенной процессуальной формой и перечнем субъектов, обладающих характерным для данной стадии статусом.

Возбуждение дела как стадия административно-деликтного производства является ключевой (базовой) для всего дальнейшего производства, формирующей предпосылки для наиболее эффективного рассмотрения дела. Учитывая ограниченный объем статьи, указанную стадию предлагается подвергнуть анализу с точки зрения ее структуры.

Итак, правовую основу административно-деликтного производства составляют кодифицированные акты. Часть из них объединяют в себе как материальные, так и процессуальные нормы об административной ответственности, например, в таких государствах - участниках СНГ как Российская Федерация [10], Республика Азербайджан [11], Республика Казахстан [12], Кыргызская Республика [13], Республика Узбекистан [14]. Другие отдельно регулируют порядок реализации административной ответственности, например, в республиках Беларусь [15] и Таджикистан [16].

Указанные законы не раскрывают структуру стадии возбуждения дела. Более того, в Республике Беларусь регламентированный порядок деятельности участников по делу об административном правонарушении – административный процесс – не содержит формулировки «возбуждение дела», а называет первую стадию «началом административного процесса» (гл. 9 ПИКПА РК), в Кыргызской Республике – «начало производства по делам о правонарушениях» (гл. 53 Кодекса КРОАП). В административно-деликтном законе Республики Таджикистан отсутствует глава с соответствующим названием, основания и порядок возбуждения дела рассматриваются в структуре главы 8 «Процессуальное оформление административных правонарушений». По законодательству Республики Узбекистан возбуждение дела раскрывается через порядок составления протокола об административном правонарушении.

Несмотря на различия в названии первоначальной стадии порядка привлечения к административной ответственности, учитывая, что ее роль – ключевая для всего процесса и заключается в установлении и процессуальной фиксации обстоятельств совершенного деяния для дальнейшего решения вопроса о привлечении лица к административной ответственности, в данной статье будем использовать формулировку «возбуждение дела» об административном правонарушении. Отметим, что в Белоруссии в научной литературе возбуждение дела рассматривается как подстадия (элемент) первой стадии административного процесса – подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению [17].

Анализ административно-деликтных законов государств - участников СНГ позволяет говорить о схожести этапов, на которые условно можно разделить стадию возбуждения дела. Среди них:

- установление поводов и достаточных основа-

¹ В данной статье не будет проанализировано административно-деликтное законодательство следующих государств: Грузии (вышла из состава СНГ в 2009 г.); Украины (с 2014 г. фактически не участвует в деятельности Содружества, однако официального уведомления о выходе из организации не направляла; не подписала Устав Содружества); Туркменистана (не подписал Устав Содружества) // <https://www.mid.ru/print?id=1815717&lang=ru>; Молдовы (с учетом принятого решения об инициации выхода страны из межпарламентской ассамблеи СНГ, а также принятых решений о денонсации ряда соглашений) // <https://iz.ru/1514410/valentin-loginov/drug-otkazalsia-vdrug-moldaviia-vyshla-iz-dvukh-soglashenii-s-sng>; Армении (с учетом того, что действует с 1985 года и многие положения, по мнению некоторых государственных деятелей данного государства, не актуальны. // <https://arm-world.ru/news/armnews/33489-david-arutyunyan-obosnovan-neobhodimost-popravok-v-kodeks-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-armenii.html>). Дата обращения к указанным электронным ресурсам 09.06.2023.

ний к возбуждению дела и непосредственное возбуждение дела путем составления определенных процессуальных документов;

- отказ в возбуждении дела;
- прекращение производства по делу;
- направление дела для рассмотрения по подведомственности.

Различия в структуре анализируемой стадии касаются таких ее элементов, как:

- административное расследование. Предусмотрено законодательством Российской Федерации, республик Азербайджан и Таджикистан. По законодательству республик Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан проведение административного расследования в структуре производства по делу об административном правонарушении не предусмотрено. В КоАП РК расследование считается поводом к возбуждению дела в случае выявления административного правонарушения при осуществлении монополистической деятельности, недобросовестной конкуренции, а также антиконкурентных действий (бездействия) государственных, местных исполнительных органов, организаций, наделенных государством функциями регулирования деятельности субъектов рынка, запрещенных Предпринимательским кодексом Республики Казахстан;
- приостановление и возобновление производства по делу (предусмотрено законодательством Российской Федерации, республик Азербайджан и Кыргызстан, отличия касаются оснований приостановления).

Различия в структуре стадии возбуждения дела усматриваются в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь. Например, такие элементы стадии возбуждения дела как составление протокола об административном правонарушении, возможность прекращения производства по делу, а также направление дела для рассмотрения по подведомственности регламентированы отдельной главой 11 «Подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению». Фактически стадия возбуждения дела по закону Республики Беларусь регламентирована тремя главами.

Также отличия административно-деликтного законодательства Республики Беларусь являются императивно установленные правила инициирования дела об административном правонарушении по требованию потерпевшего (его законного представителя), а также прокурора либо по его письменному поручению органа, ведущего административный процесс (ст. 9.4 ПИКоАП РК). Реализовано оно может быть только в случае совершения административных правонарушений, исчерпывающий перечень которых указан в законе (ст. 4.4 ПИКоАП РК). Среди них правонарушения:

- посягающие на права и свободы человека и гражданина (умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные

действия либо нарушение защитного предписания; оскорбление; отказ в предоставлении гражданину информации; нарушение права на свободу объединений; нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности; нарушение требований заключения гражданско-правовых договоров),

- против собственности (причинение имущественного ущерба; умышленные уничтожение либо повреждение чужого имущества; присвоение найденного имущества),
- в области предпринимательской деятельности (обман потребителей; недобросовестная конкуренция),
- против безопасности движения и эксплуатации транспорта (нарушение ПДД лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее причинение потерпевшему легкого телесного повреждения; нарушение ПДД пешеходом и иными участниками дорожного движения в случае причинения ими потерпевшему легкого телесного повреждения),
- в области связи и информации (несанкционированный доступ к компьютерной информации; разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны).

Независимо от требования потерпевшего (его законного представителя) дела о перечисленных выше правонарушениях возбуждаются прокурором (по его письменному поручению уполномоченным органом) в случае причинения значительного вреда интересам государства или общества, а также если оно совершено в отношении лица, находящегося в материальной, служебной или иной зависимости от лица, его совершившего, либо по иным причинам не способного самостоятельно обратиться за защитой своих прав, свобод и законных интересов.

По такой категории дел закон Республики Беларусь предусматривает возможность примирения сторон, которое должно состояться до объявления постановления по делу об административном правонарушении. Исключение из этого правила составляет деяние, связанное с умышленным причинением телесного повреждения и иных насильственных действий либо нарушением защитного предписания, в случае возбуждения дела прокурором либо по его письменному поручению должностным лицом ОВД при отсутствии требования потерпевшего (его законного представителя).

Если рассматривать возможность так называемого упрощенного производства по делу (при вынесении постановления о назначении наказания без составления протокола о правонарушении), отметим следующее. Данный вид производства не во всех административно-деликтных законах государств - участников СНГ входит в главу, регламентирующую возбуждение дела, и имеет различное название: ускоренное (Республика Беларусь), сокращенное (Республика Казахстан). В Кодексе Кыргызской Республики о правонарушениях, как

и в аналогичном законе Российской Федерации, перечислены случаи, когда протокол о правонарушении не составляется, а выносится постановление по делу. Отличия в основаниях применения так называемого упрощенного порядка привлечения к ответственности.

В КоАП РФ данные правила установлены в главе 28 «Возбуждение дела об административном правонарушении», при этом предусмотрен порядок упрощенного производства как в связи с выявлением непосредственно на месте совершения физическим лицом правонарушения, так и в случае фиксации нарушения в определенных сферах (в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления; в области дорожного движения, а также благоустройства территории, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации) техническими средствами.

По Кодексу Кыргызской Республики о правонарушениях постановление по делу без составления протокола выносится в случае выявления правонарушений в сфере обеспечения безопасности движения и эксплуатации автотранспорта и электротранспорта, зафиксированных с применением работающих в автоматическом режиме сертифицированных специальных контрольно-измерительных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи. Данные правила закреплены в главе 54 «Процессуальное оформление правонарушений».

В Кодексе АзРoАП упрощенный порядок регламентирован отдельными главами, т.е. структурно не входит в главу, регламентирующую стадию возбуждения дела (глава 14), и предусмотрен для рассмотрения следующих категорий дел:

- об административных проступках против правил дорожного движения, обеспечения безопасности дорожного движения и пользования автомобильными дорогами в случае выявления техническими средствами или в случае выявления на месте совершения (глава 16);
- об административных проступках в связи с нарушением законодательства в сфере труда, занятости, трудовых пенсий, социальных пособий и обязательного страхования, с использованием соответствующих информационных систем (ресурсов) в отношении физических и должностных лиц (если в отношении юридического лица не составлен электронный протокол) (глава 16-1).

В ПИКоАП РБ также предусмотрена возможность упрощенного порядка производства по делу – называется «ускоренный порядок ведения административного процесса» (гл. 10 ПИКоАП РК) – и применяется в случаях:

- наложения административных взысканий как за административное правонарушение, совершенное в ходе судебного разбирательства, так и при признании физическим лицом своей вины;
- фиксации административного правонарушения работающими в автоматическом режиме

специальными техническими средствами;

- освобождения от административной ответственности за совершение административного проступка с вынесением предупреждения.

В КоАП РК основанием сокращенного производства является назначение только штрафа (в случае иного взыскания – не применяется), а также признание лицом факта совершения нарушения, согласия уплатить штраф в размере половины суммы от установленной санкции и отсутствия с его стороны жалобы на представленные доказательства. При этом законодательно установлены случаи, исключающие возможность применения сокращенного производства (ст. 810).

В законах республик Таджикистан (ПКоАП РТ), а также Узбекистан (Кодекс АО РУ) указаны случаи, когда протокол об административном правонарушении не составляется, отличие также в основаниях и видах итоговых документов. Так, в Республике Таджикистан предусмотрено вынесение предупреждения, квитанции или предписания установленных образцов; в Республике Узбекистан – квитанции установленного образца, постановления в случае фиксации нарушения специализированными техническими средствами нарушений ПДД, а также в случае фиксации через единые автоматизированные информационные системы нарушений таможенного и налогового законодательства. Кроме того, Кодекс АО РУ по определенным составам дает право обращаться в суд с заявлением (без составления протокола об административном правонарушении) органам власти, адвокатам или педагогическим работникам, но в этом случае можно говорить лишь о сокращенном варианте передачи материалов суд для рассмотрения.

Таким образом, проведенное сравнительно-правовое исследование административно-деликтного законодательства Российской Федерации и государств-участников СНГ показывает сходство в части выделения таких этапов возбуждения дела об административных деликтах, как установление поводов и достаточных оснований к возбуждению дела и непосредственное возбуждение дела путем составления определенных процессуальных документов; отказ в возбуждении дела; прекращение производства по делу; направление материалов для рассмотрения по подведомственности. Различия в структуре анализируемой стадии касаются таких ее элементов, как: административное расследование, приостановление и возобновление производства по делу, а также упрощенное производство по делу. Все перечисленные элементы стадии возбуждения дела нашли отражение в кодексах об административных правонарушениях Российской Федерации и Республики Азербайджан.

Положительным опытом считаем нормы закона Республики Беларусь, касающиеся примирения сторон по отдельным категориям дел об административных правонарушениях, а также в части роли прокурора, когда он выступает гарантом защиты прав лиц, находящихся в материальной, служебной или иной за-

висимости от лица, совершившего административное правонарушение. Правоприменительный опыт Республики Беларусь предлагается рассматривать как возможное дополнение норм существующего проектного законодательства Российской Федерации, поскольку примирение сторон может служить дополнительным основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении. В свою очередь, дополнение и четкая регламентация полномочий прокурора по делам об административных правонарушениях, когда они связаны с защитой лиц, находящихся в материальной, служебной или иной зависимости от лица, совершившего административное правонарушение, будет способствовать выявлению административных правонарушений с коррупционной составляющей, в сфере нарушения трудового законодательства и иных сферах.

Список источников

1. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Редкоус В. М. Некоторые результаты сравнительного анализа Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4. С. 80–87.
4. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс : полный курс. М. : изд-во Тихомиров М.Ю., 2001. 652 с.
5. Шурухнова Д. Н. Сравнительно-правовое исследование административно-деликтного законодательства государств – участников СНГ // Административное право и процесс. 2018. № 9. С. 66–70.
6. Производство по делам об административных правонарушениях в ОВД : уч. пособие / [В. Н. Закопырин и др. ; рук. авт. кол. В. Н. Закопырин]. Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 231 с.
7. Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 12.06.2023).
8. Толковый словарь Ефремовой // URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 12.06.2023).
9. Административно-процессуальное право : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. 2-е издание, перераб. и доп. СПб : ООО «Р-КОПИ», 2017. 376 с.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
11. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 10.06.2023).
12. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 г. № 235 - V // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=3;-106#pos=3;-106 (дата обращения: 10.06.2023).
13. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 года № 128 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164 (дата обращения: 12.06.2023).
14. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22.09.1994 г. № 2015-XII // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092 (дата обращения: 12.06.2023).
15. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 г. № 92-3 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32621478 (дата обращения: 12.06.2023).
16. Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 года № 975 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31428231 (дата обращения: 13.06.2023).
17. Крамник А. Подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению // https://law.bsu.by/pub/26/Kramnik_15.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

References

1. Draft «Code of Administrative Offences of the Russian Federation» (prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation, project ID 02/04/05-20/00102447) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 29.05.2020) // LRS «ConsultantPlus».
2. Draft «Procedural Code of the Russian Federation on Administrative Offences» (prepared by the Ministry of Justice of the Russian Federation, project ID 02/04/01-20/00099061) (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 30.01.2020) // LRS «ConsultantPlus».
3. Redkous V. M. Some results of comparative analysis of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences and the Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offences // Bulletin of the All-Russian Institute for

- Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2020. № 4. P. 80–87
4. Tikhomirov Yu. A. Administrative law and process : a complete course. M. : publishing house Tikhomirov M. Yu., 2001. 652 p.
 5. Shurukhnova D. N. Comparative legal research of administrative and tort legislation of the CIS member states // Administrative law and process. 2018. № 9. P. 66–70.
 6. Proceedings on administrative offenses in the Department of Internal Affairs : textbook / [V. N. Zakopyrin et al. ; hand. author. col. V. N. Zakopyrin]. Ryazan : Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021. 231 p.
 7. Ozhegov's Explanatory Dictionary // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed: 12.06.2023).
 8. Efremova's Explanatory Dictionary // URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (accessed: 12.06.2023).
 9. Administrative procedural law: textbook / edited by Dr. Yurid. Sciences, prof. A. I. Kaplunova. 2nd edition, reprint. and additional. St. Petersburg : LLC «R-KOPI», 2017. 376 p.
 10. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 № 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta, № 256, 31.12.2001.
 11. Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36865427&pos=4;-106#pos=4;-106 (accessed: 10.06.2023).
 12. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses dated 05.07.2014 № 235 - V // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399&pos=3;-106#pos=3;-106 (accessed: 10.06.2023).
 13. Code of the Kyrgyz Republic on Offenses of October 28, 2021 № 128 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36897164 (accessed: 12.06.2023).
 14. Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility dated 22.09.1994 № 2015-XII // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092 (accessed: 12.06.2023).
 15. Procedural and Executive Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses dated 06.01.2021 № 92-Z // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32621478 (accessed: 12.06.2023).
 16. Procedural Code of Administrative Offences of the Republic of Tajikistan № 975 dated July 22, 2013 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31428231 (accessed: 13.06.2023).
 17. Kramnik A. Preparation of an administrative offense case for consideration // https://law.bsu.by/pub/26/Kramnik_15.pdf (accessed: 13.06.2023).

Информация об авторах

О. В. Курбатова – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент;

Л. Л. Сакулина – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. С. Звездкина – старший преподаватель кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. V. Kurbatova – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

L. L. Sakulina – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. S. Zvezdkina – Senior Lecturer of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 13.11.2023.

The article was submitted 18.07.2023; approved after reviewing 15.09.2023; accepted for publication 13.11.2023.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-170-175>

EDN: <https://elibrary.ru/poaaaju>

НИОН: 2003-0059-6/23-857

MOSURED: 77/27-003-2023-06-056

Правоприменение сотрудниками уголовно-исполнительной системы возложенных судом запретов и ограничений в отношении подозреваемых и обвиняемых: вопросы теории и практики

Эльдар Кяримович Кутуев¹, Оксана Алексеевна Чабукиани²

¹ Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний России, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Действующее уголовно-процессуальное законодательство возложило на органы уголовно-исполнительной системы контроль за исполнением подозреваемыми, обвиняемыми отдельных мер пресечения и возлагаемых судом отдельных запретов и ограничений. Для должного выполнения своих обязанностей в данной части сотрудник должен быть наделен не только контрольными функциями и обязанностью информирования сотрудника, в производстве которого находится уголовное дело, но и полномочиями, гарантирующими пресечение выявленных нарушений, иметь возможность инициировать изменения возложенных ограничений и запретов не только в сторону их ужесточения, но и смягчения при выявлении на то оснований. Анализ законодательства позволил выявить ряд практических проблем по реализации полномочий сотрудников уголовно-исполнительной системы на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Изучение теоретических концепций, монографий и результатов исследований иных авторов позволило сделать несколько предложений в части наделения сотрудников ФСИН России полномочиями органа дознания, предусмотрев соответствующую подследственность дознавателей ФСИН России, расширить возможности прохождения ими обучения по программам медиации и восстановительного правосудия, а также для достижения назначения уголовного судопроизводства и должного контроля за исполнением процессуальных обязанностей подозреваемого, обвиняемого разграничить имеющуюся систему мер пресечения на основные и дополнительные, применив вначале ее на такой категории как несовершеннолетние.

Ключевые слова: меры принуждения, сотрудники уголовно-исполнительной системы, запреты и ограничения в уголовном процессе

Для цитирования: Кутуев Э. К., Чабукиани О. А. Правоприменение сотрудниками уголовно-исполнительной системы возложенных судом запретов и ограничений в отношении подозреваемых и обвиняемых: вопросы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 170–175. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-170-175>. EDN: POAAJU.

Original article

Enforcement by employees of the penal enforcement system of prohibitions and restrictions imposed by the court against suspects and accused: questions of theory and practice

Eldar K. Kutuev¹, Oksana A. Chabukiani²

¹ Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint-Petersburg, Russia

² Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The current criminal procedure legislation has entrusted the bodies of the penal enforcement system with monitoring the execution by suspects and accused of certain preventive measures and certain prohibitions and restrictions imposed by the court. In order to properly perform their duties in this part, the employee must be endowed not only with control functions and the duty to inform the employee in whose proceedings the criminal case is, but also with the powers to guarantee the suppression of the violations identified, to be able to initiate changes in the imposed restrictions and prohibitions not only in the direction of their tightening, but also mitigation when grounds. The analysis of the legislation revealed a number of practical problems in the implementation of the powers of employees of the penal enforcement system at the pre-trial stages of criminal proceedings. The study of theoretical concepts, monographs and research results of other authors made it possible to make several proposals regarding the endowment of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia with the powers of the body of inquiry, providing for the appropriate investigation of the investigators of the Federal Penitentiary Service of Russia, to expand the possibilities of their training in mediation and restorative justice programs, as well as to achieve the appointment of criminal proceedings and proper control over the performance of procedural duties of the suspect, the accused should differentiate the existing system of preventive measures into basic and additional, first applying it to such categories as minors.

Keywords: coercive measures, employees of the penal enforcement system, prohibitions and restrictions in the criminal process

For citation: Kutuev E. K., Chabukiani O. A. Enforcement by employees of the penal enforcement system of prohibitions and restrictions imposed by the court against suspects and accused: questions of theory and practice. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):170–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-170-175>. EDN: POAAJU.

Контроль за нахождением подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений в местах исполнения мер пресечения, связанных с изоляцией от общества, а также за соблюдением ими наложенных судов запретов и (или) ограничений, является одной из задач Федеральной службы исполнения наказания (далее – ФСИН России) [12, п. 1.1 ст. 3].

По состоянию на 2023 г. в уголовно-исполнительной системе находится 210 следственных изоляторов, 71 помещение функционирует в режиме следственного изолятора [13]. Кроме того, в соответствии со статистикой, приведенной на официальном сайте ФСИН России, в 132 следственных изоляторах и помещениях, работающих в режиме следственных изоляторов, содержится 1029 подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления и не достигших 18-летнего возраста. На учете в уголовно-исполнительных инспекциях и их филиалах состоит 5900 несовершеннолетних [13].

Согласны с мнением Ю. А. Дубровина и Е. В. Прысь о том, что места «санкционного скопления» считаются зоной высокого социального риска. Более 100 000 подследственных, еще не признанных судом вступившим в законную силу приговором, виновными, оказываются в иную, новую, непривычную и неприемлемую для обычного человека «субкультуру тюремной жизни» [3, с. 67], криминальную оппозицию [8].

Ситуация усугубляется тем, что проводимыми исследованиями Н. Н. Алигаевой, А. А. Павленко, В. П. Яворской выявлены факты, когда содержащиеся в изоляции лица, умышленно ухудшают собственное состояние здоровья, отказываясь от медицинского ле-

чения, с целью последующего получения группы инвалидности и приобретения в связи с этим определенных привилегий [1, с. 651; 10, с. 112–113].

Для должного осуществления расследования и своевременного направления уголовного дела для разрешения его по существу, должно быть налажено межведомственное взаимодействие при применении мер пресечения между органами уголовного преследования и уголовно-исполнительными инспекциями. Основными нормативными актами выступают Приказ Минюста РФ, МВД РФ, СК РФ и ФСБ РФ от 31 августа 2020 года № 189/603/87/371 [14], который определяет порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемым или обвиняемым в месте исполнения домашнего ареста, соблюдения возложенных запретов определенных действий, а также домашнего ареста или залога, и Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 года № 134 [15], которое определяет порядок применения технических средств контроля за нахождением подозреваемого, обвиняемого в месте исполнения таких мер пресечения.

Так как от органов исполнительной системы зависит своевременность информирования о допускаемых нарушениях примененной меры пресечения, то их полномочия, формы реагирования и ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, повлекшее затягивание расследования или разрешения уголовного дела, либо совершение нового преступления подозреваемым, обвиняемым, либо допустившее скрыться такому участнику от органов предварительного расследования или суда, позволяют констати-

ровать, что деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы носит в том числе и уголовно-процессуальный характер.

Однако в уголовно-процессуальном законодательстве органы уголовно-исполнительной системы не представлены как соответствующие субъекты, в результате, как справедливо указывает А. А. Крымов, они явно недостаточно ориентированы в этой области, что негативно сказывается на достижении назначения уголовного судопроизводства не только на стадии исполнения приговора, но и предварительного расследования [6, с. 4].

Проблема определения статуса органов уголовно-исполнительной системы в уголовном процессе не новая. Так, в области досудебного производства эта проблематика являлась предметом исследования в работах: С. Б. Бажанова, О. А. Белова, В. П. Божьева, Л. В. Брусницына, Б. Я. Гаврилова, В. А. Ковалева, А. А. Крымова, Т. Н. Москальковой, В. В. Николюка, С. М. Прокофьевой, А. С. Шаталова и других.

Несмотря на множество трудов, вопросы должного контроля за применением мер пресечения остаются одними из проблематичных и актуальных.

Проанализировав имеющиеся точки зрения в научной литературе, а также изучив уголовно-процессуальное законодательство постсоветских государств, для обеспечения должного выполнения своих обязанностей сотрудниками уголовно-исполнительной системы, своевременного реагирования на допускаемые подозреваемым или обвиняемым нарушения, а также учета обстоятельств, которые могут повлиять на изменение мер пресечения, предлагаем полномочия уголовно-исполнительных инспекций предусмотреть в соответствующих нормах Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ):

Во-первых, для должного реагирования на нарушения соблюдения и исполнения ограничений избранной меры пресечения, а также профилактической работы [16], сотрудники уголовно-исполнительной инспекции должны быть наделены полномочиями органа дознания. В этой связи предлагаем дополнить ч. 1 ст. 40 УПК РФ следующего содержания: «5) начальники учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, следственных изоляторов и помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов». Полностью поддерживаем предложения по установлению подследственности ФСИН России и определения перечня преступлений, которые бы расследовали дознаватели ФСИН России [5, с. 31] (например, предусмотрев в их подследственности по аналогии с законодательством Республики Беларусь (п. 4 ст. 37 УПК РБ) уголовные дела о преступлениях, совершенных в расположении указан-

ных учреждений за исключением преступлений против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками таких учреждений). Выделение такой должности позволило бы оперативно провести расследование, собирать доказательства, учитывая режимность и условия исполнения мер пресечения или отбывания отдельных видов наказания.

Во-вторых, для должного контроля исполнения запретов и своевременного информирования следователя, дознавателя, судьи о допускаемых со стороны подозреваемого, обвиняемого нарушениях, следует предусмотреть ч. 14 ст. 105.1 УПК РФ, указав полномочия сотрудников уголовно-исполнительной системы по сбору информации, и порядку фиксации нарушений наложенных на участника ограничений, а также получению дополнительных сведений, влияющих на невозможность избранных судом ограничений. Так, например, следует предусмотреть порядок затребования медицинских документов для подтверждения либо опровержения наличия у подозреваемого, обвиняемого заболевания, делающего невозможным исполнение избранной меры пресечения.

В-третьих, учитывая категорию лиц, к которым применяются ограничения и в отношении которых осуществляется контроль за должным исполнением мер пресечения, а также в связи с необходимостью совершенствования законодательства в части регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, беременных женщин и лиц, имеющих на иждивении малолетних детей, предлагаем предусмотреть прохождение дополнительного обучения сотрудников по программам медиации и восстановительного правосудия. Учитывая состояние здоровья, а также принципы уголовного судопроизводства, возможно предусмотреть отсрочку соблюдения запретов определенных действий в случаях, когда необходимость избрания самой меры пресечения не отпала.

В-четвертых, учитывая, что 2018 – 2027 годы в России провозглашены Президентом РФ Десятилетием детства, возможно, следует предусмотреть применение нескольких мер пресечения в отношении несовершеннолетних, распределив имеющиеся меры на основные и дополнительные. Так, дополнительными могут выступать: все виды поручительства, запрет определенных действий. Идеи разграничения мер пресечения и возможность назначения сразу нескольких неоднократно озвучивались в научной литературе [2; 4, с. 57; 7; 9; 11, с. 33–34] и не противоречат действующему уголовно-процессуальному законодательству.

В-пятых, учитывая, что ограничения, налагаемые

судом, непосредственно связаны с ограничением конституционных прав граждан, то целесообразно предусмотреть порядок зачета во время отбывания наказания не только задержания, содержания под стражей или домашнего ареста, помещения в медицинскую организацию, но и соответствующие ограничения в связи с избранием запрета определенных действий.

Это лишь часть выявленных нами вопросов правоприменения сотрудниками уголовно-исполнительной системы при осуществлении контроля за исполнением подозреваемыми и обвиняемыми возложенных на них судом запретов и ограничений. Наши предложения о закреплении процессуального статуса таких сотрудников призваны привлечь внимание законодателя, ученых и практических сотрудников к имеющейся проблеме гарантий должного исполнения контроля за соблюдением участником процесса возложенных на него ограничений и запретов.

Список источников

1. Алигаева, Н. Н. Внутренняя картина болезни осужденных-инвалидов как фактор адаптации к местам лишения свободы / Н. Н. Алигаева // *Человек: преступление и наказание*. 2022. Т. 30. № 4. С. 648–659.
2. Головинская, И. В. Проблемы диверсификации системы мер пресечения // *Уголовно-исполнительная система на современном этапе : взаимодействие науки и практики : материалы международной научно-практической конференции* / И. В. Головинская. Самара, 2016. С. 167–168.
3. Дубровин, Ю. А., Прысь, Е. В. Прокурорский надзор за исполнением законом органами, осуществляющими предварительное расследование в местах лишения свободы / Ю. А. Дубровин, Е. В. Прысь // *Человек : преступление и наказание*. 2023. Т. 31 (1-4). № 1. С. 65–74.
4. Коломыцев, А. С., Меньшикова, Н. А. Домашний арест как мера пресечения и проблемы его применения / А. С. Коломыцев, Н. А. Меньшикова // *Вестник Кузбасского института*. 2011. № 3 (6). С. 56–60.
5. Крымов, А. А. Уголовно-процессуальная деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы : монография / А. А. Крымов. Москва : Логос. 2014. 124 с.
6. Крымов, А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (12.00.09) / Крымов Александр Александрович. Москва: Академия управления МВД России. 2015. 59 с.
7. Кутуев, Э. К., Тучина, О. А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в отношении несовершеннолетних, не связанные с изоляцией от общества: вопросы совершенствования законодательства / О. А. Тучина, Э. К. Кутуев // *Российский следователь*. 2020. № 7. С. 35–39.
8. Кутякин, С. А. «Воры в законе» и их сателлиты глазами сотрудников уголовно-исполнительной системы России (опыт социологического исследования) / С. А. Кутякин // *Человек: преступление и наказание*. 2022. Т. 30. № 3. С. 382–389.
9. Логунов, О. В., Кутуев, Э. К., Гершевский, Ю. Р. Судебная юрисдикция по избранию мер пресечения на предварительном следствии : монография / О. В. Логунов, Э. К. Кутуев, Ю. Р. Гершевский. Санкт-Петербург : Астерион, 2023. 144 с.
10. Павленко, А. А., Яворская, В. П. Участие в медицинской реабилитации как позитивный стимул для осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями / А. А. Павленко, В. П. Яворская // *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*. 2021. № 1(27). С. 110–114.
11. Тучина, О. А. Понятие и правовая природа мер пресечения, обусловленных и не обусловленных изоляцией подозреваемого, обвиняемого от общества / О. А. Тучина // *Российский следователь*. 2022. № 8. С. 32–35.
12. Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 (ред. от 11.04.2022) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // *Собрание законодательства Российской Федерации* от 18.10.2004 г. № 42, ст. 4109 (дата обращения: 09.04.2023).
13. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / официальный сайт Федеральной службы исполнения наказания // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 09.04.2023).
14. Приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в

качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // СПС Гарант.

15. Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2013 г. № 134 (с изм. и доп. от 15.11.2018 г.) «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // СПС Гарант; Собрание законодательства Российской Федерации от 25.02.2013 г., № 8, ст. 838.
16. Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: утверждена Приказом Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 года № 72 (с изм. и доп. от 2.11.2018 г.) // СПС КонсультантПлюс.

References

1. Aligaeva, N. N. The internal picture of the disease of convicts with disabilities as a factor of adaptation to places of deprivation of liberty / N. N. Aligaeva // *Man : crime and punishment*. 2022. Vol. 30. № 4. P. 648–659.
2. Golovinskaya, I. V. Problems of diversification of the system of preventive measures // *Penal enforcement system at the present stage: interaction of science and practice : materials of the international scientific and practical conference* / I. V. Golovinskaya. Samara, 2016. P. 167–168.
3. Dubrovin, Yu. A., Prys, E. V. Prosecutorial supervision of the execution of the law by the bodies carrying out preliminary investigation in places of deprivation of liberty / Yu. A. Dubrovin, E. V. Prys // *Man : crime and punishment*. 2023. Vol. 31 (1-4). № 1. P. 65–74.
4. Kolomytsev, A. S., Menshikova, N. A. House arrest as a preventive measure and problems of its application / A. S. Kolomytsev, N. A. Menshikova // *Bulletin of the Kuzbass Institute*. 2011. № 3 (6). P. 56–60.
5. Krymov, A. A. Criminal procedural activity of institutions and bodies of the penal enforcement system : monograph / A. A. Krymov. Moscow : Logos. 2014. 124 p.
6. Krymov, A. A. Criminal procedural activity of bodies and institutions of the penal enforcement system of Russia : abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law (12.00.09) / Krymov Alexander Alexandrovich. Moscow : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. 59 p.
7. Kutuev, E. K., Tuchina, O. A. Criminal procedural preventive measures against minors not related to isolation from society: issues of improving legislation / O. A. Tuchina, E. K. Kutuev // *Russian investigator*. 2020. № 7. P. 35–39.
8. Kutyakin, S. A. “Thieves in law» and their satellites through the eyes of employees of the penal enforcement system of Russia (experience of sociological research) / S. A. Kutyakin // *Man : crime and punishment*. 2022. Vol. 30. № 3. P. 382–389.
9. Logunov, O. V., Kutuev, E. K., Gershevsky, Yu. R. Judicial jurisdiction for the election of preventive measures at the preliminary investigation : monograph / O. V. Logunov, E. K. Kutuev, Yu. R. Gershevsky. St. Petersburg : Asterion, 2023. 144 p.
10. Pavlenko, A. A., Yavorskaya, V. P. Participation in medical rehabilitation as a positive incentive for convicts suffering from socially significant diseases / A. A. Pavlenko, V. P. Yavorskaya // *Penitentiary law : legal theory and law enforcement practice*. 2021. № 1(27). P. 110–114.
11. Tuchina, O. A. The concept and legal nature of preventive measures caused and not caused by the isolation of the suspect, the accused from society / O. A. Tuchina // *Russian investigator*. 2022. № 8. P. 32–35.
12. Decree of the President of the Russian Federation of October 13, 2004 № 1314 (ed. of 11.04.2022) «Issues of the Federal Penitentiary Service» // *Collection of Legislation of the Russian Federation* of 18.10.2004 № 42, art. 4109 (accessed: 09.04.2023).
13. Brief description of the penal enforcement system of the Russian Federation / official website of the Federal Penitentiary Service // <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (accessed: 09.04.2023).
14. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Investigative Committee of the Russian Federation and the FSB of Russia dated August 31, 2020 № 189/603/87/371 «On Approval of the Procedure for Monitoring the Presence of suspects or Accused in the Place of

Execution of a preventive measure in the form of house arrest and compliance with the prohibitions imposed by the court by suspects or accused, in respect of which as a preventive measure a ban on certain actions, house arrest or bail has been chosen» /// SPS Garant.

15. Decree of the Government of the Russian Federation № 134 dated February 18, 2013 (with amendments and additions dated 15.11.2018) «On the procedure for the use of audiovisual, electronic and other technical means of control that can be used to monitor the presence of a suspect or accused in the place of execution of a preventive

measure in the form of house arrest, as well as compliance with the prohibitions imposed by the court by a suspect or accused, in respect of whom a ban of certain actions, house arrest or bail» // SPS Garant; The Collection of Legislation of the Russian Federation dated 25.02.2013, № 8, Article 838.

16. Instructions for the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal enforcement system: approved by Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated May 20, 2013 № 72 (with amendments and additions from 02.11.2018) // LRS ConsultantPlus.

Информация об авторах

Э. К. Кутуев – начальник юридического факультета Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник в сфере образования Российской Федерации;

О. А. Чабукяни – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

E. K. Kutuev – Head of the Faculty of Law of the Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker in the field of Education of Russia.

O. A. Chabukiani – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-176-180>

EDN: <https://elibrary.ru/pryjn>

НИОН: 2003-0059-6/23-858

MOSURED: 77/27-003-2023-06-057

Системность как свойство права

Валерий Петрович Малахов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, valery-malakhov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основания и параметры, в силу которых право предстает как в теории, так и на практике в качестве системы. Особое внимание уделено выявлению тех пределов и ограничений, которые должны учитываться при определении права как системы, вне которых системная характеристика права имеет нестрогий смысл и неадекватную функциональную нагрузку.

Ключевые слова: система, системность, самоорганизация, правовая система, тип системы, целое, нормативная подсистема

Для цитирования: Малахов В. П. Системность как свойство права // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 176–180. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-176-180>. EDN: PRYJZN.

Original article

Consistency as a property of law

Valery P. Malakhov

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, valery-malakhov@mail.ru

Abstract. The grounds and parameters by virtue of which the law appears both in theory and in practice as a system are being considered. Special attention is paid to the identification of those limits and limitations that should be taken into account when defining law as a system, outside of which the system characteristic of law has a weak meaning and inadequate functional load.

Keywords: system, consistency, self-organization, legal system, type of system, whole, normative subsystem

For citation: Malakhov V. P. Consistency as a property of law. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):176–180. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-176-180>. EDN: PRYJZN.

1. Право как система: основные параметры

Нет систем вообще, существуют только системы определенных типов, видов и т. д. Каждый тип систем, более того, каждая конкретная система характеризуется своим сочетанием свойств и параметров, на основании которых эта система в теории получает адекватное выражение.

Сказанное в полной мере относится и к праву. Обращение к системе как к характеристике действительного права призвано утвердить в правовой жизни начала разумности и целесообразности.

Чтобы понять, в чем специфика права как системы, необходимо выделить из всей совокупности признаков, сводимых в общее абстрактное понятие системы, т. е., которые (ко всему прочему, в определенной кон-

фигурации) характеризуют право в его действительности, конкретности. К таковым, как минимум, можно отнести следующие параметры.

1. *Цельность.* Если право – система, то оно возможно только в целом, как явление реальности. Целое не имеет назначения, будь то человек, право, мораль, до тех пор, пока они не оказываются элементами какого-то другого целого. Восхождение к целому может быть неоднократным, но не беспредельным. Думается, только мир, природа, общество есть такое целое. Целое состоит из множества элементов, каждый из которых потому и элемент, что имеет свое назначение в целом. Поэтому можно говорить о многозначности (многозначности) целого.

Система – то, ради чего сцеплены ее элементы (т.е.

система – то же, что и сущность в научном понимании). Это не вопрос о его структуре, а о том, ради чего это структурировано, на что направлено, чему служит.

Функция целого – взаимодействие частей. Части реализуют свои функции, связанные со средой, целое в своем функционировании направлено на само целое, на целостность частей, их согласованность, системность. Поэтому право в целом направлено на само себя, и только в своих элементах оно выполняет социальные задачи.

2. *Самообоснованность.* Следует согласиться с С. Жижекком, что «система возникает полностью тогда, когда она начинает быть основанием для самой себя» [4, с. 184]. Рассмотрение права как системы предполагает, что все его механизмы могут быть поняты и раскрыты из себя самих. Право как система становится правовой реальностью, когда оказывается самообоснованной, и «ссылка на «окружающий мир», – полагает Н. Луман, – ничего не добавляет к системным операциям» [7, с. 23].

Право является системой, в которой саморазвитие не исчерпывает его изменений. Оно представляет собой сложное сочетание управляемых, целенаправленно порождаемых процессов. При этом важно иметь в виду, что право существует по своим собственным законам, т. е. оно саморазвивается, а саморазвитие – это необратимый процесс. Сочетание обратимых и необратимых процессов создает сложную картину правовой реальности, и имеем дело и с такими результатами, которые порой не ожидали и не желали. Как следствие, право не вполне равновесная система; оно постоянно нуждается в корреляциях.

А. А. Зиновьев сформулировал вопрос, «можно ли указать некоторое небольшое число фундаментальных правил (в пределе – одно такое правило), из которых логически следуют все остальные? Я утверждаю, – писал он, – что эта задача не является формально-логической» [5, с. 447]. Хотя такая задача в сфере права, вроде, имеет алгоритм своего решения, тем не менее, такая система – скорее, предположение, чем наличность.

3. *Самоорганизация.* Право вполне может быть рассмотрено как саморепродуктивная система, не особенно зависимо от того, формальное оно (например, юридическое) или содержательное (например, обычное). Самовоспроизводство в любом случае – коренное свойство права. Другое дело, каков характер и механизм такого самовоспроизводства. Решение социальных задач вторично и не может приводить к саморазрушению права, если оно существует на основе самоорганизации.

Следует согласиться с теми учеными, которые не преувеличивают позитивные возможности самоорганизации. В реальности ни одна система (а в соци-

альной сфере тем более) не строится только на механизмах самоорганизации. Это было бы возможным только по отношению к закрытым, самодостаточным системам. Но таковых в общественной жизни нет.

Применительно к социальным системам действительный интерес вызывает проблема сочетания организации и самоорганизации. Вообще они существуют только в своей взаимосвязи. Настаивание на самоорганизуемости права или гражданского общества есть следствие, прежде всего, оценки результатов организующих процессов. Дозировка организации и самоорганизации качественно характеризует гражданское общество и право. Доминирование организационных процессов негативно сказывается на них.

Немалое число правоведов высказывают мнение, что надо давать больше простора для самоорганизующихся процессов в тех или иных сферах. В частности, законодателью рекомендуют воздерживаться от вмешательства в определенные сферы общественных отношений. В целом положительно оценивая данную позицию, необходимо отметить, что, во-первых, в общественной жизни нет чисто самоорганизующихся процессов, они всегда представляют собой различное сочетание самоорганизации и организации. Поэтому относительно проблемы вмешательства (невмешательства) вернее было бы сказать так: не вмешиваться – значит не делать индифферентным для права, а лишь оставлять в покое существующее и уже определенные правом состояния, отношения. Т. е. не вмешиваться – не значит только давать совершенно самостоятельно существовать, только саморегулироваться. Надо ограничиваться существующим инструментарием, пытаться обходиться минимальными правовыми средствами. Не вмешиваться – значит не менять, а сохранять сложившиеся правовые условия и механизмы. Это самостоятельная важная задача самого права по отношению к законодателю.

2. Право как система: необходимые ограничения

Системность права – преимущественно методологическое допущение, во многом способствующее пониманию феномена права. И оно – допущение рационализированного правосознания. Системность права – скорее, плод аргументации, а не практики. Если к тому же понятие системы, включенное в решение проблемы системы права, по своему содержанию и существу не отличается от понятия системы, используемого в других науках, тогда проблема системы права не является, в сущности, юридической, правовой же материал играет роль лишь иллюстративной, содержательной составляющей исследования.

Если подходить к праву как к системе с точки зрения ее организации и самоорганизации, в таком случае право предстает как объективно существующая система, способная существовать по своим внутрен-

ним законам. Но тогда юридическое понимание права явно не годится. С юридической точки зрения, речь идет о системе отношений, обладающих правовыми свойствами. Само же право в юридическом смысле может представлять собой только логическую систему.

Системность права – базовое предположение, приводящее в единство, функциональное или формальное, множество законов, норм, правовых практик и т. д., что вполне значимо в практическом смысле, но ее предположение для самой теории все же мало что дает. Вопрос о системности действующего права возникает лишь эпизодически и не по отношению к системе права в целом, а только к связи (устойчивой или разовой) нескольких элементов права и фрагментов практики.

Право действует на самом деле вовсе не системно, в строгом смысле слова, а массированно, однообразно. Скорее, можно говорить о системе законодательства, поскольку это самостоятельный процесс конструирования правопорядка, а также, хотя и не всегда, о системе смыслов (установок) правовой жизни. Но нередко, как только право приходит в действие – а оно действует не в целом, только элементарно, – проблема его внутренней согласованности возникает практически всегда, и рас- согласования обнаруживаются сплошь и рядом.

«Системность, как отмечает А. И. Пригожин, означает непротиворечивость, но ценностные ориентации в организации и даже у одного ее участника иногда противоречивы до несовместимости и никакой системы не образуют» [2, с. 172]. Сказанное в полной мере касается законотворчества, то в этом целенаправленном процессе чаще всего не учитывается то, что совершенствование одних норм ведет к ограничиванию и проблематизации, «утяжелению» других норм. Попытка так называемого системного изменения нормативной массы в рамках определенных отношений и сфер есть лишь более интенсивное воспроизводство и развитие противоречий в этой системе. «В итоге не действительность, а представления о политике, государстве, праве и других объектах выступают источником взглядов на соответствующие целостности. На деле, таким образом, реализуется чисто догматический вариант их развития. Рассуждения о целостности формируются при помощи простых логических операций, в направлении от понятия «системы» к понятию «права», а затем уже к определению понятия «системы права» [2, с. 174].

В понятии система законов логична и формальна, в действительности эта система согласована другим образом. Противоречия все время лезут на поверхность, а их убирают иллюзорным образом. «Как только возникает забота о логической последовательности, о системе, дух истины слабеет и в больших системах совершенно сходит на нет» [8, с. 206].

За каждым отдельным требованием, обязанностью, конечно, всегда ощущается или предполагается право в целом, что придает отдельным требованиям дополнительную силу. И в этом предположении – основное назначение и основная интенция правосознания. Апелляция к целому, к системе, к единому началу, авторитету, силе выполняет роль не только принудительного, но и мотивирующего фактора.

Юридическая теория соединяет до отождествления то, что на самом деле разъединено, различено: речь о различении права действительного и конструированного.

Если принять во внимание все сказанное, то нельзя не согласиться с И. Г. Гаманом: «Системы – это темницы духа», в которых рождаются чудовищные бюрократические механизмы, создаваемые в соответствии с правилами, игнорирующими живое многообразие мира, разрушающие внутренний мир человека, подавляющие его ради идеологической химеры» [6, с. 163].

3. Правовая система

Понятие системы в сочетаниях «правовая система» и «система права» не имеет прямого, основного значения. В действительности это преимущественно конгломераты (если это система права) или совокупности частей (если это правовые системы), связи между которыми очевидны, устойчивы и неслучайны, но носят не только и не столько системный, сколько сетевой характер (особенно в системе права). Сведение их в систему, во-первых, упрощает реальность, во-вторых, создает возможности для появления иллюзорных связей, в-третьих, является искусственным приемом для упорядочивания познавательного процесса.

Только в узком понимании право – часть, элемент правовой системы. Если же понимать право широко – не только как совокупность норм и предписаний, но и правотворчество (и иные практики) и правосознание, тогда право и есть правовая система, эти понятия синонимичны.

В правовой системе должно быть то, что придает ей единство, является таким свойством, которое не присуще ее элементам, но единит их. Системообразующий признак кроется в правосознании, а не в праве. Правовая система как культурный феномен складывается в многолетней практике законодательствования, правосудия, правоприменения на основе актуализированного правосознания. Но это не означает, что правосознание входит в эту систему. Правосознание связано с ней и участвует в ее формировании, поддержании и развитии, но не как элементы этой системы.

Правовая система является ядром правового бытия общества, стягивающим к себе все остальные его формы. Но сама система, в свою очередь, – продукт воздействия этих форм. Правовая система оказыва-

ет формирующее воздействие на все, что ее саму порождает.

Правовая система является дифференцированной, а не просто структурированной. «В дифференцированных системах не существует равновесия – различие колеблется от абсолютного максимума до нуля. Умеренное управление отличиями и различиями – утопия» [1, с. 190]. В действительности правовая система представляет собой множество микросистем, функционирующих вполне автономно, хотя эти автономии непрерывно подправляются необходимостью обобщения и коррекции практики.

Также правовую систему образует свод источников права. Поскольку право существует не только как юридическое, постольку такую правовую систему образуют своды источников государственного и негосударственного права. Если учитывается только свод источников юридического права, тогда следует говорить о правовой системе государства. Если при этом в правовом смысле общество ничего собой не представляет, то правовая система государства и правовая система общества – одно и то же.

Сегодня различия между правовыми системами заложены не в содержании и структуре юридического права, а в содержании так называемого естественного права (права, в современном понимании, морального). Без опоры на последнее юридическое право превращается в форму, технику, догму. С практической точки зрения, этого вполне достаточно; в них уже естественное право «будто бы» присутствует.

4. Основные типы систем в праве

1. Можно различить системы, основанные на взаимодействии, и системы, основанные на сосуществовании. Первые – механизмы, организмы, программы, вторые – общество, право и т. п.

2. Правовая система не чисто органичная, не только механическая. Она представляет собой сложное сочетание, имеющее историко-культурную конкретику, этих двух типов систем. При этом общественное (обычное, социальное и т. п.) право – органичная система, а право юридическое представляет собой очевидную систему механического типа. В обществах, в которых правовая система в качестве своего ядра имеет юридическое право, не полностью сбалансированная, и в своем воспроизводстве должна полагаться (опираться) на внешние силы, государственно-властные, прежде всего. Таковы правовые системы, характерные для так называемых современных обществ. В обществах, в которых правовая система в качестве ядра имеет свое, общественное право, гораздо сбалансированнее, и в своем воспроизводстве опирается на внутренние силы; она самовоспроизводящаяся. Таковы в большей степени правовые системы обществ, существующих на традиционной основе.

3. Нормативная система (подсистема) права – одна из центральных, определяющих в любой правовой системе. Такая система живет по законам формальной логики.

Лишь с точки зрения теории, система норм должна быть непротиворечивой, внутренне согласованной или, по крайней мере, совместимой. На практике эта система в целом не функционирует, их общая ось в основном во временном аспекте.

Нормативно-правовая система имеет двойственный характер: с одной стороны, она является открытой (разомкнутой), в том смысле, что она неразрывно связана с правотворчеством. С другой стороны, она является закрытой, в том смысле, что она отделена мембраной запретов от ненормативной области.

Н. В. Варламова формулирует два принципа: «все, что не запрещено, разрешено, а запрещено может быть лишь то, что нарушает права других лиц или публичный порядок, в рамках которого обеспечиваются права человека» и «все, что не разрешено, запрещено, а разрешено может быть лишь то, что необходимо для защиты прав человека...» [3, с. 49]. Если традиционные принципы «запрещено все, что не разрешено» и «разрешено все, что не запрещено» оставляют право открытой системой (совокупностью) норм, то сформулированные Н. В. Варламовой принципы замыкают систему норм права, делают право закрытой системой. Это означает, что в такой системе все должно быть оговорено, (чего сделать, однако, нельзя), а роль принципов фактически обнуляется. Гуманистический пафос указанных принципов заслуживает уважения, но он губит право как область, в которой вообще возможна свобода.

4. Система правоотношений (как порядок правовой реальности) – также одна из центральных подсистем – является материальной и не поглощается сознанием целиком, логика ее существования не формальная. Ядро этой подсистемы – системы стратегий и механизмов воспроизводства отношений. Система стратегий, в свою очередь, представляет собой единство идеологии и законотворчества (правотворчества).

Элементом данной подсистемы является система дисциплины отношений и их воспроизводства формальным способом (как правил).

Взаимодействие системы норм и системы правоотношений, идеальной и реальной, является умоизмерительным. Правоотношение нельзя рассматривать исключительно как следствие норм, и наоборот. Это значит, в числе прочего, что речь может идти о третьей системе – о системе корреляций нормативной системы и системы отношений.

5. Наконец, существует право как самостоятельная и центральная подсистема общей правовой системы? Степень ее самостоятельности зависит от ряда усло-

вий. Во-первых, многое зависит от того, в рамках какой страны и культуры это право рассматривается; во-вторых, степень самостоятельности права неодинакова в его связи с разными подсистемами. Видимо, исторически эти доминирующие связи прошли три этапа: связь с религиозной подсистемой, затем – с моральной подсистемой и теперь – с политической подсистемой.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М. : Добросвет, КДУ, 2006. 258 с.
2. Бочкарев С. А. Философия уголовного права: постановка вопроса. М. : Норма, 2019. 424 с.
3. Варламова Н. В. Нормативность права : проблемы интерпретации // Правовая коммуникация и правовые системы. Труды Института государства и права Российской академии наук. № 4/2013. М., 2013. С. 41–57.
4. Жижек С. Событие. Философское путешествие по концепту. М. : РИПОЛ-КЛАССИК, 2018. 240 с.
5. Зиновьев А. А. Логическая социология. М. : Алкател, 2008. 606 с.
6. Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература. М. : Проспект, 2021. 304 с.

7. Луман Н. Дифференциация. М. : Логос, 2006. 320 с.
8. Померанц Г. Тринитарное мышление и современность. М. : Фантом Пресс, 2000. 316 с.

References

1. Baudrillard J. Transparency of evil. M. : Dobrosvet, KDU, 2006. 258 p.
2. Bochkarev S. A. Philosophy of criminal law : posing the question. M. : Norm, 2019. 424 p.
3. Varlamova N. V. Normativity of law : problems of interpretation // Legal communication and legal systems. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. № 4/2013. Moscow, 2013. P. 41–57.
4. Zizek S. Event. Philosophical journey through the concept. M. : RIPOLL-CLASSIC, 2018. 240 p.
5. Zinoviev A. A. Logical sociology. M. : Alkatel, 2008. 606 p.
6. Isaev I. A. Mythologems of the law : law and literature. Moscow : Prospect, 2021. 304 p.
7. Luhman N. Differentiation. M. : Logos, 2006. 320 p.
8. Pomerants G. Trinitarian thinking and modernity. M. : Phantom Press. Pomerants G. Trinitarian thinking and modernity. Moscow : Phantom Press, 2000. 316 p.

Информация об авторе

В. П. Малахов – профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Information about the author

V. P. Malakhov – Professor of the Department of Theory of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 31.08.2023; принята к публикации 23.10.2023.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 31.08.2023; accepted for publication 23.10.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-181-185>

EDN: <https://elibrary.ru/pmfhqw>

НИОН: 2003-0059-6/23-859

MOSURED: 77/27-003-2023-06-058

О применении института планирования в системе мер противодействия незаконной миграции

Светлана Валерьевна Мельникова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, st-melnik2013@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается социальная опасность незаконной миграции, подчеркивается необходимость тщательно продуманного подхода к определению мер по предупреждению противоправных деяний в этой сфере. Раскрывается необходимость планирования в деятельности органов внутренних дел, служб и подразделений в системе мер противодействия незаконной миграции.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, миграционные процессы, планирование, органы внутренних дел, криминологическая обусловленность

Для цитирования: Мельникова С. В. О применении института планирования в системе мер противодействия незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 181–185. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-181-185>. EDN: PMFHQW.

Original article

On the application of the Institute of planning in the system of measures to combat illegal migration

Svetlana V. Melnikova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, st-melnik2013@yandex.ru

Abstract. The social danger of illegal migration is considered, the need for a carefully considered approach to the definition of measures to prevent illegal acts in this area is emphasized. The need for planning in the activities of internal affairs bodies, services and units in the system of measures to counter illegal migration is revealed.

Keywords: migration, illegal migration, migration processes, planning, internal affairs agencies, criminological conditionality

For citation: Melnikova S. V. On the application of the Institute of planning in the system of measures to combat illegal migration. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):181–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-181-185>. EDN: PMFHQW.

Миграция является одним из важнейших явлений современности и оказывает значительное влияние на различные аспекты современного мира.

Понятие «миграция» включает в себя перемещение населения в поисках лучших жизненных условий, работы, учебы или политической стабильности. Как правило, различают миграцию внутригосударственную, когда перемещение происходит внутри одной страны, и международную, когда перемещение осуществляется через границы различных государств.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что понятие «миграция» характеризуется как

разновидность социальной мобильности населения, включая различные виды, способы и формы перемещения людей внутри страны или за ее пределами, обусловленные социально-экономическими и политико-культурными факторами.

На сегодняшний день миграционные процессы в России претерпели серьезные изменения. Общая тревога, связанная с геополитическими процессами в мире, изменения в экономическом и социальном обеспечении не способствуют улучшению общей миграционной ситуации. По официальным данным, за январь–декабрь 2022 года количество фактов поста-

новки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства увеличилось на 26 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. В 2022 году на миграционный учет было поставлено более 16 870 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, из них 16 310 тыс. человек (96,7 %) – по месту пребывания и 560 тыс. человек (3,3 %) – по месту жительства. Из общего числа лиц, зарегистрированных по месту пребывания, 72 % въехали в Россию с целью трудоустройства, 5 % – с целью получения образования, 2 % – с целью туризма, 21 % – по частным или альтернативным причинам. При этом показатель лиц, снятых с миграционного учета, вырос на 39 % и достиг в 2022 году 14 525 тыс. человек против 10 449 тыс. в 2021 году.

За январь–декабрь 2022 года иностранным гражданам и лицам без гражданства оформлено (первично) более 174 тысячи разрешений на временное проживание и 286 тысяч видов на жительство. По состоянию на конец года в России насчитывалось около 208 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих действительные разрешения на временное проживание, а также около 535 тыс. человек, имеющих действительные виды на жительство. Число лиц, в отношении которых было принято решение о приобретении российского гражданства (в порядке приема, восстановления или признания), несколько сократилось: в 2022 году оно лишь немного превысило 691 тыс. человек (по сравнению с 735 тыс. человек в 2021 году) [6].

И если миграция является значимым социальным явлением, складывающимся под влиянием различных обстоятельств и оказывающим воздействие на социально-демографические и экономические показатели, то незаконная миграция, служит, прежде всего, социальным фоном преступности, акцентируя внимание на негативных явлениях в сфере обеспечения общественной безопасности [1].

С точки зрения уголовного закона, незаконная миграция – это незаконный въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконное пребывание в Российской Федерации или незаконный транзитный проезд через территорию Российской Федерации.

Прибывая на территорию России, мигранты сталкиваются с рядом проблем, связанных с поиском работы, жилья и другими аспектами адаптации и натурализации. Часто эти проблемы не решаются в сроки, установленные российским законодательством, что заставляет мигрантов искать альтернативные пути разрешения складывающихся ситуаций, включая совершение преступлений и нарушения закона [2].

Особую сложность процесс легализации представляет для иностранных граждан, не владеющих русским языком и не знакомым с российским законодательством. Оказавшись в затруднительном положении, они вынуждены обращаться за помощью к своим соотечественникам, которые зачастую являют-

ся членами этнических преступных группировок. В результате, обратившиеся за помощью к своим соотечественникам мигранты, оказываются втянутыми в криминальную деятельность [7].

Статистические данные указывают на то, что преобладающую долю мигрантов, въезжающих в Россию, составляют мужчины. Среди незаконных мигрантов, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений на территории Российской Федерации, мужчины составляют 87 % от общего числа, в то время как доля женщин ограничена 12 % уголовных преступлений.

Среди незаконных мигрантов особую криминальную активность проявляют граждане, возраст которых находится в диапазоне от 25 до 40 лет, тогда как количество преступлений, совершенных лицами в возрасте от 55 до 60 лет, является незначительным. Пик криминальной активности незаконных мигрантов приходится на возрастную группу от 31 до 35 лет. Кроме пола и возраста, важную роль в данном контексте играют образовательный и интеллектуальный уровень. Например, 75 % иностранных граждан и лиц без гражданства обладают только общим средним образованием [8]. Из чего, мы можем сделать вывод об их использовании в качестве низкоквалифицированной и низкооплачиваемой рабочей силы.

Прибытию, бесконтрольному проживанию и передвижению, незаконному привлечению к трудовой деятельности нелегальных мигрантов способствует ряд факторов, в том числе несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующей порядок взаимоотношений как в отношении самих иностранцев, нарушающих действующее законодательство, так и лиц способствующих незаконному прибытию, нахождению и трудоустройству иностранных граждан и лиц без гражданства на территории страны.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» ключевыми приоритетами страны являются: обеспечение безопасности государства и общества, противодействие незаконной миграции, усиление контроля над миграционными потоками, социальная и культурная адаптация, а также экономическая интеграция мигрантов [9].

Одним из императивов современной миграционной политики в Российской Федерации является повышение эффективности борьбы с незаконной миграцией, организационной основой противоправной деятельности служит планирование.

В структуре мер борьбы с преступностью выделяют следующие уровни планирования:

- обще-профилактические планы, связанные с социально-экономическим развитием того или иного субъекта (города, района);
- комплексные планы борьбы с преступностью и правонарушениями в целом;

- целевые планы по предупреждению конкретных видов преступлений и правонарушений.

План является основным инструментом реализации функции планирования в системе органов внутренних дел и представляет собой особый способ принятия управленческих решений.

Отличительной особенностью плана является его комплексное содержание, включающее множество отдельных взаимосвязанных решений, специализированный формат представления, а также четко определенный процесс разработки и утверждения. В плане должны быть объективно сформулированы цели и задачи на определенный период времени, точно указаны мероприятия, необходимые для достижения поставленных целей, определены последовательность и сроки выполнения мероприятий, а также распределены обязанности между соответствующими исполнителями. Кроме того, в плане в обязательном порядке обозначаются методы контроля за ходом и сроками реализации плановых мероприятий [3].

Значение планирования заключается не только в том, что оно придает повседневной работе системы целенаправленный характер и позволяет решить наиболее актуальные проблемы предупредительной деятельности, но и позволяет создать соответствующую рабочую атмосферу для решения сотрудниками стоящих перед ними задач [4].

Именно планирование позволяет проводить профилактические мероприятия не спонтанно, от случая к случаю, а на основе хорошо продуманных и целенаправленных мер, учитывающих конкретные условия, возможности и ресурсы, имеющиеся в распоряжении правоохранительных органов.

Эффективность любого плана профилактических мероприятий во многом определяется криминологической обоснованностью планируемых мероприятий. Другими словами, качество планов профилактики зависит не от предполагаемого времени, необходимого для их реализации, или оперативной необходимости их быстрого принятия, а от качества научного подхода к их составлению и информационной составляющей [5].

Современная криминология исходит из того, что планирование мер по предупреждению преступности не только возможно, но и необходимо.

Планирование в современном понимании этого слова – это не просто процесс составления плана, а особый вид целенаправленной деятельности, обладающей высокой степенью научной обоснованности.

Процесс планирования включает в себя подготовку, составление и утверждение планов и программ, направленных на борьбу с преступностью, и обеспечение их реализации. В то же время это один из способов координации профилактических мер в рамках государства и отдельных регионов, отражающий криминологическую политику государства.

В качестве основных этапов планирования определяют: организационно-подготовительный, инфор-

мационно-аналитический, непосредственную разработку плановых мероприятий, их выполнение, а также оценку выполнения и выводы.

Разработка плана работы начинается со сбора, систематизации и анализа необходимой аналитической информации.

Под аналитическими данными необходимыми для определения наиболее эффективных плановых мероприятий по противодействию незаконной миграции понимается информация:

- о социально-политической ситуации в странах происхождения и транзита нелегальных мигрантов;
- о способах незаконного пересечения государственной границы, с акцентом на использование поддельных документов, а также качество проведения идентификационных мероприятий в отношении прибывающих лиц;
- о лицах, нарушивших законодательство о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства;
- о местах массового проживания иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе без постановки последних на учет в соответствии с действующим законодательством;
- об иностранных гражданах и лицах без гражданства, срок проживания или временного пребывания которых в Российской Федерации истек или сокращен. А также о лицах, которым аннулированы разрешение на временное проживание или вид на жительство, либо закрыт въезд на территорию страны.

Обмен информацией между различными правоохранительными ведомствами играет важную роль в полномасштабной борьбе с незаконной миграцией. Кроме того, важно поддерживать тесное внутриведомственное взаимодействие между оперативными подразделениями, подразделениями по вопросам миграции и иными подразделениями по охране общественного порядка МВД России, поскольку граждане, проживающие в конкретном населенном пункте, часто предоставляют информацию о наличии источников незаконной миграции, местах массового проживания и противоправной активности мигрантов сотрудникам службы участковых уполномоченных полиции. Полученная информация, включая данные от населения, становится основой для разработки организационно-управленческих документов (планов) направленных на противодействие незаконной миграции.

В рамках разработки плановых мероприятий осуществляется сбор предложений от служб и подразделений органов внутренних дел для последующего включения в план. Предложения, подготовленные службами и подразделениями, не должны ограничиваться только их конкретным направлением предупредительной деятельности, а должны носить комплексный характер.

В дальнейшем происходит уже разработка и утверждение самих вариантов плановых решений, а также доведение их до исполнителей.

Все запланированные мероприятия должны иметь четкие, достижимые цели и конкретные сроки. Кроме того, каждое мероприятие должно содержать указание на службу (ведомство, подразделение), ответственную за его реализацию, и назначенных должностных лиц, обеспечивающих контроль за его успешной реализацией и завершением.

Оценка выполнения плановых мероприятий является неотъемлемой частью процесса планирования. Осуществление систематической аналитической работы по оценке эффективности предпринятых мер помогает выделить преимущества и недостатки в предложенных к реализации плановых мероприятиях, вывести общие закономерности, а также при необходимости корректировать планы.

Выводы, сделанные на основе выполнения плановых мероприятий, являются основой для улучшения системы предупредительной деятельности.

Как уже отмечалось миграция населения – сложное и многогранное явление, затрагивающее многие сферы жизни общества, а незаконная миграция может спровоцировать ряд негативных процессов во всех сферах общественной жизни.

Именно поэтому среди мер противодействия незаконной миграции следует выделять не только совершенствование уголовного и административного законодательства, но и акцентировать внимание на необходимости применения института планирования.

Планирование мероприятий по предупреждению незаконной миграции в обязательном порядке должно включать в себя:

- криминологическую оценку оперативной обстановки, то есть оценка текущей криминологической обстановки, которая включает в себя анализ существующих проблем, тенденций и факторов, связанных с незаконной миграцией;
- криминологическую обоснованность мероприятий, то есть планирование мероприятий должно быть обосновано криминологической информацией, которая демонстрирует необходимость и эффективность предпринимаемых шагов;
- криминологические прогнозы, что подразумевает, что основываясь на анализе криминологической обстановки, формируются прогнозы относительно возможных будущих событий и тенденций в сфере незаконной миграции;
- формирование перечня мероприятий с учетом криминологических прогнозов, то есть план предупреждения должен содержать список действий и мероприятий, которые рассматриваются как наиболее эффективные на основе криминологических прогнозов.

При этом должны быть поставлены конкретные цели, с указанием объективных сроков их исполнения

для каждого территориального органа в отдельности с учетом общей численности иностранных граждан пребывающих на территории обслуживания, а также с учетом общего криминологического фона. Реализация, имеющих криминологическую обусловленность плановых мероприятий позволит модернизировать механизмы регулирования миграционных процессов.

Борьба с незаконной миграцией во всех ее проявлениях требует глубокого криминологического анализа, тщательного планирования, скрупулезной оценки эффективности и разработки инновационных методов борьбы с данным видом преступности.

Список источников

1. Мельникова С. В. О значимости планирования в системе мер предупреждения преступлений, связанных с организацией незаконной миграции // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6. № 4. С. 266–273. DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-4-266-273. EDN НЕРВЕС.
2. Рашитов Л. Р. Криминологическая характеристика преступлений в сфере незаконной миграции и их предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1(23). С. 124–128. EDN VNUAEL.
3. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Актуальные вопросы планирования в системе органов внутренних дел. Некоторые аспекты стратегического планирования в правоохранительных органах // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 174–178. EDN VPELKN.
4. Иванцов С. В. Планирование деятельности органов внутренних дел в системе правового регулирования предупреждения преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 7. С. 147–152. EDN UHMXNT.
5. Морозов С. В. Криминологическое сопровождение организации планирования предупреждения преступности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 225–228. EDN WJXLLX.
6. Миграция в России, предварительные итоги 2022 года. Демоскоп Weekly, Институт демографии имени А.Г. Вишневого, № 983–984 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0983/barom01.php> (дата обращения: 21.09.2023).
7. Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития 2020. № 10 (112) // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.iер.ru/upload/iblock/c60/20.pdf> (дата обращения: 21.09.2023).
8. Статистика миграции: показатели перемещения по странам // [Электронный ре-

суре]. Режим доступа: <https://kpk-1.ru/prochee/statistika-migratsii-pokazateli-peremeshheniya-po-stranam.html> (дата обращения: 29.09.2023).

9. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=lnhnjfyuy9m615194869 (дата обращения: 29.09.2023).

References

1. Melnikova S. V. On the importance of planning in the system of measures to prevent crimes related to the organization of illegal migration // *Siberian Anthropological Journal*. 2022. Vol. 6. № 4. P. 266–273. DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-4-266-273. EDN HEPBEC.
2. Rashitov L. R. Criminological characteristics of crimes in the field of illegal migration and their prevention // *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. № 1(23). P. 124–128. EDN VNUAEL.
3. Markina E. V., Sosnovskaya Yu. N. Actual issues of planning in the system of internal affairs bodies. Some aspects of strategic planning in law enforcement agencies // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. № 2. P. 174–178. EDN VPENKN.
4. Ivantsov S. V. Planning the activities of internal affairs bodies in the system of legal regulation of crime prevention // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. № 7. P. 147–152. EDN UHMXNT.
5. Morozov S. V. Criminological support of the organization of crime prevention planning // *Bulletin of economic security*. 2016. № 3. P. 225–228. EDN WJXLLX.
6. Migration in Russia, preliminary results of 2022. Demoscope Weekly, A.G. Vishnevsky Institute of Demography, № 983-984 // [Electronic resource]. Access mode: <http://www.demoscope.ru/weekly/2023/0983/barom01.php> (accessed: 21.09.2023).
7. Monitoring of the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development 2020. № 10 (112) // [Electronic resource]. Access mode: <https://www.iep.ru/upload/iblock/c60/20.pdf> (accessed: 21.09.2023).
8. Migration statistics: indicators of movement by country // [Electronic resource]. Access mode: <https://kpk-1.ru/prochee/statistika-migratsii-pokazateli-peremeshheniya-po-stranam.html> (accessed: 29.09.2023).
9. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=lnhnjfyuy9m615194869 (accessed: 29.09.2023).

Информация об авторе

С. В. Мельникова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

S. V. Melnikova – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 20.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 20.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-186-189>

EDN: <https://elibrary.ru/rcmkrz>

НИОН: 2003-0059-6/23-860

MOSURED: 77/27-003-2023-06-059

Дворянский конституционализм в контексте развития российской государственности в XVIII в.

Наталья Владимировна Михайлова¹, Анна Павловна Яцкова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ net-46@mail.ru

² y1970@inbox.ru

Аннотация. Рассматривается возникновение и эволюция конституционных идей в России в XVIII в. На формирование российского конституционализма оказали влияние как национальная традиция и предшествующий опыт, так и труды и сочинения западноевропейских мыслителей. Дворянский конституционализм оказал значительное влияние на политическую жизнь России XVIII в. Начало было положено действиями Верховного тайного совета в 1730 г., который попытался ограничить власть монарха в интересах аристократических кругов. Проекты второй половины XVIII в. уже имели иные идеологические основания, в основе которых лежала концепция «истинной монархии».

Ключевые слова: абсолютная монархия, просвещенный абсолютизм, ограниченная монархия, конституция, российское дворянство, дворянский конституционализм, «фундаментальные» законы, Сенат, Верховный тайный совет

Для цитирования: Михайлова Н. В., Яцкова А. П. Дворянский конституционализм в контексте развития российской государственности в XVIII в. // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 186–189. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-186-189>. EDN: RCMKRZ.

Original article

Noble constitutionalism in the context of the development of Russian statehood in XVIII

Natalia V. Mikhailova¹, Anna P. Yatskova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ net-46@mail.ru

² y1970@inbox.ru

Abstract. The article examines the emergence and evolution of constitutional ideas in Russia in the XVIII c. The formation of Russian constitutionalism was influenced by both national tradition and previous experience, as well as the works and writings of Western European thinkers. Noble constitutionalism had a significant impact on the political life of Russia in the XVIII c. The beginning was laid by the actions of the Supreme Privy Council in 1730, which tried to limit the power of the monarch in the interests of aristocratic circles. The projects of the second half of the XVIII c. already had other ideological foundations, which were based on the concept of a «true monarchy».

Keywords: absolute monarchy, enlightened absolutism, limited monarchy, constitution, Russian nobility, noble constitutionalism, «fundamental» laws, Senate, Supreme Privy Council

For citation: Mikhailova N. V., Yatskova A. P. Noble constitutionalism in the context of the development of Russian statehood in XVIII. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):186–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-186-189>. EDN: RCMKRZ.

XVIII в. для российской государственности был веком возникновения, становления и расцвета абсолютной монархии. А. Н. Радищев, характеризуя время, в которое он жил, сказал: «нет, ты не будешь забвен-

но, столетие безумно и мудро, будешь проклято вовек, ввек удивлением всех». Среди многочисленных проблем, так или иначе связанных с функционированием российского абсолютизма, наибольшее значение, по

© Михайлова Н. В., Яцкова А. П., 2023

мнению исследователей, имеют те, которые относятся к пониманию природы политической власти; к изучению самого механизма государственного управления, социальных носителей власти, правящего общественного слоя; к исследованию идеологического и правового обоснования «законной монархий».

Первостепенной проблемой государственного существования являются отношения между властью и обществом, и с формированием абсолютистского государства она обретает новое политическое звучание. Воплощенная Петром I в России концепция регулярного государства, построенного на основе всесторонней регламентации жизни подданных, приводит к смене средневековой идеи служения царя Богу, а народа государству на иную – и царь, и его подданные служат «общему благу» государства Российского. Впервые идея служения государству затрагивает и особу монарха, недаром Петр I постоянно подчеркивал, что государственное для него превыше личного, частного.

Однако это не помешало Петру I провозгласить абсолютную бесконтрольность верховной власти, что было требуемо, по его мнению, для реализации идеи служения Отечеству монархом во имя «общего блага» и государственной пользы. Обоснование безграничной власти монарха получило свое подтверждение в ряде документов. Идеолог российского абсолютизма епископ Феофан Прокопович утверждал: «может монарх государь законно повелевати народу не только все, что к знатной пользе Отечества своего потребно, но и все, что ему понравится...». В таком Отечестве не оставалось места для граждан, в нем могли быть только подданные.

Подобная концепция государства была вызвана теми грандиозными задачами, которые были поставлены перед Россией в начале XVIII в., и решение их «требовало таких методов осуществления власти, которые бы предусматривали высокую степень жестокости и принуждения, то есть создания авторитарного, абсолютистского государства с сильной бюрократической администрацией и милитаризация управления. Экономика России должна была иметь мобилизационный характер, что выражалось в непрерывном увеличении налогов, введении различных повинностей и обязанностей, которые затрагивали все сословия тогдашнего общества, в том числе и дворянство» [3]. По этой причине, дворянство, являющиеся социальной опорой абсолютистской власти, было крайне недовольно экономической политикой государства и жаловалось на убыль населения из-за рекрутской повинности, привлечение частновладельческих крестьян к государственным работам, повышение налогов.

Недовольство стало разрешаться дворцовыми переворотами, в результате которых менялись монархи, но не изменялась сущность самой власти. Помимо столь радикальных действий отдельные представители дворянской аристократии и верхушки чиновничьей бюрократии предлагали усовершенствовать существующую систему власти путем ограничения монархии. В этих немногочисленных проявлениях политической активности отдельными представителями русского

дворянства можно увидеть отражение такого общеевропейского явления, как дворянский конституционализм. Значимую роль в формировании конституционного мировоззрения у просвещенного российского дворянства сыграло ознакомление с идеями западноевропейских мыслителей. Так, М. Раев выводит дворянский конституционализм из «вестернизации» дворянских слоев (прежде всего элиты): «под влиянием филантропических и просветительских идей западной мысли ХУП в. ... росло убеждение, что правительство должно было существовать для благосостояния и процветания людей, что хорошее правительство должно быть основано на правлении закона» [2].

Смерть Петра II предоставила возможность Верховному тайному совету установить в России «порядочное правление». Феофан Прокопович обозвал его действия «затейкой». На самом деле анализ документов показывает, что верховники стремились не только извлечь выгоду для себя, но фактически предлагали ограничить монархию, введя конституционные начала в управление государством. Благоприятствовало этому и тот факт, что Верховный тайный совет уже несколько лет действовал при откровенно слабых правителях, и это давало возможность изменить форму правления. Негласным лидером в Совете был Д. М. Голицын, которого современники характеризовали как умного государственного деятеля, имеющего большой опыт административного управления. Иностранные дипломаты считали его «республиканцем», сторонником начал английской парламентской монархии.

Наиболее известным документом, разработанным Верховным тайным советом, являются «кондиции», закрепляющие условия на которых Анна Иоанновна могла занять российский престол и, в сущности, передающие всю власть Верховному тайному совету. Реакция дворянства на Кондиции была двойкой: с одной стороны, ограничение власти монарха ими приветствовалось, с другой – дворянская верхушка опасалась сепаратных планов верховников, и сосредоточение управленческих полномочий в руках членов Совета вызвало негодование. Помимо разработки документов членами Совета в составлении политических проектов приняло участие московское дворянство, что свидетельствовало о широком конституционном движении. Объединяло все проекты, включая и Кондиции, идея ограничения самодержавия.

Однако нельзя судить о программе верховников только по Кондициям. Помимо них в Верховном тайном совете были разработан документ, получивший название «Пункты присяги» или «Проект формы правления». «Проект формы правления» мог лечь в основу будущей российской конституции. В нем предполагалось, при сохранении сложившейся структуры власти, усиление полномочий Верховного тайного совета, закрепление сословных прав и привилегий шляхетства, свобода торговли, облегчение налогового бремени крестьян.

Обращает на себя внимание и документ, авторы которого до конца не установлены, так как исследователи относят его либо к деятельности Верховного тай-

ного совета, либо его инициаторами является одна из московских шляхетских «компаний». Название документа – «Способы, которыми, как видитца, порядочнее, основательнее и тверже можно сочинить и утвердить известное толь важное и полезное всему народу и государству дело».

П. Н. Милюков считал, что ««Способы» предлагали все, чего недоставало рассуждениям шляхетства: специальный юридический орган, определенный порядок обсуждения проекта и превращения его в государственный закон. Содержание проекта могло быть при этом порядке предпрещаемо только в виде наказов избирателей делегатам из шляхетства. Таков, конечно, и должен быть законный и логический путь к осуществлению предложенной реформы».

Несмотря на многочисленные проекты и наличие желания на проведение реформ у представителей дворянской верхушки, уникальная возможность ограничения самодержавия в России не была реализована. Английский посланник Рондо не без иронии заметил, что после 25 февраля 1730 г. «по всей России три дня радовались утрате свободы, которою бы могли воспользоваться, если бы могли согласиться между собой» [3].

Государственно-политическое развитие России во второй половины XVIII в. совпало со становлением «просвещенного абсолютизма» и русского Просвещения – явлений общеевропейского масштаба. Идеи общественного договора, естественного права, гражданского общества, законности, рожденные общественной мыслью века Просвещения, не знали географических границ. Но идеология Просвещения не была идейной программой «просвещенного абсолютизма», который ориентировался на сохранение политической системы абсолютной монархии с неограниченной властью императора. Именно этой задаче было подчинено совершенствование государственной организации, социального и правового уклада общества в царствование Екатерины II. Просвещенный абсолютизм Екатерины II был далек от реализации радикальных идей просветителей, но с некоторыми проектами в русле дворянского конституционализма ему пришлось столкнуться.

Мираж конституции на российском политическом горизонте после событий 1730 г. вновь возник в 60-х гг. XVIII в. благодаря Н. И. Панину, который намеревался ограничить власть монарха на основе «твердой аристократической конституции». Первоначально идея ограничения абсолютной власти была отражена в «Манифесте об учреждении Императорского совета и разделении Сената на департаменты» 1762 г. В пояснительной записке Н. И. Панин с горечью писал об управлении государством во времена Елизаветы Петровны, когда «случайные господа пределов не имели своим стремлениям и дальним видам; государственные – оставались без призрения; все было смешано; все наиважнейшие должности и службы были претворены в ранги и награждения любимцев и угодников, везде фавор и старшинство людей определяло; не было выбору способности и достоинству». Согласно замыслу Н. И. Панина создавался Импера-

торский совет, являющийся прототипом западноевропейского Кабинета министров. Он рассматривал все наиболее важные государственные дела, подлежащие ознакомлению самим монархом. Количественный состав совета определялся в 6–8 человек (что позволяет провести аналогию с Верховным тайным советом). Доклады в Совете осуществлялись по иностранным делам, внутренним делам, военным и морским делам. Окончательное решение выносилось монархом после обсуждения на совете. Таким образом, Императорский совет не являлся в полном смысле слова органом, ограничивающим власть монарха, но ставившим преграды произволу временщиков («случайных лиц») и частично гарантировавший от принятия кулуарных решений. Проект об учреждении Императорского совета был подписан Екатериной II, не был обнародован и, в конце концов, ею отвергнут. Однако Н. И. Панин не отказался от своих убеждений и в «Рассуждении о неперемennых государственных законах», которое было адресовано великому князю Павлу Петровичу, изложил взгляды и политико-правовые принципы либерально-дворянского течения. «Рассуждение» можно трактовать как некое «введение» к проекту государственных преобразований. По мнению Н. И. Панина, в основе монархической власти должен лежать договор; монарх осуществляет свою власть, руководствуясь и сообразуясь с «неперемennым», или «фундаментальным» законом; законы издаются для блага подданных и должны обеспечить им политическую свободу и право собственности, но с учетом правового статуса каждого сословия. Предлагалось учредить Верховный сенат как орган, принимающий законы, которые вступали в силу после утверждения монархом. Исполнительная власть оставалась в руках государя.

Предполагалось создание «дворянских собраний – губернских или областных и уездных, которым предоставлялось бы совещаться в общественных интересах и местных нуждах, предоставлять от них Сенату и предлагать ему новые законы». Единственным положением конституционного проекта, представлявшим угрозу интересам дворянства, было упоминание о необходимости постепенного освобождения крестьян.

Идеи дворянского конституционализма нашли свое отражение в труде государственного и общественного деятеля М. М. Щербатова, которого Г. В. Плеханов считал «замечательным идеологом русского дворянства». Свои взгляды М. М. Щербатов изложил в утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую» 1784 г. Отличительной чертой общественного устройства Офирского государства является его сословность, главенствующее положение занимает замкнутая наследственная дворянская корпорация. Верховная власть в государстве вручается императору, при нем образован Верховный совет, состоящий только из представителей дворянской знати [3]. Как отмечал Г. В. Плеханов, М. М. Щербатов «отвергает «химеру» равенства даже в применении к дворянскому сословию».

Исполнительная власть была вверена высшему правительству. Законодательная власть была пред-

ставлена, образуемой высшим правительством, законодательной комиссией из 20 человек, которые должны были удовлетворять определенным цензам: возраст, «добронравие», наличие образования и опыт работы в государственном аппарате. Недворянские сословия к законодательной деятельности не допускались. Боясь того, что буржуазное развитие может привести к потере дворянами лидирующего положения, М. М. Щербатов предлагал полную ликвидацию внешней торговли и существенное ограничение внутренней.

Последним из значимых проектов дворянского конституционализма является труд канцлера А. А. Безбородко «Записка для составления законов Российских» 1799 г. А. А. Безбородко считал, что именно Правительствующий сенат должен стать «верховным в России правительством». Большое внимание было уделено соблюдению законности в государственном управлении. Он считал, что созданные Петром I сенатские ревизии являются важным инструментом в системе эффективного контроля за деятельностью государственного аппарата. Для осуществления полномасштабного правового контроля А. А. Безбородко предлагал создать должность канцлера юстиции.

В «Записке» впервые в русской политико-правовой теории вводится термин «человек и гражданин», чьи права защищены законами и государством. Автор предлагал ввести законодательную регламентацию сословных статусов, не исключая крестьянского сословия; упорядочить организацию и функционирование административной и судебной системы. С целью ограничения произвола монарха создавалось собрание депутатов под председательством канцлера юстиции, которое рассматривало проекты, представленные государем с последующей передачей их в Общее собрание Сената и на окончательное утверждение монарха.

Таким образом, концепции ограничения монархической власти, предложенная в проектах представителей дворянского конституционализма, базируется на

доминирующей роли дворянского сословия в политической жизни при сохранении социально-экономических отношений. «Кондиции» и другие дворянские проекты 1730 г. были более радикальными, чем последующие проекты. В их основе лежат республиканские идеи, которые были разработаны в Европе в XVI – XVII вв. Во второй половине XVIII в. в основу дворянского конституционализма, как российского, так и западноевропейского, была положена концепция «истинной монархии», разработанная Монтескье, а идея «фундаментальных законов» становится подлинным ключевым понятием для ограничения абсолютной монархии.

Библиографический список

1. Вдовина Л. Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. / В кн. : Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М. : Наука, 1995. 238 с.
2. Грацианский П. С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVII в. М. : Наука, 1984. 253 с.
3. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г.: первая российская конституция : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 220 с.

Bibliographic list

1. Vdovina L. N. Noble constitutionalism in the political life of Russia of the XVIII century. / In the book : Monarchy and democracy in the culture of Enlightenment. Moscow : Nauka, 1995. 238 p.
2. Graziansky P. S. Political and legal thought of Russia in the second half of the XVII century. Moscow : 1984. 253 p.
3. Yatskova A. P. Basic state laws of the Russian Empire April 23, 1906: the first Russian Constitution : dis. ... cand. jurid. M., 2001. 220 p.

Информация об авторах

Н. В. Михайлова – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ;

А. П. Яцкова – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. V. Mikhailova – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation;

A. P. Yatskova – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-190-195>

EDN: <https://elibrary.ru/scfdih>

НИОН: 2003-0059-6/23-861

MOSURED: 77/27-003-2023-06-060

Статистико-географические особенности преступлений в сфере экономической деятельности

Татьяна Витальевна Молчанова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, molcha@yandex.ru

Аннотация. Обозначена проблема использования географических свойств при изучении преступности. Предприняты попытки исследования отдельных статистико-географических характеристик преступлений, предусмотренных главой 22 УК РФ. Отмечено комплексное взаимодействие различных факторов, включая социальные, экономические аспекты развития территорий Российской Федерации, влияющих на формирование криминальной ситуации в сфере экономической деятельности.

Выделены различные сферы экономических отношений, характерные для отдельных Федеральных округов Российской Федерации и их субъектов, которые отличаются наибольшими показателями регистрации преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ. Отдельно рассмотрены особенности Северо-кавказского Федерального округа, количественные значения зарегистрированных преступлений в котором являются самыми минимальными среди всех Федеральных округов.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, география преступности, географические особенности преступлений, федеральные округа, особенности федеральных округов, статистические данные

Для цитирования: Молчанова Т. В. Статистико-географические особенности преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 190–195. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-190-195>. EDN: SCFDIH.

Original article

Statistical and geographical features of crimes in the sphere of economic activity

Tatyana V. Molchanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, molcha@yandex.ru

Abstract. The problem of using geographical properties in the study of crime is being identified. The attempts are made to study certain statistical and geographical characteristics of crimes provided for in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation. The complex interaction of various factors, including social and economic aspects of the development of the territories of the Russian Federation, affecting the formation of the criminal situation in the sphere of economic activity, is being noted.

Various spheres of economic relations characteristic of individual Federal Districts of the Russian Federation and their subjects, which differ in the highest rates of registration of crimes provided for by Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, are highlighted. The features of the North Caucasus Federal District are considered separately, the quantitative values of registered crimes in which are the lowest among all federal districts.

Keywords: crimes in the sphere of economic activity, geography of crime, geographical features of crimes, federal districts, features of federal districts, statistical data

For citation: Molchanova T. V. Statistical and geographical features of crimes in the sphere of economic activity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):190–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-190-195>. EDN: SCFDIH.

© Молчанова Т. В., 2023

Структура криминальности в значительной степени формируется региональной спецификой социально-экономической обстановки, что находит подтверждение в обширном корпусе криминологических исследований. Результаты этих исследований однозначно указывают на существование глубокой взаимосвязи между уровнем преступности и диспаритетом в экономическом и социальном развитии регионов. В этом контексте, преступность является надежным и достоверным показателем состояния социальной и экономической среды, обладающим высокой степенью объективности и информативности.

«Географию преступности (геокриминологию) можно определить, как науку, изучающую территориальную дифференциацию преступности и взаимосвязи между географическими условиями и ее уровнем (характером) в пределах территориальных систем различного таксономического ранга [2, с. 4].

Различия в преступности на территориальном уровне и значительные отличия в уровне и характере преступности в разных регионах привели к возникновению географии преступности. Криминологические исследования явно демонстрируют необходимость выявления социально-экономических особенностей и учета физико-географических факторов для определения региональной специфики криминальной ситуации.

География преступности представляет собой интеграцию нескольких научных дисциплин, в основе которых лежат социальная география и криминология. Большинство исследований в области географии преступности, выполненных криминологами, фокусируются на математическом анализе статистических данных, при этом не уделяется достаточного внимания выявлению географических факторов, влияющих на преступность.

География преступности чаще всего основывается на анализе данных первичного учета преступлений, которые регистрируются в соответствии с местом их совершения. Эти данные подвергаются систематической обработке и обобщению, в результате чего формируется официальная отчетность правоохранительных органов на различных уровнях административного деления, включая районы, города, области, края, республики и всю Российскую Федерацию в целом.

В ежемесячных оперативных отчетах и ежегодных статистических сборниках, известных как «Преступность и правонарушения», обязательным требованием является полное и всестороннее представление данных о преступности и ее различных категориях во всех субъектах Российской Федерации. Эти документы содержат подробную информацию о преступлениях, собранных из первичных источников, анализируемых и систематизированных с использованием статистических методов. Их содержание охватывает широкий спектр статистических показателей, позво-

ляющих проводить детальный анализ тенденций и паттернов преступности на территориальном уровне.

В этой связи каждый регион обладает социально-территориальными свойствами, которые представляют собой комплексное взаимодействие различных факторов, включая социальные, экономические и политические аспекты развития территории. Эти факторы охватывают широкий спектр характеристик, таких как этнический состав населения, наличие трудовых ресурсов, развитие социальной инфраструктуры, особенности социально-психологического климата, политические аспекты регионального развития, культурные особенности и другие.

В представленной статье мы остановимся на географических особенностях совершения преступлений в сфере экономической деятельности, поскольку они характеризуются своим криминологическим своеобразием. Для наглядности оценки состояния преступности в исследуемой сфере воспользуемся статистическими данными, предоставленными ГИАЦ МВД России (Таблица 1).

Анализируя представленные цифровые значения, выделим отдельно ЦФО и ПФО как федеральные округа с наибольшими показателями регистрации преступлений, предусмотренных гл.22 УК РФ.

Так, Центральный Федеральный округ (1 место), несмотря на значительный удельный вес, демонстрирует стабильную тенденцию к снижению преступлений в сфере экономической деятельности. Уменьшение количественных показателей начинается с 2020 г. Данный временной период характеризуется снижением количества преступлений в сфере экономической деятельности. Основным фактором значительного снижения в 2020 году – это пандемия COVID-19, которая привела к значительному увеличению использования онлайн-коммуникаций государственными органами, предприятиями и предпринимателями.

Произошло естественное снижение в 2020 г. вовлеченности в активную экономическую деятельность физических и юридических лиц. «Предпринимательская уверенность в 2020 г. снизилась по сравнению с предыдущими периодами, даже, несмотря на государственную поддержку, экономическая ситуация значительно ухудшилась. Многие предприятия в условиях пандемии COVID-19 стали сокращать своих сотрудников, т. к. произошло снижение оборота розничной торговли» [6].

У ряда предприятий сократилась реализация товаров, работ, услуг, штат сотрудников, заработная плата, а некоторые полностью ликвидировали свой бизнес и уволили сотрудников в связи с тем, что не смогли перейти на другие формы работы [1].

Россия к августу 2020 г. потеряла около 1 950 423 малых и средних предприятий. Это почти каждый пятый бизнес в сфере малого и среднего предпринимательства [10].

Таблица 1

Динамика зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности по федеральным округам Российской Федерации 2018–2022 гг.

Федеральные округа	год	Зарегистрировано преступлений	Прирост/снижение, %
Центральный ФО	2018	11896	-
	2019	12143	2,08
	2020	11951	-1,58
	2021	11547	-3,38
	2022	11154	-3,40
Северо-западный ФО	2018	4022	-
	2019	4471	11,16
	2020	5157	15,34
	2021	4213	-18,31
	2022	3353	-20,41
Северо-кавказский ФО	2018	2094	-
	2019	2232	6,59
	2020	2703	21,10
	2021	2383	-11,84
	2022	1831	-23,16
Южный ФО	2018	3981	-
	2019	4431	11,30
	2020	4120	-7,02
	2021	5469	32,74
	2022	4456	-18,52
Приволжский ФО	2018	8616	-
	2019	9327	8,25
	2020	10446	12,00
	2021	11071	5,98
	2022	10296	-7,00
Уральский ФО	2018	4073	-
	2019	3407	-16,35
	2020	3858	13,24
	2021	4131	7,08
	2022	3657	-11,47
Сибирский ФО	2018	4975	-
	2019	5287	6,27
	2020	4724	-10,65
	2021	4851	2,69
	2022	4849	-0,04
Дальневосточный ФО	2018	1977	-
	2019	2105	6,47
	2020	1808	-14,11
	2021	1940	7,30
	2022	1526	-21,34
ФТ «Сириус»	2018	-	-
	2019	-	-
	2020	-	-
	2021	7	-
	2022	12	71,43

Во второй половине 2020 года наблюдается уменьшение показателя предпринимательской уверенности, обусловленное наступлением второй волны пандемии COVID-19 и последующим введением дополнительных ограничительных мер. В условиях кризиса малые и средние предприятия становятся особенно уязвимыми и подверженными риску. Экономический кризис вынуждает значительное количество предприятий, организаций и индивидуальных предпринимателей прекратить свою деятельность, что негативно сказывается на экономической обстановке в Российской Федерации.

Пандемия стала причиной снижения на 30 % выручки для 60 % российских предприятий малого и среднего бизнеса (МСП), при этом прибыль в настоящее время получают только 10 % таких компаний [9].

Рассматривая сравнительные видовые характеристики региональных особенностей, отметим, что среди всех субъектов ЦФО, безусловно, лидирует г. Москва, в силу ее особого экономического положения. Город Москва привлекает внимание своим высоким уровнем экономического развития, характеризующимся значительным разнообразием показателей и индикаторов, свидетельствующих о высокой конкурентоспособности, диверсификации экономических отношений и инновационной активности.

Так, справочно, в г. Москве на 1 марта 2023 г. зарегистрировано 590424 организаций различных по своей организационно правовой форме. Самые развитые сферы такие как: строительство, оптовая и розничная торговля, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, деятельность в области информации и связи. Так, за январь-декабрь 2022 г. инвестиции в нефинансовые активы (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами) составили 4484 млрд. рублей, из них 97,0 % приходилось на инвестиции в основной капитал [7, с. 50]. По состоянию на 1 февраля 2023 г. положительный финансовый результат крупных и средних организаций составил 685,7 млрд рублей [7, с. 64].

Перечисленные факторы во многом обуславливают негативные проявления в сфере экономических отношений, в особенности криминальные.

Московская область также относится к субъектам ЦФО, отличающимся своей высокой экономической активностью (2 позиция). В структуре экономической деятельности преобладают: строительство, торговля оптовая и розничная, производство пищевых продуктов, производство металлических изделий, производство напитков, производство бумаги, производство химических веществ и химических продуктов, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство компьютеров, электронных изделий. На втором месте по числу инвестиций в основной капитал – 1 144,7 млрд руб.

На 3-й позиции оказалась Тверская область. Ос-

новной сферой экономических отношений является: розничная торговля, платные услуги населению, продукция сельского хозяйства, производство прочих транспортных средств и оборудования, производство пищевых продуктов, производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования. В том числе одним из важных обстоятельств, формирующих преступность в сфере экономической деятельности является общий значительный уровень преступности по сравнению с другими субъектами Российской Федерации [8].

Приволжский федеральный округ находится на 2 месте среди всех округов по уровню зарегистрированной преступности в сфере экономической деятельности.

Отметим, что среди всех федеральных округов Российской Федерации, Приволжский федеральный округ (ПФО) занимает второе место по числу всех зарегистрированных преступлений, уступая только Центральному федеральному округу (ЦФО) [3]. Показатели зарегистрированных преступлений, предусмотренных гл. 22 УК РФ, по 2 федеральным округам коррелируют с общей тенденцией развития всей преступности.

Так, например, в ПФО представлены следующие отрасли рыночной специализации: нефтяная и газовая промышленность, электроэнергетика, машиностроение, черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность, пищевая промышленность. Особенно хорошо развиты автомобилестроение и авиационная промышленность. Сельское хозяйство специализируется на производстве зерна, подсолнечника, мясного животноводства.

Приволжский федеральный округ является одним из лидеров промышленного производства (обрабатывающая промышленность) и одним из аграрных регионов России развита сфера общественного питания и сфера услуг. Приволжский федеральный округ занимает высокие места среди других округов по всем показателям данного сектора экономики: оборот розничной торговли, общественного питания, платные услуги населению – вторые места; оборот оптовой торговли организаций оптовой торговли – третье место. Именно это и предопределило общее третье место Приволжского ФО среди федеральных округов по всей совокупности показателей [4]. По объему инвестиций в основной капитал ПФО занимает 3-е место среди других федеральных округов. По обороту и средней численности работников малых предприятий за 2022 г. ПФО занимает 2-е место, уступая только ЦФО.

Основными субъектами, формирующие криминальную активность в сфере экономической деятельности являются Самарская, Нижегородская области, республика Башкортостан. Обозначенные субъекты являются субъектами-лидерами по уровню жизни населения. Выделим их основные экономические показатели развития по сравнению с другими субъектами

Приволжского Федерального округа. Так, например, в отмеченных регионах наблюдается достаточно высокий оборот розничной и оптовой торговли, производство скота и птицы. Второе место по количеству работников и обороту малых предприятий принадлежит Нижегородской области. При этом регион занимает 4-е место по количеству субъектов малого и среднего предпринимательства, что свидетельствует о более высокой занятости и эффективности деятельности субъектов МСП региона. Во всех субъектах ПФО наблюдался рост привлеченных средств за 2022 г., что соответствует общероссийскому тренду. За 2022 г. наибольший объем привлеченных средств зафиксирован в Республике Татарстан – 1-е место, в Нижегородской области – 2-е место, Самарской области – 3-е место.

Рассматривая вопрос географических особенностей преступлений в сфере экономической деятельности, подчеркнем, что в содержании заявленной темы статьи не представляется возможным описать развернутую характеристику всех возможных параметров развития федеральных округов и их субъектный состав, способных повлиять на формирование криминальной ситуации в сфере экономических отношений.

Отдельно заметим, что анализ имеющейся статистической информации о преступности в сфере экономической деятельности позволил выделить Северо-кавказский Федеральный округ как одну из территорий с наименьшими зарегистрированными показателями преступлений исследуемой направленности. Приведем некоторые социально-экономические характеристики, которые влияют на формирование такого рода состояния преступности экономической деятельности. Так, например, данный регион представлен самыми наименьшими показателями: по объему сальдированного финансового результата деятельности организаций составляет 0,5 %, оборот розничной торговли – 4,9 %, инвестиции в основной капитал – 3,2 %, финансовые вложения – 0,2 % в структуре всех Федеральных округов Российской Федерации. Следовательно, отмечается меньшая вовлеченность населения в экономическую деятельность региона, которая будет приводить и к меньшей степени ее криминализации.

Исключение составляют производство продукции сельского хозяйства – 7,6 % (3,6 % – Дальневосточный ФО; 4,1 % – Северо-западный ФО; 5,4 % – Уральский ФО). На развитие экономики и социальной сферы Северо-кавказского федерального округа в 2022 г. было выделено 723,9 млрд. рублей (для сравнения в ЦФО – 7 871,1 млрд [5, с. 20] (в 10,8 раз больше)). Данное обстоятельство вполне объяснимо, в том числе особенными демографическими характеристиками (значительная численность населения), уровнем социально-экономического, инновационного, инфраструк-

турного, производственного, этнокультурного и иных особенностей развития региона.

Самыми распространенными преступлениями, предусмотренными гл. 22 УК РФ являются: ст. 171, 171.1, 173.1, 173.2, 174.1, 175, 186, 187, 199 УК РФ. Во всех федеральных округах намечаются фактически схожие тенденции, за некоторым исключением, особенности которых мы рассмотрим в дальнейших наших исследованиях.

В целом, исследование региональных особенностей преступности представляет собой сложный и многомерный процесс, основанный на систематическом анализе различных аспектов преступности. Это исследование позволяет достичь наиболее полного, точного и системного понимания преступности в конкретном регионе. Оно направлено на выявление территориальной специфики преступности в рамках сопоставимых территориально-пространственных систем и раскрытие индивидуальных особенностей преступности, сравнительного анализа с другими регионами.

Список источников

1. Аванесян Э. А. Оценка воздействия COVID-19 на развитие субъектов малого и среднего предпринимательства // Кант. 2020. № 4 (37). С. 15–19.
2. Бадов А. Д. География преступности в России в постсоветский период : автореф. дис. ... д-ра окт. геогр. наук, 2009.
3. Единый отчет о преступности. Ф. 494 кн. 22 // ГИАЦ МВД России.
4. Приволжский федеральный округ: 2022 год – год преодоления вызовов. Аналитический бюллетень Приволжского федерального округа // Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, 2023. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1685963789&tld=ru&lang=ru&name=Бюллетень_2022_ПФО.pdf.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 : Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2022.
6. Семенова Г. Н. Оценка тенденций развития бизнеса в России в условиях пандемии covid-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2021. № 3. С. 123–124.
7. Социально-экономическое положение г. Москвы в январе–феврале 2023 года // Данные управления федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области (Мосстат). URL: <https://77.rosstat.gov.ru/>
8. Тверская область в цифрах // URL: <https://69.rosstat.gov.ru/>
9. Титов: Порядка 60 % российских МСП со-

кратили выручку на треть из-за пандемии. Интервью Уполномоченного при президенте России по защите прав предпринимателей Б. Ю. Титова / ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8810671>.

10. Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения 12.05.2023).

References

1. Avanesyan E. A. Assessment of the impact of COVID-19 on the development of small and medium-sized businesses // *Kant*. 2020. № 4 (37). P. 15–19.
2. Badov A.D. Geography of crime in Russia in the post-Soviet period : autoref. dis. doct. geogr. science, 2009.
3. Unified Crime Report. F. 494 book 22 // GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Volga Federal District: 2022 is the year of overcoming challenges. Analytical Bulletin of the Volga Federal District // Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, 2023. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1685963789&tld=ru&lang=ru&name=Бюллетень_2022_ПФО.pdf.

5. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022: P32 Stat. sat. / Rosstat. Moscow, 2022.
6. Semenova G. N. Assessment of business development trends in Russia in the context of the covid-19 pandemic // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economics*. 2021. № 3. P. 123–124.
7. Socio-economic situation of Moscow in January-February 2023 // Data of the Department of the Federal State Statistics Service for Moscow and the Moscow region (Mosstat). URL: <https://77.rosstat.gov.ru/>
8. Tver region in numbers // URL: <https://69.rosstat.gov.ru/>
9. Titov: About 60 % of Russian SMEs have reduced revenue by a third due to the pandemic. Interview of the Commissioner under the President of Russia for the Protection of the Rights of Entrepreneurs B. Y. Titov / TASS. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8810671>.
10. Federal State Statistics Service // URL: <https://rosstat.gov.ru> (accessed 12.05.2023).

Информация об авторе

Т. В. Молчанова – доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Molchanova – Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.06.2023; одобрена после рецензирования 01.08.2023; принята к публикации 02.10.2023.

The article was submitted 07.06.2023; approved after reviewing 01.08.2023; accepted for publication 02.10.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-196-200>

EDN: <https://elibrary.ru/rsxiou>

НИОН: 2003-0059-6/23-862

MOSURED: 77/27-003-2023-06-061

Инструменты развития правосознания работников транспорта: традиции и современность

Евгений Александрович Нестеров

Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)), Москва, Россия, info@ui-miit.ru

Аннотация. Рассматриваются инструменты формирования правосознания работников транспорта в различные исторические периоды социально-экономического развития Российского государства. Исследуются средства воздействия на правосознание работников железнодорожного транспорта в Российской Империи, особенности революционного правосознания транспортников 1917–1920-х гг., способы формирования правосознания работников транспорта советского периода и современности.

Ключевые слова: транспорт, железнодорожный транспорт, правосознание, правовая идеология, правовая психология, правовое просвещение, правовое убеждение

Для цитирования: Нестеров Е. А. Инструменты развития правосознания работников транспорта: традиции и современность // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 196–200. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-196-200>. EDN: RSXIOU.

Original article

Tools for the development of legal consciousness of transport workers: traditions and modernity

Evgeny A. Nesterov

Russian University of Transport (RUT (MIIT)), Moscow, Russia, info@ui-miit.ru

Abstract. The tools of formation of legal consciousness of transport workers in various historical periods of socio-economic development of the Russian state are being considered. The means of influencing the legal consciousness of railway transport workers in the Russian Empire, as well as the features of the revolutionary legal consciousness of transport workers of the 1917–1920s and the ways of forming the legal consciousness of transport workers of the Soviet period and modernity are being explored.

Keywords: transport, railway transport, legal awareness, legal ideology, legal psychology, legal education, legal conviction

For citation: Nesterov E. A. Tools for the development of legal consciousness of transport workers: traditions and modernity. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):196–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-196-200>. EDN: RSXIOU.

На протяжении многих столетий объектом пристального внимания правоведов остаются вопросы субъективной оценки, восприятия права отдельными индивидуумами, группой людей или обществом в целом. Совокупность таких оценок, представлений, идей, эмоций и чувств составляют сущность такого масштабного явления как правосознание. Его значимость для правовой системы можно проиллю-

стрировать определением известного теоретика права, профессора Анатолия Борисовича Венгерова, отмечавшего, что «правосознание – это, по существу, оценка права, существующая в обществе, выражающая критику действующего права и формирующая определенные надежды и пожелания к правовой сфере, ее изменениям, определяющая, что считать правом, а что неправом» [2, с. 281].

Традиционно, правосознание дифференцируется на категории: обыденное, профессиональное и научное; индивидуальное, групповое и массовое.

Профессиональное правосознание свойственно представителям юридического сообщества, тем, кто способен рассматривать правовые явления через призму профессиональной деятельности, оценивать их с позиций правоприменения и толкования права. Но, полагаем, что и представители иных профессий могут быть объединены собственными представлениями о праве – для них может быть характерно групповое правосознание, сформированное на основании принадлежности к определенному профессиональному сообществу.

В этой связи большой интерес представляет рассмотрение правосознание работников транспорта. Для этой категории работников развитие правосознание – синоним правомерного поведения, определяющего бесперебойное и безопасное функционирование транспортного комплекса, деятельность которого во все времена представляла собой источник повышенной опасности.

Уже со времен Российской Империи законодателям использовались инструменты, формировавшие у транспортников уважение к праву. В те времена основными средствами для этого выступали социальные гарантии и меры поощрения. Наличие пособий и компенсаций, возможностей вознаграждения за добросовестный труд выступали залогом развития позитивных эмоций и чувств, которые, в свою очередь, являются элементами правовой психологии – структурной части правосознания.

Так, рабочим и служащим железных дорог, помимо традиционных пособий на лечение или пенсионных выплат назначались также денежные компенсации при переходе железных дорог из категории частных в категорию казенных, выплачивались пособия в случае невозможности перевода на более легкую работу, предусматривалась выплата пособий, причитавшихся умершему работнику, его вдове. Значимой нормой являлось также включение в стаж для назначения пенсии времени, в течение которого железнодорожник находился «в учениках при мастерских или депо» [3, с. 18, 28, 31, 33].

В числе нормативных правовых актов, определявших меры поощрения работников железнодорожного транспорта, можно выделить Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 15 мая 1886 г. «О вознаграждении служащих на казенных железных дорогах за обнаружение бесплатной или не вполне оплаченной перевозки пассажиров или грузов». К подобным актам относится и Высочайше утвержденные 16 сентября 1916 г. Положения Совета Министров об осуществлении некоторых постановлений проекта

Устава о службе на казенных железных дорогах, закреплявшие для служащих казенных железных дорог установление поощрения в размере 10 % от основного жалования за каждое пятилетие службы на одной и той же железной дороге в пределах Европейской России, и за каждое четырехлетие – в пределах Азиатской России. Положения Устава о службе по определению от Правительства 1832 г. содержали нормы о наградах за службу для инженеров и техников железнодорожного транспорта.

Сложный для страны предреволюционный и революционный период нашел свое отражение и в правосознании железнодорожников. В августе 1917 года, в условиях разрухи и отсутствия денежных средств, в адрес Временного правительства, министра путей сообщения, администраций железных дорог стали поступать коллективные заявления от путейцев с требованиями об улучшении материального положения и условий труда. «Из честных людей, – говорилось в них, – мы делаемся ворами. В поисках пропитания мы принуждены при производстве маневров умышленно разбивать вагоны, брать из них продовольствие» [1, с. 416]. Неправомерное поведение доведенных до отчаяния железнодорожников стало показателем нежизнеспособности законодательных решений Временного правительства.

В первые годы Советской власти правосознание транспортников формировалось в русле феномена, получившего наименование «революционное правосознание». В его структуре правовая идеология и правовая психология преломлялись через волю, потребности и интересы победившего класса. Так, одним из первых документов советской власти стало принятое 26 октября (8 ноября) 1917 года обращение II Всероссийского съезда Советов, содержавшее концептуальные начала нового правопорядка на транспорте. В обращении выражалась уверенность власти в высоком уровне правосознания железнодорожных рабочих и служащих, которое обеспечило бы «...сохранение полного порядка на железных дорогах», бесперебойное движение, беспрепятственный пропуск продовольствия в города и на фронт [7]. Обращение также содержало и позитивное для формирования правовой психологии работников положение о том, что «Революционная власть Советов берет на себя заботу об улучшении материального положения железнодорожников», а их представители войдут в состав нового Министерства путей сообщения.

Вместе с тем, революционное правосознание первых лет советской власти подчиняло любую деятельность достижению целей рабоче-крестьянской власти. Инструментами достижения целей становилось жесткое принуждение и революционные трибуналы. Так, показательным является пример «Тульского процес-

са» 1920 года, когда 39 человек из числа руководства и рабочих тульских железнодорожных мастерских были привлечены к ответственности за падение производительности труда. Осужденным были назначены наказания в виде принудительных работ различной продолжительности с содержанием под стражей.

Первостепенная роль железнодорожного транспорта для экономики страны обусловила и меры всеобщей трудовой мобилизации, объявленной 30 января 1920 года постановлением Совета Рабоче-Крестьянской Обороны. В соответствии с указанным постановлением, лица ведущих железнодорожных профессий (машинисты, слесари, монтеры пути и т. п.) от 18 до 50 лет, ранее трудившиеся на железных дорогах, должны были покинуть занимаемые должности в иных учреждениях и организациях и вернуться на железные дороги.

За уклонение обязанностей по трудовой мобилизации предусматривалось осуждение революционным трибуналом с назначением наказания – лишения свободы на срок до 5 лет. Аналогичному наказанию подвергались также «...ответственные заведующие и управляющие учреждениями и предприятиями, виновные в укрывательстве и несообщении сведений о состоявших в их предприятиях на службе лицах», на которых распространялось требование о возобновлении труда на железных дорогах [8, с. 62–63].

Вместе с тем, условия жесткого принуждения не исключали и элементов поощрения за добросовестный труд. Так, 31 декабря 1919 года было принято постановление СНК об отпуске Народному комиссариату путей сообщения 10 вагонов муки для выдачи премий рабочим железнодорожных мастерских. Согласно постановлению, за увеличенный выпуск паровозов из ремонта предусматривалось премирование рабочих Вологодских, Ярославских, Муромских и Ковровских железнодорожных мастерских и работников депо Москва, Тверь, Бологое, Малая Вишера, Петроград, Вологда и Ярославль [9].

Действенным способом формирования правосознания призвана была стать традиция присвоения железнодорожным объектам имен наиболее отличившихся железнодорожников – данная поощрительная мера предусматривалась Положением «О поощрении работников транспорта, отличившихся на трудовом фронте», утвержденным Постановлением СНК СССР от 03.11.1930 г. № 47/603а [10].

В более позднее время, в период устоявшейся социалистической системы хозяйствования к инструментам формирования правосознания работников относились средства воздействия на психоэмоциональную сферу, в том числе: «...создание отношений товарищеской взаимопомощи и взаимного уважения, деловой авторитет непосредственного руководителя,

оказание общественного почета лицам, добросовестно выполняющим свою трудовую функцию, непримиримое отношение к нарушителям трудовой дисциплины» [11, с. 335].

Современные подходы развития правосознания базируются на увеличившейся роли правового убеждения, правового информирования и правового просвещения.

Правовое убеждение относится к формам правовой идеологии и воплощается в корпоративных нормах служебного поведения работников транспорта, этических кодексах, уставах и положениях и дисциплине.

Так, в Положении о дисциплине труда работников железнодорожного транспорта Российской Федерации характеризуется значение правомерного поведения в железнодорожной отрасли, указывается, что от работников предприятий, учреждений, и организаций железнодорожного транспорта требуется высокая организованность в работе и безукоризненное выполнение трудовых обязанностей в целях обеспечения безопасности движения поездов и маневровой работы, сохранности перевозимых грузов, багажа и иного вверенного имущества, а также во избежание ситуаций, угрожающих жизни и здоровью пассажиров [4]. Подчеркивается особо вредный характер последствий нарушения дисциплины на железнодорожном транспорте, выражающийся в создании угрозы жизни и здоровью людей, безопасности движения поездов и маневровой работы, сохранности перевозимых грузов, багажа и иного вверенного имущества, в невыполнении договорных обязательств.

Корпоративное нормотворчество также является источником формирования правосознания работников, воздействуя на их эмоционально-волевую и поведенческую сферу. Кодекс деловой этики открытого акционерного общества «Российские железные дороги», утвержденный распоряжением ОАО «РЖД» от 6 мая 2015 г. № 1143р [5], закрепляет комплекс правил, направленных на осознание работниками ценности правоориентированного поведения. Аналогичную цель преследует и Кодекс корпоративной этики ПАО «Аэрофлот», утвержденный решением Совета директоров ПАО «Аэрофлот» от 31 мая 2019 г., протокол № 21 [6]. Оба документа содержат положения о необходимости соблюдения правовых и корпоративных норм, этических и моральных правил, воспитания нетерпимости к любым проявлениям коррупции.

Правовое информирование и правовое просвещение как способы повышения правовых знаний, укрепления правовой культуры и правосознания работников транспорта, активно реализуются через образовательные инструменты. Ведущая роль в развитии правосознания транспортников принадлежит

Юридическому институту Российского университета транспорта. Более пятидесяти программ дополнительного профессионального образования для работников транспортного комплекса не только обогащают профессиональные навыки и знания правовыми компетенциями, но и формируют правомерное поведение, нетерпимость к коррупции и иным негативным социальным явлениям. В течение 2022 года в Юридическом институте РУТ по программам дополнительного профессионального образования обучилось более трех тысяч транспортников, в числе которых и государственные служащие Министерства транспорта Российской Федерации и подведомственных ему организаций, и работники, непосредственно обеспечивающие движение транспортных средств, и представители сил обеспечения транспортной безопасности.

Для студентов РУТ (МИИТ) – будущих инженеров транспорта – предусмотрено изучение правовых дисциплин, направленных на развитие понимания ценности права, воспитание уважения к закону, соблюдение требований правовых норм в профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Таким образом, инструменты развития правосознания работников транспорта в различные исторические периоды определялись особенностями этапа социально-экономического развития Российской Федерации. Правосознание является основой правомерного поведения – задачи по его обеспечению никогда не утратят своей актуальности, равно как и транспорт никогда не утратит своего значения для экономики страны.

Список источников

1. Аксёненко Н. Е. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2 : 1917–1945 гг. СПб, 1997.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2018.
3. Сборник правил и циркуляров о назначении пособий, наград и вознаграждений служащим на казенных железных дорогах / Сост. М. С. Лянченков, ст. контролер Контроля Сызрано-Вяземской ж. д. – Неофиц. изд. СПб : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1902. [2], VI, 96 с. ; 27 см. (1898–1901 г. Распоряжения и циркуляры по постройке и эксплуатации казенных железных дорог).
4. Положение о дисциплине работников железнодорожного транспорта Российской Федерации, утв. Постановлением Правительства РФ от 25.08.1992 г. № 621 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кодекс деловой этики открытого акционерного общества «Российские железные дороги», утвержденный распоряжением ОАО «РЖД» от 06.05.2015 г. № 1143р // СПС «КонсультантПлюс».

6. Кодекс корпоративной этики ПАО «Аэрофлот», утвержденный решением Совета директоров ПАО «Аэрофлот» от 31.05.2019 г., протокол № 21 // URL <https://www.aeroflot.ru/>
7. Обращение Второго Всероссийского съезда Советов «Ко всем железнодорожникам» // Радиограмма и юзограмма ; «Газета» № 1, 28 октября ; «Известия» № 208, 27 октября ; «Правда» № 170, 27 октября ; «Рабочий и Солдат» № 9, 26 октября. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957.
8. Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 30 января 1920 г. № 52 «Об объявлении трудовой мобилизации лиц, работавших на железных дорогах» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР М., 1943.
9. Постановление СНК об отпуске Народному комиссариату путей сообщения 10 вагонов муки для выдачи премий рабочим железнодорожных мастерских. Москва, Кремль. 30 декабря 1919 г. // Декреты Советской власти о Петрограде. 31 января 1919 г. – 21 декабря 1920 г. Л. : Лениздат, 1987.
10. Положение «О поощрении работников транспорта, отличившихся на трудовом фронте», утвержденным Постановлением СНК СССР от 03 ноября 1930 г. № 47/603а // СЗ СССР. 1930 № 56. Ст. 586.
11. Советское трудовое право. М., 1987.

References

1. Aksyonenko N. E. History of railway transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2 : 1917–1945. St. Petersburg, 1997.
2. Vengerov A. B. Theory of Government and Rights. M., 2018.
3. Collection of rules and circulars on the appointment of benefits, awards and rewards to employees on state-owned railways / Comp. M. S. Lyanchenkov, Art. inspector of the Control of the Syzran-Vyazemskaya railway. – Unofficial. ed. St. Petersburg : Type. D. V. Chichinadze, 1902. [2], VI, 96 p. ; 27 cm (1898–1901 Orders and circulars for the construction and operation of state-owned railways).
4. Regulations on the discipline of railway workers of the Russian Federation, approved by Decree of the Government of the Russian Federation of 25 августа 1992 № 621 // LRS Consultant Plus.
5. Code of Business Ethics of Open Joint Stock Company «Russian Railways», approved by order of JSC «Russian Railways» dated 06.05.2015 № 1143r // LRS «ConsultantPlus».

6. Code of Corporate Ethics of PJSC Aeroflot, approved by the decision of the Board of Directors of PJSC Aeroflot dated May 31, 2019, Minutes № 21 // <https://www.aeroflot.ru/>
7. Appeal of the Second All-Russian Congress of Soviets «To all railway workers» // Radiogram and yuzogram; «Newspaper» № 1, October 28; Izvestia № 208, October 27; Pravda № 170, October 27; «Worker and Soldier» № 9, October 26. Decrees of the Soviet power. T. I. October 25, 1917 – March 16, 1918 M. : Politizdat, 1957.
8. Decree of the Council of Workers' and Peasants' Defense of 30.01.1920 № 52 «On the announcement of the labor mobilization of persons working on the railways» // Collection of legalizations and government orders for 1920. Management of the Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. M., 1943.
9. Decree of the Council of People's Commissars on the release of 10 wagons of flour to the People's Commissariat of Railways for the issuance of bonuses to workers of railway workshops. Moscow Kremlin. December 30, 1919 / Decrees of the Soviet government on Petrograd. January 31, 1919 – December 21, 1920. L. : Lenizdat, 1987.
10. Regulation «On the promotion of transport workers who have distinguished themselves on the labor front», approved by the Decree of the Council of People's Commissars of the USSR dated 03.11.1930 № 47/603a// SZ of the USSR. 1930 № 56. Art. 586.
11. Soviet labor law. M., 1987.

Библиографический список

1. Виноградов П. Г. Очерки по теории права. М., 1915.

Bibliographic list

1. Vinogradov P. G. Essays on the theory of law. M., 1915.

Информация об авторе

Е. А. Нестеров – директор Юридического института Российского университета транспорта (РУТ МИИТ), кандидат юридических наук.

Information about the author

E. A. Nesterov – Director of the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT (MIIT)), Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Криминология. 7-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Г.А. Аванесова. 447 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Учебник посвящен изучению криминологии как науки, преступности - как социально-правового явления. Рассматриваются история криминологической науки, методология и методы криминологического исследования; особенности личности преступника и механизм совершения конкретных преступлений, меры их предупреждения, факторный анализ преступности.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, анализируются криминологические особенности и меры предупреждения насильственной, организованной, рецидивной и профессиональной, неосторожной преступности; преступлений против собственности, преступлений в сферах экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин. Приведен словарь криминологических терминов.

Для студентов юридических вузов.

Научная статья

УДК 34:351.74

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-201-204>

EDN: <https://elibrary.ru/zdagku>

НИОН: 2003-0059-6/23-863

MOSURED: 77/27-003-2023-06-062

О концепции совершенствования административной деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений

Юрий Ильич Попугаев¹, Владислав Андреевич Струков²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, popugaev@list.ru

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, bull_dogg2006@mail.ru

Аннотация. Обосновывается актуальность исследования деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Полученные результаты исследования указывают на необходимость и возможность оптимизировать административно-правовые механизмы деятельности не только участкового уполномоченного полиции по противодействию правонарушениям в сфере семейно-бытовых отношений, но и других правоохранительных органов, органов исполнительной власти, судей, представителей общественности с учетом закономерностей их функционирования и тенденций развития на основе системного подхода, системных свойств, новых интегральных качеств.

Ключевые слова: правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, участковый уполномоченный полиции, правоохранительные органы, здоровье населения, семейно-бытовое насилие, защитное предписание, специальная коррекционная программа, член семьи

Для цитирования: Попугаев Ю. И., Струков В. А. О концепции совершенствования административной деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 201–204. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-201-204>. EDN: ZDAGKU.

Original article

About the concept of improving the administrative activities of the district police commissioner for the prevention of offenses in the field of family and household relations

Yury I. Popugaev¹, Vladislav A. Strukov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, popugaev@list.ru

² St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, bull_dogg2006@mail.ru

Abstract. The relevance of the study of the activities of the district police commissioner for the prevention of offenses in the field of family and household relations is being substantiated. The results of the study indicate the need and the possibility to optimize the administrative and legal mechanisms of the activities of not only the district police commissioner for countering offenses in the field of family and household relations, but also other law enforcement agencies, executive authorities, judges, members of the public, taking into account the laws of their functioning and development trends based on a systematic approach, systemic properties, new integral qualities.

Keywords: offenses in the sphere of family and household relations, local police commissioner, law enforcement agencies, public health, family and domestic violence, protective order, special correctional program, family member

For citation: Popugaev Yu. I., Strukov V. A. About the concept of improving the administrative activities of the district police commissioner for the prevention of offenses in the field of family and household relations. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):201–204. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-201-204>. EDN: ZDAGKU.

© Попугаев Ю. И., Струков В. А., 2023

Правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений являются часто встречающимся явлением фактически во всех сегментах жизнедеятельности человека. При этом наибольшую значимость проблемы правонарушений в области семейно-бытовых отношений и, в частности, наиболее общественно опасных – насильственных, приобретают в периоды радикальных исторических трансформаций и революционных изменений, сопровождающихся коренной ломкой традиционных общественных укладов. По всеобщему признанию, нынешнее человечество в начале нового столетия переживает именно подобный переходный этап модификации «цивилизационных вех». Насилие носит не только физически деструктивный, но и морально-нравственный разлагающий характер, причиняет урон этическому и моральному здоровью, как обществу в целом, так и отдельным его индивидам. По этой причине насилие отрицается передовыми слоями общества, учеными самых разных сфер и областей, мировыми религиями.

Правоохранительные органы, в том числе полиция, и суды вторгаются в семейные конфликты в крайнем случае, едва лишь тогда, когда дело доходит до тяжкого физического вреда [1, с. 221–253]. Психический вред вообще, как правило, не принимается во внимание и почти не имеет юридической оценки. Исключением являются лишь угрозы убийством и оскорбления, однако и дела аналогичного рода почти не доходят до судебной инстанции. Так, подавляющее большинство дел о семейно-бытовом насилии над несовершеннолетними детьми в семье не доходят и до полиции по различным причинам. Отцы и матери отказываются от ранее данных показаний. Помимо этого констатируется крайне низкая общественная ответственность соседей, близких родственников – тех, кто имеет реальную возможность увидеть или услышать, как ребенку причиняется вред. Сами дети научены, что любая семья лучше приюта, а также боятся потерять благосклонность отрицательно характеризующихся родителей, к которым они продолжают хорошо относиться. Безжалостное обращение с несовершеннолетними начинает интересовать систему правосудия исключительно в тех случаях, когда наличествуют тяжкие последствия. В подобных обстоятельствах инициатором возбуждения уголовного дела выступают органы здравоохранения, которые при выявлении следов побоев извещают полицию.

Федеральный закон «О профилактике насилия в семье», о котором говорится более 25 лет, так и не принят. Это осложняет работу судов и административную деятельность правоохранительных органов, так как в отсутствие необходимой правовой регламентации почти невозможно изолировать совершившего насилие. Чаще всего именно жертва уходит из дома, ищет убежище, а виновник остается на своей территории. Как правило, рассмотрение дел в судах затягивается

на месяцы и годы, что предопределяет, безусловно, дополнительный стресс жертве.

Дефиниция содержания семейного насилия, его форм и разновидностей, по мнению многих современных исследователей, – первоочередная научная и законодательная задача, без решения которой неосуществимо не только противостоять актам насилия в семейных взаимоотношениях, но даже установить реальный масштаб этой общественной проблемы [2, с. 123–130].

Актуальность данного направления работы обусловлена также и тем, что к настоящему времени не работают такие общественные институты, как товарищеские суды, советы общественности; во многих населенных пунктах отсутствует инфраструктура учреждений и служб, реализовывающих деятельность по оказанию психологической, педагогической, общественной, врачебной, юридической, финансовой помощи семьям по предупреждению семейного неблагополучия, а также социальной реабилитации семей и несовершеннолетних детей, которые находятся в социально-трудном положении.

Обращаясь к деятельности полиции, многие ошибочно полагают, что главной ее задачей является розыск правонарушителей, совершивших различного рода противоправные посягательства, но в подобных случаях вред общественным интересам фактически уже причинен, и, следовательно, приоритетным направлением деятельности полиции является предотвращение совершения правонарушений, что реализуется путем проведения постоянной превентивной работы. Причем, основная нагрузка по профилактике ложится на плечи участковых уполномоченных полиции.

Так, в 2020 г. участковыми уполномоченными полиции установлено каждое четвертое лицо (23,6 %), совершившее преступление в семейно-бытовой сфере, пресечено более трети (37,7 %) административных правонарушений в семейно-бытовой сфере, рассмотрено порядка 40 % всех обращений, поступивших в органы внутренних дел (при этом только одним представителем данных подразделений в год разбирается около 277 заявлений) [3].

Учитывая недостаточную эффективность деятельности службы участковых уполномоченных полиции по предупреждению насилия в семье и актуальность проблем организации предупреждения насилия в семье, необходимо объединить усилия ученых и практических работников в направлении решения этих проблем.

Следует отметить, что по перечисленным выше актуальным проблемам в рассматриваемой сфере отношений было выполнено диссертационное исследование на кафедре административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. При проведении исследования, формулировании вы-

водов и рекомендаций нами предложена концепция совершенствования административной деятельности участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, которая включает в себя три направления.

Первое направление. В предложениях по совершенствованию общетеоретических вопросов административной деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений:

1. Сформулировано несколько авторских понятий:

- «семейно-бытовые отношения»; «члены семьи»; «лица, приравненные к членам семьи»; «семейное насилие» и «административные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений»;
- административная деятельность участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений – это перманентная, планомерная, целенаправленная, подзаконная, государственно-властная, внешненаправленная правоохранительная деятельность, основанная на нормах административного права, носящая исполнительно-распорядительный характер, осуществляемая в административно-правовых формах с использованием административно-правовых методов с целью реализации основных функций участковых уполномоченных полиции по обеспечению прав, свобод и интересов граждан в области семейно-бытовых отношений, по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, привлечению виновных лиц к ответственности, недопущению повторного совершения противоправных деяний.

2. Аргументировано:

а) формирование в России центров помощи жертвам насилия в семье на основе картографического метода, который целесообразно применять и в деятельности участковых уполномоченных полиции по профилактике и пресечению внутрисемейного насилия;

б) использование «защитного предписания», заставляющего лицо, совершившему насилие в семье, совершать определенные действия или наоборот требующего от него совершения определенных действий.

Второе направление. В предложениях по модернизации практического направления административной деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений:

1. Научно обосновано создание на базе ВНИИ МВД России структурного подразделения (отдела, секции) по исследованию и решению проблем профилактики правонарушений в семейно-бытовой сфере.

2. Доказана необходимость открыть на базе не-

скольких высших учебных заведений системы МВД России курсы повышения квалификации участковых уполномоченных полиции, где должен обязательно изучаться спецкурс «Профилактика правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений». В дополнение предлагается создать научно-практическую секцию из числа преподавателей и научных сотрудников учебных организаций системы МВД России с аналогичным названием, на которой ее членами, другими специалистами по превенции правонарушений в семейном быту будут рассматриваться материалы нормативно-правового, научно-практического, учебно-методического характера по рассматриваемой проблематике.

3. Аргументировано создание и запуск единого интегрированного федерального информационно-аналитического банка данных «Семейное насилие».

Третье направление. В предложениях по оптимизации законодательного направления административной деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений:

1. Обосновывается доработка, обсуждение и принятие федерального закона «О профилактике насилия в семье»; аргументируется дополнение федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» подпункта 17 п. 1. ст. 6, где перечисляются основные направления профилактики правонарушений, диспозицией: «предупреждение насилия в сфере семейно-бытовых отношений»; доказана необходимость закрепления в федеральном законе «О полиции» в ст. 2 дополнительного направления административной деятельности полиции: «Профилактика насилия в сфере семейно-бытовых отношений».

2. Доказана необходимость принятия приказа МВД России «О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений».

3. Приведены доводы по инноватизации КоАП РФ: обосновывается положение о том, что совершение административного правонарушения в отношении членов семьи и лиц, приравненных к ним, целесообразно включить пунктом 7 в статью 4.3 КоАП РФ «Обстоятельства, отягчающие административную ответственность»; кроме того следует дополнить КоАП РФ ст. 6.1.2. «Совершение насилия в семье, не причинившего физическую боль, невыполнение защитного предписания или не прохождение специальной коррекционной программы».

Полученные результаты исследования указывают на необходимость и возможность оптимизировать административно-правовые механизмы деятельности не только участковых уполномоченных полиции по противодействию правонарушениям в сфере семейно-

бытовых отношений, но и других субъектов, а именно: других правоохранительных органов, органов исполнительной власти, судей, представителей общественности с учетом закономерностей их функционирования и тенденций развития на основе системного подхода, системных свойств, новых интегральных качеств.

Список источников

1. Административная деятельность полиции. Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. // под ред. В. А. Кулина / С. С. Лампадова, А. А. Беженцев, О. В. Воронина и др. Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб, 2016.
2. Беженцев А. А. Административная деятельность по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Монография. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб : СПб ун-т МВД России, ООО «Р-КОПИ», 2017.
3. Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации за 2020 г. : статистический сборник. Москва :

ГИАЦ МВД России, 2020. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/results/annual_reports (дата обращения: 25.02.2023).

References

1. Administrative activities of the police. Lecture course. 2nd ed., rev. and additional // ed. by V. A. Kudin / S. S. Lampadova, A. A. Bezhenstev, O. V. Voronina and others. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. St. Petersburg, 2016.
2. Bezhenstev A. A. Administrative activities for the prevention of juvenile delinquency. Monograph. 2nd edition, corrected and supplemented. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, R-KOPI LLC, 2017.
3. Information on the administrative practice of the internal affairs bodies of the Russian Federation for 2020: a statistical compendium. Moscow: GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. URL: https://mvd.rf/dejatelnost/results/annual_reports (accessed: 25.02.2023).

Информация об авторах

Ю. И. Попугаев – начальник кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

В. А. Струков – преподаватель кафедры административной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the authors

Yu. I. Popugaev – Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

V. A. Strukov – Lecturer of the Department of Administrative Activities of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 30.10.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Научная статья

УДК 34.03

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-205-209>

EDN: <https://elibrary.ru/zhhjld>

НИОН: 2003-0059-6/23-864

MOSURED: 77/27-003-2023-06-063

Правосознание субъектов со специальным правовым статусом

Артём Григорьевич Репьев

Академия управления МВД России, Москва, Россия, repev-artem@yandex.ru

Аннотация. Исследуются отдельные закономерности состояния правового сознания субъектов со специальным правовым статусом, обладающих им в силу выполнения государственных и общественных функций. На основе эмпирических данных, решений судебных органов выдвигается и аргументируется гипотеза о кризисных тенденциях правосознания государственных служащих, восприятию ими таких элементов своего правового статуса как преимущества в качестве инструмента для обхода закона при привлечении их к юридической ответственности за совершенные правонарушения. Предлагаются меры, направленные на укрепление правового сознания субъектов со специальным правовым статусом, подчеркивается важность зрелого, развитого правового сознания для эффективного осуществления должностных обязанностей.

Ключевые слова: правосознание, правовой статус, правовые преимущества, иммунитет, юридическая ответственность

Для цитирования: Репьев А. Г. Правосознание субъектов со специальным правовым статусом // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 205–209. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-205-209>. EDN: ZHHJLD.

Original article

Legal knowledge of subjects with special legal status

Artem G. Repev

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, repev-artem@yandex.ru

Abstract. Separate patterns of the state of legal consciousness of subjects with a special legal status possessing it due to the performance of state and public functions are investigated. Based on empirical data, decisions of the judicial authorities, a hypothesis is put forward about the crisis trends in the legal awareness of civil servants, their perception of such elements of their legal status as advantages as a tool for circumventing the law in bringing them to legal responsibility for committed offenses. Measures are proposed to strengthen the legal consciousness of subjects with special legal status, the importance of a mature, developed legal consciousness for the effective implementation of official duties is emphasized.

Keywords: legal knowledge, legal status, legal advantages, immunity, legal liability

For citation: Repev A. G. Legal knowledge of subjects with special legal status. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):205–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-205-209>. EDN: ZHHJLD.

На сегодняшний день тезис о кризисе правового сознания членов нашего общества, при всем сожалении, не только не отличается оригинальностью, но и воспринимается как весьма привычное явление. Возможно, не стоило бы начинать изложение материала с такого печального аутодафе, но этому вторят многочисленные юридические факты, публично освещаемые в медиа пространстве. Речь идет об укоренив-

шихся проявлениях правового популизма, нигилизма, инфантилизма и прочих формах деформации восприятия юридических норм и правил поведения в социуме. Подобные явления впоследствии, как известно, приводят к усугублению общекультурной ситуации в стране, упущениям в идеологии воспитания подрастающего поколения, деградации их ценностных установок, порождают общую духовную пустоту, обнажают

© Репьев А. Г., 2023

противоречия построения гражданского общества. Однако еще более пагубно на развитии государства и становлении его как правового и социального отражается низкий уровень правового сознания субъектов со специальным правовым статусом, наделенным им в силу занимаемой должности и выполнения социально значимых функций.

В юридической науке совокупность идей, взглядов, чувств, эмоций относительно правовых предписаний у субъектов, обладающих юридическими познаниями, опытом правоприменительной деятельности, традиционно отнесена к профессиональному типу правосознания [1, с. 21]. К слову, в среде ученых присутствует и более расщепленная типология правосознания, сформировавшегося в силу профессиональной деятельности. К примеру, профессор В. П. Малахов обособленно в ней выделяет «государственническое правосознание» [7, с. 9], Н. Я. Соколов предлагал рассматривать «профессионально-юридическое правосознание» [15, с. 183] и т. д.

Так или иначе, речь в данном материале пойдет о закономерностях современной трансформации группового правосознания, т. е. системы убеждений, установок, оценок правовых норм, сложившейся у субъектов со специальным правовым статусом, наделенных им в рамках выполнения государственных функций, связанных с профессиональной юридической деятельностью. Это, как думается, позволит обогатить познание сущности феномена «правосознание» через категориальную единицу «особенное», поскольку «общее» исследовано наукой весьма обстоятельно, а «единичное», в силу наполнения индивидуальными признаками конкретной личности, вряд ли может стать поводом для освещения на страницах статьи сугубо юридического профиля. Сразу оговоримся, что изучение общих закономерностей правосознания указанной профессиональной группы могло бы стать предметом полноценного монографического труда, поэтому в рамках тезисно излагаемого текста мы остановимся лишь на отдельных проблемных сторонах вопроса. В частности, рассмотрим некоторые сбои, дефекты в осознании права субъектами со специальным правовым статусом, которые перестали носить эксклюзивный характер, приобретая черты закономерности.

В 1975 году коллектив ученых под руководством Д. А. Керимова в фундаментальной работе, посвященной правосознанию, обращал внимание на кризис идей и взглядов о праве в буржуазных странах, подмечая следующие негативные формы поведения. «Государственная администрация и деловые круги, требуя от остальных граждан соблюдения правил и законов, всеми путями стараются игнорировать свою собственную обязанность подчиняться праву. Почти все они – от мелкого чиновника до сотрудников федерального правительства и самого высшего руководства – едины в своем неуважении к праву» [11, с. 167].

Согласимся с общим посылом мысли автора – от-

рицание права, как инструмента охраны и защиты свободы человека, скрепы моральных, духовных и материальных ценностей, не может быть оправдано ни с чьей стороны. Однако наибольший вред обществу наносят проявления деформаций правосознания именно со стороны сообщества профессиональных служащих, имеющих юридические познания, навыки практической деятельности по применению юридических установлений. Прав В. В. Лазарев: «всем своим поведением, каждым действием правоприменитель показывает пример правильного отношения к закону, к фактам неправомерного поведения <...> иначе присущее гражданам чувство законности и уважения к государственному органу начинает колебаться, а отрицательные представления и убеждения упрочиваются» [6, с. 23]. Должностные лица правоохранительных, контрольно-надзорных учреждений и служб, служители правосудия наделяются специальным правовым статусом, открывающим им доступ для благ и преимуществ не для личной выгоды, а в целях беспрепятственного выполнения юридических обязанностей.

Подобным преимуществом в форме иммунитета выступает, например, особый процессуальный порядок привлечения к административной ответственности и применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении (доставления, административного задержания, личного досмотра и пр.). Нормативной основой для послабления является положение ст. 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, содержащее как прямое исключение в отношении «депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета Российской Федерации», так и норму-оговорку бланкетного характера, отсылающую правоприменителя по меньшей мере к восемнадцати федеральным законам [5]. Их толкование позволяет сформировать не менее тридцати категорий субъектов, обладающих, так называемой, повышенной неприкосновенностью: от присяжных и арбитражных заседателей и их близких, до членов коллегии, инспекторов и иных сотрудников Счетной палаты Российской Федерации [8; 9].

Убеждены, что подобные отступления от принципа формально-юридического равенства предоставлены субъектам со специальным правовым статусом для защиты их от компрометации, провокации, служащие гарантией объективности и беспристрастности при выполнении государственных функций. Однако следует понимать, что в целом положительный заряд системы правовых преимуществ может быть искажен: как в силу неверного толкования ее юридической природы, так и ввиду групповых дефектов правосознания. В результате, цели (в данном случае иммунитета от административной ответственности) фальсифицируются, а особые процессуальные условия применения мер пресечения противоправного поведения становятся непреодолимым барьером, открывающим путь к вседозволенности и безнаказанности [12, с. 23].

Практика применения норм административного законодательства подтверждает сказанное. Только за последние 6 лет (с 2017 г. по 2022 г.) нами обнаружено свыше сорока решений судов общей юрисдикции, в рамках которых обжалуются решения районных судов о привлечении к административной ответственности субъектов со специальным правовым статусом, обладающих иммунитетом. Виды и формы их деяний, свидетельствуют не только об укоренившемся правовом нигилизме (как например, в случаях с управлением транспортным средством с тонированными стеклами минимальной светопропускаемости), но и о крайней форме релятивизма, сочетающемся с антиправовым идеализмом, а иными словами, уверенности в своем абсолютном всеилии (применительно к управлению транспортным средством в состоянии опьянения) [10; 13; 14]. Здесь вполне уместно вспомнить слова И. А. Ильина не только о запущенном и пренебреженном правосознании, но и об «уродливом или даже одичавшем» [2, с. 4, 147]. Как мы помним, автор излагал данные мысли применительно к «недугам самоутверждения» и, экстраполируя мысли ученого на нынешних государственных лиц, полагаем есть в этой связи, над чем задуматься. Можно также себе представить, сколько подобных казусов осталось за рамками официальной процедуры административного производства и решено на месте совершения деяния посредством «теневых» права (например, т. н. «телефонного»).

Искажение правосознания субъектов со специальным правовым статусом, на наш взгляд, становится следствием нивелирования другого элемента данной юридической конструкции, а именно – юридической ответственности, при том повышенной. Последняя, в данном аспекте, рассматривается нами и в ретроспективном ключе, и в позитивном, в значении осознания важности за порученное дело, социальной значимости выполняемых государственных функций, синонимично категории «долг».

Относительно первого значения, стоит напомнить, что на сегодняшний день по-прежнему лишь сотрудники органов внутренних дел обладают повышенной юридической ответственностью за умышленно совершенное общественно-опасное деяние (как известно, наличие статуса сотрудника включено в перечень отягчающих признаков при уголовно-правовой квалификации) [16]. Применительно ко второму значению элемента «повышенная ответственность» в структуре специального правового статуса заметим, что он отталкивается от природы и социальной сущности «дела служения Отечеству». Оно априори предполагает более развитый уровень правового сознания, высокую правовую культуру, соответствующий моральный облик и пр. Не случайно различными нормативными правовыми актами утверждены кодексы чести и профессиональной этики служителей государства [3; 5].

Парадоксально видеть на показанных примерах

обратную картину. Искажение правосознания субъектов со специальным правовым статусом, обладающих не только фундаментальными знаниями права, но и опытом практической деятельности, позволяет им с легкостью прибегать к процессуальным манипуляциям, способствующим обходу закона. К примеру, не раскрывать свое правовое положение до окончания осуществления мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а делать это лишь по их окончании, добиваясь признания незаконности всей процедуры (при этом, не безуспешно). Впоследствии, если материалы и будут переданы уполномоченному на рассмотрение подобной категории дел субъекту, объективные и фактические данные, необходимые для вынесения законного и обоснованного решения, как правило, уже утрачены (происходит естественное вытрезвление лица, устраняется соответствующая техническая неисправность в виде тонирующей пленки и пр.).

Возможно, подобные тенденции свидетельствуют об общем кризисе правосознания, утрате общественного нравственного идеала. В результате, на таком массовом негативном фоне становятся более рельефными и изъясны группового профессионального правосознания. Субъекты со специальным правовым статусом, не имея внутреннего стержня, на котором основывались бы правовые установки, моральные табу, поддаются искушению допустить не только безнравственный поступок, но и противозаконный. При этом, впоследствии не отрицая факт их наличия, но ссылаясь на юридические гарантии своей неприкосновенности, которыми легализуется всеилие и безнаказанность. Между тем, забывается главное, что правовые преимущества – важный, но сопутствующий компонент специального правового статуса субъекта, установленный законодательством в целях беспрепятственного, юридически гарантированного осуществления профессиональной деятельности.

В свете сказанного, для сбалансирования юридической конструкции «специальный правовой статус личности» (в том числе через призму укрепления профессионального правового сознания государственных служащих), стоит задуматься над следующим:

- во-первых, целесообразностью распространения практики применения такого основания для расторжения трудового договора и увольнения с государственной и иной общественно-необходимой службы, как «совершение проступка, порочащего честь» соответствующего субъекта. Как известно, подобное основание применяется к сотрудникам прокуратуры, органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации. При наполнении его соответствующими содержательными признаками (юридической дефиницией, перечнем конкретных типов деяний, подпадающих под соответствующую квалификацию),

которые на сегодняшний день, к сожалению, отсутствуют, данный институт позволит организационно-правовыми методами скорректировать дефекты правосознания специальных субъектов, детерминирующие злоупотребление правовыми преимуществами, уклонение от ответственности в обход закона;

- во-вторых, смещением акцентов правового просвещения молодежи, поступающей на государственную службу, с сугубо коммерциализированной мотивации, культивирующей искаженные нравственные ценности по получению специального правового статуса (возможность накопления благосостояния, послабления и выгоды, полагающиеся представителям власти и пр.), отдав приоритет формированию классических ценностей служению Отечеству, адекватному восприятию юридических преимуществ как средства защиты специального правового статуса, соразмерного выполняемой социально полезной деятельности.

Безусловно, сказанная проблематика правового сознания субъектов со специальным правовым статусом не ограничена, а меры, предлагаемые для исправления сложившейся ситуации не исчерпывающи. Тезисы носят скорее постановочный характер, направленный на привлечение внимания к формированию той системы установок, идей, убеждений, эмоций и иных форм осознания права, которая обеспечит упрочение идеологической составляющей гражданского общества и государства.

Список источников

1. Вовленко Н. Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. 52 с.
2. Ильин И. А. О сущности правосознания. Мюнхен : Типография Обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене, 1956. 230 с.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (в ред. от 15.04.2021) // Российская газета. 2005. 5 окт.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 04.11.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 1. Ст. 1.
5. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (в ред. от 08.12.2016) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.
6. Лазарев В. В. Избранные труды : в 3 т. Т. I : Закон. Законность. Применение закона. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». М. : Новая юстиция, 2010. 648 с.
7. Малахов В. П. Характерные черты государ-

ственного правосознания // Вестник МГПУ. Серия : Юридические науки. 2019. № 3 (35). С. 8–17.

8. О Счетной палате Российской Федерации : федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1649.
9. Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации : федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ (в ред. от 28.11.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2288.
10. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0fE4ebnHQi5O/>
11. Правосознание и правовое воспитание трудящихся в развитом социалистическом обществе / Под ред. Д. А. Керимова и др. М. : Мысль, 1975. 183 с.
12. Репьев А. Г. Преодоление кризиса профессиональной правовой культуры и правосознания субъектов, обладающих юридическими преимуществами, как направление правовой политики // Правовая культура. 2019. № 3. С. 20–29.
13. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fpRDNWwrSlZW/>
14. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/woFUh9ujx0NK/>
15. Соколов Н. Я. Об исследовании проблем профессионального правосознания // XXVI съезд КПСС и проблемы теории государства и права / ред. кол.: Васильев А. М. (Отв. ред.), Гулиев В. Е., Казимирчук В. П., Керимов Д. А., Лукашева Е. А., Патюлин В. Е., Соколов Н. Я. М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. С. 182–186.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24.09.2022), п. «о» ч. 1 ст. 63 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

References

1. Voplenko N. N. Legal awareness and legal culture. Volgograd : Publishing house of the Volga, 2000. 52 p.
2. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness. Munich : Printing House of the Monastery of the Rev. Job of Pochaevsky in Munich, 1956. 230 p.
3. Code of Professional Ethics of a lawyer (adopted by the I All-Russian Congress of Lawyers on 31.01.2003) (as amended. dated 15.04.2021) // Rossiyskaya Gazeta. 2005. October 5.
4. Code of Administrative Offences of the Russian Federation № 195-FZ of December 30, 2001 (as amended. dated 04.11.2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 1. Article 1.
5. Code of Judicial Ethics (approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on 19.12.2012) (as

- amended. dated 08.12.2016) // Bulletin of acts on the judicial system. 2013. № 2.
6. Lazarev V. V. Selected works : in 3 vols. Vol. I : The Law. Legality. Application of the law. The Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Jurid. YUST firm. M. : New Justice, 2010. 648 p.
 7. Malakhov V. P. Characteristic features of the state legal consciousness // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series : Legal Sciences. 2019. № 3 (35). P. 8–17.
 8. On the Accounts Chamber of the Russian Federation : Federal Law № 41-FZ of April 5, 2013 (as amended dated 30.04.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2013. № 14. Art. 1649.
 9. On Arbitration Assessors of Arbitration Courts of the Subjects of the Russian Federation : Federal Law № 70-FZ of May 30, 2001 (as amended dated 28.11.2018) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. № 23. St. 2288.
 10. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0fE4ebnHQi5O/>
 11. Legal awareness and legal education of workers in a developed socialist society / Edited by D. A. Kerimov and others. M. : Mysl, 1975. 183 p.
 12. Repyev A. G. Overcoming the crisis of professional legal culture and legal awareness of subjects with legal advantages as a direction of legal policy // Legal culture. 2019. № 3. P. 20–29.
 13. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fpRDNWwrSlZW/>
 14. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/woFUh9ujx0NK/>
 15. Sokolov N. Ya. On the study of problems of professional legal awareness // XXVI Congress of the CPSU and problems of the theory of state and law / ed. Col. : Vasiliev A. M. (Ed.), Guliyev V. E., Kazimirschuk V. P., Kerimov D. A., Lukasheva E. A., Patyulin V. E., Sokolov N. Ya. M. : Publishing House of the IGIP of the USSR Academy of Sciences, 1982. P. 182–186.
 16. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (as amended. dated 24.09.2022), paragraph «o» of part 1 of Article 63 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Информация об авторе

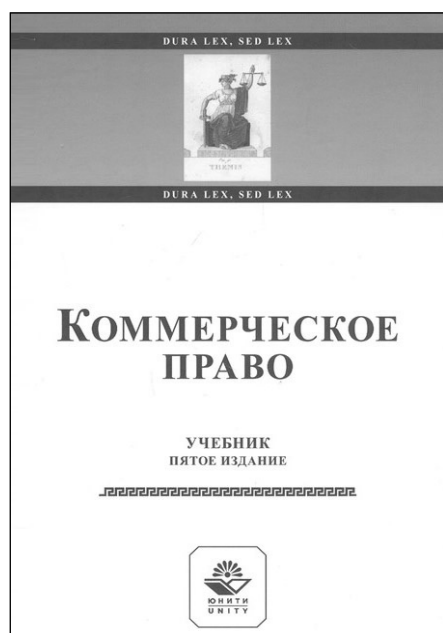
А. Г. Репьев – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Repev – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Коммерческое право. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Н.Д. Эриашвили. 671 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены понятие, принципы и субъекты коммерческого права, а также механизм правового регулирования коммерческой деятельности в условиях рыночной экономики. Представлены особенности договорной политики коммерческих организаций, классификация договоров, отражающих взаимоотношения сторон при заключении коммерческих сделок, вопросы регулирования налоговых отношений, а также административной и уголовной ответственности за преступления в сфере коммерческой деятельности. Раскрыто участие нотариуса в юридических действиях общества с ограниченной ответственностью и его участников. Учтены последние юридические акты, относящиеся к коммерческой деятельности организаций.

Для студентов, аспирантов, преподавателей экономических и юридических вузов, для предпринимателей и юристов-практиков.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-210-217>

EDN: <https://elibrary.ru/xzypzf>

НИОН: 2003-0059-6/23-865

MOSURED: 77/27-003-2023-06-064

Заключение специалиста-почерковеда в уголовном судопроизводстве: правовая природа и тенденции дальнейшего развития

Светлана Александровна Саакова

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, gorelovasvetlanaa@mail.ru

Аннотация. Обосновывается целесообразность использования в доказывании по уголовным делам заключения специалиста-почерковеда. Критическому анализу подлежат устоявшиеся в практике задачи, ставящиеся перед специалистом-почерковедом в результате дачи им заключения. На основе анализа потребностей, возникающих в практике расследования преступлений, предложен алгоритм использования заключения специалиста-почерковеда в качестве доказательства по уголовному делу стороной обвинения и защиты. На основании проведенного исследования автор обосновано приходит к выводам, что целесообразно внести изменения в УПК РФ, которые будут направлены на реализацию предлагаемой в статье модели использования заключения специалиста в качестве доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: заключение специалиста-почерковеда, расследование преступлений, диагностические исследования, назначение почерковедческой экспертизы, оценка заключения эксперта-почерковеда, принцип состязательности сторон

Для цитирования: Саакова С. А. Заключение специалиста-почерковеда в уголовном судопроизводстве: правовая природа и тенденции дальнейшего развития // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 210–217. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-210-217>. EDN: XZYPZF.

Original article

Conclusion of a handwriting specialist in criminal proceedings: legal nature and trends of further development

Svetlana A. Saakova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, gorelovasvetlanaa@mail.ru

Abstract. The expediency of using the conclusion of a handwriting expert in proving criminal cases is being substantiated. The tasks established in practice, which are set before a handwriting specialist as a result of giving them a conclusion, are subject to critical analysis. Based on the analysis of the needs arising in the practice of investigating crimes, an algorithm is proposed for using the conclusion of a handwriting expert as evidence in a criminal case by the prosecution and defense. Based on the conducted research, the author justifiably comes to the conclusion that it is advisable to make changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which will be aimed at implementing the model proposed in the article of using a specialist's opinion as evidence in a criminal case.

Keywords: expert's conclusion of a handwriting, investigation of crimes, diagnostic research, appointment of a handwriting expert, evaluation of the conclusion of a handwriting expert, the principle of adversarial parties

For citation: Saakova S. A. Conclusion of a handwriting specialist in criminal proceedings: legal nature and trends of further development. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):210–217. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-210-217>. EDN: XZYPZF.

Возникновение так называемого номинального института специальных знаний в Российской империи в XVI–XVII вв. связывают с деятельностью дьяков, которые привлекались для осмотра документов

и исследования почерка по гражданским делам. В следственных осмотрах нередко принимали участие сведущие лица с целью оказания содействия органам следствия и суда, что в свою очередь заложило основы

© Саакова С. А., 2023

использования специальных знаний в уголовном процессе [11, с. 16].

Как справедливо отмечает Шейфер С. А., «попытки придать суждениям специалиста доказательственное значение предпринимались издавна. Но законодатель ранее их не поддерживал, видимо, понимая, что этим опасно размывается грань между заключением специалиста и заключением эксперта» [22, с. 172–173.]. В этой связи специалист стал рассматриваться как самостоятельный участник уголовного процесса только с принятием УПК РФ, когда был определен его процессуальный статус, предусмотрены права, обязанности и ответственность [1]. Наряду с этим, в 2003 году в УПК РФ были внесены изменения и включены положения, дополнившие перечень доказательств заключением и показаниями специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74, чч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ). Несмотря на то, что мнения ученых относительно их правовой оценки неоднозначны, указанная новелла позволила расширить возможности, с одной стороны, следователя (дознателя) по собиранию доказательств в процессе расследования преступлений, с другой – стороны защиты.

Следует отметить, что для раскрытия содержательной стороны вопросов, которым посвящена данная статья, требуется затронуть доктринальные подходы, касающиеся деятельности специалиста в целом, чтобы в последующем была возможность обозначить потенциал деятельности специалиста-почерковеда в уголовном судопроизводстве.

В доктринальном поле актуальным остается вопрос о доказательственном значении заключения и показаний специалиста. Подходы к пониманию сущности данных видов доказательств не находят единой точки зрения среди ученых [8; 9; 17]. Многие исследователи высказывались на тему целесообразности данного вида доказательства в связи с появлением возможности у стороны защиты «голоса» в решении вопросов, требующих специальных знаний.

В. А. Лазарева, А. А. Тарасов, А. М. Зинин сходятся во мнении, что заключение и показания специалиста в качестве доказательств способны обеспечить необходимую конкуренцию профессиональных мнений в доказывании и, как следствие, реализовать принцип состязательности сторон в производстве по уголовным делам в аспекте использования специальных знаний. Тем не менее, нашлись и сторонники менее оптимистичной позиции, которые считают, что заключение специалиста и его показания нельзя относить к самостоятельному виду доказательств.

Так, В. П. Божьев отмечает, что «положения УПК РФ, закрепляющие за заключением и показаниями специалиста статус доказательств, входят в противорес с требованиями относимости и допустимости» [6, с. 4]. По мнению вышеуказанного автора, «предмет показаний специалиста сформулирован без учета общего понятия доказательства (ч. 1 ст. 74 УПК РФ); он оторван от обстоятельств, подлежащих установлению

(ст. 73 УПК РФ); носит общий и отвлеченный характер» [6, с. 3]. Как представляется, такая позиция была вызвана содержанием ст. 80 УПК РФ, в которой отсутствует разграничение понятий заключения и показания эксперта и специалиста на качественном уровне.

Одной из особенностей заключения специалиста, как отмечалось нами ранее, является возможность противопоставить суждение специалиста экспертному исследованию в случае, когда возникают сомнения относительно полноты и всесторонности проведенной экспертизы, обоснованности выводов эксперта.

Нельзя не согласиться с В. А. Лазаревой в том, что существование заключения специалиста как одного из видов доказательств оправдано, если позволяет увидеть неполноту произведенных экспертом исследований, отсутствие научной обоснованности примененных им методов и методик, необоснованность или противоречивость экспертных выводов [10, с. 304].

Данная позиция поддерживается также Е. Р. Россинской, которая отмечает, что перед специалистом должны ставиться вопросы *проверочного характера*, а именно:

- 1) обеспечивал ли объем и содержание объектов и материалов дела полноту и всесторонность исследования;
- 2) использовал ли эксперт при исследовании объектов новейшие достижения науки и техники;
- 3) являются ли проверенными, апробированными и надежными методики, примененные экспертом;
- 4) какие методики не были использованы, и как это могло отразиться на полученных результатах [15, с. 41–42].

Тем не менее, в силу отсутствия процессуально закреплённого порядка использования заключения специалиста как доказательства по делу практика пошла своим путем, в результате чего сложился определенный механизм использования заключения специалиста в доказывании в уголовном процессе. По своей сути заключение специалиста, которое предполагает суждение по вопросам, входящим в его профессиональную компетенцию, на практике подменяется исследованием тех же объектов по тем же вопросам, по которым ранее производилась экспертиза. В зависимости от цели и характера задач, которые ставятся перед специалистом, встречаются и различные варианты обозначения такого рода исследований, например: заключение специалиста; письменная консультация; рецензия специалиста; акт экспертного исследования [21].

В данном случае речь идет не о заключении специалиста как доказательстве по делу, которое предусмотрено п. 3.1 ч. 3 ст. 74 УПК РФ, а об ином документе по делу, имеющем различные формы обозначения, приобщаемого к материалам уголовного дела в соответствии с ч. 6 ст. 74 УПК РФ.

Такая практика обусловлена тем, что в определении понятия «заключение специалиста» отсутствует указание на проведение исследования, что вытекает по смыслу ч. 3 ст. 80 УПК РФ.

Таким образом, очевидно явное противоречие имеющейся теории и практики использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, что предполагает, по нашему мнению, необходимость критического переосмысления такого критерия разграничения заключения специалиста и заключения эксперта как *исследование*, которое может быть проведено только в ходе производства экспертизы.

Как полагаем, одной из причин исключения пункта 20 из Постановления пленума ВС РФ № 28 от 21 декабря 2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам», в котором было сказано, что «специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза» [2] послужила практика использования в уголовном судопроизводстве заключения специалиста, включающего в себя элементы исследовательской деятельности, о чем было сказано выше.

Подтверждение сказанному находим в высказываниях Т. Ф. Моисеевой, которая отмечает, что «данный в Постановлении Пленума ВС РФ критерий разграничения заключения эксперта и заключения специалиста – исследование вещественных доказательств – не исключает возможности специалиста проводить в рамках судопроизводства другие исследования» [12]. Свою позицию Т. Ф. Моисеева обосновывает, отсылая к содержанию п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, предусматривающей право дознавателя не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении за исключением отдельных случаев.

По нашему мнению, пункт 16 Постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» дает более удачное разъяснение: «Специалист высказывает свое суждение по заданным ему вопросам как в устном виде, что отражается в протоколе судебного заседания, так и в виде заключения, которое приобщается к материалам дела» [3].

Таким образом, в Постановлении Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 года № 51, с одной стороны, до конца не исключается такой критерий разграничения заключения эксперта от заключения специалиста, как *исследование*, который был закреплен в ранее действующем пункте 20 постановления Пленума ВС РФ № 28 от 21 декабря 2010 года, но в то же время Пленум ВС РФ дает четкое указание, что «заключение специалиста не может подменять заключение эксперта, если оно требуется по делу» [3].

Очевидно, что критерий разграничения между заключением специалиста и эксперта в виде «исследования», проводимого исключительно последним,

не оправдал себя на практике, что породило фактическую подмену одного доказательства другим.

Как полагаем, заключение специалиста в некоторых случаях может носить исследовательский характер, о чем свидетельствуют многочисленные труды ученых-криминалистов и процессуалистов [5; 13; 19]. В данном случае наибольший интерес представляет попытка разграничения компетенции эксперта и специалиста, предпринятая А. Н. Петрухиной, которая предлагает к компетенции специалиста относить исследования, проводимые до возбуждения уголовного дела, в результате которых решаются простые классификационно-диагностические задачи, а само заключение специалиста служит одним из оснований для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Однако, если возникла потребность в проведении идентификационных или сложных диагностических исследований, проводимых после возбуждения уголовного дела, должна быть проведена судебная экспертиза [14, с. 8].

С теоретической точки зрения данный подход представляется вполне уместным, однако его реализация на практике едва ли возможна, так как возникает закономерный дискуссионный вопрос определения, во-первых, сущности экспертных диагностических задач; во-вторых, критериев разграничения сложных диагностических задач и задач, не являющихся таковыми.

Более того, закладывать в основу разграничения заключения эксперта и специалиста сложный характер диагностических задач не представляется целесообразным еще и в силу того, что на практике разграничивать заключения эксперта и специалиста, вникая каждый раз в гносеологическую сущность решаемой диагностической почерковедческой задачи: простая или сложная, учитывая, что следователь (суд), не обладает специальными знаниями в области судебной почерковедения, вряд ли представляется возможным.

Таким образом, переосмысливая позицию А. Н. Петрухиной, с точки зрения существующего механизма реализации заключения специалиста в качестве доказательства по уголовному делу и с точки зрения его содержательной составляющей, полагаем, что в заключении специалиста-почерковеда могут быть отражены ответы на вопросы диагностического характера, реализуемые по следующим направлениям:

а) способствующие принятию решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела;

б) решение которых позволяет следователю сузить круг подозреваемых лиц для последующего назначения судебной почерковедческой экспертизы в целях идентификации исполнителя, таким образом, результаты исследования, отраженные в заключении специалиста, предшествуют последующей идентификации.

Процессуальные сроки, связанные с принятием решения о возбуждении либо в отказе от возбуждения уголовного дела, в соответствии со ст. 144 УПК РФ

составляют по общему правилу 3 суток с момента поступления сообщения о преступлении, данный срок максимально может быть продлен до 30 суток. При этом важно понимать, что при расследовании, например, преступлений, связанных с фальсификацией доказательств или мошенничеством, установить признаки преступления и принять решение о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела зачастую без проведения почерковедческого исследования не представляется возможным.

Как показали результаты, проведенного нами анкетирования 82 дознавателей/следователей, в 54 % процентах случаев получить заключение эксперта по производству почерковедческой экспертизы в установленные ст. 144 УПК РФ процессуальные сроки для принятия решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела не представилось возможным.

Следствием данной проблемы становится то обстоятельство, что следователям в ходе проверки материалов в соответствии со ст. 144 УПК РФ приходится принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 1 ст. 148 УПК РФ, в свою очередь прокурор выносит мотивированное постановление об отмене постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ, где указывается необходимость назначения экспертизы в целях установления наличия/отсутствия признаков преступления. При этом важно отметить, что такая практика может повторяться неоднократно до тех пор, пока не будет получено заключение эксперта. В последующем после получения заключения эксперта по результатам производства почерковедческой экспертизы, если его результаты свидетельствуют, например, о подражании подписи подлинного исполнителя, то есть очевидны, к примеру, признаки фальсификации доказательств, предусмотренные ст. 303 УК РФ, следователем возбуждается уголовное дело в соответствии со ст. 140 УПК РФ ввиду наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, которые получены из заключения эксперта-почерковеда.

Однако такую практику никак нельзя признать нормальной, так как в ходе доследственной проверки возможности следователя, связанные с проведением следственных и иных процессуальных действий, потребность в оперативности производства которых возникает на первоначальном этапе расследования, ограничены. Например, провести такие следственные действия как обыск и выемка до возбуждения уголовного дела невозможно, а зачастую от оперативности их проведения зависит успех всего расследования, в частности когда есть основания полагать, что следы преступной деятельности могут быть уничтожены.

Такое положение дел, в том числе объясняется высокой загруженностью государственных судебно-экспертных учреждений СЭУ (далее – СЭУ), а также

необходимостью строгого соблюдения в ходе исследования критериев, которым должно соответствовать заключение эксперта по почерковедческой экспертизе (форма и содержание), что требует продолжительного периода времени, не говоря уже о соблюдении процессуальных требований, связанных с организацией назначения и производства судебной экспертизы, регламентированных Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Отметим, что устоявшийся в следственной практике подход использования знаний специалиста-почерковеда в случаях не терпящих отлагательств и коррелирующих с принятием решения о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела, предусматривает обращение следователя к специалисту для получения справки по результатам предварительного исследования. Однако в последующем ввиду процессуальной несостоятельности данного документа (справки об исследовании) как доказательства по делу, назначается судебная почерковедческая экспертиза, которая фактически дублирует результаты предварительного исследования. Такая практика, как показали результаты, проведенного нами анкетирования экспертов-почерковедов, ни коем образом не снижает экспертную нагрузку, а, напротив, лишь способствует ее увеличению.

Более того, вышеприведенный порядок использования специальных знаний специалиста-почерковеда, помимо того, что увеличивает нагрузку на государственные судебно-экспертные учреждения, также противоречит принципу разумных сроков уголовного судопроизводства, закрепленных в ст. 6.1. УПК РФ.

По нашему мнению, решением данной проблемы во многих случаях могло бы стать получение следователем заключения специалиста в соответствии с п.3.1. ч. 3 ст. 74 УПК РФ.

Так, например, если у следствия имеются все основания предполагать, что в документе, имеющимся в материалах проверки, есть признаки нерукописного исполнения, к примеру, подписи от имени конкретного лица, то перед специалистом-почерковедом может быть поставлен следующий вопрос: «Подпись от имени Иванова А. А., выполнена рукописным или иным способом?». Решение данной диагностической задачи не требует от специалиста производства объемного исследования, в отличие от любой идентификационной задачи.

В данном примере получение заключения специалиста следователем в соответствии с п. 3.1. ч. 3 ст. 74 УПК РФ представляется целесообразным, так как установление в ходе исследования факта нерукописного исполнения подписи, например, по делу о фальсификации доказательств, является достаточным основанием для возбуждения уголовного дела. Более того, в отличие от справки, полученной по результатам предварительного исследования, заключение специа-

листа-почерковеда является доказательством по делу, что исключает необходимость бесосновательного назначения почерковедческой экспертизы по вопросам, которые были уже поставлены перед специалистом-почерковедам, такая практика будет способствовать снижению экспертной нагрузки и соблюдению процессуальных сроков.

При этом в дальнейшем, если возникнет потребность, к примеру, в детализации способа технической подделки подписи может быть назначена техническая экспертиза документов, если же потребуются решение идентификационной задачи в аспекте установления исполнителя(ей) иных рукописных реквизитов в документе, то в таком случае возникнет потребность в назначении судебной почерковедческой экспертизы.

Аналогичным образом, по нашему мнению, должен решаться вопрос о сужении круга подозреваемых лиц для последующего назначения судебной почерковедческой экспертизы в целях идентификации исполнителя криминогенной рукописи.

Так, при назначении судебной почерковедческой экспертизы в целях идентификации исполнителя рукописи, если под подозрением находятся условно 10 человек, необходимо собрать огромное количество сравнительного материала, что займет достаточно много времени, да и само производство идентификационной экспертизы с таким количеством образцов для сравнительного исследования будет крайне продолжительным. Ввиду ограниченных сроков доследственной проверки, представляется целесообразным поставить на разрешение специалиста вопрос, например, об установлении пола исполнителя, а в последующем после его диагностики в заключении специалиста, в зависимости от того женский или мужской пол был диагностирован, начинать сбор сравнительного материала и назначать судебную почерковедческую экспертизу в целях идентификации исполнителя криминогенной записки.

Детализация конкретных вопросов, которые могут быть поставлены перед специалистом-почерковедом, по нашему мнению, должна реализовываться в ведомственных информационных письмах, подготовленных головными СЭУ МВД России, СЭЦ СК России, ФСБ России, Минюста России с учетом предложенных нами выше магистральных направлений, что позволит на практике оптимизировать использование специальных почерковедческих знаний, при этом четко разграничив заключение эксперта-почерковеда от заключения специалиста-почерковеда, исключив возможность подмены одного доказательства другим и устранив имеющиеся противоречия теории и практики в данном аспекте.

В настоящее время на базе ЭКЦ МВД России совместно с ГУОООП МВД России и при участии Роскомнадзора ведется активная информационная работа по разъяснению оснований и порядка привлечения лиц, обладающих специальными знаниями к иссле-

дованию материалов, содержащих признаки административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.21, 6.211 и 6.212 КоАП РФ. Так, в целях обеспечения эффективности выявления и пресечения указанных административных правонарушений предлагается использовать, помимо назначения экспертных исследований, иные формы привлечения специалиста в различных областях знаний, в том числе сотрудников ОВД, для установления наличия состава административного правонарушения [4].

В качестве возможных форм использования специальных лингвистических (и иных) знаний при подготовке материалов к направлению в суд в условиях высокой нагрузки на экспертно-криминалистические подразделения МВД России по производству судебных экспертиз целесообразно использовать такую форму специальных знаний, как привлечение специалиста в соответствии со статьей 25.8 КоАП РФ по материалам, противоправность которых очевидна.

Так, авторы информационного письма указывают, что от специалиста в таком случае могут быть получены объяснения; он также может быть опрошен в судебном заседании в порядке статьи 26.3 КоАП РФ либо в соответствии со статьей 25.8 КоАП РФ. В качестве насущной потребности использования иных форм специальных знаний по указанным статьям приводится Обзор правоприменительной практики подразделений территориальных органов МВД России по статье 6.13 КоАП РФ за 2019 г.

Так, в МВД по Чувашской Республике составляется протокол опроса специалиста; в Кировской, Ульяновской и Омской областях также в качестве доказательств выступают ответы специалистов на запросы и их объяснения. Отмечается, что имеется положительная практика рассмотрения таких материалов в судах.

Как видим, рассмотренные выше формы использования специальных знаний демонстрируют реальный рабочий механизм взаимодействия сотрудников правоохранительных органов со специалистом при расследовании дел об административных правонарушениях.

Отметим, что толчком для появления вышеуказанного информационного письма послужили сжатые сроки расследования административных дел, предусмотренные ст. ст. 6.21, 6.211 КоАП РФ, которые по общему правилу составляют 3 месяца. Вместе с тем, в силу высокой загруженности государственных судебно-экспертных учреждений осуществить производство экспертизы в предусмотренные КоАП РФ сроки расследования далеко не во всех случаях представляется возможным.

Помимо обозначенных диагностических задач, получение заключения специалиста-почерковеда должно быть возможно и *в ходе оценки заключения эксперта-почерковеда* [18].

При этом важно понимать, что реализация предложенного нами выше алгоритма использования заклю-

чения специалиста-почерковеда станет возможной только после внесения изменений УПК РФ. В частности, УПК РФ целесообразно дополнить положениями, которые бы позволили получать заключения специалиста до возбуждения уголовного дела в рамках доследственной проверки, а также регламентировали бы ответственность за дачу специалистом заведомо ложного заключения, конкретизировали бы четкий перечень субъектов, которые могли бы инициировать получение заключения специалиста в соответствии с п. 3.1 ч.2. ст. 74 УПК РФ.

Наряду со сказанным выше, отдельного внимания заслуживает вопрос использования в доказывании по уголовным делам заключения специалиста стороной защиты. Отметим, что реальные процессуальные механизмы получения заключения специалиста-почерковеда стороной защиты также отсутствуют, более того, привлечение специалиста согласно ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» находится за рамками процессуальной деятельности, соответственно, получение такого заключения на основании договора об оказании услуг (соглашения) в дальнейшем не может быть признано судом в качестве такого вида доказательства, как заключение специалиста, так как привлеченное лицо даже после подписания соглашения не приобретает процессуальный статус специалиста.

Так, Ю. П. Гармаев справедливо отмечает, что на стадии предварительного расследования только следователь компетентен удостовериться в личности специалиста, разъяснить ему права и обязанности, порядок производства следственного действия, предупредить его об уголовной ответственности, предусмотренной ст. 307, 308 УК РФ (ч. 5 ст. 164 УПК РФ) [7, с. 29].

Следует отметить, что привлечение специалиста стороной защиты как процессуальной фигуры реально возможно, по нашему мнению, только на стадии судебного разбирательства. Отчасти мы согласны с О. В. Хитровой, которая отмечает, что «заключение специалиста может быть представлено только в судебном разбирательстве по ходатайству одной из сторон (преимущественно стороны защиты)» [20, с. 151].

Действительно, на стадии предварительного расследования адвокат зачастую не может привлечь специалиста в процессуальном понимании этого слова. Это обусловлено тем, что на стадии досудебного производства главной фигурой, которая ведет расследование по уголовному делу, является следователь, и только он принимает решение о необходимости и целесообразности участия в расследовании специалиста. Еще одним обязательным критерием приобретения специалистом, привлеченным стороной защиты, процессуального статуса является установление и удостоверение его личности, проверки его компетентности, отсутствия оснований для отвода и т. д. уполномоченным на то лицом (следователем, судом).

В этой связи, деятельность специалиста, привлекаемого на договорной основе адвокатом, носит исключительно непроцессуальный характер, а его заключение на стадии предварительного расследования не может рассматриваться в качестве заключения специалиста в процессуальном понимании по обозначенным причинам. В результате право защитника привлекать специалиста к участию в уголовном деле реально возникает только на стадии судебного разбирательства. Если суд удовлетворит ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста и в последующем этим специалистом будет дано заключение, в таком случае суд может признать его по п. 3.1 ч. 3 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательства по уголовному делу, то есть после соблюдения процессуального порядка привлечения специалиста к участию в судебном заседании. В противном случае заключение специалиста, которое отражает мнение специалиста по поставленному стороной защиты вопросу или которое является результатом проведенной несудебной экспертизы, инициируемой стороной защиты, как нами уже отмечалось ранее, на практике может быть признано судом только в качестве иных документов по уголовному делу.

Безусловно, у сложившегося порядка получения заключения специалиста стороной защиты непроцессуальным путем существуют и положительные стороны, а именно, в некоторых случаях такое заключение позволяет увидеть неполноту исследований, проводимых экспертом; выявить экспертные ошибки процессуального, гносеологического и деятельностного (операционного) характера [16, с. 296].

Таким образом, рассмотренные нами в теоретическом и практическом поле положительные и отрицательные аспекты существования такого феномена, как «заключение специалиста», выступающего одним из видов доказательств в уголовном судопроизводстве, позволили переосмыслить содержание решаемых задач специалистом-почерковедом в результате дачи им заключения с учетом реальных потребностей, возникающих в следственно-судебной практике.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановления пленума ВС РФ № 28 от 21 декабря 2010 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2017 года № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Информационное письмо МВД России от 6 марта 2023 г. №1/2311 «О возможностях применения специальных лингвистических (и иных)

- знаний при выявлении правонарушений, предусмотренных ст. 6.21, 6.211, 6.212 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».
5. Балакшин В. С. Оценка допустимости доказательств в российском процессе : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016.
 6. Божьев В. П. Изменение УПК РФ – не всегда средство его совершенствования // Законность. 2005. № 8. С. 2–6.
 7. Гармаев Ю. П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения : научно-практическое пособие. Иркутск, 2004.
 8. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
 9. Захохов З. Б. Формы использования специальных познаний при формировании заключения и показаний специалиста в уголовном судопроизводстве // Бизнес в законе. Экономико-юрид. журн. 2011. № 2. С. 116–118.
 10. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие / В. А. Лазарева. М. : Высшее образование, 2009.
 11. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000.
 12. Моисеева Т. Ф. Проблемы правового регулирования деятельности специалиста в уголовном судопроизводстве // Научный портал МВД России. 2019. № 4 (48). С. 93–95.
 13. Овсянников И. В. Дискуссия о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2. С. 48–51.
 14. Петрухина А. Н. Заключение и показания эксперта и специалиста как доказательства в современном уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
 15. Россинская Е. Р. Состязательность сведущих лиц как одно из условий объективизации судопроизводства // Юридическая панорама. 2008. № 13–14.
 16. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин ; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2023.
 17. Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве : каковы критерии их разграничения? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. №2 (34). С. 15–20.
 18. Саакова С. А. К вопросу оценки заключения судебно-почерковедческой экспертизы в рамках консультационной деятельности // Судебные экспертизы в уголовном процессе : теория и практика: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18–19 октября 2022 года). М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 183–186.
 19. Стельмах В. Ю. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 77–91.
 20. Хитрова О. В. Заключение и показания специалиста – новые доказательства в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальный кодекс РФ: год правоприменения и преподавания: материалы Международной научно-практической конференции. М., 2004. С. 151–156.
 21. Хомутов С. В. По вопросу различных подходов к оценке заключения эксперта // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 264–274.
 22. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография / С. А. Шейфер. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ of December 18, 2001 // LRS «ConsultantPlus».
2. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 28 of December 21, 2010 «On forensic examination in criminal cases» // LRS «ConsultantPlus».
3. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated December 19, 2017 № 51 «On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure of legal proceedings)» // LRS «ConsultantPlus».
4. Information letter of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06.03.2023 № 1/2311 «On the possibilities of using special linguistic (and other) knowledge in identifying offenses provided for in Articles 6.21, 6.211, 6.212 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation».
5. Balakshin V. S. Assessment of the admissibility of evidence in the Russian process: monograph. Moscow : Yurlitinform, 2016.
6. Bozhev V. P. Changing the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is not always a means of improving it // Legality. 2005. № 8. P. 2–6.
7. Garmaev Yu. P. The limits of the rights and

- powers of a lawyer in criminal proceedings and typical offenses: a scientific and practical guide. Irkutsk, 2004.
8. Zaitseva E. A. The concept of the development of the institute of forensic examination in the conditions of adversarial criminal proceedings : dis. ...dr. jurid. M., 2008.
 9. Zakhokhov Z. B. The forms of using special knowledge in the formation of the conclusion and testimony of a specialist in criminal proceedings // Business in law. Ekonomiko-yurid. Journal. 2011. № 2. P. 116–118.
 10. Lazareva V. A. Proving in criminal proceedings: an educational and practical manual / V. A. Lazareva. M. : Higher education, 2009.
 11. Makhov V. N. Using the knowledge of knowledgeable persons in the investigation. M. : Publishing House of the Russian University of Friendship of Peoples, 2000.
 12. Moiseeva T. F. Problems legal regulation of the activity of a specialist in criminal proceedings // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (48). P. 93–95.
 13. Ovsyannikov I. V. Discussions about the conclusion of a specialist of 10 years // Legality. 2015. № 2. P. 48–51.
 14. Petrukhina A. N. Conclusion and testimony of an expert and specialist as evidence in modern criminal proceedings in Russia : dis. ... cand. jurid. M., 2009.
 15. Rossinskaya E. R. The competitiveness of knowledgeable persons as one of the conditions for the objectification of legal proceedings // Legal Panorama. 2008. № 13–14.
 16. Rossinskaya E. R. Theory of forensic examination (Forensic expert science) : textbook / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin; edited by E. R. Rossinskaya. 2nd ed., reprint. and additional. M. : Norm: INFRA-M, 2023.
 17. Rossinsky S. B., Rasulova N. S. Expert opinion and expert opinion as a means of proof in criminal proceedings : what are the criteria for their differentiation? // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (34). P. 15–20.
 18. Saakova S. A. On the issue of evaluating the conclusion of forensic handwriting expertise in the framework of consulting activities // Forensic examinations in criminal proceedings: theory and practice : materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (Moscow, October 18–19, 2022). M. : Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. P. 183–186.
 19. Stelmakh V. Yu. Conclusion of a specialist in criminal proceedings : the legal nature and prospects of use in evidence // Electronic supplement to the Russian Law Journal. 2017. № 4. P. 77–91.
 20. Khitrova O. V. Conclusion and testimony of a specialist – new evidence in criminal proceedings // Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the year of law enforcement and teaching : materials of the International Scientific and Practical Conference. M., 2004. P. 151–156.
 21. Khomutov S. V. On the issue of various approaches to the assessment of the expert's opinion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (88). P. 264–274.
 22. Shafer S. A. Proofs and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation: monograph / S. A. Shafer. M. : Norm : INFRA-M, 2012.

Информация об авторе

С. А. Саакова – аспирант кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия.

Information about the author

S. A. Saakova – Postgraduate Student of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Научная статья

УДК 347.4

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-218-224>

EDN: <https://elibrary.ru/vxnzti>

НИОН: 2003-0059-6/23-866

MOSURED: 77/27-003-2023-06-065

Генезис частнопроводного регулирования правоотношений, возникающих с использованием площадок-агрегаторов информации

Анастасия Константиновна Самойлова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, aksamoylova@yandex.ru

Аннотация. Исследуется динамика развития частнопроводного регулирования правоотношений, возникающих с использованием площадок-агрегаторов информации. Проводится сравнительно-правовой анализ регулирования общественных отношений, складывающихся в рамках дистанционной купли-продажи, на примере законодательства стран, относящихся к разным правовым системам. Выявлены особенности договоров, заключаемых между продавцами и владельцами агрегаторов информации. Обосновывается положение о том, что проблема договорного регулирования купли-продажи, опосредованной использованием агрегаторов информации, заключается в необоснованной политике владельцев агрегаторов, направленной на дискредитацию менее защищенной стороны – продавца.

Ключевые слова: цифровая экономика, предпринимательская деятельность, площадка-агрегатор информации, владелец агрегатора информации, купля-продажа, оказание услуг, агентский договор, дистанционная сделка, защита прав потребителей

Для цитирования: Самойлова А. К. Генезис частнопроводного регулирования правоотношений, возникающих с использованием площадок-агрегаторов информации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 218–224. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-218-224>. EDN: VXNZTI.

Original article

Genesis of private legal regulation of legal relations arising from the use of information aggregation sites

Anastasia K. Samoylova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, aksamoylova@yandex.ru

Abstract. The dynamics of development of private law regulation of legal relations arising with the use of information aggregation sites is being investigated. The comparative legal analysis of the regulation of social relations arising in the framework of distance selling and buying, on the example of the legislation of countries belonging to different legal systems is being conducted. The peculiarities of contracts concluded between sellers and owners of aggregators of information are revealed. It is argued that the problem of contractual regulation of purchase and sale mediated by the use of information aggregators is an unreasonable policy of the owners of aggregators, aimed at discrediting the less protected party - the seller.

Keywords: digital economy, entrepreneurial activity, information aggregation sites, information aggregator owner, sale and purchase, service provision, agency agreement, distance transaction, consumer protection

For citation: Samoylova A. K. Genesis of private legal regulation of legal relations arising from the use of information aggregation sites. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):218–224. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-218-224>. EDN: VXNZTI.

Интеграция информационно-телекоммуникационных технологий во все сферы общественной жизни влечет необходимость правового регулирования правоотношений, осложненных цифровым компонентом [1, с. 3]. С появлением возможности заключения сделок купли-продажи, возмездного оказания услуг

© Самойлова А. К., 2023

дистанционным способом, широкое распространение получили специализированные сайты в сети Интернет, аккумулирующие информацию о товарах и услугах, об их продавцах (производителях) и услугодателях (далее – агрегаторы информации). В связи с чем их правовое регулирование необходимо исследовать в историко-правовом и доктринальном аспектах с учетом действующего гражданского законодательства.

Отметим, что дистанционная реализация товаров и услуг с использованием агрегаторов информации – одно из основополагающих направлений развития внутренней экономики во многих странах мира, поскольку этот вид предпринимательской деятельности обусловил ряд преимуществ для предпринимателей, среди которых: упрощение процессов купли-продажи товаров и оказания услуг, увеличение спроса и, как следствие, товарооборота, а также уменьшение временных и финансовых затрат.

Таким образом, актуальность темы обусловлена появлением «нового объекта гражданско-правового регулирования» [2, с. 13] – агрегатора информации, чья правовая регламентация на сегодняшний день разработана не в полной мере, что влечет появление дополнительных проблем относительно защиты прав потребителей и субъектов предпринимательской деятельности, осуществляющих таковую, используя агрегаторы информации.

Видится, что для решения проблемных вопросов правового регулирования деятельности агрегаторов информации и их владельцев, необходимо детально исследовать динамику развития дистанционной торговли в Российской Федерации, а также провести сравнительно-правовой анализ регулирования рассматриваемой области в зарубежных странах.

На рубеже XIX – начала XX веков возникли первые предпосылки появления дистанционной торговли, которая происходила путем отправления посылок почтой и была урегулирована положениями «Свода законов Российской Империи», принятого Петром I в 1832 году. В рассматриваемый период обязательственное право регулировало довольно узкий круг общественных отношений, одними из которых являлись обязательства, возникающие из соглашений, в том числе в рамках купли-продажи. Некоторые исследователи, в частности, Г. Е. Владимирова, отмечают, что «Свод законов Российской Империи» предусматривал несколько видов договоров, среди которых имели место договор мены и договор купли-продажи [3, с. 11].

Дальнейшее развитие и распространение торговли дистанционным способом происходило на этапе завершения дореволюционного периода российской истории, который характеризовался реформированием действовавшего гражданского законодательства, и считается «злотым веком российской цивилистики» [4, с. 25]. В период 1913–1916 годов в стране начался активный рост спроса на покупку товаров дистанционным способом. Как правило, это осуществлялось

путем размещения предпринимателями объявлений в газетах, а также с помощью телефонной и телеграфной связи. Известные торговые дома распространяли как продовольственные, так и непродовольственные товары, используя услуги извозчиков, почтовые пересылки и иные способы, которые исключали фактическое посещение покупателями магазинов [5, с. 6].

В период СССР под влиянием идеологии марксизма и с развитием командной экономики [6, с. 6] спрос на покупку товаров дистанционным способом в значительной степени снизился. Развитие дистанционной торговли тормозил ограниченный перечень реализуемых товаров, господствующий политический строй и действующее законодательство, которое до вступления в силу Закона СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности» [7] не предусматривало частную предпринимательскую деятельность граждан, в то время как государственные, кооперативные и иные организации осуществляли куплю-продажу только привычным способом, что вытекает из положений Закона СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза СССР и союзных республик» [8]. Однако существует позиция, согласно которой спрос на книгопечатную продукцию, реализуемую путем заказа и доставки, в годы СССР не снижался, поскольку являлся одним из способов коллекционирования [9].

Легализация индивидуальной трудовой деятельности в стране совместно с принятием Закона СССР от 31 мая 1991 г. «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик» [10], установило право субъектов гражданских прав осуществлять их по своему усмотрению, не нарушая прав других лиц. Это позволило гражданам, чья частная деятельность направлена на производство и изготовление предметов одежды и обуви, мебели и других предметов хозяйственного обихода, заключать договоры купли-продажи с гражданами и юридическими лицами, реализовывая товары и получая прибыль. Важным является и тот факт, что в этот период законодатель закрепляет правовую дефиницию предпринимательской деятельности, раскрывая ее сущностные характеристики, что является существенным шагом в реформировании гражданского законодательства страны [11, с. 45].

В период исторического развития Российской Федерации, а вместе с тем становления рыночной экономики, дистанционная торговля начинает свое планомерное развитие, которое было отнюдь не активным вплоть до 2007 года. В рассматриваемый период популярностью пользовались журнальные и каталожные изделия, которые позволяли покупателям приобретать товары (в частности, одежду, обувь и предметы быта), оформив заказ по телефону или факсу, смс-сообщением или почтой. В следствие чего, законодателем внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации [12] (далее – ГК РФ), в виде статьи, регулирующей продажу товаров с использо-

ванием различных демонстрационных материалов, к которым относятся: «каталоги, проспекты, буклеты, фотоснимки и иные способы, исключающие возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром» [13].

Следует констатировать, что в настоящее время явление дистанционной торговли модернизируется под влиянием информационно-телекоммуникационных технологий, становясь более привлекательным и удобным для потребителей, а его нормативно-правовое регулирование активно развивается. Это напрямую зависит от цифровой трансформации общества и достижения цифровой зрелости его составляющих: граждан и организаций. Так, согласно статистическим данным НИУ «Высшая школа экономики» в 2021 году 46,6 % населения России использовали сеть «Интернет» для заказа товаров и услуг, что на 6,3 % больше, чем в 2020 году, и на 12 % больше, чем в 2018 году [14, с. 242]. Аналитические данные свидетельствуют о том, что внедрение цифровых технологий в гражданский оборот под эгидой реализации Национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [15] создает внутри страны безопасную информационную среду для граждан, субъектов предпринимательства и государства и, как следствие, повышает спрос на дистанционную торговлю.

За последние пять лет спрос на дистанционную торговлю в России возрос, чему во многом способствовало появление агрегаторов информации, упрощающих процесс товарооборота и способствующих увеличению спроса на приобретение товаров и услуг дистанционно. По данным «Ассоциации компаний интернет-торговли» и ПАО «Сбербанк» в 2022 суммарный оборот денежных средств дистанционной торговли внутри страны составил 4,8 млрд рублей, что на 3,3 млрд рублей больше, чем в 2018 году [16].

Однако, несмотря на активное распространение и использование агрегаторов информации, в российской гражданско-правовой доктрине однозначно не определен его правовой режим. Некоторые авторы справедливо относят агрегаторы информации к объектам гражданских прав, указывая, что они являются программой для ЭВМ-результатом интеллектуальной деятельности [2; 17], другие же – относят их к субъектам гражданских прав, определяя правовое положение [18], что, по мнению автора, является не совсем корректным.

Отсюда, исследования российских цивилистов, посвященные определению юридической природы агрегатора информации, во многом разнятся. Сходны они лишь в том, что агрегатор информации является информационным продуктом (программой для ЭВМ, сайтом в сети «Интернет»), направленным на удовлетворение потребностей пользователей, опосредуя дистанционную реализацию товаров и услуг. Указанный тезис вытекает и из законодательной трактовки определения агрегатора информации, которое содержится

в Законе Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [19] (далее – Закон о защите прав потребителей).

Модернизация современного российского законодательства, в частности его гражданско-правовой отрасли, происходит в рамках «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [20]. Одной из первоочередных задач ее реализации является совершенствование правовых механизмов, направленных на урегулирование общественных отношений, осложненных информационно-телекоммуникационными технологиями. В этой связи, отношения участников гражданского оборота, опосредованные использованием агрегаторов информации, также нуждаются в действенном правовом регулировании.

Характеризуя договорное регулирование правоотношений, опосредованных использованием агрегаторов информации, следует упомянуть о том, что такие правоотношения могут возникать:

- между владельцем агрегатора информации и продавцом (услугодателем);
- между владельцем-агрегатора информации и покупателем (услугополучателем);
- между продавцом (услугодателем) и покупателем (услугополучателем).

Правовое регулирование первой категории правоотношений строится, как правило, на заключении агентского договора, где владелец агрегатора информации – агент за вознаграждение от имени и по поручению принципала – продавца совершает сделки, связанные с реализацией товара. Однако, анализ правовых документов юридических лиц, в частности ООО «Интернет Решения», позволяет сделать вывод о том, что в преобладающем большинстве случаев такие договоры включают в себя условия, дискредитирующие менее защищенную сторону – продавца, в части, касающейся ответственности сторон и возмещения вреда, в соответствии с которой продавец лишается права требовать возмещения упущенной выгоды [21].

Последние две категории, по мнению автора, целесообразно рассмотреть совместно, потому как эти правоотношения подлежат схожему договорному регулированию. Информация о товаре, опубликованная с использованием агрегатора информации, является публичной офертой, в соответствии с частью 2 статьи 437 ГК РФ. Договор купли-продажи, в рассматриваемом случае, может быть заключен покупателем как с самим владельцем агрегатора информации, так и с продавцом, в зависимости от того, кто реализует товар, без каких-либо особых условий для торговой площадки.

Таким образом, трехсторонняя структура деятельности агрегатора информации является его базовой характеристикой. Проблема договорного регулирования купли-продажи товаров, опосредованной ис-

пользованием агрегаторов информации, заключается, прежде всего, в необоснованной политике владельцев агрегаторов информации в отношении продавцов, которая направлена на нарушение основного принципа гражданского права – равенства сторон, нарочно ставя продавца в проигрышное положение. Указанные факторы должны быть учтены законодателем при разработке механизмов, сдерживающих владельцев агрегаторов информации от злоупотребления правом.

Исследование правовых феноменов, присущих отечественному законодательству, в полной мере невозможно без обращения к зарубежной системе правового регулирования сходных общественных отношений. С этой целью необходимо провести комплексный анализ зарубежного законодательства стран, относящихся к разным правовым системам: Китайской Народной Республики (далее – КНР), которой присущи характеристики романо-германской правовой системы и самобытных правовых традиций страны, и Австралии, которая относится к числу стран англо-саксонской правовой системы.

Дистанционная торговля, реализуемая путем использования агрегаторов информации – не новое явление для мирового сообщества. Национальное законодательство многих стран, направленное на регулирование сферы электронной торговли, построено на принципах «Типового закона об электронной торговле» [22], принятого Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) в 1996 г. Аккумулируя определения дистанционной (электронной) торговли, содержащиеся в международных правовых актах, а также в законодательстве Японии, Китая, США и Австралии, следует вывод о том, что в мировом сообществе под дистанционной торговлей понимается сделка, совершенная в сети «Интернет» [23, с. 159].

Процесс реформирования российского гражданского законодательства, происходящий в 2019 году, был направлен на внесения некоторых изменений в ГК РФ. Так, с целью легитимации как односторонних, так и многосторонних сделок, совершаемых в сети «Интернет», а также установления факта выражения воли лица, направленной на заключение договора, с помощью технических средств [24], электронная форма сделки была приравнена к письменной. Отсюда возникла необходимость в защите прав потребителей, заключающих договоры купли-продажи в электронной форме.

Следует сказать о том, что опыт КНР в вопросе регулирования дистанционной торговли в корне отличается от отечественного, что, на наш взгляд, связано с особенностями политического строя Китая. В 2019 году вступил в силу Закон КНР «Об электронной коммерции» [25], который всецело регулирует дистанционную реализацию товаров и услуг на территории страны. Подробная регламентация деятельности владельцев агрегаторов информации, индивидуальных

предпринимателей и юридических лиц связана с необходимостью в государственной регистрации указанных лиц, а также с уплатой налогов от приносящей доход деятельности.

Отечественная и зарубежная правоприменительная практика свидетельствует о том, что процесс дистанционной купли-продажи во взаимосвязи с защитой прав потребителей во многом зависит от участия в этом процессе государства, чья роль, прежде всего, определяется разработкой нормативно-правовой базы и контроле за деятельностью профессиональных участников рынка дистанционной торговли.

Защита прав потребителей – категория, находящаяся на стыке частного и публичного права, поскольку, с одной стороны, отношения купли-продажи (возмездного оказания услуг) возникают между двумя равными субъектами гражданских правоотношений – продавцом и покупателем – и могут быть урегулированы без вмешательства третьих лиц, с другой – важнейшим регулятором рассматриваемых правоотношений, способным пресекать нарушающую закон деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, является Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), являющаяся публичным органом государственной власти.

По аналогии с Законом о защите прав потребителей и в КНР, и в Австралии действуют законодательные акты, имеющие своей целью защиту субъектов дистанционной торговли.

Положения Закона КНР «О защите прав потребителей» [26], регламентирующие вопросы торговли с использованием агрегаторов информации, по аналогии с российским законодательством связаны с необходимостью предоставления покупателям сведений о продавце и реализуемом товаре. Отличие состоит лишь в том, что законодатель в КНР наделяет владельцев агрегаторов информации обязанностью проверять предоставляемые продавцами сведения, а также информировать государственные органы о нарушении законодательства, например, об отсутствии государственной регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя, а также пресекать случаи возможного нарушения прав потребителей.

Отметим, что Закон о защите прав потребителей не предусматривает отдельных норм, затрагивающих введение в заблуждение или обман потребителя, отсылая к нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в отличие от Закона Австралии «О конкуренции и защите прав потребителей» [27], который прямо запрещает лицам, ведущим торговую или иную коммерческую деятельность, в том числе с помощью Интернет-сервисов, осуществлять действия, направленные на обман или введение в заблуждение покупателей (услугополучателей). К действиям, направленным на обман или введение в заблуждение зарубежные авторы относят:

различные рекламные акции и публичные рекламные объявления, цитаты, предложения и заявления, исходящие от продавца (услугиодателя) [28, с. 16].

Так, например, Комиссия по защите конкуренции и прав потребителей Австралии подала иск против компании «Uber» ввиду того, что компания, путем публикации сведений рекламного характера, предоставляла потребителям транспортных услуг неверную информацию относительно их стоимости, преднамеренно занижая ее, что вводило потребителей в заблуждение и лишало их возможности принять обоснованное решение. Суд исковые требования удовлетворил [29].

Таким образом, правовое регулирование дистанционной торговли с использованием агрегаторов информации – актуальная научно-практическая проблема для большинства стран мира, в которой вопросы защиты прав потребителей являются одними из основных, требующими выработки действенных правовых механизмов, в том числе с помощью международного законодательства. Наряду с этим, трансграничное использование сети «Интернет» лишает государство возможности осуществлять контроль за соблюдением законодательства, регулирующего дистанционную торговлю с использованием агрегаторов информации.

В заключении отметим, что развитие договорного регулирования правоотношений, опосредованных использованием агрегаторов информации – длительный процесс, который во многом основан на разработке отдельных правовых норм, регулирующих дистанционную куплю-продажу и возмездное оказание услуг, а также на выработке действенных правовых механизмов, сдерживающих профессиональных участников рынка дистанционной торговли – владельцев агрегаторов информации.

Список источников

1. Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ульяновск, 2022. 38 с.
2. Чеговадзе Л. А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам // Цивилист. 2022. № 1(37). С. 12–19.
3. Владимирова Г. Е. Основные законы Российской империи 1832 год // Юридическая наука. 2018. № 5. С. 9–12.
4. Тараборин Р. С. Гражданское законодательство Российской империи в дореволюционной правовой мысли: к историографии вопроса // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2013. № 1. С. 24–30.
5. Хисматуллин О. Ю. Отдельные аспекты развития правового регулирования дистанционной торговли в России // Евразийская адвокатура. 2016. № 2(21). С. 90–92.
6. Цветков И. В. Договорная дисциплина в пред-

принимательской деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2006. 50 с.

7. Закон СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности» // Ведомости ВС СССР. 1986. № 47. Ст. 964.
8. Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.
9. Энциклопедия маркетинга. Рынок дистанционной торговли в России // URL: https://www.marketing.spb.ru/mr/services/distance_selling.htm (дата обращения: 11.12.2022).
10. Закон СССР от 31 мая 1991 г. «Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
11. Иващенко А. А. Понятие предпринимательской деятельности в гражданском законе Российской Федерации и цивилистической доктрине // Общество и право. 2013. № 2(44). С. 45–48.
12. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая (ред. от 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
13. Федеральный закон от 25 октября 2007 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и часть вторую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 44. Ст. 5282.
14. Индикаторы цифровой экономики: 2022: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. ; И60 Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. 332 с.
15. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (дата обращения: 01.04.2023).
16. «Ассоциация компаний интернет-торговли». Сводные аналитические данные // URL: <https://www.akit.ru/analytics/analyt-data> (дата обращения: 10.03.2023).
17. Рожкова М. А. Об ответственности агрегаторов и их платформах онлайн-разбирательства споров // Хозяйство и право. 2018. № 9 (500). С. 21–32.
18. Кузнецова Н. Г. Правовое положение агрегатора информации о товарах (услугах, работах, цифровом контенте) и его преддоговорные обязанности // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 1–15.
19. Закон Российской Федерации от 7 февраля

- 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.
20. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 01.12.2022).
21. Ozon. Договор для продавцов товаров на платформе «Ozon» // URL: <https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers/contract-goods/contract-for-sell-goods-on-ozon> (дата обращения: 12.04.2023).
22. Типовой закон об электронной торговле Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (дата обращения: 13.04.2023).
23. Шайдуллина В. К. Международно-правовые аспекты ведения электронной торговли // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 4. С. 157–166.
24. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
25. Закон КНР «Об электронной коммерции» // URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/1_yanvary_2019_goda_vstupil_v_silu_zakon_knr_ob_elektronnoj_kommercii (дата обращения: 03.04.2023).
26. Закон Китайской народной республики «О защите прав потребителей» // URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_consumer_rights_protection_law_revised_2013_russian/ (дата обращения: 11.01.2023).
27. Competition and consumer act 2010 // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/514734> (дата обращения: 17.03.2023).
28. Syuib M. The protection of online shopping consumer rights in Australia // Jurnal Justisia. 2020. № 1. P. 13–23.
29. Тасс. «Uber» заплатит более \$14 млн за обман клиентов в Австралии // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16520931> (дата обращения: 17.03.2023).
- civil rights and responsibility of their owners for obligations // Civilist. 2022. № 1(37). P. 12–19.
3. Vladimirova G. E. Basic laws of the Russian Empire in 1832 // Juridicheskaya nauka. 2018. № 5. P. 9–12.
4. Taraborin R. C. Civil legislation of the Russian Empire in pre-revolutionary legal thought : to the historiography of the issue // Business in law. Economic and legal journal. 2013. № 1. P. 24–30.
5. Hismatullin O. Some aspects of the development of the legal regulation of distance selling in Russia // Eurasian Advocacy. 2016. № 2(21). P. 90–92.
6. Tsvetkov I. V. Contractual discipline in entrepreneurial activity : abstract diss. D. in Law. Moscow, 2006. 50 p.
7. Law of the USSR of 19.11.1986 «About Individual Labor Activity» // Vedomosti VS USSR. 1986. № 47. Art. 964.
8. Law of the USSR from 08.12.1961 «On Approval of Fundamentals of Civil Legislation of the Union of SSR and Union republics» // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1961. № 50. Art. 525.
9. Encyclopedia of marketing. The market of remote trade in Russia // URL: https://www.marketing.spb.ru/mr/services/distance_selling.htm (accessed: 11.12.2022).
10. Law of the USSR of 31.05.1991 «Fundamentals of civil legislation of the Union of SSR and the republics» // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1991. № 26. Art. 733.
11. Ivashchenko A. A. The concept of entrepreneurial activity in the civil law of the Russian Federation and the civil doctrine // Society and Law. 2013. № 2(44). P. 45–48.
12. Civil Code of the Russian Federation. Part One (ed. from 01.09.2022) // Sbornik zakonodatelstva RF. 1994. № 32. Art. 3301.
13. Federal Law dated 25.10.2007 № 234 «About Amendments to the Russian Federation Law «About Protection of Consumer Rights» and Part Two of the Russian Federation Civil Code» // Collection of Laws of the Russian Federation. 2007. № 44. Art. 5282.
14. Indicators of the digital economy: 2022: statistical collection / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovsky, K. O. Vishnevskiy, L. M. Gokhberg et al. Moscow : Higher school of economics, 2023. 332 p.
15. Passport of the national program «Digital economy of the Russian Federation» // URL: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf> (accessed: 01.04.2023).
16. «Association of Internet trading companies». Summary analytical data // URL: <https://www.akit.ru/analytics/analyt-data> (accessed: 10.03.2023).

References

1. Latypov D. N. The system of methods of protection of civil rights in the Russian Federation : autoref. diss. D. in Law. Ulyanovsk, 2022. 38 p.
2. Chegovadze L. A. Aggregators as objects of

17. Rozhkova M. A. On the responsibility of aggregators and their online dispute resolution platforms // *Economy and Law*. 2018. № 9 (500). P. 21–32.
18. Kuznetsova N. G. Legal position of an aggregator of information on goods (services, works, digital content) and its pre-contractual obligations // *Legal Studies*. 2018. № 3. P. 1–15.
19. Law of the Russian Federation from 07.02.1992 № 2300-1 «On protection of consumer rights» // *Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*. 1992. № 15. Art. 766.
20. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 № 203 «On the Strategy for the development of information society in the Russian Federation for 2017–2030» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (accessed: 01.12.2022).
21. Ozon. Contract for sellers of goods on the platform «Ozon» // URL: <https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers/contract-goods/contract-for-sell-goods-on-ozon> (accessed: 12.04.2023).
22. United Nations Commission on International Trade Law Model Law on Electronic Commerce // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/commerce.shtml (accessed: 13.04.2023).
23. Shaidullina V. K. International legal aspects of electronic commerce // *Economics. Taxes. Law*. 2020. T. 13, № 4. P. 157–166.
24. Federal Law of 18.03.2019 № 34 «On amendments to parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation» // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2019. № 12. Art. 1224.
25. Law of PRC «On electronic commerce» // URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/24/1_yanvarya_2019_goda_vstupil_v_silu_zakon_knr_ob_elektronnoj_kommercii (accessed: 03.04.2023).
26. Law of the People's Republic of China «On Protection of Consumer Rights» // URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_consumer_rights_protection_law_revised_2013_russian/ (accessed: 11.01.2023).
27. Competition and consumer act 2010 // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/514734> (accessed: 17.03.2023).
28. Syuib M. The protection of online shopping consumer rights in Australia // *Jurnal Justisia*. 2020. № 1. P. 13–23.
29. Tass. «Uber» will pay more than \$14 million for cheating customers in Australia // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16520931> (accessed: 17.03.2023).

Информация об авторе

А. К. Самойлова – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. K. Samoylova – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 12.07.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Научная статья

УДК 342.72/.73

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-225-228>

EDN: <https://elibrary.ru/vocodh>

НИОН: 2003-0059-6/23-867

MOSURED: 77/27-003-2023-06-066

Конституционный принцип социальной солидарности в аспекте консолидации российского общества и государства

Марат Вильданович Саудаханов

МИРЭА – Российский технологический университет, Россия, Москва, viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Затронута проблематика феномена социальной солидарности через призму конституционно-правового анализа. В работе предпринята попытка изучения важнейших признаков социальной солидарности как базового инструментария консолидации российского общества и государства. Автор рассматривает социальную солидарность в контексте конституционно-правовых аспектов как конечный результат общественных отношений, указывая на то, что в рамках отечественного правопорядка имеются определенные трудности в сфере осмысления социальной солидарности как конституционного принципа. В исследовании также были сделаны выводы о том, что социальная солидарность выступает не только важнейшим правовым императивом, но и базовой нравственной категорией.

Ключевые слова: Конституция, социальная солидарность, конституционный принцип, ограничения прав и свобод, права человека и гражданина, гражданский патриотизм

Для цитирования: Саудаханов М. В. Конституционный принцип социальной солидарности в аспекте консолидации российского общества и государства // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 225–228. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-225-228>. EDN: VOCODH.

Original article

The constitutional principle of social solidarity in the aspect of consolidation of Russian society and the state

Marat V. Saudakhanov

MIREA – Russian Technological University, Russia, Moscow, viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the phenomenon of social solidarity through the prism of constitutional and legal analysis. The paper attempts to study the most important signs of social solidarity as a basic tool for the consolidation of Russian society and the state. The author considers social solidarity in the context of constitutional and legal aspects as the final result of public relations, pointing out that within the framework of the domestic legal order there are certain difficulties in the field of understanding social solidarity as a constitutional principle. The study also concluded that social solidarity is not only the most important legal imperative, but also a basic moral category.

Keywords: Constitution, social solidarity, constitutional principle, restrictions on rights and freedoms, human and civil rights, civic patriotism

For citation: Saudakhanov M. V. The constitutional principle of social solidarity in the aspect of consolidation of Russian society and the state. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):225–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-225-228>. EDN: VOCODH.

Права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Основном Законе страны, выступают в качестве фундамента конституционного статуса личности и являются ниторативной категорией в аспекте государственно-властного нормирования. Важнейшим свойством конституционных прав и свобод

можно назвать то, что они закреплены в гл. 2 Конституции РФ и, следовательно, носят императивный характер. Вместе с тем отечественная конституционная регуляция предполагает наличие и ограничительного инструментария, который может отчасти купировать нормативные характеристики конституционных прав

© Саудаханов М. В., 2023

и свобод при наступлении определенных условий. В частности, отечественный Основной Закон (ч. 3 ст. 55) регламентирует положение о том, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законодательством в целях достижения таких целей, которые обладают признаками конституционной значимости. Перечень таких целей также зафиксирован в Конституции РФ и является исчерпывающим. Так, в результате толкования этой конституционной нормы в спектре указанных конституционно-значимых целей можно выявить следующие позиции: 1) защита основ конституционного строя; 2) охрана здоровья населения и общественной нравственности; 3) гарантирование прав и законных интересов граждан; 4) обеспечение обороны и безопасности государства.

В целях настоящего исследования интересно мнение Н. М. Добрынина, который полагает, что на современном этапе отечественного конституционного развития Основной Закон можно и нужно реформировать, если этого требует текущая социально-политическая конъюнктура. Ученый подчеркивает, что нормативная жесткость Конституции РФ, невозможность изменить некоторые ее положения могут выступать тормозом позитивного развития конституционной регуляции, которая выступает основой всего национального правопорядка. При этом Н. М. Добрынин ссылается на принцип социальной солидарности, как важнейший элемент «истинного конституционализма» [2, с. 34]. В этой связи представляется возможным согласиться со мнением ученого в части необходимости конституционного нормирования идей социального консенсуса и оптимального взаимодействия личности, общества и государства, в русле принципа социальной солидарности, как ответ на современные социально-политические вызовы.

В настоящее время острая социально-политическая ситуация представлена прежде всего проведением Специальной военной операции на Украине (далее – СВО), которая была инициирована 24 февраля 2022 года. При этом в октябре 2022 года в состав Российской Федерации на основе законной процедуры и свободного волеизъявления населения вошли новые субъекты, которые ранее находились в составе Украины. Подобная ситуация так или иначе влияет на социально-экономические связи, инициируя потребность реализации конституционного принципа социальной солидарности, без которой невозможна оптимальная интеграция новых территорий в политико-экономическое пространство Российской Федерации.

Имплементация принципа социальной солидарности может выражаться различным образом. Так, социальная солидарность осуществляет свое юридическое бытие в рамках помощи кадровым и мобилизованным военным, которые защищают интересы России. Кроме того, социальная солидарность может выражаться и в обустройстве новых субъектов Российской Фе-

дерации, которые существенно пострадали за время ведения боевых действий. Помощь беженцам также выступает признаком реализации указанного конституционного принципа.

Является вполне очевидным и то, что только лишь посредством усилий органов государства нельзя справиться с текущими трудностями, вызванными внешней и внутренней политической конъюнктурой. Поэтому важнейшую роль в преодолении трудностей, с которыми столкнулась Российская Федерация в 2022 году, может и должно сыграть российское общество, проявив взаимовыручку и сплоченность. В этой связи можно согласиться с мнением выдающегося ученого-конституционалиста Б. С. Эбзеева, который обосновывает значимость фактора лояльности общества к государству в период политической нестабильности и угроз конституционному строю. Ученый полагает, что именно в преданности государству со стороны граждан страны проявляется истинный дух патриотизма и гражданственности [7, с. 997].

Осознавая насущную необходимость преодолеть несоответствие между нормами Основного Закона и фактическим положением дел, Президент РФ в январе 2020 г. в послании к Федеральному Собранию внес предложение о возможности изменения Конституции РФ в целях формирования предпосылок оптимального развития институтов гражданского общества и эффективной государственности. При этом идея В. В. Путина приобрела особую актуальность в свете начала СВО в феврале 2022 года, когда граждане страны наиболее остро стали ощущать потребность в поддержке государства, в реализации всего спектра государственных гарантий в отношении беженцев, семей мобилизованных лиц и военнослужащих, принимающих участие в СВО с самого ее начала и пр.

Вместе с тем не только граждане страны нуждаются в поддержке со стороны публичной власти, но и сами властные институты испытывают потребность в одобрении своих действий со стороны общества, так как нередко в целях обеспечения национальной безопасности и обороны страны государство использует инструментарий, ограничивающий права и свободы граждан. Вместе с тем в качестве концептуального базиса ограничений конституционных прав и свобод можно видеть не только сам ограничительный механизм, но и пределы реализации прав и свобод [8, с. 321; 5, с. 506]. Важно понять, что социальный консенсус, оптимальное взаимодействие общества и публичной власти реализовывает конституционный принцип социальной солидарности, обосновывающий не только механизм ограничения прав и свобод, но и пределы их реализации, особенно во время проведения СВО и связанными с ней негативными социально-экономическими и политико-правовыми последствиями.

О необходимости своевременных изменений конституционной регуляции пишет и А. А. Клишас, который видит оптимальность фиксации социально-эко-

номических гарантий граждан на конституционном уровне [4]. Здесь хотелось бы отметить, что смешение конституционного нормирования с фактической реализацией, конечно, стало бы некоторой переоценкой правотворчества как государственной функции. Тем не менее, нормативная регламентация конституционного принципа социальной солидарности может выступить юридическим фундаментом для претворения в жизнь всех необходимых гарантий.

В рамках анализа юридической сущности принципа социальной солидарности необходимо отметить отсутствие ее нормативной детерминации, что в конечном итоге влияет на результат правового истолкования этого феномена. В рамках заявленной проблематики нельзя обойтись без лексического определения термина «солидарность». Так, если обратиться к популярному словарю, можно увидеть то, что слово «солидарность» связано с такими понятиями как «деятельное сочувствие», «общие интересы», «единодушие» [6, с. 679].

В область науки дефиниция «социальная солидарность» попала благодаря таким ученым как О. Конт, Э. Дюркгейм и др. В частности, в трудах О. Конта социальная солидарность предстает как глобальный закон, четко коррелирующий с правилами социального взаимодействия и человеческой природы. При этом основоположник позитивизма полагал, что общим двигателем социального прогресса выступает стремление к всеобщему счастью и присущая людям солидарность, которой О. Конт придавал не только нравственное, но и политическое значение [1, с. 88].

В свою очередь Э. Дюркгейм связывал социальную солидарность с разделением общественного труда, градируя ее на механическую и органическую. В механической солидарности ученый видел жизнеустойчивость простых социальных групп, где имела место традиционная общность труда. В качестве органической солидарности, которая наиболее ярко проявляет себя в социуме индустриального типа, Э. Дюркгейм понимал социальное единство развитых обществ, [3, с. 215]. Думается, что глобальность анализируемой дефиниции позиционирует социальную солидарность не только как правовой, но и нравственный принцип социального взаимодействия. Именно из этого посыла проистекает проблематика корреляции свободы индивида и социальной солидарности, так как нередко интересы отдельной личности могут не совпадать с целями общества и государства.

Тем не менее, как отмечают многие ученые, на консолидации частного и коллективного интересов, на их сбалансированности зиждется конституционный строй государства [7, с. 988]. В этом аспекте именно конституционная регуляция воплощает в себе нормирование индивидуальных и коллективных ценностей, легитимируя публичную власть в глазах общества.

Таким образом, социальная солидарность видится в единстве интересов личности, общества и госу-

дарства, которое выступает необходимым условием для достижения важных для социума целей. Вполне очевидным является и то, что индивиду, как части социума, необходимо соизмерять свои интересы с интересами общества и государства (как его политической ипостаси), для того, чтобы не было их коллизии, а это возможно лишь через реализацию принципа социальной солидарности.

В рамках конституционно-правового регулирования (ст. 75.1 Конституции РФ) акцентируется внимание на том, что публичная власть стремится к достижению баланса интересов и оптимальному соотношению субъективных прав и юридических обязанностей субъекта, параллельно реализуя механизм эффективного взаимодействия публичной власти и общества в различных кластерах общественных отношений. Указанная конституционная норма показывает то, что социальная солидарность – это принцип, который закрепляет важнейшие ценности, ниторативно воздействующие на весь национальный правовой порядок.

Специфика принципа социальной солидарности заключается еще и в том, что его закрепление осуществлено в рамках гл. 3 Основного Закона страны, которая посвящена федеративному устройству. Стоит отметить, что базовые принципы зафиксированы в гл. 1 Конституции РФ, так как именно там сконцентрированы нормы, определяющие фундамент конституционного устройства государства. Тем не менее, здесь нет нормативного противоречия, так как ст. 75.1 Конституции РФ призвана уточнять и конкретизировать ст. 72 указанного нормативного акта. При этом если ст. 7 Конституции РФ нормирует принципы социального государства, то ст. 75.1 Основного Закона расширяет само его понимание через закрепление социальной солидарности как основополагающего начала конституционно-правовой регуляции.

В заключение статьи необходимо отметить, что вектор конституционного развития в области взаимодействия личности, общества и государства, который был задан Президентом РФ еще в 2020 году, обусловил потребность концептуальной трансформации норм, регулирующих важнейшие общественные отношения. В этой связи конституционный принцип социальной солидарности выступает важнейшим основополагающим началом, формирующим особый механизм взаимодействия отдельного индивида, гражданского общества и публичной власти, который функционирует на основе взаимного доверия и сплоченности, реализуя в себе дух гражданского патриотизма и доверия личности к деятельности органов государства. По сути, конституционное нормирование принципа социальной солидарности выступило реакцией руководства страны на вызовы времени. Важно то, что в настоящее время указанный принцип приобрел особую актуальность в связи текущей социально-политической конъюнктуры. Более того, принцип социальной солидарности не только развивает дух гражданского

патриотизма, но и конкретизирует нормативную базу принципа социального государства, осмысляя его через призму достижения баланса интересов личности и общего блага в политике публичной власти.

Список источников

1. Батуренко С. А. Солидаристская традиция в истории социологической теории : О. Конт, Э. Дюркгейм / С. А. Батуренко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 86–92.
2. Добрынин Н. М. Конституционализм, Конституция России и конституционализация российского права : несколько тезисов о конъюнкции смыслов и юридических практик / Н. М. Добрынин // Государство и право. 2020. № 4. С. 25–37.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. М. : Наука, 1991. 575 с.
4. Клишас А. А. Сообща – победим : доверие, общественная солидарность и расширение социальных прав и гарантий в условиях новых вызовов / А. А. Клишас // Российская газета. 2020. 22 апр.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма: ИНФРА-М, 2013. 1040 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. Москва : Оникс, 2008. 1000 с.
7. Эбзеев Б. С. Государство и личность в России : социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма / Б. С. Эбзеев // Журнал зарубежного законодательства и сравни-

тельного правоведения. 2013. № 6 (43). С. 986–999.

8. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник / Б. С. Эбзеев. М. : Проспект, 2019. 768 с.

References

1. Baturenko S. A. Solidaristic tradition in the history of sociological theory : O. Comte, E. Durkheim / S. A. Baturenko // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2012. № 4. P. 86–92.
2. Dobrynin N. M. Constitutionalism, the Constitution of Russia and the constitutionalization of Russian law : several theses on the conjunction of meanings and legal practices / N. M. Dobrynin // State and Law. 2020. № 4. P. 25–37.
3. Durkheim E. On the division of social labor. Method of sociology / E. Durkheim. M. : Nauka, 1991. 575 p.
4. Klishas A. A. Together we will win : trust, public solidarity and the expansion of social rights and guarantees in the face of new challenges / A. A. Klishas // Rossiyskaya Gazeta. 2020. 22 Apr.
5. Commentary to the Constitution of the Russian Federation / edited by V. D. Zorkin. 3rd ed., revision. M. : Norm: INFRA-M, 2013. 1040 p.
6. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language : about 60,000 words and phraseological expressions / S. I. Ozhegov ; edited by L. I. Skvortsov. 25th ed., ispr. and add. Moscow : Onyx, 2008. 1000 p.
7. Ebzeev B. S. State and personality in Russia : social solidarity as a paradigm of domestic constitutionalism / B. S. Ebzeev // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2013. № 6 (43). P. 986–999.
8. Ebzeev B. S. Constitutional law of Russia : textbook / B. S. Ebzeev. M. : Prospect, 2019. 768 p.

Информация об авторе

М. В. Саудаханов – доцент кафедры государственного и административного права МИРЭА – Российского технологического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. V. Saudakhanov – Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the MIREA – Russian Technological University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Научная статья

УДК 343.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-229-233>

EDN: <https://elibrary.ru/vtmpqp>

ИПОН: 2003-0059-6/23-868

MOSURED: 77/27-003-2023-06-067

Совершенствование предупредительной практики в системе противодействия наркопреступности и наркотизации населения

Александр Викторович Симоненко

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, a18071959@yandex.ru

Аннотация. Дана общая оценка состояния, проанализированы тенденции развития наркопреступности и наркоситуации в России. Рассмотрены основные проблемы и недостатки предупредительной правоохранительной практики в данной сфере. Представлены основные направления совершенствования механизмов превенции наркопреступности и наркотизации населения.

Ключевые слова: наркопреступность, технологии, наркоситуация, наркотизация, незаконный оборот наркотиков, криминология

Для цитирования: Симоненко А. В. Совершенствование предупредительной практики в системе противодействия наркопреступности и наркотизации населения // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 229–233. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-229-233>. EDN: VTMPQP.

Original article

Improving preventive practices in the system of countering drug crime and drug addiction of the population

Alexander V. Simonenko

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, a18071959@yandex.ru

Abstract. The article gives a general assessment of the situation and analyzes trends in the development of drug crime and the drug situation in Russia. The main problems and shortcomings of preventive law enforcement practice in this area are considered. The main directions of improving the mechanisms of drug crime prevention and drug addiction of the population are presented.

Keywords: drug crime, technologies, drug situation, drug addiction, illegal drug trafficking, criminology

For citation: Simonenko A. V. Improving preventive practices in the system of countering drug crime and drug addiction of the population. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):229–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-229-233>. EDN: VTMPQP.

Проблемы наркотизации населения и наркопреступности являются острыми для многих государств. От их решения напрямую зависят жизнь и здоровье граждан, их криминализация и виктимизация, в конечном счете, национальная безопасность. Процессы наркотизации населения и наркопреступность тесно взаимосвязаны, характеризуются взаимным влиянием и вмещают в себя, помимо социальных, целый спектр правоохранительных проблем.

Наркотизация обуславливает повышенную виктимизацию и криминализацию лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения. В свою очередь наркопреступность обеспечивает функционирование широко развитой наркоиндустрии, правоохранные и социальные последствия которой связаны

главным образом с массовым вовлечением в сферу оборота наркотических средств молодежи в качестве сбытчиков и потребителей.

Указанные процессы значительно интенсифицируются благодаря встраиванию в преступные механизмы информационно-телекоммуникационных технологий, с помощью которых обеспечиваются криминальная бизнес-коммуникация и проведение финансовых операций. Технологии социальной инженерии позволяют представителям наркобизнеса вербовать новых работников, технологии маркетинга и рекламы обеспечивают распространение наркотиков среди населения и расширение рынка их сбыта.

Необходимость противодействия указанным тенденциям нашла свое отражение и в положениях Стра-

тегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. Среди прочего к числу угроз национальной безопасности указанным документом отнесены:

- деятельность организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотиков;
- появление новых форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ (преступных организаций), усиление ими конспирации каналов поставки и сбыта наркотиков с использованием инновационных коммуникационных и других технологий;
- увеличение предложений на рынке сбыта (в целях незаконного потребления) синтетических наркотиков, произведенных на территории Российской Федерации с применением веществ, часто используемых при производстве, изготовлении и переработке наркотических средств и психотропных веществ и находящихся в законном обороте, рост спроса на такие наркотики;
- использование новейших финансовых инструментов в целях легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств, а также применение новых способов оплаты наркотиков;
- масштабное использование сети Интернет для пропаганды незаконного потребления наркотиков;
- недостаточная эффективность организации профилактической деятельности, социальной реабилитации больных наркоманией и ресоциализации наркопотребителей, ограниченное использование потенциала негосударственных организаций при реализации антинаркотической политики.

Названные угрозы находятся под пристальным вниманием руководства страны. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «по-прежнему ключевой задачей органов внутренних дел остается противодействие незаконному обороту наркотиков...», и потребовал «искать более эффективные методы и технические решения в борьбе с наркоугрозой» [1].

Несмотря на положительные тенденции, о которых на расширенном заседании коллегии МВД России [2] доложил Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев, общая ситуация с наркотизацией и наркопреступностью в России по-прежнему остается сложной. Для минимизации ее остроты криминологическая наука способна выработать и предложить комплекс рекомендаций, направленных на совершенствование и развитие предупредительной практики в данной сфере.

Несмотря на то, что наркопрофилактика по-

прежнему выступает не главной формой деятельности правоохранительных органов, а гипертрофия мер уголовно-правового воздействия вытесняет на второй план профилактическую работу, именно в области превентивной практики заложен наибольший потенциал противодействия наркопреступности и наркотизации населения. Остановимся на наиболее перспективных направлениях наркопрофилактики, которые способны существенно повысить качество антикриминальной практики в данной сфере.

1. Антинаркотическая пропаганда. Данное направление антикриминальной практики совсем недавно получило глубокое теоретическое обоснование [3]. Представлены правовые и теоретические основы антикриминальной пропаганды, ее система, уровни и технологии осуществления [4; 5]. Данный теоретический фундамент позволяет выстроить эффективную систему антинаркотической пропаганды на базе основных субъектов наркопрофилактики – органов внутренних дел, здравоохранения и образования. Причем каждый из этих субъектов способен обеспечить формирование своего сегмента общегосударственной системы антинаркотической пропаганды с учетом стоящих перед названными органами задач их кадрового и ресурсного потенциала.

Руководство МВД России уделяет значительное внимание развитию указанного направления. Выступая на заседании Государственного антинаркотического комитета, Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев обратился к вопросу о мерах повышения эффективности антинаркотической пропаганды в современной цифровой среде. Глава ведомства подчеркнул, что наряду с запретительными мерами необходимо существенно увеличить объем контента, направленного на неприятие наркотиков и укрепление традиционных ценностей [6].

Совершенствование данного направления требует реализации новых подходов в подготовке кадров, формирования соответствующих компетенций субъектов наркопрофилактики. До сих пор такая работа на системной основе не проводилась. Вместе с тем значительный опыт подобной работы имеется у специалистов Краснодарского университета МВД России. Так, кафедрой уголовного права и криминологии впервые в системе ведомственного образования были реализованы два уникальных образовательных проекта, направленных на формирование компетенций сотрудников органов внутренних дел по осуществлению антинаркотической пропаганды.

Криминологами университета были разработаны и реализованы программы повышения квалификации сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков территориальных органов МВД России на тему «Антинаркотическая пропаганда и ее осуществление сотрудниками полиции», сотрудников подразделений по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, по делам несовершеннолетних и по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России на тему «Предупреждение распространения криминальной идеологии в сети Интернет» [7; 8].

2. Участие общественности в наркопрофилактике. С учетом сложности задач, которые стоят перед правоохранительными органами в рассматриваемой сфере, значительной нагрузки по реализации ими репрессивных функций особое значение для совершенствования предупредительной деятельности имеет привлечение сил общественности для решения профилактических задач. Данные опроса 29 специалистов в сфере наркопрофилактики из числа руководителей подразделений органов внутренних дел демонстрируют, что далеко не везде в полной мере используется потенциал общественности в указанных целях. В свою очередь криминологами университета были подробно разработаны необходимые теоретические основы и прикладные решения, позволяющие интенсифицировать работу в этом направлении [9; 10].

Здесь важно эффективное взаимодействие правоохранительной системы с различными институтами гражданского общества: средствами массовой информации, молодежными, волонтерскими, религиозными, благотворительными организациями. Эффективно решается проблема освобождения людей от наркотической зависимости путем постмедицинской социальной реабилитации, возвращения к нормальной, полноценной жизни. Сегодня в регионах России действуют несколько сотен негосударственных реабилитационных центров.

Особую помощь органам внутренних дел в осуществлении наркопрофилактики способны оказать представители студенческого сообщества, курсанты ведомственных образовательных организаций. Опираясь на их усилия, можно существенно интенсифицировать работу по наркопрофилактике в общеобразовательных организациях и организациях профессионального образования, противодействию наркопропаганде и рекламе наркотиков, вовлечению в незаконный наркооборот.

3. Технологизация процесса наркопрофилактики. Ранее мы неоднократно отмечали, что современная антинаркотическая практика слабо ориентирована на профилактическую деятельность. Это обусловлено комплексом как объективных, так и субъективных причин. Объективные причины вызваны отсутствием обоснованных критериев оценки эффективности мер предупреждения наркопреступности, профессиональной деятельности лиц, его осуществляющих, отставленным во времени положительным эффектом, нормативной и организационной неопределенностью форм и методов профилактической работы, проблемами кадрового и ресурсного обеспечения наркопрофилактики. Субъективные причины лежат в плоскости излишнего консерватизма и инертности правоохранительной системы, не допускающей изменений устоявшихся стереотипов организации правоохранительной деятельности [11].

Названные проблемы явно демонстрируют потребность в разработке прикладных антинаркотических технологий, которые обеспечат трансляцию криминологических знаний в практическую деятельность. Здесь необходимо сближение эмпирического опыта

и научных исследований при решении практических проблем, регистрации и критической оценке проб и ошибок. Таким образом, частные криминологические теории через технологию подвергаются апробированию, проходят проверку практикой, благодаря чему обеспечиваются поиск ошибок и их оценка [12].

Указанные технологии могут использоваться в управленческой, исследовательской, экспертной, консультационной деятельности. Однако ее стержневым компонентом выступает нормативная характеристика, определяющая правовые основы функционирования и развития правоохранительных институтов. Основным механизмом реализации технологических решений криминологов в правоохранительной практике выступает правотворческая и правоприменительная деятельность. Созданные криминологами технологические решения, модели, разработанные показатели должны получить нормативное закрепление и в ряде случаев могут быть реализованы лишь в процессе правоприменения.

Антинаркотические технологии должны транслироваться в правоохранительную практику субъектами, имеющими специальную криминологическую подготовку на уровне специалитета. Они должны быть способны создавать и обеспечивать реализацию прикладных антинаркотических технологий в правоохранительной практике, как с позиций процессов управления, так и с точки зрения теоретической и эмпирической составляющей. Их профессиональная деятельность должна быть основана на криминологическом мышлении, без чего невозможно профессионально воспринимать ни одну из практических сторон правоохранительной деятельности в сфере контроля преступности и правонарушений. Способность разрабатывать и реализовывать антинаркотические технологии в практике противодействия преступности должна выступать в качестве обязательного квалификационного требования к специалисту в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

4. Социальное проектирование. Отдельные правоохранительные проблемы в области наркопрофилактики далеко не всегда могут быть успешно разрешены в рамках текущей правоохранительной деятельности. В этом случае субъекты наркопрофилактики могут использовать инструмент социального проектирования. Его суть состоит в конструировании системы правоохранительных действий, направленных на минимизацию факторов наркотизации и наркотической криминализации, воздействие на которые иными (традиционными) инструментами неэффективно. В криминологических исследованиях данное направление получило необходимое развитие и обоснование [13].

Вместе с тем проведенные исследования показывают низкую востребованность данного инструмента предупредительной антинаркотической практики. Отдельные антинаркотические проекты реализуются без участия специалистов органов внутренних дел, не охватывают собой правоохранительную антинаркотическую тематику и зачастую сводятся только к проблемам педагогического, психологического и медицинского характера.

5. Антинаркотическое программирование и планирование. Проведенный анализ документов программно-целевого планирования на федеральном и особенно на региональном и местном уровнях показывает, что вопросы наркопрофилактики часто остаются на периферии программ профилактики правонарушений. Значительные недостатки в области антикриминального программирования фиксируют и специальные криминологические исследования [14]. Среди них значительная пассивность субъектов наркопрофилактики, слабое взаимодействие с органами региональной и местной власти, разрабатывающими документы программно-целевого планирования. Вместе с тем данное направление антинаркотической правоохранительной практики позволяет существенно повысить ресурсное обеспечение антинаркотических мероприятий, привлечь к их реализации профессиональных субъектов.

Изучение плановой документации по организации профилактической работы различных субъектов наркопрофилактики показало достаточно низкий уровень включенности в них антинаркотических мероприятий, которые к тому же зачастую имеют несистемный, разовый характер, охватывают собой довольно ограниченный круг лиц, составляющих целевую аудиторию запланированных профилактических мероприятий.

При осуществлении планирования следует не только обеспечить системность проведения профилактических мероприятий, но и учитывать параметры охвата ими целевой аудитории.

Общей проблемой программных и плановых документов в данной сфере является поверхностный анализ ситуации, который ложится в основу разработки мер наркопрофилактики. Такая работа, как правило, основывается на статистических показателях, осуществляется без проведения дополнительных диагностических и мониторинговых мероприятий [15; 16].

Наибольшим недостатком антинаркотического программирования и планирования следует считать формальную оценку эффективности запланированных и реализованных мероприятий.

Несмотря на имеющиеся проблемы и недостатки рассматриваемого инструмента антинаркотической практики, антинаркотическое программирование и планирование позволяет обеспечить качественную координацию и взаимодействие субъектов наркопрофилактики, их совместное участие в минимизации криминогенных факторов в данной сфере.

Направления совершенствования предупредительной практики в системе противодействия наркопреступности и наркотизации населения, отраженные в данной статье, не следует считать исчерпывающими. Их дальнейшая разработка и актуализация позволят создать необходимый теоретический базис для совершенствования антинаркотической правоохранительной практики.

Список источников

1. Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии

МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 11.09.2023).

2. Выступление Министра внутренних дел РФ В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 11.09.2023).
3. Грибанов Е. В. Теоретико-правовые основы и технология антинаркотической пропаганды // Наркоконтроль. 2023. № 3. С. 15–18.
4. Грибанов Е. В. Теория антикриминальной пропаганды : место в криминологической науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2023. № 1. С. 14–21.
5. Грибанов Е. В. Теоретические основы антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2023. № 2 (84). С. 9–14.
6. Под председательством Владимира Колокольцева состоялось заседание Государственного антинаркотического комитета. URL.: <https://mvdmedia.ru/news/official/pod-predsdatelstvom-vladimira-kolokoltseva-sostoyalos-zasedanie-gosudarstvennogo-antinarkoticheskog/> (дата обращения: 11.09.2023).
7. В университете разработан и проведен новый курс повышения квалификации по вопросам антинаркотической пропаганды. URL: <https://xn--dlalsn.xn--blaew.xn--plai/Press-sluzhba/Novosti/item/38455343> (дата обращения: 11.09.2023).
8. В университете провели курс по вопросам предупреждения распространения криминальной идеологии в сети Интернет. URL: <https://xn--dlalsn.xn--blaew.xn--plai/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931> (дата обращения: 11.09.2023).
9. Хомутов М. В. Предупреждение преступлений социально ориентированными некоммерческими организациями : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 233 с.
10. Хомутов М. В., Грибанов Е. В. Использование полицией возможностей социально ориентированных некоммерческих организаций в предупреждении преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. № 2 (56). С. 6–11.
11. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 121–122.
12. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Криминологические технологии и инженерия: место в науке и значение для правоохранительной практики // Общество и право. 2016. № 1 (55). С. 121–127.
13. Грибанов Е. В. Технологии социального проек-

- тирования в предупреждении преступлений // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 139–143.
14. Грибанов Е. В. Проблемы формирования и развития технологий планирования и программирования предупреждения преступлений // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Краснодар, 2018. С. 216–219.
15. Ильницкий А. С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 213 с.
16. Соловьев В. С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 175 с.

References

1. Speech by the President of the Russian Federation V. V. Putin at an extended meeting of the board of the Russian Ministry of Internal Affairs. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (accessed: 11.09.2023).
2. Speech by the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation V. A. Kolokoltsev at an extended meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (accessed: 11.09.2023).
3. Griбанov E. V. Theoretical and legal foundations and technology of anti-drug propaganda // *Narcocontrol*. 2023. № 3. P. 15–18.
4. Griбанov E. V. The theory of anti-criminal propaganda : its place in criminological science and its significance for law enforcement practice // *Society and law*. 2023. № 1. P. 14–21.
5. Griбанov E. V. Theoretical foundations of anticriminal propaganda // *Society and law*. 2023. № 2 (84). P. 9–14.
6. A meeting of the State Anti-Drug Committee was held under the chairmanship of Vladimir Kolokoltsev. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/pod-predsedatelstvom-vladimira-kolokoltseva-sostoyalos-zasedanie-gosudarstvennogo-antinarkoticheskogo/> (accessed: 11.09.2023).
7. The university has developed and conducted a new advanced training course on anti-drug propaganda. URL: <https://xn--dlalsn.xn--blaew.xn--plai/Press-sluzhba/Novosti/item/38455343> (accessed: 11.09.2023).
8. The university conducted a course on preventing the spread of criminal ideology on the Internet. URL: <https://xn--dlalsn.xn--blaew.xn--plai/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931> (accessed: 11.09.2023).
9. Khomutov M. V. Crime prevention by socially oriented non-profit organizations : dis. ... candidate of law. Krasnodar, 2021. 233 p.
10. Khomutov M. V., Griбанov E. V. Use by the police of the possibilities of socially oriented non-profit organizations in the prevention of crimes // *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*. 2022. № 2 (56). P. 6–11.
11. Simonenko A. V., Griбанov E. V. Culture of combating crime in the activities of internal affairs bodies // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. № 4. P. 121–122.
12. Simonenko A. V., Griбанov E. V. Criminological technologies and engineering : place in the science and law enforcement practice meaning // *Society and law*. 2016. № 1 (55). P. 121–127.
13. Griбанov E. V. Technologies of social design in crime prevention // *Criminal policy and culture of combating crime : proc. of the Intern. sci. and practical conf.* Krasnodar, 2021. P. 139–143.
14. Griбанov E. V. Problems of formation and development of technologies for planning and programming crime prevention // *Criminal policy and culture of combating crime: proc. of the Intern. sci. and practical conf. : in 2 vols.* Krasnodar, 2018. P. 216–219.
15. Il'itsky A. S. Countering criminal ideology on the Internet : diss. ... candidate of law. Krasnodar, 2022. 213 p.
16. Soloviev V. S. Criminal potential of the social segment of the Internet: assessment methodology and neutralization measures : monograph. Moscow : Yurлитinform, 2017. 175 p.

Информация об авторе

А. В. Симоненко – начальник Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Simonenko – Chief of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Научная статья

УДК 343.985.2

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-234-237>

EDN: <https://elibrary.ru/tupmto>

НИОН: 2003-0059-6/23-869

MOSURED: 77/27-003-2023-06-068

Способ совершения преступлений как основной элемент криминалистической характеристики незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет

Наталья Алексеевна Столбова

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, stolna_85@mail.ru

Аннотация. На основе анализа правоприменительной деятельности отмечены основные способы совершения незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Рассмотрены вариации и пути совершения данного вида преступлений с использованием телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет: социальных сетей, мессенджеров, интернет-площадок и т. д.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, незаконный оборот оружия в сети Интернет, способ совершения, интернет-ресурсы, преступность

Для цитирования: Столбова Н. А. Способ совершения преступлений как основной элемент криминалистической характеристики незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 234–237. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-234-237>. EDN: TUPMTO.

Original article

The method of committing crimes as the main element of the criminalistic characteristics of illegal arms trafficking using information and telecommunication networks including the Internet

Natalia A. Stolbova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, stolna_85@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of law enforcement activities, the main ways of committing illegal arms trafficking using information and telecommunication networks, including the Internet, are noted. The variations and ways of committing this type of crimes using telecommunication networks, including the Internet: social networks, messengers, Internet sites, etc. are being considered.

Keywords: illegal arms trafficking, illegal arms trafficking on the Internet, method of commission, Internet resources, crime

For citation: Stolbova N. A. The method of committing crimes as the main element of the criminalistic characteristics of illegal arms trafficking using information and telecommunication networks including the Internet. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):234–237. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-234-237>. EDN: TUPMTO.

Интернет, став неотъемлемой частью жизни, часто используется для совершения правонарушений, направленных против личности, частной собственности, нравственных устоев и политического строя. Широкое использование в современной жизни компьютерных технологий и телекоммуникационных систем, создание на их основе глобальных компьютерных се-

тей привело к тому, что киберпространство стало активно использоваться для совершения преступлений [1, с. 65]. Преступным элементом совершенствуются способы осуществления преступных деяний через информационно-коммуникационные сети, в том числе Интернет, а именно социальные сети и (или) мессенджеры, чат боты и т. д.

© Столбова Н. А., 2023

Обращаясь к статистике, мы видим рост числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, так в 2021 г. были совершены 517,7 тыс. преступлений указанной категории, что привело к увеличению показателя в сравнении с прошлым аналогичным периодом на 1,4 %. В общем числе зарегистрированных преступлений и их удельный вес увеличился с 25 % до 25,8 % [2, с. 2]. В 2022 г. показатель преступлений, совершенных при помощи обращения к информационно-телекоммуникационным технологиям составил 522, тем самым показатель увеличился на 0,8 % по сравнению с прошлым годом [3, с. 2].

Исходя из анализа состояния преступности в России, мы наблюдаем ежегодное увеличение числа совершенных преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Несомненно, в обозримом будущем с модернизацией и совершенствованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, рост преступности с использованием данного сегмента будет только увеличиваться. В связи с этим, законодательным и исполнительным органам необходимо вырабатывать правовую базу и практики противодействия киберпреступности исходя из современных реалий.

К одному из видов преступлений, при совершении которых, злоумышленники активно используют информационно-телекоммуникационные технологии, в том числе Интернет, относится незаконный оборот оружия.

Отметим, что в 2021 г. число преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, составило 23,5 тыс. [2, с. 2]. В 2022 г. таких преступлений зарегистрировано 22,2 тыс., что привело к снижению числа данных преступлений в сравнении с прошлым годом на 5,5 % [3, с. 3].

Проводя анализ статистических данных, мы наблюдаем, что подсчет числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, осуществляется без разграничения на отдельные виды преступлений. На наш взгляд, необходимо осуществлять подсчет преступлений, совершенных с использованием IT-технологий по каждому виду отдельно, в частности ввести позицию по подсчету незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернет.

Рассматривая преступления, связанные с незаконным оборотом оружия с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе Интернет, необходимо отметить такой значимый элемент криминалистической характеристики, как способ совершения преступлений указанной категории.

В настоящее время незаконный оборот оружия посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, совершается хоро-

шо продуманными схемами преступной деятельности. При этом в переписке используют специальные термины (слэнг), обозначающие определенные части оружия, боеприпасы, конкретные образцы оружия и т. д. Современные технологии позволяют полностью исключить встречу фигурантов сделки по незаконному сбыту огнестрельного оружия и его основных частей. В связи с этим усложняется процесс проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на выявление фактов незаконного оборота оружия. На сегодняшний день сотрудникам правоохранительных органов не всегда удается установить и привлечь к уголовной ответственности сбытчика незаконного оружия и его основных частей, что обусловлено использованием участниками сделки современных телекоммуникационных технологий и соблюдением мер конспирации, использования зашифрованных сетевых ресурсов, псевдонимов и т. д. Отметим то, что на сегодняшний день оружие при бесконтактном сбыте с использованием IT-технологий осуществляется в основном посредством доставки с помощью почты РФ, транспортных компаний, курьерских служб и т. д. Кроме того, имеет место для бесконтактного сбыта оружия и так называемые «закладки», когда координация действиями и обмен информацией участниками незаконной сделки осуществляется посредством телекоммуникационных сетей и мобильных приложений, таких как Telegram, Viber, WhatsApp, Jabber и т. д.

Так, одним из способов незаконного приобретения оружия, по мнению С. А. Невского, является так называемое «черное копательство». Причем с долей условности «черных копателей» можно разделить на две основные группы. Первая группа «черных копателей» является безобидной, поскольку поиск оружия осуществляется ими «для себя» либо для музеев. Что касается второй группы, то данные лица реализуют несанкционированные раскопки в целях обнаружения раритетов или артефактов (в том числе, оружия) в целях обмена или продажи. Причем действия, связанные с обнаружением оружия, могут носить как случайный, так и целенаправленный характер [4, с. 42].

Еще одним способом незаконного оборота оружия является его нелегальное изготовление. М. И. Муркштис пишет, что незаконное изготовление по своей сути обладает еще большей опасностью, чем такие способы незаконного оборота оружия, как его хранение, передача, приобретение, ношение или перевозка. М. И. Муркштис объясняет это тем, что действия, направленные на незаконное изготовление оружия, формируют условия, в которые вооруженные люди получают возможность заниматься преступной деятельностью. Особо опасным это является в пределах деятельности организованных преступных группировок [5, с. 59].

Еще один распространенный способ вовлечения оружия в незаконный оборот – это его кража, вклю-

чая кражу по предварительному сговору с лицами, осуществляющими охрану оружейного хранилища [6, с. 59]. Кроме того, незаконное завладение оружием может происходить единоличным образом, например, во время работ по его обслуживанию, ремонту, проверки сохранности на складе и т. д. [7, с. 83].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что такие способы незаконного оборота оружия, как незаконное приобретение, изготовление, хранение оружия и др., являют собой особую основу для способов незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Рынок незаконного оборота оружия, существующий в сети Интернет, представляет собой, по замечанию В. В. Долгаева, торговую площадку, которая имеет аналогичный образ с известными площадками по типу «eBay», «Юла», «Авито» и др. Схожесть в данном случае заключается в том, что при незаконном обороте оружия в сети Интернет происходит формирование отношений «покупатель-продавец» [8, с. 108]. Продавец дает объявление, в котором отображается полное наименование оружия, описание характеристик товара. Прикрепленные фотографии, а также возможные каналы связи с продавцом.

Среди средств, позволяющих обеспечить анонимность, можно выделить наиболее выгодные варианты ведения деятельности для преступного мира среди которых присутствуют ресурсы, так называемого, «темного» Интернета, например: («DarkNet», «Deep Web», «Dark Web»). По замечанию В. Х. Каримова, такими системами ежемесячно пользуются около 2 млн. пользователей. Цели такого пользования являются разнообразными, в том числе получение анонимного доступа к запрещенным и закрытым сегментам [9, с. 41].

Таким образом, можно выделить следующие способы совершения незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет:

Продажа нелегального оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, т. е. сбыт (данному способу могут предшествовать иные незаконные действия, в частности, такие, как незаконное приобретение оружия, изготовление и переделка оружия и др.).

Приобретение нелегального оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (в дальнейшем данное действие ведет к незаконному хранению оружия у приобретателя. Однако совокупность данных преступных деяний влечет образование только одного состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 222 УК РФ).

Посредничество в рассматриваемом преступлении, в том числе непреднамеренное (например, участие курьера). Также здесь стоит выделить организатора незаконного оборота оружия.

Незаконное изготовление оружия, так как основные части приобретались посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Стоит отметить, что способ совершения незаконного оборота оружия в сети Интернет позволяет говорить о данном преступлении как о IT-преступлении, т. е. оно совершается при помощи компьютера либо иных средств телекоммуникации [10, с. 883; 11, с. 135]. В свою очередь, задействование компьютера позволяет сообщить о совершенствовании способов незаконного оборота оружия с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Список источников

1. Колчевский И. Б., Журавлев В. М., Кузнецов А. Г., Демковец О. В., Брехов Д. А. Новые способы совершения преступлений в сфере информационных технологий на территории государств-участников СНГ : аналитический обзор / Москва : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 76 с.
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. Москва : ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2022. 66 с.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. Москва : ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2023. 66 с.
4. Невский С. А. Борьба с незаконным оборотом оружия : монография / Москва : Юрлитинформ, 2003. 199 с.
5. Муркштис М. И., Савинова Е. А. Объективные признаки незаконного приобретения и изготовления оружия: теория и практика // Пени-тенциарная наука. 2018. № 1. С. 56–61.
6. Грибунов О. П. Использование специальных знаний в раскрытии краж автотранспортных средств // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3(90). С. 125–132.
7. Корецкий Д. А., Солоницкая Э. В. Оружие и его незаконный оборот: монография. Москва : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 143 с.
8. Долгаев В. В., Валькова Т. В., Иволгина В. Ю. Сбыт товаров, запрещенных к свободному гражданскому обороту, посредством сети «Даркнет» // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2021. № 2(58).
9. Каримов В. Х. Влияние современных информационных-телекоммуникационных технологий на криминальный оборот огнестрельного оружия и боеприпасов // Право и политика. 2019. № 1. С. 40–45.
10. Грибунов О. П. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в

сфере компьютерной информации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 6. С. 882–890.

11. ГрибунOV О. П., Старичков М. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации и высоких технологий ; Департамент государственной службы и кадров МВД России, Восточно-Сибирский институт МВД России. Москва : Департамент государственной службы и кадров МВД России, 2017. 60 с.

References

1. Kolchevsky I. B., Zhuravlev V. M., Kuznetsov A. G., Demkovets O. V., Brekhov D. A. New ways of committing crimes in the field of information technology on the territory of the CIS member states : an analytical review. Moscow : FGKU «VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2018. 76 p.
2. The state of crime in Russia in January–December 2021. Moscow : FKU «Main Information and Analytical Center», 2022. 66 p.
3. The state of crime in Russia in January–December 2022. Moscow : FKU «Main Information and Analytical Center», 2023. 66 p.
4. Nevsky S. A. Fight against illicit arms trafficking : monograph. Moscow : Yurlitinform, 2003. 199 p.
5. Murkshtis M. I., Savinova E. A. Objective signs of illegal acquisition and manufacture of weapons : theory and practice // Penitentiary science. 2018. № 1. P. 56–61.
6. Gribunov O. P. The use of special knowledge in the detection of theft of vehicles // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (90). P. 125–132.
7. Koretsky D. A. Weapons and its illegal circulation : monograph / E. V. Koretsky, E. V. Solonitskaya. Moscow : R. Aslanov Publishing House «Legal Center Press», 2006. 143 p.
8. Dolgaev V. V., Valkova T. V., Ivolgina V. Yu. Sale of goods prohibited for free civil circulation through the Darknet network // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. № 2(58).
9. Karimov V. Kh. Influence of modern information and telecommunication technologies on the criminal circulation of firearms and ammunition // Law and Politics. 2019. № 1. P. 40–45.
10. Gribunov O. P. The use of special knowledge in the investigation of crimes in the field of computer information // All-Russian Criminological Journal. 2020. Т. 14. № 6. P. 882–890.
11. Gribunov O. P. Investigation of crimes in the field of computer information and high technologies / O. P. Gribunov, M. V. Starichkov / Department of Civil Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow : Department of Public Service and Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 160 p.

Информация об авторе

Н. А. Столбова – преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России.

Information about the author

N. A. Stolbova – Lecturer of the Department of Criminal Procedure of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 22.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-238-242>

EDN: <https://elibrary.ru/tgvpxq>

НИОН: 2003-0059-6/23-870

MOSURED: 77/27-003-2023-06-069

Особенности административной деятельности полиции в сфере обеспечения информационной безопасности

Инна Викторовна Федорова¹, Светлана Викторовна Калинина², Владислав Владимирович Самохвалов³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ karnavalinna73@mail.ru

² kswik@mail.ru

³ vladislav.samohvalov@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые актуальные вопросы административной деятельности полиции по противодействию посягательствам на различные виды информации и информационные ресурсы. В борьбе с данным негативным явлением законодательством Российской Федерации на полицию возлагается обязанность по обеспечению информационной безопасности. Авторами статьи рассматривается внутренний аспект деятельности, направленный на защиту сотрудников, и внешний, направленный на защиту граждан, а также административные методы воздействия и нормативное правовое регулирование реализации данной деятельности, также выделяются особенности административной деятельности полиции в указанной сфере.

Ключевые слова: полиция, административная деятельность, информационная безопасность, защита граждан, информационные ресурсы, ответственность

Для цитирования: Федорова И. В., Калинина С. В., Самохвалов В. В. Особенности административной деятельности полиции в сфере обеспечения информационной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 238–242. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-238-242>. EDN: TGVPIXQ.

Original article

Features of administrative activities of the police in the field of information security

Inna V. Fedorova¹, Svetlana V. Kalinina², Vladislav V. Samokhvalov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ karnavalinna73@mail.ru

² kswik@mail.ru

³ vladislav.samohvalov@yandex.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the consideration of some topical issues of the administrative activities of the police to counter the encroachment on various types of information and information resources. In the fight against this negative phenomenon, the legislation of the Russian Federation imposes an obligation on the police to ensure information security. The authors of the article consider the internal aspect of the activity aimed at protecting employees and the external one aimed at protecting citizens, as well as administrative methods of influence and regulatory legal regulation of the implementation of this activity, as well as the features of the administrative activities of the police in this area are highlighted.

Keywords: police, administrative activity, information security, protection of citizens, information resources, responsibility

For citation: Fedorova I. V., Kalinina S. V., Samokhvalov V. V. Features of administrative activities of the police in the field of information security. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):238–242. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-238-242>. EDN: TGVPIXQ.

С переходом общества в активную фазу процесса информатизации активно развивается сфера использования информационно-телекоммуникационных технологий. Это проявляется в том, что почти вся сфера услуг перешла на новый этап своего развития, и появилось (и уже широко вошло в нашу жизнь) такое понятие как «электронная услуга» или «интернет-услуга». Помимо этого, процесс информатизации предполагает собой и переход используемой информации с бумажных носителей в электронную форму, тем самым, развивается и сфера электронного документооборота.

Ну и, наконец, в электронный вид ушло общение и взаимодействие между людьми, которое осуществляется в трех основных формах: посредством социальных сетей, электронной почты, интернет-форумов и собраний. Теперь для того, чтобы организовать какое-то собрание и совещание людям не нужно никуда ехать, достаточно просто собрать интернет-конференцию.

Несомненно, как и в любой другой сфере жизни общества в информационной сфере совершаются административные правонарушения. Для обеспечения защиты граждан от таких правонарушений в деятельности полиции реализуется такой принцип как «использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем» [4]. В связи с этим, в полиции были созданы подразделения, на которых возложена обязанность по защите информации граждан.

В целом, деятельность полиции, направленную на защиту информационной сферы, можно определить, как деятельность, направленную на обеспечение защиты прав граждан в информационной сфере и борьбу с совершаемыми в данной сфере правонарушениями [7].

Содержание данной деятельности определяется, не только Федеральным законом «О полиции», но и другими Федеральными законами, к примеру, Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [2], который устанавливает порядок работы с информационными системами и информацией в целом. Однако определяющим здесь является возложенная на полицию обязанность по обеспечению законности в данной сфере.

Если рассматривать функции административно-правового регулирования деятельности полиции в сфере защиты информационной среды, то их можно разделить на несколько групп:

- 1) обеспечение доступа граждан к открытым информационным ресурсам;
- 2) обеспечение безопасности граждан от посягательств со стороны злоумышленников;
- 3) ограничение возможности распространения ложной и «некультурной» информации;
- 4) обеспечение пропаганды правильного поведения в сети;
- 5) обеспечение защиты информации ограниченного доступа [5].

Если рассматривать функции административной

деятельности полиции в области обеспечения защиты информационной сферы жизнедеятельности общества, то необходимо выделить то, как полиция именно осуществляет данную деятельность. Иными словами, необходимо определить методы специального воздействия полиции на общество для осуществления функций, возложенных на полицию, в области обеспечения информационной безопасности.

Среди общих методов можно выделить два направления, к которым можно отнести:

- 1) внутренние методы, которые заключаются непосредственно в обеспечении внутренней безопасности среди организаций МВД России и его сотрудников;
- 2) внешние, которые направлены на реализацию функций и задач, стоящих перед органами внутренних дел по реализации защиты граждан.

К первой группе мер административного воздействия можно отнести следующие:

- во-первых, это так называемые меры воспитательного характера по отношению к сотрудникам. Заключаются данные меры в том, что руководители организаций и подразделений органов внутренних дел обязаны проводить постоянное инструктирование своих сотрудников по правильной работе с информацией: во-первых, это информация, которая отнесена к сведениям ограниченного доступа (сведения, составляющие государственную и служебную тайну), также руководители обязаны проводить разъяснения сотрудникам об их обязанности соблюдения режима секретности при осуществлении служебной деятельности;
- во-вторых, это меры по организации работы с информацией в подразделениях и структурах органов внутренних дел, к ним можно отнести предоставление различного уровня доступа к информации, составляющей государственную тайну, информацию о гражданах, а также должностные ограничения в ведомственной сети ИСОД, где сотрудникам предоставляется отнюдь не равный доступ к возможностям данной сети [5];
- в-третьих, руководители должны обеспечивать недопущения распространения недостоверных сведений, сведений, составляющих государственную и иную тайну среди сотрудников органов внутренних дел;
- в-четвертых, к данной группе мер можно отнести непосредственно привлечение сотрудников за недобросовестное исполнение обязанностей по защите информации к дисциплинарной иным видам ответственности.

Данные меры реализуются посредством методов административной деятельности полиции в указанной области. К таким методам зачастую относят:

- во-первых, обеспечения защиты информации, составляющую государственную тайну

(закрытия сведений, составляющих государственную тайну, то есть, не допуск лиц, не имеющих на это разрешение, к пользованию сведениями, составляющими государственную тайну; дробление информации, которое представляет из себя предоставление информации сотрудникам по уровню и должностного положения; учет информации; шифрование некоторых видов информации);

- во-вторых, в защите информации от неправомерного доступа иных действий с информацией, к примеру, органы внутренних дел тесно взаимодействуют с антивирусными лабораториями, которые предоставляют органам внутренних дел свои услуги по защите компьютеров, посредством антивирусных программ, от действий злоумышленников, направленных на получение какой-либо засекреченной, находящейся на служебных компьютерах, информации;
- в-третьих, обеспечение правильного доступа к информации. В данном пункте важно различать информацию, которая подлежит оглашению или доведению до личного состава, и в этом ключе можно разделить виды сведений на три группы: 1) открытые информационные источники МВД России, к примеру, сайт МВД России, на котором размещается основная информация и положение дел, которые МВД России доводит, в принципе, до всех граждан РФ; 2) сведения, которые подлежат обязательному доведению до личного состава, к примеру, это какие-либо нововведения в законодательство, изменения в нормативных правовых актах, касающихся деятельности полиции, иными словами, любые сведения, имеющие государственно-властный характер; 3) сведения, которые предоставляются гражданам по запросу в соответствии с Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3].

Рассматривая информацию, представляющую угрозу для работы МВД России, а именно, о действиях злоумышленников, хакерских вирусных программах и т.д., важно обозначить, что с МВД России должно вести с ними борьбу, в первую очередь, дабы обеспечить полную безопасность информации. В данном ключе к методам защиты от вредоносных каких-либо сведений можно отнести ряд методов, которые заключаются:

- во-первых, в фильтрации контента, предоставляемого средствами массовой информации, иными интернет-источниками;
- во-вторых, в осуществлении информационно-пропагандистской деятельности органов внутренних дел;
- в-третьих, в привлечении к административной ответственности нарушителей законодательства в области обеспечения защиты информации.

Вторая группа мер подразумевает собой внешнюю деятельность полиции, направленную на реализацию стоящих перед ней задач по охране информации и персональных данных граждан. Здесь важно отметить, что административное законодательство Российской Федерации закрепляет довольно широкий перечень сведений, которые не подлежат разглашению и которые подлежат охране органами внутренних дел. К примеру, к таким сведениям относят личную тайну, коммерческую тайну и другие персональные данные граждан. КоАП РФ содержит ряд статей, предусматривающий ответственность за нарушение порядка использования и распространение информации, так, к примеру, вся 13-я глава указанного Кодекса посвящена административным правонарушениям в сфере защиты информации, например, статья 13.13 «Незаконная деятельность в области защиты информации» [1]. Как уже было указано ранее, на органы внутренних дел возлагается такая обязанность, как обеспечение информационной безопасности, то есть, осуществление деятельности по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере защиты информации граждан, иными словами, на полицию возлагается обязанность по защите информационных ресурсов граждан. Данные обязанности полиция выполняет с помощью определенных методов, к таким методам, во-первых, зачастую относят именно пропагандистскую деятельность полиции, направленную на воспитание граждан и самостоятельную их защиту от злоумышленников. Например, каждый, кто пользуется метрополитеном в г. Москве могут видеть в вагоне состава поезда на экранах мониторов ролики с правилами поведения граждан в той или иной ситуации. Данные ролики помогают гражданам узнать о видах преступлений и административных правонарушениях, а также защите в сфере информации и т.п., проще говоря, осуществлять самостоятельную защиту в той или иной ситуации, чтобы обезопасить себя. Во-вторых, важно обозначить тот момент, что полиция вправе налагать административное взыскание на лиц, нарушивших административное законодательство в области обеспечения информационной безопасности, к примеру, наложение административного штрафа по главе 13-й КоАП РФ. В-третьих, органы внутренних дел осуществляют контроль в сфере обеспечения информационной безопасности и защиты информации граждан.

Говоря об особенностях обеспечения административной деятельности полиции в области защиты информации граждан, необходимо обозначить, что полиция оказывает упреждающее воздействие на граждан, в целях предотвращения совершения правонарушений ими самими. Однако, осуществлять данную деятельность было бы невозможно без должного оснащения, другими словами выражаясь, органы внутренних дел для осуществления деятельности по защите информации граждан должны быть на высоком уровне материально-технического обеспечения [8].

В целом административную деятельность полиции в области обеспечения защиты информации

граждан можно охарактеризовать как властно-регулятивную деятельность полиции, направленную на реализацию прав граждан в области обеспечения защиты их информации и личных персональных данных, направленную на, непосредственно, предотвращение административных правонарушений, возникающих в данной сфере, а равно с ним, реализации прав граждан на тайну переписки и т. п. Данную деятельность полиция осуществляет с помощью различных, ранее описанных нами, методов, к которым можно отнести как внешние, так и внутренние. Внутренняя направлена на реализацию полномочий по правильному обеспечению работы с информацией самими сотрудниками, а внешнюю можно представить, как прямое осуществление полномочий по защите прав граждан.

Библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.05.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3448.
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собр. законодательства РФ. 2021. № 7. Ст. 900 ; 2022. № 30 (ч.1). Ст. 4259.
5. Калинина С. В. Порядок рассмотрения электронных обращений граждан в полиции. В сборнике : Общественная безопасность в системе стратегических национальных приоритетов Российской Федерации // Сборник научных трудов по итогам XIII Всероссийской конференции «Правопорядок в России : проблемы совершенствования». 2019. С. 12–16.
6. Осипенко А. Л. Об участии органов внутренних дел в системе обеспечения кибербезопасности Российской Федерации // Общество и право. 2018.
7. Особенности применения норм администра-

тивного права в административной деятельности полиции // Словарь. Москва, 2021.

8. Федорова И. В., Егорова В. С., Кокурина И. В. Сравнительный анализ охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности с помощью применения технологических систем (на примере Российской Федерации и зарубежных стран) // Криминологический журнал № 2. 2023.

Bibliographic list

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 № 195-FZ.
2. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.07.2006, № 31 (1 part), Article 3448.
3. Federal Law № 59-FZ of May 2, 2006 «On the procedure for consideration of appeals citizens of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 02.05.2006, № 31 (1 part), Article 3448.
4. Federal Law № 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. № 7. Article 900 ; 2022. № 30 (part 1). Article 4259.
5. Kalinina S. V. Procedure for consideration of electronic appeals of citizens in the police. In the collection : Public security in the system of strategic national priorities of the Russian Federation // Collection of scientific papers on the results of the XIII All-Russian Conference «Law and Order in Russia : problems of improvement». 2019. P. 12–16.
6. Osipenko A. L. On the participation of internal affairs bodies in the cybersecurity system of the Russian Federation // Society and Law. 2018.
7. Features of the application of the norms of administrative law in the administrative activities of the police // Dictionary. Moscow, 2021.
8. Fedorova I. V., Egorova V. S., Kokurina I. V. Comparative analysis of public order protection and public safety through the use of technological systems (on the example of the Russian Federation and foreign countries) // Criminological Journal № 2. 2023.

Информация об авторах

И. В. Федорова – доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

С. В. Калинина – доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. Самохвалов – курсант 114 учебного взвода факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

I. V. Fedorova – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

S. V. Kalinina – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, associate professor;

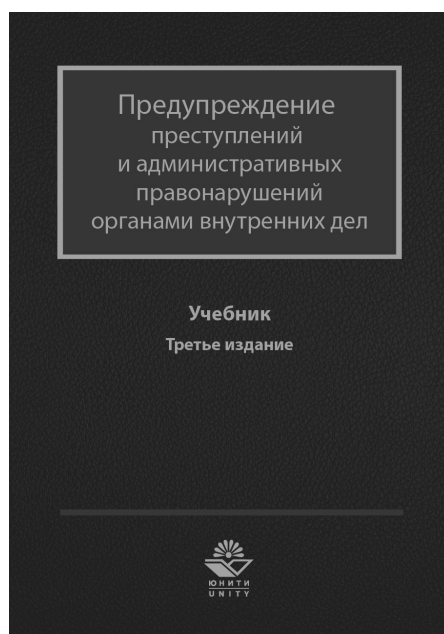
V. V. Samokhvalov – cadet of the 114 training platoon of the Faculty of Staff Training for operational Police Units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication 15.09.2023.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности; дорожно-

транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-243-248>

EDN: <https://elibrary.ru/thmcwu>

НИОН: 2003-0059-6/23-871

MOSURED: 77/27-003-2023-06-070

Электоральные споры: порядок разрешения (страноведческий и сравнительно-правовой анализ)

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. При оценке юридических споров проблемы специально-юридического характера принципиально важны как для уяснения характеристик избирательного спора, так и обоснования юридических средств его предупреждения и разрешения. Эффективная конституционно-правовая охрана в сфере противодействия электоральным правонарушениям предполагает развитие института избирательной деликтологии, установлением мер конституционной ответственности за нарушения избирательного законодательства.

Ключевые слова: избирательная практика, применения избирательного законодательства, социально-политический конфликт (разногласия), предмет спора, действительный спор, структура избирательного спора, правоохранительное отношение

Для цитирования: Червонюк В. И. Электоральные споры: порядок разрешения (страноведческий и сравнительно-правовой анализ) // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 243–248. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-243-248>. EDN: THMCWU.

Original article

Electoral disputes: the procedure for resolution (regional and comparative legal analysis)

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. When assessing legal disputes, problems of a special legal nature are fundamentally important both for understanding the characteristics of an electoral dispute and for justifying legal means of preventing and resolving it. Effective constitutional and legal protection in the field of countering electoral offenses involves the development of the institute of electoral delictology, the establishment of measures of constitutional responsibility for violations of electoral legislation.

Keywords: electoral practice, application of electoral legislation, socio-political conflict (disagreement), subject of dispute, valid dispute, structure of electoral dispute, law enforcement attitude

For citation: Chervonyuk V. I. Electoral disputes: the procedure for resolution (regional and comparative legal analysis). Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(4):243–248. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-4-243-248>. EDN: THMCWU.

Обжалование нарушения избирательных прав – это предусмотренные законом процедуры (порядок) восстановления избирательных прав граждан, нару-

шенных незаконными решениями и действиями (бездействием) органов публичной власти, избирательных комиссий, отдельных граждан и их объединений. Дей-

© Червонюк В. И., 2023

ствующее законодательство зарубежных стран предусматривает судебный и административный порядок обжалования возникающих споров.

Судебный порядок предполагает, что правонарушающие решения и действия избирательных органов и их должностных лиц обжалуются в национальные суды. С жалобами о нарушении избирательных прав могут обратиться избиратели, кандидаты, их доверенные лица, избирательные объединения, иные общественные объединения, а также избирательные комиссии.

В административно-правовом порядке могут быть обжалованы в вышестоящую избирательную комиссию (соответственно уровню выборов) решения и действия (бездействие) избирательных комиссий, нарушающие избирательные права граждан. Решения по жалобам, поступающим в ходе избирательной кампании, принимаются в установленные процессуальные сроки.

Национальные конституции и законодательство о выборах зарубежных стран закрепляют механизмы разрешения избирательных споров, в том числе обжалование результатов выборов, обременения парламента обязанностями принять соответствующие законы по данному вопросу и др.

Порядок разрешения избирательных споров в зарубежных странах. В специальной литературе указывают на несколько подходов (моделей) разрешения избирательных споров. Соответственно, разрешение избирательных споров в современных государствах может быть отнесено к ведению: (1) конституционного суда, высшего государственного трибунала (Австрия, Болгария); (2) судов общей юрисдикции (Ирландия); (3) специальных судов (Греция); (4) парламента (Дания, Латвия, Люксембург, Норвегия, Словения). Кроме того, возможны и иные варианты разрешения отмеченной проблемы. В частности, решение рассматриваемой проблемы может быть отнесено: в отношении президентских выборов – к компетенции конституционного суда, а парламентских – к компетенции парламента; б) решению в системе избирательных органов, органов местной власти, судебных органов (Андорра). Есть и такие страны, применительно к которым результаты выборов главы государства вообще не подлежат обжалованию, в то время как парламентских могут быть обжалованы (Сан-Марино) [2, с. 144].

Что касается порядка разрешения основной массы избирательных споров, то для этой цели в национальных конституциях и законодательстве большинства рассматриваемых государств закрепляются разные механизмы. Это: (1) судебный механизм (порядок) обжалования нарушений законодательства о выбо-

рах, результатов выборов (Ирландия, Лихтенштейн, Мальта, Словения, Чехия); (2) смешанный порядок, т. е. в судебном порядке и посредством избирательных органов (Австрия, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Греция, Латвия, Литва, Македония, Монголия, Португалия, Румыния, Словакия, Хорватия, Черногория, Швеция, Эстония); (3) посредством избирательных органов и парламента (Исландия, Норвегия); (4) рассмотрение жалоб производится в системе избирательных органов, в том числе специализированных органов, а также органов местной власти, судов (Андорра, Сан-Марино); (5) действует иной, особый механизм разрешения избирательных споров [2, с. 145]¹.

Как отмечалось, еще один способ разрешения избирательных споров в зарубежных странах связан с их (споров) разрешением избирательными органами, а равно органами публичной власти на местном уровне².

Общим правилом в государствах Европы является конституционно-правовое закрепление порядка обжалования решений избирательных органов, при котором решения, действия (бездействие) центральных избирательных органов могут быть обжалованы в

¹ В соответствии со ст. 58 Конституции Греции контроль и судебное разбирательство в отношении парламентских выборов, авторитетность которых подвергнута сомнению с приведением фактов нарушения закона о проведении выборов либо несоответствия их юридическим требованиям, поручается Высшему специальному суду. Такой суд создается в соответствии с Конституцией страны, действует в составе председателей Государственного совета, Ареопага и Контрольного совета, четырех членов Государственного совета и четырех членов Ареопага, назначаемых на двухлетний срок по жребию в качестве членов Высшего специального суда. По делам, связанным с рассмотрением дел о выборах и референдумах, в состав Высшего специального суда входят также назначаемые по жребию два штатных профессора права юридических факультетов университетов страны. В компетенцию Высшего специального суда входит, в частности, рассмотрение протестов относительно парламентских выборов, авторитетность которых подвергнута сомнению с приведением фактов нарушения закона о проведении выборов либо несоответствия их юридическим требованиям; вынесение решений о несовместимости функций депутата с занимаемой им должностью и др. [3, с. 668].

² К примеру, в Андорре основной объем жалоб, в том числе связанных с регистрацией кандидатов, проведением предвыборной агитации, использованием средств массовой информации в избирательной кампании, рассматривает Избирательный совет Андорры; местные органы власти рассматривают жалобы, связанные с вопросами регистрации граждан Андорры в качестве избирателей, а участковые избирательные комиссии – жалобы избирателей в день голосования. Решение Избирательного совета по жалобе о регистрации кандидата должно быть принято в пределах трех рабочих дней, а по жалобе, касающейся предвыборной агитации, – в течение двух рабочих дней. Решения Избирательного совета и местных органов власти могут быть обжалованы в Административную палату Суда справедливости (ни один из трех судей Суда не является гражданином Андорры и не проживает на ее территории: двое судей – испанцы и один – француз). Обжалование результатов выборов производится только в судебном порядке. Решения Высокого суда Андорры, касающиеся прав и свобод избирателей, могут быть обжалованы в Конституционный суд Андорры [2, с. 149–150].

высшую судебную инстанцию, либо в парламент (например, Венгрия, Греция, Норвегия)¹.

Защита интересов добросовестных участников избирательной кампании и обеспечение честных правил ведения агитации обеспечивается механизмом судебного обжалования. Если распространяемые в прессе или иным способом предвыборные материалы, в том числе плакаты, брошюры, листовки и высказывания либо иные формы предвыборной агитации, содержат ложную информацию, они могут быть предметом судебного обжалования².

¹ Так, в Венгрии решения Национального избирательного комитета могут быть обжалованы в Верховный суд Венгрии в течение трех дней со дня принятия обжалуемого решения. В Норвегии избирательные споры разрешаются в порядке, предусмотренном Конституцией Норвегии, законодательством о государственном управлении, законодательством о выборах, а также в рамках судебных прецедентов (решений). Законодательство не предусматривает специального судебного порядка обжалования нарушений законодательства о выборах. Споры, возникающие по поводу права голоса, разрешаются либо в рамках избирательной системы избирательными органами и должностными лицами, ответственными за проведение выборов, либо Стортингом – национальным парламентом. В целом Национальный избирательный комитет является электоральным органом, на который возложена обязанность по рассмотрению и разрешению жалоб участников избирательного процесса. Решения соответствующих избирательных органов и должностных лиц, ответственных за проведение выборов, могут быть апеллированы непосредственно в Стортинг. В ряде государств действует специальный суд. Как уже отмечалось, в соответствии со ст. 58 Конституции Греции контроль и судебное разбирательство в отношении парламентских выборов, авторитетность которых подвергнута сомнению с приведением фактов нарушения закона о проведении выборов либо несоответствия их юридическим требованиям, поручается Высшему специальному суду, создаваемому в соответствии со ст. 100 Конституции Греции [3, с. 668].

² Так, согласно законодательству Польши, право на подачу жалобы в окружной суд в ходе парламентских выборов принадлежит как кандидату, так и уполномоченному представителю соответствующего избирательного комитета (ст. 91). Закон о выборах Президента Республики использует формулу: «каждый заинтересованный имеет право» (п. 1 ст. 80). При нарушении прав участника президентской избирательной кампании Закон дополняет этот перечень возможностью потребовать выплаты виновными в распространении ложной информации суммы в размере до 50 тыс. злотых в пользу благотворительных учреждений. На такую же сумму можно подать иск о компенсации понесенного ущерба (пп. 5 и 6 ст. 80). Судебное решение по такому делу выносится единолично в течение 24 часов. Закон допускает рассмотрение дела в отсутствие, как заявителя, так и ответчика по уважительной причине и при условии их уведомления о времени рассмотрения дела. Решение суда должно быть незамедлительно доведено до сведения заявителя и ответчика, а также соответствующей окружной избирательной комиссии. Апелляция на решение окружного суда может быть подана в течение 24 часов в апелляционный суд и должна быть рассмотрена в течение 24 часов. Решение апелляционной инстанции является окончательным и подлежит незамедлительному исполнению. Публикация опровержения или извинения по решению суда должна быть проведена в течение 48 часов за счет виновного. Суд может сам определить, в каком издании следует поместить эти материалы. В случае отказа от исполнения либо нарушения этого срока, суд может издать приказ о публикации за счет виновного в порядке принудительного производства. Принципиальный характер имеют предписания избирательных законов о том, что использование предусмотренных ими средств обжалования не ограничивает права лица воспользоваться иными путями защиты нарушенных прав на основании других законов (ст. 92 Закона о парламентских выборах и ст. 82 Закона о выборах Президента) (Современные избирательные системы. Вып. 1. С. 430–437).

Общим для подавляющего большинства зарубежных стран является разрешение основной массы споров в судебном порядке; этому обстоятельству способствует эффективно работающие системы административной юстиции. В частности, Избирательный кодекс Франции предоставляет множество возможностей для рассмотрения избирательных споров в зависимости от характера таких споров. Суды первой инстанции в течение трех суток рассматривают жалобы зарегистрированных избирателей муниципалитета или префекта на решения административных комиссий в отношении формирования и корректировки списков избирателей; гражданин, своевременно не зарегистрированный в списке избирателей, также обладает правом обратиться в суд, который может рассмотреть дело в порядке исключения. При этом если в суд первой инстанции в день выборов подано обращение по вопросу о включении/исключении гражданина из избирательного списка, то он обязан принять решение в этот же день. Решение суда по любому спору может быть обжаловано в Кассационный суд (высшая судебная инстанция страны)³.

Национальные конституции гарантируют гражданам возможность оспорить результаты выборов в петиционном порядке. Политические партии или граждане, не согласные с результатами выборов, могут подать петиции в высшие судебные инстанции своих стран, с юрисдикцией на территории проведения выборов, в течение законодательно установленного процессуального срока.

Порядок разрешения электоральных споров в Российской Федерации. Действующее законодательство о выборах в Российской Федерации предусматривает судебный и административный порядок обжалования, определяет юридические формы и правовой режим обжалования принимаемых решений применительно к различным этапам проведения выборов.

Как отмечает Конституционный суд РФ в постановлении от 24 марта 2020 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. А. Брюхановой и Е. Л. Русаковой», к числу основных гарантий избирательных прав граждан относится право на обжалование решений и действий (бездействия) избирательных комиссий и их должностных лиц в вышестоящие избирательные комиссии или в суд. Данное право является конкретиза-

³ Современные избирательные системы. Вып. 8: С. 207 и сл.

цией статей 45 (часть 2) и 46 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации о том, что в Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Судебный порядок. Как отмечает Конституционный суд РФ в сформулированной и подтвержденной им в ряде решений правовой позиции, основанный на предписаниях статей 2, 17 (ч. 1), 18, 19 (чч. 1 и 2), 32 (ч. 2) и 46 (чч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации порядок судебной защиты нарушенных избирательных прав призван гарантировать охрану как активного, так и пассивного избирательного права, а также ответственность избирательных комиссий за неправомерные действия и решения, препятствующие свободному участию граждан в выборах (постановления от 26 декабря 2005 г. № 14-П, от 22 апреля 2013 г. № 8-П, от 13 апреля 2017 г. № 11-П). При этом Конституционный суд РФ исходит из того, что судебная защита избирательных прав в случае их нарушения должна быть доступной на всем протяжении избирательной кампании для всех избирателей, кандидатов в депутаты, политических партий и иных субъектов избирательных правоотношений; поэтому, устанавливая порядок ее осуществления, федеральный законодатель обязан, руководствуясь императивом *justitia nemine neganda est* (нельзя никому отказывать в правосудии), избегать произвольного ограничения судебных гарантий конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления и обеспечивать своевременность, компетентность и справедливость судебного разбирательства электоральных споров (постановление от 13 апреля 2017 г. № 11-П).

Судебный порядок предполагает, что решения и действия Центральной избирательной комиссии и его должностных лиц обжалуются в Верховный суд РФ; решения и действия избирательных комиссий субъекта РФ, окружных избирательных комиссий по выборам в федеральные органы власти – в суд субъекта Федерации; решения и действия иных избирательных комиссий – в районные суды. Избирательное законодательство особо оговаривает, что в случае, если указанные в жалобе нарушения касаются значительного числа граждан, либо в случае иных обстоятельств нарушение приобрело особое общественное значение, Центризбирком вправе обратиться в Верховный суд РФ, который обязан рассмотреть жалобу по существу. Суд может отменить в судебном порядке незаконные решения соответствующих избирательных комиссий о регистрации кандидата (списка кандидатов), об итогах

голосования или о результатах выборов. По оценкам Конституционного суда РФ, в системе действующего правового регулирования допущение обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий как в вышестоящие избирательные комиссии, так и в суд определяется наличием несовпадающих возможностей, которые предоставляют гражданам эти способы защиты их избирательных прав. По мнению федерального органа конституционного нормоконтроля, федеральный законодатель, установив процедуры обжалования (оспаривания) решений избирательных комиссий как в вышестоящие по отношению к ним избирательные комиссии, так и в суд, ввел ряд мер, направленных на согласование названных процедур и обеспечение приоритетности судебного рассмотрения и разрешения соответствующих дел [4]. Примечательно, что отдельные споры могут быть разрешены исключительно в судебном порядке. В частности, решение избирательной комиссии о регистрации кандидата может быть отменено лишь судом по заявлению уполномоченного лица, если будет установлено, что это решение было принято избирательной комиссией с нарушением требований, предусмотренных п. 24 ст. 38 Федерального закона о выборах, иных требований, предусмотренных этим или иным законом (п. 6 ст. 76). В соответствии с п. 1.1 ст. 77 вышеупомянутого исключительно судебный порядок отмены решения избирательной комиссии установлен и в отношении оспаривания решений о результатах выборов после их определения.

Рассмотрение в суде жалобы на решение избирательной комиссии об итогах голосования, о результатах выборов, а также проведение предварительного следствия не требуют согласия соответствующего органа государственной власти или местного самоуправления на прекращение действия неприкосновенности признанного избранным кандидата. Это означает, к примеру, что избранный депутат законодательного органа субъекта Федерации без согласия на то палаты может быть вызван в суд, к следователю для дачи показаний в связи с рассматриваемой судом (следователем) жалобой.

С жалобами о нарушении избирательных прав могут обратиться избиратели, кандидаты, их доверенные лица, избирательные объединения, иные общественные объединения, а также избирательные комиссии. При этом Федеральный закон о выборах предусматривает, что избиратели, участники референдума вправе обратиться с жалобами на решения, действия (бездействие) участковой комиссии, связанные с установлением итогов голосования на том избирательном участке, участке референдума, на котором они принимали участие в выборах, референдуме (п. 10 ст. 75 в ред. федеральных законов от 7 июня 2004 г.

№ 46-ФЗ, от 21 июля 2005 г. № 93-ФЗ, от 2 апреля 2014 г. № 51-ФЗ). Закон обязывает суды и органы прокуратуры организовать свою работу (в том числе в выходные дни) таким образом, чтобы обеспечить своевременное рассмотрение жалоб.

Федеральный закон о выборах определяет основания аннулирования регистрации кандидата (списка кандидатов), отмены решения комиссии о регистрации кандидата (списка кандидатов), об отказе в регистрации кандидата (списка кандидатов), исключении кандидата из списка кандидатов, отмены регистрации кандидата (списка кандидатов), инициативной группы по проведению референдума (ст. 76).

Административный порядок предполагает, что решения и действия (бездействие) избирательных комиссий, нарушающие избирательные права граждан, могут быть обжалованы в вышестоящую избирательную комиссию (соответственно уровню выборов). При этом, согласно Федеральному закону о выборах, решения по жалобам, поступающим в ходе избирательной кампании, принимаются в пятидневный срок, но не позднее дня, предшествующего дню голосования, а в день голосования или в день, следующий за днем голосования, – немедленно; если факты, содержащиеся в жалобах, требуют дополнительной проверки, решения по ним принимаются не позднее чем в десятидневный срок (п. 18 ст. 38, п. 4 ст. 78); жалоба на решение избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата может быть подана в течение десяти дней со дня принятия обжалуемого решения (п. 2 ст. 78). В этой связи Конституционный суд в постановлении от 24 марта 2020 г. № 12-П констатирует, что поскольку жалобы на решения избирательных комиссий об отказе в регистрации кандидатов во многих случаях требуют от вышестоящих избирательных комиссий дополнительной проверки документов и материалов, связанных со сбором подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов и соблюдением ими установленных законом ограничений и запретов, то рассмотрение вышестоящей избирательной комиссией таких жалоб может потребовать использования максимального срока, отведенного законом, т. е. десяти дней. При указанных обстоятельствах с учетом пресекающего характера десятидневного срока оспаривания решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, не подлежащего восстановлению независимо от причин его пропуска (чч. 4 и 7 ст. 240) КАС Российской Федерации), полностью утрачивается возможность реального рассмотрения по существу административного искового заявления, касающегося решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата. В результате, отмечает Суд, действующее правовое регулирование вместо декларируемого предоставления кандидатам (иным

управомоченным лицам) возможности использования для обжалования (оспаривания) решений избирательных комиссий об отказе в регистрации кандидата как внесудебного (в вышестоящую избирательную комиссию), так и судебного порядка разрешения соответствующих электоральных споров приводит к тому, что предварительное направление ими жалобы в вышестоящую избирательную комиссию фактически блокирует в дальнейшем перспективы судебной защиты их прав, чем вступает в противоречие с конституционными гарантиями государственной, и прежде всего судебной, защиты прав и свобод граждан. Как следствие, им заметно ограничивается возможность эффективного судебного контроля за ходом избирательных кампаний, ставится под сомнение гражданское доверие к институту выборов, уверенность общества в незыблемости конституционных гарантий народовластия в рамках выборов и способность суда обеспечить надлежащую защиту прав граждан, гарантированных статьями 32, 46 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, в контексте конституционных ценностей, закрепленных в ее статьях 3, 10, 18 и 45.

С учетом отмеченного Конституционный суд РФ признал ч. 4 ст. 240 КАС РФ не соответствующей статьям 19 (чч. 1 и 2), 32 (чч. 1 и 2), 46 (чч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования положения ч. 4 ст. 240 КАС РФ предусматривает отказ в рассмотрении (в удовлетворении) судом административного искового заявления, касающегося решения избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, в связи с пропуском заявителем (кандидатом) десятидневного срока обращения в суд, установленного данным Кодексом, в случае предварительного обжалования таким заявителем (кандидатом) решения об отказе в регистрации в вышестоящую избирательную комиссию (п. 2 резолютивной части постановления от 24 марта 2020 г. № 12-П).

В теории конституционного права перспективы решения существующих проблем в рассматриваемой сфере конституционалисты связывают также с «развитием важнейшего института избирательного права – избирательной деликтологии и ответственности за избирательные правонарушения» [1, с. 315–317]. Отмечается, что развивать избирательное законодательство необходимо и в направлении разработки и совершенствования и процедур фиксации нарушений избирательного законодательства и установления конституционной ответственности за правонарушения в сфере избирательного права.

Список источников

1. Боброва Н. А. Общетеоретический и межотраслевой аспекты юридической ответственности

- ности : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
2. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Вып. 4. М., 2015.
 3. Конституции государств Европы. В 3-х т. Т. 1. М., 2001.
 4. Постановление Конституционного суда РФ от 24 марта 2020 г. № 12-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 3.

References

1. Bobrova N. A. General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility : monograph. M. : Yurlitinform, 2019.
2. Electoral legislation and elections in the modern world. Issue 4. M., 2015.
3. Constitutions of European states. In 3 volumes. vol. 1. M., 2001.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 24, 2020 № 12-P // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2020. № 3.

Библиографический список

1. Белоновский В. Н. Электоральное право Российской Федерации. М. : РГГУ, 2010. 1070 с.
2. Избирательные споры : возникновение, разрешение, предупреждение / Е. П. Ищенко, А. Е. Ищенко. М. : РЦОИТ, 2002.
3. Червонюк В. И. Избирательные споры: основания, процедуры разрешения // Межвуз. сб. науч. статей. М. : Моск. ун-т МВД России, 2007.

Bibliographic list

1. Belonovsky V. N. Electoral law of the Russian Federation. Moscow : RGGU, 2010. 1070 p.
2. Electoral disputes: occurrence, resolution, prevention / E. P. Ishchenko, A. E. Ishchenko. M. : RCOIT, 2002.
3. Chervonyuk V. I. Electoral disputes: grounds, resolution procedures // Interuniversity scientific collection. articles. M. : Moscow. Univ. of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007.

Информация об авторе

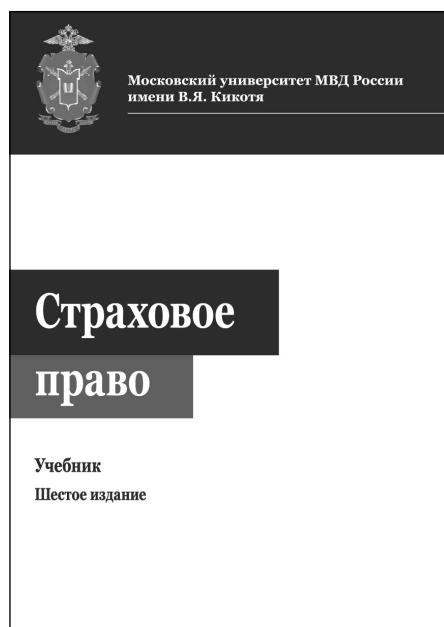
В. И. Червонюк – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 01.08.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 13.06.2023; accepted for publication 01.08.2023.

Страховое право. Учебник. Под ред. А.Н. Кузбагарова. 6-е изд., перераб. и доп. 367 с. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассматриваются история и современные вопросы страхового права: источники, предмет и метод, природа, структура и классификация страховых правоотношений, субъекты и объекты страхового дела, государственное регулирование и налогообложение страховой деятельности в России и за рубежом.

На основе современного гражданского и страхового законодательства и сложившихся норм делового обычая приводятся правовые нормы заключения страховых договоров и особенности взаимоотношения сторон при урегулировании страховых отношений. Уделяется внимание личному и имущественному страхованию, социальному страхованию, перестрахованию.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, научных работников, юристов и работников страховых организаций.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-249-253>

EDN: <https://elibrary.ru/kiptqy>

НИОН: 2003-0059-6/23-872

MOSURED: 77/27-003-2023-06-071

Роль юридического приоритета в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и реализации национальных интересов

Сергей Александрович Чиркаев

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, schirkaeff@yandex.ru

Аннотация. Раскрывается значение юридического приоритета как особого средства правового регулирования в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и реализации национальных интересов. Отмечается, что юридический приоритет в действующем законодательстве с точки зрения юридической техники закреплён в различных терминологических конструкциях, в т. ч. посредством понятий «стратегические приоритеты» и «национальные приоритеты». При этом подчеркивается, что стратегические национальные приоритеты выступают средством обеспечения национальных интересов и национальной безопасности страны. Утверждается, что юридический приоритет, неся в себе упорядочивающий характер, выступает правовым регулятором различных национальных интересов. Автор приходит к выводу о том, что юридический приоритет должен выступать в качестве меры сочетания различных интересов. Обеспечение реализации национальных интересов посредством юридического приоритета приводит к стабильности, порядку и национальной безопасности.

Ключевые слова: юридический приоритет, стратегический приоритет, национальная безопасность, национальный приоритет, национальные интересы

Для цитирования: Чиркаев С. А. Роль юридического приоритета в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и реализации национальных интересов // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 249–253. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-249-253>. EDN: KIPTQY.

Original article

The role of legal priority in ensuring the national security of the Russian Federation and the realization of national interests

Sergey A. Chirkaev

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, schirkaeff@yandex.ru

Abstract. The article reveals the importance of legal priority as a special means of legal regulation in ensuring the national security of the Russian Federation and the realization of national interests. It is noted that the legal priority in the current legislation from the point of view of legal technology is fixed in various terminological constructions, including through the concepts of «strategic priorities» and «national priorities». At the same time, it is emphasized that strategic national priorities act as a means of ensuring the national interests and national security of the country. It is argued that legal priority, carrying an ordering character, acts as a legal regulator of various national interests. The author comes to the conclusion that legal priority should act as a measure of the combination of various interests. Ensuring the realization of national interests through legal priority leads to stability, order and national security.

Keywords: legal priority, strategic priority, national security, national priority, national interests

For citation: Chirkaev S. A. The role of legal priority in ensuring the national security of the Russian Federation and the realization of national interests. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):249–253. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-249-253>. EDN: KIPTQY.

© Чиркаев С. А., 2023

В современных условиях термин «приоритет» достаточно часто используется в различных нормативных и организационно-распорядительных актах органов публичной власти. К сожалению, сегодня практическая сторона юридического приоритета развита больше, чем теоретическая. Судить об этом позволяет, в частности, частота упоминания в юридических предписаниях термина «приоритет» и отсутствие в юридической науке однозначного определения сущности и содержания этого правового феномена. Конечно, в отраслевой юридической литературе тема юридического приоритета иногда затрагивается, но делается это исключительно в отраслевом аспекте. К примеру, Л. А. Морозова, рассматривая приоритеты в конституционном праве, определяет их как «правовые установления, правовоположения, правовые позиции, закрепленные в конституционном законодательстве, и предопределяющие в силу их значимости первоочередность реализации в процессе решения конкретных задач и достижения общественных целей» [4]. О. А. Глушко предлагает приоритет концепции экологической безопасности понимать как первоочередное направление деятельности (положения) субъектов административно-правового режима экологической безопасности по обеспечению нормального функционирования экологической системы страны [1, с. 901–902]. В рамках данной статьи мы будем рассматривать юридический приоритет как первоочередность решения каких-либо задач и необходимость учета в первоочередном порядке каких-либо интересов отдельных субъектов [8]. Такое определение юридического приоритета позволяет подчеркнуть особую значимость того или иного явления для жизни общества. Именно благодаря понятию «приоритет» обозначается первоочередность, первоочередность реализации тех или иных процессов для достижения общественно значимых целей и задач.

В то же время в нормативно-правовых документах не содержится легального определения юридического приоритета. Между тем, юридическая терминология «является официальным языковым проводником государственных решений, ее значение в процессе формирования и применения юридических норм весьма высоко» [6]. В этой связи во избежание коллизий и негативных последствий в правотворческой деятельности следует точно и «выверено использовать те или иные термины, в т. ч. термин «юридический приоритет».

В действующем законодательстве юридический приоритет с точки зрения юридической техники закреплён в таких терминологических конструкциях как «приоритетные направления», «приоритетное использование», «приоритетные проекты», «приоритетные условия», «приоритет товаров», «приоритет

изобретения», «приоритет промышленного образца», «стратегические приоритеты», «национальные приоритеты», «приоритеты государственной политики», «приоритетный вид деятельности», «приоритетная территория», «приоритетный порядок», «приоритетные отрасли», «приоритетные подотрасли», «приоритетные сферы жизнедеятельности», «приоритетные объекты» и др. Вместе с тем в рамках данной статьи мы уделим внимание только понятиям «стратегические приоритеты» и «национальные приоритеты». Именно посредством данных терминов зачастую происходит имплементация понятия «юридический приоритет» в текст нормативно-правового документа.

Впервые термин «стратегические национальные приоритеты» получил свое нормативное определение в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. В Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 термин «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации» понимается уже более широко. В частности, законодатель подчеркивает неразрывную взаимосвязь и взаимозависимость национальной безопасности и социально-экономического развития России. С данной позицией можно согласиться, поскольку развитие государства и общества возможно в условиях национальной безопасности, которая, в свою очередь, недостижима без государственного и общественного развития.

Таким образом, под стратегическим национальным приоритетом как важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства понимается направление деятельности, обладающее характером первоочередности по отношению к другим направлениям с учетом их системы и места в иерархии. Стратегические национальные приоритеты основаны на общем курсе деятельности государства, формировании, корректировке и реализации государственно-правовой политики. Установление стратегических национальных приоритетов требует неопременного определения их места в общей иерархии юридических приоритетов в рамках временных и территориальных границ применения. В то же время стратегические национальные приоритеты как важнейшие направления деятельности не следует рассматривать в качестве функций государства. Функции государства – это основные направления деятельности государства по решению стоящих перед ним целей и задач [3]. При этом функции государства подлежат реализации в полном объеме и одновременно. Тогда как выборочный подход к установлению и реализации стратегических национальных приоритетов вполне допустим. Более того, абсолютно уверены в том, что стратегические национальные приоритеты

существуют и могут реализовываться исключительно в рамках функций государства. Стратегические национальные приоритеты как форма закрепления юридического приоритета не может вступать в противоречие с функциями государства. В отличие от функций государства, стратегические национальные приоритеты как форма закрепления юридического приоритета предопределены различными факторами политического, экономического, социального и иного характера. Таким образом, разграничивая стратегические национальные приоритеты от функций государства, следует отметить, что приоритетные направления деятельности реализуются с помощью функций государства в первоочередном порядке в определенный период времени.

Стратегические национальные приоритеты закрепляются в ряде нормативных правовых актов, о которых уже выше упоминалось. При этом содержание стратегических национальных приоритетов достаточно подробно раскрыто нормативными правовыми актами. В 4 разделе Стратегии национальной безопасности РФ представляется оценка положения дел, указана цель государственной политики в конкретном сегменте, излагаются задачи, на решение которых направлены заявленные цели. Тем самым законодатель детально раскрыл каждый приоритет. Причем впервые главным приоритетом в 2021 году стало сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. С 2021 года пришло осознание того, что обеспечение национальной безопасности и развитие российского государства неотделимы от проблемы процветания народа, его духовного и физического развития. Именно по этой причине центр внимания государства сместился в данный сегмент.

Закрепление стратегических национальных приоритетов в Стратегии национальной безопасности РФ дало посыл для принятия ряда правовых актов и решений, которые задают рамки и детализируют целевые установки стратегических национальных приоритетов. Причем такие ценности получают закрепление и в Основном законе страны. Так, в ст. 67 Конституции РФ есть положение о том, что страна «чтит защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Важно также подчеркнуть, что данные целевые установки юридического приоритета находят свое воплощение и в практической деятельности. В частности, Указом Президента РФ от 30 июля 2021 г. № 442 сформирована Межведомственная комиссия по историческому просвещению, которая обеспечивает взаимодействие органов публичной власти, научно-образовательного и культурного сообщества в части защиты исторической правды и сохранения исторической памяти.

С другой стороны, Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 г, утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 в п. 22 закрепляет положение о том, что обеспечение национальных интересов при развитии информационного общества осуществляется путем реализации приоритетов с дальнейшим их перечислением. Из чего можно сделать вывод о том, что в рассматриваемом нормативно-правовом документе стратегические национальные приоритеты уже выступают как средство обеспечения национальных интересов, национальной безопасности страны.

В различных областях научного знания существует множество интерпретаций понятия «национальные интересы». Так, с позиции психологии и педагогики под таковым понимается «психологический феномен, отражающий ценности национальной общности, служащие сохранению ее единства и целостности» [9]. В социологии национальные интересы рассматриваются как «категория, отражающая меру самосознания и самовыражения народа, характеристика общественного единства, политический принцип и социальное чувство» [10]. С политической точки зрения понятия «национальные интересы» и «государственные интересы» совпадают, поскольку термин «нация» в европейском и англо-американском политическом словаре трактуется как согражданство, политическое единство [5]. Напротив, по мнению И. М. Ильина национальный интерес отражает не только интерес государства, но и интересы гражданского общества [2]. В юриспруденции национальные интересы представляют собой «жизненные интересы народа России, отражающие стремление граждан к обеспечению стабильного и устойчивого развития общества и минимизации (ликвидации) этих угроз» [7, с. 19–20]. Таким образом, термин «национальные интересы» можно рассматривать разносторонне. Между тем данное понятие сохраняет свои главенствующие позиции для большинства стран мира. В этой связи к дефиниции «национальные интересы» не следует относиться пренебрежительно, напротив, необходимо проводить научные исследования данного понятия не только с точки зрения политики, экономики, но и юриспруденции.

В российском законодательстве превалирует позиция, согласно которой национальные интересы представляют собой общие интересы всего населения России как целостного социально-политического образования. Национальные интересы предопределяют цели, задачи и приоритеты развития государства и общества. В свою очередь, юридический приоритет, неся в себе упорядочивающий характер, выступает правовым регулятором различных национальных интересов. Регулировать – значит устанавливать определенные границы, пределы действия, масштабы поведения

субъектов участников правоотношений, вносить в общую систему связей стабильность, порядок и безопасность, определяя вектор направления деятельности, развития государства и общества. Юридический приоритет объективирует национальные интересы. Тем самым юридический приоритет выступает важным средством упорядочивания и реализации национальных интересов. Но для того, чтобы правильно управлять национальными интересами, необходимо верно их выражать. Ведь не все национальные интересы могут быть урегулированы посредством юридического приоритета. Различные социальные группы и индивиды могут преследовать свои собственные, порой корыстные, интересы, которые ни в коем случае не могут быть выданы за национальные интересы. Устанавливая те или иные юридические приоритеты, правотворческие органы должны руководствоваться, прежде всего, национальными интересами, т.е. жизненными потребностями граждан, обществом и государством в целом. Между тем различные группы населения имеют разнообразные интересы. В этой связи юридический приоритет должен выступать в качестве меры сочетания различных интересов. По этой причине, субъект, занимающийся установлением юридического приоритета, должен не только понимать различные интересы социальных групп, но и принять все необходимые меры для наиболее эффективного их сочетания и выражения их в качестве национального интереса. Отмеченное обстоятельство позволяет отметить, что обеспечение реализации национальных интересов посредством юридического приоритета приводит к стабильности, порядку и национальной безопасности. Иными словами, юридический приоритет является гарантией безопасного состояния российской нации. Вместе с тем социальной, политической и юридической практике известны случаи, когда в основе ценностных приоритетов закладывается субъективная форма национальных интересов определенных социальных групп, образующих верхушку общества.

Резюмируя сказанное, сделаем следующие выводы. Под юридическим приоритетом понимается первостепенность, первоочередность реализации тех или иных процессов для достижения общественно значимых целей и задач. Несмотря на отсутствие в нормативно-правовых документах легального определения юридического приоритета, данный термин в нормах права закреплён в различных терминологических конструкциях, одними из которых выступают «стратегические приоритеты» и «национальные приоритеты».

Стратегические национальные приоритеты реализуются с помощью функций государства в первоочередном порядке в определённый период времени, что позволяет рассматривать их как средство обеспечения национальных интересов, национальной безопасности страны.

Национальные интересы предопределяют цели, задачи и приоритеты развития государства и общества. В свою очередь, юридический приоритет, неся в себе упорядочивающий характер, выступает важным средством упорядочивания и реализации национальных интересов.

Список источников

1. Глушко О. А. Приоритеты концепции экологической безопасности // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109 (05). С. 901–912.
2. Ильин И. М. Критерий совместимости в политике // Полис. 1995. № 1. С. 80–87.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник / М. : Юрист, 2003. 512 с.
4. Морозова Л. А. Приоритеты в конституционном праве и их роль в правовом развитии общества // XX лет Конституции Российской Федерации. Конституционализм в теории и на практике отечественной государственности: история и современность. М-лы III конституционных чтений. М. : РГУП, 2014. С. 65–72.
5. Овчинников А. И. Национальные интересы России : понятие и виды // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 2. С. 8–10.
6. Туранин В. Ю. Проблема достижения точности использования юридической терминологии в российском законодательстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 2. С. 50–55.
7. Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19–29.
8. Чиркаев С.А. Приоритет как особое средство правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4. С. 79–82.
9. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-2.htm#zag-249>.
10. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/1036/nacionalnye-interesy.htm>.

References

1. Glushko O. A. Priorities of the concept of environmental security // Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University. 2015. № 109 (05). P. 901–912.
2. Ilyin I. M. Compatibility criterion in politics // Polis. 1995. № 1. P. 80–87.
3. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law : textbook / M. : Yurist, 2003. 512 p.

4. Morozova L. A. Priorities in constitutional law and their role in the legal development of society // XX years of the Constitution of the Russian Federation. Constitutionalism in the theory and practice of domestic statehood: history and modernity. Materials of the III constitutional readings. M. : RGUP, 2014. P. 65–72.
5. Ovchinnikov A. I. National interests of Russia: concept and types // North Caucasian Legal Bulletin. 2014. № 2. P. 8–10.
6. Turanin V. Y. The problem of achieving the accuracy of the use of legal terminology in Russian legislation // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. № 2. P. 50–55.
7. Khabrieva T. Y. National interests and legislative priorities of Russia // Journal of Russian law. 2005. № 12. P. 19–29.
8. Chirkaev S. A. Priority as a means of legal regulation of inheritance relations // Eurasian legal journal. 2022. № 4. P. 79–82.
9. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-2.htm#zag-249>.
10. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/1036/nacionalnye-interesy.htm>.

Информация об авторе

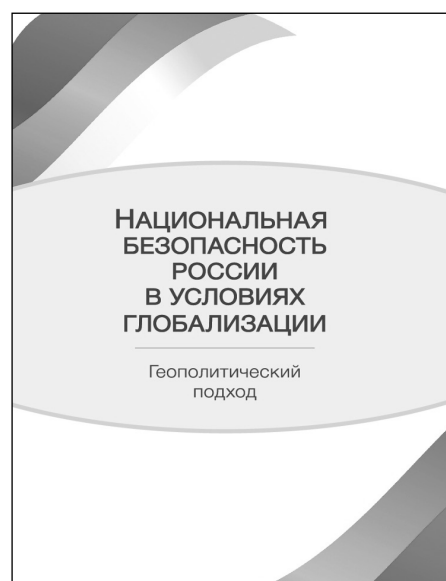
С. А. Чиркаев – соискатель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

Information about the author

S. A. Chirkaev – Candidate of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход. Монография. Под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. 231 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Показаны концептуальные подходы к противодействию угрозам национальной безопасности России в условиях глобализации, раскрыты современные геополитические технологии обеспечения национальной безопасности России, изложены организационные основы противодействия угрозам ее безопасности.

Дан анализ политики обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. Раскрыты основные направления реализации современной политики национальной безопасности России, даны предложения по оптимизации и координации деятельности органов государственной власти, бизнеса и гражданского общества в обеспечении национальной безопасности.

Книга адресована как научным работникам, сферой научных интересов которых являются проблемы глобалистики, геополитики и безопасности, так и специалистам, принимающим участие в разработке стратегических документов и реализации стратегических установок в сфере национальной безопасности.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-254-257>

EDN: <https://elibrary.ru/fbhrsn>

НИОН: 2003-0059-6/23-873

MOSURED: 77/27-003-2023-06-072

Виртуальная реальность в изучении криминалистики

Владислав Николаевич Чулахов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, chulahov@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются возможности использования технологии виртуальной реальности при изучении криминалистики, в частности, тем, посвященных проведению осмотра места происшествия. Осмотр места происшествия представляет собой сложное по задачам и структуре следственное действие по сбору вещественных доказательств, которое включает в себя технико-криминалистические приемы по обнаружению, фиксации, упаковке и изъятию следов, тактику осмотра, вопросы взаимодействия участников и многое другое. Если технические навыки работы со следами на месте происшествия лучше отрабатывать в условиях специализированных лабораторий или на криминалистических полигонах, то обучение тактическим приемам осмотра – умение осматривать место происшествия с целью установления механизма преступления, способности выделять следы и предметы, которые смогут подсказать путь к раскрытию преступления, можно с успехом проводить в виртуальной реальности. Показывается, как, проводя осмотр виртуального места происшествия, можно отрабатывать тактику и методику поиска наиболее значимых в информационном и доказательственном отношении следов, получения при их исследовании диагностической и ориентирующей информации о преступлении и его участниках. Приводятся преимущества, которые технология виртуальной реальности представляет для процесса обучения в таком случае по сравнению с обычным криминалистическим полигоном.

Ключевые слова: криминалистика, осмотр места происшествия, виртуальная реальность

Для цитирования: Чулахов В. Н. Виртуальная реальность в изучении криминалистики // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 254–257. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-254-257>. EDN: FBHRSN.

Original article

Virtual reality in the study of criminology

Vladislav N. Chulakhov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, chulahov@mail.ru

Abstract. The possibilities of using virtual reality technology in the study of criminology, in particular, topics related to the inspection of the scene are being considered. The inspection of the scene of the incident is a complex investigative action in terms of tasks and structure to collect material evidence, which includes technical and forensic techniques for detecting, fixing, packing and removing traces, inspection tactics, issues of interaction of participants and much more. If it is better to work out technical skills of working with traces at the scene of an accident in specialized laboratories or at forensic testing grounds, then training in tactical inspection techniques – the ability to inspect the scene in order to establish the mechanism of the crime, the ability to identify traces and objects that can suggest the way to solve the crime, can be successfully carried out in virtual reality. It is shown how, by conducting an inspection of the virtual scene of the incident, it is possible to work out tactics and methods of searching for the most significant traces in terms of information and evidence, obtaining diagnostic and orienting information about the crime and its participants during their investigation. The advantages that virtual reality technology represents for the learning process in this case compared to a conventional forensic training ground are given.

Keywords: forensics, inspection of the scene, virtual reality

For citation: Chulakhov V. N. Virtual reality in the study of criminology. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):254–257. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-254-257>. EDN: FBHRSN.

Прошло уже более 20 лет со времени появления первых компьютерных программ по осмотру виртуального места происшествия, которые фирмы-разработчики стали предлагать для использования в обучении по криминалистике. Их смысл заключался в поиске и собирании виртуальных следов с условного места происшествия с помощью искусственного инструментария компьютерной программы. Несмотря на кажущийся интерактивный характер новшества, эти программы не получили должного распространения в учебных заведениях, потому что трудно научить человека действовать в реальности, обучая его в виртуальной обстановке. В частности, нельзя в полной мере научить выявлять, фиксировать и упаковывать следы на месте происшествия на примере виртуальных следов. Ведь обучающимся в дальнейшем придется работать на практике в реальных условиях. Это то же самое, что учить летать на тренажере или учить оперировать на манекенах. Поэтому здесь уместна только традиционная, устоявшаяся форма обучения – практическая, то есть на специально оборудованных для этого криминалистических полигонах или в аудиториях на реальных объектах.

Но полностью отрицать возможность использования технологии виртуальной реальности при изучении курса криминалистики нельзя. Имеются учебные темы, которые можно успешно осваивать с их помощью. Представляем опыт такого использования в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, где виртуальная реальность рассматривается как новейшая технология преподавания.

Основной отправной точкой раскрытия преступления является место происшествия, изучение которого позволяет определить версии и направление расследования. Его осмотр представляет собой сложное по задачам и структуре следственное действие по сбору вещественных доказательств, которое включает в себя технико-криминалистические приемы по обнаружению, фиксации, упаковке и изъятию следов, тактику осмотра, вопросы взаимодействия участников и другое. Прикладные составляющие, связанные с работой со следами на месте происшествия, конечно лучше отрабатывать с обучающимися, как это было отмечено выше, в реальных условиях в специализированных лабораториях или на криминалистических полигонах.

Но есть у этого следственного действия задача, решение которой требует логического мышления. После овладения техническими навыками обнаружения, фиксации и изъятия следов на месте происшествия следующим важным этапом является обучение тактическим приемам осмотра, которые включают в себя умение осматривать место происшествия с целью установления механизма преступления, способность выделять обстоятельства и предметы, которые

смогут подсказать путь к раскрытию преступления, поиск наиболее значимых в информационном и доказательственном отношении следов, получение при их исследовании диагностической и ориентирующей информации о преступлении и его участниках (так называемое, умение «читать» следы) и выдвижение на ее основе наиболее вероятных следственных версий и определение направления расследования. Все эти способности и качества, необходимые специалисту-криминалисту, основываются на детализированном внимании, умении анализировать и логически мыслить, делать обоснованные выводы, которые в итоге должны преобразоваться в профессиональный криминалистический навык, и которого подчас не хватает для успешного расследования преступлений.

К сожалению, в курсе криминалистики отсутствует тема, специально посвященная формированию и использованию логических приемов в процессе расследования преступлений, которые можно применять, в частности, при изучении обстановки места преступления «в целом» и «в частности» для выдвижения следственных версий. Уметь анализировать совокупность и взаимосвязь предметов и следов, замечать «мелочи» на месте преступления, с помощью которых путем дедуктивных и индуктивных рассуждений можно понять, как происходило преступное событие – все это важный элемент профессиональной деятельности, которому научить не так просто.

Мы попытались сделать это в интерактивной форме, предложив обучающимся изучить виртуальное место происшествия. Учебное занятие построено на основе решения практической задачи на конкретном примере из следственно-криминалистической практики. Виртуальная обстановка происшествия воссоздана с помощью 3D технологии по архивным фотоматериалам с повторением мельчайших подробностей.

Основная цель такого занятия – развитие у обучающихся логики, внимательности, аналитического мышления, умения делать правильные выводы. Обучающиеся проводят осмотр воссозданного места происшествия, используя технологию виртуальной реальности. Тем самым они как бы оказываются на месте преступления, по которому могут свободно перемещаться, не мешая друг другу. Также они могут использовать виртуальные криминалистические инструменты, например, дальномер, планшет с функцией фотосъемки, а также фонарь. Они могут брать и рассматривать любые предметы.

Перед обучающимися ставится условие проанализировать особенности и расположение объектов, предметов и вещей на месте преступления и исходя из этого решить комплекс криминалистических задач:

1. Определить последовательность и способ осмотра места происшествия.

2. Определить, как развивалось преступное событие, что предшествовало ему.
3. Установить мотив преступления.
4. Установить, сколько было преступников, их пол, примерный возраст, особенности, имеют ли преступный опыт.
5. Исходя из механизма совершения преступления, определить места наиболее вероятного оставления преступником следов и каких. Указать следы и предметы, которые необходимо изъять в качестве доказательств.
6. Назначить экспертизы и исследования (определить вид, объекты исследования, вопросы к эксперту).
7. Разработать криминалистические версии и составить план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по результатам осмотра места происшествия.
8. Определить, какие имеются возможности раскрытия данного преступления на первоначальном и последующем этапе расследования.

Обучающиеся поочередно выполняют эти задания с последующим обсуждением под руководством преподавателя.

Все указанные возможности были реализованы при разработке интерактивной задачи по осмотру места происшествия под названием «Убийство в собственном доме», в основу которой положено конкретное преступление. Гражданина М. соседи обнаружили утром задушенным в собственном доме после того, как предыдущим днем он срочно отвез свою беременную жену в больницу, где ее положили на сохранение. Преступление было совершено в условиях неочевидности, поэтому свидетелей произошедшего выявить не удалось. Потерпевший работал слесарем на заводе, по работе и со слов соседей характеризовался в основном положительно, не судим. Деревянный дом, в котором потерпевший с женой проживали вдвоем, располагался в городе, небольшом частном секторе, запланированном под снос в связи с новостройкой. Со слов жены из дома пропали все деньги и принадлежащие ей ювелирные украшения. Оперативная проверка обстоятельств происшествия не дала положительных результатов.

Обучающимся предлагается провести осмотр места происшествия в виртуальной реальности, проанализировать вещную обстановку и выдвинуть версии произошедшего, отобрать следы и вещественные доказательства, выполнить задания и ответить на вопросы.

Как реализуется поставленная учебная цель покажем на одном из примеров криминалистического исследования вещной обстановки преступления. На застеленном матрасе дивана в спальном комнате в разбросанном виде были обнаружены женские зимние и

демисезонные сапоги, вытасканные из шкафа, косметичка, целлофановые пакеты с женской парфюмерией и бижутерией, принадлежавшие жене убитого и вызвавшие интерес у преступника.

Обучающиеся должны путем логических рассуждений связать данное обстоятельство с личностью преступника, определив его пол и особенности. В процессе умозаключений они должны прийти к выводу, что этим человеком могла быть только женщина, которая пыталась подобрать себе обувь, косметику и украшения. А ее интерес к этим вещам обусловлен тем, что у женщины их попросту нет, что подтвердилось установленными обстоятельствами преступления.

Как выяснилось впоследствии, такая взаимосвязь между элементами механизма преступления – предметом преступного посягательства и личностью преступника была закономерной. В преступлении участвовала ранее судимая С., которая только что освободилась из мест лишения свободы и поэтому нуждалась в элементарных личных вещах. После освобождения она приехала в город, где встретила со своим бывшим приятелем В., с которым решили отметить это событие. В пивном баре они познакомились с потерпевшим М., который зашел туда после того, как отвез беременную жену в больницу для сохранения. После бара М. пригласил новых знакомых для дальнейшего распития спиртных напитков к себе домой, где они решили убить его с целью завладения имуществом.

Для проведения практического учебного занятия по данной теме технология виртуальной реальности по сравнению с обычным криминалистическим полигоном представляет следующие преимущества.

1. Можно создавать материальную обстановку происшествия в различных вариантах и комбинациях – загородный дом, дачный домик, квартира, улица и т. д. Воспроизвести ее на полигоне практически невозможно – для этого бывают нужны разнообразные помещения и предметы: кухня, ванная, туалет, подсобные помещения, жилые комнаты с различной мебелью и т. д. Даже если и попытаться создать ее, то на это уйдет много времени. А таких мест надо несколько, что не рентабельно. Некоторые масштабные осматриваемые территории из-за их большого размера воссоздать на криминалистических полигонах вообще не представляется возможным, например, по техногенным авариям, взрывам, крушениям самолетов и поездов и др.

2. Появляется возможность создавать материальную обстановку происшествия в соответствии с реальными преступными событиями (например, по фотографиям с места происшествия или со слов очевидцев) с их внутренними закономерностями, взаимосвязями следов и предметов. Это придает занятию со стороны

обучающихся особый интерес, так как реконструированные места преступлений на обычных полигонах часто отличаются примитивизмом и надуманностью.

3. Реалистичность воспринимаемого. Обучающийся как бы оказывается на месте преступного события. Он может передвигаться по нему, брать, рассматривать и изучать различные предметы, производить их поиск.

4. Повышается мобильность занятия. В осмотре одного места происшествия могут участвовать одновременно несколько лиц. При этом они совершенно не мешают друг другу.

5. Для восстановления первоначальной обстановки места происшествия и подготовки к следующему занятию не требуется время и дополнительных усилий. Обстановка восстанавливается путем перезагрузки программы.

В заключение хотелось подчеркнуть интерактивный характер данного занятия. Увеличение умственной нагрузки на учебных занятиях заставляет задуматься над тем, как поддержать у обучающихся интерес к изучаемому материалу, их активность на протяжении всего обучения. На помощь приходят современные методы преподавания, развивающие любознательность и активизирующие мыслительную деятельность, к которым можно смело отнести практические задачи в виртуальной реальности. В процессе решения таких задач у обучающихся вырабатывается умение сосредоточиться, мыслить самостоятельно, развивается внимание. К тому же разнообразные действия, при помощи которых решается умственная задача, поддерживают и усиливают интерес к учебной дисциплине. Таким образом, интерактивная форма

проведения занятия с использованием виртуальной реальности, являясь актуальным методом процесса обучения, способствует самостоятельному решению поставленных задач и успешному использованию обучающимися своих знаний.

Библиографический список

1. Максимов Н. В. Влияние цифровых технологий на предварительное расследование // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конференции. Симферополь, 2022. С. 95–97.
2. Чулахов В. Н. Криминалистика : новые вызовы современности // Образование, воспитание и право в контексте глобальных вызовов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та им. И.Н. Ульянова, 2023. С. 819–824.

Bibliographic list

1. Maksimov N. V. Influence of geodetic technologies on preliminary investigation // Higher education: practical theory and critical article: S. B. Materials of the X International Scientific and practical conference. Simferopol, 2022. P. 95–97.
2. Chulakhov V. N. Criminalistics : new challenges of modernity // Education, upbringing and law in the context of global challenges: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Cheboksary : Chuvash Publishing House. I. N. Ulyanov University, 2023. P. 819–824.

Информация об авторе

В. Н. Чулахов – начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. N. Chulakhov – Head of the Department of Technical and Forensic Support of Expert Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 06.09.2023; принята к публикации 06.11.2023.

The article was submitted 12.07.2023; approved after reviewing 06.09.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Научная статья

УДК 343.135

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-258-262>

EDN: <https://elibrary.ru/dicnei>

НИОН: 2003-0059-6/23-874

MOSURED: 77/27-003-2023-06-073

Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих

Андрей Альбертович Шишков

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, aashishkov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания военнослужащих в период мобилизации, военного положения и в военное время. Отмечается, что исторически в периоды войн, военного положения государство освобождает лиц от уголовной ответственности за боевые заслуги перед страной. Исключением не стал период проведения специальной военной операции на Украине. Автор приходит к выводу, что в настоящее время отсутствует процессуальный механизм освобождения от уголовной ответственности военнослужащих в стадии предварительного расследования посредством прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Также не определено основание и порядок приостановления предварительного расследования по ходатайству командования воинской части, где проходит службу подозреваемый или обвиняемый. Высказывается мнение о необходимости внесения изменений и дополнений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, приостановление предварительного расследования, специальная военная операция, мобилизация, военное положение, уголовный закон, уголовная ответственность

Для цитирования: Шишков А. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 258–262. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-258-262>. EDN: DICNEI.

Original article

Exemption from criminal liability and punishment of military personnel

Andrey A. Shishkov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, aashishkov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of exemption from criminal liability and punishment of military personnel during the period of mobilization, martial law and in wartime. It is noted that historically, during periods of war and martial law, the state exempts individuals from criminal liability for military services to the country. The period of the special military operation in Ukraine was not an exception. The author comes to the conclusion that at present there is no procedural mechanism for releasing military personnel from criminal liability at the preliminary investigation stage by terminating the criminal case or criminal prosecution. Also, the basis and procedure for suspending the preliminary investigation at the request of the command of the military unit where the suspect or accused is serving is not defined. An opinion is expressed on the need to make changes and additions to criminal and criminal procedural legislation.

Keywords: termination of a criminal case, suspension of the preliminary investigation, special military operation, mobilization, martial law, criminal law, criminal liability

For citation: Shishkov A. A. Exemption from criminal liability and punishment of military personnel. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):258–262. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-258-262>. EDN: DICNEI.

© Шишков А. А., 2023

Лицо, совершившее преступление может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания. Государство, реализуя принципы справедливости и гуманизма, вправе отказаться от уголовного преследования лица, а если оно осуждено освободить от дальнейшего отбывания наказания.

Общие основания освобождения от уголовной ответственности и наказания содержатся в IV разделе Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК). При этом в этих нормах законодатель не дифференцирует правила освобождения от уголовной ответственности и наказания в зависимости от правового положения лица. Является ли он военнослужащим или лицом, не имеющим отношения к военной службе. Главное, чтобы лицо перестало быть общественно опасным для общества.

Федеральным законом от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Федеральный закон № 270-ФЗ) законодатель предложил новые для современного уголовного права и уголовного процесса основания освобождения от уголовной ответственности и наказания [7].

Положения данного закона распространяются на три категории лиц. Во-первых, на лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, за исключением некоторых преступлений, в отношении которых осуществляется предварительное расследование. Во-вторых, военнослужащих, совершивших преступления, в отношении которых также еще осуществляется предварительное расследование. В-третьих, на лиц, уже имеющих судимость, за исключением осужденных за некоторые преступления. Все эти лица должны иметь статус военнослужащего. При этом важно, что этот статус увязывается с обстановкой его приобретения и прохождения военной службы – период мобилизации, военного положения, военного времени. А освобождаются эти лица от уголовной ответственности и наказания, если будут награждены государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, или будут уволены с военной службы по одному из трех оснований: 1) в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе; 2) по состоянию здоровья, если признали не годным к военной службе; 3) в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени.

Представляется, что законодатель исходил из целеполагания необходимости сформировать мобилизационный людской ресурс из числа лиц, совершивших преступления, для их участия в специальной военной операции и при указанных основаниях освободить от уголовной ответственности и наказания. Образно говоря, закон на-

правлен на прощение некогда оступившихся лиц за их заслуги в трудное для страны время, дать возможность искупить вину за совершенное преступление.

Надо сказать, что формирование воинских частей из числа лиц, совершивших преступление, и при определенных условиях их последующее освобождение от уголовной ответственности, не является новым для Вооруженных Сил как нашей страны, так и иных государств мира. Наиболее показательными являются факты периода Второй мировой войны. Это, например, так называемые *Strafbataillon* (общий термин для штрафных подразделений), созданных из осужденных во всех родах войск вермахта. Или известный 21 специальный батальон (1941–1944 годы) вооруженных сил Финляндии в состав которого также входили лица, привлеченные к уголовной ответственности. Потери на фронте в первые годы Великой Отечественной войны обусловили принятие соответствующих решений руководством страны о пополнении рядов Красной Армии лицами, осужденными за общеуголовные, и так называемые, политические преступления. В этом ряду особое место занимает приказ Народного комиссара обороны Союза ССР от 28 июля 1942 года № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», широко известный с той поры как приказ «Ни шагу назад». В частности, в нем приказывалось сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальона по восемьсот человек, а в пределах армий от пяти до десяти рот до двухсот человек в каждой, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины [1, с. 781].

Освобождение от уголовной ответственности и снятие судимости было возможно после определенного срока службы в штрафных подразделениях либо досрочно в случае ранения или ходатайства командования для отличившихся в бою солдат решением военных советов фронтов, флотов и отдельных армий от имени Президиума Верховного Совета СССР с последующим его утверждением или военными трибуналами [2, с. 63–64]. После утверждения решения военнослужащему выдавалась справка о снятии судимости. В случае смерти военнослужащего справка выдавалась его семье. Судимость могла быть снята независимо от тяжести наказания и от времени, прошедшего со дня осуждения или отбытия наказания. [3, с. 26]. О важности для фронта таких решений можно судить по численности таких лиц, направленных в Красную Армию. Так, исследователи отмечают, что около 400 тыс. осужденных военнослужащих было направлено на фронт с отсрочкой исполнения приговора до окончания войны, что сопоставимо с численностью личного состава одного фронта [4, с. 140].

Возвращаясь к сегодняшнему дню, необходимо

обратить внимание на порядок освобождения от уголовной ответственности и наказания военнослужащего, который предложил законодатель Федеральным законом № 270-ФЗ.

Как уже было сказано, освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащего в указанный период времени, являются два основания: 1) награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; 2) увольнение с военной службы: а) в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе; в) по состоянию здоровья, если признали не годным к военной службе; о) в связи с окончанием периода мобилизации, отменой (прекращением действия) военного положения и (или) истечением военного времени (подпункты «а», «в», «о» пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».)

При этом каких-либо изменений и дополнений в УК в части оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания или погашения судимости законодатель пока не предложил. Да и внесенные изменения в статью 173 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, регламентирующую прекращение отбывания наказания и порядок освобождения, также не содержат пояснений по этому вопросу [8].

Впрочем, освободить от уголовного наказания военнослужащего при определенных условиях Уголовный закон допускает. Так согласно статье 80.1 УК лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести освобождается судом от наказания, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными. Подтверждением тому может служить судебная практика об освобождении от уголовного наказания военнослужащего, проходящего службу в зоне проведения специальной военной операции [5]. Но остается вопрос, какой нормой уголовного закона руководствоваться при освобождении военнослужащего от наказания, если он осужден за тяжкое или особо тяжкое преступление. Напомним, что Федеральный закон № 270-ФЗ не ограничивает освобождение военнослужащего от наказания категориями преступлений, устанавливая запрет только на определенные виды преступлений, например, против половой неприкосновенности личности, террористической и экстремисткой направленности (п. 3 ст. 3). Следовательно, военнослужащие, осужденные за тяжкие или особо тяжкие преступления, и награжденные государственной наградой или уволенные с военной службы по вышеуказанным основаниям, по действующим нормам УК вряд ли могут претендовать на освобождение от наказания. Кстати, в юридической литературе ранее высказывались пред-

ложения в порядке (*de lege ferenda*) о внесении изменений в УК об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, желающих принять участие в специальных военных операциях [6, с. 157].

Еще сложнее ситуация с реализацией норм об освобождении военнослужащего от уголовной ответственности, когда уголовное дело еще в производстве органов расследования.

Как известно, освобождение от уголовной ответственности в стадии предварительного расследования реализуется путем прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Исчерпывающий перечень оснований и условий принятия этого процессуального решения содержится в главе четвертой УПК. Внимательный взгляд следователя вряд ли обнаружит в указанной главе механизм реализации положений статей 3 и 4 Федерального закона № 270-ФЗ.

Анализ положений указанных двух статей показывает, что законодатель указывает на разные условия прекращения уголовного дела или уголовного преследования в зависимости от категории военнослужащего. К первой категории он относит тех лиц, которые приобрели этот статус в результате мобилизации или в военное время либо заключившие контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ также в период мобилизации, военного положения или в военное время. Эти военнослужащие освобождаются от уголовной ответственности при условии совершения ими преступления небольшой или средней тяжести за исключением четырех преступлений. В частности, речь идет о статье 205.2 (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), статье 220 (Незаконное обращение с ядерными или радиоактивными веществами), статье 221 и 280 УК. Ко второй категории относятся так называемые профессиональные военнослужащие, то есть те, кто проходит военную службу в Вооруженных Силах РФ, как принято говорить, на постоянной основе. Они освобождаются от уголовной ответственности также как и первая категория при определенной обстановке, то есть в период мобилизации, военного положения или в военное время, однако здесь законодатель не ставит условие о категории преступления и не ограничивает их виды. Таким образом, в отношении этих военнослужащих независимо от обвинения (подозрения) в совершении любого преступления уголовное дело или уголовное преследование при наличии указанных выше двух оснований прекращается. При этом нормы статей 3 и 4 сформулированы так, что они носят императивный характер, а, следовательно, не предполагают усмотрения следователя при принятии процессуального решения.

Далее необходимо обратить внимание еще на одно

процессуальное решение, которое по замыслу законодателя составляет единый механизм освобождения военнослужащего от уголовной ответственности в стадии предварительного расследования. Речь идет о приостановлении предварительного следствия по ходатайству командования воинской части (учреждения), в которой, очевидно, проходит службу подозреваемый и обвиняемый. Судя по контексту закона, и по логике здравого смысла приостановление следствия должно предшествовать решению об освобождении от уголовной ответственности. Однако каким основанием приостановления руководствоваться следователю, получив от командования воинской части их ходатайство. Как известно, статья 208 УПК называет четыре основания приостановления предварительного расследования, которые увязываются с невозможностью подозреваемого и обвиняемого по тем или иным причинам участвовать в производстве по уголовному делу. Но в этом списке ничего не сказано о невозможности участия подозреваемого и обвиняемого по причине его службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, военного положения, в военное время. Поэтому получив от командования воинской части (учреждения) ходатайство о приостановлении предварительного следствия, следователь, в силу принципа законности о запрете применять федеральный закон, противоречащий УПК, вряд ли сможет его удовлетворить.

Не совсем понятны так же положения Федерального закона № 270-ФЗ о возложении на командование воинских частей (учреждений) осуществлять контроль за поведением военнослужащего, предварительное следствие в отношении которого приостановлено. Идет ли речь о реализации специальной для военнослужащих меры пресечения – наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК) или неких норм ведомственного уровня, возможно, уже действующих, но не известных пока широкой общественности, или будущих, которые будут приняты в ближайшее время. Именно о второй форме регулирования правоотношений, возникающих при освобождении военнослужащего от уголовной ответственности, идет речь в статье 7 (часть 2) Федерального закона № 270-ФЗ. В частности, там сказано, что порядок взаимодействия командиров воинских частей (учреждений) Вооруженных Сил Российской Федерации (учреждений) и следственных органов по вопросам приостановления предварительного расследования и прекращения уголовного преследования вышеуказанных категорий военнослужащих, имеющих статус подозреваемого или обвиняемого, определяется совместными решениями федеральных ведомств: Министерства обороны, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры и иных федеральных органов исполнительной власти,

в полномочия которых входит осуществление предварительного расследования (например, МВД, ФСБ).

Но в этом случае нужно помнить, что подзаконные нормативные акты представляют собой другой уровень правового регулирования, а тем более изданные органами так называемого силового блока. О возможности ведомственных нормативных правовых актов регламентировать порядок уголовного судопроизводства в науке по-прежнему высказываются различные точки зрения. Значит, законодателю необходимо как можно быстрее вносить изменения и дополнение в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Возможно, одно из таких предложений – вернуть в УПК, утратившую силу в 2003 году статью 26, предусматривавшую основание прекращения уголовного дела, но, разумеется, в новой редакции с учетом положений Федерального закона № 270-ФЗ. Также не забыть и о расширении оснований приостановления предварительного расследования.

Таким образом, подводя итог изложенному необходимо отметить следующее. 1) Действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство не дифференцирует освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц в зависимости от их отношения к военной службе. 2) Сама идея привлечения лиц, совершивших преступления, к военной службе, защите отчества в трудное для страны время и последующее их прощение за боевые заслуги является общемировой практикой. 3) Федеральный закон № 270-ФЗ, призванный установить правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности и наказания военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, военного положения или в военное время, не полной мере соотносится с уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. 4) В целях создания механизма реализации Федерального закона № 270-ФЗ необходимы изменения в уголовный и уголовно-процессуальный законы.

Список источников

1. История военного искусства: курс лекций : в 6 т. М. : Военная академия имени М. В. Фрунзе, 1958. Т. 5 : Военное искусство первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 г.). С. 780–783.
2. Титов В. В. К вопросу о совершенствовании системы наказаний и применения военными судами мер уголовного наказания в военное время // Право в Вооруженных Силах – Военное правовое обозрение. 2021. № 8. С. 58–67.
3. Лысенков С. Г. Судопроизводство военными трибуналами в годы Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского

- университета МВД России. 2014. № 2. С. 24–27.
4. Гриф секретности снят : потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : статистическое исследование/В.М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин [и др.] ; под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. Москва : Воениздат, 1993. 415 с.
 5. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 225-УД23-8-К10.
 6. Тепляшин П. В., Ступина С. А. Освобождение осужденных от отбывания наказания в связи с их участием в специальной военной операции: правовые возможности и законотворческие перспективы // Социально-экономический и гуманитарный. 2022. № 4. С. 152–159.
 7. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2023. № 26. Ст. 4878.
 8. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2023. № 26. Ст. 4677.
 2. Titov V. V. On the issue of improving the system of punishments and the application of criminal penalties by military courts in wartime // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2021. № 8. P. 58–67.
 3. Lysenkov S. G. Proceedings by military tribunals during the Great Patriotic War // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 2. P. 24–27.
 4. The classification has been removed : losses of the USSR Armed Forces in wars, hostilities and military conflicts : a statistical study / V. M. Andronikov, P. D. Burikov, V. V. Gurkin [and others] ; under general ed. of G. F. Krivosheev. Moscow : Voenizdat, 1993. 415 p.
 5. Cassation ruling of the Judicial Collegium for Military Personnel Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2023 № 225-UD23-8-K10.
 6. Teplyashin P. V., Stupina S. A. Release of convicts from serving their sentences in connection with their participation in a special military operation: legal possibilities and legislative prospects // Socio-economic and humanitarian. 2022. № 4. P. 152–159.
 7. Federal Law № 270-FZ of June 24, 2023 «On the specifics of criminal liability of persons involved in a special military operation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2023. № 26. Art. 4878.
 8. Federal Law № 269-FZ of June 24, 2023 «On Amendments amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2023. № 26. Art. 4677.
- Bibliographic list**
1. History of military art : course of lectures : in 6 volumes. M. : Military Academy named after M. V. Frunze, 1958. V. 5 : Military art of the first

Информация об авторе

А. А. Шишков – профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Shishkov – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

The article was submitted 16.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Научная статья

УДК 657.01

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-263-267>

EDN: <https://elibrary.ru/ykvzab>

ИПОН: 2003-0059-6/23-875

MOSURED: 77/27-003-2023-06-074

Бухгалтерский учет электронных денежных средств и цифровых валют: нормативно-правовые аспекты

Елена Николаевна Колесникова

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
e.kolesnikova_rfmu@mail.ru

Аннотация. Раскрываются содержательные аспекты нормативного регулирования вопросов организации и ведения бухгалтерского учета операций, связанных с наличием и движением электронных денежных средств и цифровых валют. Представлен развернутый анализ положений и требований нормативных правовых и законодательных актов, которые могут и должны использоваться экономическими субъектами при ведении учетных работ с рассматриваемой категорией ценностей. Доказывается, что в условиях значительной правовой неопределенности ведущая роль в системе нормативного регулирования бухгалтерского учета операций с электронными деньгами и виртуальными активами должна отводиться стандартам самого экономического субъекта – учетной политике для целей бухгалтерского учета и приложениям к ней.

Ключевые слова: электронные денежные средства, цифровые валюты, бухгалтерский учет, федеральные стандарты (положения) по бухгалтерскому учету, учетная политика

Для цитирования: Колесникова Е. Н. Бухгалтерский учет электронных денежных средств и цифровых валют: нормативно-правовые аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 263–267. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-263-267>. EDN: YKVZAB.

Original article

Accounting of electronic money and digital currencies: regulatory aspects

Elena N. Kolesnikova

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V.Ya. Kikot', Ryazan, Russia, e.kolesnikova_rfmu@mail.ru

Abstract. The substantive aspects of regulatory regulation of the organization and accounting of transactions related to the availability and movement of electronic money and digital currencies are revealed. A detailed analysis of the provisions and requirements of regulatory legal and legislative acts that can and should be used by economic entities when conducting accounting work with the category of values under consideration is being presented. It is proved that in conditions of considerable legal uncertainty, the leading role in the system of regulatory regulation of accounting for transactions with electronic money and virtual assets should be assigned to the standards of the economic entity itself – accounting policy for accounting purposes and its appendices.

Keywords: electronic money, digital currencies, accounting, federal accounting standards (regulations), accounting policy

For citation: Kolesnikova E. N. Accounting of electronic money and digital currencies: regulatory aspects. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):263–267. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-263-267>. EDN: YKVZAB.

Появляясь в финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов, ведущих предпринимательскую деятельность, цифровые валюты и электронные денежные средства становятся полноценными

объектами системы бухгалтерского учета. И только система бухгалтерского учета, при соблюдении законодательно установленных к ней требований и ограничений, способна дать достоверную и объективную

© Колесникова Е. Н., 2023

информацию о наличии и движении рассматриваемой категории ценностей.

Существенные особенности в проведении платежей с использованием электронных денежных средств, выпуске и использовании цифровых валют обусловлены их экономической природой. Указанные особенности закреплены совокупностью законодательных и нормативных правовых актов, в том числе и отличных от актов в сфере регулирования безналичных расчетов [7; 10; 11; 12].

Следует отметить, что в российском бухгалтерском законодательстве отсутствуют специализированные документы, прямо регулирующие порядок учета таких объектов и представления информации о них в бухгалтерской (финансовой) отчетности. Отсутствие указанных правил и в международной практики регламентации ведения учетных работ (международных стандартах финансовой отчетности) затрудняет практику организации и ведения учета электронных денег и цифровых валют и представляет хозяйствующим субъектам практически неограниченные возможности в выборе способов и приемов формирования информации о них в системе бухгалтерского учета, но в соответствии с общеустановленными правилами.

В законодательстве Российской Федерации, посвященном вопросам бухгалтерского учета, нет ни отдельных документов, ни описания особых правил учета электронных денежных средств и цифровых валют, ни указаний по поводу отнесения их к каким-либо активам.

Согласно разъяснениям Минфина России на основании объема прав, которые удостоверяет цифровой финансовый актив, в силу действия Федерального закона № 259-ФЗ, активы у обладателя цифрового финансового актива (цифровой валюты), а также у субъектов их выпустивших, учитываются применительно к порядку учета активов и обязательств, обусловленных аналогичными правами, которые удостоверяются без внесения (изменения) записей в информационные системы. Аналогичный подход закрепился и в вопросе правовой регламентации бухгалтерского учета электронных денежных средств. А значит, нормативное обеспечение бухгалтерского учета рассматриваемой категории ценностей ведется в общеустановленном порядке, в соответствии с действующей системой нормативного регулирования, закрепляемой Федеральным законом Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [1].

Нельзя согласиться со сложившейся судебной практикой, отрицающей возможность применения действующего российского законодательства в сфере учета цифровых активов. Так, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 января 2023 г. № 8Г-33889/2022, 88-2105/2023, 88-32150/2022 [13] содержит выводы о том, что Федеральный закон «О бухгалтерском учете» оспариваемые правоотношения, связанные с оборотом цифровой валюты не регу-

лирует и не устанавливает требования к документам, оформляемым при приобретении ее (криптовалюты биткоин) хозяйствующими субъектами.

Вместе с тем нормами Федерального закона № 259-ФЗ прямо установлено, что организация выпуска и (или) выпуск, организация обращения цифровой валюты в Российской Федерации регулируются согласно федеральным законам. То есть, до принятия указанных федеральных законов бухгалтерский учет цифровой валюты, выпущенной и (или) приобретенной организацией на законных основаниях, должен вестись в общем порядке, установленном Федеральным законом № 402-ФЗ и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами.

Позиция в отношении применения электронных действующих средств действующих законодательных и иных нормативных правовых актов в сфере бухгалтерского учета не оспаривается ни в правоприменительной практике, ни в научной литературе.

С позиций нормативного регулирования ведения бухгалтерского учета электронных денежных средств и цифровых валют, также как и по другим объектам бухгалтерского учета считаем целесообразным выделить четыре уровня: уровень федеральных стандартов, уровень отраслевых стандартов, рекомендации по бухгалтерскому учету и стандарты в области учета самого экономического субъекта.

Исходя из смысла требований Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации, которое было утверждено 29 июля 1998 г. приказом Минфина России № 34н [2], отражаемые в бухгалтерской отчетности суммы по расчетам электронными денежными средствами и цифровыми валютами должны быть согласованы с получателем (плательщиком) средств и организацией, проводящей эти расчеты (в контексте рассматриваемого объекта, это могут национальные операторы платежных систем, криптобиржи) и тождественны. Также имеет отношение к бухгалтерскому учету наличия и движения электронных денег и цифровых валют и описываемые данным документом общие правила ведения бухгалтерского учета, составления и представления отчетности и другое.

ПБУ 1/2008 «Учетная политика организации» [3] установлено, что все принятые организацией способы и приемы ведения бухгалтерского учета должны раскрываться в учетной политике организации. Это касается и оборота электронных денег и цифровых валют. В соответствии с требованиями данного документа организация должна в своей учетной политике раскрыть все существенные вопросы группировки информации о фактах хозяйственной жизни, связанных с их движением, вопросы организации документооборота, инвентаризации, применения счетов бухгалтерского учета, организации ведения регистров бухгалтерского учета, обработки информации.

Правильно организовать ведения учета рассматри-

ваемой категории ценностей в иностранной валюте позволяет ПБУ 3/2006 «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» [4].

Порядок раскрытия информации о виртуальных денежных средствах в отчетности должен подчиняться требованиям положения по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99) [5]. Исходя из положений данного документа, информация о величине средств организации аккумулированных в цифровые валюты и находящаяся в электронных кошельках должна раскрываться в активе бухгалтерского баланса, а информации об их движении – в приложениях к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах, а также пояснительной записке.

В соответствии с тем, к какому объекту бухгалтерского учета хозяйствующий субъект относит цифровую валюту, нормативная регламентация ведения ее учета может осуществляться с использованием следующих федеральных стандартов (положений) по бухгалтерскому учету: ФСБУ 5/2019 «Запасы», ФСБУ 14/2022 «Нематериальные активы», ПБУ 14/2007 «Учет нематериальных активов», ПБУ 19/02 «Учет финансовых вложений».

Необходимо учитывать, что использование этих стандартов может быть спорным, так как они не были специально разработаны для учета электронных денежных средств и цифровых валют. Возможно, в будущем будут приняты новые стандарты или внесены изменения в существующие, которые будут более точно соответствовать учету виртуальных активов.

Также можно утверждать, что применимы в качестве документов, регламентирующих бухгалтерский учет электронных денежных средств и цифровых валют и отраслевые стандарты в сфере бухгалтерского учета, которые устанавливают особенности применения федеральных стандартов в отдельных видах экономической деятельности (пункт 5 статьи 21 Закона № 402-ФЗ). В настоящее время такие документы разработаны Банком России и актуальны для находящихся в его подведомственности субъектов.

Методические рекомендации в области бухгалтерского учета представлены различными приказами, инструкциями и рекомендациями органов власти по вопросам конкретного применения нормативных документов и др. Важнейшими документами, оказывающими существенное влияние на организацию учета электронных денежных средств и цифровых валют, определяющими методику их ведения являются:

1. План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкция по его применению, утвержден приказом Минфина России № 94н от 31 октября 2000 г.

2. Методические указания по инвентаризации имущества и финансовых обязательств, утверждены приказом Минфина России № 49 от 13 июня 1995 г.

Полагаем, что при организации и ведении учетных

работ в отношении электронных денежных средств и цифровых валют следует придерживаться общих правил к построению системы счетов аналитического и синтетического учета и проведения инвентаризации, принятых в российской практике, в соответствии с тем, в качестве каких объектов бухгалтерского учета организация рассматривает данные активы.

Пунктом 7 ПБУ 1/2008 определен ранжированный список нормативных актов, которыми обязан руководствоваться хозяйствующий субъект, при выработке собственных способов ведения учета того или иного объекта. Руководствуясь данным пунктом, можно сделать вывод, что организовав собственный учет криптовалюты, организации должны следовать требованиям разъяснений по учету криптовалют «Holdings of Cryptocurrencies», выпущенным Комитетом по интерпретациям МСФО (IFRIC) в июне 2019 г. [14], и рекомендацией в области бухучета Р-129/2021-КпР «Цифровые инструменты» [6], выпущенной Фондом «Национальный негосударственный регулятор бухгалтерского учета «Бухгалтерский методологический центр» (в силу статьи 24 Федерального закона № 402-ФЗ от 6 декабря 2011 г. указанный фонд является субъектом негосударственного регулирования бухгалтерского учета).

Изложенные в данных документах рекомендации по учету криптовалюты не противоречат российской методологии признания и оценки объектов бухгалтерского учета и обеспечивают отражение в бухгалтерском учете фактов хозяйственной деятельности, связанных с оборотом криптовалюты, исходя из всех требований к способам ведения бухгалтерского учета, поименованных в федеральных стандартах бухгалтерского учета.

Последний уровень нормативного регулирования электронных денежных средств и цифровых валют представляет уровень хозяйствующего субъекта, представленный стандартами экономического субъекта: организационно-распорядительными документами и приказами руководства по вопросам ведения бухгалтерского учета непосредственно в организации, с учетом особенностей ее хозяйственной деятельности. Это, прежде всего, документы, раскрывающие учетную политику хозяйствующего субъекта, например, приказ об учетной политике, рабочий план счетов, график документооборота и т. п.

Необходимо отметить, что определенные меры по нормативно-правовому регулированию оборота учета цифровых валют предпринимаются. На это обращают внимание М. О. Дьяконова, Т. И. Копылова и Е. К. Копылова [8; 10]. Большое внимание перспективам нормативного регулирования цифровых активов уделено П. С. Ивличевым и Н. А. Ивличевой [12].

Так, в частности, утверждена Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют, которой предлагаются изменения в законодательстве, направленные на фор-

мирование легального рынка криптовалют с установлением правил оборота и круга субъектов – участников операций с криптовалютами, а также учетных требований к ним. Однако положения данного документа в законную силу пока не вступили.

Итак, система нормативного регулирования бухгалтерского учета электронных денежных средств и цифровых валют в настоящее время не содержит законодательных и нормативных правовых актов, прямо регламентирующих организацию и ведение учета рассматриваемой категории ценностей. Учет ведется в соответствии с общими правилами организации и ведения учетных работ, при этом ключевое значение отдается учетной политике организации. Именно в ней каждый хозяйствующий субъект, обладающий рассматриваемой категорией ценностей и совершающий операции с ними, должен включить описание конкретных способов и приемов учета таких операций, исходя из общеметодологических требований к организации и ведению учетных работ, в целом.

Список источников

1. Федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 05.12.2022) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855 (дата обращения: 14.08.2023).
2. Приказ Минфина России от 29 июля 1998 г. № 34н (ред. от 11.04.2018) «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20081 (дата обращения: 20.08.2023).
3. Приказ Минфина России от 6 октября 2008 г. № 106н (ред. от 07.02.2020) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008)» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81164 (дата обращения: 10.08.2023).
4. Приказ Минфина России от 27 ноября 2006 г. № 156н (ред. от 09.11.2017) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» (ПБУ 3/2006)» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65496 (дата обращения: 05.08.2023).
5. Приказ Минфина России от 6 июля 1999 г. № 43н (ред. от 08.11.2010, с изм. от 29.01.2018) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99)» [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18609 (дата обращения: 05.08.2023).
6. Рекомендация Р-129/2021-КпР «Цифровые инструменты» [Электронный ресурс] // URL: http://bmcenter.ru/Files/R-KpR_Poryadok_ucheta_kriptoaluti (дата обращения: 14.08.2023).
7. Бухгалтерский учет : учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / под ред. Ю. А. Бабаева, В. И. Бобошко, А. Ф. Дятловой. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 623 с.
8. Дьяконова М.О. Цифровая экономика : актуальные направления правового регулирования : научно-практическое пособие. Москва : ИЗСП, НОРМА, 2022. 376 с.
9. Ивлиев П. С., Ивлиева Н. А. Применение методов математической статистики для анализа экономических показателей. Рязань, 2018. 68 с.
10. Копылова Е. К., Копылова Т. И. Бухгалтерский учет: направления развития в условиях цифровой экономики. Часть II // Международный бухгалтерский учет. 2022. № 3. С. 260–281.
11. Методология использования данных бухгалтерского учета в целях выявления и документирования противоправных деяний с использованием электронных денег и цифровых валют : методические рекомендации / Р. А. Корнилович, Е. Н. Колесникова, С. А. Коноваленко [и др.] Москва, 2023. 104 с.
12. Морсакова Ю. В. Экономико-математические методы. Рязань : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 101 с.
13. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.09.2023).
14. Holdings of Cryptocurrencies. Agenda decision to finalise. IFRS Interpretations Committee meeting [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81164 (дата обращения: 30.03.2023).

References

1. Federal Law of the Russian Federation № 402-FZ dated 06.12.2011 «On Accounting» (ed. dated 05.12.2022) [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855 (accessed: 14.08.2023).
2. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation № 34n dated 29.07.1998 (ed. dated 11.04.2018) «On approval of the Regulations on the Conduct of accounting and accounting reporting in the Russian Federation» [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20081 (accessed: 20.08.2023).
3. Decree of the President of Russia dated 06.10.2008

- № 106n (ed. dated 07.02.2020) «On approval of the regulations on accounting «Accounting policy organization» (PBU 1/2008)» [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81164 (accessed: 10.08.2023).
4. Decree of the President of Russia dated 27.11.2006 № 156n (ed. from 09.11.2017) «On approval of the accounting regulations, the entry of which is depicted in a foreign newspaper» (PBU 3/2006)» [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65496 (accessed: 05.08.2023).
 5. Decree of the President of Russia dated 06.07.1999 №. 43n (ed. from 08.11.2010, with amendments. dated 29.01.2018) «On approval of the accounting regulations «Accounting statements of the organization» (PBU 4/99)» [Electronic resource] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18609 (accessed: 05.08.2023).
 6. Recommendation R-129/2021-CRC «Information Technologies» [Electronic resource] // URL: http://bmcenter.ru/Files/R-KpR_Poryadok_ucheta_kriptoaluti (accessed: 14.08.2023).
 7. Accounting : textbook for university students studying in economic specialties / edited by Yu. A. Babaev, V. I. Boboshko, A. F. Dyatlova. Moscow : UNITY-DANA, 2021. 623 p.
 8. Diakonova M.O. Digital economy : current directions of legal regulation : a scientific and practical guide. Moscow : IZiSP, NORMA, 2022. 376 p.
 9. Ivlichev P. S., Ivlicheva N. A. Application of mathematical statistics methods for the analysis of economic indicators. Ryazan, 2018. 68 p
 10. Kopylova E. K., Kopylova T. I. Accounting: directions of development in the digital economy. Part II // International accounting. 2022. № 3. P. 260–281.
 11. Methodology for using accounting data to identify and document illegal acts using electronic money and digital currencies : methodological recommendations / R. A. Kornilovich, E. N. Kolesnikova, S. A. Konovalenko [and others]. Moscow, 2023. 104 p.
 12. Morsakova Yu. V. Economic and mathematical methods. Ryazan : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2021. 101 p.
 13. Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource] // <http://www.cdep.ru> (accessed: 10.09.2023).
 14. Ownership of cryptocurrencies. The decision on the agenda is subject to revision. Meeting of the Committee on Interpretations of IFRS [Electronic resource] // Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81164 (accessed: 30.03.2023).

Информация об авторе

Е. Н. Колесникова – профессор кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, доцент.

Information about the author

E. N. Kolesnikova – Professor of the Department of Economic Security of the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-268-274>

EDN: <https://elibrary.ru/yifcxk>

НИОН: 2003-0059-6/23-876

MOSURED: 77/27-003-2023-06-075

Региональная финансовая интеграция в современных условиях

Михаил Евгеньевич Косов^{1,2,3}

¹ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, kosovme@mail.ru

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Аннотация. Весь ход мирового развития приводит к созданию интеграционных союзов, в которых участвует большинство стран мира, а причинами международных экономических интеграций является ряд исторически сложившихся взаимосвязанных факторов, вытекающих друг из друга. Таким образом, региональная финансовая интеграция представляет собой часть региональной экономической интеграции, направленной на создание единого финансового пространства путем объединения финансовых рынков и введения единой денежной единицы.

Ключевые слова: финансовая интеграция, региональное сотрудничество, БРИКС, ЕАЭС, внешняя торговля

Для цитирования: Косов М. Е. Региональная финансовая интеграция в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 268–274. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-268-274>. EDN: YIFCXK.

Original article

Regional financial integration in modern conditions

Mikhail E. Kosov^{1,2,3}

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, kosovme@mail.ru

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The whole course of world development leads to the creation of integration unions, in which most countries of the world participate, and the reasons for international economic integrations are a number of historically interrelated factors arising from each other. Thus, regional financial integration is a part of regional economic integration aimed at creating a single financial space by combining financial markets and introducing a single monetary unit.

Keywords: financial integration, regional cooperation, BRICS, EAEU, foreign trade

For citation: Kosov M. E. Regional financial integration in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):268–274. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-268-274>. EDN: YIFCXK.

Введение. Региональная финансовая интеграция представляет собой процесс объединения стран, чаще всего, в определенном географическом регионе для создания единого рынка финансовых услуг и товаров. Создание таких интеграций способствует экономическому росту и развитию, расширению торговли и повышению стабильности финансовых систем в нестабильных мировых условиях. В рамках объединений государства формируют различные соглашения и пра-

вила, стимулирующие развитие торговли, инвестиций и сотрудничества.

Интеграционные процессы и региональное сотрудничество являются одними из способов достижения экономического роста, поскольку эффективное распределение ресурсов, расширение производственных сетей и сокращение неравенства доходов положительно влияет на экономику государств, входящих в региональные интеграционные объединения. Однако

политика выстраивания экономического сотрудничества и конвергенция разных сфер представляют собой сложный процесс и зависят от намерений самих стран-участниц и уровня их экономического развития, а также поставленных целей и задач при создании интеграции.

На современном этапе в мире известен опыт множества региональных экономических интеграций, в том числе БРИКС и ЕАЭС. Данные объединения имеют многолетнюю практику и показывают заметные результаты, тем самым они могут раскрыть роль региональной финансовой интеграции и охарактеризовать ее современные направления.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – международная организация, направленная на развитие торгово-экономического сотрудничества и обеспечение стабильного развития национальных экономик Республики Казахстан, Республики Беларусь, Республики Армении, Кыргызской Республики и Российской Федерации. В нем проводится скоординированная и согласованная экономическая политика, а также на общем рынке обеспечивается свободное движение капитала, рабочей силы, товаров и услуг [1]. Также важно отметить, что ЕАЭС имеет ряд экономических соглашений с различными странами и регионами, в том числе с Китаем, Индией, Вьетнамом и Сербией, и также находится в процессе переговоров по соглашениям с рядом других стран, включая Египет и Иран.

БРИКС же представляет собой региональную интеграцию пяти государств: Федеративная Республика Бразилия, Республика Индия, Южно-Африканская Республика, Китайская Народная Республика и Российская Федерация. Все страны являются крупными быстрорастущими экономиками, оказывающими значительное влияние на мировую экономику. Вместе они составляют около 42 % населения мира и примерно 30 % мирового ВВП [2]. Основной задачей объединения является содействие экономическому развитию и сотрудничеству между ее государствами-партнерами путем предоставления им платформы для диалога и сотрудничества в различных областях интересов [3].

Создание общего рынка на 181,2 млн человек является одним из главных преимуществ ЕАЭС [4]. Это обеспечивает государствам-членам доступ к большому и растущему рынку своих товаров и услуг, а также возможности для инвестиций и экономического роста. ЕАЭС стремится повысить конкурентоспособность своих государств-членов за счет гармонизации законодательств стран-участниц, создания равных условий для бизнеса. Перед организацией также стоит ряд задач, в том числе необходимость регулирования экономической политики в регионе и разрешения споров между участниками объединения. Взаимная внешняя торговля для БРИКС также является важным направлением экономического взаимодействия между своими странами-членами, цель которых представлена объединением в сфере торговой политики,

инклюзивным характером торгового регулирования, оптимизацией таможенного контроля, инвестиционным сотрудничеством и расширением товарооборота внутри группировки.

Смещение фокуса с развитых государств на развивающиеся, как следствие, формирует предпосылки создания децентрализованной валютно-финансовой системы путем создания новых международных институтов развития. Так, были созданы банки развития – Новый банк развития (далее – НБР) и Евразийский банк развития (далее – ЕАБР), деятельность которых направлена на развитие регионов, укрепления мирового положения развивающихся стран, создание современной инфраструктуры, стимулирование инвестиционных потоков и внедрение современных технологий. Например, НБР обеспечивает финансирование проектов инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся государств [5]. То есть главной целью банков развития является снижение зависимости стран с развивающейся экономикой от развитых стран и других международных финансовых институтов.

Развитие биржевой торговли и создание общих биржевых рынков, которые являются одним из основных элементов рыночной экономики, определяет другое направление региональной финансовой интеграции. В октябре 2022 года Евразийской экономической комиссии рассмотрели вопрос формирования общего биржевого рынка товаров ЕАЭС, что позволит формировать объективные рыночные цены на биржевые товары на внутреннем рынке союза, увеличит объем биржевой торговли и сформирует справедливое ценообразование на товары стран ЕАЭС на мировом рынке [6]. Согласно стратегии–2025 концепцию формирования общего биржевого товарного рынка утвердят до середины 2023 года, а программу реализации до 31 декабря 2024 года. А страны БРИКС в 2011 году уже создали свой альянс бирж для привлечения инвестиций и повышения ликвидности площадок.

При помощи развития купли-продажи и перераспределения благ между компаниями и государствами в рамках биржевой торговли будет повышена эффективность функционирования национальных рынков, формируются конкурентные цены, балансируются спрос и предложение [7].

Создание общего финансового рынка ЕАЭС позволит снизить административные барьеры, создаст схожее нормативно-правовое регулирование, даст доступ участникам на рынки союза и лучше защитит права потребителей финансовых услуг до 2025 года.

Финансовая интеграция является одним из способов выравнивания уровней экономического развития развивающихся стран, так как сглаживаются дисбалансы, развиваются национальные и региональные финансовые рынки и усиливаются положения стран-участниц региона в мировой системе. При этом важно отметить, что реализация региональной финансовой

интеграции невозможна без учета ее направлений, учитывающих изменение мировой конъюнктуры из-за влияния множества факторов, а деструктивные экономические тенденции проявляются не только в смещении акцентов, но и в глобальном изменении мест и ролей отдельных стран в современных условиях.

Анализ. Важнейшее направление региональной финансовой интеграции – создание институтов развития, которые могут быть как финансовыми, так и нефинансовыми, главное отличие между ними в том, что первые увеличивают богатство общества, а вторые повышают конкурентоспособность конкретных секторов экономики. К группам международных финансовых институтов относят экспортно-инновационные институты, экспортно-кластерные институты развития и инфраструктурные комплексные банки развития, последние из которых созданы и функционируют во многих региональных организациях.

Особая роль в механизме региональной финансовой интеграции БРИКС отведена многосторонним банкам. Новый Банк Развития – международная финансовая организация, созданная в 2015 году после подписания в 2014 году странами БРИКС «Соглашения о НБР». В его функции входит мобилизация ресурсов для создания инфраструктуры и стимулирования устойчивого развития как для государств-членов БРИКС, так и для других развивающихся стран. Помимо этого, разработана ключевая политика и процедуры в области управления, операционной деятельности и управления рисками, охватывающие все функциональные области. Акционерами банка являются Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика, у каждой страны по 18,98 %, а также к держателям акций в 2022 году присоединились следующие государства: Египет (2,27 %), Бангладеш (1,79 %), ОАЭ (1,06 %) и Уругвай, как будущий участник.

НБР представляет собой учреждение с высокой капитализацией с международным кредитным рейтингом AA+ от S&P, AA от Fitch и AAA от JCR, ACRA, China domestic ratings, поскольку у банка отмечается отношение собственного капитала к активам на уровне 42 % при минимальном значении 25%, высоколиквидный баланс 114 % при минимальном коэффициенте первичной ликвидности на уровне 100 %, а также разумное управление капиталом 14,94 % при максимальном коэффициенте использования капитала 90 %. Таким образом, банк обладает высокой кредитной надежностью.

Рассмотрим структуру активов НБР (рисунок 1), на которой видно, что большую часть занимают кредиты и займы (14146 млн долл. США), что является свойственным банку, и инвестиции (10700 млн долл. США), подразумевающие все ресурсы банка, приносящие выгоды. Таким образом, инвестиционная деятельность уступает кредитной лишь на 13,62 %, что демонстрирует одну из целей создания Нового банка развития.

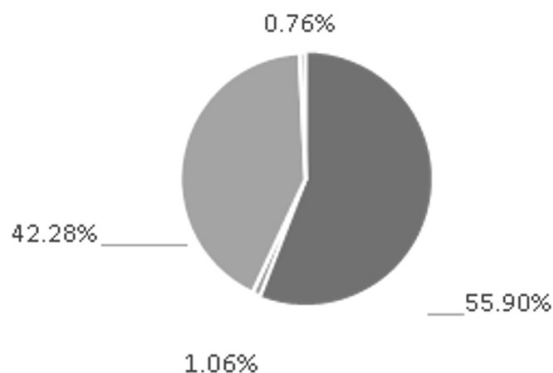

Рис. 1. Активы НБР на 30 июня 2022 года, % [5]

Далее рассмотрим структуру пассивов НБР (рисунок 2). Общий капитал составляет 10620 млн долл. США, обязательства – 637 млн долл. США и заемные средства – 14048 млн долл. США. Общий капитал, рассчитываемый как разность общих активов и общих обязательств, имеет положительный результат, что свидетельствует об устойчивости в финансовом плане, грамотном управлении и высоком запасом прочности. НБР способен закрыть текущую задолженность, погасить свои долгосрочные обязательства и выплатить дивиденды без затруднений.

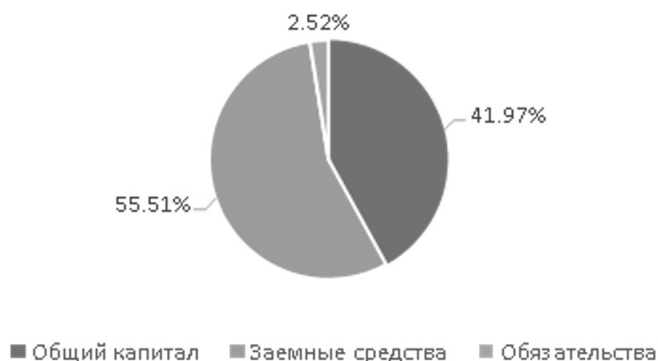

Рис. 2. Пассивы НБР на 30 июня 2022 года, % [5]

НБР во время пандемии выделил кредиты государствам БРИКС в качестве оперативной финансовой помощи по борьбе с COVID-19 на общую сумму в 10 млрд долл. США, несмотря на совещательный формат объединения, что стало основой антикризисной помощи.

БРИКС придерживается стратегии партнерства, независимого от экономического потенциала государства, и имеет большую перспективу развития в будущем, поскольку на саммите в 2022 году обсуждался вопрос вступления в региональное объединение новых стран таких, как Турция, Египет, Саудовская Аравия, а также уже подавших заявки на вступление Аргентины и Ирана.

Несмотря на большой разброс в уровнях координации антикризисных мер в различных региональных интеграциях, ЕАЭС и БРИКС с помощью банков развития и других институтов предприняли действенные меры финансовой помощи в кризисной ситуации. Создание новых масштабных финансово-кредитных институтов, свидетельствует о том, что в мире происходит постепенное перераспределение сил с развитых экономик на развивающиеся, которые усиливают свое положение на мировой арене путем формирования собственных институциональных преобразований, а также о положительном результате деятельности региональной финансовой интеграции в данных объединениях.

Оценка. Для каждой страны-участницы финансовых интеграционных объединений главным интересом является экономический рост в ходе интеграционных процессов, которые стимулируют инновационные процессы в экономике, поддерживают хозяйственную целостность, достигают устойчивого развития и обеспечивают стабильность и предсказуемость сотрудничества в стратегически важных направлениях в рамках финансовых рынков.

Проведем оценку состояния региональной финансовой интеграции на примере ЕАЭС.

Биржевая торговля в современном мире приобретает глобальный масштаб, требует унификации и

развития биржевых площадок, в том числе и в рамках региона, и формирует мировые цены. В ЕАЭС крупнейшими биржами являются казахстанская и российская. На московской бирже продаются армянские драмы, белорусские рубли и казахстанский тенге, а по стратегии развития до 2025 года планируется создание общего биржевого рынка, который позволит диверсифицировать риски путем приобретения ценных бумаг компаний всего региона, а не только одной страны.

В 2023 году разрабатываются новые торговые соглашения с такими странами, как Индия, Египет, Иран, Израиль, Индонезия и ОАЭ, а уже имеются с Вьетнамом, Сербией, Иран, Сингапур и Китаем [8].

Проведем анализ сальдо счета текущих операций, отражающего внешнюю торговлю стран, на периоде 2017–2021 года в основном наблюдается дефицит счета текущих операций во всех странах, кроме России, что свидетельствует о завышенном обменном курсе национальной валюты, который предполагает повышение экспортных цен, отток капитала, увеличение импорта товаров и уменьшение валютных доходов в национальной валюте (таблица 1). А для России характерен заниженный обменный курс, предоставляющий ценовое преимущество на мировом рынке и обмен экспортных доходов на национальную валюту по завышенному обменному курсу.

Таблица 1

Сальдо текущих операций стран ЕАЭС, млн долл. США

Страна	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	-174	-876	-1 002	-479	-511
Беларусь	-952	23	-1 246	-259	1 843
Казахстан	-5 092	-125	-7 196	-6 571	-5 736
Кыргызстан	-482	-997	-1 073	374	-737
Россия	32 179	115 680	65 542	36 030	122 040

Оценим внешний долг стран, входящих в ЕАЭС, за 5 лет – с 2017 по 2021 год. В Армении, Беларуси, Казахстане и Кыргызстане фиксируется рост показателя в среднем на 11,37 %, а у России – уменьшение на 7,42 % (рисунок 3). Но за последние два года по всему региону отмечается тенденция увеличения в среднем на 2,5 %, что связано с пандемией коронавируса и последствиями введенных ограничительных мер (рис. 3).

Далее рассмотрим объем международных резервов и покрытие ими внешнего долга. Во всех государствах-

членах ЕАЭС на всем анализируемом периоде отмечается увеличение объемов международных резервов: в Армении – 9,6 %, в Беларуси – 5,3 %, в Казахстане – 3,2 %, в Кыргызстане – 8,7 %, в России – 9,9 %.

Достаточное покрытие внешнего долга – свыше 100 % – наблюдается только у России с 2018 года, когда у остальных стран среднее значение составляет 22,39 % на весь период (рисунок 4). В 2021 году увеличился относительно предыдущего года у Армении, Беларуси, Кыргызстана и России.

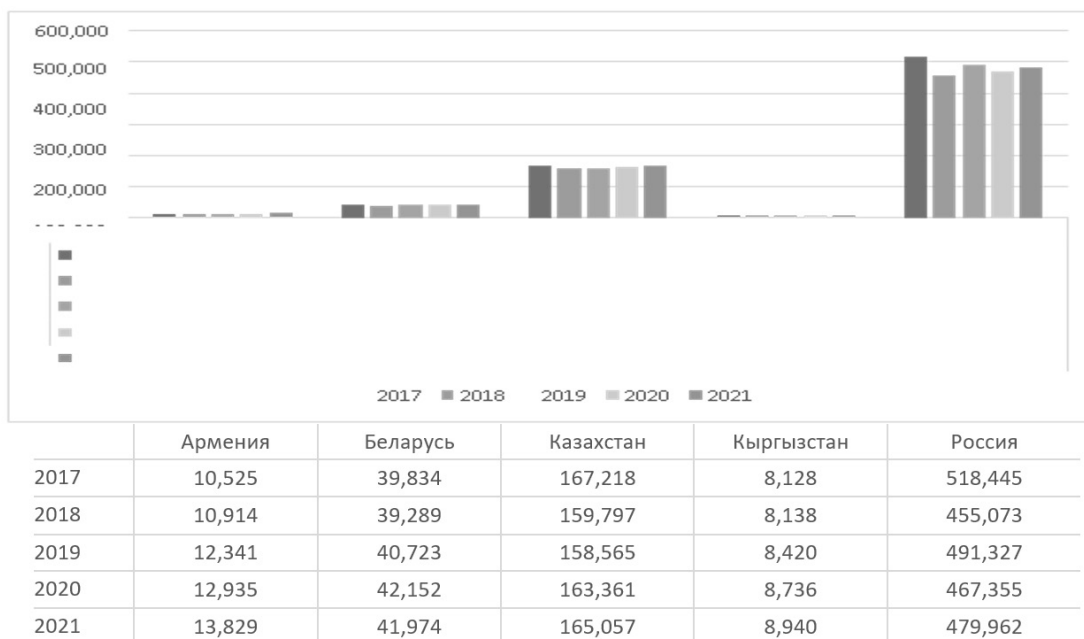

Рис. 3. Внешний долг стран ЕАЭС, млн долл. США

Таблица 2

Международные резервы стран ЕАЭС, млн долл. США

Страна	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	2 314	2 259	2 850	2 615	3 215
Беларусь	7 315	7 158	9 394	7 468	8 425
Казахстан	30 997	30 927	28 958	35 638	34 378
Кыргызстан	2 087	2 069	2 339	2 724	2 889
Россия	432 742	468 495	554 359	595 774	630 627

Международная инвестиционная позиция (далее – МИП) стран отражает накопленные объемы внешних финансовых активов и обязательств резидентов перед нерезидентами.

Таким образом, в объединении преобладают страны-должники с отрицательным МИП, а одной страной-кредитором является Россия.

В регионе действует новый Таможенный кодекс ЕАЭС, вступивший в силу в 2018 году, он регулирует перемещение товаров через таможенную границу объединения, а также предусматривает единую товарную номенклатуру и таможенные преференции.

В списке товаров взаимной торговли в ЕАЭС основное положение на 2021 год занимают: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 11,99 млрд долл. США; металлы и изделия из них – 10,81 млрд долл. США; машины, оборудование и транспортные средства – 4,90 млрд долл. США [8].

На первом месте по торговле со странами ЕАЭС продовольственные товары и сельскохозяйственное

сырье у Армении, Беларуси и Кыргызстана, а у Казахстана и России – металлы и изделия из них.

Экспорт и импорт государствами-членами вне ЕАЭС в порядке убывания проходит по промежуточным, потребительским и инвестиционным товарам, что свидетельствует о сырьевой экономике стран, поскольку в данном товарообороте в значительной степени участвуют продукты для дальнейшего производства, а не для конечного потребления.

Импорт в стоимостном выражении в страны ЕАЭС в основном из КНР, что наблюдается на всем рассматриваемом периоде, при этом показатель ежегодно увеличивается – в 2021 г. 87,23 млрд долл. США. Ввоз в страны ЕАЭС групп товаров по порядку убывания до 2020 г. включительно: машины, оборудование и транспортные средства (в среднем 50 %); продукция химической промышленности, каучук (в среднем 20 %); продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (около 13 %). Первая и последняя группа товаров в 2021 г. составят доли в общем объеме 29,4 % и 19,3 % соответственно [8].

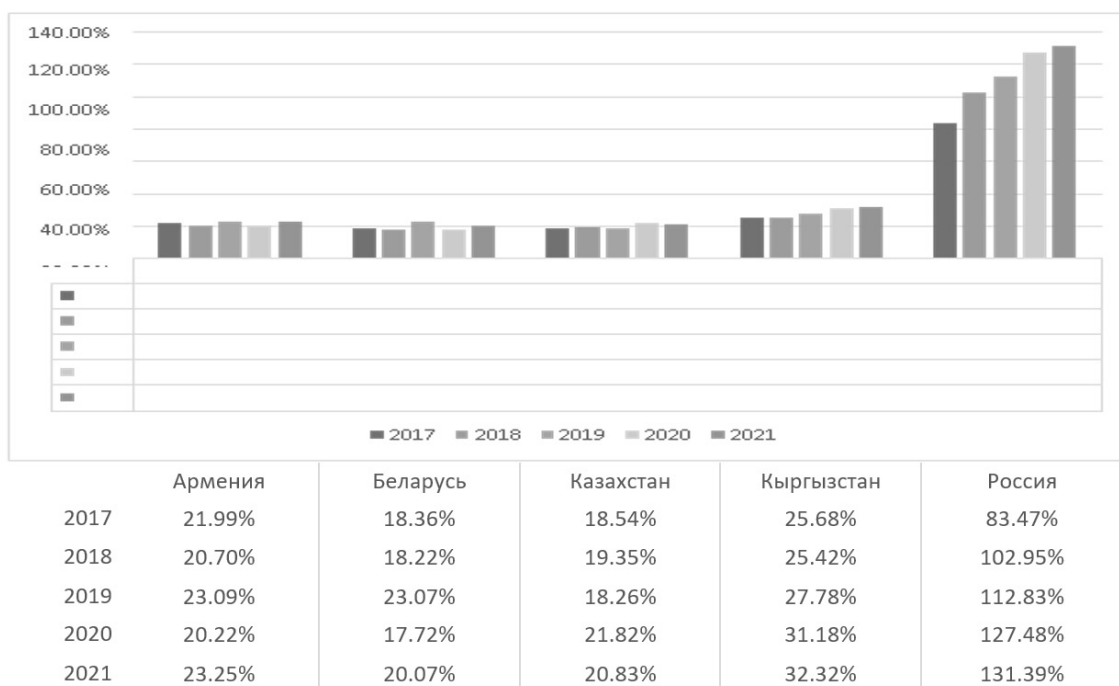

Рис. 4. Покрытие внешнего долга международными резервами стран ЕАЭС, в %

Таблица 3

Международная инвестиционная позиция, млн долл. США

Страна	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	-8 756	-9 402	-9 716	-10 296	-11 029
Беларусь	-33 311	-31 843	-31 918	-30 099	-28 199
Казахстан	-57 980	-63 810	-66 034	-72 497	-77 200
Кыргызстан	-7 266	-7 409	-7 513	-6 648	-7 255
Россия	280 297	374 405	359 620	517 095	483 432

Экспорт из ЕАЭС с 2017 по 2021 год в основном идет в Китай, Нидерланды, Германию, Италию и Турцию. До 2020 года в товарных группах экспорта преобладали минеральные продукты (39 %), топливно-энергетические товары (37,4 %), металлы и изделия из них (7,6 %), что в 2021 году изменилось, поскольку вывоз минеральных продуктов стал составлять 76,3 %, металлы и изделия из них – 10,3 %, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 6,8 % [8].

Во взаимной торговле услугами в регионе до пандемии в 2020 году преобладали туристические и транспортные услуги, а в 2021 году – строительные и телекоммуникационные услуги. В структуре экспорта ЕАЭС 1 место занимают также транспортные услуги, а в импорте – прочие деловые услуги, а финансовые услуги занимают одну из меньших долей.

Подводя итоги оценки состояния ЕАЭС, участие

в объединении характеризуется существенными отличиями в масштабах между Россией и остальными странами региона. Проводится гармонизация правил и стандартов между странами, что положительно сказывается на экономическом росте государств с перспективой получения доступа к новым рынкам таким, как Индия, ОАЭ, Индонезия и Иран.

Закключение. Региональная финансовая интеграция относится к процессу, с помощью которого страны в определенном географическом регионе создают институты и политику для содействия экономическому сотрудничеству и интеграции. Основной целью финансовой интеграции является содействие региональному экономическому росту и развитию за счет снижения торговых барьеров, увеличение потоков инвестиций и капитала и повышение финансовой стабильности. Это включает в себя гармонизацию финан-

совой политики, создание общих финансовых правил и создание трансграничных финансовых потоков.

К причинам развития региональной финансовой интеграции относятся эффективная система регулирования и надзора, высокая степень экономической взаимозависимости стран региона, готовность к сотрудничеству и координации политики между странами-членами, надлежащие правовые и институциональные рамки, а также надежные механизмы коммуникации и обмена информацией.

С ускорением процессов глобализации у стран растет потребность в создании прочных интеграционных связей с региональными соседями, что за счет изменчивой геополитической и экономической обстановки в мире приобретает большую актуальность. Евразийский экономический союз является региональной интеграцией, нацеленной на содействие сотрудничеству между его членами посредством создания общего рынка, повышение конкурентоспособности своих участников, создания таможенного союза. БРИКС представляет собой экономическую интеграцию развивающихся стран, основной целью которой является взаимное развитие, расширение влияния и укрепление отношений между партнерами.

Список источников

1. Официальный сайт Евразийского экономического союза (ЕАЭС) URL: <http://www.eaeunion.org>.
2. Правовые основы экономического партнерства стран БРИКС : монография / В. К. Шайдуллина, Е. Л. Венгеровский, С. В. Фрумина [и др.] ; под ред. М. В. Демченко, Г. Ф. Ручкиной. Москва : КноРус, 2022. 206 с.
3. Пекинская декларация XIV саммита БРИКС : принята 23.06.2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819/print>.
4. Евразийский экономический союз в цифрах : краткий статистический сборник ; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2022. 189 с.

5. Официальный сайт Нового Банка Развития (НБР). URL: www.ndb.int.
6. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). URL: www.eec.eaeunion.org.
7. Перспективы трансформации современной мировой валютно-финансовой системы : монография / И. А. Балюк, П. В. Алексеев, В. Ю. Барabanov [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Соколовой, И. А. Балюка. Москва : КноРус, 2024. 186 с.
8. Официальный сайт проекта ЕАЭС Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: www.eaeu.economy.gov.ru.

References

1. The official website of the Eurasian Economic Union (EAEU) URL: <http://www.eaeunion.org>.
2. Legal foundations of the BRICS countries' Economic Partnership: monograph / V. K. Shaidullina, E. L. Vengerovsky, S. V. Frumina [et al.]; edited by M. V. Demchenko, G. F. Ruchkina. Moscow : KnoRus, 2022. 206 p.
3. Beijing Declaration of the XIV BRICS Summit : adopted on 23.06.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5819/print>.
4. The Eurasian Economic Union in numbers : a brief statistical collection ; the Eurasian Economic Commission. Moscow, 2022. 189 p.
5. Official website of the New Development Bank (NBR). URL: www.ndb.int.
6. Official website of the Eurasian Economic Commission (EEC). URL: www.eec.eaeunion.org.
7. Prospects of transformation of the modern world monetary and financial system: monograph / I. A. Balyuk, P. V. Alekseev, V. Yu. Barabanov [et al.]; under the general editorship of E. S. Sokolova, I. A. Balyuk. Moscow : KnoRus, 2024. 186 p.
8. The official website of the EAEU project of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: www.eaeu.economy.gov.ru.

Информация об авторе

М. Е. Косов – заведующий кафедрой государственных и муниципальных финансов Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доцент департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, профессор, директор института Юридического менеджмента Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov – Head of the Department of State and Municipal Finance of the Plekhanov Russian University of Economics, Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor, Director of the Institute of Legal Management of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the National Research University «Higher School of Economics», Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.
The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-275-280>

EDN: <https://elibrary.ru/yqgwfd>

ИПОН: 2003-0059-6/23-877

MOSURED: 77/27-003-2023-06-076

Трансформация угроз экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях

Марк Вячеславович Петровский

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mark-petrovskii@mail.ru

Аннотация. В отношении Российской Федерации в 2022 г. были введены беспрецедентные экономические санкции, оказывающие комплексное и многогранное влияние на деятельность российских компаний, ведущие к росту рисков. Закономерно, что в подобных условиях формируется потребность в комплексной характеристике вероятных направлений воздействия санкционного давления на экономическую безопасность в общенациональном формате. Автором сформулированы выводы относительно изменения характер угроз экономической безопасности Российской Федерации на новом этапе санкционного давления, предложена секторальная оценка санкций.

Ключевые слова: санкции, экономическая безопасность, экономическая политика, кризис, санкционное давление

Для цитирования: Петровский М. В. Трансформация угроз экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 275–280. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-275-280>. EDN: YQGWFD.

Original article

Transformation of threats to the economic security of the Russian Federation in modern conditions

Mark V. Petrovsky

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mark-petrovskii@mail.ru

Abstract. In 2022, unprecedented economic sanctions were introduced against the Russian Federation, which have a complex and multifaceted impact on the activities of Russian companies, leading to an increase in risks. It is natural that in such conditions there is a need for a comprehensive description of the likely directions of the impact of sanctions pressure on economic security in a national format. The author formulated conclusions regarding the changing nature of threats to the economic security of the Russian Federation at the new stage of sanctions pressure, and proposed a sectoral assessment of sanctions.

Keywords: sanctions, economic security, economic policy, crisis, sanctions pressure

For citation: Petrovsky M. V. Transformation of threats to the economic security of the Russian Federation in modern conditions. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):275–280. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-275-280>. EDN: YQGWFD.

Национальная безопасность и частные ее элементы (функциональные сферы, в совокупности формирующие комплекс национальной безопасности) рассматриваются с разных точек зрения и в рамках различных наук. Частные проблемы национальной безопасности поднимаются в военных науках, эко-

номических, социальных и других. Безопасность в широком смысле традиционно рассматривается как состояние защищенности национальных интересов от различного рода угроз. Предметом исследования настоящей статьи является влияние санкций на экономическую сферу национальной безопасности Россий-

ской Федерации на современном этапе. Целью статьи обозначена оценка изменений в состоянии угроз экономической безопасности страны в контексте нового этапа санкционного давления со стороны западных стран. Достижение поставленной цели предполагает обзорную характеристику природы экономической безопасности и санкций как инструмента воздействия на нее, а также секторальный анализ влияния санкций на российскую экономику.

Логика выделения экономической компоненты из функциональных сфер национальной безопасности определяется попыткой декомпозиции национальной безопасности на сферы по характеру формирующихся угроз или на компоненты, функционирование которых объясняется специализированным инструментарием (экономическими науками, социальными науками, военными и т. п.). Такими функциональными сферами выступают: национальная оборона, социальная безопасность, экономическая безопасность и другие. Отсюда экономическую безопасность можно рассматривать как одну из функциональных сфер комплекса национальной безопасности, выделяющуюся по признаку экономического характера угроз национальным интересам. Содержательное общепринятое определение экономической безопасности в научной литературе отсутствует, что признается многими исследователями. В работе вопросы экономической безопасности и экономических интересов рассматриваются на макроуровне в масштабах национальных и региональных социально-экономических систем.

Классическое определение Л. И. Абалкина, используемое исследователями и на момент подготовки работы, трактует экономическую безопасность как состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и при котором государство имеет возможность вырабатывать и проводить в жизнь независимую экономическую политику. По нисходящей иерархии описания функциональных сфер национальной безопасности могут быть выделены компоненты экономической безопасности.

Экономическая безопасность отражает состояние динамической системы, которой несвойственно равновесное состояние. На параметры функционирования экономических систем оказывает влияние широкая совокупность факторов: цикличность экономического развития, состояние научно-технического прогресса, природно-климатические условия, общественно-политические процессы. К последней группе факторов можно отнести санкции как особый инструмент международных отношений, определяющий влияние на национальные экономики. Изучение источников и литературы по проблемам применения санкций позволило выявить несколько укрупненных подходов к их рассмотрению, включая правовой, а также подход в рамках международных экономических отношений, экономический. При этом авторы, как правило, име-

ют единую позицию по сущности санкций (ограничительные действия в отношении субъекта), но имеют различные позиции относительно их обоснования.

Санкции в широком смысле в рамках рассматриваемой темы относятся к сфере международных отношений и представляют собой воздействие на интенсивность торгово-экономической деятельности их участников. Субъектом международных правонарушений выступает государство, международная организация и т. п., а объектом – то, на что субъект посягает (как правило, международный правопорядок, сложившаяся система международных отношений). Экономическая природа санкций определена спецификой международных отношений, как формой взаимодействия стран, подлежащих воздействию в рамках применения санкций. Таким образом, сущность санкций можно определить через специфические субъекты (государства как участники международных отношений), предмет (международные связи государства).

Дальнейшее рассмотрение сущности санкций выделяет два укрупненных подхода:

- санкции как форма международно-правовой ответственности [3, с. 129];
- санкции как инструмент принуждения субъектов международных отношений к выполнению требований инициаторов санкций [4, с. 27].

В рамках первого подхода санкции рассматриваются как форма и инструмент международно-правовой ответственности. Санкции в данном случае представляют собой способ, посредством которого осуществляются неблагоприятные для правонарушителя последствия совершенного им международного правонарушения. Как форма ответственности санкции реализуют правосстановительную, репрессивную и воспитательные функции. Критикой данного подхода является факт двойных стандартов – не все субъекты международных отношений несут равную ответственность за схожие действия.

Второй подход рассматривает санкции вне критериев ответственности как инструмент принуждения субъектов международных отношений к определенной линии действий во внутренней или внешней политике. В рамках этого подхода к целям санкций можно отнести как принуждение страны к соблюдению норм международного права (к примеру, прекращение актов агрессии против государств), так и к смене политических элит страны на лояльные к государствам, вводящим санкции. Сторонники этого подхода трактуют санкции через понятия «господства», «силы», отражающих возможности одного субъекта навязывать свою волю другому [12, с. 28].

Механизм влияния санкций проявляется через воздействие на условия экономического роста государства, создание экономической и общественно-политической напряженности и, в итоге, угроз национальной безопасности государства – объекта санкций. Комбинацией указанных подходов видится

определение санкций, данное А. Е. Ереминой: «ограничение или полное прекращение торговых и финансовых операций для достижения целей, связанных с вопросами безопасности или внешней политики» [1, с. 80]. При этом экономические санкции рассматриваются как проявление международных отношений, более действенные, чем дипломатические меры, но менее рискованные, чем военные действия.

Аргументация в пользу применения санкций опирается на предположение о том, что вызванный ими ущерб экономике страны адресата санкций, упущенная выгода экономики и последствия для общества и политических элит вынудят целевое государство пойти на уступки требованиям страны – инициатора санкций. Проблематике исследования санкций на состояние экономической безопасности государств посвящена обширная литература. Выделяются четыре укрупненные группы санкций по объекту воздействия – экономические, индивидуальные, финансовые, вторичные. Непосредственное воздействие может оказываться как на персональном уровне (индивидуальные санкции), уровне корпораций (ограничения на операции с определенным контрагентом), так и на национальном уровне (тарифы, запрет на ведение дел с экономическими агентами конкретного государства, закрытие доступа к инфраструктуре, мировым финансам).

Традиционными направлениями исследования становятся: секторальный обзор последствий санкций, ретроспектива санкционного противостояния.

Использование санкций опирается на объективно существующую связь между экономическим ростом государства и уровнем его интеграции в систему международных экономических отношений. Влияя на интенсивность экспорта/импорта товаров, капитала, возможно оказывать воздействие на состояние экономики. Снижение доходов от экспорта, как правило, негативно влияет на бюджетные возможности правительств, ухудшает состояние рынка труда, корпоративных финансов. Тем самым, санкции позволяют принуждать государства – объекты санкций к определенной линии поведения, не прибегая к используемым для этих целей прежде инструментам военного плана. Вопрос об эффективности санкций является дискуссионным и однозначного ответа не находит. В истории санкционного противостояния выделяются примеры действенности санкций (к примеру, санкции стран ОПЕК против западных стран в 1973 году), так и примеры санкций, которые не привели к желаемому для инициаторов исходу.

Кардинально изменяется характер санкционного давления в 2022 г., когда было введено беспрецедентное количество санкций, которые можно проследить на рисунке 1. По данным рисунка можно сказать, что по состоянию на 2022–2023 гг. Российская Федерация фактически становится страной, в отношении которой введено максимальное количество санкций (4620 санкций). Подобная ситуация безальтернативно сказалась на состоянии экономической безопасности России.

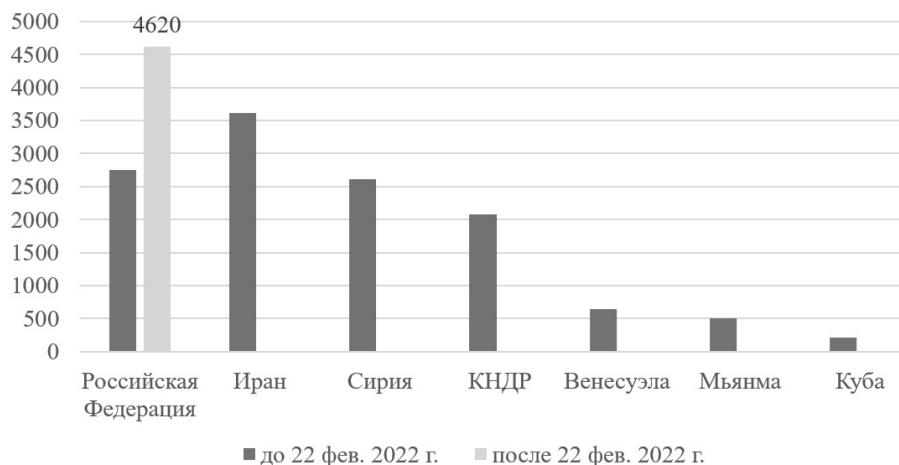

Рис. 1. Количество активных санкций в отношении национальных экономик, ед.

Источник: составлено автором по данным [6]

В контексте угроз экономической безопасности государства характер влияния санкций традиционно рассматривается в рамках векторов интеграции национальных экономик в мировую. Среди этих векторов принято выделять: обмен капиталом, международную торговлю, использование глобальной инфраструктуры, импорт технологий, размещение капитала и

другие. Базовая логика подсказывает, что потенциал влияния санкций существенно варьируется от страны к стране и от отрасли к отрасли в зависимости от масштабов интеграции в глобальные экономические процессы.

Среди наиболее обсуждаемых направлений трансформации угроз экономической безопасности Россий-

ской Федерации в контексте санкций выделяются: влияние на международную инвестиционную позицию, на деловую активность корпораций, на состояние банковского сектора, темпы роста экономики, курс национальной валюты и динамику цен. Санкционное давление затронуло подавляющее большинство сфер экономической и общественной жизни, прямо и опосредованно оказывая влияние на состояние реального сектора экономики, финансовую и бюджетную системы, финансы домохозяйств.

Особую роль в санкционном давлении в отношении Российской Федерации играют санкции в отношении банковского сектора. К ним можно отнести адресные санкции в отношении российских банков (запрет на операции с ними, доступ к ликвидности), отключение банков от системы международных платежей (SWIFT) и косвенные последствия этих мер (ограничения на эмиссию карт, поставки чипов, отключение приложений банков). Исследователями отмечается, что давление на банковскую систему зачастую является более выраженным, обладает более наглядным и оперативным эффектом в отношении функционирования национальной экономики [5]. Также указывается на системную значимость банковской системы страны в функционировании экономики и вероятность структурных кризисов как следствие нарушения условий ее работоспособности [2]. Все это в совокупности характеризовать эффект от санкций в отношении банковского сектора страны к краткосрочным, а его потенциальные масштабы как значительные.

Специфика банковского сектора Российской Федерации состоит в сравнительно высокой до недавнего времени зависимости от международных рынков и ряде характерных черт, создающих риски ее инфраструктуре. Среди подобных черт выделяют: сравнительно низкую капитализацию ряда негосударственных банков, диспропорции в доступе к государственной поддержке, связанные с этим проблемы в состоянии конкуренции, высокую стоимость заемного капитала. Кроме того, можно выделить и риски в части технологической зависимости от глобальных поставщиков (программного обеспечения, товаров и комплектующих для развития инфраструктуры, платежной системы).

Указанные отличительные черты банковского сектора страны в контексте выбранной тематики целесообразно рассматривать в контексте угроз экономической безопасности государства. Закономерно, что многие из этих угроз в 2022 г. из потенциальных направлений воздействия перешли в статус реальных.

Показательно, что специфика банковского сектора страны сыграла во многом стабилизирующую и защитную роль в отношении санкций:

- концентрация активов и доминирование на рынках банков с государственным участием (ПАО «Сбербанк России» и ПАО «ВТБ банк») при доступе к бюджетным вливаниям ликвидности и лояльной политике

в отношении качества капитала не допустила кризиса банковского сектора под влиянием адресных санкций. При этом проблематика эффективности выбранной модели развития банковского сектора не является предметом рассмотрения настоящей статьи;

- поддерживаемые Банком России, ПАО «Сбербанк России» проекты по укреплению экономической безопасности с точки зрения инфраструктуры (развитие Системы быстрых платежей (СБП), карт «Мир») принесли свой результат: в санкционном 2022 г. доля безналичных платежей не сократилась, а, напротив, выросла (до 78,1 % против 74 % годом ранее), доля карт «Мир» в общем объеме внутринациональных операций достигла 41 % [7];
- высокая стоимость заемного капитала (оправданно являющаяся предметом критики с точки зрения создания условий роста экономики) не позволила «разогнать» инфляцию и сформировать предпосылки банковских кризисов.

Несложно заметить, что проиллюстрированные параметры развития отдельных отраслей определяют высокую подверженность влиянию санкций, касающихся поставок оборудования, технической поддержки, колебаний валютного курса (как косвенному следствию санкционного давления). И именно эти векторы санкционного давления стали реальностью для российских компаний в результате действий правительств ряда стран, выступивших с осуждением проведения Российской Федерацией специальной военной операции. К проиллюстрированным направлениям прямого влияния санкций на российские компании также стоит добавить и примеры влияния опосредованного.

Проведенный анализ показывает, что современный этап экономического развития Российской Федерации, в действительности, характеризуется трансформацией угроз экономической безопасности. С высокой вероятностью стоит ожидать общего негативного влияния санкционного давления на условия развития деловой активности российских компаний, ухудшения их платежеспособности, роста просроченной задолженности, а также снижения емкости рынка (на фоне падения доходов населения). Интенсивность и масштабы влияния ограничений на поставки оборудования будут варьироваться от компании к компании, и зависеть от интенсивности инвестиционных программ, возрастной структуры основных производственных фондов.

Современный этап санкционного давления на Российскую Федерацию качественно отличается от предыдущего интенсивностью и направленностью угроз экономической безопасности государства. Экономическая безопасность в данном случае рассматривается как комплексная характеристика условий функционирования экономической системы страны, обеспечивающих возможности для удовлетворения общественных потребностей. Посредством проведен-

ного сопоставления частных параметров санкций в отношении российской экономики до и после начала специальной военной операции, установлены наиболее подверженные санкционному давлению сферы.

Среди них можно выделить ориентированные на экспорт отрасли промышленности, интегрированные в международные цепочки создания стоимости отрасли, банковскую сферу, рынок капитала.

Таблица 1

Трансформация угроз экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях

Характер влияния санкций	Состояние до «первого пакета» санкций 2022 г.	Состояние после «первого пакета» санкций 2022 г.
Доступ к мировым рынкам капитала (приток инвестиций, компетенций)	На динамику инвестиций оказывается влияние преимущественно рейтинговыми агентствами, состоянием институтов	Прямые ограничения на обмен капиталом с российскими компаниями из перечня подсанкционных
Положительный платежный баланс (приток капитала, относительная устойчивость валюты)	Основной фактор обеспечения профицита внешней торговли – торговля энергоносителями	Экспорт энергоносителей подпадает под прямые ограничения
Интеграция в мировую финансовую систему, доступ к ключевым технологиям обеспечения оборачиваемости денег (банковский сектор)	Сохраняется высокий уровень интеграции	Кардинальное изменение условий интеграции, запретительные меры, отключение от SWIFT
Импорт наукоемкой продукции для нужд бизнеса и населения	Основной влияющий фактор – волатильность курса валюты	Влияние валютного фактора дополняется прямыми ограничениями, уходом иностранных компаний

Список источников

1. Еремина А. Е. Экономические санкции : понятие, типология, особенности // Постсоветский материк. 2019. № 4 (24).
2. Ештокин С. В. Траектории развития банковского сектора и финансово-экономической безопасности России в условиях международных санкций // Вестник МИРБИС. 2022. № 4 (32). С. 140–155.
3. Международное право : учебник / К. К. Гасанов, Ю. А. Кузнецов, Д. А. Никонов [и др.] ; под редакцией К. К. Гасанов, Д. Д. Шалягин. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 543 с.
4. Тимофеев И. Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО. 2018. № 2 (59).
5. Eichengreen B. Sanctions, SWIFT, and China's Cross-Border Interbank Payments System // CSIS Brief : website. Режим доступа://www.csis.org/analysis/sanctionsswift-and-chinas-cross-border-interbank-payments-system (дата обращения: 01.10.2023).
6. Valentsukevich K. I. Territory marketing as a way to attract foreign investment // Economy and Business : Theory and Practice. 2022. № 5–1 (87). P. 134–137.

7. Статистика национальной платежной системы // Банк России. URL <http://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 01.10.2023).

References

1. Eremina A. E. Economic sanctions : concept, typology, features // The post-Soviet continent. 2019. № 4 (24).
2. Yeshtokin S. V. Trajectories of development of the banking sector and financial and economic security of Russia in the context of international sanctions // Bulletin of MIRBIS. 2022. № 4 (32). P. 140–155.
3. International law : textbook / K. K. Hasanov, Yu. A. Kuznetsov, D. A. Nikonov [et al.]; edited by K. K. Hasanov, D. D. Shalyagin. Moscow : UNITY-DANA, 2018. 543 p.
4. Timofeev I. N. Economic sanctions as a political concept // Bulletin of MGIMO. 2018. № 2 (59).
5. Eichengreen B. Sanctions, SWIFT, and China's Cross-Border Interbank Payments System // CSIS Brief : website. Access mode://www.csis.org/analysis/sanctionsswift-and-chinas-cross-border-interbank-payments-system (accessed: 01.10.2023).
6. Valentsukevich K. I. Territory marketing as a

way to attract foreign investment // *Economy and Business : Theory and Practice*. 2022. № 5–1 (87). P. 134–137.

7. Statistics of the national payment system / Bank of Russia. Access mode: <http://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (accessed: 01.10.2023).

Библиографический список

1. Артемов Н. М. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. № 17(6). С. 48–62.
2. Бочарников И. В. История антироссийских санкций : от Ивана Грозного до наших дней // *Актуальная аналитика*. 2016. № 7. С. 14–18.
3. Воронцов Д. С. История введения санкций против России // *The Newman in Foreign Policy*. 2015. № 21 (65). С. 29–30.
4. Гришков В. Ф., Плотников В. А. Экономические санкции и экономическая безопасность : региональный срез / Сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции «Смирновские чтения – 2023» // *Международный банковский институт имени Анатолия Собчака*. 2023. С. 229–234.
5. Кайгородцев А. А. Влияние санкций на экономическую безопасность России // *Экономическая безопасность*. 2023. Т. 6. № 2. С. 479–496.
6. Круть В. Г. Санкции в отношении России : история вопроса и современность // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2015. № 6. С. 95–99.
7. Кузнецова Е. И., Эриашвили Н. Д. Противодействие санкционным угрозам экономической безопасности России // *Образование. Наука. Научные кадры*. 2023. № 1 С. 211–214.
8. Павлов В. И. Обоснование состава новых показателей оценки экономической безопасности Российской Федерации в условиях усиления антироссийских санкций // *Развитие и безопасность*. 2022. № 3 (15). С. 17–28.
9. Топунова И. Р. Обеспечение экономической

безопасности РФ в условиях внешних санкций // *Экономика : вчера, сегодня, завтра*. 2023. Т. 13. № 3-1. С. 242–250.

Bibliographic list

1. Artyomov N. M. Countering anti-Russian sanctions in the payment and currency spheres // *Actual problems of Russian law*. 2022. № 17(6). P. 48–62.
2. Bocharnikov I. V. The history of anti-Russian sanctions : from Ivan the Terrible to the present day // *Actual analytics*. 2016. № 7. P. 14–8.
3. Vorontsov D. S. The history of the introduction of sanctions against Russia // *The Newman in Foreign Policy*. 2015. № 21 (65). P. 29–30.
4. Grishkov V. F., Plotnikov V. A. Economic sanctions and economic security : a regional cross-section / Collection of materials of the XXII International scientific and practical conference «Smirnov Readings – 2023» // *Anatoly Sobchak International Banking Institute*. 2023. P. 229–234.
5. Kaigorodtsev A. A. The impact of sanctions on Russia's economic security // *Economic security*. 2023. Vol. 6. № 2. P. 479–496.
6. Krut V. G. Sanctions against Russia : the history of the issue and modernity // *Actual problems of modern international relations*. 2015. № 6. P. 95–99.
7. Kuznetsova E. I., Eriashvili N. D. Countering sanctions threats to Russia's economic security // *Education. Science. Scientific staff*. 2023. № 1. P. 211–214.
8. Pavlov V. I. Substantiation of the composition of new indicators for assessing the economic security of the Russian Federation in the context of increased anti-Russian sanctions // *Development and security*. 2022. № 3 (15). P. 17–28.
9. Topunova I. R. Ensuring the economic security of the Russian Federation in the context of external sanctions // *Economics : yesterday, today, tomorrow*. 2023. Vol. 13. № 3-1. P. 242–250.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-281-286>

EDN: <https://elibrary.ru/vfdais>

НИОН: 2003-0059-6/23-878

MOSURED: 77/27-003-2023-06-077

Современные тенденции в бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политике Российской Федерации

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия, staroverova05@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются современные тенденции в бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политике Российской Федерации, а также последние изменения бюджетной политики; даны основные характеристики федерального бюджета и проанализированы некоторые инструменты фискальной политики государства.

Ключевые слова: бюджетная политика; налоговая политика; расходы федерального бюджета; национальные проекты; таможенно-тарифная политика

Для цитирования: Староверова О. В. Современные тенденции в бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политике Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 281–286. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-281-286>. EDN: VFDAIS.

Original article

Current trends in the budget, tax and customs tariff policy of the Russian Federation

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, staroverova05@mail.ru

Abstract. The current trends in the budget, tax and customs tariff policy of the Russian Federation, as well as recent changes in budget policy are examined; the main characteristics of the federal budget are given and some instruments of the fiscal policy of the state are analyzed.

Keywords: budget policy, tax policy, federal budget expenditures, national projects, customs and tariff policy

For citation: Staroverova O. V. Current trends in the budget, tax and customs tariff policy of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):281–286. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-281-286>. EDN: VFDAIS.

Бюджетно-налоговая политика является набором экономических, политических и юридических инструментов государства, направленных на сбор доходной части бюджета и последующее использование средств в расходной части бюджета. Поступательное экономическое развитие государства, а также решение проблем общества в социальной сфере являются главными целями фискальной политики.

Общеизвестно, что для выбора необходимых инструментов и методов при проведении фискальной политики Правительство Российской Федерации формулирует концепцию налогово-бюджетной политики. В Российской Федерации, согласно Федеральному конституционному закону от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ

«О Правительстве Российской Федерации», правительство составляет и предоставляет Государственной Думе проект федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период не позднее 15 сентября текущего года, а также разрабатывает и применяет налоговую политику. Министерство финансов Российской Федерации подготавливает и представляет проект федерального закона о федеральном бюджете Правительству Российской Федерации, согласно статье 165 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [1]. Для исполнения принятой фискальной политики Министерству финансов Российской Федерации подчинены: Федеральное каз-

начейство (транзакционная и контрольная роль при исполнении федерального бюджета), Федеральная налоговая служба (контрольная и надзорная роль при исполнении налогового законодательства), Федеральная таможенная служба (контрольная и надзорная роль при исполнении таможенного законодательства).

В период 2020–2021 гг. Российской Федерацией реализовывались краткосрочные задачи фискальной политики по поддержанию экономики в условиях пандемии, а также усиливались меры социальной защиты граждан. Основными проблемами были уровень доходов и занятости населения, улучшение системы здравоохранения и поддержание пострадавших отраслей экономики. Снижение деловой активности во 2 и 3 квартале 2020 года, а также повышение уровня безработицы до 6,5 % потребовало принятий антикризисных мер в размере 4,5 % ВВП. В бюджет-

но-налоговой политике использованы: повышение пособий и единовременные выплаты на детей для населения; налоговые отсрочки, субсидии для пострадавших отраслей и снижение налогов для малого и среднего бизнеса для корпоративного сектора. Таким образом, сбалансированность принятых мер позволила поддержать экономику; эффективность принятой фискальной политики отразилась в положительном темпе роста ВВП в 1 полугодии 2021 года. Российская Федерация заняла 4 место по этому показателю среди стран G-20. Вторая половина 2021 года активно способствовала восстановлению экономики. Так первичный структурный дефицит бюджета сократился в 2 раза по сравнению с 2020 годом. Основной фокус фискальной политики был направлен на достижение целей национального развития и повышение благосостояния граждан.

Рис. 1. Динамика инфляции в России по годам

Источник: подготовлено по данным Росстата [5]

Самый сильный всплеск инфляции приходится на 2014 год, тогда основной причиной стало обрушение рубля и санкции. Кроме того, как ни странно, резко выросли цены на подакцизные товары — бензин, алкоголь и табак. В это же время США и ЕС ввели санкции против России, на что РФ объявила контрмеры и ввела эмбарго для ЕС, США и Канады [6].

В связи с кризисом геополитических противоречий, обострившемся в 2022 году экономические условия значительно ухудшились. Беспрецедентное количество финансовых и экономических санкций оказывали влияние на дестабилизацию финансовой системы и сокращение экономического потенциала страны. В рамках бюджетной политики для стабилизации финансового сектора были применены следующие инструменты: распределение резервов, полученных в результате «бюджетных правил» (перераспределение выручки от нефтегазовых доходов и ограничение расходов бюджета), сбалансированная денежно-кредитная политика, а также национальная система пла-

тежных карт и расчеты в национальных валютах [3]. Для содействия в переориентации экономики введены антикризисные программы для увеличения доступности финансовых ресурсов, а также поддержке уязвимых категорий граждан и пострадавших отраслей экономики. Особенностью экономической ситуации в этот период стал резкий разрыв производственных цепочек. Это повлекло за собой резкое удорожание логистики и дефицит ликвидности для компаний, а также резкий рост инфляции в марте–апреле 2022 года.

Инфляция в 2022 г. была ниже прогнозов из-за трех факторов. Во-первых, укрепление рубля и параллельный импорт привели к тому, что цены на электронику оказались ниже, чем год назад. Во-вторых, построенная с 2018 г. система демпферов по нефтепродуктам сдержала цены на топливо, например, стоимость автомобильного бензина почти не изменилась за год. В-третьих, рекордный урожай привел к тому, что инфляция в продовольствии оказалась ниже остальных товаров в потребительской корзине [7].

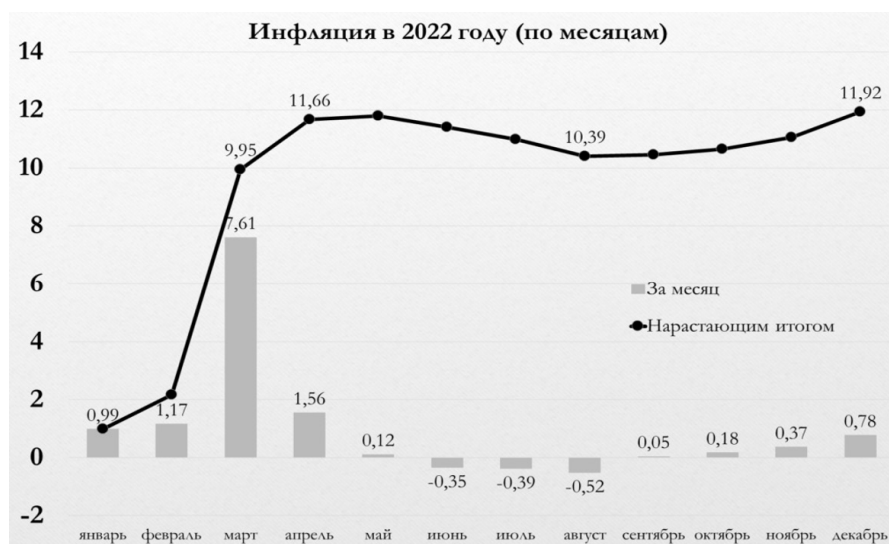

Рис. 2. Уровень инфляции в РФ по месяцам в 2022 году, %

Источник: подготовлено на основе данных Росстата [6]

Антикризисная программа согласно фискальной политике государства включала в себя: отраслевые субсидии, обнуление ввозных пошлин, снижение налогов для отрасли высоких технологий и гостиничного бизнеса, отсрочку налогов для компаний, а также нулевой НДС по депозитам, индексация МРОТ, пенсий, минимального размера оплаты труда и пособия на детей для граждан. Также было приостановлено действие бюджетного правила, так как большая часть дополнительных расходов была оплачена с помощью возросших нефтегазовых доходов. С одной стороны, эти меры позволяют нормализовать экономику и финансовый сектор, с другой создают дополнительные риски из-за повышения зависимости от курса рубля.

В рамках бюджетной политики 2022 года были введены следующие изменения:

- 1) привязка уровня цен товаров в горно-металлургической отрасли к мировым, что приведет к более справедливому перераспределению прибыли через бюджет;
- 2) увеличение финансирования национальных проектов в бюджете 2022–2024 года на 70 % по сравнению с 2020 годом;
- 3) налоговый вычет по НДС на нефть в Ханты-Мансийском автономном округе и Иркутской области для поддержки нефтехимических производств;
- 4) отсрочка уплаты страховых взносов, налогов по УСН для пострадавших отраслей;
- 5) снижение налога на прибыль для ИТ-отрасли, обнуление НДС для сферы туризма, гостиничного бизнеса и общественного питания;
- 6) отмена НДС с доходов от вкладов и реализации золота, а также НДС по операциям с драгоценными металлами и алмазами;
- 7) развитие ОЭЗ;
- 8) меры по деофшоризации экономики;
- 9) обнуление таможенных пошлин для критиче-

ского импорта и на ряд товаров для промышленности.

В 2023 году фискальная политика государства продолжила развиваться по уже устоявшемуся сценарию. Дефицит бюджета продолжит сохраняться и финансироваться за счет дополнительных нефтегазовых доходов. Для минимизации рисков дестабилизации экономики запланировано возвращение к бюджетным правилам в среднесрочной перспективе с корректировкой их значений к текущим экономическим условиям. Так, в 2023–2024 году превышение уровня расходов составит 2,9 и 1,6 трлн. рублей. Налоговая политика продолжит фокусироваться на стимулирующей функции, а также продолжит улучшение качества администрирования. В рамках облегчения налоговой нагрузки для граждан с 1 января 2023 года введен единый налоговый счет [8]. Налогоплательщик перечисляет деньги на единый налоговый счет, с которого потом списываются все налоги. Данный механизм обеспечивает высокую скорость взаимодействия, прозрачность и информативность налоговых сборов для обеих сторон. Помимо этого, ЕНС теперь позволит налогоплательщику понимать, сколько денежных средств он тратит на уплату всех налогов. По мнению Василия Колташова [1], это повысит финансовую грамотность граждан и осознание их значимости в формировании бюджета. Вследствие этого, налогоплательщики повысят свои социальные требования к бюджетным программам правительства. В налоговой политике будет продолжен план по повышению справедливости распределения природной ренты между недропользователями и гражданами. Повышение ставки НДС в газовом, горно-металлургическом и нефтяном секторах.

Бюджетная политика в 2023 году аналогично предыдущему году будет сфокусирована на целях национального развития. Расходы на исполнения посланий президента увеличатся на 107 млрд. рублей. С 2023

года вводиться универсальное пособие малообеспеченным семьям с детьми (24 % от всех расходов). На реализацию национальных проектов по 14 направлениям предусмотрено 2869 млрд. рублей. По сравне-

нию с предыдущим годом общие расходы сократились на 311 млрд. рублей. Однако, большая пришлось на сокращение модернизации инфраструктуры, как наименее социально значимое направление.

Таблица 1

Расходы федерального бюджета на Национальные проекты 2020–2024 гг.

Наименование	2020	2021	2022	2023	2024
НАЦПРОЕКТЫ	2 149,1	2 549,0	3 180,1	2 869,0	2 969,7
Демография	689,6	631,2	802,8	918,1	885,7
Здравоохранение	295,7	243,4	372,2	309,9	309,1
Образование	115,0	131,5	196,1	228,8	243,0
Жилье и городская среда	168,7	263,0	185,9	178,5	175,7
Экология	63,1	78,1	128,8	119,5	88,4
Безопасные качественные дороги	155,7	364,2	392,7	397,5	541,2
КПМИ	382,6	373,3	414,9	129,4	111,5
Производительность труда	4,1	4,8	5,5	5,1	6,0
Наука и университеты	40,3	80,1	125,3	144,8	154,7
Цифровая экономика	86,3	131,1	200,9	129,3	126,9
Культура	15,8	23,5	48,1	54,1	47,2
МСП и предпринимательство	61,7	62,7	84,9	79,5	74,7
Международная кооперация и экспорт	70,4	124,0	153,9	126,4	157,9
Туризм и индустрия гостеприимства	-	38,3	68,1	48,2	47,7

Источник: по данным Министерства финансов Российской Федерации [9]

Для достижения национальных целей развития важную роль будут играть социально-экономические инициативы. Они будут разделены на 6 направлений: социальная сфера, строительство, экология, цифровая трансформация, технологический рывок и государство для граждан. Общие расходы по данным направлениям составят 1 трлн. рублей.

Основные характеристики федерального бюджета предполагают сокращение доходов федерального бюджета за счет сокращения нефтегазовых доходов. Данный показатель будет обеспечен изменением налоговой политики. Повышение налогов и пошлин для производителей и поставщиков энергоносителей, и снижение налоговой нагрузки для высокотехнологичных отраслей, а также поддержка туристической и других пострадавших отраслей.

Расходы федерального бюджета увеличатся на 1441 млрд. рублей по сравнению с 2022 годом. Больше всего выросли статьи: национальную безопасность и правоохранительную деятельность, социальная политика и национальная оборона. Остальные статьи не претерпели существенных изменений.

Думается, что основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики Российской Федерации в период с 2020 по 2023 отвечали внутренним и внешним вызовам экономики, оставаясь сфокусированными на целях национального развития. Применяемые инструменты и методы фискальной политики обеспечивают ценовую и финансовую стабильность. Основным элементом концепции являются «бюджетные правила», которые в случае кризиса изменяются или вовсе приостанавли-

ваются. Этот механизм позволяет сохранять баланс между гибкостью проводимой политики и стабильностью всей экономической системы в целом. Проводимую бюджетно-налоговую политику критикуют, но в основном это касается отдельных ее элементов. Таких как административные трудности при реализации фискальной политики между муниципаль-

ными и федеральными властями [2] или проблемы в толковании законодательства в области расчета НДС в нефтегазовом секторе [4]. Однако большинство экспертов сходятся на мнении, что бюджетно-налоговая политика сформирована сбалансировано и отвечает задачам, стоящим перед Правительством Российской Федерации.

Таблица 2

Расходы Федерального бюджета 2019–2025 гг.

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Всего	18 214,5	22 821,6	24 762,1	27 614,1	29 055,6	29 432,5	29 243,7
Общегосударственные вопросы	1 363,5	1 507,7	1 759,5	2 628,6	1 994,4	1 993,1	1 834,5
Национальная оборона	2 997,4	3 168,8	3 573,6	4 678,7	4 981,6	4 648,8	4 208,4
Нацбезопасность и правоохрана	2 083,2	2 226,6	2 335,9	2 788,4	4 417,1	4 332,1	4 344,2
Национальная экономика	2 827,1	3 483,9	4 356,6	4 317,5	3 514,1	3 555,0	3 591,3
ЖКХ	282,2	371,5	593,7	645,4	604,9	513,9	320,0
Охрана окружающей среды	197,6	260,6	405,1	355,1	342,1	318,1	262,0
Образование	826,5	956,9	1 064,4	1 319,2	1 392,8	1 428,5	1 234,2
Культура, кинематография	122,4	144,5	146,7	204,6	196,1	203,6	171,1
Здравоохранение	713,0	1 334,4	1 473,9	1 533,0	1 469,4	1 493,2	1 510,3
Социальная политика	4 882,8	6 990,3	6 675,8	6 453,3	7 343,1	7 299,4	7 152,8
Физкультура и спорт	81,4	75,3	70,9	89,5	68,0	62,2	53,8
СМИ	103,5	121,1	114,0	128,2	118,0	108,7	109,1
Обслуживание госдолга	730,8	784,2	1 084,2	1 403,4	1 519,3	1 625,2	1 878,3
МБТ общего характера	1 003,1	1 395,9	1 107,7	1 069,2	1 094,6	1 114,8	1 111,4

Источник: подготовлено согласно данным Минфина России [10]

Таким образом, согласимся с мнением вышеназванных экспертов, которые считают, что при тяжелых внутренних и внешних условиях хозяйствования и ведения бизнеса Правительство Российской Федерации минимизирует негативные последствия гораздо эффективнее, схожих западных экономик. В подтверждении этого, говорит успешный восстановительный рост после пандемии, а также 5 место в рейтинге стран ВВП по ППС на конец 2022 года; бесспорно, достижение таких результатов, безусловно, способствовала эффективная фискальная политика.

Список источников

1. Ашырова Л. Роль налоговой политики в экономике // Символ науки 2023. № 64. С. 45–49.
2. Пенькова И. Налоговые льготы как инструмент фискальной политики // Вестник науки 2023. № 80. С. 92–98.
3. Староверова О. В., Кулаков Е. В. Денежно-кредитная политика в Российской Федерации и за рубежом во время геополитической нестабильности // Российский экономический интернет-журнал. 2023. № 3.

4. Юмаев М. Налоговая политика в отношении нефтегазового сектора // Экономика. Право. Налоги. 2023. № 29. С. 33–37.
5. <https://rosstat.gov.ru/ps/inflation/>
6. <https://bankstoday.net/last-articles/inflyatsiya-v-rossii-v-2022-godu>.
7. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/13/959014-rosstat-otsenil-inflyatsiyu>.
8. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
9. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/01/main/BDG_23-25.pdf.
10. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/11/main/BG_2023.pdf.
2. Penkova I. Tax benefits as a tool of fiscal policy // Bulletin of Science 2023. № 80. P. 92–98.
3. Staroverova O. V., Kulakov E. V. Monetary policy in the Russian Federation and abroad during geopolitical instability // Russian Economic online magazine. 2023. № 3.
4. Yumaev M. Tax policy in relation to the oil and gas sector // Economy. Right. Taxes. 2023. № 29. P. 33–37.
5. <https://rosstat.gov.ru/ps/inflation/>
6. <https://bankstoday.net/last-articles/inflyatsiya-v-rossii-v-2022-godu>.
7. <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/13/959014-rosstat-otsenil-inflyatsiyu>.
8. Federal Law № 263-FZ of July 14, 2022 «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation» // LRS ConsultantPlus.
9. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/01/main/BDG_23-25.pdf.
10. https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/11/main/BG_2023.pdf.

References

Информация об авторе

О. В. Староверова – профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Staroverova – Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Legal Sciences, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Налоговый процесс. Под ред. Н. Д. Эриашвили; под общ. ред. М. Е. Косова. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Рассмотрены теоретические аспекты концепции налогового процесса, особенности процессуальных налоговых правоотношений, а также соответствующие аспекты деятельности налоговых администраций с учетом изменений в налоговом законодательстве.

Раскрыты элементы и формы регулирования налоговых правоотношений с учетом цифрового характера развития экономики страны. Детально выделены действующие нормы налогового процесса в механизме мероприятий налогового контроля и процессуальные аспекты принудительного исполнения налоговых обязанностей субъектов налоговых отношений.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-287-291>

EDN: <https://elibrary.ru/eeiibs>

ИПОН: 2003-0059-6/23-879

MOSURED: 77/27-003-2023-06-078

Инфляция и современная Россия

Нодари Дарчоевич Эриашвили¹, Вера Васильевна Елизарова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ professor60@mail.ru

² evv771@yandex.ru

Аннотация. В настоящий период времени проблема инфляции довольно актуальна в связи с существенным влиянием на развитие страны в экономической сфере и на уровень жизни населения. Данное явление касается как каждого отдельного члена общества, так и всего человечества в целом. Об актуальности также свидетельствует отнесение инфляции к одной из наиболее обсуждаемых проблем, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и Россия, по причине нестабильного социально-экономического положения.

Инфляция является неизбежным спутником современной рыночной экономики не только в силу ее конкурентной природы: точно так же невозможно полностью устранить бюджетный дефицит, экономические диспропорции и инфляционные ожидания. Борьба с инфляцией происходит только тогда, когда устраняются причины, ее вызвавшие.

Следовательно, основной целью антиинфляционной политики государства является не искоренение инфляции, а превращение ее в управляемый процесс, доведение до умеренного уровня.

Ключевые слова: инфляция, причины инфляции, отрицательные и положительные эффекты инфляции, особенности инфляционных процессов, Банк России, антиинфляционная политика

Для цитирования: Эриашвили Н. Д., Елизарова В. В. Инфляция и современная Россия // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 287–291. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-287-291>. EDN: EEIIBS.

Original article

Inflation and modern Russia

Nodari D. Eriashvili¹, Vera V. Elizarova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ State University of Management, Moscow, Russia

¹ professor60@mail.ru

² evv771@yandex.ru

Abstract. At present, the problem of inflation is quite relevant, due to its significant impact on the development of the country in the economic sphere and on the standard of living of the population. This phenomenon concerns both each individual member of society and humanity as a whole. The relevance is also evidenced by the fact that inflation is one of the most discussed problems faced by many countries, including Russia, due to the unstable socio-economic situation. Inflation is an inevitable concomitant of a modern market economy, not only because of its competitive nature, but also because it is impossible to completely eliminate budget deficits, economic imbalances, and inflation expectations. The fight against inflation takes place only when the causes that caused it are eliminated. Consequently, the main goal of the anti-inflationary policy of the state is not to eradicate inflation, but to turn it into a controlled process, bringing it to a moderate level.

Keywords: inflation, causes of inflation, negative and positive effects of inflation, features of inflationary processes, Bank of Russia, anti-inflationary policy

For citation: Eriashvili N. D., Elizarova V. V. Inflation and modern Russia. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):287–291. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-287-291>. EDN: EEIIBS.

© Эриашвили Н. Д., Елизарова В. В., 2023

Инфляция, выступая в качестве достаточно сложного социально-экономического явления, характеризуется множественностью причин, связанных с экономической ситуацией в целом.

На практике принято различать следующие причины инфляции:

1. Внутренние причины:

- эмиссия денег, значительно превышающая текущую потребность;
- масштабы капитального строительства, отвлекающие ресурсы из оборота на длительный срок;
- высокие военные расходы, способствующие отнесению использования ресурсов общества к категории неэффективных и нерациональных;
- кризисное состояние финансов государства, характеризующихся превышением расходной части бюджета над доходной, порождая рост внутреннего долга государства;
- повышение цен и заработной платы.

2. Внешние причины:

- рост цен на международном рынке, характеризующийся удорожанием товаров, подлежащих экспорту и импорту;
- кризисное состояние мировой экономики;
- увеличение объемов внешнего долга;
- войны, сопровождаемые снижением объемов производства и ростом стоимости жизни.

В условиях функционирования необратимых в золото бумажно-кредитных денег инфляция носит хронический характер и приводит к негативным социально-экономическим последствиям, среди которых различают следующие.

1. Снижение реальных доходов населения. Как правило, за индексацией доходов следует рост цен, сопровождаемый еще большим закручиванием инфляционной спирали.
2. Перераспределение доходов в экономике. Одна часть населения страдает от инфляции в большей степени, чем другая.
3. Усиление рыночных рисков и неопределенностей. У предпринимателей отсутствует возможность предсказать темп роста номинальной процентной ставки, заработной платы и прочих.
4. Значительный подрыв системы регулирования экономики. В условиях анализируемого социально-экономического явления цены, процентные ставки, номинальная заработная плата перестают выступать в качестве ценовых сигналов, относя хозяйство к категории неуправляемого.
5. Введение тоталитарного режима. Прежде всего, речь идет о последствиях гиперинфляции.

Однако инфляция создает и положительные эффекты:

- рост цен побуждает потребителей больше тратить, а не сберегать, следовательно, это увеличивает платежеспособный спрос;

- инфляционную гонку выдержат более сильные и конкурентоспособные предприятия, а слабые разорятся;
- умеренная инфляция, характерная для экономики с неполной занятостью, незначительно изменяя реальные доходы населения, способствует его эффективной трудовой активности;
- происходит перераспределение доходов между кредиторами и заемщиками, усиливая выигрыш в сторону заемщиков;
- получение выигрыша в реальном секторе, импортеров.

В ходе выступления на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в июне 2023 г. президент России Владимир Путин рассказал, что инфляция в стране сейчас приблизилась к историческому минимуму и составляет 2,9 %. Российский лидер обратил внимание на то, что этот уровень ниже, чем во многих западных государствах.

Впервые инфляция в России возникла в конце 50-х и начале 60-х г. прошлого века. Среди характерных черт выступал скрытый характер, низкий уровень эффективности промышленного производства и присутствие товарного дефицита. Следствием возникшей ситуации выступило формирование следующих явлений на рынке: спекуляция, фарцовка, блат.

В числе характерных инфляционных особенностей, а также причин, многие исследователи выделяют следующие.

1. Зависимость бюджета страны от продажи энергетических ресурсов. Страна обладает большим запасом полезных ископаемых, однако машиностроительная и перерабатывающая промышленность по-прежнему слабо развита и находится в прямой зависимости от динамики изменений цен на международном рынке.
2. Зависимость цен на продукты питания от их зарубежного импорта. Введенные против страны санкции наглядным образом показали зависимость цен на продукты питания и товары от их закупочной зарубежной цены. Росту цен на продукты предшествовало также вступление страны во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО) в целях ценового выравнивания стоимости товаров.
3. Рост цен на энергоносители, в том числе на бензин. Правительство а также частные предприниматели, стремясь к достижению роста стоимости топлива, привлекают дополнительный доход в пользу бюджета государства федерального, регионального и местного уровня. Стоит отметить, что данный процесс сопровождается ростом уровня инфляции в связи с зависимостью от стоимости топлива цен на другие товары и услуги.
4. Уровень коррумпированности. Часть стоимости товаров и услуг составляет коррумпирован-

ный процент, источником которого выступают взятки, откаты и прочие поборы, нарушающие нормы законодательства.

5. Милитаризация экономики. Стремительное развитие военных отраслей в ущерб иным видам промышленности, в числе которых легкая промышленность, машиностроение, и иные.
6. Наблюдается влияние некоторых крупных промышленных корпораций с монополистической точки зрения на региональные рынки в частности и экономику страны в целом.
7. Наличие преступлений в кредитной и банковской сферах.
8. Вывод из российского рынка валютных средств.
9. Соккрытие прибыли и уклонение от уплаты налоговых отчислений.

Незначительный уровень инфляции на международном рынке является допустимым, в некоторой степени даже полезным для экономики страны социально-экономическим явлением. Небольшой темп роста инфляции, поддающийся прогнозированию, способствует развитию сферы бизнеса, конкуренции и увеличивает качество производимых товаров.

Рост темпов сопровождается появлением негативных явлений, способствует нерациональному повышению цен. Вследствие данных обстоятельств уровень жизни населения заметно падает.

Основные признаки, характеризующие развитие инфляционных процессов в стране:

1. Скачкообразное развитие. Самый высокий уровень инфляции наблюдался в 1998 г. Затем – резкое падение, а к 2000 – стабильное развитие. После, в 2008 и 2014 г. снова наблюдались скачки, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами.
2. Искажение потребительского поведения. Исторически у населения страны сложилось мировоззрение, ставящее на первое место запасливость. Приобретение товаров, относящихся к категории заведомо ненужных, способствует росту уровня цен.
3. Отсутствие конкретных стабилизационных мер.

В конце февраля текущего года наблюдается существенное усиление инфляционного давления под воздействием изменения внешних условий.

Данный период ознаменовался резким ростом спроса на товары и услуги в следствие ослабление рубля и повышения инфляционных ожиданий, что породило рост цен преимущественно на бытовую технику и электронику, зарубежные туры.

Значение годовой инфляции в феврале составило 9,2 %, при этом месячный прирост потребительских цен увеличился до 1,01 % (SA), что соответствует значению в октябре предыдущего года [1].

В марте 2022 г. годовая инфляция увеличилась почти в два раза и составила 16,7 %, достигнув впер-

вые с апреля 2015 г. своего максимального значения. По большей части данное явление затронуло товары длительного пользования относящихся к категории непродовольственных, в числе которых автомобили, бытовая и электрическая техника.

Вторая половина месяца охарактеризовалась снижением прироста цен в недельном исчислении, укреплением рубля и исчерпанием факторов, порождающих ажиотажный спрос.

Банк России уверен в том, что пик сезонно сглаженного прироста цен преодолен и наблюдается завершающий этап ослабления курса рубля.

Высокие ставки на депозитном рынке привел к распространению повсеместно бережливости.

Российская экономика столкнулась с необходимостью осуществления структурной перестройки под воздействием внешних факторов, в числе которых недоступность импортируемых товаров, сырья и комплектующих.

В последующие два года по предварительным данным инфляция станет замедляться под действием совокупности дезинфляционных факторов: постепенное прекращение структурных изменений с формированием новых производственных цепочек, переходом к новому производственному масштабированию продуктов, как следствие – расширению объемов предложения, а также к ограничению роста издержек компаний, возвращению населения к сберегательной модели поведения.

Следовательно, под воздействием проводимой денежно-кредитной политики годовой темп роста цен сложится в диапазоне 5,0–7,0 % по итогам 2023 г. и к 2024 г. вернется к целевому значению 4 % [1].

В целях борьбы с инфляцией со стороны государства применяется антиинфляционная политика, основным регулятором которой выступает Центральный Банк Российской Федерации.

Под антиинфляционными мерами следует понимать совокупность мероприятий со стороны правительства, направленных на обуздание темпов инфляции [2, с. 213].

Данные меры выступают в форме тактических и стратегических мер, направленных на устранение последствий инфляции и причин инфляции соответственно.

Тактические меры предполагают увеличение совокупного предложения, сокращение совокупного спроса, либо одновременное их выполнение.

Стратегические меры, иными словами, антиинфляционная политика, включает в себя снижение налоговой нагрузки на производителей, стимулирование роста инвестиций и прочие.

Инфляция является неизбежным спутником современной рыночной экономики не только в силу ее конкурентной природы: точно так же невозможно полностью устранить бюджетный дефицит, экономические диспропорции и инфляционные ожидания.

Борьба с инфляцией происходит только тогда, когда устраняются причины, ее вызвавшие.

Следовательно, основной целью антиинфляционной политики государства является не искоренение инфляции, а превращение ее в управляемый процесс, доведение до умеренного уровня. В зависимости от целей, основных инструментов и направления решения тактических или стратегических задач можно выделить разные варианты антиинфляционной политики государства.

Антиинфляционная политика России сконцентрирована на нескольких мерах: формирование антиинфляционной стратегии и тактики.

Антиинфляционная стратегия не предполагает достижения быстрых результатов. Главная цель, заключающаяся в снижении уровня инфляционных ожиданий посредством использования следующих инструментов:

- Укрепление механизмов рынка;
- Стремление к приросту денежной массы;
- Внесение изменений в бюджетную политику;
- Снижение объемов расходов;
- Минимизация зависимости курса валюты от внешних факторов.

Антиинфляционная тактика – это комплект краткосрочных мер текущего воздействия: резкое повышение спроса либо резкое повышение предложения.

Характер и направления представленных мер определяются со стороны правительства, учитывая их политические воззрения и текущую обстановку в стране. Для того чтобы антиинфляционная политика была успешной, важно сочетание различных мер борьбы с инфляцией.

Комплексные меры борьбы с инфляцией способствуют эффективной реализации.

В перспективе таргетирование инфляционных процессов позволит Банку облегчить адаптацию российской экономики, формируя условия к достижению поставленной цели и поддержанию инфляции на достигнутом уровне.

В настоящее время инфляционные процессы характеризуются шоками предложения, что объясняется введением внешних ограничений.

Увеличение издержек на производство товаров параллельно с падением объема предложения ухудшают операционную и финансовую нагрузку компаний. Низкая ценовая эластичность спроса в ситуации дефицита позволяет компаниям повышать цены для преодоления трудностей, связанных с адаптацией.

В условиях структурной перестройки представляется нерациональным проведение жесткой денежно-кредитной политики. Компании будут вынуждены снижать цены на конечные товары на фоне сильно падающего спроса, что приведет к потере их финансовой устойчивости. Помимо всего прочего, под воздействием роста стоимости заемных средств адаптация компаний заметно замедлится. Как следствие – глубокий

спад экономики и продолжительный этап восстановления и минимальная вероятность достижения целевого значения.

В то же время проведение чрезмерно мягкой политики замедлит восстановление экономики под воздействием инфляционной спирали, поскольку рост цен сопровождается ростом инфляционных ожиданий.

Целесообразным представляется следование на пути требуемой степени жесткости денежно-кредитной политики. Эффективность структурной перестройки будет достигнута в условиях замедляющейся инфляции.

В данном случае первостепенными будут: возвращение инфляции к цели, и поддержание темпа роста цен в достаточном объеме для адаптации производства.

Постепенное сглаживание шоков предложения по мере завершения процессов структурной перестройки и проводимая денежно-кредитная политика в комплексе будут способствовать устойчивому ослаблению инфляционного давления.

Россия в своей истории пережила не мало потрясений, в том числе гиперинфляцию, но всегда преодолела их, хоть и не без потерь. Антиинфляционная политика нашего государства имеет особое значение, так как от эффективности методов регулирования зависит состояние экономики страны в целом. Для разработки антиинфляционных мер необходимо учитывать особый характер инфляции, который присущ каждому государству.

Список источников

1. Официальный сайт Центрального банка России // URL: <https://cbr.ru/>
2. Чернопяттов А. М. Экономика : учебник. М. : Директ-Медиа, 2022.

References

1. Official website of the Central Bank of Russia // URL: <https://cbr.ru/>
2. Chernopyatov A. M. Economics : textbook. M. : Direkt-Media, 2022.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ от 15 декабря 2021 г. № 915 «Об утверждении официальной статистической методологии наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Белокрылова О. С. Макроэкономика : учебник/ О. С. Белокрылова. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. 330 с.
5. Наумова О. Н. Макроэкономика : учебное пособие / О.Н. Наумова, А. Р. Каньковская, С. А. Черногорский. СПб : Политех-Пресс, 2019. 98 с.
6. Тюрина А. Д. Макроэкономика : учебное пособие/ А. Д. Тюрина, С. А. Шилина. 2-е изд. Саратов : Научная книга, 2019. 159 с.

Bibliographic list

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with the changes approved in a nationwide vote 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Federal Law № 390-FZ of December 6, 2021

«On the Federal Budget for 2022 and for the Planning Period of 2023 and 2024» // LRS «ConsultantPlus».

3. Order № 915 of December 15, 2021 «On Approval of the Official Statistical Methodology for Monitoring Consumer Prices for Goods and Services and Calculating Consumer Price Indices» // LRS «ConsultantPlus».
4. Belokrylova O. S. Macroeconomics : textbook / O. S. Belokrylova. Rostov-on-Don ; Taganrog : Publishing House of the Southern Federal University, 2021. 330 p.
5. Naumova O. N., Kankovskaya A. R., Chernogorskiy S. A. Macroeconomics : textbook. St. Petersburg : Polytech-Press, 2019. 98 p.
6. Tyurina A. D., Shilina S. A. Macroeconomics : textbook / A. D. Tyurina, S. A. Shilina. 2nd ed. Saratov : Nauchnaya kniga, 2019. 159 p.

Информация об авторах

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры частного права Государственного университета управления, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования;

В. В. Елизарова – заместитель начальника кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Educator of the Russian Federation, Laureate of the Award of the Government of the Russian Federation in Science and Technology, Laureate of the Russian Government Award for Education;

V. V. Elizarova – Deputy Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 06.12.2023.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 24.11.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-292-299>

EDN: <https://elibrary.ru/lgomkj>

НИОН: 2003-0059-6/23-880

MOSURED: 77/27-003-2023-06-079

Единство и борьба противоположностей? Из практики реализации государственно-общественного принципа управления системой образования

Сергей Степанович Жевлакович

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Анализируются в дискуссионной форме основные аспекты реализуемого в настоящее время пилотного проекта апробации новой структуры российского профессионального образования и роли вузовской общности в формировании концепции суверенной системы высшего образования в России.

Ключевые слова: пилотный проект по изменению системы уровней профессионального образования, уровни высшего образования, базовое высшее образование, специализированное высшее образование, специалитет, бакалавриат, магистратура, Болонский процесс, ФГОС ВО четвертого поколения

Для цитирования: Жевлакович С. С. Единство и борьба противоположностей? Из практики реализации государственно-общественного принципа управления системой образования // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 292–299. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-292-299>. EDN: LGOMKJ.

Original article

Unity and struggle of opposites? From the practice of implementation of the state-public principle of education system management

Sergey S. Zhevlakovich

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The main aspects of the currently implemented pilot project of approbation of the new structure of Russian professional education and the role of the university community in the formation of the concept of a sovereign system of higher education in Russia are analyzed in a discussion form.

Keywords: pilot project on changing the system of levels of professional education, levels of higher education, basic higher education, specialized higher education, specialization, bachelor's degree, master's degree, Bologna Process, fourth generation FSES HE

For citation: Zhevlakovich S. S. Unity and struggle of opposites? From the practice of implementation of the state-public principle of education system management. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):292–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-292-299>. EDN: LGOMKJ.

В соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» управление системой образования в нашей стране носит государственно-общественный характер [1, ст. 89], то есть законодательно установлено взаимодействие госорганов с общественностью, как важнейший фактор, обеспечивающий полноценное функционирование российской системы образования. Используя анализ

развития некоторых системообразующих процессов, рассмотрим, как на практике реализуется этот фактор.

В 2003 г. Российская Федерация присоединилась к Болонской системе. Большинство вузов не восприняли тогда этот шаг «на ура». И с 2007 г. Минобрнауки России приступило к тотальному административно-принудительному «внедрению» Болонской модели организации системы высшего образования.

Напомним ее наиболее существенные характеристики:

а) двухуровневая структура высшего образования (бакалавриат + магистратура);

б) система кредитов (зачетных единиц);

в) рейтинговая система для преподавателей и студентов, тестирование в качестве основной системы оценки знаний студентов;

г) самостоятельный выбор студентами изучаемых дисциплин (индивидуальная образовательная траектория);

д) мобильность студентов (между вузами и между странами);

е) мобильность между направлениями подготовки, возможность для выпускника бакалавриата поступать в любую магистратуру (возможность получения двух высших образований за шесть лет);

ж) конвертируемость дипломов в пределах Европы.

Отечественные сторонники Болонской системы из числа «предпринимателей от образования», вкушившие «прелести» рыночно-базарного общества, паразитировавшего на развалинах советской экономики, добавили к этим характеристикам еще и трактовку образования в качестве услуги.

Цель этих преобразований: интеграция в европейскую систему высшего образования, облегчение трудоустройства российских выпускников за рубежом.

Механизм «внедрения»:

- примитивное копирование унифицированной для всех стран Центральной и Восточной Европы модели высшего образования при полном отказе от отечественной модели моноподготовки по программам специалитета (в ведущих странах Западной Европы в это время не спешили полностью отказываться от национальных моделей);
- курс на полную ликвидацию специальностей и замену их максимально минимизированным количеством направлений подготовки (для полуразрушенной экономики периферии Европы достаточно);
- перевод образования на унифицированные образовательные стандарты, привнесенные извне.

Однако, невзирая на колоссальное административное давление со стороны Минобрнауки России, далеко не все российское вузовское сообщество встретило эту новацию «бурными аплодисментами, переходящими в овации». МВД России, поддержанное другими министерствами и ведомствами силового блока, категорически не согласилось с идеей «разрушить до основания» отечественную модель высшего образования. В ожесточенном противостоянии с Минобрнауки России на уровне Правительства Российской Федерации (автор – активный непосредственный участник этих процессов) нам удалось отстоять специалитет в качестве основной модели подготовки кадров для федеральных государственных органов силового блока.

Благодаря активной позиции патриотической части вузовской общественности на протяжении всех последующих лет удалось также:

- отстоять подготовку кадров по программам специалитета для российского военно-промышленного комплекса и ряда других отраслей;
- существенно трансформировать с учетом отечественного вузовского опыта модели образовательных стандартов, внедряемые Минобрнауки России по зарубежным образцам.

Начав в 2022 г. специальную военную операцию, Россия отказалась от компрадорского варианта своего развития. И наказание не заставило себя долго ждать. 11 апреля 2022 г. было объявлено об исключении России из Болонской системы.

24 мая 2022 г. министр науки и высшего образования В. Фальков объявил Болонскую систему прожитым этапом и определил курс на создание собственной уникальной системы образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента. Однако анализ этого прожитого этапа не был произведен, и прямая оценка ему не была дана.

Представляется, что пока этого не будет сделано, определить правильные ориентиры при разработке концепции отечественной системы образования будет крайне затруднительно. Сохраняется угроза умозрительных экспериментов, ведущих систему в тупик. Очевидно главное, вопрос не в уникальности этой системы. России нужна суверенная система образования, ориентированная не во вне, а на обеспечение национальных интересов России, ее государственного суверенитета.

Апологеты Болонской системы сразу же яростно начали рисовать апокалипсические картины последствий отказа от двухуровневой структуры высшего образования. К их числу следует отнести ту часть компрадорских кругов, которая обильно стимулируемая зарубежными грантами, «не битьем, так катаньем», прилично выражаясь, трансформировали российскую систему образования (едва не до ее клинической смерти), а также создавали свое научное портфолио на обосновании прелестей вхождения России в Болонскую систему. К ним присоединились также те, кто преуспел в сфере «бизнеса» в сфере «образовательных услуг».

Кто-то воспринял «установку» на выход из Болонской системы как абсолютный возврат к прежней отечественной модели высшего образования.

Прозвучала и здравая точка зрения тех, кто последовательно боролся против слепого копирования привносимых из-за рубежа вариантов, но в данной ситуации призывал к взвешенному подходу, дабы «с мутной водой не выплеснуть и ребенка». Новое поспешное и радикальное оперативное вмешательство в систему образования, которая еще не оправилась до конца от предыдущей «шоковой терапии», может закончиться для нее печально.

На фоне активной дискуссии в обществе [2; 3; 4; 5]

между сторонниками различных концепций формирования отечественной системы образования к маю 2023 г. Минобрнауки России сформировало свое видение новой системы российского высшего образования. Президент предложил не спешить с ее реализацией в масштабе всей страны.

12 мая 2023 г. Указом Президента Российской Федерации «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» [6] (далее – Указ Президента) было объявлено, начиная с 2023–2024 учебного года, проведение шестью вузами пилотного эксперимента, связанного с предварительной апробацией в течение трех лет предлагаемой новой структуры уровней отечественного профессионального образования.

В настоящее время в Российской Федерации реализуются одновременно две модели структурирования высшего образования:

1. Внедренная Минобрнауки России в результате вхождения Российской Федерации в Болонский процесс *двухуровневая* структура (первый уровень – четырехлетний бакалавриат и второй уровень – двухлетняя магистратура);

2. Традиционная российская и советская *моноподготовка*, предусматривающая непрерывное обучение по пятилетним программам с получением завершеного высшего образования второго уровня (специалитет).

Разновидностью второй модели является вариант, реализуемый вузами, которые вынуждены были принять двухуровневую модель, но при этом четырехлетний срок обучения по программам бакалавриата считали недостаточным. Эти вузы соединили программы бакалавриата и магистратуры в так называемые интегрированные шестилетние программы непрерывного обучения с получением высшего образования второго уровня.

В соответствии с новой структурой профессионального образования предлагается:

- исключить термины «бакалавриат» и «специалитет», сохранив при этом соответствующие четырехлетние и пятилетние образовательные программы;
- к первому уровню высшего образования отнести образовательные программы с нормативным сроком освоения четыре, пять или шесть лет – базовое высшее образование;
- ко второму уровню высшего образования отнести программы магистратуры, ординатуры, ассистентуры-стажировки (нормативный срок освоения программ магистратуры – от одного до трех лет) – специализированное высшее образование;
- к уровню профессионального образования отнести аспирантуру.

Таким образом, без какой-либо аргументации предполагается статус пятилетних программ (специалитет) и шестилетних программ (интегрированных) понизить со второго уровня высшего образования

до первого уровня. Не определялось и соотношение между этими тремя уровнями. Никаких четких разъяснений по этому поводу от Минобрнауки России не последовало.

В связи с этим у вузовской общественности возникло много вопросов к предлагаемой структуре уровней профессионального образования.

В соответствии с письмом Минобрнауки России от 4 мая 2023 г. федеральным учебно-методическим объединениям по укрупненным группам специальностей и направлений подготовки (далее – ФУМО) было поручено экстренно (практически за месяц) разработать четвертое поколение федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (далее – ФГОС ВО), соответствующих предлагаемой новой структуре уровней высшего образования. Руководствоваться при разработке следовало соответствующим макетом ФГОС ВО, предложенным Минобрнауки России. Как позже выяснилось, новые стандарты предназначались для вузов, участвующих в реализации соответствующего пилотного проекта.

На заседании ФУМО в системе высшего образования по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 40.00.00 Юриспруденция 11 мая 2023 г. предложенный макет ФГОС ВО четвертого поколения был рассмотрен [7]. В связи с возникшими к нему вопросами единогласно было принято решение, прежде чем приступить к разработке новых ФГОС ВО, обратиться к Минобрнауки России за разъяснениями:

- а) каков статус базового высшего образования;
- б) как базовое высшее образование соотносится с другими уровнями. Также было обращено внимание на ряд проблемных положений в содержании макета ФГОС ВО. Однако ответы на поставленные вопросы от Минобрнауки России ФУМО не были получены.

В конце мая 2023 г. на интернет-портале правовой информации был опубликован проект Постановления Правительства Российской Федерации о проведении пилотного проекта по изменению системы уровней профессионального образования (далее – проект Постановления Правительства) [8; 9], разработанный Минобрнауки России. Данным проектом Постановления Правительства пока только для вузов, участвующих в реализации пилотного проекта, определялось соотношение между уровнями профессионального образования:

- а) к освоению образовательных программ *специализированного высшего образования* (второй уровень высшего образования) допускаются лица, имеющие *базовое высшее образование* (первый уровень высшего образования), а также лица, имеющие высшее образование, полученное в соответствии с действовавшими ранее и действующими в настоящее время уровнями высшего образования и подтвержденное присвоением им квалификации «бакалавр», «специалист», «дипломированный специалист» [10, п. 5];

б) к освоению программ *аспирантуры* (профессиональное образование – по терминологии новой структуры) допускаются лица, имеющие *специализированное высшее образование* (второй уровень высшего образования), а также лица, имеющие высшее образование, полученное в соответствии с действовавшими ранее и действующими в настоящее время уровнями высшего образования и подтвержденное присвоением им квалификации «специалист», «дипломированный специалист», «магистр» [10, п. 5].

Их этих положений проекта Постановления Правительства следовало, что, если не отвлекаться на манипуляцию терминами, то предполагается:

- завершить ликвидацию специалитета – традиционной отечественной модели получения завершеного высшего образования второго уровня на основе непрерывного обучения по программам моноподготовки;
- установить монополию привнесенной извне Болонской модели двухуровневой структуры высшего образования;
- пятилетние программы (в настоящее время – специалитет) и интегрированные шестилетние программы (бакалавриат + магистратура) приравнять к незавершенному высшему образованию, также как и четырехлетние программы (в настоящее время – бакалавриат).

Таким образом предполагалось, что все выпускники, обучавшиеся по программам базового высшего образования, не получают право поступать в аспирантуру. Не только те, кто обучался по четырехлетним программам (бакалавриат), но и те, кто обучался по пятилетним программам (специалитет) и шестилетним программам (бакалавриат + магистратура). И традиционно эта абсурдная трансформация не сопровождалась никакими объяснениями и какой-либо аргументацией.

После заявления Минобрнауки России о выходе из Болонского процесса, после деклараций о необходимости формирования уникальной отечественной системы образования, ориентированной на потребности страны, прямо скажем, вызывающе выглядело это упорство, достойное лучшего применения, стремление любой ценой утвердить привнесенную извне двухуровневую структуру высшего образования в качестве единственной. Даже путем абсурдного приравнивания к одному уровню программ бакалавриата и программ специалитета, а также программ, объединяющих бакалавриат и магистратуру. Впрочем, эта позиция является продолжением курса, который Минобрнауки России последовательно проводило в предшествующие десятилетия.

Проект был представлен на общественное обсуждение. Его публикация отчасти совпала с периодом нахождения вузов в каникулярных отпусках. Согласитесь, что это не самое удачное время

для общественного обсуждения. Тем не менее, позиция Минобрнауки России не осталась без внимания и реакции вузовского сообщества. Немаловажным фактором стало и то, что МВД России выразило категорическое несогласие с понижением статуса специалитета (письмо заместителя Министра В. Л. Кубышко).

Во всяком случае, в уже утвержденном Постановлении Правительства Российской Федерации о проведении пилотного проекта по изменению системы уровней профессионального образования [11] всякая конкретика, позволяющая определить соотношение предполагаемых уровней профессионального образования, была исключена, что добавило неопределенности в данном вопросе. С одной стороны, была исключена версия Минобрнауки России. Но, с другой стороны, не была предложена другая версия. И в настоящее время этот принципиальный вопрос остался открытым.

Тем не менее, подход Минобрнауки России к изменению уровней профессионального образования очевиден. Он направлен на окончательную ликвидацию отечественной модели высшего образования путем:

- исключения возможности получения завершеного высшего образования на основе непрерывного обучения по программам моноподготовки;
- волюнтаристского объявления специалитета фактически пятилетним бакалавриатом, а интегрированных шестилетних программ непрерывного получения второго уровня высшего образования (бакалавриат + магистратура) – шестилетним бакалавриатом;
- маскировки бакалавриата термином «базовое высшее образование»;
- понуждения к поступлению на обучение в магистратуру, чтобы получить завершеное высшее образование и право поступления в аспирантуру; при этом в соответствии с Постановлением Правительства право реализовывать программы магистратуры предполагается предоставить только ведущим вузам;
- приравнивания административным актом качества и уровня подготовки выпускников, обучавшихся четыре года, к качеству и уровню подготовки выпускников, обучавшихся пять и даже шесть лет;
- лишения лиц, обучающихся по пятилетним и шестилетним программам права на поступление в аспирантуру (адъюнктуру) и на занятие должностей, квалификационные требования к которым требуют наличия у претендентов завершеного высшего образования второго уровня, что безусловно ведет к существенному снижению престижности и привлекательности данных программ;

- утверждения двухуровневой модели получения завершеного высшего образования (базовое высшее образование и специализированное высшее образование) в качестве единственной (срок обучения – от шести до девяти лет).

После реализации этой версии можно будет отчитываться перед зарубежными «партнерами» о полной ликвидации классической отечественной модели получения высшего образования на основе программ моноподготовки.

В этой ситуации, поскольку ключевые параметры новой структуры уровней высшего образования до настоящего времени все еще нормативно не определены, от вузовского сообщества, для которого не безразлична судьба России, требуется публичное определение своей точки зрения по всем этим вопросам и активное отстаивание этой точки зрения. Позиция «премудрого пескаря» в этот переломный для страны момент неуместна.

С учетом новой структуры уровней высшего образования еще больше вопросов возникает при анализе макета ФГОС ВО, предложенного Минобрнауки России ФУМО в качестве основы для разработки четвертого поколения ФГОС ВО.

Макет ФГОС ВО четвертого поколения предполагает сохранение механизма реализации двухуровневой структуры высшего образования, внедренного в свое время в связи с вхождением в Болонский процесс. Этот механизм предусматривает право поступления в магистратуру (второй уровень высшего образования) лицам, имеющим высшее образование, полученное по образовательным программам базового высшего образования (первый уровень высшего образования – четырех-, пяти- и шестилетние программы). И при этом имеющееся у них высшее образование может быть получено по любому направлению высшего образования, в том числе и непрофильному. Представляется, что в этом механизме просматриваются признаки скрытого возрождения пресловутого *экстерната* (!!!), в свое время запрященного как формы обучения, не обеспечивающей минимально необходимого качества образования.

Рассмотрим реализацию этого механизма на конкретном примере. Лицо, окончившее обучение по четырехлетней программе направления подготовки «Технология художественной обработки материалов» за два (!!!) года обучения в магистратуре по направлению «Юриспруденция» (это меньше нормативного срока обучения по программам среднего профессионального образования), получает завершеное высшее юридическое образование второго уровня. Кроме того, этот выпускник магистратуры получает также право замещать должности, квалификационные характеристики которых требуют наличия у претендентов второго уровня юридического образования. И это еще не все «прелести». Макет ФГОС ВО четвертого поколения разрешает вузам по их усмотрению реализовывать любую программу обучения в *сокращенные* сроки (!!!) (индивидуальная образовательная траектория).

В то же время выпускники, обучавшиеся по *пятилетней* или *шестилетней* программе базового юридического образования, будут получать всего лишь незавершеное высшее юридическое образование первого уровня. И поэтому они не получают право замещать должности, квалификационные характеристики которых требуют наличия у претендентов юридического образования второго уровня.

Следует обратить внимание и на другую сторону обозначенной проблемы. Предполагаемый второй уровень высшего образования – это узкоспециализированное высшее образование. В то же время, какую узкопрофильную специализацию можно формировать у обучающихся, поступающих в магистратуру без базового профильного образования? И как можно признать такую подготовку полноценным завершеном высшим образованием?

Подобная модель получения высшего образования выгодна только коммерсантам от образования. Отличный маркетинговый слоган для выгодной продажи «образовательных услуг»: «Высшее образование второго уровня за два года (а можно и короче с учетом Ваших финансовых возможностей)!!!».

А вот для системы воспроизводства кадрового потенциала страны такой подход грозит колоссальной деградацией.

Кроме того, предполагается, что к реализации программ магистратуры будут допущены только ведущие вузы. В таком случае, если поступление в аспирантуру (адъюнктуру) будет доступно только лицам, имеющим высшее образование второго уровня, то для выпускников остальных вузов доступ в аспирантуру (адъюнктуру) будет закрыт или крайне затруднен. А в вузах, где магистратура не будет разрешена, аспирантуру (адъюнктуру) придется закрывать? А наука прикажет долго жить? А что будет с подготовкой научно-педагогических кадров для воспроизводства педагогического состава вузов?

Таким образом, при анализе предлагаемой новой структуры уровней высшего образования немало вопросов возникает не только к первому уровню (базовое высшее образование), но и ко второму уровню. Если в соответствии с новой структурой второй уровень – это специализированное высшее образование, то программы этого уровня должны иметь не академическую, а узкоприкладную направленность. Можно ли в таком случае рассматривать этот уровень в качестве обязательной ступени для поступления в аспирантуру (адъюнктуру)? Представляется, что такие магистерские программы по своему предназначению ближе к программам дополнительного профессионального образования.

Пятилетние программы специалитета, реализуемые в настоящее время, обеспечивают уровень академической и прикладной подготовки, вполне достаточный для поступления выпускников в аспирантуру (адъюнктуру). И проблем здесь не возникает. А шестилетние интегрированные программы вообще уже со-

держат в своей структуре, наряду с программой бакалавриата, программу магистратуры.

Очевидно, что доучивание до уровня завершено высшего образования, если и требуется, то только для лиц, обучавшихся по четырехлетним программам бакалавриата. Как это предусмотрено в настоящее время. И магистерские программы, предназначенные для доучивания выпускников, обучавшихся по этим программам, вряд ли можно отнести исключительно к специализированному образованию.

И еще одна «прелесть». Оказывается, что для получения второго высшего образования даже и в магистратуру не обязательно поступать. Макет ФГОС ВО, в соответствии с изменениями, внесенными Минобрнауки России в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в 2021 г. [12], чуть ли не директивно предлагает образовательным организациям реализовывать в рамках нормативного срока обучения уже не одну квалификацию (как это было всегда), а несколько квалификаций.

При этом количество квалификаций, реализуемых в рамках одной образовательной программы, не ограничивается. Выбор дополнительных квалификаций (по отношению к основной квалификации) также не регламентируется. Это может быть любая квалификация (или квалификации), которая (которые) никаким образом не согласуется (не согласуются) с основной квалификацией.

Отсутствует и какое-либо обоснование, почему, благодаря каким фантастическим технологиям, в рамках нормативного срока обучения вдруг (!!!) стало возможно полноценное формирование не одной, а нескольких квалификаций. Как это согласуется с тем фактом, что нормативный срок обучения по образовательной программе, установленный федеральным перечнем специальностей и направлений высшего образования, рассчитан с учетом формирования *одной* (!!!) квалификации?!

Для наглядности рассмотрим возможный вариант практической реализации данной новации. Добросовестный вуз в течение шести лет формирует у обучающихся квалификацию «юрист». А некая «инновационная» образовательная организация формирует у обучающихся квалификацию «юрист», а также одновременно еще какое-то количество квалификаций (например, «экономист» и «психолог»), в течение четырех лет. Как уже отмечалось, подобные варианты разрешены на законодательном уровне! Более того, ФГОС ВО в соответствии с принципами Болонской системы позволяет вузу сокращать срок обучения по своему усмотрению практически на год (так называемое, обучение по индивидуальному плану в сокращенные сроки, индивидуальная образовательная траектория). И при всех этих особенностях второй образовательной программы, недопустимых в приличном вузе, уровень высшего образования, получаемого выпускниками обеих этих образовательных организаций, будет при-

знаваться одинаковым (!!!) – базовое высшее образование. И права у выпускников будут одинаковые.

А как быть с качеством полученных выпускниками второго вуза квалификаций и образования в целом? В соответствии с новыми аккредитационными критериями, принятыми не так давно Рособнадзором [13], уровень и качество освоения обучающимися знаний оценивается, опять же в соответствии с принципами Болонской системы, на основе пресловутых тестов (оценочные средства, позволяющие устанавливать уровень освоения знаний не выше представления и воспроизводства, но не понимания и применения). К тому же тесты эти разрабатывает вуз сам. Поэтому на подлинную объективность результатов оценки качества образования, полученных таким путем, вряд ли приходится уповать.

Ну а если посмотреть на это безобразие с другой нравственной позиции? Вернее, отбросив нравственные оценки, как это принято в сообществе, где все измеряется количеством денег. Ведь это еще один хороший маркетинговый прием для продажи «образовательных услуг» в условиях рынка-базара. Для привлечения людей, не искушенных в хитросплетениях системы образования, в сети платного, коммерческого образования. «Даем образование не долго, не дорого и на все случаи жизни!».

От этого варианта получают выгоду и немалую только торгаши от образования, рожденные девяностыми и нулевыми. Да еще те, кто жаждет последовательного разрушения России.

Таким образом, к предполагаемой новой структуре уровней профессионального образования слишком много нелюбимых вопросов. И, несмотря на то, что к обсуждению хода реализации пилотного проекта еще даже не приступали, уже объявлено, что вся система российского высшего образования уже с 2025 г. должна перейти на функционирование в соответствии с новой структурой.

Однако проведенный анализ особенностей предложенной структуры позволяет усомниться в том, что она может стать полноценной основой для *суверенной* отечественной системы высшего образования, ориентированной на *национальные* интересы. Более того, есть основания полагать, что ее реализация может нанести интересам нашего Отечества существенный вред.

Представляется, что на данном этапе в интересах стабилизации функционирования системы высшего образования целесообразно сохранить сосуществование двух моделей структуры высшего образования:

1. Двухурвневой модели (бакалавриат + магистратура) – для тех направлений подготовки, которые подтвердили свою целесообразность и востребованы работодателями.

2. Классической российской моноподготовки (специалитет и интегрированные шестилетние программы).

Вариативность, разнообразие образовательных программ, в том числе по срокам обучения, позволит систе-

ме профессионального образования гибко реагировать на запросы государства, общества, работодателей.

Главное, что в настоящее время остро назрело и требует немедленной реализации, это прекращение принудительного насаждения двухуровневой модели и восстановление востребованных программ специалитета, в том числе в тех случаях, когда он был необоснованно ликвидирован.

Начиная с текущего года, рассматриваемый пилотный проект уже реализуется. Но при этом важнейшие характеристики апробируемой структуры уровней профессионального образования скрыты по умолчанию. В этих условиях важно, чтобы результаты этого эксперимента анализировались не кулуарно, минуя публичное обсуждение содержания и хода эксперимента общественностью. Прежде всего, это касается вузовского сообщества, в том числе в лице ФУМО, профессиональных ассоциаций, а также заинтересованных федеральных государственных органов.

Об этом шла речь на заседании Общего собрания членов Ассоциации юридического образования (далее — АЮРО) 29 сентября 2023 г. Было принято решение поручить Президиуму АЮРО совместно с Ассоциацией юристов России включиться в эту работу.

Примечательно, что пилотный проект планируется завершить в 2025 г. К этому времени выпуска обучающихся еще не состоится ни по одной из программ, реализуемых в рамках пилотного проекта. Поэтому при подведении итогов экспериментальной апробации новой структуры уровней профессионального образования вопрос о статусе первого уровня высшего образования (базового высшего образования) и правах выпускников, обучавшихся по образовательным программам этого уровня, еще не встанет в практическую плоскость. Вузы еще не приступят к набору на второй уровень высшего образования (специализированное высшее образование) и в аспирантуру выпускников первого набора по программам, участвующим в эксперименте.

В этих условиях важно, чтобы общественность не была поставлена перед свершившимся фактом «одобрения» и «внедрения» новой структуры до того момента, когда проявятся ее основные особенности.

Пока что общественность не ознакомлена с обоснованием предлагаемой новой структуры уровней профессионального образования. Не получены от Минобрнауки России и ответы на вопросы к данной структуре и макету ФГОС ВО четвертого поколения, которые поставило в своем обращении ФУМО по УГСН Юриспруденция, а также на вопросы, которые поставило МВД России в письме заместителя Министра В. Я. Кубышко. Представляется также важным получить ответы и на вопросы, сформулированные в данной статье. Это не случайные и не конъюнктурные вопросы. И если вузовское сообщество согласится с их значимостью, важно, чтобы они были поставлены уже от лица профессиональных ассоциаций и других общественных формирований.

Для поиска оптимальных ответов на все эти принципиальные вопросы требуется широкая публичная дискуссия. Это подтвердило бы факт, что государственно-общественный характер управления российской системой образования, закрепленный законодательно, не декларация, а работающая реальность. И для более четкого и конкретного определения основных компонентов экспериментального проекта важно, чтобы эта дискуссия развернулась уже сейчас. С принципиальными параметрами концепции отечественной *суверенной* системы образования необходимо определиться уже сейчас, на старте эксперимента, чтобы избежать ситуацию, «кота в мешке».

И главный вопрос, требующий убедительного ответа: мы действительно формируем суверенную самодостаточную систему профессионального образования, ориентированную на интересы России? Или только имитируем движение в этом направлении, в реальности продолжая дрейф в русле установок зарубежных «партнеров», которые сегодня приготовились распыть Россию?

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жевлакович С. С. Образование – это услуга? // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 1. С. 109–115.
3. Жевлакович С. С. ФГОС ВО четвертого поколения – чехарда продолжается?! // Вестник экономической безопасности. 2021. № 6. С. 298–305.
4. Жевлакович С. С. К вопросу о суверенизации национальной системы образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 127–135.
5. Жевлакович С. С. К вопросу о формировании национально-ориентированной, суверенной системы высшего образования Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2023. № 1. С. 15–18.
6. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // URL://<http://www.kremlin.ru>.
7. Жевлакович С. С. Галопом по Европам не получится. К вопросу о разработке федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования четвертого поколения // Юридическое образование и наука. 2023. № 6. С. 3–7.
8. Жевлакович С. С. Шаг вперед, два шага назад? О реформе отечественного высшего образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 3. С. 118–121.
9. Жевлакович С. С. Вперед к зияющим верши-

нам. О некоторых правовых аспектах реформы системы высшего образования // Юридическое образование и наука. 2023. № 9. С. 3–7.

10. Проект Положения о проведении пилотного проекта по изменению системы уровней профессионального образования в 2023/2024, 2024/2025, 2025/2026 учебных годах.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 августа 2023 г. № 1302 «О реализации пилотного проекта, направленного на изменение уровней профессионального образования» // URL://<http://publication.pravo.gov.ru>.
12. Федеральный закон от 26 мая 2021 г. № 144-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Жевлакович С. С. К вопросу о новых аккредитационных показателях по образовательным программам высшего образования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 3. С. 318–325.

References

1. Federal Law of December 29, 2012 № 273-FZ «On Education in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
2. Zhevlakovich S. S. Education is a service? // Psychology and pedagogy of service activities. 2022. № 1. P. 109–115.
3. Zhevlakovich S. S. FGOS VO of the fourth generation – the chaos continues! // Bulletin of Economic Security. 2021. № 6. P. 298–305.
4. Zhevlakovich S. S. To the issue of sovereignty of the national education system // Psychology and pedagogy of service activities. 2022. № 3. P. 127–135.
5. Zhevlakovich S. S. To the issue of the formation

of a nationally-oriented, sovereign system of higher education of the Russian Federation // Legal Education and Science. 2023. № 1. P. 15–18.

6. Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2023, № 343 «On Some Issues of Improving the System of Higher Education» // URL://<http://www.kremlin.ru>.
7. Zhevlakovich S. S. Galloping across Europe will not work. Toward the development of federal state educational standards of higher education of the fourth generation // Legal Education and Science. 2023. № 6. P. 3–7.
8. Zhevlakovich S. S. Step forward, two steps back? On the reform of domestic higher education // Psychology and pedagogy of service activity. 2023. № 3. P. 118–121.
9. Zhevlakovich S. S. Forward to the gaping peaks. On some legal aspects of the reform of the higher education system // Legal Education and Science. 2023. № 9. P. 3–7.
10. Draft Regulations on conducting a pilot project to change the system of vocational education levels in 2023/2024, 2024/2025, 2025/2026 academic years.
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 9, 2023, № 1302 «On the implementation of a pilot project aimed at changing the levels of vocational education» // URL://<http://publication.pravo.gov.ru>.
12. Federal Law of May 26, 2021 № 144-FZ «On Amending the Federal Law «On Education in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
13. Zhevlakovich S. S. To the issue of new accreditation indicators for educational programs of higher education // Bulletin of Economic Security. 2022. № 3. P. 318–325.

Информация об авторе

С. С. Жевлакович – профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, руководитель учебно-методического совета по образованию в области правового обеспечения национальной безопасности, правоохранительной деятельности и судебной экспертизы Федерального учебно-методического объединения в сфере высшего образования по УГСН 40.00.00 Юриспруденция, член Правления Ассоциации юридического образования, кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы.

Information about the author

S. S. Zhevlakovich – Professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Head of the Educational and Methodological Council for Education in the field of Legal Support of National Security, Law Enforcement and Forensic Examination of the Federal Educational and Methodological Association in the field of higher education in the UGSN 40.00.00 Jurisprudence, Member of the Board of the Association of Legal Education, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Honored Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Научная статья

УДК 159.923

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-300-307>

EDN: <https://elibrary.ru/qhfnpl>

НИОН: 2003-0059-6/23-881

MOSURED: 77/27-003-2023-06-080

Специфика психологического сопровождения сотрудников УИС, состоящих в группе повышенного внимания

Илья Александрович Ковальчук¹, Дмитрий Вячеславович Соколов², Сергей Николаевич Федотов³

^{1,2} Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, Рязань, Россия

³ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, fedotovsn@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются психологические особенности личности сотрудников исправительных учреждений, состоящих в группе повышенного внимания. Объектом исследования выступили сотрудники исправительных учреждений, состоящих в группе повышенного психолого-педагогического внимания. В результате был получен усредненный профиль личности сотрудников исправительных учреждений, состоящих в группе повышенного внимания.

Ключевые слова: сотрудники исправительных учреждений, группа повышенного внимания, уголовно-исполнительная система, деструктивное поведение, пенитенциарный психолог

Для цитирования: Ковальчук И. А., Соколов Д. В., Федотов С. Н. Специфика психологического сопровождения сотрудников УИС, состоящих в группе повышенного внимания // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 300–307. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-300-307>. EDN: QHFNPL.

Original article

Specifics of psychological support of penal correctional system employees in the group of increased attention

Ilya A. Kovalchuk¹, Dmitry V. Sokolov², Sergey N. Fedotov³

^{1,2} Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia

³ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', fedotovsn@rambler.ru

Abstract. The psychological peculiarities of the personality of correctional officers in the group of high attention are considered. The object of the study were correctional officers who were in the group of increased psychological and pedagogical attention. The result was an average personality profile of correctional officers in the high-attention group.

Keywords: correctional officers, special attention group, penal system, destructive behavior, penitentiary psychologist

For citation: Kovalchuk I. A., Sokolov D. V., Fedotov S. N. Specifics of psychological support of penal correctional system employees in the group of increased attention. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):300–307. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-300-307>. EDN: QHFNPL.

Как показывает ряд исследований, в связи с особенностями условий несения службы и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, увеличивается риск возникновения профессиональных деструкций по сравнению с другими профессиями. Сотрудники традиционно принадлежат к категории лиц с высоким уровнем эмоционально-стрессовых нагрузок. Помимо специфических и неспецифических психотравмирующих состояний, которые влияют на большинство людей, на них воз-

действуют негативные факторы, связанные с условиями профессиональной деятельности [3].

Согласно данным, опубликованным Федеральной службой государственной статистики, число правонарушений, совершаемых сотрудниками УИС, увеличивается из года в год. В 2022 г. было зарегистрировано 630 преступлений, связанных с деятельностью сотрудников УИС. Это число выше, чем в 2021 г., когда было зарегистрировано 511 преступлений.

Сотрудников, чьи индивидуально-психологиче-

ские особенности при определенных жизненных обстоятельствах могут способствовать возникновению у них негативных психических состояний, а также сотрудников, склонных к проявлению деструктивного поведения, относят к группе повышенного внимания [1].

Вместе с тем, исследование проблемы психологического сопровождения сотрудников исправительных учреждений, состоящих в группе повышенного внимания, в настоящее время остается актуальным. Особенно важным является выявление проблем и предложения меры по их устранению [4]. Также психологическое сопровождение данной категории сотрудников позволит оценить эффективность существующих программ психологической поддержки и разработать новые методы работы, что способствует повышению эффективности работы УИС [9].

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. определяющей целью уголовно-исполнительной системы является повышение эффективности уголовно-исполнительной системы, предусматривающее совершенствование организации ее деятельности, оптимизацию учреждений, обеспечение безопасности, развитие производства и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала [15]. Именно поэтому перед УИС стоит задача по формированию и укреплению законопослушного поведения сотрудников, обеспечению их личной и профессиональной безопасности, а также созданию благоприятного социально-психологического климата в служебных коллективах [13; 14].

На современном этапе развития пенитенциарной

психологии изучением психологического сопровождения сотрудников уголовно-исполнительной системы занимались такие ученые, как: О. Н. Ежова, Ю. В. Слюсарева, Т. П. Даниличева, Л. С. Качкина, А. В. Кокурин, С. Х. Шамсунов, С. В. Кулакова, Л. В. Мешкова, К. Ф. Фадеева, Е. М. Федорова, И. В. Березина, Е. В. Горшкова, И. А. Логинова, Е. А. Борисова, Т. В. Кузнецова, А. Н. Лаптева, Л. В. Кутузова, Н. В. Савина, Е. В. Смирнова [6; 7].

Исходя из приоритетных задач, для разработки практических рекомендации по психологическому сопровождению сотрудников исправительных учреждений, состоящих в группе повышенного внимания, необходимо выявить особенности личности данной категории сотрудников.

В рамках проведения исследования выборка составила 50 сотрудников ФКУ ИК-1 и ФКУ ИК-3 УФСИН России по Тамбовской области. Для решения поставленных задач мы использовали следующий диагностический инструментарий: методика «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Х. Келлермана, предназначенная для диагностики механизмов психологической защиты личности, тест – опросник «Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана, предназначенный для определения уровня развития волевой саморегуляции личности, анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз» В. Ю. Рыбникова, позволяющая выявить лиц с признаками нервно-психической неустойчивости, тест-опросник «Склонность к девиантному поведению» Э. В. Леуса, предназначенный для оценки степени выраженности дезадаптации у лиц с различными видами деструктивного поведения.

Таблица 1

Результаты обследования сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания, по методике «Исследование волевой саморегуляции» А. В. Зверькова и Е. В. Эйдмана

Общая шкала саморегуляции		Субшкала «Настойчивость»		Субшкала «Самообладание»	
Высокий показатель	Низкий показатель	Высокий показатель	Низкий показатель	Высокий показатель	Низкий показатель
40 %	60 %	75 %	25 %	36 %	64 %

Исходя из результатов методики «Исследование волевой саморегуляции», можно отметить, что у сотрудников ИУ, состоящих в группе повышенного внимания, в меньшей степени развита сила воли, выдержка, решительность, умение владеть собой и своими действиями, однако они достаточно часто проявляют такие качества, как инициативность и самостоятельность, уверены в собственных поступках и могут отстаивать свою позицию. Для них такие качества как

самообладание и настойчивость связаны с самоконтролем и саморегуляцией эмоционального поведения, что говорит нам о том, что они не всегда способны справиться со своими негативными эмоциями.

В соответствии с данными таблицы мы можем сделать вывод о том, что по общей шкале волевой саморегуляции у сотрудников ИУ, состоящих в группе повышенного внимания (60 %), отмечается высокая чувствительность, эмоциональная неустойчивость,

ранимость, неуверенность в себе, импульсивность, неустойчивость в намерениях. Также у них отмечается низкая способность выдерживать длительные эмоциональные и физические нагрузки.

По субшкале «Настойчивость» мы можем сделать вывод о том, что большинство сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания (75 %) более упорны в своих взглядах, активно стремятся доделать начатое до конца, не отвлекаясь на внешние раздражители. Такие сотрудники деятельные, работоспособные люди, активно стремящиеся к выполнению намеченного, их мобилизируют преграды на пути к цели, но отвлекают альтернативы и соблазны, главная их ценность – начатое дело. Таким людям свойственно уважение социальным нормам, стремление полностью подчинить им свое поведение. В крайнем выражении

возможна утрата гибкости поведения, появление маниакальных тенденций.

По субшкале «Самообладание» 64 % респондентов получили низкий показатель. Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что большинство сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания, обладают низкой способностью управлять своими эмоциями и настроением. Им характерна спонтанность, импульсивность в сочетании с обидчивостью, консерватизмом и предпочтением традиционных взглядов. Они обладают низкой эмоциональной устойчивостью и плохо владеют собой в стрессовых ситуациях. Также таким сотрудникам характерны беспокойство, тревожность, склонность к волнениям, пессимистичность. Они достаточно часто испытывают чувство хронического утомления.

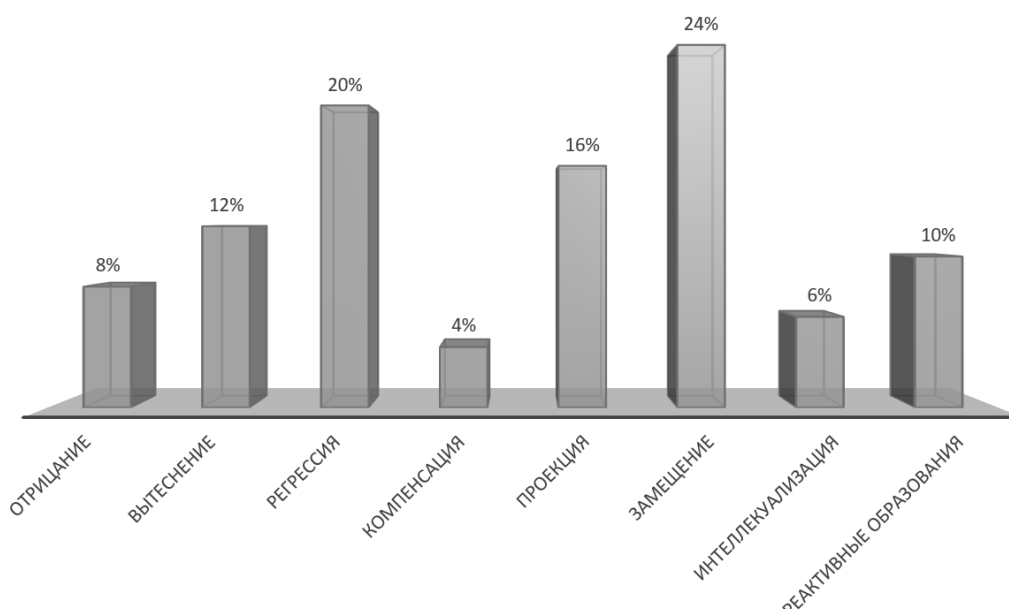

Рис. 1. Результаты обследования сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания, по методике «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Х. Келлермана

Анализ результатов обследования сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания, показывает, что у большинства из них преобладает такой механизм психологической защиты, как замещение (24 %). Механизм замещения может иметь конструктивную и деструктивную реализацию. Обычно психика использует защитные механизмы в комбинации, и личность зачастую использует комбинацию с возможным преобладанием, акцентуацией одного из них. В случае акцентуации механизма замещения личность характеризуется деятельностью (конструктивная форма), возбудимостью, раздражительностью (в деструктивной). Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что данные сотрудники могут быть импульсивны, раздражительны, требовательны к окружающим. Для них характерны реакции протеста в ответ на кри-

тику, увлечение боевыми видами спорта, склонность к риску. В поведении возможны проявления агрессивности, неуправляемости, склонности к жестокости, аморальности.

Также одним из преобладающих механизмов психологической защиты у сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания, является вытеснение (20 %). Для данного типа психологической защиты характерна слабохарактерность, отсутствие глубоких интересов, податливость влиянию окружающих, внушаемость, неумение доводить до конца начатое дело, легкая смена настроения, плаксивость, в стрессогенной ситуации повышенная сонливость и неумеренный аппетит, манипулирование мелкими предметами, непроизвольные действия (потирание рук, кручение пуговиц и т. п.), специфическая «детская» мимика и речь,

склонность к мистике и суевериям, обостренная ностальгия, непереносимость одиночества, потребность в стимуляции, контроле, подбадривании, утешении, поиск новых впечатлений, импульсивность.

Также необходимо отметить, что у 16 % респондентов преобладает механизм психологической защиты «проекция». Особенности такого типа замещения заключаются в излишнем самолюбии, эгоизме, злопамятности, обидчивости, упрямству, несговорчивости, повышенной чувствительности к критике, требовательностью к себе и другим, а также к стремлению достичь высоких показателей в любом виде деятельности.

Таким образом, можем предположить о том, что сотрудникам, состоящим в группе повышенного внимания, характерна импульсивность, раздражительность, легкая смена настроения, упрямство и обидчивость.

Далее нами была использована анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз» В. Ю. Рыбникова, которая позволяет выявить отдельные признаки личностных нарушений, а также оценить вероятность их развития в поведении и деятельности человека. Результаты представлены на рис. 2.

НПУ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ, %

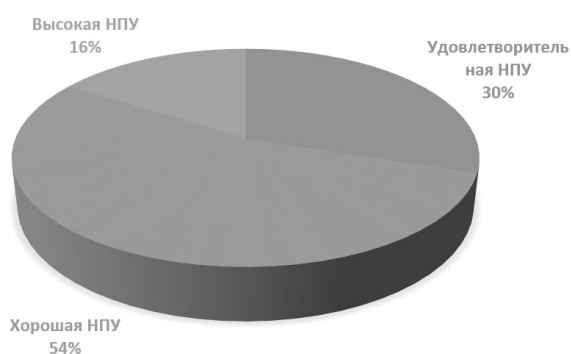

Рис. 2. Результаты обследования сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания, с использованием анкеты оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз» В. Ю. Рыбникова

Исходя из полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что 30 % респондентов имеют высокий уровень нервно-психической устойчивости и стрессоустойчивости. Высокая нервно-психическая устойчивость у данных сотрудников характеризуется низкой вероятностью нарушений психической деятельности, высоким уровнем поведенческой регуляции, гибкостью и подвижностью нервной системы, а также высокой стрессоустойчивостью.

По результатам обследования, у 54 % респондентов имеют хороший уровень нервно-психической устойчивости, который характеризуется низкой вероятностью нервно-психических срывов, адекватными

самооценкой и оценкой окружающей действительности. Возможны единичные, кратковременные нарушения поведения в экстремальных ситуациях при значительных физических и эмоциональных нагрузках.

30 % опрошенных сотрудников имеют удовлетворительный уровень нервно-психической устойчивости, который характеризуется неадекватно сильными реакциями по отношению к вызывающим их стимулам. Отличается эмоциональной лабильностью, неуравновешенностью психических процессов, гиперактивностью и медленным возвратом к исходному состоянию после эмоциональных переживаний. Такие сотрудники с большим трудом адаптируются к новым условиям, стараются забыть, подавить неприятные для себя аффекты, а не активно преодолевать их.

По результатам проведенного исследования с помощью использования анкеты нервно-психической устойчивости «Прогноз» В. Ю. Рыбникова, мы можем сделать вывод о том, что сотрудники, состоящие в группе повышенного внимания, обладают хорошим уровнем нервно-психической устойчивости (54 % респондентов). Также мы делаем вывод о том, что у 16 % респондентов отмечается высокая нервно-психическая устойчивость, а 30 % респондентов – удовлетворительная нервно-психическая устойчивость.

Далее в исследовании нами была использована методика склонность к девиантному поведению Э. В. Леуса. Полученные данные были обработаны и проинтерпретированы (Рис. 3–6).

СОЦИАЛЬНО-ОБУСЛОВЛЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Рис. 3. Полученные показатели по шкале «Социально-обусловленное поведение», методика СДП

На рисунке представлены данные по шкале «Социально-обусловленное поведение», которая предназначена для измерения предрасположенности испытуемого к преодолению каких-либо норм и правил, склонности к отрицанию общепринятых норм и ценностей, образцов поведения.

Анализируя полученные показатели, мы видим, что у 70 % опрошиваемых по шкале «Социально-обусловленное поведение» преобладает результат низкий результат. Данный результат свидетельствует о конформных установках испытуемого, склонности следовать стереотипам и общепринятым нормам поведения.

15 % опрошиваемых по шкале «Социально-обусловленное поведение» получили средний результат, который свидетельствует о предрасположенности испытуемых к преодолению каких-либо норм и правил, склонности к отрицанию общепринятых норм и ценностей, образцов поведения.

5 % респондентов по шкале «Социально-обусловленное поведение» получили высокий результат, что свидетельствуют о чрезвычайной выраженности неконформистских тенденций, проявлении негативизма.

Рис. 4. Полученные показатели по шкале «Склонность к аддиктивному поведению», методика СДП

На рисунке представлены данные по шкале «Склонность к аддиктивному поведению», которая предназначена для измерения готовности реализовать аддиктивное поведение.

По полученным результатам мы можем сделать вывод о том, что 80% респондентов получили низкий результат, что свидетельствует о невыраженности аддиктивного поведения, либо о хорошем социальном контроле поведенческих реакций.

20 % респондентов получили средний результат. Данный результат говорит о предрасположенности испытуемых к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния, о склонностях к иллюзорно-компенсаторному способу решения личностных проблем. Кроме того, эти результаты свидетельствуют об ориентации на чувственную сторону жизни, о наличии «сенсорной жажды», о гедонистически ориентированных нормах ценностях.

На рисунке представлены результаты по шкале «Склонность к агрессии», которая предназначена

для измерения готовности испытуемого к реализации агрессивных тенденций в поведении.

Рис. 5. Полученные показатели по шкале «Склонность к агрессивному поведению», методика СДП

27 % респондентов получали средний результат, лежащий в диапазоне, что свидетельствуют о наличии агрессивных тенденций у испытуемых. 14 % респондентов получали показатели, находящиеся средний результат, который свидетельствуют об агрессивной направленности личности во взаимоотношениях с другими людьми, о склонности решать проблемы посредством насилия, о тенденции использовать унижение партнера по общению как средство стабилизации самооценки, о наличии садистических тенденций.

Однако большинство опрошиваемых (59 %) получили результат ниже низкий результат, что свидетельствуют о невыраженности у них агрессивных тенденций, о неприемлемости насилия как средства решения проблем, о нетипичности агрессии как способа выхода из фрустрирующей ситуации.

Рис. 6. Показатели по шкале «Склонность к деликветному поведению», методика СДП

На рисунке предоставлены результаты по шкале

«Склонность к делинквентному поведению». Данная шкала предназначена для измерения готовности испытуемого к реализации делинквентного поведения.

Исходя из полученных результатов, мы делаем вывод о том, что 35 % респондентов имеют делинквентные тенденции и низкий уровень социального контроля.

По результатам тестирования 60 % респондентов получили низкий результат, что говорит о невыраженности делинквентного поведения, что в сочетании с высокими показателями по шкале социальной желательности может свидетельствовать о высоком уровне социального контроля.

Однако 5 % респондентов имеют высокий риск возникновения делинквентного поведения, о чем свидетельствует полученный ими результат.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что сотрудники, состоящие в группе повышенного внимания, имеют средние показатели по методике склонности к деструктивному поведению Э. В. Леус. Данные результаты исследования испытуемых свидетельствуют о том, что для них в меньшей степени характерно проявление деструктивного поведения.

Проанализировав результаты комплексного психодиагностического исследования, мы пришли к выводу о том, что для сотрудников, состоящих в группе повышенного внимания, характерны излишнее самолюбие, эгоизм, злопамятность, обидчивость, упрямство, несговорчивость, нетерпимость к критике, требовательность к себе и другим, а также стремление достичь высоких показателей в любом виде деятельности. Испытуемые обладают высоким уровнем инициативности и самостоятельности, а также уверены в собственных поступках и могут отстаивать свою позицию. Однако по результатам проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что данные сотрудники отличаются импульсивностью, эмоциональной неустойчивостью, низкой способностью управлять эмоциями и настроением.

Одной из главных задач сотрудников психологической службы УИС является своевременная коррекция различных проявлений деструктивного поведения, эмоционального выгорания и профессиональной деформации сотрудников [8]. Сотрудников УИС, склонных к проявлению деструктивного поведения относят к группе повышенного внимания [9]. Под коррекцией деструктивного поведения сотрудников УИС понимается разработка системы различных видов мероприятий (индивидуальная, групповая, массовая работа, нравственное, культурно-досуговое воспитание), направленных на предупреждение развития различных видов деструктивного поведения (игровая зависимость, нарушения служебной дисциплины, акты суицида и т. д.) [2].

Также необходимо отметить, что психологическая коррекция деструктивного поведения сотрудников УИС должна строиться с учетом индивидуальных особенностей личности каждого сотрудника и в обя-

зательном порядке должна включать в себя обучение методам психической саморегуляции, а также навыкам бесконфликтного общения [5]. Особое внимание следует обратить на помощь в адаптации сотрудникам, недавно принятым на службу в уголовно-исполнительной системе [10].

Психологическая коррекция деструктивного поведения сотрудников УИС может проводиться в рамках индивидуальной или групповой работы [11]. Индивидуальная работа проводится при личном обращении сотрудника к психологу учреждения, групповая работа проводится согласно утвержденному графику и осуществляется в рамках сформированных групп. Следует заметить, что групповая работа с деструктивным поведением дает более заметные результаты, чем индивидуальная [12].

На основе полученных результатов проведенного исследования мы можем рекомендовать программу коррекции личности сотрудников исправительных учреждений, состоящих в группе повышенного внимания.

Основной стратегической целью данной программы является снижение уровня деструктивности среди сотрудников УИС, а также недопущение появления новых случаев деструктивного поведения.

Таким образом, понимая личностные особенности сотрудников исправительных учреждений, состоящих в группе повышенного внимания, сформированы практические рекомендации по организации психологического сопровождения данной категории сотрудников.

Список источников

1. Аксенова Г. И., Полякова Я. Н., Поляков А. В. Психолого-педагогическое сопровождение слушателей первоначального обучения учебных центров ФСИН России : учеб.-метод. пособие. Краснодар : дом «Юг», 2014.
2. Деркач А. А., Кузьмина Н. В. Акмеология – наука о путях достижения вершин профессионализма. М. : Российская академия управления, 1993.
3. Ежова О. Н. Психологическая работа с сотрудниками, состоящими в группе повышенного внимания : учебное пособие // Самарский юридический институт ФСИН России, 2018.
4. Ежова О. Н., Самченко А. А. Психологическое сопровождение сотрудников УИС : проблемы и пути их решения // Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2018. С. 277–280.
5. Кулешова Е. А. Психологическое сопровождение сотрудников УИС, состоящих в группе повышенного внимания // Издательство ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний». 2023. С. 142–146.
6. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996.

7. Макаркина О. Е., Ромашова А. О. Основные формы и методы психологической профилактики и коррекции профессиональных деструкций личного состава уголовно-исполнительной системы // *Формы и методы психологической работы со спецконтингентом и персоналом. Материалы VII Межведомственного круглого стола. 2022. С. 74–78.*
8. Организация работы практических психологов с персоналом уголовно-исполнительной системы : учебно-методическое пособие / под. общ. ред. О. Г. Ковалева. М. : ОПС, НИИ ФСИН России, 2005.
9. Осухова И. Г. Психологическое сопровождение личности в период адаптации к жизненным изменениям. М. : МПСИ, МОДЭК, 2000.
10. Организация работы практических психологов с персоналом уголовно-исполнительной системы : учебно-методическое пособие / М. Г. Дебольский, Б. Г. Бовин, А. А. Васищев [и др.]. М. : НИИ ФСИН, 2005.
11. Писарев О. М. Основы психологии в деятельности сотрудников УИС. Томск, 2010. С. 80–81.
12. Поваренков Ю. П. Проблемы психологии профессионального становления личности. Саратов : Саратовский государственный социально-экономический университет, 2013.
13. Полякова Я. Н. Актуальные вопросы психологического сопровождения сотрудников УИС // *Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. 2016. С. 217–220.*
14. Профилактика негативных явлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы : методические рекомендации. М. : ФСИН России, 2007.
15. О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // *Собр. законодательства РФ. 2021.*
- support of correctional officers: problems and ways to solve them // *Samara Law Institute of the Federal Service for the Execution of Punishments. 2018. P. 277–280.*
5. Kuleshova E. A. Psychological support of penitentiary correctional officers who are in the group of high attention // *Publisher FKOU VO «St. Petersburg University of the Federal Service for the Execution of Punishments». 2023. P. 142–146.*
6. Markova A. K. Psychology of professionalism. M., 1996.
7. Makarkina O. E., Romashova A. O. The main forms and methods of psychological prevention and correction of professional destructions of the personnel of the penal correctional system // *Forms and methods of psychological work with special contingent and personnel. Materials of the VII Interdepartmental round table. 2022. P. 74–78.*
8. Organization of the work of practical psychologists with the personnel of the penal system : educational and methodological manual / ed. by O. G. Kovalev. M. : OPS, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2005.
9. Osukhova I. G. Psychological support of personality in the period of adaptation to life changes. M. : MPSI, MODEK, 2000.
10. Organization of the work of practical psychologists with the personnel of the penal correctional system: educational and methodological manual / M. G. Debolsky, B. G. Bovin, A. A. Vasishchev [et al.]. M. : NII FSIN, 2005.
11. Pisarev O. M. Fundamentals of psychology in the activities of the staff of the penal system. Tomsk, 2010. P. 80–81.
12. Povarenkov Y. P. Problems of psychology of professional formation of personality. Saratov : Saratov State Socio-Economic University, 2013.
13. Polyakova Ya. N. Topical issues of psychological support of correctional officers // *Criminal Executive System : pedagogy, psychology and law. 2016. P. 217–220.*
14. Prevention of negative phenomena in institutions and bodies of the penal system : methodological recommendations. M. : Federal Penitentiary Service of Russia, 2007.
15. On the concept of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030 : Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 № 1138-r // *Collection of legislation of the Russian Federation. 2021.*

References

1. Aksenova G. I., Polyakova Ya. N., Polyakov A. V. Psychological and pedagogical support of students of initial training of training centers of the Federal Penitentiary Service of Russia : textbook. Krasnodar : Yug House, 2014.
2. Derkach A. A., Kuzmina N. V. Akmeology – science of ways to achieve the peaks of professionalism. M. Russian Academy of Management, 1993.
3. Ezhova O. N. Psychological work with employees in the group of high attention : training manual // *Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2018.*
4. Ezhova O. N., Samchenko A. A. Psychological

Библиографический список

1. Асаул А. Н., Богданова А. В. Психологическое сопровождение карьерного самоопределения : учебное пособие. М. : Академия, 2017.

2. Психологическое обеспечение деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Минюста России (теория и практика) / под общ. ред. С. Х. Шамсунова. М. : Томск : АПиУ МЮ РФ, 2004.
3. Самойлова А. А. Психологическое сопровождение молодых сотрудников УИС в период их профессиональной адаптации. // Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. 2019. С. 142–137.
4. Ушков Ф. И., Диденко А. В. Проблемы и перспективные направления в деятельности психологической службы УИС России // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: матер. Всеросс. научн-прак. конф. Томск 15–16 апреля 2015 г. / под общ. ред. А. А. Вотинова. Вып. 3; Томский ИПКР ФСИН России. Томск : Графика, 2015. С. 13–19.
- support of career self-determination: textbook. М. : Academy, 2017.
2. Psychological support of the activities of institutions and bodies of the penal system of the Ministry of Justice of Russia (theory and practice) / edited by S. H. Shamsunov. Tomsk : APiU of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2004.
3. Samoylova A. A. Psychological support of young employees of the penal correction system during the period of their professional adaptation // Academy of Law and Management of the Federal Service for the Execution of Punishments. 2019. P. 142–137.
4. Ushkov F. I., Didenko A. V. Problems and promising directions in the activities of the psychological service of the Penal Enforcement System of Russia // Penal Enforcement System: pedagogy, psychology and law: mater. All-Russian scientific conference Tomsk April 15-16, 2015 / ed. by A. A. Votinov. Vol. 3; Tomsk IPKR FSIN of Russia. Tomsk : Grafika, 2015. P. 13–19.

Bibliographic list

1. Asaul A. N., Bogdanova A. V. Psychological

Информация об авторах

И. А. Ковальчук – начальник кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе психологического факультета Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук;

Д. В. Соколов – преподаватель кафедры огневой подготовки юридического факультета Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России;

С. Н. Федотов – профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors

I. A. Kovalchuk – Head of the Department of Psychology of Professional Activity in the Penal Enforcement System of the Faculty of Psychology of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Psychological Sciences;

D. V. Sokolov – Lecturer at the Department of Firearms Training of the Faculty of Law of the Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia;

S. N. Fedotov – Professor of the Department of Psychology of the Educational and Scientific Complex of Performance Psychology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Psychological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-308-317>

EDN: <https://elibrary.ru/qottfd>

НИОН: 2003-0059-6/23-882

MOSURED: 77/27-003-2023-06-081

Динамика ценностей, жизненных планов и способов самопомощи в ценностно-мотивационной сфере личности обучающихся образовательных организаций МВД России

Елена Викторовна Костина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ORCID: 0000-0002-9741-1089,
kasatka1317@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного эмпирического исследования, охватившего 13 тысяч обучающихся в период с 2019 по 2022 годы. Получены эмпирические данные динамики ценностей, способов самопомощи в субъективно сложных ситуациях, планов в ближайшей и отдаленной перспективах обучающихся образовательной организации МВД России, позволяющие выделить ведущие тенденции ценностно-мотивационной сферы личности обучающихся образовательных организаций МВД России на современном этапе. Выявлено, что среди основных жизненных ценностей обучающимися выделяется здоровье. Они придерживаются традиционных ценностей, среди которых любовь и семья. Свобода как независимость в поступках и действиях является одной из наименее важных ценностей. За анализируемый период усилили свои позиции ценности «развития в профессии» и «спорта». Обучающимися обесценены путешествия, ранее выделяемые одной из наиболее значимых ценностей. В отличие от своих ровесников, представителей иных учебно-профессиональных общностей, курсанты и слушатели не испытывают трудностей в определении планов ни на ближайшую, ни на отдаленную перспективу, к тому же демонстрируют намеренность самостоятельно реализовать планы, не полагаясь на помощь и поддержку близких. В ближайшей перспективе обучающиеся образовательной организации МВД России ориентированы на учебу, самосовершенствование и развитие в профессии; в отдаленной перспективе – карьеру, профессиональное саморазвитие и семью, что соответствует представлениям обучающихся о смысле жизни. Ориентация обследуемых на любовь, дружбу в качестве жизненных ценностей приводит к тому, что именно в семье, партнерах и приятелях они видят наиболее эффективные средства психологической стабилизации.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценностно-мотивационная сфера, образовательная организация МВД России, способы самопомощи, жизненные планы

Для цитирования: Костина Е. В. Динамика ценностей, жизненных планов и способов самопомощи в ценностно-мотивационной сфере личности обучающихся образовательных организаций МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 308–317. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-308-317>. EDN: QOTTFD.

Original article

Dynamics of values, life plans and ways of self-help in the value-motivational sphere of the personality of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Elena V. Kostina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The results of a comparative empirical study that covered 13 thousand students in the period from 2019 to 2022 are being presented. Empirical data on the dynamics of values, self-help methods in subjectively difficult situations, plans in the near and long-term prospects of students of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs

© Костина Е. В., 2023

of Russia are obtained, which allow us to identify the leading trends in the value-motivational sphere of the personality of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the present stage. It is revealed that among the main life values, health is singled out by students. They adhere to traditional values, including love and family. Freedom as independence in actions and actions is one of the least important values. During the analyzed period, the values of «professional development» and «sports» have strengthened their positions. Students devalued travel, previously allocated one of the most significant values. Unlike their peers, representatives of other educational and professional communities, cadets and trainees do not have difficulties in determining plans for either the near or long term, besides demonstrating the intention to independently implement plans without relying on the help and support of loved ones. In the short term, students of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia are focused on study, self-improvement and development in the profession; in the long term – career, professional self-development and family, which corresponds to the ideas of students about the meaning of life. The orientation of the subjects to love, friendship as life values leads to the fact that it is in the family, partners and friends that they see the most effective means of psychological stabilization.

Keywords: value orientations, value-motivational sphere, educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia, self-help methods, life plans

For citation: Kostina E. V. Dynamics of values, life plans and ways of self-help in the value-motivational sphere of the personality of students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(6):308–317. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-308-317>. EDN: QOTTFD.

Введение. Создание безопасного и устойчивого общества обеспечивается своевременным изменением социальных явлений, изучением их причин и последствий. Современное мировое сообщество сталкивается со многими проблемами, среди которых экстремизм, преступность, антиобщественная деятельность, аддикции, буллинг, насилие и т. д., обладающие очевидно негативным характером и последствиями, создающими угрозы национальной безопасности любого государства. И отечественные (Л. А. Калинин [7]; З. З. Саидова [15]; Г. В. Синцов [12]), и зарубежные (А. С. Запесоцкий [19]; Л. Винджапури [18]) исследователи связывают рост и усложнение подобных явлений с распространением деструктивной идеологии, основанной на противостоянии традиционным общественным ценностям и способствующей их ослаблению и разрушению.

Сегодня одной из наиболее острых проблем, с которыми сталкивается наше государство, становится попытка стихийной экспансии в России деструктивной системы ценностей, массовой культуры потребления, угрожающих возникновением конфликтов поколенческих идентичностей и противостоянием ценностных миров внутри российского общества [5].

На необходимость сохранения и укрепления традиционных общественных ценностей обращает внимание Президент Российской Федерации. Открывая Экономический и гуманитарный форум «Россия-Африка 2023», В. В. Путин подчеркнул нацеленность России на противодействие распространяемой деструктивной идеологии и недопущение ее посягательства на традиционные устои российского общества [13].

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отмечается,

что сохранение и укрепление традиционных ценностей реализуется, в том числе, в области образования, воспитания и работы с молодежью [16].

Действительно, молодежная среда, как одна из наиболее уязвимых в контексте внешнего негативного воздействия [6], отличается неустойчивыми ценностными ориентирами [10], что при определенных условиях способствует ослаблению представлений о значимости и роли традиционных общественных ценностей. Именно своевременное отслеживание изменений в ценностно-мотивационной сфере личности молодых людей позволяет успешно корректировать направления, методы и технологии психопрофилактической работы в образовательных организациях с целью закрепления традиционных ценностей в представлениях молодежи.

Методы и материалы исследования. Эмпирическое исследование проведено в период с 2019 по 2022 гг. на базе образовательной организации МВД России. В нем приняли участие 13010 обучающихся 1–5 курсов: 2019 г. – 2228 человек, 2020 г. – 3919 человек, 2021 г. – 3023 человека, 2022 г. – 3840 человек (таблица 1). Исследование проведено методом письменного анонимного опроса с использованием анкеты по профилактике аутоагрессивного поведения, разработанной на основе концепции профилактики аутоагрессивного поведения подростков (А. А. Григорьевой) [4], направленной на выявление жизненных ценностей и планов, актуализацию антисуицидальных факторов и предлагает различные варианты поиска психологической помощи в кризисных ситуациях и представленной блоками: жизненные ценности; планы на ближайший год (в ближайшей перспективе); планы на ближайшие 5–10 лет (более отдаленная перспектива); способы самопомощи, которые помогают справляться в субъективно сложной ситуации). Об-

работка результатов исследования проведена при помощи методов математико-статистического анализа:

применены описательные статистики, количественный, сравнительный и факторный виды анализа.

Таблица 1

Количественная характеристика обследуемых образовательной организации МВД России в период 2019–2022 гг.

Год	Выборка	из них (%)	
		юноши	девушки
2019	n=2228	63	37
2020	n=3919	55	45
2021	n=3023	62	48
2022	n=3840	54	46

Результаты и обсуждение. На рисунке 1 представлена динамика ценностей курсантов и слушателей образовательной организации МВД России.

Исходя из полученных данных, стоит отметить, что период 2019–2020 гг. сопровождался положительными

изменениями по ряду ключевых ценностей: «здоровье», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», «познание». За период 2021–2022 гг. система ценностных ориентиров курсантов и слушателей претерпела существенные изменения.

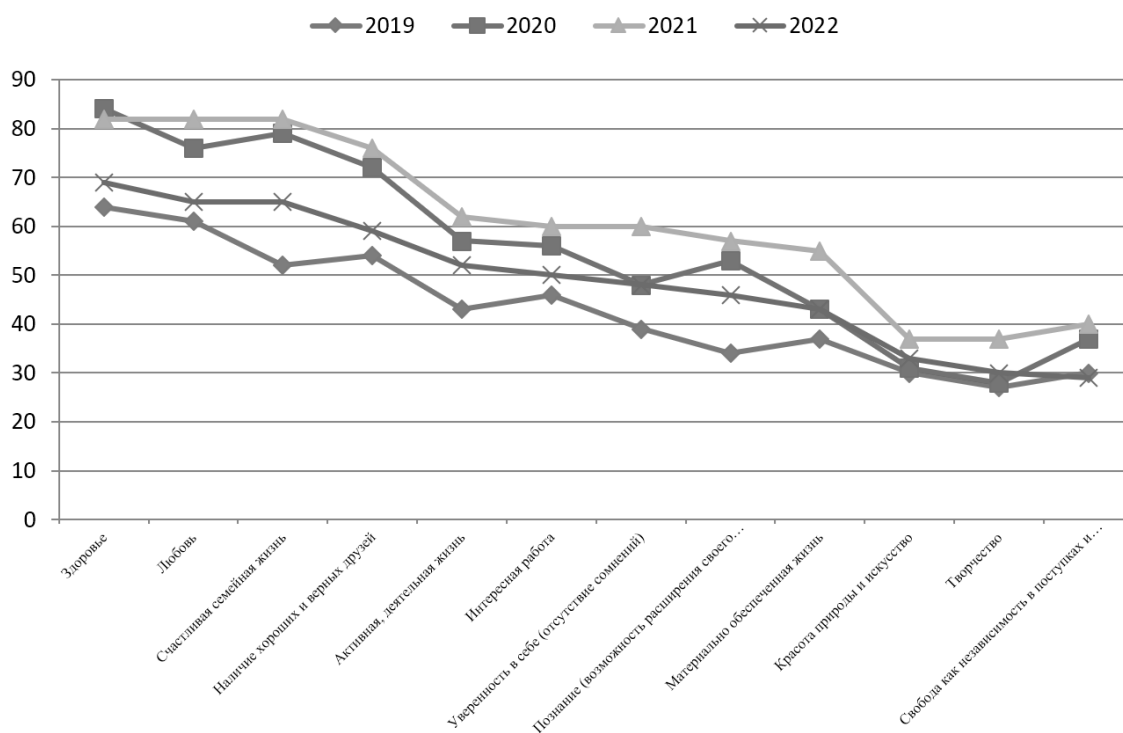

Рис. 1. Динамика ценностей курсантов и слушателей образовательной организации МВД России (%)

Здоровье в качестве ведущей ценности выделяется обучающимися на протяжении четырех лет. Существенный рост его значимости наблюдается в пандемийный и постпандемийный период, когда обращение населения к собственному здоровью и его важности являлось общемировой тенденцией. Действительно, ведомственными образовательными организациями на постоянной основе проводится целенаправленная последовательная работа по формированию здорового образа жизни, что способствует осознанию обуча-

ющимися здоровья в качестве ведущей ценности [11]. Объявление пандемии, очевидно, усилило уверенность обучающихся в том, что здоровье – одна из ведущих жизненных ценностей.

Также ведущими ценностями обучающимися признаются любовь и счастливая семейная жизнь, что объясняется представлениями о них как о неотъемлемом компоненте взросления. Курсанты и слушатели придерживаются традиционных ценностей, среди которых любовь и семья. Любовь, в свою очередь,

выступает для них в качестве предиктора счастья и благополучия. К подобным выводам ранее приходили И. М. Кыштымова и В. В. Макаревич [8], которые установили, что образ любви и ее объекта у молодежи традиционно воспринимается как вектор поиска и обретения счастья, в том числе в браке.

Наименьшее количество курсантов среди ведущих ценностей выбирают независимость и творчество. Интересно, что выбор свободы, как независимости в поступках и действиях, в качестве наименее приоритетной ценности противоречит данным, полученным на иных профессиональных выборках в рассматриваемой возрастной категории. К примеру, И. И. Вартановой установлены у молодежи тенденции к осознанию себя субъектом, ответственным за собственную жизнь, в условиях неготовности подчиняться внешним манипуляциям [3]. Однако, на наш взгляд, подобные противоречия объясняются спецификой образовательной организации МВД России, связанной с необходимостью

подчинения как одного из ведущих принципов службы.

Подобными специфическими особенностями служебной деятельности объясняется и меньший приоритет творчества среди жизненных ценностей. Курсанты и слушатели являются не просто обучающимися, они имеют статус сотрудников полиции, что обуславливает одновременное исполнение учебных и профессиональных задач. Несение службы в нарядах, охрана общественного порядка, иные задачи правоохранительной деятельности не терпят творческих проявлений и отхождения от инструкций, что и объясняет уход такой ценности, как творчество, на второй план.

За период 2019–2022 гг. в результатах исследования жизненных планов курсантов и слушателей образовательной организации МВД России на ближайшее время отмечается сохранение своих ведущих позиций показателей 2020 и 2021 годов. В рассматриваемом периоде «усилили свои позиции» ценности развития в профессии и спорт (рисунок 2).

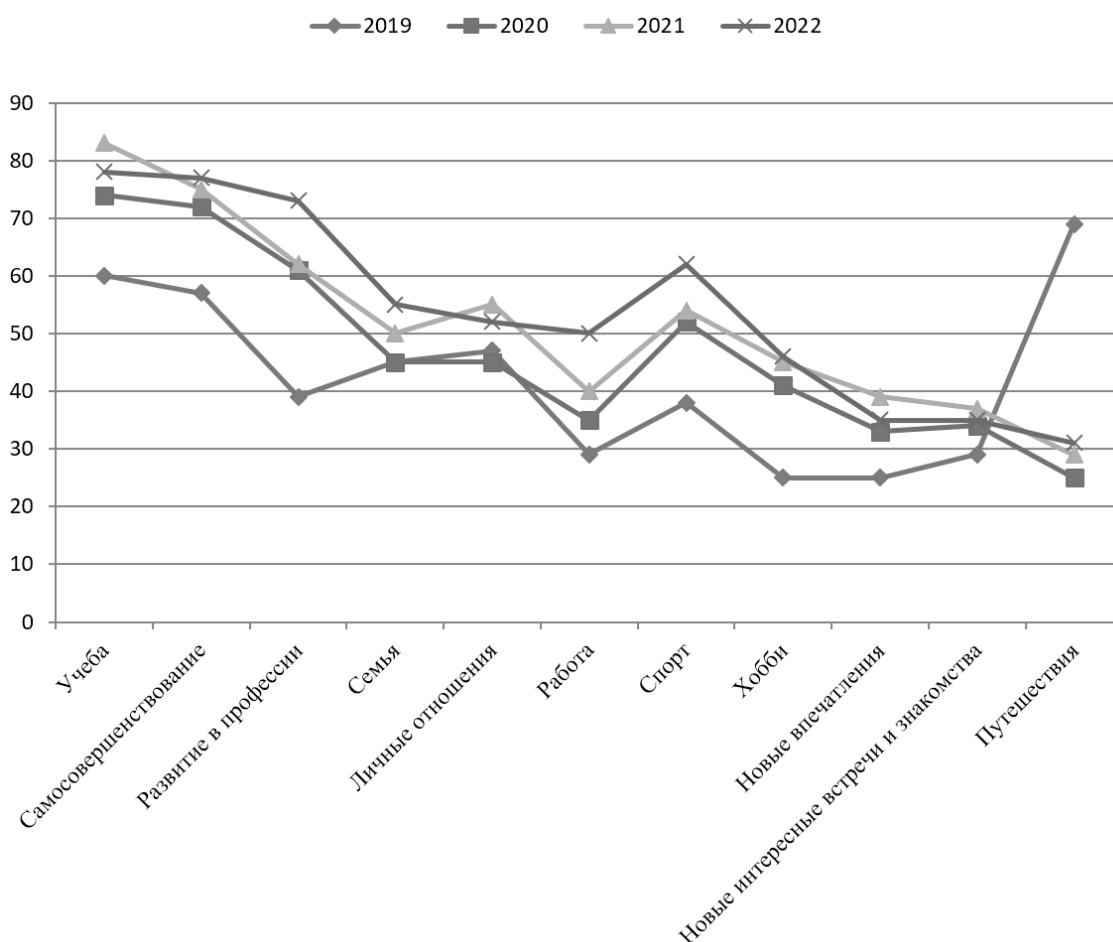

Рис. 2. Динамика оценки жизненных планов курсантов и слушателей образовательной организации МВД России в ближайшей перспективе (%)

В ближайшей перспективе обучающиеся образовательной организации МВД России ориентированы на учебу, самосовершенствование и развитие в профессии.

Для сравнения приведем результаты, получают исследователи и в иных учебно-профессиональных выборках в рассматриваемой возрастной категории.

Так, С. Б. Абрамовой выявлено, что студентами среди ближайших планов называются «жилье, семья, путешествия». При этом они подчеркивают, что карьера важна, но не является целью, скорее это средство достижения желаемого. Создание семьи студентами воспринимается как возможность иметь близкого по духу человека, что важно для них в ближайшее время. Интересны и их представления о профессиональной самореализации, поскольку у студентов они не связаны с получением профессионального опыта и развитием компетенций, студенты видят себя в руководящих должностях без принятия серьезных профессиональных обязательств: «...работают на меня, я думаю так... участвую как директор... после обеда приехал, разобрался там с делами какими-то своими важным» [1]. Конечно, подобные представления в корне проти-

воречат тем данным, которые мы получаем в беседах с обучающимися образовательной организации МВД России: они готовы к профессиональной самоотдаче, погружению в среду правоохранительной деятельности, службе во благо народа и государства.

Наименее значимым в ближайшей перспективе для обучающихся является: хобби, новые впечатления, знакомства, путешествия, что также противоречит данным, полученным в иных учебно-профессиональных выборах.

За период 2019–2022 гг. практически не изменилась структура жизненных планов курсантов и слушателей образовательной организации МВД России в отдаленной перспективе. При этом, период 2020–2022 гг. показывает устойчивую общность взглядов обучающихся относительно будущих планов на жизнь (рисунок 3).

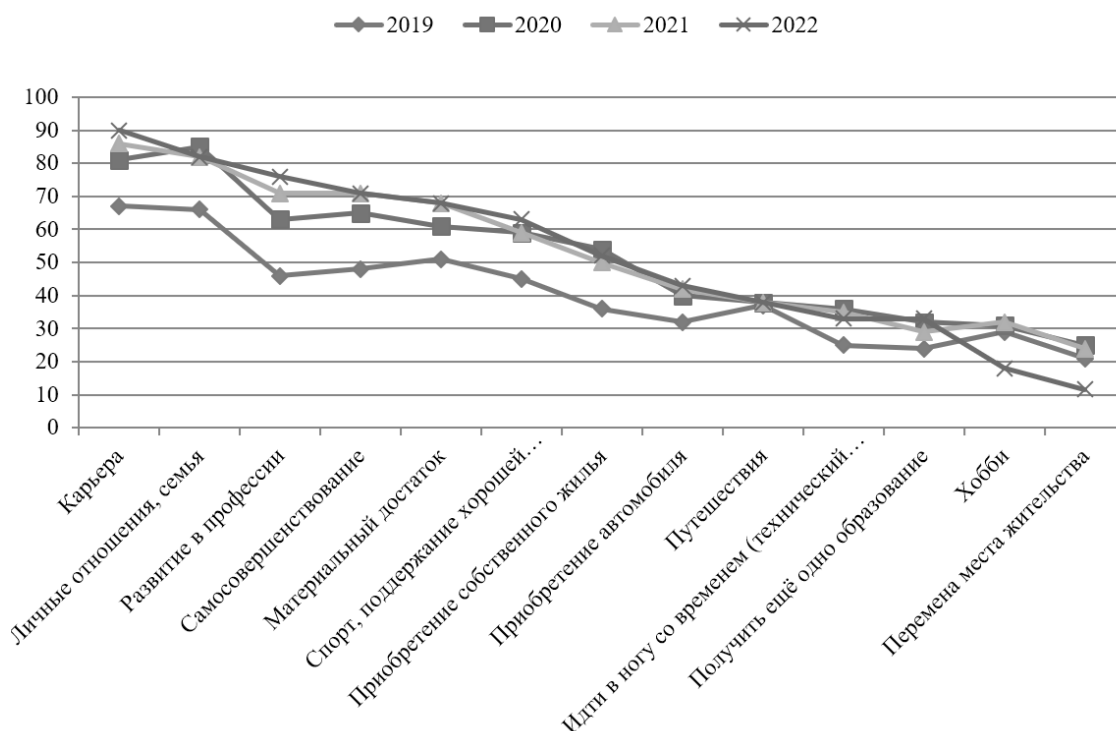

Рис. 3. Динамика оценки жизненных планов курсантов и слушателей образовательной организации МВД России в отдаленной перспективе (в %)

Планы обучающихся образовательной организации МВД России в отдаленной перспективе отражают их представления о смысле жизни. Для курсантов и слушателей на момент среза это – карьера, профессиональное саморазвитие и семья.

Примечательно, что курсанты и слушатели не испытывают трудностей в определении планов ни на ближайшую, ни на отдаленную перспективу, в то время, как в выборке их ровесников, обучающихся в «гражданских» вузах получены противоположные результаты. Е. В. Реутовым установлено, что о своих планах в отдаленной перспективе имеет представление только

каждый десятый опрошенный, к тому же заявляющий о наличии эффективной (материальной и психологической) поддержке ближайшего окружения, отмечая, что именно она является ключевым фактором благополучия и стабильности в будущем [14]. Если мы обратимся к планам курсантов и слушателей в отдаленной перспективе, то видим, что их представления не связаны с надеждами на поддержку значимых близких.

За период 2019–2022 гг. сохранили свои ведущие позиции основные способы самопомощи, которые используют курсанты и слушатели в субъективно сложных ситуациях: «Провожу больше времени с

близкими», «Провожу больше времени с друзьями», «Больше времени уделяю спорту», «Больше време-

ни уделяю хобби». При этом оценки респондентов за 2020–2021 гг. примерно одинаковы (рисунок 4).

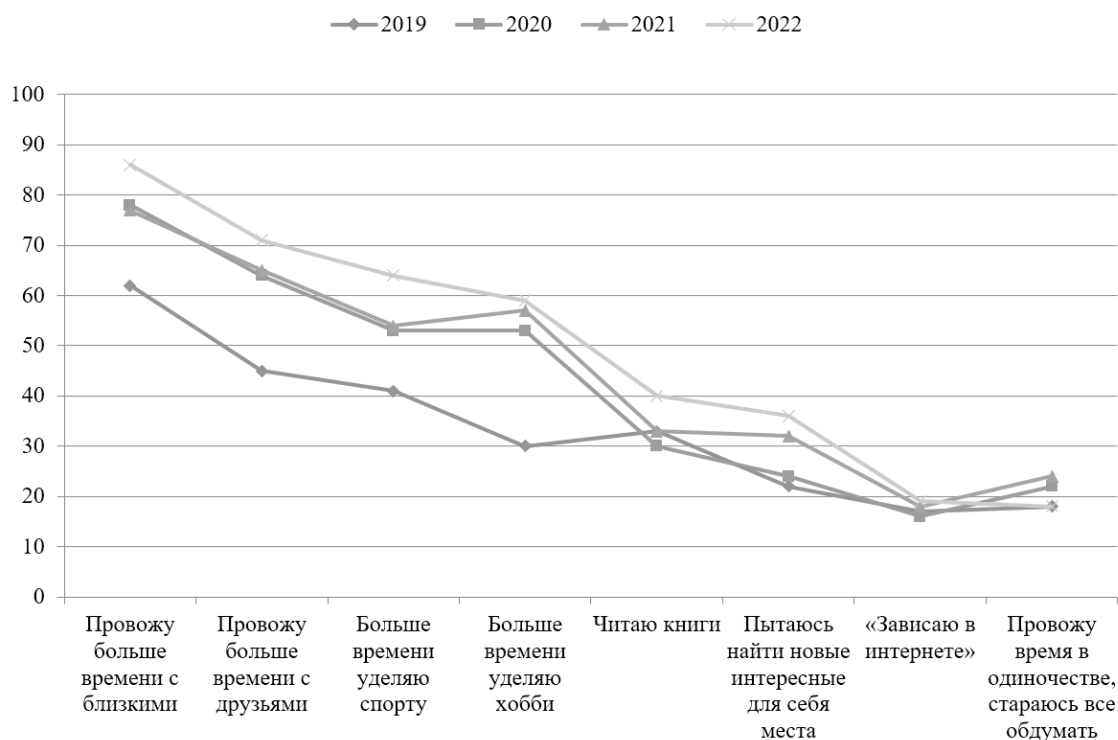

Рис. 4. Динамика оценки способов самопомощи в субъективно сложных ситуациях курсантов и слушателей образовательной организации МВД России (в %)

Достаточно очевидными в связи с выявленными приоритетными ценностями и смысло-жизненными ориентациями являются способы самопомощи курсантов и слушателей в субъективно сложных ситуациях. Ориентация обследуемых на любовь, дружбу в качестве жизненных ценностей приводит к тому, что именно в семье, партнерах и приятелях они видят наиболее эффективные средства психологической стабилизации.

Далее при помощи непараметрического критерия U-Манна-Уитни в статистической программе Statistica 7.0 были выявлены достоверные различия в ценностно-мотивационной сфере курсантов и слушателей двух групп (таблица 2).

В 2022 году сохранилась положительная тенденция оценки жизненных ценностей, способов самопомощи и планов на ближайшее время и отдаленную перспективу. За истекший период только такой способ самопомощи как препровождение времени в одиночестве, планы на учебу в ближайшей перспективе и планы на хобби в отдаленной перспективе значительно обесценились.

Учеба не относится к планам в ближайшей перспективе у обучающихся, что сочетается с общей тенденцией к обесцениванию обучения и образования в настоящее время. С. А. Беляев объясняет это отходом на второй план высшего образования в системе ценно-

стей, чему способствует современная тенденция несоответствия, а порою и противоречия профессионального образования специалиста и его материального и социального положения [2].

В завершение был проведен факторный анализ полученных данных исследования. Факторизация проводилась с учетом применения метода вращения (ротации факторов) варимакс при уровне корреляционной нагрузки 0,50. В соответствии с замыслом исследования был применен эксплораторный факторный анализ, проводимый для выявления латентной внутренней ценностно-мотивационной структуры общей выборки респондентов.

Объединение корреляционных показателей в 3 группы привело к построению факторной структуры ценностно-мотивационной сферы личности курсантов и слушателей образовательной организации МВД России (таблица 3).

В соответствии с содержанием каждого фактора им были присвоены названия, раскрывающие основу ценностно-мотивационной сферы курсантов и слушателей: Фактор 1 – «Удовлетворенность жизнью», Фактор 2 – «Развитие», Фактор 3 – «Близкие отношения». Общая доля трех факторов в дисперсии (вариативности) всех значений исследования составила более 60 %, при этом самым весомым фактором оказался «Удовольствие».

Таблица 2

Динамика ценностей, жизненных планов и способов самопомощи курсантов и слушателей образовательной организации МВД России в 2021–2022 гг. (критерий U-Манна-Уитни)

Показатель	Уровень значимости
Динамика жизненных ценностей	
Активная, деятельная жизнь	<0,05
Здоровье	<0,01
Интересная работа	<0,01
Красота природы и искусства	<0,01
Счастливая семейная жизнь	<0,05
Динамика оценки способов самопомощи в субъективно сложных ситуациях	
Провожу больше времени с близкими	<0,01
Читаю книги	<0,01
Больше времени уделяю спорту	<0,01
Больше времени уделяю хобби, увлечениям	<0,01
Пытаюсь найти новые интересные для себя места	<0,01
Провожу время в одиночестве, стараясь все обдумать	<0,01
Динамика оценки планов курсантов и слушателей в ближайшей перспективе	
Учеба	<0,01
Динамика оценки планов курсантов и слушателей в отдаленной перспективе	
Семья	<0,01
Работа	<0,01
Путешествия	<0,05
Хобби, увлечения	<0,01
Спорт	<0,01
Развитие в профессии	<0,05
Получение еще одного образования	<0,01

Удовлетворенность жизнью для обучающихся связана со свободой в поступках и действиях, материальным благополучием, новыми впечатлениями, путешествиями, знакомствами и хобби. Действительно, учебно-воспитательный процесс образовательной организации МВД России сконструирован в условиях оптимального сочетания обучения, воспитания и профессионального становления, а досуговое время регулируется командным составом и реализуется исключительно в конструктивном ключе: курсанты привлекаются к творческой, спортивной научной жизни.

Реализация развития курсантами и слушателем планируется одновременно в нескольких сферах: профессиональной, спортивной, а также расширении кругозора. Активная деятельная жизнь, согласно классификации М. Рокича, являясь терминальной ценностью, представляет собой стратегический ориентир человека, заключающийся в стремлении испытывать полноту эмоций, насыщенность впечатлениями [17]. Примечательно, что данная ценность не образует фак-

тор «Удовлетворенность жизнью», а причислена к «Развитию», что свидетельствует о том, что курсанты и слушатели не разделяют представления о развитии в любой сфере и возможности испытывать от этого положительные эмоции.

Существенное значение курсантами уделяется сфере личных отношений. Они сосредоточены на любви, близкой дружбе и счастливой семейной жизни, что следует отметить с позитивной стороны, поскольку формирование адекватных представлений о семейных ролях мужчины и женщины способствует укреплению традиционных семейных ценностей. Однако, полученные результаты противоречат данным, выявляемым исследователями на других выборках, что подчеркивает эффективность психологического сопровождения воспитательного процесса, реализуемого в образовательной организации. Например, С. В. Ковалевым выявлено, что современные молодые люди демонстрируют потребительские отношения во взаимодействии с противоположным полом, смещение ориентации на сознательное одиночество [9].

**Факторный анализ ценностно-мотивационной сферы личности курсантов
и слушателей образовательной организации МВД России**

Фактор – 1 «Удовлетворенность жизнью»	
1.	Свобода как независимость в поступках и действиях - 0,60
2.	Новые впечатления - 0,59
3.	Путешествия в ближайших планах - 0,57
4.	Путешествия в отдаленной перспективе - 0,55
5.	Материально обеспеченная жизнь - 0,53
6.	Перемена места жительства - 0,52
7.	Новые интересные встречи и знакомства - 0,51
8.	Хобби - 0,51
Фактор – 2 «Развитие»	
1.	Развитие в профессии - 0,55
2.	Познание (возможность расширения своего образования, кругозора) - 0,54
3.	Самосовершенствование - 0,54
4.	Спорт, поддержание хорошей физической формы - 0,54
5.	Больше времени уделяю спорту - 0,51
6.	Активная, деятельная жизнь - 0,50
Фактор – 3 «Близкие отношения»	
1.	Личные отношения, семья - 0,60
2.	Провожу больше времени с близкими - 0,54
3.	Счастливая семейная жизнь - 0,53
4.	Семья - 0,50
5.	Любовь - 0,50

Таким образом, результаты проведенного эмпирического исследования позволяют сформулировать следующие выводы.

Развитие ценностных ориентаций у обучающихся образовательной организации МВД России происходит согласно выстраиваемой личностью единой жизненной линии. Курсанты и слушатели образовательной организации МВД России среди приоритетных жизненных ценностей выделяют здоровье, любовь и счастливую семейную жизнь. Специфика служебной деятельности в образовательной организации МВД России определяет снижение значимости свободы как независимости в поступках и действиях, которая свойственна молодым представителям иных профессиональных общностей.

В отличие от своих ровесников, представителей иных учебно-профессиональных общностей, курсанты и слушатели не испытывают трудностей в определении планов ни на ближайшую, ни на отдаленную перспективу, к тому же демонстрируют намеренность самостоятельно реализовать планы, не полагаясь на помощь и поддержку близких. В ближайшей перспективе обучающиеся образовательной организации МВД России ориентированы на учебу, самосовершенствование и развитие в профессии; в отдаленной перспективе – карьеру, профессиональное саморазвитие и семью, что соответствует представлениям курсантов о смысле жизни.

Выявлена ориентация обучающихся на активное социальное взаимодействие. Они нацелены на расширение социальных связей за счет включения в спорт,

профессионального развития, увлечений и т. д. Курсантам и слушателям важно быть востребованными в социальной коммуникации. Востребованность в социальной группе позитивно влияет на их психоэмоциональное состояние. С учетом тенденции к избеганию одиночества данные результаты следует учитывать при разработке мероприятий по превенции суицидального поведения и текучести кадров.

Список источников

1. Абрамова С. Б. Образ будущего : ориентиры современной молодежи // Социокультурное развитие большого Урала : тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 3–8.
2. Беляев С. А. Обесценивание престижа высшего образования как фактор снижения численности обучающихся на заочной форме обучения // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 1 (34). С. 21–24.
3. Вартанова И. И. Система ценностей, мотивация и самоотношение : гендерная специфика старшеклассников // Национальный психологический журнал. 2016. № 2. С. 115–121.
4. Григорьева А. А. Концепция психопрофилактики аутоагрессивного поведения подростков. Экзистенциально-аналитический аспект : специальность 19.00.04/ Медицинская психоло-

- логия : дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2021. 663 с.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации: Общественная палата Российской Федерации // URL <https://report2022.oprf.ru/ru-RU/traditional-values.html#preservation-and-strengthening-of-traditional-spiritual-and-moral-values> (дата обращения: 02.08.2023).
 6. Злоказов К. В., Ильянкова Е. И. Роль особенностей личности в репрезентации несовершеннолетними регламентированного социального пространства // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 81–90. DOI 10.26170/po20-03-09.
 7. Калинин Л. А. Деструктивная идеология как социальный феномен: социально-философский анализ : автореферат дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11. Нижний Новгород, 2007. 26 с.
 8. Кыштымова И. М., Макаревич В. В. Любовь в системе социально значимых ценностей студенческой молодежи // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Психология. 2020. Т. 31. С. 66–80.
 9. Мацковский М. С., Гурко Т. А. Молодая семья в большом городе. М. : Знание, 1986. 46 с.
 10. Никитина И. Ф., Лядова А. С. Противодействие распространению и профилактика радикальной деструктивной идеологии в молодежной среде // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 3(84). С. 37–44.
 11. Плешивцев А. Ю., Брюнин А. В., Чернецкий В. А., Картавцев Д. А. Формирование здорового образа жизни обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД России // Психологический журнал. 2022. Т. 12. № 2-1. С. 517–524.
 12. Синцов Г. В. Профилактика распространения в образовательных организациях радикальной и иной деструктивной идеологии. Пенза : Изд-во ПГУ, 2021. 118 с.
 13. Путин : Россию и Африку объединяет приверженность традиционным ценностям (Экономический и гуманитарный форум «Россия-Африка 2023») // URL <https://rg.ru/2023/07/28/putin-rossiiu-i-afriku-obediniaet-priverzhennost-tradicionnym-cennostiam.html> (дата обращения: 02.08.2023).
 14. Реутов Е. В. Планирование личного будущего в нестабильной социальной среде и его взаимосвязь со статусом и социальной активностью // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5. № 3. С. 49–59.
 15. Саидова З. З. Мировоззренческая культура личности и ее сущность // Вестник Таджикского национального университета. 2021. № 2. С. 78–87.
 16. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // URL <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 02.08.2023).
 17. Rokeach M. The nature of human values. New York : Free Press. 1973.
 18. Vinjamuri L. Deterrence, democracy, and the pursuit of international justice // Ethics & International Affairs. 2010. №24 (2). P. 191–211.
 19. Zapesotsky A.S. Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: the Making of a Global Culture : Proceedings of the 10th International Likhachov Scientific Conference / Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Education, St. Petersburg Intelligentsia Congress, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2010. 182 p. ISBN 978-5-7621-0449-4.
- ### References
1. Abramova S. B. The image of the future: guidelines for modern youth // Socio-cultural development of the Greater Urals : trends, problems, prospects: materials of the jubilee All-Russian scientific and practical conference XX Ural Sociological readings / under the general editorship of Yu. R. Vishnevsky. Yekaterinburg : UrFU, 2015. P. 3–8.
 2. Belyaev S. A. Devaluation of the prestige of higher education as a factor in reducing the number of students studying by correspondence // Baltic Humanitarian Journal. 2021. Vol. 10. № 1 (34). P. 21–24.
 3. Vartanova I. I. Value system, motivation and self-attitude : gender specificity of high school students // National Psychological Journal. 2016. № 2. P. 115–121.
 4. Grigorieva A.A. The concept of psychoprophylaxis of autoaggressive behavior of adolescents. Existential-analytical aspect : specialty 19.00.04. Medical Psychology : dis. ... Doctor of Psychological Sciences. St. Petersburg, 2021. 663 p.
 5. Report on the state of civil society in the Russian Federation: Public Chamber of the Russian Federation Electronic resource. Access mode: <https://report2022.oprf.ru/ru-RU/traditional-values.html#preservation-and-strengthening-of-traditional-spiritual-and-moral-values> (accessed: 02.08.2023).
 6. Zlokazov K. V., Ilyankova E. I. The role of personality traits in the representation of regulated social space by minors // Pedagogical education in Russia. 2020. № 3. P. 81–90.
 7. Kalinin L. A. Destructive ideology as a social phenomenon: socio-philosophical analysis:

- abstract of dis. ... candidate of Philosophical Sciences : 09.00.11. Nizhny Novgorod, 2007. 26 p.
8. Kyshtymova I. M., Makarevich V. V. Love in the system of socially significant values of student youth // *Izvestiya Irkutsk State University. Series : Psychology*. 2020. Vol. 31. P. 66–80.
 9. Matskovsky M. S., Gurko T. A. A young family in a big city. Moscow : Znanie, 1986. 46 p.
 10. Nikitina I. F., Lyadova A. S. Countering the spread and prevention of radical destructive ideology in the youth environment // *Bulletin of the Kama Social Institute*. 2019. № 3(84). P. 37–44.
 11. Pleshivtsev A. Yu., Bryunin A. V., Chernetsky V. A., Kartavtsev D. A. Formation of a healthy lifestyle of students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Psychological Journal*. 2022. Vol. 12. № 2-1. P. 517–524.
 12. Sintsov G. V. Prevention of the spread of radical and other destructive ideology in educational institutions. Penza : Publishing House of PSU, 2021. 118 p.
 13. Putin : Russia and Africa are united by a commitment to traditional values (Economic and Humanitarian Forum «Russia-Africa 2023») // <https://rg.ru/2023/07/28/putin-rossiiu-i-afriku-obediniaet-priverzhennost-tradicionnym-cennostiam.html> (accessed: 02.08.2023).
 14. Reutov E. V. Personal future planning in an unstable social environment and its relationship with status and social activity // *Scientific result. Sociology and Management*. 2019. T. 5. № 3. P. 49–59.
 15. Saidova Z. Z. Ideological culture of personality and its essence // *Bulletin of the Tajik National University*. 2021. № 2. P. 78–87.
 16. Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated November 9, 2022 «On approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // URL <http://www.kremlin.ru/> (accessed: 02.08.2023).
 17. Rokeach M. The nature of human values. New York : Free Press. 1973.
 18. Vinjamuri L. Deterrence, democracy, and the pursuit of international justice // *Ethics & International Affairs*. 2010. №24 (2). P. 191–211.
 19. Zapesotsky A. S. Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations : the Making of a Global Culture : Proceedings of the 10th International Likhachov Scientific Conference / Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Education, St. Petersburg Intelligentsia Congress, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2010. 182 p. ISBN 978-5-7621-0449-4.

Информация об авторе

Е. В. Костина – начальник отдела психологической работы управления по работе с личным составом Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

E. V. Kostina – Head of the Department of Psychological Work with personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 22.09.2023; одобрена после рецензирования 31.10.2023; принята к публикации 24.11.2023.

The article was submitted 22.09.2023; approved after reviewing 31.10.2023; accepted for publication 24.11.2023.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-318-322>

EDN: <https://elibrary.ru/todell>

НИОН: 2003-0059-6/23-883

MOSURED: 77/27-003-2023-06-082

Возможности применения интерактивных методов обучения в процессе дополнительной профессиональной подготовки сотрудников Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей

Ольга Леонидовна Мироненкова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ol.mironenkova@gmail.com

Научный консультант: профессор кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук **М. А. Ерофеева**

Аннотация. Цель исследования заключается в обосновании интерактивной модели обучения в процессе профессиональной подготовки сотрудников Центра временного содержания несовершеннолетних подростков (ЦВНСП), моделирование жизненных и профессиональных ситуаций, использование интерактивных методов обучения, совместное решение проблем. Доказывается эффективность применения интерактивных методов обучения в процессе дополнительной профессиональной подготовки сотрудников ЦВНСП.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, компетенции, сотрудник полиции, несовершеннолетние правонарушители, обучение, интерактивный метод

Для цитирования: Мироненкова О. В. Возможности применения интерактивных методов обучения в процессе дополнительной профессиональной подготовки сотрудников Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 318–322. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-318-322>. EDN: TODELL.

Original article

The possibilities of using interactive teaching methods in the process of additional professional training of employees of the Temporary Detention Center for Juvenile Offenders

Olga L. Mironenkova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ol.mironenkova@gmail.com

Scientific consultant: Professor of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences **M. A. Erofeeva**

Abstract. The purpose of the study is to substantiate an interactive learning model in the process of professional training of employees of the Juvenile Detention Center (TSVNSP), modeling of life and professional situations, the use of interactive teaching methods, joint problem solving. The effectiveness of the use of interactive teaching methods in the process of additional professional training of employees of the Central Educational Institution is proved.

Keywords: professional training, technology, police officer, juvenile offenders, training, interactive method

For citation: Mironenkova O. L. The possibilities of using interactive teaching methods in the process of additional professional training of employees of the Temporary Detention Center for Juvenile Offenders. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):318–322. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-318-322>. EDN: TODELL.

Использование интерактивных методов обучения в профессиональной подготовке сотрудников полиции, а, в частности, в Центре временного содержания несовершеннолетних подростков (далее – ЦВНСП) позволяет сотрудникам успешно усваивать учебный

материал по решению общих, но значимых для каждого проблем, в обмене знаниями, идеями, способами деятельности. Общество предъявляет повышенные требования к личности сотрудникам органов внутренних дел, одной из задач государства обеспечить

© Мироненкова О. В., 2023

подготовку квалифицированных специалистов подразделений МВД. Специалистов, непосредственно взаимодействующих с несовершеннолетними правонарушителями. Согласно Федеральному закону № 3 «О полиции» сотрудники полиции должны обладать профессиональными навыками в сфере деятельности, выполнять должностные обязанности с учетом задач и функций, возложенных на Министерство внутренних дел Российской Федерации.

ЦВСНП – это одно из учреждений в системе органов внутренних дел, в задачи и функции центров входят: необходимость обеспечения круглосуточного приема, а также временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения рецидивов; проведение обязательной работы в индивидуальном порядке, направленной на снижение уровня девиации; определение причастности подростка к преступлению и ее форму, результаты чего передают в соответствующие органы; перевод или отправка подростков в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, а также в пределах своих возможностей оформляют меры по устройству несовершеннолетних [3]. На территории Российской Федерации действуют 76 ЦВСНП, из них 9 являются транзитными которые взаимодействуют со странами СНГ по передаче несовершеннолетних законным представителям [2]. Каждый Центр имеет штатное расписание и определенное количество сотрудников, выполняющих функционал в пределах своих компетенций. Проведенные нами исследования показали, что большинство сотрудников ЦВСНП имеют юридическое образование, но уровень подготовленности и готовности сотрудников ЦВСНП к работе с несовершеннолетними правонарушителями недостаточный. Эффективно решать поставленные перед сотрудниками Центра задачи способны не все сотрудники.

Нами был использован бланк для экспертной оценки уровня сформированности у сотрудников профессиональных компетенций, с помощью которого было выявлено что, среди офицеров только у 5,19 % сотрудников ЦВСНП сформирован профессионально-творческий уровень подготовленности; среди сотрудников без офицерского звания – 3,90 % [1].

Уровень сформированности компетенций определяется как сумма баллов, набранных при оценке по пяти компетенциям:

0–3,74 балла – недопустимый уровень;

3,75–7,4 – базовый уровень;

7,5–11,4 баллов – профессиональный уровень;

11,5–15 баллов – профессионально-творческий уровень сформированности группы компетенций [1].

Большинство сотрудников ЦВСНП, имеющих образование (37,66 %), характеризуются базовым уровнем подготовленности к работе с делинквентными подростками, предполагающим достаточно высокую теоретическую подготовку и низкую практическую и личностную. 40,26 % сотрудников полиции, не имеющих образования и, соответственно, офицерского звания, характеризуются недопустимым уровнем подготовленности к работе с подростками [1].

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование подтвердило актуальность разработки специальных педагогических условий для подготовки сотрудников полиции к работе с подростками в ЦВСНП, с использованием интерактивных методов обучения в рамках дополнительных занятий по служебной и морально-психологической подготовки.

Сотрудник ЦВСНП должен обладать навыками применения в работе с подростками методов перевоспитания. К таким методам традиционно относят: метод переключения, метод переубеждения, метод создания нового образа для подражания, а также метод переучивания, заключающийся в создании нового нравственного опыта подростка, направленный на включение подростка в социально одобряемую деятельность и др.

Мы предлагаем структуру подготовки сотрудников ЦВСНП, которая включает в себя три вида подготовки: теоретическую, практическую и личностную подготовку.

Личностно-деятельный (Е. В. Бондаревская, М. Н. Берулава, В. В. Сериков, М. И. Якиманская и др.) и деятельностный (И. И. Ильясков, А. Н. Леонтьев, А. К. Маркова, А. В. Петровский и др.) компоненты. Личностный компонент обозначенного подхода предполагает рассмотрение процесса подготовки сотрудников полиции к работе с подростками в ЦВСНП как личностно обусловленный процесс, зависящий от личностных особенностей каждого сотрудника. С позиций деятельностного компонента, построение процесса подготовки осуществляется в соответствии с ее структурой, включающей в себя характеристики предметности профессиональной деятельности сотрудников ЦВСНП, мотивированности, целенаправленности. Субъектный подход (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко и др.), рассматривающий обучающегося как субъекта своего профессионального развития, самообразования и самосовершенствования.

Данные подходы дают возможность выбрать формы, методы и средства подготовки с учетом их возможности достичь ожидаемых успехов в виде личностно-профессионального развития [1].

Содержание теоретической подготовки основано на возрастной психологии, педагогике, психологии девиантного поведения, педагогике коррекционного воздействия. Практическая подготовка сотрудников ЦВСНП нацелена на обладание техниками и приемами активного слушания, навыками установления психологического контакта с делинквентным подростком, умение применять на практике техники бесконфликтного взаимодействия с подростками, умение убеждать подростка, оказывать позитивное воздействие на его мысли, чувства и действия. Личностная подготовка сотрудников ЦВСНП – это развитие ответственности, нравственной надежности, эмоциональной устойчивости, коммуникабельности, высокая степень выраженности эмпатических способностей, настойчивости, рефлексивности и коммуникативной установки, социоцентрической мотивации деятельности.

Таблица 1

Оценка уровня сформированности у сотрудников профессиональных компетенций

Компетенция	0	1	2	3
Профессионально-мотивационные компетенции				
Способность и готовность сотрудников полиции адекватно ориентироваться в сферах материальной и духовной жизни современного общества				
Готовность к служению как к высшей профессиональной ценности сотрудников полиции				
Готовность занимать активную социальную позицию в ситуациях решения разнообразных профессиональных задач				
Способность адекватно оценивать собственную деятельность, выбирать стратегию поведения, исходя из адекватной оценки себя в конкретной ситуации				
Готовность к непрерывному самообразованию и повышению профессионального мастерства				
Профессионально-личностные компетенции				
Способность и готовность к ответственному исполнению своих служебных обязанностей				
Способность брать на себя ответственность за поведение несовершеннолетних в Центре и за причастность к их дальнейшей судьбе				
Способность и готовность действовать в соответствии с Конституцией, Государственными и Международными нормативно-правовыми актами				
Способность и готовность к проявлению инициативы и креативности при действии в нестандартных и проблемных ситуациях				
Способность управлять стрессом и стрессовыми состояниями				
Профессионально-методические компетенции				
Способность и готовность проводить профилактические мероприятия с подростками, доставленными в ЦВСНП				
Способность и готовность выбирать адекватные формы и методы работы с подростками, исходя из их возрастных особенностей, особенностей их личности и социальной ситуации развития				
Способность и готовность к осуществлению контролирующего воздействия на несовершеннолетних правонарушителей				
Способность и готовность к организации и осуществления коррекционно-реабилитационной деятельности с подростками, доставленными в ЦВСНП				
Способность и готовность к разработке методических рекомендаций, организационно-технологической документации				
Коммуникативно-перцептивные компетенции				
Способность и готовность воспринимать окружающее без субъективного искажения, без проявления предубеждений относительно групп несовершеннолетних правонарушителей				
Способность и готовность адекватно оценивать перспективные возможности подростков, доставленных в ЦВСНП				
Способность и готовность устанавливать психологический контакт с разными подростками, характеризующимися делинквентным поведением				
Способность и готовность убеждать и оказывать позитивное воздействие на сознание (мысли и чувства) несовершеннолетних правонарушителей				
Способность и готовность сотрудничать с другими людьми: родителями подростков, их законными представителями, представителями органов опеки и попечительства, работниками других учреждений				
Информационно-аналитические компетенции				
Способность адекватно оценивать разнообразную информацию, поступающую из разных источников				
Способность и готовность анализировать особенности личности подростка				
Способность и готовность анализировать особенности социальной ситуации развития личности подростка, степень его восприимчивости к педагогическим воздействиям				
Способность и готовность осуществлять диагностические процедуры на практике				
Способность и готовность адекватно интерпретировать результаты педагогической диагностики				

0 баллов – не проявляется никогда, ни в каких ситуациях

1 балл – проявляется крайне редко в отдельных ситуациях

2 балла – проявляется достаточно часто, однако в некоторых ситуациях компетенция не выражена

3 балла – проявляется всегда, во всех профессиональных ситуациях и в обстоятельствах жизнедеятельности в целом

Цели подготовки:

- повышение эффективности образовательного процесса, достижение высоких результатов;
- усиление мотивации к изучению предложенных модулей;
- формирование и развитие профессиональных навыков и профессиональных компетенций обучающихся;
- формирование коммуникативных навыков, коммуникативно-перцептивных компетенций, необходимых для организации продуктивного взаимодействия с подростками, находящимися в ЦВСНП;
- развитие навыков анализа и рефлексивных проявлений;
- развитие навыков владения современными техническими средствами и технологиями восприятия и обработки информации;
- формирование и развитие умения самостоятельно находить информацию и определять ее

достоверность;

- сокращение доли аудиторной работы и увеличение объема самостоятельной работы слушателей курсов.

Интерактивные формы применяются при проведении аудиторных занятий, при самостоятельной работе обучающихся и других видах учебных занятий [1].

Педагогический эксперимент в ЦВСНП с использованием интерактивных методов обучения показал динамику уровня сформированности профессионально-педагогических компетенций у сотрудников Центра в процессе занятий в рамках служебной и морально-психологической подготовки (рисунок 1).

Динамика отражает особенности построения технологии подготовки к работе с подростками в ЦВСНП: после 1-го этапа зафиксирован рост профессионально-мотивационных компетенций (ПМотК); после 2-го – профессионально-методических (ПМетК); 3-го – коммуникативно-перцептивных (КПК) и профессионально-личностных компетенций (ПЛК) [1].

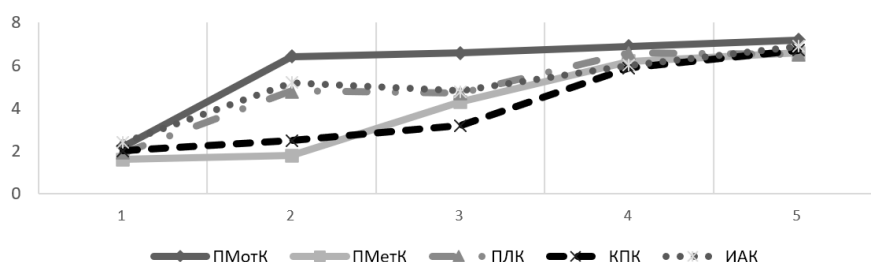

Рис. 1. Динамика уровня сформированности профессионально-педагогических компетенций у испытуемых экспериментальной группы (баллы)

Список источников

1. Ерофеева М. А., МIRONENKOVA О. Л. Технология подготовки сотрудников полиции к работе с подростками в центрах временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Монография. Саратов : Саратовский источник, 2021. 230 с. DOI 10.51908/978-5-6046841-8-4 (14,4/ лично 12,4 п.л.).
2. МIRONENKOVA О. Л. Система взаимодействия центров временного содержания для несовершеннолетних России // В сборнике : Неделя Российской психологии в ГСГУ. Материалы: VII Всероссийской научно-практической конференции; XXI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Ивана Павловича Башкатова (1942–2007); IX Международной научно-практической конференции, посвященной советскому ученому-педагогу, профессору Куфаеву Василию Исидоровичу (1894–1977). Коломна, 2021. С. 335–341.

3. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) Глава II. Основные направления деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (ст.ст. 11–25.1) Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12116087/#ixzz6mnVsJ5tb>.

References

1. Erofeeva M. A., MIRONENKOVA O. L. Technology of training police officers to work with teenagers in temporary detention centers for juvenile offenders // Monograph. Saratov: Saratov source, 2021. 230 p. DOI 10.51908/978-5-6046841-8-4 (14.4/ personally 12.4 pp.).
2. MIRONENKOVA O. L. The system of interaction of temporary detention centers for minors in Russia // In the collection : the Week of Russian Psychology at GSU. Materials : VII All-Russian Scientific and

Practical Conference; XXI All-Russian Scientific and Practical conference dedicated to the memory of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Ivan Pavlovich Bashkatov (1942-2007); IX International Scientific and practical Conference dedicated to the Soviet scientist-teacher, Professor Kufayev Vasily Isidorovich (1894–1977). Kolomna, 2021. P. 335–341.

3. Federal Law № 120-FZ of June 24, 1999 «On the Basics of the system for the prevention of neglect and juvenile Delinquency» (as amended) Chapter II. The main activities of the bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency (Articles 11–25.1). Garant system: <http://base.garant.ru/12116087/#ixzz6mnVsJ5tb>.

Библиографический список

1. Ермолаева М. Г. Интерактивные методики в современном образовательном процессе. М. : Просвещение, 2014.
2. МIRONENKOVA O. L., YEROFEEVA M. A. Готовность сотрудников полиции к работе с подростками в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей // Человеческий капитал, 2020. № 5 (137). DOI: 10.25629/HC.2020.05.14.
3. Суворова Н. Интерактивное обучение: новые подходы. М., 2005.

4. Тигунцева Г. Н. Психология установления контакта педагога с подростком-правонарушителем : монография / Г. Н. Тигунцева. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 236 с.
5. Ульянова И. В. Формирование гуманистической личности сотрудника ПДН как актуальный фактор успешности его профессиональной деятельности // Педагогика и психология. 2018. № 1. С. 72–77.

Bibliographic list

1. Ermolaeva M. G. Interactive methods in the modern educational process. Moscow : Prosveshchenie, 2014.
2. Mironenkova O. L., Yerofeeva M. A. Readiness of police officers to work with teenagers in a temporary detention center for juvenile offenders // Human Capital, 2020, № 5 (137). DOI: 10.25629/HC.20.05.14.
3. Suvorova N. Interactive learning: new approaches. M., 2005.
4. Tiguntseva G. N. Psychology of establishing contact between a teacher and a teenage offender: monograph / G. N. Tiguntseva. Irkutsk : Publishing house of the Irkutsk State University, 2011. 236 p.
5. Ulyanova I. V. The formation of a humanistic personality of a PD employee as an actual factor of the success of his professional activity // Pedagogy and psychology. 2018. № 1. P. 72–77.

Информация об авторе

О. Л. МIRONENKOVA – преподаватель кафедры педагогики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. L. Mironenkova – Teacher of the Department of Pedagogy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 01.12.2023; принята к публикации 07.12.2023.

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 01.12.2023; accepted for publication 07.12.2023.

Научная статья

УДК 159

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-323-327>

EDN: <https://elibrary.ru/tmilrc>

ИПОН: 2003-0059-6/23-884

MOSURED: 77/27-003-2023-06-083

Еще раз о социальной модернизации

Анатолий Николаевич Сухов

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань, Россия, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Раскрывается актуальность темы, связанная с необходимостью модернизации современного общества. Дается понятийный аппарат, характеризующий данное явление, излагаются трудности и дискуссионные вопросы, возникающие в ходе модернизации. Также анализируется практика реформирования социальной сферы, и обоснована оптимальная модель модернизации современного общества.

Ключевые: слова: реформа, модернизация, общество, структура, теория, история, модель модернизации

Для цитирования: Сухов А. Н. Еще раз о социальной модернизации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 323–327. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-323-327>. EDN: TMILRC.

Original article

Once again about social modernization

Anatoly N. Sukhov

Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan, Russia, a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The relevance of the topic related to the need to modernize modern society is revealed. The conceptual framework characterizing this phenomenon is given, difficulties and controversial issues arising during modernization are outlined. The practice of reforming the social sphere is also analyzed, and the optimal model of modernization of modern society is substantiated.

Keywords: reform, modernization, society, structure, theory, history, modernization model

For citation: Sukhov A. N. Once again about social modernization. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(6):323–327. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-6-323-327>. EDN: TMILRC.

Автор неоднократно в своих публикациях обращался к теме, связанной с социальной модернизацией. Но в настоящее время в условиях санкций состояние общества заставляет вернуться к ее анализу и систематизации.

Санкции и коронавирус выступили в качестве теста эффективности проводимых реформ и модернизации. Именно эти обстоятельства и сопровождающий их социально-экономический кризис заставляют вести речь о модернизации общества как о стратегической возможности превенции этих явлений в будущем. В этом состоит актуальность данной проблемы.

Следует сказать, что постановка вопроса о теоретических основах социальной модернизации не нова. Она рассматривается во многих публикациях, в том числе в нашем учебном пособии «Социальная модернизация» [5].

Впервые социально-психологический аспект модернизации современного общества был проанализирован нами в учебном пособии, опубликованном в 2011 г. [4]. Но жизнь не стоит на месте. Потому появилась необходимость продолжения анализа данной проблемы.

В связи с этим следует сказать следующее. Многие проблемы теоретического порядка остаются нерешенными. Прежде всего, к числу таковых относятся вопросы, связанные с терминологическим аппаратом. В частности, до конца неясными остаются такие понятия, как «общество», «модернизация», «модель модернизации» и т. д.

Сложились два основных направления, в русле которых ведется дискуссия вокруг проблем модернизации в России. Собственно говоря, речь идет о современных продолжателях «западников» и «славянофи-

лов», их полярных взглядах на развитие российского общества [4].

Согласно наиболее распространенному определению, модернизация означает усовершенствование, улучшение, обновление объекта. Что касается социальной модернизации, то, с точки зрения западных экспертов, под этим понимается процесс перехода от традиционного к современному обществу развитых стран.

В настоящее время можно констатировать, что сложились различные подходы и к пониманию сущности общества.

На наш взгляд, общество – это совокупность прямо или косвенно взаимодействующих между собой социальных групп, в том числе больших (классовых, профессиональных, партийных, религиозных, этнических и др.), массовых движений, институтов, организаций, семей, страт (слоев), в основе объединения которых лежит та или иная степень идентичности, совпадения интересов, ценностно-смысловых ориентаций, более или менее однородные представления о наиболее значимых явлениях, наличие общего архетипа, т. е. образа «Мы», менталитета, единое государство и территория.

Относительно трактовки структуры общества также нет единства. С нашей точки зрения, структура общества выглядит следующим образом: 1) социальная структура (стратификация); 2) уровень гражданской активности, самоорганизации, общественной безопасности; 3) культура, система социальных ценностей [5].

Во второй половине прошлого века модернизация приобрела глобальный характер. Во главе этого процесса стояли США. Уступать роль лидера они не хотят никому и сегодня. С таким пониманием социальной модернизации вряд ли можно безоговорочно согласиться с учетом того, что происходит в мире в настоящее время. Догоняющая модель модернизации вписывается в теорию и практику глобализации. В то же время глобализация по своим последствиям не имела и не имеет однозначного позитивного значения. Этот процесс продолжается и нередко сопровождается, по меньшей мере, конфликтом культур и ценностей, а по большому счету – утратой отечественной экономики и суверенитета.

Что касается модели развития, то она построена на выявлении и учете сравнительных преимуществ, в том числе культурных. Модель развития успешно использована в ходе модернизации ряда стран. Крайне поучительна история, связанная с модернизацией Китая и Японии [2].

Ради справедливости следует сказать, что еще в 70-х – середине 80-х гг. XX в. концепции модернизации были подвергнуты существенной критике. Оппоненты теории модернизации указывали на низкую эффективность модернизационных трансформаций в странах третьего мира, на их частичное или полное отторжение. Было признано, что сохраняется и, по

всей вероятности, в дальнейшем сохранится значительное разнообразие государств модерности.

Социальная модернизация реализуется в широком смысле через социальную политику, если таковая имеется, а в более узком, конкретном плане – посредством социальной работы с населением в различных сферах.

Теория и практика психосоциальной работы тесно связаны между собой. Но приходится констатировать, что социальная работа не выступает пока в качестве до конца оформленной теории. Об этом говорит отсутствие научного паспорта и соответственно специальности.

Вполне очевидно, что коммерциализация социальной сферы в рыночных отношениях неизбежна. Поэтому этот процесс не может обойти стороной и социальную работу. Соответствующая современная лексика со всей очевидностью отражает данный момент.

Что касается прикладных аспектов психосоциальной работы, то помимо социальной помощи она включает в себя социально-психологическую диагностику, консультирование и собственно социально-психологические технологии. Их подробная характеристика раскрыта в соответствующих научных статьях и учебных пособиях [2].

В настоящее время сложились три главных научных подхода к пониманию сущности и организации социальной работы: социально-ориентированный; комплексный; психолого-ориентированный. Это общепризнанный факт.

Вместе с тем с точки зрения ряда экспертов, в отечественной теории и практике социальной работы идея синтеза психологического и социального начинает прослеживаться на всех уровнях. Речь идет о социально-психологическом подходе к пониманию социальной работы. Дело в том, что социальная работа без сотрудничества с социальной психологией обойтись не может. Ее парадигмальную основу составляют теории основных социально-психологических явлений: личности, групп, семьи, организаций, больших социальных групп и др.

Психосоциальную работу с различными группами населения без массовых социально-психологических технологий осуществить невозможно.

В настоящее время в России также используется практика частногосударственного партнерства в психосоциальной работе с населением. Однако иногда частногосударственное партнерство сопровождается рядом негативных последствий.

Социальной работой занимаются также и благотворительные организации, и общества милосердия, и другие организации, фонды и учреждения. Фонды и организации гуманитарной помощи, волонтерских движений – пример общественной деятельности. Один из ярких примеров – деятельность фонда «Доктор Лиза».

Под понятие «благотворительность» сегодня попадают и пожертвования, и спонсорство, и меценат-

ство, и социальная ответственность, и социальные инвестиции, и филантропство. Так, основатель Microsoft Билл Гейтс и его экс-супруга Мелинда стали одной из самых влиятельных супружеских пар в рейтинге самых щедрых людей.

Но на этом подобные примеры не кончаются. История данного вопроса заслуживает специального рассмотрения.

В обычных, не осложненных, не экстремальных условиях главная цель социальной работы состоит в обеспечении успешной социальной политики. В связи с этим России нужна не догоняющая, не деструктивная, а реальная модель социальной модернизации, т. е. развития на основе устойчивой, реальной экономики, разработки социальных стандартов.

В настоящее время психосоциальную работу с населением приходится осуществлять в следующих экстремальных ситуациях: различных видах социального кризиса; пандемии; условиях военных действий, в том числе СВО.

Однако следует иметь в виду, что управлять подобными процессами в данных условиях – крайне сложная проблема. Без антикризисной компетентности и социальной ответственности здесь не обойтись. В противном случае деструктивные последствия неизбежны.

Психосоциальные технологии распадаются на общие и специальные для оказания экстренной помощи в экстремальных ситуациях. Поэтому есть все основания говорить не просто о действиях социальных работников в экстремальных ситуациях, а о необходимости создания экстремальной прикладной социальной работы как самостоятельной отрасли. Аналоги имеются. Имеется в виду экстремальная психология, в том числе социальная [3].

Таким образом, можно сказать, что с социально-психологической точки зрения социальная модернизация должна происходить с учетом: соблюдения национальных интересов той страны, где осуществляется модернизация, т. е. в целях создания условий, возможностей для достижения успеха различными социальными группами; наличия нормальной, осложненной или экстремальной ситуации; результатов компаративного (сравнительного) анализа; брать извне лучшие образцы, социальные стандарты при сохранности лучших национальных образцов; конфликтологического подхода; строить институты на конкурентной основе, а не на «замороженной» почве (соблюдения прав, свобод, проведения честных выборов); позитивных социальных ценностей, реальной стратификации, уровня деформации общества, где осуществляется модернизация; комплексного подхода, который нацеливает на системные изменения и противоположен однобоким подходам к модернизации.

В результате модернизации современное общество по своей социальной структуре должно стать обществом среднего достатка с абсолютным доминированием среднего класса на основе социально-демо-

кратического, индустриального и информационного (цифрового) государственно-экономического устройства; с высокой гражданской активностью для реализации самоуправления, самоорганизации и общественной безопасности; во многом традиционным, с элементами сохраненной национальной культуры и социальных ценностей [5].

В качестве оптимальной социальной структуры общества выступает тот профиль его стратификации, в котором разрыв между социальными группами незначителен, вместе с тем доля среднего класса достаточно высока, индекс жизнестойки выше среднего, высокий уровень средней продолжительности жизни, качества жизни, индекса счастья, в то же время низкий уровень социальной напряженности и деструктивной конфликтности, действует эффективная модель статусобразования (социальной мобильности), доминирует использование честной модели достижения успеха.

Оптимальная социальная структура общества более всего соответствует модели социального государства.

В наиболее общем смысле «социальное государство» означает такой тип государства, в число важнейших внутренних функций которого входит активное влияние на социальную структуру общества в интересах широких слоев населения.

В связи с этим еще раз следует подчеркнуть, что России нужна реальная модель модернизации, т. е. развития на основе разработки социальных стандартов. Без всякой натяжки можно сказать, что они являются ориентирами при выработке социально-экономической политики, основой распределения ресурсов, формой социальных гарантий и обязательствами государства перед народом. Правда, в западных странах меняется отношение к социальным стандартам. Их пытаются заменить другими технологиями в работе с населением.

На наш взгляд, социальные стандарты должны быть дифференцированы и связаны с различными целями и группами населения. В этом заключается сущность и миссия социальной политики и, разумеется, и социальных стандартов [1].

В качестве примера приводятся результаты реформ по развитию общества среднего достатка, т. е. его оптимальной социальной структуры. Реформы в Китае осуществлялись по четко разработанной программе, учитывающей менталитет китайского народа и реальные возможности страны. Ядром китайских реформ, как, впрочем, и экономических успехов Японии, Южной Кореи и Гонконга, стал отказ от модели «догоняющего развития». Именно такую модель после Второй мировой войны выбрало немалое количество стран.

Это можно сделать, если применить стратегию сравнительных преимуществ.

Главным в китайском опыте перехода к рынку является не только использование стратегии сравни-

тельных преимуществ, но и усиление роли государства в регулировании рынка, реализация НЭП.

В настоящее время Китай занимает 2-е место в мире по объему ВВП. Тем не менее у Китая в обозримом будущем есть реальный шанс стать державой № 1. Вот что такое настоящие реформы построения общества среднего достатка, проводимые с учетом обеспечения национальных интересов с использованием сравнительных преимуществ и т. д.

Таким образом, опыт проведения реформ в Китае заслуживает самого пристального внимания.

Важной характеристикой общества является уровень гражданской активности, самоорганизации, общественной безопасности. С точки зрения социальной психологии гражданское общество – это такое общество, которое в силу своего культурно-психологического развития самоорганизуется, осознает свои национальные интересы и выбирает власть, способную их обеспечить и тем самым предотвращает по возможности социальный кризис.

Можно сказать, что гражданское общество выполняет свою «естественную» функцию: выявлять вызревающие в недрах общества запросы и транслировать их через политические партии на уровень государственных институтов, обеспечивая первичную общественную мобилизацию в их поддержку.

Принципиальным признаком, по которому можно судить о возможностях развития гражданского общества в той или иной стране, является способность ее населения к самоорганизации. Под этим углом зрения российская ситуация отмечена разнообразием ассоциативных форм: от земства, общин, профсоюзов и партий до ассоциаций обманутых вкладчиков. Правда, до идеальной ситуации в области самоорганизации российскому населению еще далеко, хотя в экстремальных ситуациях оно показывает образцы для подражания.

Проблема развития гражданского общества в нашей стране на современном этапе сложна и противоречива – это связано с наследием определенных тенденций и неразвитостью институтов гражданского общества в России, а также с деформацией социально-психологических явлений и отсутствием в полном объеме общественной безопасности.

Гражданское же общество нигде и никому не дано было «учредить». Оно вырастает из культурно-психологических, социально-психологических условий, предпосылок.

Под этим углом зрения российская ситуация отмечена довольно высоким динамизмом и разнообразием ассоциативных форм: от земства общин, профсоюзов и партий до ассоциаций обманутых вкладчиков. История общества появилась еще в глубокой древности.

Гражданское общество добивается успехов за счет развития сферы массовых движений, партий, самоуправления и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций.

В этой связи приобрела реальную актуальность

проблема, связанная с деятельностью НКО – негосударственных учреждений, финансируемых с помощью иностранных грантов. Известны случаи, когда данные организации работали не столько на развитие гражданского общества, преодоление общественного кризиса, сколько на интересы иностранных государств. В соответствии с принятым законом такие общественные организации стали называться «иностранными агентами».

В самом общем виде самоуправление определяется как управление обществом самим народом в своих собственных интересах.

Гражданское общество – это один из гарантов соблюдения прав человека, совокупность общественных отношений вне рамок коммерческих структур, но в рамках государства как такового. Только на основании постановки вопроса о развитии общества среднего достатка, гражданского общества, реиндустриализации, информатизации, формулировании национальной идеи, идеологии, сохранении национальной культуры можно и нужно говорить о современном российском обществе.

Нельзя закрывать глаза и на то, что под флагом модернизации в прошлом происходило разрушение социальной структуры общества, национальной экономики, культуры и деформация традиционных социальных ценностей.

Элементы традиционного российского общества должны быть сохранены. Речь идет о национальной культуре [2]. Поэтому современные и традиционные ценности должны не исключать, а дополнять друг друга. В частности, оптимальным вариантом является сочетание современных и традиционных ценностей в сфере семейной жизни и т. д.

Однополые отношения – не ценность, а нечто другое. То, что неприемлемо, деструктивно, опасно. Тем не менее их усиленно рекламируют и продвигают, устраивают гей-парады и пр. Делается все это под флагом свободы и соблюдения прав человека. Однако это путь к катастрофе.

Традиционные ценности должны лежать в основе современного гражданского общества.

К сожалению, молодое поколение россиян практически не знает народное творчество, русскую литературную классику, т. е. в определенной степени лишено «корней, истоков». Так говорят в подобных случаях. В качестве прототипа их архетипа выступают персонажи не русских народных сказок, образы которых с молоком они должны впитывать, а иные герои-супермены, чудовища. Это результат интернет-зависимости молодого поколения россиян, что приводит к деформации социальных представлений, нарушает связь поколений, идентичность общества.

Россию не смогли завоевать с помощью оружия в течение тысячелетий. Но с помощью «мягкого оружия» разрушение национальной культуры может, но не должно произойти.

Без сохранения национальной культуры говорить о современном и в то же время гражданском обществе не приходится. К чему приводит мультикультура уже в XXI веке поняли во всем мире. Таким образом, в области теории и практики социальной модернизации предстоит еще немалая работа в целях ее оптимизации.

Список источников

1. Волгина Н. А. Социальная политика : учебник. М. : Экзамен, 2007.
2. Сухов А. Н. Психология социальной работы. М., 2019.
3. Сухов А. Н., Гераскина М. Г. Социальная психология ; под ред. А. Н. Сухова. 8-е изд. перераб. и доп. М., 2017. 367с.
4. Сухов А. Н. Историко-психологический анализ реформирования и модернизации России. М., 2011. 298 с.
5. Сухов А. Н. Социальная модернизация. М., 2021. 175 с.

References

1. Volgina N. A. Social policy : textbook. M. : Exam, 2007.
2. Sukhov A. N. Psychology of social work. M., 2019.
3. Sukhov A. N., Geraskina M. G. Social psychology; edited by A. N. Sukhov. 8th ed. reprint. and additional M., 2017. 367s.
4. Sukhov A. N. Historical and psychological analysis of the reform and modernization of Russia. M., 2011. 298 p.
5. Sukhov A. N. Social modernization. M., 2021. 175 p.

Библиографический список

1. Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г. Модернизация : от равенства к свободе. СПб, 1995.
2. Кравченко С. А. Модерн и постмодерн : «ста-

рое» и новое видение // Социологическое исследование. 2007. № 9.

3. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.
4. Пирогов Г. Концепция социальной безопасности. М., 2004.
5. Ракитский Б. В. Роль государства в социальной политике. Особенности государства как субъекта социальной политики и его конституционные обязанности в этой сфере. М. : Зерцало, 2007.
6. Сухов А. Н. Успех, карьера и развитие социально-психологический аспект. М., 2016.
7. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. 2-е изд. М., 2005.
8. Сухов А. Н. Социальная конфликтология. М., Юнити-Дана, 2021. 255 с.

Bibliographic list

1. Kozlovsky V. V., Utkin A. I., Fedotova V. G. Modernization : from equality to freedom. St. Petersburg, 1995.
2. Kravchenko S. A. Modern and postmodern : «old» and new vision // Sociological research. 2007. № 9.
3. Parsons T. The system of modern societies. M., 1998.
4. Pirogov G. The concept of social security. M., 2004.
5. Rakitskiy B. V. The role of the state in social policy. Features of the state as a subject of social policy and its constitutional responsibilities in this area. M.: Zertsalo, 2007.
6. Sukhov A. N. Success, career and development socio-psychological aspect. M., 2016.
7. Sukhov A. N. Social psychology of security. 2nd ed. M., 2005.
8. Sukhov A. N. Social conflictology. M., Unity-Dana, 2021. 255 p.

Информация об авторе

А. Н. Сухов – заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего образования.

Information about the author

A. N. Sukhov – Head of the Department of Social Psychology and Social Work of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education.

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 09.06.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 09.06.2023; accepted for publication 11.08.2023.

Психология. Учеб. пособие. Под ред. И. В. Грошева, В. Л. Цветкова; под общ. ред. В. Ф. Родина, И. Б. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. 311 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебное пособие разработано в соответствии с требованиями Федерального государственного стандарта по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Правоохранительная деятельность».

Рассмотрены основы психологии для сотрудников правоохранительных органов.

Для курсантов, студентов, адъюнктов, аспирантов вузов, а также всех тех, кто интересуется проблемами психологического обеспечения правоохранительной деятельности.

Основы экономической безопасности. Учеб. пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах.

Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике.

Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.